

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

2006

АЛИМОВ • БЕНЕДИКТОВ • ГАРКУШЕВ • ГОЛОВACHEВ • ГРОМОВ
ДАШКОВ • КАЗАКОВ • МИДЯНИН • ПАНОВ • ПРАШКЕВИЧ
ПРОШКИН • РУДЕНКО

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

2006

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА 2006

Игорь Алимов
Кирилл Бенедиктов
Евгений Бенилов
Андрей Бударов
Евгений Гаркушев
Сергей Герасимов
Василий Головачев
Александр Громов
Андрей Дашков
Дмитрий Казаков
Василий Мидянин
Юрий Нестеренко
Олег Овчинников
Вадим Панов
Геннадий Прашкевич
Вадим Проскурин
Евгений Прошкин
Борис Руденко
Александра Сашнева
Александр Сивинских
Сергей Туманов

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

2006

МОСКВА
«ЭКСМО»
2005

Оформление серии художника *Е. Савченко*

Серия основана в 2003 году

Р 89 **Русская фантастика-2006: Фантастические повести и рассказы.** — М.: Изд-во Эксмо, 2005. — 544 с. — (Русская фантастика).

ISBN 5-699-14207-X

Необычное может подстергать человека не только в глубинах космоса, не только в туманном будущем, не только в параллельных вселенных, но и за любым углом в родном городе. Вашими гидами по иным мирам, в которых не действуют обычные законы, готовы стать современные писатели, формирующие пространство русскоязычной фантастической литературы — те, чьи произведения вошли в очередной выпуск ежегодной антологии «Русская фантастика».

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ПЕРЕСАДКА

 о транс-портной струне пассажир идет пакетом из пяти архивов... — Незнакомец пытался говорить шепотом, но в бедламе портового бара это вряд ли могло иметь успех. — Пять информационных потоков. С нашей точки зрения, это не потоки, а импульсы... Но наша точка тут ни при чем, мы же про технику говорим.

Говорил преимущественно он. Я лишь сидел рядом и терпел.

— Пять архивов, — повторил мужчина и, двинув ко мне лист бумаги, провел черным ногтем пять параллельно неровных линий. — В первых двух вся твоя физика... — Он озабоченно посмотрел на стол, но ничего, кроме кружек и пепельницы, не обнаружил. Пепельница была полная, а кружки — наоборот. — В этом архиве врожденное, чистый генотип, а в этом приобретенное. — Он положил на листок два кривых окурка. — Если вошел в транс-порт с циррозом печени, то и выйдешь с тем же циррозом. Кстати!.. Ты не задумывался, почему Верховный так неплохо выглядит? Для своих-то ста двадцати годков... А?!

Собеседник поманил меня пальцем и, не дожидаясь реакции, поднес свой бесформенный рот еще ближе. Мне казалось, что я уже не слышу его, а чувствую.

— Верховный... да и не только он... они иногда срываются с линии. Не целиком, такого не бывает. Срывается только второй канал. Такого... ха!.. такого вообще-то тоже не бывает. Но им периодически устраивают. И на выходе они получают свое же тело, но без единой болезни. Девственное! Ну... то есть, допустим, девственное — для ста двадцати лет. Старое, но не изношенное. Слабое, но не больное, понимаешь?

— Что ж тут не понять...

— Дальше. Три других канала несут менталику. Три архива. Первый — врожденное. — На лист лег еще один окурочок. — Темперамент, то-се, задатки-зачатки и прочее. Что ты от родителей взял. Вот тут... — Мужчина выбрал в пепельнице короткий изжеванный фильтр. — Вот тут приобретенное. Интеллект, навыки и всякая такая хрень, которую ты сам наживаешь, вместе с болячками. А это... — Он торжественно уронил пятый окурочок, стоптанный, как сапог каторжника. — Здесь, дружище, память.

Я взглянул на лист, и мне стало тошно. Человек — от светлых мечтаний и до последнего заусенца, — весь человек был представлен на этой схеме пятью грязными чинариками. Они лежали у пяти кривых царапин, словно на старте.

— Значит, имеем пять архивов... — Собеседник потыкал пальцем в бумагу и уставился на меня, требуя подтверждения.

— Имеем, — подтвердил я.

— Скок!.. — Ребром ладони он передвинул по листу окурки, каждый по своей линии. — Скок!.. Транс-переход окончен, — объявил он, имитируя отстраненный синтетический голос. — Но «скок» — это только для нас. Сознание человека не способно воспринять этот миг. Ты просто шагаешь сквозь рамку транс-контура и идешь себе дальше, по тому же вроде бы коридору... который находится уже в другом рукаве матушки-галактики.

Слушать хмельного брехуна становилось все труднее.

— Все происходит мгновенно! — продолжал он с азартом. — Тут тебя расквантовали, там — снова собрали. Из другого сырья, конечно. Твое осталось здесь, из него соберут кого-то еще. Или, если дети финишируют, то сразу двоих. А если прибудет боров здоровый, то тебя одного не хватит, пойдешь довеском. Да это не важно, это ведь уже не ты, а прах твой... — Он вдруг осекся. — Слушай, многовато говорю, да?

Я счел за лучшее промолчать.

— Так о чем я?.. А вот о чем. — Незнакомец вернул

бычки на исходную позицию. — Информационный пакет перемещается неуловимо быстро. Для человека. Но не для киб-координатора. Для машины это целый проце-е-есс... — Он вновь принялся двигать окурки, но теперь гораздо медленнее. — Полторы-две миллисекунды, иногда три. Почти вечность. За это время киб-координатор многое должен успеть. И со многими. Представляешь пассажирооборот среднего порта? Нет, не представляешь. И представить не можешь! Потоки идут отовсюду. Прием, отправка, но чаще станции выполняют релейные функции, особенно в центре. Миллионы пассажиров ежесекундно. Даже если разбить секунду на тысячу частей, то и в одной этой части окажутся тысячи инфо-пакетов! Туда-сюда... отсюда туда... опять туда... потом обратно!.. — Он исцарапал лист вдоль и поперек, затем вывернул на него пепельницу и для наглядности растер мусор ладонью.

Бармен с тревогой посмотрел в нашу сторону. Незнакомец, словно учуяв это спиной, призывно поднял руку. Бармен перевел взгляд на меня. Я сделал лицо непроницаемым, что означало: «больше не угощаю».

Сосед по столу не то чтобы был пьян... он был пьян вчера, это бесспорно. И позавчера, что весьма вероятно. Сегодня же он принял кружку пива — от моих щедрот, — вылакал пол-литра обычного портового пойла и помутнел, но не беспросветно. Он все-таки мог говорить. Громко и неприятно.

Ему было лет тридцать пять — примерно столько, сколько и мне. Опустившийся субъект, застрявший в чужих местах не по собственной воле, а от безденежья. Он был порядком обтрепан. Вышел из дома невесть когда в приличной одежде, а потом — либо стремительно отощал, либо слишком долго шлялся. Красная рубаша не стиралась месяц как минимум. Он пованивал весь — от макушки и... нет, про пятки лучше не надо. С пятками, я подзревал, у него еще хуже, чем с головой. Штаны на нем были болотные, не исключено — когда-то серые или, допустим, бежевые... Но теперь — строго болотные, по всей своей мятой поверхности.

Его лицо выражало много всякого, страстного и горячего, но мне это было ни к чему.

Посетителей между тем не прибывало и не убывало. Люди менялись, но в дверях как будто стоял чуткий клапан: вышли двое — тут же двое и вошли, в полосатых ботинках и с модным орнаментом на щеках, подхваченным у аборигенов Мутона-7. В этом сезоне только ленивый не раскрашивал физиономию зелеными квадратами. Квадраты носили по всей матушке-галактике, во всех ее благословенных рукавах. Поветрие распространилось по обитаемым мирам за какую-то неделю, чему способствовала система транс-портировки. Если б не она, вряд ли я мог бы говорить о каких-то галактических рукавах. Мы так и сидели бы в пределах одной звездной системы. В лучшем случае выстроили бы сферу этого, как его... Тайсона, что ли?.. вроде того, да... Ну и лазали бы внутри ее, как бациллы в закупоренной пробирке.

— Полчаса уже треплешься, — сказал я наконец. — Думал, что-нибудь дельное сообщишь... Все, что ты мне поведал, проходят в школе, на первом цикле. Но нормальные дети, в смысле — дети нормальных родителей, узнают об этом еще раньше. Не сидят же они дома. И первое, что они видят за пределами квартиры, — это рамка транс-порта.

Незнакомец расправил плечи и приподнял подбородок. Он понял, что зацепил меня. Нельзя сказать, что я был уже на крючке, но... за прошедшие полчаса я не послал его к черту, и значит, я был заинтересован.

А я действительно — был.

— Конечно, пакет из пяти архивов, это известно всем, — начал мужчина, как мне показалось, снова издалека. И сразу перешел к делу: — Вранье, дружище. Архивов не пять, их шесть. Шесть, ясно?

— Да хоть двадцать, какая мне разница? Только... что в шестом?

Он демонически улыбнулся.

— Спецификация на пять основных. Но главное — ключ. Пароль, содержащий элементы всех пяти архивов.

Киб-координатор собирает человека не сам, а... по инструкции как бы. Вот эта инструкция и содержится в шестом архиве. В школе про него не рассказывали, м-м?..

— Нет, не рассказывали... Ты-то откуда знаешь?!

— Перед тобой дипломированный инженер-транспортник, — торжественно объявил незнакомец. И чуть погода добавил: — Ну, почти дипломированный.

Я махнул на него рукой.

— Наоборот, наоборот! Какое счастье, что меня оттуда... э-э-э... то есть... что они не стали препятствовать моему... э-э-э... — Мужчина хотел сформулировать это поприличней, но ничего приличного не нашел. В итоге он бросил попытки и вернулся к теме: — После Академии я два года пахал на разных станциях. У меня есть и образование, и опыт. Обычному инженеру транспорта многое может прийти в голову, но он даже не представляет, как это осуществить. Что на станции чаще ломается. За чем следят пристально, а за чем — не очень. На что и вовсе не обращают внимания. Я знаю все, я мог бы служить в отделе расследований. В транс-полиции я был бы лучшим! — Он опять улыбнулся. — Но я выбрал другое.

— Ты скажун... — заключил я не без ужаса.

— Да, это мой хлеб. Я скажун. И ты уже понял, зачем я все это рассказываю. В смысле... что я собираюсь тебе предложить.

— Нет. — Я поднялся, но, вместо того чтобы уйти, зачем-то подмигнул бармену. Через секунду на столе появились две полные кружки и чистая пепельница. Мне пришлось опуститься на стул.

— Только Верховный не хотел бы ни с кем поменяться. Только Верховный никому не завидует. Все остальные... — Собеседник игриво пошевелил бровями. — Остальные всегда чего-то хотят. Чего-то большего... О Верховном даже не думай! Это я так, для примера.

— Я и не думал, — ответил я осторожно.

— Шестой канал, весь вопрос в нем. Вернее, в том, как его вскрыть.

— Ты скакун, — повторил я. — Но подожди-ка... Ты должен быть сказочно богат, а не...

— На прошлой неделе был. Не то чтобы сказочно, но в таком баре я бы и нужду справлять побрезговал. А сегодня... вот. — Он жадно отхлебнул и достал из пачки десятую сигарету за вечер. — Меня губит тело. У него масса дурных привычек... Не тело, а какой-то сосуд пороков, и пристрастие к алкоголю еще не самый скверный...

— Ясно, тело у тебя чужое. Ты ведь скакун. Но почему бы тебе не выбрать... гм...

— Новую обитель души? Что-нибудь получше, да? Не могу. В этом теле — то, что делает меня скакуном.

— Не понимаю, — признался я. — Ты вшил эту железу прямо в себя?!

— Транс-полиция не дремлет. Они выловили почти всех. Написали программу, распознающую краш-чип. Куда бы ты его ни сунул — в карман, в ботинок, хоть в брюшную полость. Какая разница, если в стартовом контуре тебя оцифровывают всего, включая проглоченную вместе с супом муху? Один мой друг финишировал прямо на рудниках. Киб-координатор не только обнаружил его крашер, но и успел изменить маршрут. Да, техника не стоит на месте...

— Скакуны потеряли работу, — заметил я без сожаления. — Что ж, рано или поздно это должно было случиться. Ведь вы преступники! Все справедливо. Сегодня ты можешь называть себя дворником, пилотом, поваром — кем угодно, только не скакуном.

— Ага. — Он осушил кружку. — Программа чует краш-чип. Как его ни переделай, подо что ни замаскируй. Она видит принципиальную схему, этого ей достаточно. Но я же сказал: техника на месте не стоит. — Мужчина посмотрел на меня испытующе и тихо произнес: — Биочип.

— Что?! Био...

— Чип, — победно закончил он и постучал себе по лбу. — Никаких полупроводников, никаких элементов питания. На взгляд киб-координатора и его чертовых программ, это лишь кусок мяса. Мой собственный орган, ко-

торый они обязаны оцифровать, перенести по первому каналу и собрать в рамке финиша.

— Получается, отмычка живет у тебя в голове? Крашчип — часть твоего организма?!

— Надо ли объяснять, почему я не могу этот организм бросить? Забавно: я, скакун нового поколения, неуловимый и недостижимый, скакун, чье призвание — менять людям тела, сам вынужден ютиться в оболочке пьяницы, курильщика и... ладно, не будем.

— погоди. Ты говоришь мне это для того...

— Ну конечно! — обрадовался незнакомец. — Погляди на себя: не старый, но вряд ли с перспективами. Брюшко... Да какое брюшко — брюхо! — Он пихнул меня локтем в живот. — Это данность, ты предрасположен. Сколько ни потей в спортзале, никуда ты свое пузо не денешь. Я уж не говорю о твоей склонности к облысению!

— Вот об этом не нужно бы...

— Ты лысеешь, дружище!

— Я же просил... Считаю эту тему деликатной, в некоторой степени даже интимной...

— Да, да! Ты лысеешь! Еще лет пять, и ты будешь, как моя коленка! Хотя... не слишком ли это большой комплимент для твоей плечи?

— У меня нет плечи, — выдавил я.

— Это временно. А жена? Жена у тебя есть?.. И уже не будет! Лысый, пузатый... — Мужчина затрясся от смеха. — А работа? Кто ты на своей работе? Ноль! Младший отрок степлера!

— Да откуда такие дикие...

— Вижу тебя насквозь! Хороший скакун обязан быть психологом. А я скакун хороший. Днем гнешься перед шефом, а ночами ворочаешься в пустой постели и мечтаешь влезть в его шкуру. У него-то жена есть? И что, недурна? А?.. Отвечай!

Я потупился.

— Вот так! — заключил он. — А возраст? Да я не про жену, я про шефа.

— При чем тут мое начальство?

— Это я для примера. Можно и не с начальством телами махнуть, можно и с полотером. Уж полотер точно возражать не станет. Интересно, сколько он получает?

— Кто? Полотер?..

— Тьфу! Твой шеф. Бьюсь об заклад, он слывет везунчиком. В отличие от тебя. И он вряд ли намного старше.

— Не старше, — буркнул я. — Чуть моложе.

— О-о-о!.. Позор. Пресмыкаться перед каким-то сопляком... и знать, что никогда не займешь его место. Как я тебе сочувствую, дружище! Как же я тебе сочувствую... — Незнакомец, устав смотреть на мою нетронутую кружку, подвинул ее к себе.

Такого натиска я не ожидал. Я кое-что слышал о скакунах, в частности о том, как они находят клиентов. Услуги скакуна стоят безумно дорого, некоторые копят деньги годами, чтобы однажды поменяться с кем-то телом и сразу все окупить.

Соблазн велик, отказаться бывает непросто. Люди знают, что их ждет наказание, и все же соглашаются. Некоторые разыскивают скакуна сами. Точнее — разыскивали раньше.

Еще недавно это было похоже на эпидемию. Тысячи законопослушных граждан ежедневно теряли свои тела и оказывались нищими, больными, старыми... Дошло до того, что люди начали бояться транс-порта, многие шли к стартовой рамке, как на эшафот. Скакуны стали массовой преступной специализацией. Неофиты попадались быстро, но это была лишь пена — волки матерели все больше. В условиях жесткой конкуренции и беспрецедентных мер со стороны транс-полиции включился эффект естественного отбора. Грязный бизнес превратился в подлинное искусство. Талантливый скакун не просто перемещал тела и личности, он совершал сложные многоступенчатые операции обмена. Пока полиция добиралась до нарушителя, оплатившего эту чехарду, он часто оказывался уже в новом теле или, того хуже, успевал так продвинуться по социальной лестнице, что без санкции Верховного на него не могли и чихнуть.

Конец произволу скакунов был положен быстро и неожиданно: кто-то из гениев транс-департамента написал программу, различающую краш-чип. Скакуны потеряли свой инструмент, а с ним и возможность взламывать шестой архив.

Подтасовки на транс-порте мгновенно закончились, все вздохнули спокойно.

Оказывается, напрасно...

— Ну что, дружище? Ты ведь думал об этом?

Да, я об этом думал. Об этом думают все, никуда не денешься. Я догадывался, что встреча со скакуном должна быть именно такой: в грязном баре у пересадочной станции, за кружкой разбавленного пива. Но я не предполагал, что это будет похоже на какую-то вербовку... которую проводит полупьяный босяк в красной рубаше и болотных штанах.

— С тебя я возьму пятьдесят тысяч, — сказал мужчина. — Не торгуйся, это непозволительно дешево. Знал бы профсоюз, как я ломаю цену... — Он пренебрежительно усмехнулся. — Но профсоюза больше нет, сегодня я монополист. Пятьдесят тысяч. Во-первых, я на мели, и для начала мне нужно хоть что-то. Во-вторых, больше ты не заплатишь. Больше у тебя нет.

— Мне нужно знать подробности.

— О-о!.. Хочешь, чтобы я выложил свои секреты? Даже не получив аванса?!

— Но если я собираюсь тебе доверить...

— Твое тело и твой разум представляют ценность только для тебя самого. Ну подумай: на кой черт мне сдалось это пузо, эта лысина, эти подавленные юношеские...

— Достаточно, — оборвал я.

Скакун замолчал, но лишь для того, чтобы допить мое пиво.

— Уже решил, с кем махнешься? — спросил он. — Ах, тебя беспокоит технология... Объясню в общих чертах. Мы с тобой проходим через рамку. Одновременно. Что?.. Запрещается?.. Плюнь. Говорю тебе: я два года отработал на станциях, киб-координатору нет никакой разницы.

Момент транс-портировки засечь невозможно, поэтому я захожу уже заряженный: краш-чип получил задание и ждет, когда его можно будет выполнить. Можно будет — как раз во время транс-портировки. Мгновение между стартом и финишем. Да, да, то самое «мгновение». Для координатора это процесс, и для краш-чипа — тоже. Крашер ищет информ-пакет, максимально соответствующий нашему заказу. То есть нащупывает подходящего пассажира, который, как и мы, находится между стартом и финишем. В пути.

— А если не нащупывает? Если не находит?

— Иногда поиск длится несколько часов. Мы будем входить в рамку и выходить из нее, входить и выходить, входить и выходить. С первого раза не получается никогда. Но никогда еще мне не требовалось больше двадцати пересадок. В матушке-галактике много народу. Очень много. Мы обязательно что-нибудь подберем.

— Мне не нужно «что-нибудь». Я вообще не решил, стоит ли мне...

— Решил, решил. И не сейчас. Если бы не решил, ты бы давно уже вызвал транс-полицию.

Я не стал спорить и заказал еще пару пива.

— Так вот, крашер находит хорошую кандидатуру, — отхлебнув, продолжал скаун. — Затем взламывает шестые архивы, его и твой. И кое-что в них переписывает. Финишный контур собирает те же два тела, в полном соответствии со спецификацией. Откуда ему знать, что ваши спецификации сфабрикованы? Для системы все корректно, подмену чувствуешь только ты и тот, с кем вы махнулись. Первый, второй и пятый архив меняются местами.

— Пятый?.. — Я слегка растерялся. — Еще и пятый? Память?!

— Зачем тебе чужое тело с твоей памятью? Что она в нем будет делать? Что она собирается помнить — про другое тело? Ну конечно, родной для тебя чужая память становится не сразу. Сутки. Реже — двое.

— Я как-то... честно говорю... Нет, я не согласен.

— Дура-ак! Это раньше менялись только телами. Ну и

что?.. На первой же очной ставке потерпевший сообщит о тебе все, а ты даже не сможешь сказать, откуда у тебя взялся шрам на ноге и в каком году тебе удалили аппендикс.

— Но как же моя память? Это же и есть — я сам!

— Ничего подобного. «Ты сам» — это третий и четвертый архивы. Вот в них-то и содержится твоя личность. То, что передалось по наследству, и то, что ты нажил с годами. А память — это... ну вроде как база данных. Меняем одну базу на другую, и все дела.

— Но ведь «Я» — это мое знание жизни, оно сформировано на основе самой жизни, и если память о ней окажется чужой...

— Конфликт архивов неизбежен. Но это временно, к хорошему быстро привыкают. Зачем тебе вспоминать детство в нищем квартале? Гораздо интересней помнить, что ты сын миллионера.

— И... верить в это?..

— И верить! — поддержал скакун. — Даже не верить — знать! Ну?.. Что ты скажешь?

— Сорок.

— Что?..

— Сорок тысяч, этого довольно.

— Э-э-э, дружище! — Мужчина неприязненно сощурился и передвинул на столе кружки. — Сорок пять.

Я вздохнул.

— Нужен приблизительно ровесник...

— Этого мог бы не говорить, — произнес он.

— Физически здоровый, привлекательный, без особых...

— Нет, наверное, ты платишь пятьдесят тысяч за возможность побыть слепым парализованным идиотом!

— Сорок пять, — возразил я.

— Конкретные пожелания имеются?

Я развел руками:

— Вряд ли.

— Как тебя зовут, клиент?

— Мёбиус, — ответил я негромко.

— Как?!

— Мёбиус, — повторил я.
— Вот же... н-да... Это имя или фамилия?
— И то и другое.
— Ну надо же... А я — Карл Грифус. А ты, стало быть, Мёбиус Мёбиус?
— Хуже.
— Да куда уж хуже-то?
— Фамилия у меня двойная: Мёбиус-Мёбиус.
— Если полностью, то получается...
— Мёбиус Мёбиус-Мёбиус, — обреченно проговорил я.
— Тяжело тебе, дружище... — Скакун опрокинул в себя кружку и порывисто поднялся. — Идем.

Транс-портный контур находился рядом с баром, вернее, это бар открыли недалеко от контура, на минус семнадцатом уровне пятого субквартала захудалой планетки Трэнтор при звезде Теплая Заря, что на самой окраине юго-западного рукава матушки-галактики. Когда-то этот сектор считался перспективным, потому и звезду, и планету называли донельзя пафосно. Минули годы, нашлись сектора получше, и Трэнтор стал прибежищем диссидентов, однако транс-портных контуров здесь было не меньше ста тысяч, таковы санитарные нормы.

Грифус остановился возле рамки.

— Я должен сосредоточиться. Итак... тебе, в принципе, безразлично, лишь бы что-нибудь получше... — Он осмотрел меня с головы до ног. Вероятно, давал целеуказание своему биочипу. — На счет «три».

— А куда мы?..

— Да никуда. Выйдем здесь же, на соседнем уровне. Приготовься. Раз... Два...

Мы синхронно переступили через рамку, и команда «три» растянулась в бесконечную миллисекунду. Если бы у киб-координатора были уши, он бы услышал «трррррррррррри». Но для человека это происходит гораздо быстрее.

Скок!

Я очутился по ту сторону контура — уже в другом месте. Нога оторвалась от упругого пластика и опусти-

лась — на упругий пластик. На тот же самый пол, закиданный упаковками от чипсов и соленых орешков. Моя собственная нога в черном латексном сапоге.

Я по инерции прошел дальше. «Клёп-клёп-клёп!» — гнусаво запели каблуки, фиксируя каждый мой шаг. На мне была клетчатая юбка с прозрачными вставками спереди и сзади. Короткий подол обегали неоновые огоньки.

— Все-все, уже идем назад, — торопливо произнес Грифус.

Я повернулся к хромированной стене, поднял руку и... поправила прическу. Зря я Марту послушала. Стерва уговорила меня вживить перья павлигатора, а куда мне, к черту, этот павлигатор? Насоветовала! Подрута называется...

— Эй, Мёбиус! — раздалось рядом.

— Что? — спросила я недоуменно.

— Давай обратно в рамку. Или тебя это устраивает?..

— Урод. — Я прикрыл окошко на юбке. — Ты урод, Грифус!!!

— Такое случается, не кипятись. Сейчас все вернем. Нет, ну если ты доволен... то есть довольна...

— Быстро меняй! — заорала я.

Он взял меня за локоток и галантно проводил до контура.

— Ты готова, милая?

— Убью гада... — процедил я чувственным контральто.

— Раз... Два...

Скок!

В спину воткнулся гвоздь. Поразмыслив, я понял, что гвоздь не один, их несколько и они медленно проворачиваются — в моей спине.

«Что ты опять?..» — хотел я крикнуть, но легкие треснули от кашля. Сердце внутри подпрыгнуло и, ударившись о макушку, упало обратно в кишечник. В моем возрасте опасно тревожиться. В моем возрасте вообще все — крайне опасно. Имплантаты давно износились, а менять их на новые врачи не соглашаются ни за какие деньги. Ибо даже простейшая операция может стать моим последним приключением.

— Не ладится сегодня что-то... — буркнул Грифус. — Не мой день, похоже.

— Не твой, — прохрипел я чуть слышно. — Верно, ты полагаешь, что сегодня — мой день?

— Не будем драматизировать. Поверьте, Мёбиус, вы в надежных руках. Сами до рамки дойдете или вам помочь?

Он взял меня за тот же локоть — впрочем, едва ли за тот же самый — и осторожно подвел к стартовому контуру.

— И что дальше?.. — продребезжал я.

— Знаешь, Мёбиус, не в твоём положении выделяться. Тебе сейчас хоть бы с кем поменяться, а то не ровен час...

— Не ровен час — это про другое. Это, например, если я достану трубочку да наберу один номерок. Мои люди повсюду, если ты не в курсе. У меня куплено все и везде.

Угрожать попусту я не привык, поэтому действительно полез за трубкой. Ладонь нащупала на атласном жилете кармашек, но в этот момент Грифус увлек меня с собой. Даже не удосужился досчитать до трех. Похоже, щенок узнал-таки мое лицо и сообразил, с кем имеет дело.

Скок!

— Вот ведь незадача-то... Да-а-а...

Я открыл глаза — старик, ныряя в рамку, зачем-то зажмурился.

Сначала я увидел мятые болотные штаны — на себе. Потом вспомнил про зеркальную стену — весьма кстати! — и посмотрелся в нее как... ну, как в зеркальную стену и посмотрелся. И увидел Карла Грифуса — тоже на себе, вместе со штанами.

Сам Грифус стоял в двух шагах левее и с той же гримасой — хотя и на чужом лице — изучал свое отражение.

Ему было лет семнадцать — гораздо меньше, чем мне, то есть ему же самому. Красавчик. Спортивный, подтянутый, одетый, правда, бедновато. Голубоглазый. В общем, такой, у которого все впереди.

— Мёбиус... — выдавил он. — Я это... перемудрил я малость.

— Бывает.

— Это... пошли в контур.

— Зачем? — Я нашарил в брюках пачку сигарет и неторопливо закурил.

— Как это зачем?! — возмутился он. — Назад меняться!

Я выпустил струйку дыма.

— Мёбиус... — проронил он.

Я почесал лоб, как раз то место, где под черепной коробкой сидел вживленный биочип. Первый и пока единственный.

— Мёбиус... — растерянно повторил юноша.

— Да, Мёбиус-Мёбиус — это моя фамилия. Имя у меня тоже — Мёбиус. А звание — капитан транс-полиции.

Он рванулся к рамке, но вовремя одумался.

— Так вы... вы этот контур пасли, да?

— Контролировали. Как и все контуры этого субквартала. — Я поднял с пола брошенную стариком трубку и набрал непростой номер из двадцати восьми цифр. — Говорит капитан Мёбиус. Да, господин полковник, я его взял. Тот самый Карл Грифус с тем самым биочипом... — Закончив доклад, я кивнул на рамку: — Проигрывай достойно, скакун.

Спустя пару миллисекунд мы вышли в бункере транс-полиции на Пегасе-116. Внизу — километры базальта и раскаленное ядро, вверх — километры базальта и космос. У нас тут не забалуешь.

Юноша диковато осмотрелся. Мне же осматривать было нечего: низкий потолок, тяжелая мебель, мрачное освещение — все давно знакомо. У меня приличная выслуга, без малого пятнадцать лет, из них десять — на Пегасе-116, под началом полковника Иггла. Или сэра Иггла, когда он настроен по-домашнему. Собственно, полковником он был не всегда; как и я не всегда был капитаном, но все эти годы он оставался для меня сэром Игглом, а я для него — просто Мёбиусом. Или Мёбиусом Мёбиусом-Мёбиусом, когда он настроен по-домашнему.

Потерпевшего уже доставили: некто в моем теле томительно слонялся вдоль базальтовой стены.

Иггл выбрался из глубокого кресла за пультом и подошел ко мне:

— Мёбиус, это ты?

— А то кто же? — Я достал сигарету и ловко чиркнул зажигалкой о брюки. Крайне ценный навык.

Полковник вздернул брови.

— Мёбиус, когда это я разрешал тебе курить?

— Не разрешали. Но я ведь раньше и не курил. А еще я выпиваю, шеф. И кое-что похуже, — поделился я. — В общем, не тело, а сосуд пороков.

— Что за тон, Мёбиус?

— Простите, господин полковник. Четвертый архив, будь он неладен, чужие привычки. Не могу с собой справиться. Дело в том, что у меня никогда не было начальства. Кроме тюремных надзирателей.

Кажется, полковник собирался дать мне затрещину, но на столе затренькал телефон. Звонила жена. Кого еще полковник Иггл мог называть Крошкой?

— Да, Крошка, — сказал он. — Нет, не забыл. Освожусь через пять минут. Целую, Крошка.

Если честно, я бы эту Крошку тоже поцеловал. Видел ее несколько раз, когда она являлась к нам в бункер. За Иггла она вышла совсем недавно и еще не утратила качеств молодой супруги. Любящая и привлекательная. Крошка. Эх... Нет, капитану по фамилии Мёбиус-Мёбиус о таких крошках нечего и мечтать. То ли дело полковник. Орел, а не полковник! У него даже имя было какое-то геройское — Макс. словно родители с младенчества подозревали за ним большое будущее. Впрочем, если ты владеешь акциями золотодобывающих предприятий северного рукава матушки-галактики, верить в счастье своего ребенка нетрудно.

— Да, Крошка, — мурлыкнул напоследок полковник и вновь повернулся ко мне. — Мёбиус!

— Ага?.. — Я затоптал окурок и, развеивая дым, пошел в разные стороны.

— Нет, на тебя надежды мало. — Иггл привередливо осмотрел прибывшего со мной юношу. — Иди сюда, Гри-

фус. И ты тоже. — Он подтолкнул потерпевшего к локальному контуру.

Посередине у нас стояли две рамки — стартовая и финишная, друг напротив друга. К транс-портной системе они подключены не были, их смонтировали только для того, чтобы мы исправляли содеянное скакунами.

Полковник открыл сейф и достал оттуда конфискованный краш-чип. Умельцы замаскировали преступное техсредство под обычную плюшевую игрушку: сумчатый овцеящер, отъедающий себе хвост. Под лоснящейся шерстью, как раз в сумке, был спрятан пульт.

— В рамку шагом марш! — скомандовал Иггл.

— Зачем, шеф? — спросил я.

— Как это зачем? Ты что, совсем форму потерял? То есть... ты и содержание утратил вместе с формой?

— Вы собираетесь поменять их местами... — Я указал на свое бывшее тело и на юношу. — Но я ведь говорил вам, что Грифус — лучший из скакунов. Он никогда не проводит тривиальных обменов.

— Что это, интересно, ты мне говорил, Мёбиус? Когда?

— Ну... я думал, вы смотрите трансляцию. Вы же сами вешали на меня «жучки». Две стереокамеры и датчики квадрослуха.

— Да, я кое-что слышал, — скривился Иггл. — Этот упырь предлагал тебе поменяться со мной. Тебе — со мной... Смешно. Но микрофоны работали только в баре. А потом, после первого же обмена...

Я хлопнул себя по лбу.

— Действительно, господин полковник. Виноват.

Человек в моем теле, успевший вернуться к стене, грациозно выгнул спину.

— То есть как? — проговорил он. — На этом лысом мешке висят «жучки»? И все, что я делала... вы это записали?!

— А что, позвольте полюбопытствовать, вы делали в моем теле? — вскинулся я.

«Мёбиус» не ответил, лишь покраснел до ушей.

— Пойдите-ка... — сказал ему полковник. — Внутри

★ вас должен быть молодой человек, которого вытеснил Грифус.

— То-то и оно, шеф... — кисло произнес я, вытирая взмокшие ладони о красную рубашу. — Боюсь, все не так просто.

— Без паники, капитан! Сударыня, назовите свой социальный номер.

«Мёбиус» назвал, и полковник, подойдя к пульта, дал команду на розыск.

Вскоре прибыла знакомая дама: высокие сапоги с говорящими каблуками и короткая юбка с полиэтиленовыми аппликациями.

— Надеюсь, вы и есть обладатель этого тела? — Иггл положил руку ей на плечо. — Или нет?.. Кто вы?

— Я тот, кто сделает из вас отбивную. — Женщина ощупала полы несуществующего пиджака, затем поискала кармашек на несуществующем жилете.

— А где же этот? — крикнул полковник, вцепляясь юноше в щеку. — Куда он подевался? Где начинка?

— Прежде всего я хотел бы выяснить, где я сам, — сухо произнесла женщина. — Потом делайте что угодно. Но сначала я должен получить свою оболочку.

— Разумеется. Не откажетесь ли пока перебраться в этого молодого человека?

— Да что вы себе позволяете?!

— Временно! Согласитесь, это тело более предпочтительно. Чем то, что вы имеете в данный момент, — добавил Иггл, косясь на прозрачную юбку.

— Но-но, я попросила бы!.. — возмущенно воскликнул «Мёбиус».

— Будьте добры, сэр, назвать свой социальный номер, — сказал Иггл женщине.

Транс-патруль сработал безупречно: спустя минуту в бункере появился третий потерпевший: старомодный костюм, под ним атласный жилет.

— Почему не обратились в полицию? — набросился на него полковник. — Где вы шлялись все это время?!

— До фени, — фыркнул старик. — У меня сейчас ла-

бораторная по наномеханике, а вы дадите справку, что я не прогуливаю.

— Твое? — Иггл вновь дернул юношу за щеку, так, что у того клацнули зубы.

— Мое, — неохотно ответил старик.

— Грифус, ну ты и намудрил, — проскрежетал полковник. — Тебе это дорого обойдется, Грифус...

Молодой человек не ответил.

— Грифус?.. — встревожился Иггл.

Тот снова проигнорировал.

— Грифус! Не валяй дурака. Это же ты?..

— Я, я, — осклабился юноша.

— А почему молчишь? Шутки шутишь?! С-скаун... — процедил Иггл и коротко врезал ему кулаком в живот.

— Вы бы поаккуратней, — промолвил старик. — Мне еще носить.

Полковник собирался что-то ответить, но на столе зазвонил телефон.

— Да, Крошка, — сказал он. — Нет, не забыл. Освобожусь через пять минут. Целую, Крошка. Да, Крошка.

Положив трубку, он вновь зыркнул на юношу.

— Я тут, шеф! — напомнил я, поднимая руку.

— Что стоишь? — прошипел он. — Биочип в голове работает? Вот и ты работай! Меняй их живо, одного за другим.

— О'кей, шеф.

Иггл сел в кресло и начал диктовать отчет, а я принялся за дело.

Все получилось быстро.

Скок! Скок! Скок!

Чудесная техника эти новые биочипы. Осталась лишь одна деталь.

— Осталась одна деталь, господин полковник, — сказал Грифус.

— Что такое?

— Нужно вернуть Грифуса в его тело.

— А в чем он сейчас?

— В моем.

Иггл посмотрел на меня. Бывают искорки недоверия, а бывают целые зарницы. В глазах полковника светилась вольтова дуга.

— Ну так и поменяйся с ним, — сказал он Грифусу.

— Видите ли, господин полковник... Биочип такой шустрый... Я в этом уже убедился. А что, если скакун, вернувшись в свое тело, успеет дать новую команду, и мы поменяемся обратно? Вы-то будете думать, что мы поменялись только однажды, примете его за меня, и... — Грифус чиркнул себя ладонью по горлу.

— Н-да?.. — Иггл засомневался пуще прежнего. — Говоришь, биочип шустрый?

— На порядок превосходит железо.

— И что ты предлагаешь, Мёбиус? Уж не хочешь ли ты, чтобы я полез с вами в рамку?

Иггл сделал вид, что опасается скакуна, но в действительности...

Ни один офицер транс-полиции не войдет в контур вместе с подчиненным. Прецедентов, правда, не было, но их потому и не было, что дураков у нас не держат. А если и были — дураки или прецеденты, — то о них все равно никому не известно.

— Что же ты предлагаешь, Мёбиус? — повторил полковник.

— Мы сделаем так, что обладатель биочипа, кто бы он ни был, не сможет им воспользоваться. Мы э-э-э... лишим это тело дееспособности. Мы э-э-э... дадим ему по башке, господин полковник.

— По башке?..

— По башке, по башке! — горячо проговорил Грифус. — То есть... не ему по башке, а... в данный момент — мне. Потом вы внесете меня в рамку и произведете обычный обмен между мною и Грифусом. Оказавшись в своем теле, он не сможет совершить ничего противозаконного. Он вообще ничего не сможет совершить, господин полковник. Грифус будет в отключке.

— Толково, — оценил Иггл. — И у нас будет гаран-

тия, что тело с биочипом находится без сознания, ведь в этом теле сейчас ты, капитан...

— Я, я! — закивал Грифус, хватая себя за болотные штаны. — Если вы ударите меня недостаточно крепко, я вам сообщу, шеф.

— Кто-кто тебя ударит?..

— Вы, конечно. Больше некому. Неужели я позволю, чтобы меня бил какой-то скакун? — Грифус брезгливо кивнул в мою сторону.

Открыв сейф, Иггл извлек несколько орудий на выбор: резиновую дубинку, бамбуковую палку и стальной прут. Разумеется, никто этими предметами не дрался. Внутри каждого был упрятан краш-чип.

— Думаю, вот это сгодится, — сказал Грифус, трогая псевдофомку.

— Думаешь?.. — переспросил полковник.

— Думаю, шеф.

— Дело хозяйское... — Иггл огрел его железкой по черепу.

— Уй... уй... — запричитал Грифус, медленно падая на колени. — Как больно-то, шеф!.. Вы не могли бы чуть полегче?

— Мёбиус, не будь ослом! Бить нужно сильнее, иначе ты не потеряешь сознание.

— Да, пожалуй... Но все же...

Не затягивая дискуссии, Иггл ударил еще раз.

— А! — вскрикнул Грифус. — Шеф, это... невыносимая боль! — Пощупав затылок, он предъявил полковнику ладонь. — У меня кровь, шеф!

Трое потерпевших испуганно отшатнулись.

— Так и должно быть, Мёбиус, — сказал полковник. — Это не у тебя кровь, а у Грифуса.

— Да, действительно, — всхлипнул Грифус. — Логично.

— Мне придется подать жалобу на негуманное обращение с арестованным, — предупредил я.

— Запишем в протоколе, что ты оказал сопротивление, — меланхолично произнес Иггл. — Ты готов, капитан?

— Готов, — простонал Грифус.

— Ыых-х! — Полковник ударил его в третий раз, и тот, секунду пошатавшись, рухнул лицом в пол.

— Убили!!! — завопил я. — Вы убили мое тело! Свидетели! У меня есть свидетели!

Потерпевшие принялись вразнобой пожимать плечами: мол, ничего особенного не заметили.

Иггл пощупал Грифусу пульс.

— Живой. Ну-ка, помоги его отволочь.

Мы перенесли тело к рамке и положили между штангами.

— Надеюсь, Грифус, ты осознаешь, что песенка твоя спета, поэтому если ты вдруг... — Иггл не успел закончить, вновь позвонила жена. — Да, Крошка. Нет, не забыл. Освобожусь через пять минут. Целую, Крошка. Да, Крошка... Грифус, бегом! — рявкнул он.

Я шагнул к бездыханному телу.

Иггл опустил трубку и встал рядом.

— Только попробуй что-нибудь схимичить... — пригрозил он, засовывая руку в мохнатого овцеещера.

Скок!

Мне показалось, этот переход был самым долгим. Четыре миллисекунды, а то и пять. Вот так: «скккккккккккк». И слово «схимичить» тоже растянулось в резиновую нитку:

— Схимичччччччччччч...

— ...ить, — закончил я за Иггла.

— Что? — спросил он, глядя снизу вверх.

— Ничего, Грифус, — сказал ему Грифус.

— Что ты сказал?

— Я сказал: ничего.

Иггл схватился за штангу и начал подниматься, а поднявшись, схватился за сердце. Потом осмотрел свое тело и схватился еще крепче. Красная рубаша и мятые штаны болотного цвета его могли бы скомпрометировать — раньше, когда он был полковником Максом Игглом. Теперь, когда он стал скакуном Карлом Грифусом, эта одежда была ему к лицу.

Я швырнул плюшевую игрушку в сейф и скомандовал:

— Наручники, капитан!

— Есть, господин полковник! — браво отозвался экс-Грифус, который теперь находился в моем бывшем теле.

Экс-Игл тихонько завыл. Все было слишком очевидно.

— Мёбиус... — безнадежно вымолвил он.

— Что, Грифус? — издевательски произнес капитан.

— Но у меня же есть свидетели!

Потерпевшие не перестали пожимать плечами еще с прошлого раза.

— Я бы не вязался в эту авантюру, — проговорил юноша. — Но... уважаемый скакун взял с меня не так дорого. Я не привык экономить, однако эти деньги уже не мои.

— Ясен день! — весело откликнулся старик. — Бабло лишним не бывает. Пусть мне осталось не так много, но я возьму от жизни все! На свои семнадцать лимонов...

— Шестнадцать с половиной, — поправил капитан.

— Все, что полагается, — мое! Солнце!.. пляжи!.. коньяк!.. Шикарные девоч... — он вдруг закашлялся.

— Девочки?.. — Студент мелко, по-стариковски, рассмехался. — Ну что ж... Девочки. Да!

— Вы совершаете тягчайшее преступление! — запричитал человек с внешностью Грифуса. — Ну а вы, сударыня?.. Вы-то как оказались в этой шайке? Что на что вы могли поменять? Вы же тут одна...

— Я не одна, я с мужем, — ответила она, обнимая новоиспеченного капитана.

Тот, сияя, повернулся ко мне:

— Господин полковник...

— Просто Макс, — отмахнулся я. — Можно без формальностей, дорогой Мёбиус.

— А можно и без «Мёбиуса»?

— Нельзя. Не горюй, скоро привыкнешь. День-два, и будешь натуральный Мёбиус-Мёбиус. Мне поначалу тоже...

— Как?! — Экс-Игл громко высморкался в рукав. Четвертый архив — не пятый, прививается быстро. Он высморкался еще раз. — Как это «тебе тоже»?.. Значит, ты не впервые?! Ты уже?..

— Помалкивай, уголовная сволочь, — произнес я не-

торопливо, со вкусом. — Какое тебе дело до моего прошлого? Особенно теперь... — Я подергал его за наручники. — Я, может, и сам уже не помню. Память, архив номер пять... Пройдут сутки, и о прежней жизни в твоём мозгу не останется ни единого бита. Да и зачем тебе помнить все эти гербы, родовые имения, фамильный фарфор...

— На каторге от них толку не будет, — вставил новоявленный капитан. Отобрав у новоявленного Грифуса свои сигареты, он недоуменно осмотрел пачку и кинул ее в урну. — Откровенно говоря, Макс... это была не самая простая операция в моей жизни.

Я хотел ответить: «Главное, чтоб не последняя», но в этот момент мне позвонили.

— Да, Крошка, — сказал я. — Нет, не забыл. Что?.. Пять минут?.. Нет, Крошка, мы уже закончили. Я свободен.

ЖИЗНЕЛЮБЫ

Ликлопические черные блоки крепости, выросшей на огромной проплешине в тайге, казалось, подпирали низкое серое небо. Тонкие ленты дорог тянулись к цитадели рефандеров со всех сторон. Но дороги были пустынные. Только по одной из них, идущей с юга, шагал высокий темноволосый человек.

Системы слежения засекли пришельца, как только он вышел из-под деревьев. Но на таком расстоянии он не представлял угрозы — даже если под одеждой его скрывался целый арсенал или какая-то из конечностей была заменена протезом из сверхмощной взрывчатки.

Когда человек подошел к крепости на расстояние в полтора километра, створки широких ворот отворились, и оттуда вынырнули две восьмиколесные бронемшины. Низко ревя мощными двигателями, они устремились к незваному визитеру. Тот остановился, поднял глаза от земли и прочел надпись над воротами, выполненную метровыми буквами: «Цивилизация для всех. Жизнь священна».

— Жизнь священна, — повторил он. — Интересы цивилизации — выше интересов личности.

Спустя минуту бронемшины остановились возле человека.

— Даниил Светлов? — раздался мелодичный, слишком мягкий и вкрадчивый голос из динамика.

Его опознали мгновенно. Аппаратура у рефандеров прекрасная.

— Да. Я хотел бы поступить на службу. Служить делу прогресса и развития цивилизации, — тихо ответил человек.

— Ваше прошение будет рассмотрено.

Суставчатая механическая конечность, практически полностью идентичная «руке» рефандера, вытянулась и

бесцеремонно сгребла Даниила, швырнула в грузовой отсек и притиснула сверху. Загудел, защелкал, обследуя человека в поисках скрытого оружия, рентгеновский сканер. Но ни бомб, ни спрятанных под одеждой и в теле излучателей не нашлось.

Машины помедлили немного и рванулись к крепости. Путь назад был закрыт.

В глубоком бункере, отгороженном от остальной крепости метровыми слоями стали, бетона и углеродистых полимеров, Даниил провел две недели. Допросы длились по двадцать часов в сутки. С применением новейших психотропных приборов, традиционных наркотиков, генераторов виртуальной боли, при постоянно включенном детекторе лжи.

Еще больше похудевший, осунувшийся Даниил вновь и вновь рассказывал о своем желании служить делу распространения жизни. Рубашка его пропиталась потом, он то и дело сплевывал сочащуюся из десен кровь. Пусть его не пытали на дыбе и не засовывали ноги в «испанский сапог» — когда тело пронзают судороги самой настоящей боли, трудно не стиснуть зубы до хруста, чтобы сдержать крик, не дать животным инстинктам возобладать над тобой. Кровь часто шла носом и горлом...

— Вы на самом деле хотите служить жизни? Способствовать ее распространению по всей Галактике и еще дальше?

— Да.

— Вы решили выйти из рядов сопротивления?

— Да.

— Вы хотите прекратить борьбу против нововведений на Земле?

— Хочу.

— Вы ненавидите рефандеров?

— Нет.

— Вы собираетесь причинить вред цивилизационной базе?

— Нет.

— Вас раздражают такие методы допроса?

— Да. Дайте воды.

И так — дни и ночи напролет, с краткими перерывами на введение физиологического раствора с наркотическим дурманом и беспокойный сон, во время которого Даниила часто забывали отстегнуть от кресла, которое так и хотелось назвать «пыточным».

К исходу второй недели Светлов не хотел уже ничего — и честно в этом признавался. Он не желал бороться за продвижение жизни в Галактике. Не имел цели служить Координатору. Не собирался любить или ненавидеть своих врагов. Он мечтал лишь о сне и об отдыхе. О том, чтобы его оставили в покое.

Спустя пятнадцать дней, растянувшихся то ли в недели, то ли в месяцы сплошного кошмара, его вывели из помещения для допросов и поместили в отдельной камере.

Человек с вытянутой лисьей мордочкой и пороссячьими глазками — очень странное и крайне мерзкое сочетание — посетил Даниила в «жилом блоке», куда его перевели после многодневного допроса.

— Миша, — представился он. — Психолог. Работаю на этих тварей. Они мне неплохо платят. Но я их ненавижу. Проклятые жизнелюбивые термиты! Однако нужно ведь как-то существовать? Чем-то питаться? Кормить детей?

— Нужно, — бесстрастно согласился Даниил. Он валялся на тонкой синтепоновой подстилке, покрывающей холодный бетонный пол. Мебели в камере не было. — Стремление к сотрудничеству — рационально. Неприязнь к любому разумному существу вредит общему делу.

Психолог всхрюкнул.

— Пытаешься выглядеть хомо сапиенсом нового образца? Таким, какими хотят нас видеть жизнелюбы? Брось, даже дети из инкубаторов не обладают всеми нужными рефандерам свойствами. Человеческая природа бунтует. А уж любой, кто жил на Земле до их прилета, просто не может сочувствовать этой мрази. Они ведь термиты. Животные. Да какие там животные? Гнусные жуки...

— Соображают они, однако же, лучше нас, — равнодушно откликнулся Светлов. — И доказали свое превосходство не только на словах, но и на деле. Иначе ты бы на них не работал.

— Выходит, ты их любишь больше, чем людей?

Даниил попытался взглянуть в глаза психологу, но тот мгновенно отвел взгляд.

— Я не люблю их больше, чем людей. Это было бы странно и неестественно — относиться к чужому виду лучше, чем к своему. У людей есть свои сильные стороны. Но рефандеры могут быть отличными союзниками. Я хочу работать с ними. Распространять жизнь.

Миша крякнул.

— В Тибете тебе так мозги промыли? Я слышал, последние три года ты околачивался там? Медитировал, жил в монастыре?

— Я постигал мудрость Востока четыре года, — ответил Даниил.

— И что же? Просветлился? — перебил его психолог. — Овладел искусством всепрощения?

— Нет. Но понял, что все наши обиды нелепы и нерациональны.

Психолог присел на пол рядом с узником, понизил голос до доверительного шепота.

— Слушай, Светлов, ты же был не последней фигурой в движении сопротивления. И, хочу заметить, у тебя имелись все основания для того, чтобы мстить термитам. Взять хотя бы случай с твоим младшим братом, который заблудился в тайге вместе с рефандером-туристом, любителем экстремальных ощущений. Эта тварь съела его — чтобы продлить свою жизнь! Ты забыл?

— Нет, конечно. Но интеллектуальный потенциал рефандера был гораздо выше, — не поднимаясь с синтепового тюфяка, ответил Даниил. — Он обладал навыками и знаниями, которые нельзя было терять. Его жизнь была ценнее, чем жизнь Павла.

— Но он ел его по частям! Сначала отгрыз ногу, по-

том другую... Потом руку! И все это время твой брат был жив!

— Самому рефандеру, думаю, было не слишком приятно питаться своим проводником. Они очень ценят жизнь — ты прекрасно это знаешь. А питаются преимущественно протеиновыми растворами. Но он пошел на это, чтобы служить делу жизни. Пересилил себя.

— Какое самопожертвование!

— А вина за то, что рефандеры так долго не могли найти своего сородича, целиком лежит на отрядах сопротивления. Так что они тоже отвечают за смерть Павла... Но самое главное — стратегия рефандера оказалась верной. Если бы он убил брата сразу, то жертва оказалась бы бессмысленной. Рефандер не смог бы питаться тухлым мясом. Поддерживая жизнь моего брата, он смог дожидаться прихода помощи. Если бы помощь подоспела раньше, могли бы спасти и Павла.

Казалось, Мишу сейчас вырвет.

— Тухлым мясом? — повторил он. — Это ты о брате?

— О его теле. Любого человека можно рассматривать как личность и как органический объект. В данном случае для рефандера были важны его питательные свойства.

— Наверное, ты не слишком-то любил брата?

— Я был к нему очень привязан. Поэтому и наделал много глупостей. Но сейчас понял — месть нерациональна. Так сложилась судьба. Рефандер все сделал правильно. Он принес делу жизни больше пользы, чем мог принести мой брат.

За полуметровым слоем бетона, в соседней комнате, беседу психолога и Даниила Светлова наблюдали пять членов экспертной комиссии. Два рефандера, аналитик и специалист-оператор детектора лжи, человек, работающий на новых хозяев Земли, бочкообразный дендроид и помещенный во вместительный бассейн шохр — похожее на спрута существо с сильными телепатическими способностями.

— Он говорит правду, — прощелкал жвалами рефан-

дер-оператор, снимая показания с детектора лжи. — Его слова не расходятся с мыслями.

«Подтверждаю», — изменением окраски тела просигнализировал шохр.

— Я тоже вижу, что он искренен, — заметил человек. — Вижу, но не могу в это поверить! Даже при всей лояльности к вам, если бы с моим братом сотворили такое... Если бы его ели живьем в течение трех недель... Я бы не смог этого простить!

— Ненависть ведет в никуда, — прошелестел дендронид. — Жизнь священна.

— Только люди не достигли таких вершин самоотречения! — закричал человек. — Ему промыли мозги в Тибете? Или он так далеко зашел по пути Будды, что поверил в то, что вся жизнь — страдание, а избавление от страданий — отсутствие желаний? Но зачем он тогда хочет распространять жизнь по Галактике? Ведь это — умножение страданий!

— Пусть твой сородич спросит его, — прощелкал рефандер-аналитик.

Человек дал команду, и психолог Миша получил ее через крошечный динамик, вживленный в кожу головы за ухом.

— Жизнь ценна сама по себе. Другое дело — цели, которые она перед собой ставит, — отвечая на вопрос психолога, проговорил Даниил. Он сел на свой матрас в позу лотоса и прикрыл глаза. — Заселение космоса — достойная цель. Она кажется мне эстетически верной. Возможно, создав идеальное, развитое общество, мы избавимся от страданий. Обретем бессмертие. Я полагаю, что рефандеры далеко продвинулись по этому пути. Их общество сильно и непротиворечиво. Они доминируют в Галактике.

— Это дешевая философия! — прошипел Миша. — Выискался монах! Подвижник! Твою невесту забрали в тюрьму, изнасиловали, увезли в Центр размножения, где

она будет заниматься только тем, что производить потомство! Эти термиты превратили ее в дойную корову!

— В племенную корову. Для них важен приплод, а не молоко, — возразил Светлов. — Дети в интернатах находятся на искусственном вскармливании.

— Насильников было трое! Грубые, неотесанные животные! Охранники с базы. Неужели ты можешь равнодушно относиться к тому, что они сделали с твоей девушкой? Ведь для них контакт с ней был просто развлечением! Они не любили ее — насыщали свою скотскую похоть!

Даниил открыл глаза.

— Согласно теории естественного отбора в трактовке рефандеров, для получения сильного потомства желателен контакт самки с несколькими самцами. Здоровью ее ничто не угрожало — самцы были проверенными. Девушка была под действием легкого наркотика, так что травмы психики тоже не произошло. Доктор-рефандер следил за процессом.

— Подающая надежда поэтесса, красавица... Ее цинично изнасиловали на глазах инопланетной твари!

— Поэзия ничего не дает для развития общества. Производя на свет здоровое потомство, Юля принесет гораздо больше пользы обществу, чем сочиняя самые гениальные стихи.

— Но у нее могли быть дети от тебя!

— Могли. Ну и что? И у меня, и у нее еще будут дети. Именно поэтому я хочу работать на рефандеров. Служить Координатору. Тогда и мое потомство вольется в ряды тех, кто осваивает дальний космос. Заселяет другие планеты. Неужели в это так трудно поверить?

— Ты — подонок и негодяй! — брызгая слюной, зарорал Миша. — Сумасшедший! Ты — не человек!

— По-моему, подонок — это ты, — равнодушно ответил Светлов. — Я хочу служить тем, чьи достижения уважаю. Ты служишь тем, кого ненавидишь. Ты вдвойне нерационален. Потому что ненависть — порочное чувство.

Дверь в камеру распахнулась, на пороге появилась членистоногая туша рефандера. Он быстро защелкал,

коммуникатор перевел его речь бесполо-сладким голо-сом:

— Мы берем тебя на службу. У тебя будет много возможностей. И много самок. Ты побываешь у других звезд.

— Я буду делать то, что нужно для развития цивилизации и продвижения жизни. Там, куда направит меня Координатор, — без особых эмоций ответил Даниил.

Триумф «воспитательной системы рефандеров» был налицо. Даниила показали по всем каналам телевидения и стереовидения, объявили, что ему прощаются все преступления, имевшие место в отрядах самообороны, и включили в группу технического обеспечения проекта Луна — Марс. Половина загнанного в резервации человечества проклинала нового героя официальных новостей, половина пребывала в глубоком недоумении и предполагала, что бывшему борцу сопротивления провели лоботомию, и лишь отдельные индивидуумы Даниилом восхищались. Сумел же приспособиться человек!

Сам он не искал встреч с журналистами, не пытался проповедовать и учить, а погрузился в работу на благо «дела жизни». Земля рассматривалась рефандерами только как перевалочная база, планета с хорошим климатом и богатыми ресурсами. Ближайшей задачей в Солнечной системе являлась колонизация Венеры. Температуру воздуха на этой планете предполагалось понизить до пятидесяти градусов по Цельсию. Проект находился в стадии реализации, рефандеры отвели на него каких-то десять лет. Технические средства позволяли.

На следующем этапе колонизации Солнечной системы планировалось создание новой планеты с использованием материала Марса и Луны. Орбиту Красной планеты относительно Солнца намечались понизить — в первую очередь для улучшения освещенности поверхности планеты. А масса соединенных небесных тел позволяла создать полноценную атмосферу. Высвобожденную от торможения Марса энергию предполагалось направить на

освобождение от сил земного притяжения и подъем на более высокую орбиту Луны.

Даниил, физик по образованию, старался быть полезным в проекте Луна — Марс. Но очень скоро стало ясно, что образования ему катастрофически не хватает. Он не мог работать наравне с рефандерами — живыми вычислительными машинами. Даже самые талантливые земные ученые уступали им в скорости расчетов и построении математических моделей, выигрывая порой лишь за счет интуиции и изобретательности. К тому же несколько лет в отрыве от занятия любимым делом отрицательно сказались на квалификации Даниила. И через пару месяцев, как убежденный сторонник развития цивилизации, Светлов подал на имя Координатора рапорт с просьбой перевести его на другую работу — где силы его будут применены с максимальной эффективностью.

Координатор нашел возможность для личной встречи с некогда строптивым землянином. Одновременно он принимал еще две группы существ — специалистов по колонизации Венеры, рефандеров и дендроидов, и представителей марионеточного правительства Европы. Вычислительные мощности супер-рефандера позволяли общаться сразу с несколькими собеседниками.

Посланники Европы требовали особого статуса для некоторых исторических территорий и пытались отстоять развалины Колизея — их собирались снести, чтобы возвести в центре Рима новый завод по сборке полупроводниковых приборов. Однако было ясно, что европейцам время уделено лишь для того, чтобы соблюсти протокол и не накалять атмосферу еще сильнее. Рефандерам история была глубоко безразлична. Они жили настоящим и будущим, и понятие «архитектурный памятник» вызывало у них недоумение. Если конструкция устарела, ее нужно разобрать. Если какие-то руины мешают строительству промышленного завода — руины нужно снести и не вспоминать о них больше.

Каждая делегация находилась за прозрачной звуконе-

проницаемой перегородкой — чтобы реплики Координатора, обращенные к другим, не мешали думать над своей проблемой. Не все соображают так быстро, как зрелый рефандер, который, распараллеливая процесс обсуждения, экономит время и добивается хороших результатов.

Между пластиковыми кубами с делегациями и членистоногим телом Координатора помещались четыре охранника — два рефандера и два человека. Физической силой рефандеры превосходили людей. Но насколько быстро они думали, настолько медленно двигались. Человек в рукопашной схватке вполне мог одержать победу над рефандером. Другое дело, что до рукопашных схваток дело, как правило, не доходило. Техника чужаков настолько превосходила земную, что даже полноценной войны при захвате территорий и строительстве базы в Сибири не вышло. Чужаки сбили несколько самолетов и ракет, дезактивировали ядерные заряды, отразили лазерные пучки — и предложили подумать о мире...

— Даниил Светлов, мы счастливы видеть в вашем лице сторонника прогресса и защитника цивилизации, — прощелкал рефандер. Основные мысли его были заняты венерианским проектом, и большинство реплик адресовалось другим рефандерам и дендроидам, но люди этого практически не ощущали.

— Я бы хотел служить делу жизни с большей пользой, — заявил Даниил.

— Ваш пример показателен для землян. Мы рады, что взаимопонимание достигается — хоть и медленно. Поэтому мы дадим вам работу по вкусу.

— Координатору лучше знать, где мне следует приложить силы.

— Да, — согласился рефандер. — Я сделаю вам достойное предложение. Хотите ли вы стать начальником моей охраны — ее людской части? Это важный сегмент работы.

Светлов на мгновение задумался.

— Не слишком ли высока честь?

— Согласен, предложение нетривиально, — после небольшой паузы выдал Координатор — представители

правительства Европы чем-то возмущались, размахивая руками за своей перегородкой, и рефандеру пришлось то ли уговаривать, то ли запугивать их. — Но доверие между людьми и рефандерами после такого шага выйдет на новый уровень. Все знали вас как борца против нашего присутствия на Земле. И уж если Даниил Светлов решил служить делу жизни, а мы решили доверить ему безопасность Координатора — это что-то да значит, верно?

— Верно, — согласился Даниил. — Но я хотел бы заниматься наукой...

— Лжете, — просто и безапелляционно ответил Координатор. — Вы и сейчас находитесь под контролем детектора лжи. И вам очень хочется стать начальником моей охраны. Только не могу понять, для чего? Не для того ли, чтобы убить меня?

— Нет.

— Это не ложь... Скажите, а сейчас вы могли бы уничтожить меня? Несмотря на охрану? Не так ли?

— Да, — согласился Даниил. — В Тибете я не только медитировал, но и постигал технику рукопашного боя. Я без труда мог бы нейтрализовать охранников-людей, обойти охранников-рефандеров и уничтожить вас — скажем, порвав артерии под жвалами. Апартаменты Координатора, насколько я знаю, не оборудованы скорострельными автоматическими устройствами — именно для того, чтобы затруднить покушение. Вы надеетесь на живую охрану.

— Киберсистемы можно захватить с помощью хакеров. Это проще, чем подкупить или запугать охрану, — согласился рефандер. — Но вы, имея возможность уничтожить меня, не поступаете так. Почему?

— Мне это не нужно.

— Может быть, вы ждете подходящего момента?

— Земля слишком много потеряет, если я уничтожу Координатора.

— Меня приятно поразила ваша искренность. Я подтверждаю решение назначить вас начальником людского сектора моей охраны.

— Благодарю за доверие.

В комнате со стальными стенами было тесно, пахло потом и мятой — охранники усиленно жевали резинку, так как курить им было строжайше запрещено. Как и пить, и употреблять наркотики, питаться слишком жирной пищей. Возможный вред здоровью. А за здоровьем людей, особенно тех людей, что работали на них, рефандеры следили.

— Я записался на следующую субботу, — заявил молодой парень, сплевывая жевательную резинку на пол. — Вопрос еще, конечно, какая телка попадетс...

— Нам вот певица вчера досталась, — почти застенчиво протянул еще один юнец. — Голосок красивый такой, хотя разговаривали мы мало, конечно. И сама очень ничего. Она по стереовидению часто выступала... Я бы даже женился на ней. Но нет — на племенной завод обязательно. Зачем, спрашивается?

— Ты бы еще сказал — и жил бы с ней один, долго и счастливо, — скривил рот чернобородый мужчина со шрамом через всю щеку. — По закону не положено. А у термитов что главное? Закон. И брюнеточка эта наша чем-то согрешила, раз ее из общества изъяли. Это у них не просто так...

— Да, хороша была, чертовка... Горяча...

— Некрасивых женщин не бывает, — хохотнул охранник постарше. В волосах его белела седина. — Мне уже доверия нет. Не записывают, проклятые. Генетический материал подкачал, говорят. Приходится в бордель ходить. Но меня и там встречают отлично. С такими-то деньгами... Я вообще не понимаю, что за радость вам бесплатно производителями работать? Сексом групповым заниматься на виду у таракана? То ли дело, когда тебя несколько девчонок убажуют. А так — порнография одна... Извращение.

— Это ж не работа, а удовольствие, — начал юнец, когда в комнату дежурных заглянул Даниил. Лицо его помрачнело, нейрохлыст в руке дрогнул, и охранники посыпались с высоких стульев на пол, корчась и хватая ртом воздух.

— За что? — прохрипел седой.

— Непочтение к жизни и к темам размножения. Всякий, кто не прервал неподобающую тему, подлежит наказанию, — коротко бросил Светлов, отвечая сразу на все возможные вопросы. — Панченко и Шкуров — сменить пост номер два. Кузнецов — патрулировать периметр. Самсонов — заняться кондиционером. Воздух у вас, как в берлоге!

— Строг начальник, — прошептал молодой Панченко чернобородому Шкурову, когда они отошли от дежурной комнаты подальше. — Что же он лютует так? Девочек ему не хватает? Или проблемы с этим делом? Уж у него-то возможностей...

— Бывший боец сопротивления. Скольких таких мы на соснах вздернули, по собственной инициативе, — неприязненно проговорил Шкуров. — Тараканы не разрешали их вешать, да. У них все с пользой должно быть. Не просто на сосну, а на корм молодняку, если уж кого удавить надо. Но это редко бывает. Жизнелюбы, что ты хочешь...

— А этого что ж на корм не пустили?

— Нецелесообразно. Рефандеры каких гадостей ему только не делали — а он на поклон к ним пошел. Выслушивается, гад. Не за страх, а за совесть.

— Да ну?

— Еще бы. Ему эти термиты теперь как родные, он им брата продал. Жрите его, говорит, только чтобы сами вы живы остались — это когда они все вместе в тайге заплутали. Нас он и за людей не считает, понятное дело. То есть именно что за людей. И люди для него — сор. Но терпеть надо. Полторы тысячи в месяц нигде тебе не заплатят. На самом лучшем заводе — двести рублей, и не дергайся. А в частных лавочках и сотне рад...

После подавления мятежа в Японии Координатор официально назначил Светлова своим третьим советником. Никто из людей прежде не поднимался так высоко в иерархии рефандеров.

Усмирив японцев и действуя при этом во благо жизни и в интересах развития цивилизации, Даниил согнал око-

ло двух миллионов человек в резервации на северных островах, пять миллионов выселил в Антарктиду, двести тысяч отправил укреплять грунт и бурить туннели на Луне. Безвозвратные потери — проще говоря, количество убитых — составили каких-то пару тысяч человек: тех, кто не оправился от ударов парализаторами и нейрохлыстами. Зато теперь острова стали спокойными и мирными. Никто больше не заикался о великой миссии Страны Восходящего Солнца. Миссия была одна на всех. И в жизнь ее проводили не люди, а рефандеры.

Третий советник оказался едва ли не в большем почете, чем первые два. Те слишком много болтали о приливной волне, которая смоей все постройки на берегу океана, если они не отстоят от берега на двадцать километров. Возможные потери жизни... Экая ерунда! Когда Луну начнут буксировать, людей предупредят заблаговременно, вывезут с островов, предоставят новое жилье. Сейчас этим заниматься недосуг. Главное — протянуть сверхпрочный трос из миллионов мономолекулярных нитей, соединяющий орбиту Марса и Луны, и позаботиться о его креплении. Просто за горку такой трос не зацепишь — нужно основательно изрыть Марс и пройти туннелями почти всю Луну — иначе она развалится на куски.

Координатор уделял Светлову все больше времени.

— Вы могли бы чаще выступать по телевидению, Даниил, — заметил он при очередной встрече, на этот раз один на один. — К сожалению, искреннюю поддержку нашей системы встретишь нечасто. Представители вида хомо сапиенс работают на нас из-за денег, но мало кто понимает, как это прекрасно — нести свет цивилизации и зерно жизни другим планетам.

Светлов покачал головой.

— Вряд ли мы изменим мироощущение значительно-го количества людей, сколько бы ни агитировали. Мне стоило большого труда занять свою нынешнюю позицию. Через десять-пятнадцать лет появятся первые взрослые питомцы «инкубаторов». С ними мы и будем работать.

Они отправятся к далеким планетам, будут заселять их и нести свет жизни...

Рефандер потряс жвалами.

— Нет. К сожалению, люди слишком медленно размножаются. Их молодняк растет очень долго. Рефандер способен произвести в год до двухсот детенышей, в пору зрелости они вступают через четыре земных года, основные навыки приобретают через шесть лет, а через двенадцать лет это сформировавшиеся полноценные личности. Людям нужно как минимум вдвое больше времени, и более двадцати детенышей самка производит с трудом. Будущее Галактики — за нами. Но вы сможете стать отличными помощниками. Люди очень хорошо приспосабливаются к новым условиям, они изобретательны и живучи, у них отличная реакция. Во Вселенной им уготована хорошая роль. Хотя доминировать будет наш народ.

— Не исключено, — согласился Свелов. — Вас много. Вы умнее. Галактика будет принадлежать вам. Во всяком случае, некоторое время. Пока не появятся еще более выносливые, сильные, умные...

— Да, — не стал спорить Координатор. — Будущее в наших руках. Но жизнь может распорядиться нами так, как мы не предполагаем. Завтра — великий день для колонии. Ваши японцы, китайцы и сибиряки хорошо поработали на Луне. Туннели прорыты едва ли не лучше, чем сделали бы мы — строители от рождения... Верю, что первое испытание межпланетного троса будет удачным. Сдвинем Луну с места совсем немного. И будем ждать.

— Следующего противостояния Марса, — кивнул Даниил. — Завтра и правда великий день. Может быть, отдать приказ об эвакуации жителей с побережий?

— Нет, — ответил рефандер. — Это лишнее.

— Ясно, — кивнул Даниил. — Разрешите присутствовать при испытаниях?

— Желание нерационально, — заметил Координатор. — Но вы можете присутствовать. Если эстетическое чувство человека этого требует.

— Вы начали понимать наши эстетические чувства, — склонил голову Светлов.

— Рефандеры хорошо обучаются, — констатировал Координатор.

Трос между Марсом и Луной натянулся, спружинил. Компенсаторы погасили колебания, распределили силу тяги с помощью сотен подвижных блоков. Луна качнулась и поползла прочь от Земли. Планета вздрогнула. Слишком велики были задействованные энергии, чтобы не заметить движения.

Светлов стоял за пультом вместе с Координатором, лично управляющим процессом, десятком других рефандеров, несколькими дендроидами и людьми. Пусть это всего лишь испытание — чувствовалось величие момента. Четыре года, и Земля лишится спутника. Изменится траектория планеты, навсегда уйдут в прошлое приливы и отливы.

— Тридцать секунд до рассоединения троса, — сообщил Координатор. — Соединение устойчиво, тяга максимальна. Система работает.

Защелкали, одобряя искусство Координатора, рефандеры. Заплодировали люди. Зашелестели псевдоконечностями дендроиды. Только Светлов, казалось, остался равнодушным. Он сделал шаг к Координатору. Еще один. И бросился на него.

Повалились под ударом нейрохлыста, включенного на полную мощность, люди. Медленно, очень медленно начали разворачиваться в сторону несущегося к Координатору человека рефандеры-охранники.

— Это нерационально! — прощелкал главный рефандер. — Нападение на меня противоречит делу жизни! Опомнись!

Светлову некогда было отвлекаться. Он оказался рядом с Координатором, одним движением руки порвал артерии под жвалами, чудовищным усилием скрутил голову рефандера. Ударом тренированного кулака Даниил пробил панцирь Координатора и вырвал его сердце. Потом

сорвал с головы управляющий космической операцией шлем и надел его на себя.

— Принимаю командование операцией как помощник погибшего Координатора! Приказываю отключить компенсаторы! — До рассоединения троса оставалось двадцать три секунды, нужно было спешить. — Команда безусловна!

Системы блоков, регулирующие тягу, перестали замедлять движение троса. Несущийся с чудовищной относительно Земли скоростью Марс рванул Луну на себя. Гравитационный толчок был такой силы, что всех находящихся за пультом управления швырнуло на пол. По всей Земле рушились здания, падали люди, сходили с рельсов поезда... Землетрясения, поднимающие цунами, начнутся несколько позже — когда бушующая лава устремится в образовавшиеся в земной коре разломы.

Луна раскололась сразу на несколько частей.

— Случайная работа компенсаторов! — скомандовал Даниил, поднимаясь и удерживая равновесие на шатающемся полу. — Команда безусловна!

Уцелевшие компенсационные блоки на тросах вновь стали активны. Только ускорение каждого сегмента троса было различным. Луну, пронизанную мономолекулярными тросами, разрывало на куски, растаскивало в разные стороны.

Спустя пять секунд Даниил приказал:

— Отсоединение основного троса!

Марс, сорвавшись с поводка, понесся по слегка измененной орбите. Огромные куски Луны сталкивались, крошились, летели во все стороны — заволакивая пространство вокруг Земли плотным кольцом орбитального каменного мусора.

— Что ты наделал? — прошелестел один из дендроилов, устоявших на «ногах» — трех утолщениях снизу туловища. — Через двадцать три минуты огромные глыбы начнут рушиться на Землю... Погибнут миллионы людей! Будут замусорены все возможные орбиты! Ни один ко-

рабль не сможет пробиться сюда. Нам конец! Мы отрезаны от всех планет Галактики!

Даниил сорвал с головы шлем, с помощью которого отдавал команды, отшвырнул его в сторону и прошептал:

— Жизнь священна. Мы даже не тронем мерзких термитов и их прихвостней, хотя вы пытались поработить нашу планету. Но это в прошлом. Теперь мы будем жить так, как считаем нужным.

Рефандер-охранник пришел в себя, активировал вмонтированный в конечность излучатель и направил его на Даниила. Как ни быстро двигался ученик тибетских монахов, уйти от импульса он не успел. Тонкое багровое лезвие лазерного пучка вспорол плечо, задело шею. Правую руку человека отрезало. Светлов скрипнул зубами, попытался улыбнуться — но потерял сознание и свалился под ноги своих врагов.

Издали доносился грохот мощных ударов — силы повстанцев выбивали ворота цитадели рефандеров кумулятивными гранатами.

Небо, все в пляшущих звездах, было совсем близко. То и дело лес освещал яркий сполох от полета метеорита.

— Папа, но почему ты был уверен, что землю не испепелят с орбиты? Не скинут нам на головы крупные куски Луны? — спросил Никита Светлов, разглядывая с высокого валуна, упавшего с неба, перестроенную и приспособленную для нужд людей крепость рефандеров.

Даниил обнял сына здоровой левой рукой, пошевелил пальцами правой. Нет, рука все еще слушается плохо. Клонированная конечность не заменит настоящую...

— Хотя рефандеры бесцеремонно использовали людей, навязывали им свою волю и свои законы, жизнь для них священна. После катастрофы они должны были оставить нас в покое. Так и произошло.

— Но разве они не понимают, что мы воспользуемся передышкой с толком, попытаемся обогнать их?

— Может быть, это не имеет для них значения. Они способствуют развитию жизни, а не ее уничтожению.

Прежде они хотели приручить нас, использовать так, как люди в древности использовали лошадей и собак — для охоты, перевозки тяжестей, охраны. Теперь мы многого добились и будем говорить с чужаками на равных. Пойдем своим путем. Никто не запретит нам помнить прошлое, чтить своих героев, сочинять стихи или слушать музыку — независимо от того, рационально это или нет. Потому что нам нравится так поступать. Мы будем свободны. Ведь для человека издавна высшей ценностью была не жизнь, а свобода!

Никита взгляделся в профиль отца, который гораздо чаще видел на монетах, чем в реальной жизни. Слишком много дел было у Координатора после полной изоляции Земли.

— Скажи, как тебе удалось обмануть детектор лжи? Ты ведь был готов на все, чтобы покончить с рефандерами... Каждый твой шаг вел к тому, чтобы Земля стала свободной!

— И Земля, и те несчастные, что томились в интернатах рефандеров, — нахмурился Даниил. — Через несколько лет дети потеряли бы человеческую сущность, унаследовав все таланты людей, — это была бы подлинная гибель нашей цивилизации. Поэтому надо было спешить. А детектор я не обманывал — неужели ты до сих пор не понял? Во мне не было ненависти к врагам — долгие годы в Тибете я учился именно этому. Поступив на службу к рефандерам, я делал то, что должно. Только и всего.

— Ты простили им убийство брата? Позор матери? Трагедии тысяч людей, которых загоняли в резервации, направляли на фермы, использовали как подопытных кроликов?

— Взорвав Луну, я погубил двенадцать миллионов человек. Они задохнулись под развалинами, утонули в море, сгорели в пожарах, которые начались после падения огромных метеоритов — кусков нашей Луны... Что наши личные потери по сравнению с этим? Но я сохранил уклад жизни людей. Спас человечество. Ненависть — плохое чувство. Термиты правы — ненависть иррациональ-

на. Порой нужно пожертвовать чем-то, чтобы выиграть партию.

Даниил повернулся к крепости, построенной чужаками, спиной, щелкнул переключателем на коммуникативном браслете, и в метре от них возникла подрагивающая рябь портала, готовая перенести отца и сына из таежной ночи в яркий солнечный день Мехико, где базировалась сейчас резиденция Координатора. Никита собирался шагнуть в портал первым — бездельничать сейчас никому недосуг. Нужно учиться, работать, и снова учиться — чтобы превзойти своих учителей. Радиус действия порталов пока не превышал пятнадцати тысяч километров. А перед человечеством стояла великая цель — обогнать рефандеров на пути к звездам.

Уже сделав шаг, младший Светлов обернулся и задал вопрос, который никогда не решался задать дома:

— Если бы рефандер съел меня — как твоего брата? Ты бы все равно не чувствовал к ним ненависти? Или если бы моей жизнью нужно было пожертвовать для того, чтобы спасти человечество, — как бы ты поступил?

Небо вспыхнуло еще раз, и Никите показалось, что всегда бесстрастное лицо отца на мгновение исказилось.

— Я не хотел бы, чтобы передо мной встал такой выбор, сын...

СОЛО НА ОБОРВАННОЙ СТРУНЕ

1

Первый китайский космонавт — во всём мире их стали называть тайконавтами — совершил свой героический полет в две тысячи третьем году. После чего китайцы заявили, что к две тысячи десятому году они создадут свою собственную орбитальную станцию и запустят к Луне исследовательский модуль, а затем и построят на спутнице Земли жилой комплекс.

Поначалу программа китайского Космического агентства вызывала у журналистов и ученых лишь скептические усмешки и порождала массу колких анекдотов, смысл которых сводился к известной украинской поговорке: нашему теляти вовка б зъисты. Однако вскоре китайцы запустили ещё один «Волшебный корабль» (так назывались их ракеты — «Шэнь Чжоу» — «волшебный корабль», или «священная ладья») уже с тремя тайконавтами на борту, потом ещё и ещё, и в две тысячи одиннадцатом году действительно полетели на Луну.

К две тысячи пятнадцатому году Китай стал третьей державой мира, после России и США, имевшей собственные космические станции и поселение на Луне. А их корабли летали и на Марс, и на Венеру, и даже к Юпитеру, для изучения его спутников. Мало того, китайцы даже смогли послать экспедицию к объекту Окурок, оказавшемуся своеобразной горловиной связи с иной Вселенной, и попытались отогнать от него российских и американских космонавтов, желая объявить Окурок собственностью Китая.

Какими усилиями достигались позитивные результаты тайконавтики, знали только спецслужбы ведущих государств мира, для обывателей же был важен сам факт

★

небывалого успеха Китая в освоении космоса, поставившего целью завоевать в скором времени всю Солнечную систему.

Третьего января две тысячи шестнадцатого года космический корабль «Шэнь Чжоу-105» с пятью тайконавтами на борту, запущенный в пояс астероидов между орбитами Марса и Юпитера для поиска астероидов из чистого золота (существовала и такая китайская программа), внезапно обнаружил гравитационную аномалию, сбившую его с курса.

Командир корабля Ло Вейянь тотчас же включил двигатели маневра, пытаясь исправить возникшее расхождение между расчётной траекторией и реальным вектором движения, но это не помогло. Космолёт неудержимо влекло в сторону от курса, хотя на экранах не было видно ничего, кроме звёзд. Впечатление создавалось такое, будто наперерез двигалась невидимая протяжённая масса, обладающая гигантским гравитационным полем.

Ло Вейянь включил компьютер бортового исследовательского комплекса, но тот лишь констатировал факт появления гравитационной аномалии да нарисовал примерную конфигурацию поля, которая привела в состояние ступора весь экипаж китайского корабля. Космолёт сбила с курса прямая, колоссальной длины, но тонкая стена или лента, притягивающая к себе объекты, как массивная планета!

— Этого не может быть! — проговорил с дрожью в голосе тайконавт-исследователь Цзянь Ке Мынь. — Это же настоящая Китайская Стена!

— К дьяволу твои восторги! — рывкнул Ло Вейянь. — Что делать?! Нас сносит прямо на эту стену!

— Я не специалист по тёмным силам. Запроси рекомендации у Кормчего.

Кормчим тайконавты называли главный компьютер корабля.

— Он даёт только одну рекомендацию — развернуться и включить двигатель на полную тягу.

— Значит, это единственный правильный выход.

— Кормчий, твой совет принимается. Разворачивай ладью и врубай форсаж! Цзянь, попытайся определить, что это такое. Зря мы, что ли, тащили с собой телескоп и всякую исследовательскую хрень. Лю Чен — радио на базу, пусть там поломают головы, как обойти эту чертову стенку.

«Шэнь Чжоу» ощутимо упёрся в пространство максимальным выхлопом двигателя, по-прежнему не видя впереди ничего, что бы соответствовало представлениям экипажа о массивных объектах. На планету или рой астероидов эта странная тонкая «лента», или «стена», не походила уж никак. Но притягивала к себе корабль не слабее достаточно крупной планеты.

Тайконавтов вдавила в кресла сила инерции, равная пяти «g». Однако терпели, понимая, что ничего хорошего встреча с «китайской стеной» не сулит.

Скорость космолёта упала почти до нуля. Некоторое время длилось зыбкое равновесие в положении корабля. Двигатель остановил падение на «стену», однако его мощности не хватало, чтобы отвести корабль от необычного «гравитационного волновода».

— Двигатели маневра! — прохрипел штурман. — Почти тонна тяги!

— Нас раздавит как слизней!

— Есть другой выход?

Ло Вейянь думал ровно три секунды, дыша как вытянутая на берег рыба.

— Кормчий, маневровые на ось!

— Не рекомендую, здоровью экипажа может быть причинён...

— Запускай!

Но компьютер не успел включить двигатели маневра.

«Шэнь Чжоу» уже давно двигался в поясе астероидов. И хотя плотность небесных камней в поясе была невелика — можно пролететь его насквозь и ни разу не наткнуться на булыжник, — всё же камни эти имелись, иногда сбиваясь в струи и стаи, и один из них, размером с автомобиль, притянутый «китайской стеной», именно в

этом момент и налетел на корабль, уже начавший удаляться от опасной аномалии.

Удар потряс космолёт!

Астероид свернул носовой обтекатель с антенной локатора, повредил следящие системы, сделал вмятину в корпусе, сломал верньеры маневровых ракет и разорвал лонжероны тангаж-крыла.

Двигатель отключился. Медленно кувыркаясь в пространстве, корабль устремился к невидимому, пролетающему мимо объекту, действительно имеющему сходство с тонкой и плоской стеной, но огромной длины — более четырёх тысяч километров, судя по оценке бортового вычислителя.

Странная сила начала скручивать космолет и всё, что находилось внутри: приборные панели, кресла, экраны, стены, тела людей. Тайконавты закричали.

— Кормчий... радио... на базу... — с трудом выговорил Ло Вейянь. — СОС...

— Выполняю, — отозвался компьютер.

В центре единственного работающего экрана обзора показалось какое-то мутно-белое пятно. Через несколько секунд оно заполнило весь экран, превращаясь в снежно-ледяную гору. «Шэнь Чжоу» крутанулся вокруг оси и врезался в гору кормой...

2

Собирались как по тревоге при объявлении войны.

Ровно в семь утра четвёртого января в Центре экстремального космического оперирования, располагавшемся на космодроме в Плесецке, началось совещание, на котором присутствовали шесть человек: начальник ЦЭОК генерал Зайцев, глава службы безопасности Российских войск космического назначения генерал Матвейкин, замминистра обороны Рагозин, командующий РВКН генерал-полковник Степчук, эксперт по космическим исследованиям, главный технический специалист профессор Черников и советник президента по науке Ферсман. Открыл совещание Матвейкин:

— Коллеги, мы только что получили оперативную информацию из Китая секретного характера.

— По закрытым каналам, я полагаю? — рассеянно заметил Ферсман, могучий, бородатый, с шапкой чёрных вьющихся волос. — Насколько мне известно, СМИ и открытые китайские каналы молчат.

Матвейкин пожевал губами, он не любил, когда его перебивали, но высказывать недовольство советнику не стал.

— Месяц назад китайцы запустили в пояс астероидов свой новый «Волшебный корабль» — для поисков астероидов из чистого золота.

— Они что, идиоты?

— Ну почему? — поморщился лысый, с огромными очками на пол-лица, профессор Черников. — Если в пространстве встречаются чисто железные метеориты и даже глыбы из дейтериевого и тритиевого льда, то почему бы в поясе астероидов не летать золотым метеоритам? Другое дело, что вероятность встречи с таким объектом чрезвычайно мала.

— Зато китайцы, судя по всему, встретили не менее интересный объект, — продолжил речь Матвейкин. — Четыре часа назад «Шэнь Чжоу-105» передал две радиogramмы в китайский Центр управления полетами на Луне. В первой сообщается, что тайконавты наткнулись на невидимый массивный объект малого диаметра, но длиной более четырёх тысяч километров, из-за чего они и назвали его «второй Китайской Стеной»¹. В последней радиogramме компьютер корабля доложил о столкновении с ледяной горой, возникшей на пути. После этого китайцы замолчали и молчат до сих пор.

Находящиеся в кабинете начальника ЦЭОК ответственные лица российского Космического агентства переглянулись.

— Вы считаете, что они разбились? — поинтересовался Рагозин.

¹ Длина Великой Китайской стены равна 4000 км. (Примеч. автора.)

— Возможно.

— Тогда зачем вы собрали нас здесь?

— Во-первых, в любом случае требуется спасательная экспедиция, и только мы можем её организовать.

— А американцы?

— И американцы. — Матвейкин усмехнулся. — Именно по этой причине надо отреагировать быстро, иначе они нас снова опередят.

— Китайцы просили о помощи?

— Нет.

Командующий РВКН исподлобья посмотрел на замминистра.

— Мы не имеем права...

— Есть и другой аспект проблемы, Геннадий Сергеевич, — перебил его Матвейкин. — Объект, на который напоролись тайконавты, настолько необычен, что нашим специалистам не мешало бы посмотреть на него вблизи. Представляете, длина четыре тысячи километров, и при этом он тонкий и совершенно прямой!

— Я бы всё же запросил китайцев...

— Вообще интересная штука получается, — вмешался в разговор Черников. — Мы всё чаще сталкиваемся с удивительными явлениями в космосе, налицо статистическая концентрация артефактов. Сначала это был астероид Ирод, упавший на Венеру. Потом Окуроч, занявший позицию между Меркурием и Солнцем. Наконец, Плутон с его таинственно пробудившейся жизнью. И теперь вот... гм, гм, «китайская стена»... которая скорее всего представляет собой искусственное сооружение. Напрашивается один неординарный вывод...

— Какой?

Черников помолчал.

— Пока я не могу его огласить, мне надо посоветоваться с коллегами. Да и данных не хватает. Вот почему я за экспедицию к объекту.

— С чего вы взяли, что эта... м-м, «стена» является искусственным сооружением?

— А вы можете представить себе естественный мас-

сивный объект протяжённостью в четыре тысячи километров и ничтожно малого диаметра? Да ещё совершенно прямой? Я лично не могу.

— Как эта «стена» появилась в космосе? И что означает ваша «статистическая концентрация»?

— Этот термин предложил Глинич, летавший вместе с экипажем Молодцова... но опять же не хватает данных. Необходима исследовательская экспедиция.

— Прежде всего нужен спасательный рейд, — проворчал генерал Зайцев. — А уж потом можно будет думать об изучении «стены».

Все посмотрели на него, перевели взгляды на главу службы безопасности.

— Корабль готов — второй наш «Амур», — сказал Матвейкин. — Нужен экипаж.

— Пошлите команду подполковника Молодцова, — пожал плечами замминистра. — По моим сведениям, это наш лучший экипаж.

— Молодцов уже полковник.

— Прекрасно.

— Лучший-то он лучший, — почесал темя Зайцев, — но ребята всего десять дней назад вернулись из рейда на Плутон. К тому же у Молодца... у полковника Молодцова жена в больнице, он сейчас с ней.

— Что значит — с ней?

— Его жена — капитан-командор американских ВКС Кэтрин Бьюти-Джонс, он спас её во время рейда на Плутон. А лежит она, разумеется, в клинике НАСА, во Флориде.

— Вызовите его. Всё равно лучше Молодцова командира нам не найти. А рисковать нельзя. Объект, обнаруженный китайцами, может иметь огромную научную и практическую ценность для державы.

— Кто бы спорил. Но человек в стрессовом состоянии, ещё не отдохнувший как следует, может наделать ошибок.

— Что это вы так защищаете полковника Молодцова, Константин Петрович? — прищурился Рагозин. — Он же профессионал, должен справляться с любыми нервными потрясениями. Да и в команде у него не новички.

— Ему пора заняться другими делами, он мой зам...

— Одно другому не мешает. — Замминистра глянул на помалкивающего командующего РВКН. — Геннадий Сергеевич, не теряйте время, посылайте «Амур» к... э-э, предлагаю назвать объект Космической Китайской Стеной. Первый «Амур» показал себя в высшей степени замечательно, думаю, и второй не подкачает.

— Слушаюсь, — буркнул Степчук.

3

Денис летел в Москву с тяжёлым сердцем.

Несмотря на то что состояние Кэтрин не внушало особых опасений, жена ждала ребенка — пошёл уже четвёртый месяц беременности, — и пережитый ею стресс на Плутоне не мог не сказаться на здоровье будущего отпрыска. Однако отказаться от полёта к объекту под названием ККС — Космическая Китайская Стена — он не мог. Как не мог и сообщить жене причину вызова.

Ровно через шесть часов после совещания в Плесецке с Плесецкого космодрома взлетел российский «челнок» «Амур-2» и направился к Ориону, откуда пришёл сигнал СОС, посланный китайским космолетом. Экипажу «Амура» не нужно было рассчитывать инерционные фазы полета и считаться с полями тяготения встречающихся планет и астероидов. Его траектория представляла собой луч, да и скорость он набирал почти равную скорости света, благодаря удивительному изобретению академика Леонова, названному эграном, — электро-гравитационному генератору, использующему поляризационные свойства вакуума.

Снедаемый нетерпением — хотелось вернуться домой как можно скорее, Денис решил дать эгран-двигателю полную нагрузку, и его надежды оправдались: «Амур» преодолел разделявшее Землю и пояс астероидов расстояние за двадцать восемь часов. Экипаж в составе капитана Славы Абдулова, космонавта-исследователя Феликса Эдуардовича Глинича и бортинженера Миши Жукова не возражал против инициативы командира. Мужчины по-

нимали его состояние и верили, что принимаемые им решения непогрешимы.

Космическую Китайскую Стену они обнаружили задолго до прибытия в район её дрейфа.

Исследовательский комплекс на борту корабля, управляемый компьютером по имени Добрыня, был существенно мощнее того, что стоял на первом «Амуре», и позволял команде в минимальные сроки анализировать состояние среды в радиусе многих тысяч километров. Гравитационное «дыхание» Космической Китайской Стены он уловил с расстояния в два миллиона километров.

Вскоре Добрыня смог оценить и другие параметры Стены, после чего синтезировал её объёмное изображение в экране обзора.

Китайцы перемудрили с названием открытого ими объекта, ни о какой «стене» речь не шла. Это была колоссальной длины нить или очень тонкая — диаметром в доли сантиметра, если не меньше — трубка, совершенно прямая и очень массивная. Каждый метр её длины гравитировал как танкер в миллион тонн весом, а вся она притягивала к себе попадавшие по пути предметы как планета, равная по массе по крайней мере Земле.

— Ни хрена себе! — проговорил Слава Абдулов, оглядываясь на Глинича. — Феликс, я сплю или нет?

— Тогда мы спим все, — флегматично отозвался планетолог.

— Никакая это не стена!

— Абсолютно согласен.

— Тогда что это?!

— Струна.

— Что?!

— Ты знаком с космологическими теориями?

— В общих чертах, а что?

— По одной из них, считающейся самой адекватной, при фазовых переходах в ранней Вселенной в вакууме возникали топологические «трещины», или «дефекты».

— Точно, их называли суперструнами!

— Нет, суперструны — это из другой физической

епархии, связанной со структурой элементарных частиц и мерностью пространства. Я же имел в виду космологические струны, обладающие рядом интереснейших качеств.

— Долго объясняешь.

— Толщина этих струн лежит в интервале от десяти в минус двадцать девятой степени до десяти в минус тридцатой степени сантиметра, а масса...

— Короче, Скифосовский!

— Короче, возможно, мы имеем дело с такой гиперструной. Большинство из них по теории свернулось в кольца, мы же видим развернутую струну.

— Откуда она взялась в Солнечной системе?

— Спроси чего-нибудь полегче.

— А что это за узелки на ней?

— Скорее всего притянутые из космоса объекты — астероиды, ядра комет, камни, обломки планет и прочий мусор.

— Командир, мы входим в пояс астероидов, — напомнил компнавигатор корабля по имени Умник. — Необходимо снизить скорость.

— Мы не на прогулке, — мрачно отрезал Денис. — Если китайцы ещё живы, мы обязаны их спасти. Курс — на объект! Торможение в форсмажорном режиме!

— Слушаюсь.

«Амур» продолжал мчаться вперед с той же скоростью, догоняя Космическую Китайскую Стену, двигающуюся с приличной скоростью — около двухсот километров в секунду — почти точно поперёк плоскости эклиптики.

— Китайцам повезло, — со смешком сказал Миша Жуков, чаще других покидавший рубку для осмотра своего энергетического хозяйства. — Если их Стена будет шпарить с той же скоростью и в том же направлении, она проткнёт эклиптику за три дня и выйдет за пределы Системы.

Денис промолчал. Он думал лишь о том, чтобы спасательная экспедиция наконец достигла цели и, не мешкая, взяла обратный курс. Китайская Стена, оказавшаяся, по словам Глинича, «развернутой гиперструной», не показав-

лась ему достойным для изучения объектом по сравнению с астероидом Ирод и горловиной входа в иной мир под названием Окурок, с которыми он познакомился во время прошлых рейдов.

Через два часа «Амур» приблизился к убегающей Стене на расстояние вдвое меньше, чем расстояние от Земли до Луны. И сразу начали сказываться эффекты нелинейности гравитационного поля сверхтонкой «струны», обладающей чудовищной массой.

«Амур» стал плохо слушаться управления.

Какая-то сила начала скручивать его в «бараний рог», изгибать по длине и одновременно по диаметру (!), из-за чего люди внутри испытывали странные ощущения и стали часто терять ориентацию. Лишь Умник, как машина, избавленная от физиологической информации и проявлений человеческой психики, продолжал контролировать движение корабля и не поддавался на «провокации» тороидального гравитационного поля Китайской Стены.

По мере приближения к ней экипажу удалось с помощью локатора и телескопа обнаружить более сотни разного размера тел, «налипших» на космическую «струну». Среди них были и снежно-ледяные глыбы, и каменные горы, и целые рои камней, а также удивительные структуры, напоминающие кольца наподобие колец Сатурна, только в миниатюре.

— Интересно, из чего состоят эти кольца? — заметил Абдулов, успевая заниматься контролем состояния систем корабля, ориентированием и обзором космических панорам.

— Вероятнее всего, из частиц пыли, мелких камней и песчинок, — ответил Глинич.

— Почему же эта пыль не падает на Стену?

— Потому что она вращается вокруг «струны». Таких колец должно быть много. Кстати, возможно, что материал колец захвачен «струной» далеко от Солнечной системы, стоит попытаться взять образцы.

— Почему далеко?

— Потому что она наверняка путешествует в космосе

не один миллион лет и нацепляла на себя столько артефактов, что стала бесценной. Вполне может быть, что мы найдем здесь даже обломки сооружений других разумных существ. Если только...

— Если что? Договаривай.

— Если только сама она не является частью искусственного сооружения.

— Ну это ты загнул, теоретик!

Денис тоже посмотрел на планетолога с удивлением. Под таким углом зрения он на Китайскую Стену не смотрел.

— С чего ты взял, Феликс Эдуардович?

— Если верить теории, космологические «струны» должны иметь гораздо большую длину, порядка сотен тысяч и даже миллионы световых лет. А тут всего четыре тысячи километров. Вот и родилась идея.

— М-да, фантазии тебе не занимать, — хмыкнул Абдулов не без уважения. — Не зря тебя на базе прозвали «некремлёвским мечтателем».

«Амур» заметно повело из стороны в сторону. Так он реагировал на очередное гравитационное завихрение.

Абдулов охнул.

— Командир, может, не будем подходить слишком близко? Уж очень тут неуютно, желудок постоянно наружу просится.

— Мы спасатели или где, капитан? Думай лучше, как нам снять с этой Стены китайцев. Умник, сообщение на базу: мы у цели...

4

Матвейкин ворвался в кабинет Зайцева как всполошенный охотниками лось.

Начальник ЦЭОК с недоумением взглянул на генерала, обычно сдержанного и порой даже меланхоличного.

— Что случилось, Владимир Федорович? На вас лица нет.

Глава службы безопасности РВКН сделал глубокий вздох, с трудом возвращая хладнокровие.

— Только что стало известно... китайцы направили в пояс астероидов еще один аппарат.

— Ну и что?

— Это их второй космолет с леоновским двигателем.

— Всё равно команда Молодцова стартовала раньше...

— В том-то всё и дело, что китайцы стартовали сразу же вслед за «Амуром», с разницей всего в пять часов.

Зайцев нахмурился, погладил гладкий коричневый череп, встал из-за стола.

— Ты полагаешь...

— Ничего я не полагаю. Самое плохое, что китайцы официально не признались в запусках своих «волшебных челноков» за орбиту Марса. А это говорит о том, что цели их далеки от благородных. Если они увидят наших ребят возле своей Китайской Стены...

— Положим, она им не принадлежит. Да и не станут же они нападать на спасателей?

Матвейкин выдавил бледную улыбку.

— Мы ведь тоже не афишировали полёт «Амура». Так что варианты контакта могут быть самыми разными.

— Так предупредите Молодцова или вообще отзовите, пусть китайцы сами спасают своих парней.

— «Амур» не отзывается на вызовы.

— Почему?

— Эксперты полагают, что радио и лазерные пакеты отклоняются тороидальным гравитационным полем Стены. Может быть, полковник нас и слышит, и отвечает, но ответные его передачи до нас не доходят.

— Хреново, генерал!

— Сам знаю. Одна надежда — на опыт и светлую голову Молодца.

— Ты ещё помолись.

— Да и помолился бы, коли б помогло.

— Что будем делать?

— Вызывать «Амур»... и ждать.

На столе начальника ЦЭОК зазвонил мобильный телефон.

Зайцев посмотрел на него с подозрением, поднёс к уху.

— Слушаю... добрый день... да, я...

Затем лицо генерала изменилось. Он в замешательстве прикрыл микрофон ладонью, повернулся к собеседнику.

— Кэтрин Джонс... жена Молодца... спрашивает, где её муж...

— Откуда у неё ваш телефон? — нахмурился Матвейкин.

— Наверное, Денис дал... что сказать?

Начальник службы безопасности пожал плечами. Он не знал, что ответить американке, но был уверен, что разглашать государственную тайну не имеет права.

— Соври что-нибудь.

— Не хочу.

— Тогда скажи, что Молодцов отправлен в спасательный рейд.

— И всё?

— И всё.

Зайцев сдвинул ладонь, кашлянул и сказал казённым голосом:

— Полковник Молодцов выполняет задание командующего...

5

Мощь нелинейного гравитационного поля Китайской Стены превышала возможности «Амура», и, чтобы не свалиться на неё, Глинич предложил превратить корабль в своеобразный поперечный спутник «струны». После недолгих расчетов Умник сориентировал корабль таким образом, чтобы «Амур» не только вращался вокруг «струны», но и одновременно двигался вокруг неё по спирали, и космолёт начал наматывать витки на невидимую «струну», продвигаясь по её длине к одному из торцов.

Сначала радиус орбиты установили равным трёмстам километрам, затем поняли, что не в состоянии терпеть постоянные боли в нервных узлах от скручивания тел и общий дискомфорт (желудок отказывался принимать пи-

щу в таких условиях, а глаза отказывались выполнять функции органов зрения), и корабль отвели чуть дальше, на пятьсот километров. Хотя это почти ничего не изменило в смысле улучшения физического состояния. Но чем дальше от «струнной» Стены отдалялся «Амур», тем меньше деталей видели на ней космонавты, и вероятность обнаружения потерпевшего крушение китайского космолета падала катастрофически. Тем более что с такого расстояния увидеть двадцатиметровый китайский «челнок» визуально не представлялось возможным. Засечь и опознать его мог только локатор «Амура».

В общем, все понимали, что обречены работать в таких нестандартных условиях, и запаслись терпением.

Дважды Умник реагировал на яркие отражения сигнала локатора, заставлявшие экипаж останавливать продольное движение корабля и тщательно анализировать параметры отблеска.

В первом случае локатор обнаружил железистый астероид размерами с трёхэтажный дом, во втором — некий странный объект в форме ежа, отражающий луч локатора не хуже металлической болванки. Но всё-таки на китайский «челнок» этот «ёж» не походил.

— В сообщении китайцев говорилось, что их колымага врезалась в ледяную гору, — вспомнил Абдулов. — Давайте искать ледяные глыбы.

Денис кивнул, принимая совет.

Умник сориентировался быстро, отсортировал «мусор», налипший на «струну», и вскоре на экране стали появляться встречавшиеся на пути, нанизанные на «струну», как бусы, снежно-ледяные образования: снежинки размером со стадион, горы, облака, «снежные бабы» и угловатые «сосульки». Однако прошло достаточно много времени, прежде чем стали попадаться ледяные кружева с яркими вкраплениями металла. Каждую такую встречу приходилось долго анализировать, пуская в ход исследовательский комплекс, и продвижение «Амура» вдоль «струны» существенно замедлилось.

— Ну хорошо, допустим, мы их найдём, — заговорил

Абдулов, бледный, заросший щетиной, с тенями под глазами; впрочем, примерно так же выглядели все члены экипажа. — Что потом? Как мы их вытащим?

— Придумаем что-нибудь, — оскалился Денис. — Главное найти.

Абдулов скептически дёрнул щекой, снова приник к окулярам телескопа. Потом оглянулся на молчаливого бортинженера.

— Миша, мы сможем уйти от «струны» на форсаже?

— Эгран рассчитан на старт и посадку на такие планеты, как Земля, — ответил Жуков. — Есть такое понятие — критическое сечение энергозахвата...

— Да или нет?

— Мы не пробовали форсажные режимы. Может быть, генератор справится.

— А если нет?

Жуков оттянул губу, нерешительно посмотрел на Дениса.

— Можно рискнуть...

— Запросим базу, пусть поломают головы эксперты.

— Забыл, что у нас нет связи?

— Работайте! — сжал губы Денис. — Потом будем прикидывать варианты спасения китайцев. А пока...

— Смотрите! — перебил командира Глинич, тыча пальцем в экран. — Похоже, я был прав.

Все уставились на экран обзора, в глубине которого виднелось синтезированное изображение Космической Китайской Стены: светящаяся зелёная линия и разного размера узелки и звёздочки на ней. Компьютер дал вариацию увеличения одного из узелков в левом сегменте экрана, стал виден прозрачно-голубой ледяной ком, а рядом вдруг возникла идеальная сфера, усеянная чёрными точками.

— Что это? — осведомился Абдулов.

— Китайцы... — начал Жуков.

— Это не китайцы. Размеры этого шарика — около двух километров. — Глинич нервно потёр ладонь о ладонь, чего с ним не случалось давно. — По-видимому, эту

штуку «струна» подцепила где-то в космосе, пролетая мимо обитаемой звёздной системы. Командир, более ценной находки я ещё не видел! Надо стыковаться и...

— Остынь, Эдуардович, — буркнул Абдулов. — У нас нет ни времени, ни средств на изучение феномена. Здесь нужна хорошо подготовленная экспедиция.

— Стена скоро пересечёт диск эклиптики и навечно канет в пространство! Мы будем преступниками, если не воспользуемся случаем.

— Мы станем преступниками, если не выполним поставленную перед нами задачу.

— Вы не понимаете...

— Отставить базар! — бросил Денис. — Сначала — спасоперация, всё остальное потом!

— Но мы сюда больше не вернёмся, командир! Или вернёмся?

— Посмотрим на обстоятельства. Слава, попробуй всё-таки установить связь с базой.

— Есть, командир.

Однако связь с Центром управления на Земле им установить так и не удалось. Мешало «плавающее, вздрагивающее и шатающееся» гравитационное поле Китайской Стены с резко изменяющимся градиентом. Пока «Амур» находился рядом с ней, помочь его экипажу советом эксперты на Земле не могли.

6

Китайский корабль они обнаружили спустя сутки.

Корма «Шэнь Чжоу» торчала из огромной ледяной горы как исполинский подсвечник и была хорошо видна издалика. Спутать её с чем-нибудь ещё было невозможно, так как китайские ракетчики старательно копировали все российские разработки, в том числе и последнюю — «Ангару-Амур» с леоновским электрогравитационным двигателем.

Кроме «Волшебного корабля» на этом космическом ледяном айсберге размером с Эверест были видны еще какие-то предметы, отражавшие луч локатора так же силь-

но, как и корпус «челнока», но они скорее всего являлись деталями обшивки или же металлическими вкраплениями во льду астероида.

На вызовы, однако, тайконавты не ответили.

— Что дальше? — осведомился Абдулов скрипучим голосом. — Надо либо садиться рядом, либо...

— Что? — кинул на него Денис мрачный взгляд.

— Либо возвращаться домой! Какой смысл снимать китайцев с их разбитого корыта, если мы не сможем вернуться обратно? К тому же ещё неизвестно, живы они или нет. Небось разбились на хрен!

Денис стиснул зубы, чтобы не выругаться, потрогал щетину на подбородке; он, как и все, не брился уже трое суток.

— Подходим ближе. Готовимся к посадке. У нас будет всего несколько минут на проверку, живы китайцы или нет. Если да — режем корпус кабины управления, перетаскиваем их к себе и взлетаем. Если нет — стартуем немедленно. Миша, на тебя вся надежда.

— Сделаю всё, что смогу, — смутился бортинженер. — Выдержал бы эгран...

— Поехали!

«Амур» начал уменьшать радиус орбиты, приближаясь к «струне» Космической Китайской Стены.

Четыреста километров...

Рыскание и раскачивание корпуса увеличились. Космонавтов начало тошнить, как во время шторма на борту небольшого морского судёнышка.

Триста километров...

Боли усилились, особенно головные и в области сердца.

Двести километров...

Расстроилось зрение. Перед глазами людей начали вспыхивать странные видения. Рубку наполнили призраки, свободно проходящие сквозь стены. Ориентироваться стало труднее. Чтобы увидеть показания приборов, надо было чуть ли не уткнуться в них носом.

Сто километров...

Корабль стал дёргаться, словно человек от кашля.

Волны искривления побежали по стенам рубки быстрее. В цепях управления начались сбои, сама собой включилась сирена тревоги. Денис с великим трудом нашёл красный грибок отбоя тревоги на правой панели воклера. В кабине стало тихо.

Пятьдесят километров...

— Есть связь, командир! — изумлённо и обрадованно заорал Абдулов. — Нам пришло сообщение от Зайцева! Он говорит, что кто-то летит вслед за нами... Ах, черт, сорвалось! Не слышу больше ничего... вот незадача...

— Странно, что мы вообще их услышали, — пробормотал Глинич. — Кто там летит за нами?

— Да не понял я...

— Внимание! — раздался голос Умника. — Отмечаю появление неопознанного управляемого объекта!

— Где?! — в один голос воскликнул экипаж.

Компьютер переключил вектор обзора. В экране стала видна полусфера пространства со стороны кормы корабля. В поле обзора на фоне звёздных россыпей загорелся алый огонёк. В нижнем сегменте экрана протаяло изображение удлинённого овала с острым клювом и розеткой кормы.

— Космический «челнок» типа «Шэнь Чжоу-105», — снова заговорил Умник, в течение секунды определив принадлежность корабля. — Расстояние — двадцать два километра, скорость — пять единиц.

— Китайцы! — пробормотал Абдулов ошарашенно. — Они таки послали своего спасателя! Во дают, узкоглазые! Лепят ракеты, как пирожки! А вообще, всё идёт отлично, командир! Пусть теперь и спасают своих сами!

— Выпей валерьянки, — посоветовал Жуков. — Разве мы их бросим?

— Умник, запроси их.

— Не отвечает, — доложил компьютер.

— Врубай аварийную волну, иллюминацию, опознавательные огни, лазерную связь.

— Есть!

Прошла минута, другая. Догнавший «Амур» китай-

ский космолёт не отвечал, но существенно приблизился. Теперь корабли разделяло всего четыре километра, и расстояние продолжало сокращаться.

— Что они делают?! — прошептал Жуков.

— Слава, что сказал Зайцев?

— Я почти ничего не разобрал. Нас кто-то пытается догнать... теперь понятно кто. А в экипаже у них всего два человека. И ещё я вроде бы услышал странное слово «вед-чики».

— Может быть, разведчики? — предположил Глинич.

— При чём тут разведчики? Тогда уж контрразведчики, коль речь идёт о китайцах. Они запустили вдогон за нами своих контрразведчиков.

— Зачем?

— Чтобы не допустить утечки информации.

— Мы же с ними сотрудничаем в космосе... с ними и с американцами...

— Каждая держава всё равно вынуждена охранять свои секреты. Наша, кстати, тоже. Так ведь, Феликс Эдуардович? Ты ведь у нас не только спец по космосу, но и контрразведчик.

— Без комментариев, — остался невозмутимым Глинич.

Корабли сблизились ещё на километр.

Китайский космолёт слегка замедлил скорость, но продолжал упорно держаться за кормой «Амура», словно собирался пристыковаться к нему.

— Может быть, он вообще без экипажа? — предположил Жуков. — Идёт на автомате...

— Китайская автоматика пока не в состоянии самостоятельно... — Денис не закончил.

Приближающийся космолёт выбросил яркий алый лучик.

— Лазерное нападение! — отреагировал Умник. — Мощность в импульсе девятьсот тераватт! Угроза повреждения энергокапсулы!

— Они с ума сошли?! — ахнул Абдулов.

Жуков начал выбираться из кресла:

— Если луч попадёт в эгран...

— Сиди! — приказал Денис. — Умник, маневр влево! Приготовить к выстрелу кормовой лазер!

Но ответить на атаку преследователей они не успели.

Китайский «челнок» испустил ещё один яркий лучик, корабль содрогнулся, и Умник хладнокровно констатировал:

— Прямое попадание в гондолу генератора! Повреждён эгран! Пожар в отсеке вакуумсоса! Отключаю двигатель!

— Я в отсек! — метнулся из рубки Жуков.

— Командир, мы падаем! — крикнул Абдулов. — Если они выстрелят ещё раз, нам крынты!

— Умник, ответь!

Компьютер, успевший навести кормовой лазер на чужой корабль, выстрелил.

Китайский «челнок» резко замедлил ход.

Но это не могло помочь «Амуру», двигатель которого отключился и уже не мог противодействовать силе притяжения Китайской Стены. Корабль неудержимо повлекло к «струне».

— Разворот кормой по вектору движения! Двигатели маневра на полную тягу!

Умник повиновался.

На тела людей упала чугунная плита экстренного торможения.

Выругался сквозь зубы Абдулов. Что-то пробормотал Глинич. Денис, почти ослепший от отлива крови от головы, не видя экрана обзора и панелей управления, откинулся на спинку кресла, чувствуя, как трещат кости и лёгкие судорожно пытаются вытолкнуть застрявший в них воздух.

Впереди выросла призрачная гора космоайсберга.

— Держитесь! Миша — садимся, хватайся за что-нибудь!

Удар, скрежет сминаемого металла, грохот сорвавшихся с мест кресел, острое шипение начавшего просачиваться сквозь трещины воздуха...

Больше Денис не услышал ничего.

Восстановлению и ремонту «Амур» не подлежал, несмотря на чудом уцелевшие системы навигации и обзора.

Это стало ясно после доклада Умника, проверившего состояние всех узлов корабля и сделавшего печальный вывод. Но экипаж практически не пострадал, хотя и чувствовал себя хуже некуда. Скручивающая тела гравитация «струны» была так сильна, что мышцы не справлялись с удержанием тел в равновесном состоянии, и космонавты вынуждены были всё время напрягать их, шевелиться, пытаясь найти позу, при которой мучившие их боли стали бы чуть слабее.

— Что будем делать, пацаны? — прохрипел синий от переживаемого Абдулов, извиваясь в своем кресле как червь. — Похоже, это наш последний рейд.

— Ещё не вечер, — возразил Денис, также ища положение, уменьшавшее боль в костях. — Феликс Эдуардович, есть идеи?

— Я понял, — отозвался планетолог после паузы; голос его был глух и невнятен, но, судя по всему, паниковать спец по непознанным космическим явлениям не собирался.

— Что ты понял?

— Что происходит.

— Китайцы, дышло им в печёнку, нас сбили! — выговорил Абдулов в три приёма. — Вот и все события.

— Я не об этом.

— А о чем?

— Я знаю, что происходит в Солнечной системе.

— Бардак!

— Не перебивай, Слава.

— Мы имеем ярко выраженный вектор воздействия на Систему. Астероид Ирод, объект Окуроч, десант неизвестной формы жизни на Плутон, теперь эта проклятая Китайская Стена... целый шлейф артефактов!

— Короче, философ, сил нет терпеть!

— Я считаю, что Солнце в своём движении в корота-

ционном круге Галактики вошло в обитаемую зону и наткнулось на следы древней цивилизации.

— Какие следы?

— Все объекты, которые мы же и исследовали, представляют собой искусственные сооружения. Надеюсь, возражать не будете? В крайнем случае это остатки искусственных сооружений и объектов. Лично для меня нет сомнений, что мы все время сталкиваемся со следами разумной деятельности. Возможно, в Систему залетит еще не один удивительный объект со стопроцентной сфинктурой.

— Не каркай! Командир, Эдуардовича лечить пора.

— Нас всех пора лечить, — флегматично отозвался Глинич.

— Выходим! — наконец решился Денис после долгих мучительных поисков выхода из тупика. — Попробуем вскрыть китайский «челнок» или достучаться до них, если они еще живы.

— А те идиоты, что стреляли по нас, не помешают?

«Амур» внезапно содрогнулся.

Все замерли, прислушиваясь к затихающему гулу, чувствуя вибрацию стен и пола рубки. И словно в ответ на вопрос Абдулова, заговорил Умник:

— Стрелявший из лазера корабль упал в двух километрах от нас.

Космонавты переглянулись.

— Мы его всё-таки повредили, — пробормотал Абдулов, — при контратаке. Командир, давай-ка захватим на всякий случай оружие. Кто их знает, этих китайских контрразведчиков, они живучи, как тараканы. Да и намерения у них явно не дружеские.

Денис подумал и согласился.

— Берём личное оружие. Миша, погрузи в капсулу сопровождения гранатомёт и ПЗРК. Не забудьте НЗ, аккумуляторы, планинги и ЖК. Вперёд, спасатели!

Борясь с головокружением, а также с «кривой» силой тяжести, обливаясь потом, трепыхаясь как рыбы, вытасценные на берег, они выбрались из перекошенной руб-

ки в тамбур, потом сошли на подсвеченный прожектором корабля голубовато-зелёный, с чёрными жилами и серебристыми вкраплениями, лёд космического айсберга, пригнутого «струной». Саму «струну» — «голую», так сказать, увидеть было нельзя, но за время путешествия в космосе она обросла толстой «шубой» пыли и мелких частиц снега, льда и каменного материала, и космонавты некоторое время разглядывали в свете прожектора метровой толщины пушистую «трубу», протыкавшую ледяной астероид насквозь и уходящую в обе стороны в чёрные бездны пространства.

— Это и в самом деле не стена, — прошептал Жуков.

— Могила! — мрачно отозвался Абдулов. — Наша и китайцев. Кстати, я их не вижу.

— Вот они, — показал рукой Глинич, сумев отличить китайский космолёт от естественных торосов.

Хвост китайского «челнока» и в самом деле торчал из льда в паре километров от разбившегося «Амура», отчётливо видимый на фоне слабо фосфоресцирующего свечения льда.

— Это те, ради кого мы прилетели? Или же те, кто нас догнал?

— Увидим. Не отставайте.

Денис первым направился к чёрному обелиску китайского корабля. Остальные, кряхтя, буквально поползли за ним, понимая, что сами находятся в таком же положении, как и тайконавты, но веря, что шанс спастись отыщется.

Ползли больше двух часов. Добрались до кормы «Шэнь Чжоу», изуродованного ударом о лёд, пытаясь по пути вызвать тайконавтов по рации. Но в эфире царила тишина, если не считать частые свисты, вой и треск помех. Не отзывались китайцы и на стук по корпусу корабля.

— Кирдык! — просипел Абдулов, вконец обессилев. — Китайская космонавтика в очень сильном упадке.

— Ты о чём, капитан?

— Я имею в виду, что грохнулись они прилично. В лепёшку! Кстати, искать второй «волшебный дредноут» я не пойду. Сил нет. Оставьте меня здесь.

— Отдохнём чуток, — Денис попытался придать голосу необходимую толику бодрости, — и попрёмся дальше.

— Не пойду! — упрямо заявил штурман. — К дьяволу всех китайцев, к дьяволу эту их Китайскую Стену, к чёрту эту жизнь! Всё равно нам отсюда не выбраться.

— Прекратить киснуть, капитан! Пока мы живы — шанс есть! Вставай!

— Давай я помогу, Слава, — подсунулся еле живой от перенапряжения Жуков.

Денис подставил Абдулову руку, Жуков взял его под локоть с другой стороны, и они поставили штурмана на ноги. Он выругался слабым голосом. Но сделал шаг, другой, третий...

— Эх, покопаться бы в этом льду! — мечтательно пробубнил Глинич. — Да и вообще по «струне» полазить... Столько интересного обнаружили бы...

— Фанатик... — выдохнул Абдулов. — Я с тобой больше не полечу.

— Почему?

— Дай тебе волю — ты и нас препарируешь.

— Смешно, — согласился Глинич.

Внезапно в наушниках раций послышался напряжённый женский голос:

— Эй, на айсберге! Есть кто живой?

Говорили по-английски.

Космонавты вздрогнули, останавливаясь.

— Кэтрин? — неуверенно проговорил Денис.

— Дэн?! — раздался в ответ ликующий вопль. — Ты жив?!

— Наполовину.

— Держитесь, мы уже близко!

Над головами космонавтов загорелась яркая звезда — прожектор американского шаттла.

— Не подходите близко! Это гравитирующая «струна»...

— Мы в курсе, нас предупредили.

— Кто, китайцы?

— При чём тут китайцы? Ваши учёные из ЦЭОК.

А китайцев мы действительно встретили, час назад выловили спасательную капсулу, в ней два тайконавта...

— Свяжите их! Эти паразиты в нас стреляли!

— Что?!

— Не спускайте с них глаз! Кто знает, что у них на уме. А первые тайконавты, наверное, разбились, не отвечают ни на вызовы, ни на сигнализацию.

— Хорошо, — после паузы проговорила Кэтрин Бьюти-Джонс. — Я поняла. Всё под контролем. Ждите, мы что-нибудь придумаем.

Золотая звезда на фоне других звёзд Млечного Пути стала увеличиваться.

— Интересно, — со смешком сказал Абдулов, воспрянувший духом, — как долго вы будете спасать друг друга? Не пора ли просто зачислить твою жену в наш экипаж?

— Может быть, — улыбнулся Денис. — Может быть, после рождения сына.

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ

этой маленькой приговоренной планеты не сбежишь, будь ты хоть трижды крысой. Она казалась большой только до тех пор, пока у нее было неопределенное будущее. Вернее, пока будущее вообще БЫЛО. А теперь все свелось к тупой и неумолимой небесной механике: два камня с массами шесть на десять в двадцать первой и десять в семнадцатой тонн столкнутся на небесных своих путях, и произойдет это примерно через неделю. Момент столкновения уже рассчитан с точностью до минуты, но не будем мелочными — ведь мы растратили гораздо больше; время текло мимо нас, оно казалось бесконечным и неисчерпаемым: реки дней впадали в океаны секунд. Мы занимались серфингом для кретинов: скользили в прибрежных волнах на досках своей глупости, так и не познав глубины, так и не заглянув по-настоящему в бездну. Теперь иная бездна готова разверзнуться перед нами, перед каждым из нас. Мы рухнем в эту пропасть одновременно: семь миллиардов замороженных кроликов, ужаснувшихся нелепости своей смерти. Что ж, по крайней мере, на это еще осталось время. Время подумать кое о чем. Время сделать кое-что. В общем, время приготовиться к смерти.

Разве милосердие Божье не безгранично?

РОЗА

Ей двадцать пять. Ее зовут Роза. И будут звать так еще семь дней, если она не покончит с собой или не произойдет несчастный случай. Хотя словосочетание «несчастный случай» в данных обстоятельствах звучит забавно, не правда ли?

У нее отличное тело, которым она прежде зарабатывала себе на жизнь. Теперь выяснилось, что всего заработанного хватит с лихвой на всю оставшуюся. Роза не вульгарная проститутка. У нее утонченная душа, не чуждая искусствам. Своей утонченной душой она заработала не меньше, чем телом. Может, даже гораздо больше, ведь красивых тел в избытке, а при наличии денег рано или поздно начинает хотеться чего-то еще.

Роза сидит в самом шикарном клубе города. Она пьет коньяк и курит сигарету с легким табаком. В голове у нее ни одной связной мысли. Ее взгляд отрешенно блуждает по залу.

Завсегдатаев — раз-два и обчелся. Персонал сократился более чем на половину. Зато те, что остались, похоже, проводят в клубе дни и ночи. Им больше некуда деться. Роза это хорошо понимает. Она и сама чувствует себя так, словно из нее вынули потроха. Надутая воздухом, она готова плыть туда, куда подует ветер. Но, поскольку ветер не дует, она зависла на месте.

— Цветешь и пахнешь.

Голос за спиной. Она ощущает кожей дыхание мужчины. Это владелец клуба. Она несколько раз спала с ним. Ничего особенного, но им всегда есть о чем поговорить. Точнее, было. А теперь — посмотрим.

— Ждешь кого-нибудь?

Она криво ухмыляется и вместо ответа тычет наманикюренным когтем вверх. Туда, откуда приближается конец.

Виктор усаживается рядом с ней на полукруглый диван и раскуривает сигару. Он любит красивую жизнь и привык ни в чем себе не отказывать. Роза не сомневается, что и в день X он будет посасывать свою «Гавану», пока его «ролекс» будет отсчитывать последние минуты. Но не исключено, что она ошибается. Ситуация столь исключительна, что розы могут и не пахнуть розами.

И Виктор действительно удивляет ее. Мечтательно глядя в стену, он спрашивает:

— Что будешь делать, когда начнут стрелять?

— Допивать свой коньяк. Я за него заплатила.

— Можешь пить за счет заведения. С сегодняшнего дня у тебя неограниченный кредит... А знаешь, я и сам не прочь грохнуть напоследок парочку придурков.

Знакомая мысль. Роза думала об этом несколько дней назад. По телевизору она видела репортаж о парадоксальном снижении уровня преступности, хотя количество оставшихся в строю правоохранителей сократилось раз в десять. Но зато преступления, которые все-таки совершались, отличались необычайной, прямо-таки дьявольской жестокостью и громадным числом жертв. Например, один тихий бухгалтер зарубил топором всех тех, кто доставал его предшествующие двадцать лет и, видимо, как следует достал. Таких набралось двадцать восемь человек, включая жену, тещу, соседей, сослуживцев, начальника и — непонятно почему — продавца газет из ближайшего киоска. Вполне вероятно, бухгалтер этим не ограничился бы, не оказался на его пути парня с пушкой, который и поставил жирную точку на лбу народного мстителя.

Роза насчитала восьмерых кандидатов. Но у нее не было оружия, и, кроме того, по некотором размышлении она поняла, что не получит должного удовлетворения. Куда-то подевалась ее способность получать удовлетворение. Улетучилась внезапно, как легкий газ. И, по всей видимости, то же самое происходило со многими женщинами и мужчинами. Желающих утопить тоску в тотальных оргиях оказалось на удивление мало. То есть, конечно, хватало придурков, стремившихся наверстать упущенное, но знаменитые кобели повесили хвосты и члены. И те, кто ожидал большого пира во время чумы, тоже просчитались.

Чтобы проверить свое предположение, Роза сует руку Виктору в пах, умело поглаживает и разминает эту вялость в штанах. Реакция если и есть, то явно запоздалая. Животное еще живо, но оно обречено и потому пассивно.

Роза может подняться с ним в офис, чтобы попытаться расшевелить друг друга, но в этом акте ей видится

что-то нарочитое, почти медицинское, как искусственное дыхание, а главное, не унимающее тошноты на грани физиологии и чувства — той отвратительной неодолимой тошноты, которая теперь сопровождает ее повсюду. Это тошнота смерти.

Роза выпила очень много, но не окосела ни на один градус. В голове у нее продолжает щелкать примитивная машинка желаний: она перебирает варианты, будто листает отрывной календарь на следующий год. Машинка щелкает, но желаний-то нет. Мелькают мысленные картинки — все доступно, весь мир на неделю в кармане, денег хватит, здоровья тоже. Кокаин, Тибет, Сейшелы, автогонки, секты, секс, яд, церковь, шоппинг на всю катушку, Бонни и Клайд, часть вторая — стоп, это мы уже проходили...

Что там еще осталось? А, ну да, развлечение, которое теперь доступно каждому, — многие обсерватории предоставляли всем желающим возможность полюбоваться приближающимся ангелом смерти. И благодаря Интернету это можно было сделать не выходя из дому. Роза видела дерьмовое маленькое пятнышко в небесах, вернее, на экране компьютера — еще более невзрачное, чем пятно на рентгенограмме, означающее раковую опухоль...

Роза напрасно ждет от Виктора, что тот подкинет какую-нибудь идею. Он не из тех, кто может заставить забыть обо всем. Незачем подталкивать спотыкающуюся беседу, не говоря об оставшейся жизни. Такое впечатление, что вино выдохлось, не успев обрести вкуса. Момент, когда надо было его пить, упущен навеки. Только уксус в бутылках, запечатанных сургучом одиночества, только уксус.

— Нелепо все это, — произносит он, словно угадывая обрывки ее мыслей. — И некого винить. Тот редкий случай, когда человеческая глупость ни при чем.

Другими словами, не на ком выместить злобу, подумала Роза, но не стала говорить этого вслух. Лень было цепляться к мелочам. Неужели наступили те благословенные времена, когда никому ни до кого не будет дела? Живи сам и не мешай жить другим.

Но и для этого слишком поздно.

ТУРИСТЫ

Они лежали, отдыхая после долгих иступленных занятий любовью. Близилась полночь. Их окружали невысокие старые горы. Небо было усыпано звездами. Холод постепенно охватывал головы и сердца.

Эти двое и раньше сбегали от городской серости и смога, забирались в отдаленные уголки на его мотоцикле, ставили палатку и жили как первобытные люди. Дыхание первозданной природы возвращало им силы. Они любили друг друга вот так же, под звездами, на виду у всей Галактики. Единственное, чего она никогда не забывала, это предохраняться. Считала, что еще не время заводить ребенка. Что ж, она оказалась права. Ребенок действительно был ни к чему.

Она и сейчас предохранялась. Он не спрашивал, какой в этом смысл. На сей раз они забрались очень далеко и не собирались возвращаться. Вернее, не смогли бы вернуться. На обратную дорогу просто не хватит бензина. Она подгоняла его, стремясь очутиться как можно дальше от цивилизации, будто речь шла об атомной войне. Это был невинный самообман. Ничем не хуже запоя.

Она лежала неподвижно, глядя на мигающую точку в небе. Звездный блеск отражался во влажных глазах. Он понял, что у нее на уме, раньше, чем она открыла рот.

— А вдруг уцелеют те, которые на станции? — медленно проговорила она. — Представляешь, каково им? Совсем одни в пустоте. А потом они начнут падать на Солнце. Долго они протянут? Полгода? Год?

— Все будем гореть в одном аду. Никто не выживет, — сказал он, а сам подумал: «Может, оно и к лучшему. Было бы чертовски несправедливо, если бы избранные говнюки из правительства отсиделись в каком-нибудь бункере или на орбите, а затем вернулись на все готовенькое и принялись делить новую, очищенную от скверны Землю».

— Ты злой, — сказала она, надув губки.

— Да, я злой, — согласился он. — Но не злее тех, кто отравил нам молодость и всю жизнь.

Она не вполне понимала, кто эти злодеи и о какой отраве идет речь, но верила в его превосходство. В конце концов, и это уже не имело особого значения.

- Страшно подумать, что от нас ничего не останется.
- Гнить в земле ничуть не лучше.
- Совсем-совсем ничего?

Он не стал повторять то, что было пережевано тысячи раз за последние пару месяцев. Яйцеголовые изощрялись, сочиняя все более реалистические сценарии катастрофы. И хотя мнения не всегда совпадали в деталях, ясно было одно: по крайней мере, все произойдет быстро. И закончится еще быстрее. Большой бабах — и разделенные на атомы девушки отправятся блуждать среди холодной космической пыли...

- Хочешь кофе? — спросила она.
- Выпьем вина.

Он встал и пошел в палатку за бутылкой. У них было припасено изрядное количество бутылок шампанского и хереса. Целый передвижной винный погребок. Хватит, чтобы отпраздновать вдвоем что угодно — хоть конец мира, хоть чудесное спасение. Но в такие чудеса никто не верит. Может воскреснуть один, могут спастись двое, трое или сотня, но даже самое вожаделенное «чудо» не отменит тотального уничтожения, как не была отменена гибель десятков миллионов в войнах, от голода и болезней. А ведь они тоже надеялись на что-то, и вера многих была искренней и крепкой.

Они пили из одноразовых стаканов. Ему вдруг пришло в голову, что в жизни все должно быть одноразовым, чтобы не исказить подлинный смысл ложной перспективой. Чтобы не заслонять пустоту суетой повторений. Чтобы каждое мгновение приобрело ценность или бесценность последнего. Может, это и означало бы умение жить? Такой банальный рецепт, по которому, однако, уже не получишь лекарства ни в одной аптеке.

АПТЕКАРЬ

Он проснулся, как всегда, в шесть утра. Для этого ему не нужен был будильник. Он надел спортивный костюм, кроссовки, ветровку с капюшоном и, несмотря на дождь, отправился на утреннюю пробежку в ближайший парк.

Он никогда не менял своего маршрута, как, впрочем, и всех других своих привычек.

Город казался вымирающим — и не только потому, что стоял ранний час. Общественный транспорт прекратил работу неделю назад. Машин на улицах было много, но лишь немногие из них двигались. Нередко попадались и брошенные владельцами посреди проезжей части; они были исправны, ключи торчали в замках зажигания. Город словно погружался на морское дно — звуки стали глуше, цвета поблекли, даль была неразличима и размыта струями дождя.

Аптекарь бежал трусцой, и об него разбивались тысячи летящих капель. Шлепки кроссовок по лужам отдавались в переулках. Огромное количество бродячих кошек и собак провожали взглядами бегущего человека. Ирландский сеттер, явно совсем недавно лишившийся хозяина, пристроился к аптекарю и некоторое время трусил следом. Потом отстал, потеряв надежду снова обрести дом. Аптекарь не позвал пса за собой. Он хотел умереть так, как и жил — в одиночестве.

Мокрый парк встретил его похищенной у ночи свежестью, почти холодом. На темных аллеях было совершенно безлюдно. Аптекарь бежал, отмеряя километр за километром. Когда-то компанию ему составляли люди, имен которых он не знал, зато все они издали различали друг друга по стилю бега, регулярности, костюмам и еще по десятку признаков, что делало их ежедневные встречи не вполне обычными. Можно было видеть человека каждое утро в течение пятнадцати лет и не знать о нем ничего, кроме того, что после двух километров в темпе сто сорок ударов в минуту он начинает слегка приволакивать правую ногу.

Аптекарь оказался единственным, кто бегал до сих пор. Он вполне отдавал себе отчет, что в этом нет ни малейшего смысла. За исключением, вероятно, следующего пустяка: он не знал никакого другого способа противостоять надвигающемуся хаосу. Хаос приближался не только извне. Хаос готов был воцариться и в его собственной

душе. Что-то безликое стучалось в ветхую дверь, заглядывало в окна, ворочалось в подвалах и поднималось, словно черное зловонное тесто...

Что оставалось аптекарю? Продолжать жить по-прежнему, будто ничего не случилось. Быть самим собой, хотя скоро слепая смерть сотрет все, что ему дорого. Случай и хаос правили миром. Жизнь была исключением из правил, так что тут можно было возразить? Аптекарь не верил ни в бога, ни в дьявола. Он не верил также в человечность после того, как трое подонков убили его пятнадцатилетнего сына. Забили ногами в сортире. Жена не вынесла этого. В течение тринадцати лет он посещал ее в психушке, и с каждым годом ей становилось все хуже. Под конец она напоминала чудовище. Но он помнил ее такой, какой она была в молодости. Он познакомился с ней в этом самом парке. Она сидела на скамейке и читала «Утраченный свет». Он не сумел пройти мимо.

Аптекарь закончил последний круг. Физически он чувствовал себя прекрасно. Куда лучше, чем в двадцать лет. Из всех препаратов, которыми сам же торговал, он употреблял разве что поливитамины. Да, он был в отличной форме и мог бы прожить еще как минимум лет тридцать.

На обратном пути тот же сеттер проводил его тоскливым взглядом. Бывший одноклассник, толстый и обрюзгший, сделал ручкой с балкона. Женщина в белом остановилась, поглядела вслед бегущему и покрутила пальцем у виска. А другая женщина — в черном, — вообразившая себя Смертью, погрозила ему пальцем. Начинался новый день. Первый из шести оставшихся.

Вернувшись домой, аптекарь тщательно побрился и помылся запасенной водой. Пока брился, он слушал последние новости по радио. Генералы все еще готовились воспользоваться тем, что они называли «последним шансом». Речь шла о запуске сотни-другой ракет с термоядерными боеголовками в направлении космического бродяги с целью расколоть его на части или изменить траекторию. Но для этого он был слишком велик по любым оценкам, и хэппи-эндом в духе старого тупого фильма даже не пахло.

Аптекарь приготовил себе легкий завтрак: стакан сока, тосты, творог. Доставать продукты становилось все труднее. Не исключено, что последние дни придется голодать. Его это не волновало. Он надел безукоризненно выглаженную рубашку, строгий костюм и отправился на работу. Он не видел причины опаздывать хотя бы на минуту.

Без пяти девять он уже открывал дверь аптеки и отключал сигнализацию. Он понимал, что однажды может увидеть свою аптеку разгромленной (такая участь постигла несколько магазинов на той же улице), но пока до этого не дошло. Ровно в девять он стоял за стойкой, готовый помочь профессиональным советом любому, кто в совете нуждается. Ему не было скучно, несмотря на почти полную тишину и неизменный интерьер аптеки, где все было разложено по полочкам в идеальном порядке. Иногда он даже думал (наполовину в шутку, наполовину всерьез), не был ли Порядок для него единственной истинной религией?

Первый покупатель появился только около одиннадцати. Какая-то старушка зашла и попросила лекарство от головной боли. Она взяла столько таблеток, что хватило бы на пару лет вперед. Он не стал ее отговаривать. По видимому, старушка жила в своем измерении времени, где неделя значила ровно столько же, сколько годы. Или не значила ничего.

В четверть первого напротив аптеки остановился скоростной двухместный автомобиль с нездешними номерами, из которого вылез здоровенный загорелый парень лет тридцати. На нем был дорогой костюм, надетый на голое тело, и розовые домашние тапочки — судя по всему, женские. Несмотря на эти маленькие нюансы, парень вел себя абсолютно уверенно. Распахнув дверь аптеки, он радостно сообщил с порога:

— Папаша, тебя мне бог послал. Я уж было подумал, что в этой дыре все аптекари передохли. А с другой стороны, на хрена теперь лекарства, верно? — Парень подмигнул и захохотал так, словно выдал анекдот года.

Аптекарь слушал его с вежливой улыбкой, ожидая, когда клиент перейдет к делу. Возможно, дорогие пре-

зервативы. Возможно, виагра. Возможно, что-нибудь по рецепту с красной полосой. Аптекарь навидался всякого. Но парень попросил:

— Слушай, глянешь на мою телку, а? Не пойму я, что с ней. Отключилась ни с того ни с сего, такая фигня.

Аптекарь не стал терять времени. Вдвоем они подошли к машине. Парень открыл дверцу со стороны пассажира. На сиденье полулежала очень красивая девушка лет двадцати пяти в платье, которое больше напоминало ночную рубашку. Аптекарь поднял ей веки, затем пощупал пульс. Посмотрел на парня внимательнее. Тот выглядел совершенно нормальным.

— Она мертва, — сказал аптекарь. — И уже довольно давно.

Парень искренне удивился:

— Вот блин! Плохая примета, правда?

Он деловито нагнулся, выволок девушку из машины и положил на тротуар. Полез во внутренний карман пиджака, выудил крупную купюру и сунул ее аптекарю.

— Это на похороны. Ее звали Роза, — бросил он напоследок, обошел свою тачку, уселся в водительское кресло и с шиком отвалил.

Аптекарь посмотрел по сторонам. За этой сценой наблюдали вороны, бродячие собаки, а также человек, шатавшийся по улице последние пару дней с плакатом на груди: «Покайтесь, ибо близится час расплаты!».

Аптекарь отлично понимал, что рассчитывать не на кого. Морги забиты до отказа, могильщики разбежались. Холодильник, в котором он хранил препараты, слишком мал.

Он вынес из аптеки старый халат и накрыл им труп. Отогнал ворон, которые уже проявляли заинтересованность. На его телефонные звонки никто не ответил, хотя автоматическая станция все еще работала. После шестого звонка он снова услышал шум двигателя на улице — довольно редкий звук в последнее время. Сквозь витринное стекло он увидел армейский джип, остановившийся перед аптекой. У аптекаря появилось вполне определен-

ное предчувствие. И, как показало ближайшее будущее, интуиция его не обманула.

Вошли трое. Один в форме полковника, с лицом полковника, с повадками полковника. И двое тех, что выполняют любые приказы, — это также можно было прочесть по их лицам. Полковник улыбался, как белая акула. Он ткнул большим пальцем себе за спину и спросил:

— Это ты ее грохнул? Надеюсь, вначале хотя бы получил удовольствие?

Аптекарь слушал с непроницаемым видом, жалея лишь об одном. О том, что в этой стране запрещена свободная продажа оружия. Хотя за минувшие дни он запросто мог бы подсуетиться и обзавестись нелегальной пушкой. Но от своего фатализма отрекаешься только тогда, когда наступает фатальный конец.

Полковник скомандовал:

— Давай все, что есть по списку Д.

Аптекарь кивнул. Значит, список Д. Честно говоря, он думал, что все начнется немного раньше или до этого вообще не дойдет.

Он сказал вежливо и отчетливо:

— Полковник, как вам известно, я должен видеть приказ, подтверждающий ваши полномочия изъять препараты по списку Д.

Полковник посмотрел на него иронически. Солдаты ухмыльнулись. Полковник приказал тому, что стоял справа:

— Предъяви этой крысе наши полномочия.

Гора мускулов пришла в движение. Аптекарь получил удар прикладом в живот и осел на пол среди битого стекла, хватая ртом воздух. Когда он снова смог вдохнуть, солдаты уже взламывали замки и переворачивали складское помещение вверх дном.

Так хаос ворвался в его жизнь на целых пять дней раньше назначенного срока. У него украли пять дней жизни. Это не так уж мало, если верить старой басне, что примерно за такое же время был создан мир. Но все уничтожить можно еще быстрее.

Аптекарь с трудом поднялся на ноги. Он испытывал

ненависть к слугам хаоса — чистую и сверкавшую в его мозгу, как первый снег. Полковник повторно удостоил его вниманием лишь тогда, когда он приблизился вплотную.

Это было роковой ошибкой старого вояки. Он слишком рано сбросил со счетов штатского слюнтяя. Тот полоснул его осколком стекла по горлу.

В полковнике оказалось много крови. Почти столько же, сколько дерьма. Но аптекарь этого, к своему сожалению, не увидел. Солдаты расстреляли его из автоматов, и он умер, получив сорок пуль в корпус. Его швырнуло на улицу через витринный проем, стекло в котором уже осыпалось, и он упал рядом с мертвой красавицей.

Им предстояло пролежать так оставшиеся пять дней. На третий день Роза уже пахла отнюдь не духами, аптекарь тоже не благоухал. А прежде их попробовали на вкус бродячие псы. Но не обглодали до костей. К тому времени еды для собак было вдоволь.

КРОЛИК В ЛАБИРИНТЕ

Проснувшись по звуку зуммера в одном из тупиков стеклянного лабиринта, Кролик позволил себе еще немного полежать и помечтать. Он мечтал о той жизни, которая начнется для него, когда эксперимент закончится и он получит причитающуюся ему кругленькую сумму.

Если не обманывал электронный календарь у него на запястье, совмещенный с другими хитроумными приборами, Кролику осталось провести в лабиринте еще двести шестьдесят два дня. В полной изоляции от внешнего мира. И в одиночестве — если, конечно, не считать Крольчихи, ради спаривания с которой раз в месяц ему приходилось изрядно напрягать мозги и мускулы, преодолевая трудности, которые создавал лишенный эмоций компьютерный мозг, управлявший огромным лабиринтом. А те, кто создал его, то ли в шутку, то ли всерьез называли мозг Минотавром. Кролик тоже так его называл.

Крольчиха, как и он, была добровольцем. Их отобрали для эксперимента из нескольких тысяч кандидатов. В же-

лающих недостатка не было, ведь обещанных денег (уже переведенных на его счет в соответствии с контрактом) хватило бы на всю оставшуюся жизнь.

Кролик был доволен собой. Он заглядывал далеко в будущее и находил его безоблачным. Каких-нибудь двести шестьдесят два дня — и он на свободе с кучей денег. Здоровье у него отменное (что подтверждал приборчик на другом запястье, проводивший ежедневную диагностику организма), он еще молод и, судя по визгу, который издает Крольчиха, способен задать жару бабенке.

Кролик оказался идеальным обитателем лабиринта. Он с легкостью переносил сверхдолгую изоляцию. Его абсолютно не интересовало, что происходит снаружи. И даже не окажись в лабиринте Крольчихи, он не слишком огорчился бы. Мечты о том, как он заживет в будущем, когда получит желаемое, скрашивали скучноватое и однообразное настоящее, безликое, как стеклянные стены. Кролик будто положил свою жизнь на срочный вклад в надежный банк и надеялся извлечь ее на свет спустя несколько лет с огромными процентами.

Впереди его ждали все удовольствия, которые можно купить за деньги, но он был не чужд и более возвышенных материй. Он знал, например, что истинную любовь за деньги не купишь. У Кролика было вдоволь времени поразмышлять о духовных проблемах. Он читал все книги, которые подсовывал ему Минотавр. Особенно его утешил Лао-Цзы — ведь Кролик уже видел как минимум одно рисовое поле. Шопенгауэр возбуждал в нем такое отвращение к пошлому роду человеческому, что порой он чувствовал себя в своей стеклянной тюрьме счастливейшим из людей. Подобным образом он тешил тщеславие, зная, что вскоре сможет позволить себе общаться только с теми, с кем захочет общаться сам.

Итак, Кролик встал в отличном настроении, которое еще больше укрепили утренние размышления, и отправился размяться в спортзал — небольшое помещение, оборудованное всем необходимым для поддержания нормальных физических кондиций. Сегодня Минотавр слег-

ка переконструировал тренажер-трансформер и подобрал Кролику пару снарядов, чтобы тот поломал голову над их предназначением.

Минотавр был неистощим на выдумки, круглосуточно совершая миллиарды операций в секунду для того, чтобы поставить в тупик Кролика с его менее чем средним образованием. И, надо признать, homo sapiens до сих пор с честью выходил из трудных положений, поддерживая равновесие в затянувшейся дуэли. Вот и сейчас, покрутив снаряды в руках, Кролик идентифицировал один из них как эспандер, а второй несомненно следовало прибегать для предстоящей встречи с Крольчихой, ибо с помощью этого предмета можно было внести приятное разнообразие в их сексуальное меню.

Завершив свои утренние упражнения, Кролик направился на поиски того места (всякий раз нового), где Минотавр выдаст ему завтрак. Несмотря на подобные ухищрения, Кролик крайне редко оставался голодным и вовсе не чувствовал себя подопытной крысой или (ха-ха!) кроликом. Он чувствовал себя полноценным участником эксперимента, хоть и имел весьма отдаленное понятие о его подлинных целях. Что-то связанное с колонизацией планет, а может, это было просто прикрытие, под которым вояки обдeldывали свои темные делишки. Кролика это мало волновало. Лишь бы не было войны. Таким образом он честно зарабатывал свои консервы и обещанную в бущем морковку.

По его мнению, обеспечивать себя подобным способом было ничуть не менее достойно, чем просиживать в какой-нибудь конторе с восьми до пяти, растрачивая по мелочам драгоценное время. Кролик знал об этом не понаслышке. Он вел такую жизнь целых десять лет. Окружавших его коллег интересовало только одно: как бы вкуснее пожрать и не одуреть со скуки. Ну и конечно, вялотекущая борьба за место под солнцем подразумевала необходимость исподтишка гадить друг на друга и лизать задницу начальству.

В общем, Кролик находил массу положительных мо-

ментов в своем нынешнем одиночестве, а зависимость от прихотей Минотавра и стоявших за ним умников он рассматривал как реализацию справедливого принципа: «За все надо платить».

Вот и сегодня ему пришлось изрядно попотеть, чтобы добраться до еды. Мало того, что лабиринт не был статичным, так еще и Минотавр, судя по всему, изучал бихевиористику. Порой Кролик разрывался между стимулами и раздражителями, стараясь уберечься от кнута и получить пряник. Свой завтрак, целиком состоявший из консервов, он съел только после того, как доказал, что способен к сортировке символов в соответствии с распределением Рипли.

Утолив голод, Кролик предвкушал встречу с Крольчихой, то есть утоление потребностей более высокого порядка. А еще он обнаружил приятный сюрприз — прикрепленный изнутри к крышечке пивной банки мини-диск с записями органных произведений Франка. Возможно, Минотавр просто вознаграждал его за внимательность, но не исключено, что хотел заодно проверить, насколько далек подопытный от скотского состояния.

Кролик оценил подарок. Он сунул диск в плеер и наслаждался музыкой до тех пор, пока за мутной преградой не появился соблазнительный силуэт обнаженной Крольчихи. Она плотно прижалась грудью и животом к сверхпрочному стеклу, возбуждая в Кролике самца, но после месячного воздержания это было излишне.

Однако с интимной встречей дело обстояло не просто. Минотавр умело использовал один из сильнейших стимуляторов, заставляя Кролика и Крольчиху проявлять чудеса изворотливости и изобретательности, чтобы добраться друг до друга. И главное, в случае отказа от активных действий им ничего не грозило. Все было как в настоящей жизни. Совокупиться не являлось самоцелью — случалось, Кролик и отказывался от удовольствия, если предложенная Минотавром задачка выглядела неразрешимой. Потом он понял, что дело не сводится к одной только физиологии. Проклятое «эго» вылезало из всех

щелей и требовало удовлетворения амбиций — даже в том случае, когда единственным свидетелем было электронное чудовище, начисто лишенное антропоморфизма.

Сегодня Кролик действовал вдохновенно и уже через сорок минут воссоединился с Крольчихой, одолев со своей стороны четыре пятых разделявших их преград. Оказалось, у нее была очередная депрессия. С одной стороны, это огорчило Кролика, а с другой — он почувствовал неизбежное превосходство, ибо сам оказался куда более подходящим для уготованной ему роли.

И вот, пока он двигался, взяв Крольчиху сзади, она, стоя на четвереньках, спросила у него, обратил ли он внимание на цифры, выбитые на консервных банках.

Конечно, он обратил внимание и даже задумался над тем, что они означают. Консервы были трехмесячной давности. А раньше — недельной, не более. Не то чтобы это обеспокоило Кролика с точки зрения их пригодности к употреблению, но, прожив в лабиринте долгий срок, он приучился искать всему приемлемое объяснение.

Между своими вторым и третьим оргазмами Крольчиха сказала:

— Снаружи что-то не так.

У Кролика для столь радикального вывода элементарно не хватало данных. В большинстве случаев он руководствовался логикой — в отличие от Крольчихи, полагавшейся почти исключительно на интуицию. Судя по тому, что их результаты в тестах на выживаемость были примерно одинаковыми, оба способа заклинять реальность имели право на существование.

— Когда ты в последний раз получал свой «Астрофизический журнал»? — спросила Крольчиха, меняя позу и переворачиваясь на спину.

Итак, она помнила о его истинно мужских увлечениях, а он, в свою очередь, помнил, что последний полученный от Минотавра номер приблизительно соответствовал по свежести консервам. Он ощутил некий сбой в единой энергетической системе, которой сделались их организмы благодаря тантре. Кролик был весьма изощрен в по-

добных вещах, но Крольчиха окончательно испортила ему секс. Спустя несколько минут она произнесла убежденным тоном и с непроницаемым лицом:

— Мы НИКОГДА отсюда не выйдем.

И он ей поверил. Поверил до такой степени, что в его воображении раздался синтетический хохот Минотавра.

А потом в лабиринте погас свет.

ПРИЮТ

Они сидели полукругом и слушали то, что рассказывал им незнакомый человек в странной одежде, который появился после того, как ушли все взрослые и бросили их. Он поколдовал на опустевшей кухне и накормил голодных детей, успокоил самых маленьких, а тех, что постарше, сумел расположить к себе, сказав каждому не больше двух-трех слов. Зато теперь, ближе к полуночи, слова лились из него рекой — эта река была темной, вдобавок укрытой туманом фантазий; она затягивала в омуты тайн и поглощала внимание без остатка. Она текла неторопливо и все же словно вне времени. В ее водах отражались десятки замороженных лиц...

Спальня приюта напоминала церковь, где собрались прихожане, не имеющие понятия о грехе, религии и самом боге. А в следующую минуту она уже становилась кораблем, покинутым командой и носящимся по воле ветра и волн в штормующем море, и запертые в трюме рабы пели свои печальные песни в ожидании неминуемого конца.

Незнакомец умел наполнить тишину звуками неистойвой природы, перестуком ветвей и звоном рвущихся проводов, тревожными криками птиц и ревом зверей, а в завывании ветра за окнами порой слышались голоса матерей, зовущих своих потерянных детей.

В какой-то момент незнакомец вдруг приложил палец к губам и сделал детям знак, чтобы они осторожно обернулись. Под потолком спальни кружил рой светлячков, отдаленно напоминая кольца Сатурна, а со стен смотрели красные глаза. В этом тусклом зеленовато-багровом свечении дети увидели крыс, которые тоже расселись круж-

ком и внимали голосу (или жестам?) таинственного человека.

Незнакомец начал рассказывать о них, о повадках отдельных животных и об обычаях крысиного племени. Он знал об этом слишком много для существа, которое просто не могло бы протиснуться в крысиную нору. Он говорил так, словно провел всю свою жизнь среди крыс. А те сидели не шелохнувшись, плотным серым живым кольцом, будто понимали, что речь идет о них.

Незнакомец сказал, что крысы занимают сейчас неподобающее место, но если бы они были хоть немного крупнее, то стали бы хозяевами Земли и двуногий «венец творения» никогда не достиг бы своего нынешнего дутого величия. Потом он вышел за пределы малого круга, опустился на четвереньки, и... никто из детей не понял, что происходило во тьме. Странные звуки, шорохи, стук когтей... Возможно, незнакомец теперь рассказывал крысам о людях. Возможно, таким было его понятие о честной игре...

Когда ночь уже была на исходе и закрылись глядевшие из стен красные глаза, из спальни исчезли те, кого он увел за собой с обреченной планеты.

СЕРГЕЙ ГЕРАСИМОВ

КУЛИНАР

естно говоря, Денис был архитектором. Это означает, что год назад он окончил архитектурный факультет Худпрома. С тех пор он безуспешно пытался найти работу. Архитекторы, как оказалось, были никому не нужны. Его дипломный проект циркулярного ярусного космодрома, расположенного в городской черте, так никого и не заинтересовал. Попробовал было заняться ландшафтным дизайном, но быстро получил по шее от конкурентов, еле ноги унес. Время от времени он подрабатывал, оклеивая цветной огнеупорной пленкой вагончики космического трамвая. Трижды устраивался на работу, имеющую отдаленное отношение к его профессии, и трижды увольнялся, не получив ни гроша, или практически ни гроша. Подрабатывал продажей сарделек, ввозил из-за границы контрабандный йогурт, носил мешки сахара и изготавливал колбасный фарш. Пытался наладить производство сосисок из баранины «Альдебаран». После года подобного труда у него в кармане остались последние сорок пять копеек, все вещи были проданы, а хозяин квартиры, краснолицый быкоподобный Василий, пообещал вышвырнуть Дениса из окна, предварительно переломав ему все кости, если за неделю он не найдет денег, чтобы расплатиться.

Положение было почти безвыходным, и Денис принялся звонить знакомым, знакомым знакомых и знакомым тех знакомых, которые были знакомы со знакомыми его знакомых, в тщетной надежде за что-нибудь зацепиться. Ничего конкретного он не имел в виду. Подошло бы любое жилье или любая работа, за которую дадут живые деньги, хотя бы маленькие.

И тут ему повезло. Один из дальних знакомых, как ни странно, вспомнил Дениса и сказал, что у него есть на примете место повара в туристическом лагере.

— Готовить умеешь? — спросил дальний знакомый.

— Имею кулинарную квалификацию, — ответил Денис. — Умею готовить фарш, разбираюсь в сортах йогурта. Целый год готовлю себе сам. Если надо, сварю борщ.

— Этого достаточно, — сказал дальний знакомый. — Подопечные твои будут непривередливы. Приезжай сегодня, получишь инструкции. — И он назвал адрес.

Дальний знакомый по фамилии Антошин имел вид классического прохвоста. Он говорил много и бестолково, широко разводил руками, с его лица не сходила дежурная, хорошо натренированная улыбка. Его любимой фразой было: «А это не важно».

— А это не важно, — сказал Антошин. — Еще неделю назад я сам работал менеджером по подъемному оборудованию. Теперь, видишь, управляюсь с турбазой для галактических туристов. Я тут отрекомендовал тебя как умницу и дипломированного кулинара. Документы спрашивать не будут, а если будут, то уверенно отвечай, что есть. Это все не важно. Я за тебя поручился. База у нас небольшая и новая. Завтра первый заезд. Прибывают космические туристы, детеныши переголотичисов с планеты Япус. Я навел справки: детеныши едят все. Проблем не будет.

— Все? — удивился Денис.

— Все и в любом виде. Так что можешь проявлять свой кулинарный талант. Расправляй крылья. Им понравится, что бы ты ни приготовил. Контракт на два месяца. Подписывай, второй экземпляр твой. Понятно, что сумма оплаты проставлена липовая, никому не хочется платить налоги. Насчет денег договоримся по-дружески. Зато бесплатная еда и жилье.

— Идет, — сказал Денис и подписал.

По дороге на турбазу он впервые подробно прочитал контракт и сразу обнаружил строки, которые его озадачили: «Детеныши переголотичисов едят все, кроме джюба. В случае употребления джюба необходимо как можно

быстрее употребить ждимбутук, иначе последствия станут необратимыми. Джюб категорически запрещается предлагать в пищу».

База ему понравилась. Она состояла из семи голубых домиков с верандами, нескольких подсобных помещений и довольно большого прямоугольного здания столовой. Столовая была оборудована современной техникой, в том числе тремя роботами-помощниками, которые просто из оболочки вон лезли, желая в чем-нибудь помочь. Денис сразу же отправил их убирать территорию, а сам связался с Антошиным.

— Что такое джюб? — спросил он прямо. — Что ты мне подсунул?

— Это не важно, — ответил Антошин. — Верь мне как другу.

— Как это не важно? Почему в таком случае этот джюб внесен в контракт отдельным пунктом?

— Это просто формальность, там у них все помешаны на формальностях. Я совершенно точно знаю, что этот джюб на цивилизованных планетах не встречается. Нет у нас никакого джюба. Если хочешь, я транспортирую тебе брошюру.

Заработал нуль-транспортировочный коммутатор и выдал ярко-зеленую брошюрку, озаглавленную: «Общественная система и расписание дня периголотичисов с планеты Япус».

Вечер этого дня Денис провел за чтением брошюры. Он узнал, что периголотичисы имеют разную форму и размеры, бывают трех основных и двух дополнительных полов, мужского, женского и бураж (но к почкованию способен только бураж), в качестве органов зрения используют наружные зубы и самой длинной их конечностью обычно является язык. Количество щупальцев изменяется в зависимости от температуры, из всех цветов предпочитают жесткий ультрафиолет. Четные ложноножки периголотичисов пахнут иначе, чем нечетные. Еще он узнал, что детеныши в возрасте до ста девяноста трех с половиной земных лет просто обожают джюб, который

★ действует на них, однако, очень отрицательно. К счастью, джюб не водится на цивилизованных планетах. О том, что такое ждимбутук, не было сказано ни слова.

Кажется, о джюбе можно было действительно не волноваться.

Поздний вечер этого дня прошел в приятных хлопотах. Денис впервые за последний месяц хорошо поел, после чего хорошо поел второй и третий раз. Жизнь на полный желудок показалась ему довольно приятной штукой. Однако в час ночи в его комнату бесцеремонно вошли трое мужчин, включили свет и пребольно сбросили Дениса с постели.

— Просыпайся, сволочь! — сказал самый толстый из них, хотя невооруженным глазом было видно, что Денис уже в достаточной мере проснулся.

Побеседовав с вошедшими, Денис выяснил, что предыдущий повар задолжал им приличную сумму, так как не платил дань практически весь сезон, а потом ухитрился сбежать. Оказывается, вместе с должностью Денис получил еще и чужие долги. Ребята пообещали прийти через неделю и поклялись взять с собой утюг. Теперь Денису было не до сна. До самого утра он подумывал о том, не сбежать ли самому, пока не принесли утюг, но бежать ему было некуда, а утром он с головой ушел в работу.

Детеныши периголотичисов прибыли в девять утра, транспортировавшись по собственному нуль-каналу. Они оказались шумными ребятами, девочками и буражами, вполне соответствующими всему, что было сказано в брошюре. На завтрак Денис приготовил им вареную картошку. Детеныши съели все и потребовали добавки, выражая свои чувства нетерпеливыми взмахами щупальцев и ложноножек. На обед Денис приготовил салат из листьев лопуха, обильно сдобрив его вишневым вареньем. Детеныши съели все до последней ложки.

В следующие дни Денис готовил самую разнообразную пищу — все, что могло подсказать его богатое творческое воображение. Он смешивал землянику с землей. Он поливал металлическую стружку концентрированной азот-

ной кислотой. Он варил толченное стекло вместе со строительной замазкой. Он заставлял роботов-помощников собирать живых червей. Он кормил детенышей дистиллированной водой и жидким азотом, кормил их селитрой и банками цветных чернил, арахисом в шоколаде и речным песком — детеныши поедали все и требовали добавки. Они были веселы и счастливы. Между тем приближался тот самый день, когда нужно будет отдавать чужой долг. И с каждым часом Денис становился все мрачнее.

Той самой, роковой ночью Денис не спал, прислушиваясь к звукам у домика, ожидая шагов. Шагов все не было, зато детеныши никак не успокаивались, мелодично булькая, что у периголотичисов есть признак хорошего настроения. Внезапно бульканье прервалось, и Денис услышал странный рев. Рев не прекращался еще минут десять, затем в комнату вошел один из роботов-помощников, предварительно вежливо постучавшись.

— Что случилось, Гасан? — спросил Денис.

— Безобразие, однако, — ответил робот. — У четвертого домика выбита передняя стенка.

— А что туристы?

— Туристы не спят. Только что все ушли в лес.

— Но они никогда не ходили в лес по ночам! Им это их вера запрещает. Я только вчера прочитал об этом в брошюре.

— Увы, хозяин, — ответил Гасан, — они обнаружили джюб. Им так хотелось отведать джюб, что они забыли заветы веры.

Гасан не только помогал на кухне, но также служил переводчиком.

— Ты уверен? — спросил Денис.

— Они только об этом и говорили. Сказали, что джюб нашелся, живой и настоящий, еще сказали, что это редкая удача — найти такой хороший и сильный джюб.

— Что теперь будет?

— Это мне неизвестно, хозяин. Я пока пойду чинить стену.

И он ушел. Денис включил освещение на всей базе и

стал ждать. Детеныши появились только к утру. Они уже не булькали, а громко кричали, причем Денис различил несколько определенно агрессивных выкриков. По пути детеныши вывернули фонарный столб и без видимых усилий разломали его на несколько частей.

Денис попытался еще раз связаться с Антошиным. Довольно долго телефон не отвечал. Наконец послышался сонный голос.

— А, это ты, — сказал Антошин. — Можешь мне больше не звонить. Я уже два дня как уволен. К тому же завтра мне отключают телефон. Что еще я могу для тебя сделать?

— Они съели джюб! — закричал Денис.

— Ты уверен?

— Абсолютно.

— И что же?

— Они стали изменяться! Они иначе себя ведут!

— Я пришлю тебе все материалы, которые у меня есть.

Сразу же нуль-транспортировочный коммутатор начал выплевывать брошюру за брошюрой. Денис схватил первую попавшуюся и начал листать. «Ждимбутук нужно употребить в течение суток со времени поедания джюба, — было написано там, — иначе процесс станет необратимым».

Он лихорадочно стал листать страницы. В этот момент кто-то затарабанил в дверь. На пороге стоял детеныш периголотичиса. Кажется, это был мальчик — за прошедшие дни Денис кое-как научился их различать. Мальчик заметно вырос и теперь был выше Дениса на две головы. Мальчик сделал щупальцем гневный знак, означающий, что он голоден. Однако для завтрака было еще рановато: что-то около четырех часов утра.

— Сейчас, сейчас, детишки, — сказал Денис и отправился в столовую. Брошюрку он прихватил с собой. Сегодня на завтрак были трухлявые пеньки в соусе из шампиньонов. К счастью, все продукты Денис приготовил заранее.

Пока пеньки варились, Денис читал. Он узнал много полезного о расе периголотичисов. То, что он узнал, его

не очень радовало. Как сообщала книжечка, раса периголотичисов была создана искусственно два миллиона япусских лет назад, причем с определенной целью: эти существа были чем-то вроде галактических сил быстрого реагирования. В те времена в Галактике водилось очень много джюба, который доставлял серьезные неприятности цивилизованным планетам. С появлением периголотичисов количество джюба стало резко уменьшаться. Вместе с уменьшением джюба стало уменьшаться количество терактов, убийств, разбоев, вымогательств, ограблений банков и всего прочего, чем обычно и занимается классический джюб. Всего за пятьсот тысяч лет джюб на цивилизованных планетах был полностью уничтожен. С тех пор периголотичисы превратились в мирную и добродушную расу. Но некоторые следы генетической памяти до сих пор сохраняются у маленьких детенышей. Стоит детенышу отведать настоящий джюб, как его нормальное взросление прекращается и он превращается в настоящего боевого периголотичиса, чья единственная цель — избавить Галактику от джюба. Все бы хорошо, но современные периголотичисы отличаются от своих древних сородичей так же сильно, как домашняя кошка от своих диких предков: они не умеют правильно охотиться. В результате трансформировавшийся детеныш обычно принимает за джюб большую часть населения той планеты, на которой он находится. Принимая во внимание громадную силу, жестокость и неуязвимость боевого периголотичиса, можно считать, что планета оказывается в серьезной опасности. Единственное спасение — вовремя принять ждимбутук.

В этот момент Денис услышал громкий рев. Детеныши были голодны. Денис помешал варево из пеньков и уверил периголотичисов, что похлебка скоро будет готова. Сейчас он уже приблизительно понимал, что такое джюб, и почему он не встречается на цивилизованных планетах, и куда делись вымогатели, которые обещали наведаться прошлой ночью. Ситуация становилась критической. Но где найти ждимбутук? Что это вообще может быть? Для

начала Денис решил связаться с турагентством и рассказать о том, что произошло. Конечно, по головке его не погладят, но ведь это, в конце концов, не его вина. Кто просил этот проклятый джюб в количестве трех человек приближаться к детенышам периголотичисов?..

Как раз в этот момент в комнату вошел робот и доложил, что на базе оборваны все провода, вывернута антенна нуль-связи, разбита рация, уничтожено много дорогого оборудования, а на всех дорожках построены баррикады. Детеныши ведут себя так, будто готовятся к войне. Денис выглянул через раздаточное окошко. Как детеныши могут готовиться к войне и строить баррикады, если все они сидят в зале столовой и ждут порцию похлебки из трухлявых пеньков в шампиньонном соусе? Выглянув, он начал считать.

В зале сидело девять периголотичисов! Девять, хотя на планету прибыло всего семь! Они начали размножаться!

— Сколько их? — спросил Денис у робота-помощника. — Сколько же их всего?

— Пятнадцать минут назад было тридцать девять, — ответил робот. — Но они отпочковываются слишком быстро. Я не успеваю считать.

— Позови мне Гасана.

Когда Гасан пришел, Денис спросил его, чем, по его мнению, может быть ждимбутук. Гасан не имел ни малейшего представления.

— Очевидно, это еда, — задумчиво сказал Денис. — Но какая еда? Я ведь уже кормил их всем, что можно здесь найти. И все это не ждимбутук. Что же мне делать?

— Попробуйте размышлять логически, — сказал Гасан, — или разложите карты. Может быть, вы угадаете.

Денис раздал пеньки и принялся думать. Ждимбутук — это должно быть что-то такое, что нейтрализует джюб. Но что же может нейтрализовать воздействие джюба? Настоящего, сильного и злого джюба? Законодательство? Это вряд ли, но стоит попробовать.

Когда пеньки были съедены и детеныши начали орать, выпрашивая добавку, Денис скормил им несколько кни-

жек из серии «Правовое образование». Книжки не произвели никакого эффекта, хотя были проглочены с видимым удовольствием. Итак, первая идея оказалась ложной.

После завтрака Денис прогулялся по территории. Он смотрел на действия трансформирующихся детенышей, пытаясь найти хоть какую-нибудь разгадку. Детеныши уже выросли настолько, что могли заглядывать в окна второго этажа. Они стали толстыми, мускулистыми и агрессивными. Они постоянно дрались друг с другом, хотя, с другой стороны, это могло быть просто военными играми. Вокруг лагеря детеныши возвели серьезные оборонительные укрепления. Но что может бороться с джюбом? Возможно, оружие? В сарае имелась охотничья винтовка. Денис решил проверить свое предположение. Он взял винтовку и подошел к ближайшему детенышу, оказавшемуся самкой. Самки сейчас сильно отличались от самцов: они были несколько меньше ростом, а их кожа была совершенно прозрачна. Щупальца и ложноножки самок стали невидимы.

Существо выхватило винтовку невидимой ложноножкой и начало ее осматривать. Осмотрев, удовлетворенно хмыкнуло и засунуло винтовку в ротовое отверстие. Ничего не произошло. Оружие не оказало на детеныша нужного воздействия. Но что еще, кроме оружия и закона, может противостоять джюбу?

Судя по всему, этот самый джюб был не столько человеком или другим живым существом, сколько некоторым проявлением антисоциальной агрессивности. Что может противостоять этому? Например, искусство. Почему бы и нет? Денис верил в силу искусства.

Денис отправился в библиотеку и собрал все сборники стихов, которые мог найти. Он уже сложил все книги в кучу, когда здание задрожало и сквозь пролом в стене вошел огромный детеныш. Денис начал громко читать:

Уж вечер, облаков померкнули края.
Последний луч зари на башнях...

Шедевр не произвел на существо никакого впечатления. Денис бросил в чудовище книжкой стихов; оно пой-

мало томик зубами на лету и принялось жевать. Увы, снова никакого результата. Чудовище погналось за Денисом, но остановилось у кучи поэтических томиков. Принюхалось и стало быстро их поглощать. Затем снова погналось за человеком.

В этот раз Денису удалось уйти. Он решил впредь быть осторожнее.

Он еще не совсем утратил веру в спасительную силу искусства. Может быть, просто стихи — это не совсем то, что нужно детенышам. Возможно, их спасет музыка или живопись. Он бросился в аппаратную и врубил на всю катушку что-то из классики. Через маленькое окошко он видел, что детеныши на время прекратили возню и с удивлением прислушались к незнакомым звукам, а затем преспокойно продолжили свое дело. Вскоре в аппаратную вошел Гасан.

— Приветствую вас, хозяин, — сказал робот. — У меня появилась идея. Кажется, я знаю, чем можно победить джюб.

— И чем же это? — поинтересовался Денис.

— Состраданием. Я проанализировал текстовую информацию, вложенную в меня, и нашел слова о слезинке ребенка. Кажется, слезинка ребенка может противостоять джюбу.

— Ерунда, — ответил Денис. — К тому же у нас нет ребенка.

— Может быть, слезинка взрослого тоже подойдет? Почему бы и не попробовать?

— Хорошо, — сказал Денис, — я попробую. Но не думаю, что сработает.

Как раз приближалось время обеда. На обед Денис решил приготовить салат из гравия, политый машинным маслом. Гравия в лагере было предостаточно, а большую бутылку с машинным маслом недавно разбил один из роботов, все равно продукту пропадать.

Порции были большими и тяжелыми. Роботы едва поднимали тарелки с пищей, каждая из которых весила около тридцати килограммов. Денис натер себе глаза лу-

ком и выдавил несколько слез. Затем развел драгоценное вещество двумя ведрами воды и полил каждую из порций полученным раствором. Теперь оставалось только ждать. И он дождался.

Детеныши съели гравий быстро, как, впрочем, и всегда, затем притихли. Казалось, с ними происходит некоторая приятная перемена. Они перестали кричать, а два или три из них принялись булькать, прямо как в старые добрые времена. Но это продолжалось недолго, всего минуты две или три. Затем бульканье прекратилось, вновь сменившись агрессивными воплями.

— Что вы об этом думаете, хозяин? — спросил Гасан.

— Думаю, что мы, кажется, почти угадали.

— Может быть, дело в том, что это были не настоящие слезы?

— Может быть. Но где же я возьму настоящие?

— Давайте я вас укушу, — робко предложил Гасан.

— Нет, спасибо. Может быть, слеза обиженного ребенка подошла бы, но это — нет. Это все не то.

— Но мы на верном пути.

— Да, на верном, — согласился Денис. — Просто у нас осталось всего несколько часов. Сдается мне, отсюда надо убежать.

Они выскользнули из здания столовой. Денис пробрался в свою комнату, взял документы. Робот следовал за ним.

— Я хочу убежать с вами, — сказал Гасан. — Я вам пригожусь, хозяин.

В этот момент дверь распахнулась, и на пороге появились несколько крупных периголотичисов. Их массивные тела занимали всю широкую веранду.

— Джюб! — отчетливо произнесло одно из чудовищ, указывая на Дениса зазубренным щупальцем.

— Джюб! — заорали все остальные.

— Уверяю вас, друзья мои, никакой я не джюб, — сказал Денис, а робот перевел его слова. Периголотичисы, казалось, пришли в замешательство.

— Вы уверены, что вы не джюб? — озабоченно спросил Гасан.

— Абсолютно. Я в жизни и мухи не обидел. Наоборот, каждая собака меня обижала.

— В таком случае вы и есть тот самый ждимбутук, который требуется этим малышам, — предположил Гасан. — Если они съедят вас, то процесс остановится, и планета будет спасена.

— Ты хочешь, чтобы они меня сожрали?!

— Кажется, это единственный выход. Вы должны попробовать, хозяин. Это наш шанс.

— Черта с два! — ответил Денис и выпрыгнул в окно.

— Джюб! — заорали за его спиной. Это слово малыши произносили довольно четко.

На дорожке Денис столкнулся с небольшим буражем, то есть детенышем среднего пола, способным к почкованию. В отличие от мальчиков и девочек, буражи почти не увеличились в размерах. Видимо, постоянное почкование отбирало у них слишком много жизненных сил. Денис с разгону налетел на буража и сбил его с ног, точнее, со щупальцев. Бураж открыл пасть и произнес что-то недоброе. Денис зажмурился и всунул в пасть указательный палец. Бураж укусил его, и Денис взвыл от боли. Существо пролепетало что-то невразумительное и отпочковало от своего тела еще двух детенышей мужского пола.

Денис, спотыкаясь, бежал в сторону стены. Детеныши периголотичисов неслись за ним следом. Они бежали не слишком быстро, скорее всего, быстрому бегу мешал плотный обед: ведь каждый сожрал как минимум по две порции гравия с машинным маслом и еще не успел все это переварить. Лишние шестьдесят килограммов веса лишали периголотичисов скорости и маневренности. Именно поэтому Денис успел вскарабкаться на стену и спрыгнуть с противоположной стороны. Робот прыгнул вслед за ним.

Они кубарем скатились по склону, встали на ноги и побежали вниз, цепляясь за корни. Лагерь был расположен на вершине холма, поросшего лесом. Внизу протека-

ла быстрая река. Несколько раз Денис падал, но всегда удачно: пока он ничего себе не сломал, не вывихнул и не растянул. Детеныши бежали позади, но им нелегко было продираться сквозь плотный лес.

Вскоре Денис оказался на обрыве.

— На вашем месте я бы прыгать не стал, — сказал Гасан и начал взбираться на дерево.

Денис прыгнул и оказался в воде. Не без труда он переправился на противоположный берег. Периголотичисы прыгали вслед за ним, но гравий в желудках не позволял им плыть. Они камнем шли на дно, а затем с трудом выползали обратно на берег. Похоже, что им было не под силу одолеть реку. Один небольшой бураж все же доплыл до середины реки, а затем повернул обратно. Возможно, это существо пропустило сегодняшний обед, озабоченное постоянным почкованием.

Денис услышал крик. Крик был негромким, но жалобным. Бураж отпочковал детеныша прямо посреди бурной реки, и сейчас несчастное существо величиной с кошку захлебывалось в воде, из последних сил держась щупальцами за длинную ветку наклонившегося дерева. Ни один из периголотичисов, толпящихся на противоположном берегу, не мог помочь новорожденному детенышу.

Денис встал на колени и осторожно пополз по стволу дерева, которое наклонилось над поверхностью реки почти горизонтально. Детеныш вопил и протягивал щупальца к спасителю. Денис ни о чем не думал, он просто протянул руку и вытащил несчастное создание. Оно отряхнулось и обвило спасителя множеством тонких конечностей. Пасть детеныша открылась, и он громко произнес:

— Ждимбутук!

— Ждимбутук! — закричали периголотичисы, толпящиеся на берегу. — Ждимбутук! Ждимбутук! Ждимбутук!

В этот момент Денису показалось, что он понял язык представителей планеты Япус. Одно слово он понял, во всяком случае.

Неделю спустя, после того как инцидент был оконча-

тельно расследован, Денис вновь готовил обед в лагерной столовой. Гасан помогал ему.

— Все-таки что же означает слово «ждимбутук»? — спросил Гасан.

— Понимаю, но не могу объяснить, — ответил Денис. — В земном языке нет подобного понятия.

— Очень жаль, — сказал Гасан.

— Действительно, очень жаль, — согласился Денис. — Это большое упущение.

После всего случившегося ему выдали довольно крупное денежное вознаграждение из местного фонда планеты Япус. Кроме того, его наградили золотой статуэткой в сто семь граммов веса. Статуэтка имела название «Золотой Ждимбутук», но, к сожалению, название было выгравировано по-япусски. А сверх всего этого, по настоянию благодарных туристов, Дениса наградили дипломом почетного кулинара высшего разряда и даже выдали соответствующий диплом.

Он улыбнулся и приступил к приготовлению пищи. Сегодня на обед была сырая картошка в мундирах. Денис был уверен, что его новое блюдо, пусть слегка консервативное, но не без налета модерна, будет принято на ура.

х, бабье лето, бабье лето... Кому оно бабье, а у кого под боком не имеется ни бабы, ни теплотрассы, тот насчет лета шутики шутить не станет. Мерзны, мерзны, волчий хвост. И тащись, как хвост, без свободы воли, послушно обстоятельствам. Стучи осколками зубов. Вечером еще так-сяк, зато под утро стылый воздух тянет из тебя тепло, как палач жилы, упорно и, кажется, даже с наслаждением. Жухлая трава и та поседела от ужаса: зима на носу. Нет спасения. Сопревшая на теле кофта с одной пуговицей да дырявый плащ — вот и вся защита.

Выспаться сегодня не удалось. Бетонная плита над протянутым к знакомой хрущевке отводом от теплотрассы, уже несколько месяцев сдвинутая в сторону и открывавшая лаз в блаженное тепло, оказалась уложенной на место и даже приваренной за арматурные ушки. Добились-таки своего нижние жильцы... Сколько раз гнали из-под окон, орали визгливо, травили доберманом, обливали водой, вызывали ментов, и все это были мелкие житейские неурядицы. Конечно, рано или поздно должна была случиться неурядица покрупнее...

Он не огорчился — он принял к сведению. Запасные варианты были хуже, что не замедлило проявиться на практике. «Встань и иди» — так было среди ночи сказано ему, разнежившемуся в теплом подъезде на подстилке из позаимствованных половичков. Бородач-полуночник с воспаленными от компьютера глазами вышел на площадку покурить и пинком объявил побудку. Бить не стал — побрезговал, зато не успокоился, покуда не выставил

вон. Ни в коей мере не будучи Христом, Егор Суковатов не мог ответить ему: «Иди и ты», да он и не знал легенду об Агасфере.

Страдало тело, но не душа. Душа у Егора давно очерствела, иссохла и отвалилась за ненадобностью, души у него не было, а чего нет, то не способно беспокоить болью. Вот мысли — те да, шевелились. Согреться бы где-нибудь. Дождаться утра.

Дальше утра Егор не заглядывал — с рассветом ужас мироздания слабел и прятался. В девять, а то и раньше откроется приемный пункт на Мастеровой. Пивная бутылка — восемьдесят копеек. На Перовской за темную бутылку дают целый рупь, зато светлые не берут совсем. И приемщик там гад: щупает горлышки пальцами и чуть что — бракует. Зато прием цветмета там же, неподалеку. Десять копеек за жестяную банку, сплюсненную ногой в блин. Основная добыча, конечно, бутылки, а банки — приварок.

Участок, где Егор чувствовал себя относительно вольготно, был невелик. Тащиться греться в переходе у метро — и далеко, и чужие владения. Могут накостылять. Не тот возраст, чтобы самому бить и гнать конкурентов. Лучше уж не суйся, человеческий огрызок...

Если бы Егору Суковатову сказали, что ему еще только сорок восемь, он лишь бессмысленно поморгал бы в ответ. Он не знал, много это или мало — сорок восемь. Он забыл это как ненужное. Когда не идешь, а шаркаешь, когда тупая ноющая боль прописалась в нутре навсегда и к ней в гости все чаще заходит боль острая, нестерпимая, от которой кричал бы криком, если бы не разучился кричать, — вот это старость и есть. И даже эти сведения Егор помнил смутно, начиная уже забывать. Жив — и ладно. А пока ночь и под разбитыми ботами хрустит ледок, иди ищи тепло. Шаркай ногами.

Зачем? А зачем растет дерево? Для чего жужжит муха? С какой возвышенной целью колония бактерий пожирает агар-агар? Жизнь требует: живи, вот и все. Ползи к теплу.

Вот и ползешь.

Запертый подъезд. Следующий — тоже заперт. И третий, и четвертый... Егор передвигался от подъезда к подъезду, от дома к дому. Проверял и подвалы. Найдя дверную ручку — тянул. Он твердо знал, что рано или поздно найдет дверь со сломанным или просто незапертым кодовым замком, а домофонов и уж тем более консьержек на Мастеровой улице отродясь не водилось. В районе пролетариев всегда полно малолетней шпаны; не может быть, чтобы хоть один замок не был выворочен... Это было даже не мыслью — смутным ощущением. Инстинкт приказывал: ищи. И Егор искал.

Некому рассказать, сколько прошло времени, прежде чем он, временами останавливаясь, чтобы переждать рез в кишках, пререместился от одного конца короткой улицы до другого по правой стороне, а затем вернулся по левой, нигде не найдя отпертой двери. Инстинкт соврал. Вероятно, во всех близлежащих подъездах недавно поставили новые замки, до которых еще не добрались местные гопники, но этот вывод был непосильно сложен для Егора. Полуатрофированный мозг отметил одно: заперто. Холод донимал уже совершенно садистски. Проклятая ночь и не думала кончаться. Мертво, негреюще светили озябшие фонари на торчащих глаголях. Примороженные к небу звезды в ужасе глядели на стекленеющий внизу мир. Ни кошек, ни собак — все попрятались. Лишь слева от Егора за бетонным забором грохотал и лязгал железнодорожный узел, там катились с горки вагоны да временами кричал что-то по громкой связи сердитый женский голос. Звали тетку Клавкой, и была она толстая и рыжая, с жирно покрашенными губами. Егор никогда ее не видел, но иной она просто не могла быть.

Главное, тепла там не водилось и водиться не могло. Справа светились огни автозаправки. Тепла там было в избытке, но кто же пустит ночевать бомжа? Если где-то и сохранились толстовцы, то на заправках они не работают, это точно...

Все же Егор свернул направо. Быть может, потому,

что ближайшая станция метро находилась в той же стороне, а скорее всего потому, что так велел инстинкт. До метро Егор вряд ли добрел бы.

И инстинкт не подвел. Инстинкт вывел на захламленный пустырь, где под ноги немедленно подвернулась старая автопокрышка. Егор едва сохранил равновесие и тут же споткнулся о еще одну. Ба, да тут была настоящая свалка разнокалиберных покрышек и рваных, негодных камер! Топливо! Жизнь!

Мыслей не было уже совершенно — тело работало, как дурно смазанный, разладившийся, но все-таки еще не до конца сломанный автомат. Прежде всего надо было найти относительно сухую растопку, что Егор и сделал, доковыляв до мусорного бака. Подобранная вчера на асфальте дрянная зажигалка, наполовину еще полная, никак не желала давать язычок огня. Подышал, согрел в ладонях, ссадил о колесико кожу на заскорузлом пальце — зажглась! Нехотя занялся клочок оберточной бумаги, от него дала огонь и вонь камера тонкой резины — от «Оки», наверное. Еще несколько минут томительного ожидания — и языки пламени побежали по покрышке.

Егор блаженствовал. Усевшись на другую покрышку, он грелся, ничуть не замечая смрадной копоти, и выражал удовольствие стонами и ворчанием. Жизнь начинала удаваться. Если бы подлый враг, сидящий в животе, не резал кишки изнутри, было бы совсем замечательно.

Никто не гнал Егора, да и кто мог бы согнать? Милицкий патруль? По своей инициативе? Ха-ха. Станет он пачкаться о бомжа, с которого нечего взять. Притом бомж никому не мешает: жжет резину на свалке, где ему, собственно, и место, а вокруг пустыря никаких жилых домов, одни унылые заборы, которым все равно, копят их или нет. Сиди, млей в тепле, моргай на огонь.

Как все счастливы, Егор не наблюдал часов. Когда небо на востоке начало понемногу бледнеть — от холода, наверное, — покрышка уже догорала, рдея багряным мотком обнажившегося корда. Пожалуй, можно было посидеть в неподвижности еще немного, прежде чем с неиз-

бежностью подняться и доволочь до костра новый резиновый бублик...

Тут-то все и произошло. Совершенно неожиданно и без видимой причины.

Неожиданности Егор инстинктивно делил на два вида: идущие на пользу и идущие во вред. Вторых всегда было больше, но случались и первые: раньше конкурентов обнаружить батарею пустых бутылок возле парковой скамеечки, найти на свалке почти целый пиджак, скоротать в тепле морозную ночь. Если кишки несколько часов подряд не сводит судорогой — это тоже приятная неожиданность. А неожиданности, так сказать, нейтральные, ни в плюс и ни в минус, лучше всего вообще не замечать, не стоят они того.

В первую минуту неожиданность показалась неприятной, даже опасной, во вторую — нейтральной. Что-то внезапно хлопнуло над головой, как хлопает разбившаяся лампочка, резко, но несильно. Тем не менее Егор отреагировал — склонился набок и, искосырившись, глянул вверх.

Бледно-лиловое кудрявое облачко, чуть заметно светящееся внутренним светом, нависало над головой, вспухая и разрастаясь, как обыкновенный клуб дыма. Вроде безопасно... То ли петарда хлопнула, то ли это фейерверк такой... Егор с усилием покрутился вправо-влево, обозрел панораму. Никого не наблюдалось ни на пустыре, ни возле. Ни души. А значит, явление, по-видимому, относилось к безопасным...

Он остался на месте. Очень скоро лиловатое облачко, распухая и быстро теряя яркость, достигло его носа. Ничем особенным оно не пахло, во всяком случае с такой силой, чтобы перебить вонь горелой резины и собственный запах Егора. У него лишь защекотало в носу, он чихнул и надолго скорчился от нутряной боли.

Боль грызла зло, как всегда, и долго не хотела отпустить. Разгорался рассвет, догорал костер. Отмаявшись, Егор пробурчал под нос что-то невразумительное, разогнулся, насколько мог, хотел было привстать, да так и остался сидячим истуканом: рот полуоткрыт, голова набок,

в гноящихся глазах — испуг и недоумение. Недоверчиво прислушался к новым ощущениям.

Внутри его что-то происходило.

Впоследствии было много споров о количестве «точек проникновения», «проколов метрики», «координат впрыска» и как там это еще называлось. Обилие выдуманных терминов все же не шло в сравнение с числом самих точек: от тысяч до десятков тысяч, по мнению большинства исследователей. Распределились они (не исследователи, а «проколы») по земной поверхности вполне хаотически, и надо думать, что подавляющая их часть пропала без толку над мировым океаном, однако и на сушу хватило с избытком. Достоверно известно, что на территории Москвы возникла всего одна «точка проникновения», в Питере их не оказалось вовсе, тогда как жители населенного пункта Пошехонье-Володарск обрели аж две. Само собой, жители берегов Невы острили о пошехонцах и особенно о москвичах, что-де «им нужнее», а в общем пытались прикрыть остротами обыкновенную зависть.

И зря. Никакой почвы для зависти не имелось. Всем и каждому, начиная от нобелевского лауреата и кончая слабоумным дауном из Восточной Африки, почем зря позорящим славное племя хуту, досталось сколько нужно, а лишнее не пошло впрок, выдыхаясь вместе с углекислотой, вычихиваясь и распространяясь традиционным для инфекций воздушно-капельным путем. С той, однако, разницей, что, в отличие от бацилл, частицы таинственного тумана вовсе не собирались гибнуть вне организма и охотно разносились ветром, вовсе не теряя своих свойств. Прошли считанные дни, а для самых невезучих недели — и всем досталось поровну.

Даром.

Никто не ушел обиженным, да и уйти, по правде говоря, было некуда, разве что заживо похоронить себя в подземном убежище с очищенным через молекулярный фильтр воздухом. Впрочем, противников принципа «дают — бери» оказалось немного, а тех, кто располагал при

этом подземным бункером, и того меньше. Разумеется, кое-кто из надышавшихся полагал себя обделенным уже вследствие того, что получил ровно столько же, сколько и другие, однако не будем говорить о рвачах, не стоят они того.

По Электродной улице, прямой и серой, как сварочный электрод, Егор двигался в сторону метро. В рваной кошелке, служившей прежде временным хранилищем найденной стеклопосуды, помещались извлеченные из какого-то по счету мусорного бака ветхие брюки, потерявшая первоначальный цвет футболка и почти приличный пиджак, разве что не в цвет брюк и с прорехой под мышкой. Пяток обнаруженных попутно бутылок Егор прикопал пока в куче прелых листьев — подождут. У него было дело, не терпящее отлагательств.

Каменный срам статуй принято прикрывать фиговым листом — серая промзона попыталась отгородиться от более приятных на вид благ цивилизации овальным прудом, выкопанным неведь когда и зачем. Одна полудуга овала едва не упиралась в каменную нору метрополитена; другая, утонувшая в зелени кустов и корявых деревьев, исстари служила местом распития недорогих напитков и бесплатным туалетом. Туда и ковылял Егор, оставив на время мысль о тепле подземных хором. Ему и без того было жарко.

Жарко... и противно. Он никак не ожидал этого от себя. Пришлось спешить. Путь, на который здоровый мужчина потратил бы от силы пятнадцать минут, был пройден Егором за каких-нибудь полчаса. Еще вчера он вряд ли доковылял бы и за час...

Оставив слева забор, а справа рассвет, он углубился в заросли и скоро вышел к пруду. Здесь, скрежеща от омерзения осколками зубов, он принялся раздеваться. Дырявый полусгнивший плащ полетел в кучу мусора. Туда же отправились бабья кофта с безжалостно оборванной последней пуговицей и вонючие штаны. Сбросив несусветные боты — их тоже надо было заменить, но пока не попало ничего подходящего, — голый Егор сел на крио-

генный парাপет и, собравшись с духом, бочком сполз в черную обжигающую воду.

Скрутило. Стеснило дыхание. Он решил, что сию секунду умрет, но не умер, а вынырнул и забарахтался у самого берега, баламутя прибитый к парапету мусор. Вода пахла мазутом и гниющей ряской, то есть не пахла ничем особенным, и Егор принялся яростно скрестить тело черными ногтями, смывая присохшую, впитавшуюся в кожу скверну. Никто не мог ему помешать в этот час и в этом месте. Он выбрался на берег не раньше, чем начал стучать зубами, и воздух показался ему жарким, как в бане. Чудеса: он сам осознал это сравнение. Он вспомнил, что такое баня!

Голый человек дико выплясывал на берегу городского пруда и смеялся. С многолетней отвычки смех его больше походил на надрывный кашель, но то был смех чистой радости. Егор смеялся для себя, а не для других, и вряд ли кто мог его услышать. Сегодня он родился во второй раз, осознал это и вовсе не собирался плакать, как при первом рождении. К чему повторять пройденное? Чтобы показать, что ничему не научился за прожитые годы?

А кроме того, ему вовсе не хотелось впадать в уныние. Хотелось начать действовать, и как можно скорее. Еще не успев просунуть ноги в новообретенные штаны, Егор определил для себя круг первоочередных задач и выделил среди них те, к решению которых надо было приступить уже сегодня. Точнее — прямо сейчас.

Тут же, без всякого перерыва, он вспомнил свое имя. Егор. Вообще-то Георгий... э-э... Степанович. Гоша. Жора. Если угодно, даже Жорж, хотя никто никогда его так не называл, даже в школе не дразнили Гогочкой и Жоржиком... Какой он Жоржик! Гиббоном — да, дразнили. Гамадрилом тоже...

Имя Жора ассоциативно напомнило о еде, рот моментально наполнился слюной. Егор глотнул. Потом, потом... Есть дела более важные...

Экспресс-поиск близ входа в метро и по окружности пруда принес еще шесть бутылок. На улице Плеханова

Егор выудил из урны седьмую. Наличного капитала, считая и ту стеклотару, что была прикопана в куче листьев, уже хватало на то, чтобы перекантоваться полдня, но средств требовалось куда больше. Не беда: до открытия приемного пункта оставалась еще бездна времени — драгоценного «ни свет ни заря», когда конкуренция слаба и есть смысл расширить поиски...

Давно уже взошло и пригрело солнце, когда Иван Неподоба, мрачный и трезвый приемщик стеклопосуды, открыл свой пункт на Мастеровой. С утра несли вяло и по преимуществу старухи, дрожавшие над каждой копейкой и неизменно уносившие с собой отвергнутые бутылки. Скаредная природа старух оставляла мало возможностей для обмана. Вот-вот должны были начать подтягиваться дребезжащей рысцей испытые и нетерпеливые источники настоящего дохода, они же носители широкой русской души, — те, кто вчера хорошо принял и не припрятал ничего на опохмел. Местные бомжи, известные Ивану наперечет, появлялись со стеклянным уловом без всякой системы, но чаще ближе к пяти, когда пункт закрывался. Чтобы утром — редко.

Вот почему Иван был удивлен и даже слегка озадачен при виде знакомого бомжика-доходяги, которому, по мнению Ивана, осталось ползать по свету недели полторы, да и того много.

Во-первых, бомжик притащил разом двадцать две бутылки и отнюдь не выглядел помирающим от натуги. Во-вторых, он был одет непривычно и, пожалуй, излишне легко. Куда-то делись его несусветные обноски, распространявшие столь редкостное благоухание, что даже уличные собаки избегали брехать на эту помесь клозета со скотомогильником. Если бы не замызганная вязаная шапочка да не свисающие из-под нее на манер сосулек сальные патлы, пожалуй, Иван и не узнал бы бомжа. Надо же — пиджак!..

Пивную тару Иван принял без разговоров. Две винные посуды — отверг:

— Не возьму.

Против всех ожиданий, бомж не оставил бутылки на поживу Ивану и не ахнул их об асфальт, а деловито прибрал в кошелку.

— Твое дело. На Перовской сдам, тут рядом.

Иван только пожал плечами. Он собрался было матюкнуться на бомжа, чтобы тот улетучивался поживее, как вдруг бомж вновь привел в движение руины речевого аппарата и сказал довольно сипло, но настолько внятно, что ошибиться было невозможно:

— Слышь... Где тут можно купить зубную щетку... подешевле?

Рот Ивана несколько раз открылся и закрылся сам собой, не произведя ни звука. Рука зачем-то ощупала набитый бутылками ящик. Быть может, мироздание еще не рушилось, но уже явно начало шататься. Оставалась гипотеза о слуховых галлюцинациях.

А заодно о зрительных и обонятельных.

Наклонившись вперед, Иван втянул ноздрями воздух, заранее изготовившись немедленно гасить рвотный позыв. Ничем особенным от бомжа не пахло. Разве что затхлостью и почему-то прудовой тиной...

Иван что-то пробормотал в ответ. Затем вдохнул еще раз и в большом изумлении ощупал себя от шеи до выпуклого животика. Вытаращил глаза. Уронил челюсть и забыл поправить, поглощенный чем-то важным и крайне необычным.

Внутри его что-то происходило.

2

Всякому известно: идиотов на свете куда больше, чем необходимо. Данный тезис настолько банален, что можно сказать и так: «Любой идиот знает: идиотов на свете...» — ну и так далее. Так вот: настоящий идиот этого не знает. Он вообще ничего не знает, поскольку необучаем. Его коэффициент умственного развития не выше 0,20. Если выше, то такой слабоумный классифицируется медициной как олигофрен, а то и дебил — аристократ сре-

ди интеллектуально дефективных, не нуждающийся в постоянном уходе.

— Кажется, мы скоро останемся без работы, — невесело констатировал доктор Говард, главный врач Кливлендского приюта для слабоумных.

И сам же понял, что не высказал ничего оригинального. Примерно то же самое могли сказать тысячи, если не десятки тысяч его коллег по всему миру.

— Если так пойдет дальше...

Доктор Говард не договорил. Что будет, если так пойдет дальше, было прекрасно известно всему персоналу. Урежут ассигнования. Придется сокращать штат. А если процесс не остановится, то... страшно подумать.

Психиатрические клиники, имеющие дело с иным контингентом, почти не пострадали. Иное дело приюты для слабоумных. Тихие дебилы, способные к несложной работе под наблюдением, казалось, издевались над персоналом. Почти все прекратили бессмысленно улыбаться. Один, занятый стрижкой газона, сделал это столь художественно, что все ахнули. Другой умудрился произнести сложносочиненное предложение — и ни разу не сбился, подлец! Третий попросил подыскать ему иное занятие, желательно что-нибудь связанное с механикой. Четвертый, поймав доктора за пуговицу, прямо спросил, доколе он будет тут торчать и за кого его принимают, если держат за забором. Заодно он потребовал квалифицированной экспертизы, заявив, что готов для начала пройти тест на ай-кью. Черт побери, где он слов-то таких хватался?!

С пациентами других отделений тоже творилось неладное. Многие подобрали слюни. Один малый весом в триста фунтов перестал ползать на карачках и после двухдневных попыток взгромоздился на свои тумбы. Двое идиотов осваивали членораздельную речь. Никто их не учил — учились сами.

Было от чего прийти в замешательство!

В конце концов доктор Говард принял половинчатое решение.

— Подождем пока, — сказал он. — Понаблюдаем одну-две недели. Все может случиться. Но если тенденция сохранится, боюсь, половину пациентов придется выписывать...

Он дернул щекой, что делал всегда, находясь в состоянии раздражения, и не без яда заметил:

— У кого сейчас работы выше головы, так это у всяких реабилитационных служб...

Это было правдой. Более того, об этом уже сообщалось по телевидению. Поэтому к яду доктора Говарда примешалась и нотка зависти.

Им-то не придется искать новую работу! А попробуй найди ее, когда тебе под пятьдесят...

Хотя — если подумать — не все так плохо. Вчера доктор сам втихомолку подверг себя тесту на IQ. Получился неожиданный результат: 144 вместо обычных 120 — 125. Просто удивительно. Если телевизионщики не врут...

Если они не врут и действительно всем досталось поровну, надо только не терять времени даром. Очень скоро желающих сменить профессию будет пруд пруди.

Телевизионщики врали не больше, чем обычно.

Даже меньше. Сенсация сенсации рознь: одну приходится натужно тянуть за уши — другая сама скачет на прыжок впереди охотников, только поспевай за ней. Гони в эфир свежие факты, а домыслы оставь редакционным аналитикам и ученым экспертам.

Домыслы, именуемые «гипотезами» и «предположениями», соперничали числом и скороспелостью с опятами на осенних пнях. Кое-кто с мрачным удовольствием предрекал конец света; кое-кто, наоборот, начало Золотого века.

Частицы странного тумана, взятые в десятках «точек прокола» и подвергнутые исследованию, оказались идентичными. Трудно было установить, кто первый ввел в обиход термин БНР — биологические нанороботы, или бионары. БНР не желали вступать в контакт ни с культурами бактерий, ни с колониями плесени, ни даже с тка-

нями высших позвоночных, включая человекообразных обезьян. Их привлекали только ткани человека. Внедрившись в клетку, бионар растворялся в ней.

Два? Десять? Миллион? Хватало и одного наноробота. Вскоре клетка превращалась в фабрику для поточного производства БНР — совсем как при вирусной инфекции, но с двумя отличиями. Во-первых, организм и не пытался защититься от вторжения. Во-вторых, после заражения (или инициации?) всех клеток организма (или живого образца ткани) клетки немедленно «одумывались» и продолжали функционировать как ни в чем не бывало.

Даже лучше. Повсеместно отмечались улучшение состояния больных самыми разнообразными, в том числе неизлечимыми, хворобами, ускоренное заживление ран и сращивание переломов. Но не это было главное.

Главным было вот что: интеллект зараженных людей рос, как на дрожжах. Сколь бы ни был несовершенен тест на *intelligence quotient*, он позволил выявить следующее: IQ стремительно, чуть ли не взрывообразно рос в первые часы после заражения бионарами, затем увеличивался медленнее и спустя несколько суток стабилизировался на уровне двадцатью пятью — тридцатью единицами выше.

Человечеству помогли извне, это стало ясно в первые же дни. Вот только помогли — или «помогли»? «Пожижем — увидим», — разводили руками приглашенные на телеэфир ученые мужи, с преувеличенным энтузиазмом кивая на программу «Геном человека», получившую второй старт. Целую неделю большой популярностью среди обывателей пользовалась гипотеза о троянском коне. Назовите-ка самую большую проблему, стоящую перед человечеством. Загрязнение среды? Опасность ядерного конфликта? Терроризм? Истощение природных ресурсов?.. Глупости. Если вы решили посмешить публику — идите в конферансье. Самая большая проблема человечества — это люди. Те самые люди, для блага которых загрязняется среда обитания, истощаются ресурсы планеты, совер-

шенствуется оружие и внедряются новые идеологии. Все для людей. Остальное вторично.

Для ускоренной гибели человечества, вещали кассандры, не хватало только всеобщего поумнения. Интеллект еще не мудрость. Интеллект — это прежде всего новые потребности, и вот для их-то удовлетворения будут еще быстрее истощаться ресурсы, загрязняться среда обитания и прочее, и прочее...

С предсказуемым результатом.

Нормальный налогоплательщик относится к науке примерно как к тигру в непрочной клетке — и страшно, и хочется перепороть служителей зверинца, дабы приглядывали за зверем добросовестно, и вместе с тем любопытно поглазеть. На обывателя, даже поумневшего, гипотеза о троянском коне действовала чрезвычайно.

Пессимисты среди оптимистов успокаивали: откуда, собственно, следует, что действие бионаров будет продолжаться вечно? С чего бы это неведомым инопланетянам, обитателям параллельных пространств или каким-нибудь еще отцам-благодетелям делать человечеству столь значительные подарки? Постоянный патронаж, забота о гармоничном развитии юной хулиганистой цивилизации? Ой, не верится... Относительно безопасный для объекта эксперимент, ферштейн? Вспыхнет фейерверк — и нет его. Если завтра, послезавтра или спустя год бионары перестанут действовать, все вернется на круги своя без заметных последствий. Троянская лошадь — чушь всмятку. Не видно причины. Истребить людей, освободив планету для своих нужд, можно гораздо проще. Сохранив, кстати, ее ресурсы.

Оптимисты среди оптимистов кричали иное. Не важно, что человечество получило подарок, о котором не просило. Дают — бери. Оскорбиться подачкой может только тот, чей убогий интеллект не сдвинуть с места никакими бионарами. Есть такие? Нет? Тем лучше. Приятно иметь дело с умными людьми. Да вы только представьте себе, какие перед человечеством открываются перспективы! Управляемый термояд — это первое и сиюминутное. Еди-

ная теория поля! Победа над болезнями! Настоящий, а не опереточный прорыв в космос! Полет к альфе Центавра уже в этом столетии! Овладение антигравитацией! Постигновение глубинных тайн мироздания! Расцвет наук и искусств! Заживление социальных язв, так как сказано: все лучшие человеческие качества суть функция развития ума. Мир на Земле, поскольку умные люди всегда договорятся между собой...

Пока что умные люди насакивали друг на друга в яростных спорах. Бежали дни, ползли недели. Публиковались результаты исследований бионаров. Было, однако, ясно, что до полного понимания их сущности гораздо дальше, чем до альфы Центавра.

Но стоит ли отказываться пускаться в путь из-за того, что путь долог?

К началу зимы вряд ли кто опознал бы прежнего Егора Суковатова в трудолюбивом дворнике, каждодневно скребущем асфальт большой лопатой на предмет увеличения сугробов вдоль пешеходных дорожек. Зима началась в ноябре и выдалась снежной. Егор без особого труда получил место муниципального работника низшего звена. В его ведении находился кусок уличного тротуара, двор и два дома со всеми их лестничными клетками, подъездами и мусоропроводами. Ему было доверено казенное имущество: лом, три лопаты и веерные грабли. Он гордо носил оранжевую спецовку. Начальство сперва смотрело косо, теперь понемногу начало оттаивать.

Претензии? Не больше, чем к другим, даже меньше. Егор показал себя образцовым дворником. Поначалу адски уставал, болела спина, дрожали руки и временами напоминала о себе боль во внутренностях. Привык. Да и боли стали совсем не те, что раньше. Терпимые.

Он и раньше терпел — куда денешься, — но терпел с тупой безнадежностью. Теперь появилась перспектива.

С лица Егора подолгу не сходила улыбка. Он был счастлив. Ему казалось, что он только сейчас родился. Прошлое было темно и ужасно, зато настоящее давало опору.

★ Он стал полезным членом общества. У него появился свой законный дом — временная квартира в назначенной к сносу развалюхе, зато аж двухкомнатная. Из ржавого кра-на исправно текла вода, правда, только холодная. Чепуха. Можно нагреть. Пусть отключен газ, зато есть электричество, а предшественник оставил плитку и пару кастрюль. Что еще человеку надо?

Правильно: надежды на будущее.

Таковые у Егора имелись, одна радужнее другой. Поэтому-то он и улыбался, расчищая тротуар с монотонностью механизма. Физический труд на свежем воздухе ему нравился. Работа под мусоропроводом привлекала меньше, но ведь не все проявления жизни должны казаться медом, разве нет?

Прежде, с самого рождения, с медом было совсем туго. Ребенком Егор слыл самым тупым в классе, да, пожалуй, и в школе. Учителя со вздохом «рисовали» ему шаткие переводные тройки. Над ним не издевался только ленивый. Сонный мозг и общая заторможенность чувств мешали юному Суковатову понять всю глубину издевок. Быть может, потому-то он и не стал впоследствии маньяком. Летаргический ум отмечал: обижают. Не любят. Никто не любит. Егор огорчился, и только. Ему не приходило в голову мстить.

После восьми классов он выучился на слесаря, сразу же был призван в стройбат, кое-как отслужил, вернулся и поступил на завод. Что было дальше, Егор помнил смутно и не желал вспоминать в подробностях.

Кажется, он пристрастился к выпивке. Прошло сколько-то лет, все равно сколько. Умерли родители. Рядом с Егором появилась сожительница... или жена? Наверное, все-таки жена, коли сумела прибрать квартиру к рукам, когда Егора посадили. За что сажали — забыл. Вроде не убивал никого. Наверное, не нашлось денег на портвейн, попросил у кого-то излишне настойчиво...

Нет, вспомнил! Случилось как раз наоборот. Это был единственный в своем роде звездный час в никчемной жизни прежнего Егора Суковатова. Надо полагать, с за-

вода он уже ушел, потому что работал грузчиком в промаге на Каланчевской. И однажды, выйдя на работу не в свою смену, занялся уборкой подсобки, сильно удивив заведующую, зато умудрившись вынести вместе с мусором три коробки коллекционного коньяка и пять бутылок старки в придачу. Не с целью наживы, совсем нет. Егор устроил праздник работягам двух кварталов. Начав с грузчиков своего и соседних магазинов, он к обеду сплил благородным напитком рабочих близлежащей типографии, бригаду асфальтоукладчиков, старичка слесаря из «Металлоремонта» и неучтенное количество примкнувших граждан.

Пропажи бы еще долго не хватились — тревогу забил местный участковый, узревший бдительным оком, какую жидкость распивают знакомые наперечет пролетарии, и сильно тому удивившийся. Что обидно, сам Егор коньяка и не попробовал, скромно удовлетворившись старкой. Что ему коньяк! Народная любовь куда выше. Да еще чтобы не дразнили дебилom и огрызком...

Сначала в присутствии милиции его била заведующая — свирепая тетка, утверждавшая на страх грузчикам, будто в ней девяносто восемь килограммов. Враки! — она тянула на сто тридцать нетто и весь вес вкладывала в удар. Егор летал по подсобке, как пушинка внутри торнадо. Затем ему были предоставлены шесть часов на выплату стоимости уворованного, иначе...

Денег у жмотов-субутильников, хотя бы и займы, категорически не нашлось. Равно и у супруги. Так что вышло «иначе».

Дали три года. Выйдя на волю, Егор остался без жены, без квартиры и без работы. Как давно это было? Не вспомнить, да и незачем. К чему ворошить прошлое? Настало время глядеть вперед.

В то утро, когда, греясь у горячей крыши и подыхая от рези в кишках, он вдохнул лилового дыма, началось пробуждение. Почему Егор вдруг решил, что надо жить иначе, он не умел объяснить. Решил — и все. А решив, начал действовать.

От вшей он избавился самым простым манером: сбрил начисто растительный покров на теле, тем самым лишив паразитов их угодий, привольных, как Шервудский лес. Бриться пришлось с помощью тупой одноразовки, извлеченной из мусорного контейнера, и холодной прудовой воды. Зато имелось мыло — большой кусок настоящего, пусть и наидешевейшего, хозяйственного мыла, купленный преобразившимся Егором в первый же день. Редкие брови и ресницы Егор пожалел брить и оставил, тем более что они отнюдь не являлись надежным партизанским убежищем для обнаглевших членистоногих. Карательная операция, произведенная пальцами и обломком мелкой расчески, не замедлила это подтвердить.

В приступе гордыни Егор решил было обойтись без всяких там центров реабилитации бездомных — и обошелся бы, кабы не документы. Для начала нужна была какая-никакая ксива. Пусть пока не паспорт. Пусть мало что значащая бумажка, но официальная и с фамилией. Та справка об освобождении давным-давно истлела неведомо где...

Пришлось и бегать, и ждать. Ждал Егор деятельно: улучшил гардероб, завел полезные знакомства с грузчиками и дворниками, прикупил кое-что из необходимых мелочей. На данном этапе, как и прежде, основной доход приносила сдача стеклопосуды.

Потом повезло: взяли на работу, предупредив, правда, что берут лишь на зимний период, и на тот же срок выделили жилье. Егор очень быстро обзавелся старым пружинным матрацем, облезлой тумбочкой и допотопным торшером. На помойке временами появлялись и не такие богатства. Иной раз попадались книги, их Егор жадно тащил к себе. Часами валяясь под торшером, он читал все подряд: от лохматых школьных учебников до «Современного кубинского детектива», от стихов Агнии Барто до справочника по анодным трансформаторам, от подшивки журнала «Семья и школа» до книги с волнующим названием «Молодежь и трудовые ресурсы Туниса». Ничего не пропало, все шло впрок, даже ресурсы Туниса, а изголодавшийся мозг требовал: еще! Еще! Как можно больше!

Когда глаза уставали, в дело вступал бывший трех-программный, а теперь однопрограммный громкоговори-тель, извлеченный из мусорного бака и тщательнейшим образом отчищенный от липких объедков. Содержанием передач Егор частенько бывал недоволен. Ведущими — сугубо. Для кого это они так глупо выделяются? Для дурачков? Хм. Ну вот он, Егор, еще недавно был дурачком, пробы негде ставить, а разве он слушал какие-то переда-чи? Оно дурачку надо?

Потом наступало время работы, и Егор уходил бо-роться за чистоту вверенного ему участка планеты. Он знал, что должен показать себя с наилучшей стороны. Мо-жет, возьмут не на сезон, а насовсем. За зиму не нако-пить средств для рывка на следующую ступень, да и без жилья — никак. О теплотрассе в качестве места ночлега теперь мерзко было и подумать.

Уважение к себе — это первое. Деньги — второе. Знания — третье. Да, еще о здоровье не забыть...

Зачем суетишься, человеке? Чего хочешь достичь? О ка-ких горних высях возмечтал? Стоят ли они того, чтобы карабкаться? И ждут ли тебя там?

Прежний Егор не ставил таких вопросов. Егор ны-нешний ставил — и отвечал положительно. Он был лежа-чим обомшелым камнем, который вдруг сдвинулся с места и покатился... все быстрее, быстрее! Егор не хотел оста-навливаться. Каким бы ни было будущее — оно манило. Егор скреб асфальт. Ему казалось, что он расчищает доро-гу к сияющим вершинам. Нет, рано вы, люди, списали Его-ра Суковатова! Егор Суковатов еще себя покажет!

— Я теперь за собой как за малым ребенком ходить буду, — хвастался он Ивану, разливая по стаканам безал-когольное (иного теперь не употреблял) пиво. — Зубы вставляю. — Трогая языком гнилые пеньки во рту, он со-дрогался от омерзения и жаловался: — По части зубов у этих спонсоров инопланетных промашка вышла. Я пона-чалу как думал? Раз требуху вылечили, то и зубы попра-вят. Не-ет, не смогли. А может, не захотели. Ну, бог им су-дья. Сам сделаю. Вот заработаю денег... Мне ж на жизнь

разве много надо? Кусок хлеба, чистая простыня, книги — ну и все. Без телевизора обойдусь как-нибудь, а белье могу и сам постирать. А там, глядишь, и учиться пойду. В заочный техникум. У меня ж всего-навсего неполное среднее, это не дело...

Иван Неподоба хмыкал, но не возражал. Иван терзал воблу над расстеленной газеткой. Иван слушал нового Егора с той же охотой, с какой прежде зверел при его появлении. Иван что-то мотал на ус.

— А помнишь, как ты меня гонял? — спрашивал Егор, хитренько прищуриваясь.

— Так ты ж бутылку у меня хотел скрасть! — чуть конфузливо оправдывался Иван, припоминая инцидент. — А потом небось мне же и принес бы сдавать, что, нет?

— А как ты меня обижал — помнишь? — мстительно вопрошал Егор.

Иван Неподоба хрюкал и гудел басом:

— Ну обижал... Ты кто был, а? Ты себя со стороны видел? Такого как не обидеть? Надо.

— Допустим. А в рыло совать все равно не следовало. Неинтеллигентно.

Под грузом обвинений в неинтеллигентности, невоспитанности и некуртуазности Иван понуро вешал голову, но Егор был щедр и прошлые вины прощал.

— Так ты все еще приемщиком?.. — менял он тему.

Как будто сам не знал. Сдача посуды и сейчас еще приносила Егору дополнительный доход.

— Угу.

— И не хочешь сменить работу?

— На кой?

— Ну как на кой?.. — Егор несколько терялся. — Нет, я понимаю: выгодно. Но не век же... Цель в жизни должна быть, нет? Вот я, например...

— То ты, а то я, — отрубал Иван.

Егор морщил лоб.

— погоди... Ты хочешь сказать, что эти... тьфу, как их?.. бионары на тебя не подействовали?

— Почему не подействовали? Я теперь не гипертоник. А плоскостопие как было, так и осталось.

— И только-то? А мозги?

— При мне.

— Ну?

— При мне, говорю. Работают.

— Как раньше? — не верил Егор. — Всем ведь досталось поровну.

— Всем поровну, но каждому — свое, — изрекал Иван, поднимая вверх толстый палец. — Понимаешь?

— Не очень.

— Значит, тебе пока и не надо. После поймешь.

Дожевав воблу, он испарялся, а Егор долго чесал в затылке, пытаясь сообразить, чего это Иван мудрит и темнит. Не найдя ответа, съедал кусок хлеба с найдешевейшим зельцем и принимался за самообразование. Вчерашний поиск в мусорном баке принес роскошный улов: «Историю древних цивилизаций» в изложении для абитуриентов. Кое-что было непонятно до мигрени. Как Исида начала от мертвеца? Что свербило у Сета, из-за чего он стал нехорошим? С какого бодуна Гор скормил папаше Осирису свое вырванное Око? Во-первых, папаша уже давно был покойником, а во-вторых, тот еще деликатес.

Кое-что приводило в восторг. В особенности то место в начале книги, где говорилось о неолитической революции. Как раз перед приходом Ивана единственная неубитая программа громкоговорителя поведала Егору гипотезу. Впервые ли помогают земной цивилизации неизвестные покровители? Не является ли неолитическая революция (не говоря уже о самом возникновении человечества) прямым результатом воздействия бионаров в отдаленном прошлом? Не означает ли это, что таинственные покровители решили: человечеству пора подняться еще на одну ступень? Безусловно, оно должно подняться само, снабженное отнюдь не готовыми знаниями, а лишь инструментом для их приобретения...

— Вот ведь! — умилялся Егор.

Неолитическая революция представлялась ему в виде

штурма дворцовой решетки толпой прогрессивных земледельцев, вооруженных шлифованными топорами и бронзовыми мотыгами. В картинку временами въезжал броневи́к, плюющийся огнем из двух башенок; Егор гнал его прочь как явление несвоевременное. Погодите, пращурь, и до техники дело дойдет. С бионарами-то! Где уж древним ретроградам с их кое-как обтесанными рубилами и корявым дубьем противостоять натиску прогресса! Никаких шансов.

Какая революция предстоит на этот раз, Егор не знал. Хватало того, что будущее рисовалось в радужных красках. Иные люди невосприимчивы к повальному оптимизму — Егор был не из их числа. Оскорбляться инопланетной подачкой, как некоторые? Да подите вы!.. Гордецы! Обиделись: человечество, видите ли, оказалось подопытной букашкой под микроскопом. Да хоть бы и букашкой! Вам что, бионаров не хватило? Умный человек не станет обижаться на добавку ума, а скажет благодетелям спасибо, вот так-то...

Главное, чтобы добавка пошла впрок.

3

Кому до инопланетных подарков не было никакого дела, так это природе. В положенное время участились оттепели, побежали ручьи, зачирикала, чуя весну, птичья мелюзга. Самозабвенно пели коты. Сугробы съежились, обороняясь от солнца черной коркой. Егор ковырял их, разбрасывая по асфальту снег, чтобы поторопился таять и не маячил. Все шло путем.

— А, сосед! — приветствовал его Иван Неподоба. — Давно не виделись. Все трудишься?

— А ты?

— У меня день нормированный: принял, погрузил, закрылся. Теперь домой иду. Может, пузырь на двоих раздавим?

Егор подумал и покачал головой.

— Зря, — осудил Иван. — Слушай, теоретик, ты мне

вот что скажи: как сейчас мусорят — больше или меньше, чем раньше?

— А почему должны меньше?

— Ну как? Интеллект-то повысился. Где раньше бросал не думая, теперь бросают с умом. А то и вовсе в урну. Нет?

— Не знаю, — вздохнул Егор. — Я ведь недавно...

— Не с чем сравнить?

— А тебе? Меньше посуды несут или больше?

— Я без работы не останусь, и не думай, — самодовольно ухмыльнулся Иван. — Как несли, так и несут. Меньше-то с чего? С ума, что ли? Так ведь умного человека в России всегда тянет выпить. Не все же такие, как ты. «Во mnogой мудрости много печали», слышал?

— Приходилось.

— Не осознал, значит. Ну пока, счастливчик.

Провожая его взглядом, Егор недоуменно пожал плечами. Счастливчик? Это как сказать. Хотя да, пожалуй. У него есть цель. Пусть скромная. Не всем же кружиться в высоких материях, изобретая термояд или летая к альфе этого... Егор даже перестал крушить сугроб, тщетно сясь припомнить, как зовется непарнокопытный греческий мужик. Да черт с ним, гибридом... Не в нем дело, а в том, что у каждого свой собственный масштаб свершений. Кто-то до сих пор ищет свой путь, мается и потому несчастлив, а он, Егор Суковатов, свою тропку нашел. Осталось пройти ее, вот и все.

Как просто!

Как понятно, просто и доступно!

Сиял день, а слезящаяся снежная крупчатка искрилась так, будто сознательно притворялась алмазной россыпью. На крышах плакали погибающие сосульки. Закаленный воробей отважно купался в луже. Мальчишки пускали спички по ручью, споря, чья раньше низвергнется в коллектор. Егор зажмурился, подставив лицо солнцу. Он был уверен: оно не обидится, взглянув в рожу бывшего бомжа. Настроение было умирительное, но и ответственное. Начинался новый этап.

★ Когда запахло летом, Егора все-таки уволили как сезонника, посоветовав приходить снова в октябре. Поручили и дом, выкопав на его месте котлован под будущий небоскреб. Егор направил было стопы к бывшей жене, но получил пинка от ее нового сожителя. Ладно! В тот же день он устроился ночным сторожем на склад стройматериалов, решив таким образом проблему ночлега. Каморка была тесная, но с готовым топчаном, электроплиткой и местом для стопки-другой книг. Что еще человеку надо?

Раздобыв школьные учебники, он готовился к экзаменам в пищевой техникум. Один знакомый рассказал ему, что его будущая работа будет заключаться в том, чтобы стоять у резиновой ленты и наблюдать, как мимо едут творожные сырки, а чуть что — останавливать линию и вызывать наладчиков. Егор решил, что, подучившись, справится. Воображаемое движение конвейера с сырками волнующе-приятно ассоциировалось с неостановимой поступью прогресса. Сладкая мечта быть причастным проснулась и дергала Егора за невидимые миру ниточки.

— О, какие люди! — приветствовал его Иван Неподоба из-за баррикады бутылочных ящиков. — Что-то давно тебя не было видно.

— Занят был, — кратко ответил Егор.

— А чего посуду не несешь?

— Говорю же: занят. Собирать некогда.

— Ну-ну. Ты еще скажи, что и не тянет.

— Ну и скажу! — озлился Егор. — Что было, то прошло, понятно? Не все такие, как ты.

Другой бы на месте Ивана немедленно и агрессивно ощерил пасть — какие это такие?! — но Иван был мудрее, чем казался.

— Да ты никак всерьез решил, что все изменилось? — И мясистая ряшка Ивана расплылась в улыбке — поперек шире. — Нет, правда?

— А то нет?

— Ладно. — Иван огляделся и, не обнаружив на ближайших подступах никого, кто шел бы сдавать посуду, спросил в лоб: — Так что, по-твоему, изменилось? Только про термояд и альфу Козлодея не заливай, не надо...

— Мои мозги, — утрюмо сказал Егор. — Они думают. Раньше спали, теперь проснулись.

— Кто-нибудь это оценил?

— М-м... не знаю. А зачем мне надо, чтобы ценил кто-то? Я сам для себя. Мне нравится.

— Ты еще скажи, что счастлив, — фыркнул Иван.

— А что? — заморгал Егор. — Почему нет?

— Потому что врешь ты все. Тебе надо, чтобы тебя ценили. Всем надо. Не все могут.

— Выходит, и тебе надо?

— А то как же! — подтвердил честный Иван. — Мне надо, меня и ценят. Вот сегодня откажусь принимать винную посуду или приму за полцены — обматюкают. Про себя, понятно, потому что кому охота со мной ссориться? А завтра приму за полную цену — вот и уважение. Мне хватает, веришь?

— Нет, — с сомнением сказал Егор.

— Это еще почему?

Егор морщил чело — формулировал.

— Надо вверх, — сказал он наконец. — Выше надо.

— Вот я и говорю: уважения тебе хочется. Ну ладно, пусть самоуважения. — Оказывается, Иван мог оперировать и такими словами. — Хотеть-то хочется, а может ли? Я на бионары эти клал с прибором, потому что ничего не изменилось. Ты что, еще не въехал: всем ведь ума досталось поровну. Значит, кто был наверху, академики там всякие, тот наверху и останется, а кто был внизу, тот... ну? Догадайся с трех раз.

Слушать такое было горько и обидно. Забыв, куда шел, Егор, не прощаясь, развернулся и пошлепал назад по Мастеровой. Иван хохотал ему вслед.

— Абсолютная шкала всем до фени! — доносилось до Егора сквозь жизнерадостное ржание. — Человеку интересна только шкала относительная! Верхушка кочки или Эльбруса — все верхушка, а дно — всегда дно...

Но ведь это неправда! Неправда!

Вступительные экзамены Егор провалил.

Как он ухитрился это сделать при конкурсе в полчеловека на место, он не понял и не брался объяснить. За-

помнилась только иронически поднятая бровь экзаменатора. Егор зачем-то поблагодарил и вышел с «неудом», глупо улыбаясь, не понимая и не веря.

В тот же день он напился пьян и слонялся без цели, цепляясь к шарахающимся прохожим со слезливыми признаниями, оскорбил непристойным действием цоколь какого-то памятника, вступил в оживленный диспут с милицией и заночевал в казенном доме. Наутро разламывалась голова, а синяки на теле свидетельствовали о массаже тупым резиновым предметом. Да еще предстояло выплатить штраф.

Нечестно! Не штраф и не побои — экзамены! Не всякий ведь сам догадается, что уж коли у всех абитуриентов повысился IQ, то и вопросы экзаменаторов станут сложнее! Надо было предупреждать!

Его предупредили — по месту работы. В энергичных словах. Спасибо, что не уволили сразу. Это случилось немного позднее.

Егор запил. Сволочные биороботы уменьшили его восприимчивость к спиртному. Если раньше его развозило вдрызг с бутылки «Жигулевского», то теперь требовался эликсир покрепче. Деньги начали таять. Один раз Егор вооружился арматурным прутком и пошел убивать гада Ивана, но запутался в улицах и на Мастеровую не попал.

Ночью он выл и рыдал в тряпье, заменявшее ему подушку. Ну почему мир устроен так подло? Почему людям интересна только относительная шкала и их личное место в ней? Умный — глупый. Талантливый — бездарный. Красавец — урод. Богатый — нищий. Атлет — доходяга. Инициативный — инертный. Вот что на самом деле их волнует. И давать всем поровну — несправедливо, потому что у самых низших, самых обиженных не будет никакого продвижения...

Да, наука пойдет вперед, это точно. Для того, видно, бионары и были впрыснуты. Остальное — чепуха. Разве что воры начнут работать тоньше, так ведь баланс не нарушится, потому что опера да следователи тоже получи-

ли свою долю сиреневой взвеси. Ни один человек не ушел обиженным.

И ничего не изменилось. Не ведая об Экклезиасте, Егор приходил к тому же выводу: что было, то и будет.

Он мог бы понять это раньше, если бы не был так увлечен своей кажущейся эволюцией. Разве кто-нибудь, исключая наблюдателя жизни Ивана Неподобу, стал разговаривать с ним охотнее, чем раньше? Разве не внушал он по-прежнему брезгливое неодобрение? Разве хоть одна женщина посмотрела в его сторону с интересом?

Зачем живешь? Кому нужен? Для чего все это? Какой смысл?

Наплакавшись вдоволь, Егор принимался скрежетать зубными пеньками. Потом вставал с топчана, пинал книги и, покинув пост, тащился к круглосуточному магазину. Там было то, в чем он нуждался.

От контейнера к контейнеру. От урны к урне. Возле скамеек проверить сутубо. И в кустах. Ага, вон на автобусной остановке мужик башку задрал, пиво пьет... успеть бы, пока конкуренты не набежали. Евробутылка. Почти рупь.

Сентябрь природа выделила не в подарочном варианте. По утрам, в самое добычливое время, в приземном слое висели синие от холода туманы. В ужасе жухла листва. Теоретически приближалось бабье лето с его щедрыми на солнце днями, но пока сверху не то сеялась, не то просто висела в воздухе холодная морось. Она липла к нелепой фигуре, что, шаркая ногами и не замечая луж, брела неведомо куда. Иногда фигура останавливалась, скрючившись и держась за бок. Егор Суковатов обходил свою территорию.

Круг замкнулся.

Возможно, он не был кругом, а был витком спирали, но это уже не интересовало Егора. Сегодня он выпался в теплом подъезде и уже почти набрал посуды на личный прожиточный минимум. Ничто другое его не интересовало. До холодов было еще далеко, а значит, все шло путем.

— Бракованная, — объявил Иван, ощупав горлышки пивных бутылок и отставив одну в сторону. — С выкол-

кой. Второй раз ее приносишь. Принесешь еще раз — получишь в репу. Винные сегодня не беру — тары нет. Итого одиннадцать штук.

— Винные, — гутниво пробубнил Егор.

— Чего-о?

— Возьми за полцены.

— Сказал уже — тары нет.

— Полцены, — ноюще прогнусавил бомж.

Он явно нарывался. Издав нутряной рык, Иван обозначил было движение в сторону надоеды, как вдруг что-то хлопнуло у него над головой, как хлопает разбившаяся лампочка. Кудрявое облачко, на сей раз не лиловое, а изумрудно-зеленое, чуть подсвеченное изнутри, вспухая и разрастаясь, быстро обволокло приемщика, сдатчика, штабеля ящиков и, перестав быть видимым, впиталось в городской воздух.

— И не надоест им! — подивился вслух Иван.

Затем он сморщил нос, прислушался к внутренним ощущениям и передернулся. Покосился на бомжа.

Внутри обоих что-то происходило.

Иван чихнул. Егор удержал чих, чтобы тот не отозвался очередным приступом рези в кишках.

Иван подозрительно посмотрел на Егора. Тот никак не реагировал. Приобретенный интеллект был тому причиной или приобретенный опыт — какая, в сущности, разница? Даже для дебила одного урока бывает достаточно. Смотря какой урок.

— То-то же, — сказал Иван удовлетворенно. — Значит, получи за одиннадцать и гуляй отсюда рысью. Уловил? Не слышу.

— Винные за полцены, а? — упрямо бормотал бомж.

ЛИМАН

ни остались живы. Все трое. Только третий этого не знал. Третий лежал на полу авиетки, на надувном матрасике, запрокинув кверху неподвижное лицо.

Кроман нагнулся, осторожно приподнял его голову и подложил под затылок скатанную валиком куртку. Затем, сильно прихрамывая, опираясь рукой о стенку, вернулся в кресло и вновь принялся осторожно массировать поврежденное колено.

— Станция, Станция, я Разведчик-два, совершил аварийную посадку в лимане Лапранди, около десяти километров на юго-восток от Игольного мыса... Станция... — безостановочно и монотонно бормотал в микрофон Гусев.

Некоторое время Кроман бездумно слушал и смотрел на его затылок, поросший жесткими завитками черных волос, затем перевел взгляд на иллюминатор. Сквозь стекло была видна согнутая стойка крыла и близкая, неподвижная и темная вода лимана, сливающаяся с атмосферой в однообразное серое месиво уже метрах в пятидесяти от самолета.

— К черту! Бесполезно! — Гусев откинулся от передатчика и развернул кресло. Посмотрел на Калину. — Как он?

— Как и прежде, — ответил Кроман. — В себя не приходит. Сейчас в его состоянии это самое лучшее. Может, они нас слышат и просто не могут ответить?

Гусев вновь повернулся к радию, небрежно перебрал тумблер и прибавил громкость. Кабину заполнил гул и треск, неприятно ударивший Кромана по барабанным перепонкам. Он поморщился и рефлекторно поднял руки к голове, но Гусев уже отключил приемник.

— Вот что они слышат, — сказал он. — Музыка небесных сфер. Это даже не магнитная буря. Это настоящий тайфун. Ты на компас смотрел? Крутится как юла. Даже не пытайся разобрать, где юг, где север. Без толку. Вот же влипли!

Он осторожно потрогал лоб. Кожу все еще слегка саднило, но кровь уже запеклась. «Отделался легким испугом», — мысленно усмехнулся Гусев. И в самом деле, ему досталось меньше всех. В момент падения он даже не потерял сознания. Удивительно четко и подробно запечатлелось в памяти, как Калину первым страшным толчком выдрало из кресла и швырнуло спиной на аккумуляторный ящик, а потом, пока теряющий скорость самолет, судорожно дергаясь и вихляя, тащился по лиману, — как тело Калины, словно гуттаперчевый манекен, высоко подпрыгивало на полу после каждого нового рывка, переваливаясь с боку на бок. Отчего-то тогда, в эти короткие страшные секунды, Гусев был уверен, что Калина умер. Гусев даже успел ему позавидовать, потому что тоже ждал смерти, не ведая, как она придет, — но вдруг все кончилось...

Кроман вздрогнул, прильнул к иллюминатору и отпрянул.

— Гусев, что это?

Гусев машинально схватился за кобуру, подошел и посмотрел. Метрах в двадцати от самолета, будто толкая перед собой округлый водяной бутор, под водой двигалось нечто широкое, просвечивающее грязно-серым телом сквозь тонкий слой жидкости. Гусев проводил животное равнодушным взглядом и отвернулся.

— Это блин, — сказал он.

— Что?

— Не что, а кто. Вообще-то официально его называли илистым придонником, но мы зовем блином. Как-то с самого начала повелось... Он хоть и здоровый с виду, но плоский, довольно тонкий и почти слепой. Поедает всякую мелочь в иле. Ну и его едят все, кому не лень. Ты не бес-

покойся, он не опасен. Если случайно наткнется — даже с ног не собьет. Удержит, как заяц.

— Я и не беспокоюсь, — Кроман слегка покраснел. — Просто никогда раньше не видел.

«А что ты здесь видел, кроме Станции?» — подумал Гусев с неожиданным раздражением, которого тут же устыдился.

— Как твоя нога? — спросил он.

— Думаю, просто сильный ушиб, — тут же ответил Кроман. — Ну, может быть, трещина. Без рентгена сказать трудно. Вообще, травмы колена одни из самых неприятных. Болезненные и долго не проходят... Как ты считаешь, связь скоро восстановится?

Гусев с досадой дернул плечом.

— Может, через два часа, может, через неделю.

— Чрез неделю — это плохо, — очень серьезно говорил Кроман. — Калина может не выдержать.

— Как это «не выдержать»? — быстро и агрессивно переспросил Гусев. — Что значит «не выдержать»? Объясни, что с ним вообще?

— Пока что продолжается болевой шок, — сухо сказал Кроман голосом, похожим на скрип давно не смазанных дверных петель. — Все, что возможно в нашем положении, я сделал. За дальнейшее ручаться не могу.

Его вытянутое, грубой лепки лицо, и так на редкость малоподвижное, сейчас не отражало и следа эмоций. Гусев посмотрел на эту одушевленную маску и разозлился еще больше.

— Мы с Калиной на Флоре пять лет, — плохо сдерживая раздражение, сказал он. — Почти со дня основания Станции. Ты же врач, черт возьми!

Каменная маска дрогнула.

— Извини, — мягко произнес Кроман. — Не злись. Я сам злюсь оттого, что ничего не могу поделать. Перелом позвоночника — это, знаешь... Домой ему скорее надо, вот что.

— Да, — наклонил голову Гусев. — Нам всем надо...

★ Он встал и с некоторым усилием откинул в сторону дверцу кабины.

— Что ты собираешься делать? — спросил Кроман.

— Купаться, — буркнул Гусев и прыгнул в воду.

Вода доходила почти до пояса, комбинезон воду не пропускал, зато и тепла не удерживал, но холода Гусев не почувствовал.

«Градусов двадцать восемь — тридцать», — определил он.

Каждый шаг по илистому, топкому дну требовал определенного усилия. Нога, казалось, проваливалась в неведомую глубину без надежды остановить падение, но в конце концов словно повисала без опоры в придонной жиже. Наверное, так же трудно было бы ходить по мягчайшим пуховым подушкам. Это неприятно, но не опасно. Как и на подушках, провалиться в лимане некуда. Шагай в любую сторону — к берегу или еще на сотню километров в океан — все будет точно так же. Только пешком сотню километров по лиману не пройдешь. И десяти не пройди. Сил не хватит. Пять — еще куда ни шло...

На поверхность всплывали крупные пузыри, лопались, распространяя запах сероводорода, на который тут же налетела невесть откуда взявшаяся мошкара, вслед за ней из тумана спикировала стая «бабочек», а завершил всеобщее пиршество промчавшийся над поверхностью летучий голландец — проглотил на лету половину стаи «бабочек» и вновь растворился в тумане.

Четыре года назад Лапранди ушел в лиман в одиночку на катамаране. Когда истек контрольный срок выхода на связь, начались поиски. Лапранди нашли всего в каких-то восьмистах метрах от обездвиженного судна — гидрокостюм не дал телу утонуть. Лапранди умер от истощения и усталости. Он оставил катамаран, видимо увлекшись погоней за кем-то из обитателей лимана, и оказался настолько неосторожен, что не взял с собой маяк. Найти судно в сплошном тумане без единого ориентира он уже не смог. С тех пор любые выходы в лиман в одиночку были категорически запрещены.

За спиной Гусева шумно всплеснуло. Он обернулся, выхватывая пистолет, и замер, не закончив движения. Кроман размахивал руками в поисках равновесия на зыбком дне. Гусев шагнул к нему, поддержал за рукав.

— Ты зачем прыгнул? — грубовато спросил он. — У тебя же нога!

— Просто хочу попробовать, — сквозь зубы ответил Кроман.

Он высвободился, сделал несколько неловких шагов и встал, привалившись к фюзеляжу.

— Будто по киселю ходишь, — пожаловался он, учащенно дыша. — Запах довольно неприятный.

— Только сейчас почувствовал? — усмехнулся Гусев. — Сероводород, основа местной жизни. Это не самое страшное.

— В какой стороне земля? — поинтересовался Кроман.

— Примерно там. — Гусев махнул расслабленной рукой куда-то в туман.

— Действительно примерно, — хмыкнул Кроман. — Ну а все же?

— Да там же, там. Плюс-минус тридцать градусов. Ты же помнишь, как нас мотало перед тем, как мы ткнулись. Если бы гироскоп не разлетелся вдребезги, я бы тебе ответил точнее... А ты зачем интересуешься? Неужели пешком идти собрался?

Кроман не ответил. Опираясь о фюзеляж, добрался до люка и полез обратно. Гусев обошел вокруг самолета, стукнул мимоходом кулаком по обломку кронштейна хвостового поплавка, затем тоже забрался в кабину и задвинул дверь.

В это время Кроман закатывал рукав на вялой, неживой руке Калины. Бормоча что-то себе под нос, смазал кожу ваткой и сделал укол. Избегая смотреть на беспомощное тело друга, Гусев пробрался к передатчику. Включил, послушал немного и вновь вырубил питание.

— Экономить нужно, — ответил он на вопросительный взгляд Кромана. — Иначе сядут батареи за два дня, тогда нас вообще никто не найдет.

— Два дня? — брови Кромана медленно поползли вверх.

— А ты что думаешь! Два дня — минимальная длительность здешней магнитной бури. Плюс-минус... Да черт его знает, сколько она еще продлится!

— Двух суток Калина может не выдержать, — сказал Кроман. — Нужно искать какой-то выход.

— Выход! — Гусев стукнул кулаком по панели. — Какой выход! Верхом на блине ехать, что ли?

— А можно? — спросил Кроман, и Гусев с изумлением уставился на него.

— Ты что, шутишь?

Кроман наклонил голову, аккуратно опустил и застегнул рукав на руке Калины.

— Я на Флоре всего неделю. К тому же я врач, а не... блинолог, — с обидой произнес он. — Откуда мне знать! Тогда придумай что-нибудь другое. Может быть, не стоит сидеть здесь? Может быть, нужно идти? Не всем вместе, это понятно. Мы бы с Калиной остались ждать здесь.

— Идти? — усмехнулся Гусев. — Куда?

— На берег, к Станции, за помощью!

Гусев тяжело вздохнул и досадливо передернул плечами.

— Не сбиться с направления в этом молоке без единого ориентира в первые же полчаса — просто чудо. Другое чудо — пройти десять километров пешком по лиману. Не слишком ли много чудес ты от меня требуешь?

Кроман суетливым жестом потер ладони, быстро взглянул на Гусева и отвернулся.

— Наверное, ты прав, — проговорил он. — Я все понимаю. Просто Калине действительно нужна срочная операция и...

Он замолчал и без всякой нужды принялся рыться в своей медицинской сумке, вытаскивая и пряча какие-то пузырьки, упаковки таблеток и прочую мелочь. Гусев смотрел на все эти бессмысленные движения, и лицо его медленно наливалось кровью.

— Ты думаешь, я боюсь? — медленно осведомился он. — Если думаешь — так и скажи. Только я на это плюю.

Что ты знаешь о Флоре? Об этом чертовом лимане? Что? Ну, хорошо, я пойду. Значит, погибли уже двое: Калина и я. И неизвестно, кстати, кто раньше. Ты понимаешь или нет? Зачем это тебе?

— Что ты, Гусев! — испугался Кроман. — Совсем я так не думаю. Ты меня просто неправильно понял. Я хотел лишь спросить о возможности и совсем не имел в виду ничего такого. Я действительно тут ничего не знаю...

Гусев слушал его лепет, и злость уходила, раздражение гасло. Но какой-то паршивый осадок в душе все равно оставался. Будто он и в самом деле в чем-то виноват. Что за ерунда! Он тряхнул головой, отгоняя непрошенные мысли. Калина на его месте поступил бы точно так же. Кому, как не Калине, знать, что такое лиман Лапранди...

Мягкий толчок качнул самолет, раздался долгий пронзительный скрежет, словно снаружи по обшивке от хвоста к носовой части двигалась огромная терка. Кроман слегка вздрогнул, но не от страха, а от неожиданности. Он забеспокоился, лишь когда увидел, как враз побледневший Гусев вырвал из кобуры пистолет, стволом провозжая источник скрежетания. Фюзеляж покачнулся в последний раз, и все затихло.

— Что это было?

— Это... — Гусев с шумом перевел дух. — Это, брат, самая мерзкая здешняя тварь. И наше счастье, что мы ей сегодня не понравились. Если тебе интересно, зовут ее «единорог».

— Почему?

— Да просто так называли... Вообще-то нечто вроде рогов у нее в самом деле имеется. Как ты знаешь, в лимане пищевая цепочка целиком состоит из животных. Только в самом начале несколько видов простейших водорослей. Этим биосфера лимана и уникальна. И практически все, начиная со второго-третьего звена, — хищники. Все друг друга жрут. Так вот, «единорог» — на самом верху пирамиды. Сидит, зарывшись в ил, пока не проголодается, а потом идет на охоту. Поскольку у него нет естественных

врагов, он никого не боится. И всякого прежде всего норовит сожрать.

— Самолет-то ему зачем жрать? — не поверил Кроман.

— Да он и сам не знает, а все равно попытаться мог. Но на этот раз нам повезло. Видно, сытый попался.

Гусев подошел к двери, отодвинул створку и выглянул наружу.

— Ты не боишься, что он вернется? — немного нервно спросил Кроман. — Или другой приплывет, голодный?

— Нет, — успокоил его Гусев. — Их здесь очень мало. Лиман большой, но его биоресурсы все равно ограничены. Ты не представляешь, насколько сбалансирована здешняя экология... — Он зябко передернул плечами и потер ладонями лицо. — Кроман! Дай мне что-нибудь. Словно бы познабливает. Только простуды мне тут еще не хватало.

— Сейчас, — засутился Кроман, полез в свою сумку, достал облатку и протянул Гусеву. — Это антибиотик. А вот еще тонизирующее.

Гусев сунул в рот таблетки, разжевал и проглотил, слегка поморщившись от горечи. Целлофановую оболочку скатал комочком и швырнул в воду. Комочек упал на гладкую поверхность воды, почти ее не потревожив. Он будет тут лежать и завтра, и послезавтра, и еще месяца четыре до начала сезона ветров. Течений в лимане не бывает. Планета не имела спутников, поэтому здесь не было и приливов с отливами. Когда миллионы лет назад в лимане зародилась жизнь, ничто не мешало ее эволюции. Гусев еще постоял немного, бездумно глядя на этот комок.

— Если бы хоть спасательный плотик был, — произнес он не оборачиваясь и замолчал, потому что ему показалось, что неосознанно он оправдывается неизвестно в чем.

— Что? — переспросил Кроман.

Самое плохое, что никто их искать не собирается, и в этом действительно есть вина Гусева. В Фактории их не ждут, потому что он не сообщил о вылете, намереваясь сделать это уже в полёте, однако начавшаяся магнитная буря превратила его намерение в ничто. А на Станции не

знают, что они не долетели. Что им могло помешать? И не узнают, прежде чем не наладится связь. Черт их дернул лететь над лиманом!

— На плотике с мотором, да с нормальным запасом продуктов можно было бы рискнуть, — рассуждал он вслух. — Только говорить об этом бесполезно. Плотика-то все равно нет!

Берег в той стороне, куда он показал Кроману, отчего-то Гусев был в том уверен почти на все сто. У него отличное чувство ориентации, оно его никогда не подводило, и никакая магнитная буря не способна его исказить...

— Пойми, — сказал Гусев, — одно дело — рисковать, если есть хотя бы малейший шанс. Но сейчас-то такого шанса нет. Ты мне веришь?

— Верю, — с готовностью кивнул Кроман.

Слишком уж быстро он соглашается! Гусев снова почувствовал раздражение, желание придраться и, чтобы подавить его, отвернулся к лиману.

Из тумана вынырнул летучий голландец. Едва пошевеливая полупрозрачными перепонками, стремительно промчался над поверхностью воды к самолету, в самый последний момент немыслимым образом затормозил, замер в воздухе, отпрянул с тихим аханьем, свечкой взвился вверх и исчез.

«Тоже заплутался, бедолага», — подумал Гусев без особого сочувствия.

— Эти... летучие голландцы тоже хищники? — осторожно спросил Кроман.

— Разумеется, — кивнул Гусев. — Ты не беспокойся, мы им не по зубам. У них зубов-то нет... Слушай, Кроман, ты женат?

— Нет, — удивился тот. — А что?

— Да я так просто... У Калины жена на орбитальной базе. Она тоже врач. Нина. Может, встречал?

— Не знаю. Возможно...

— Прежде она работала в Фактории. Ты как раз должен был занять ее место.

— А почему она ушла?

— У нее открылась аллергия к пыльце росянки. Ты еще увидишь, как росянка цветет. Цветы крупные, яркие. Малейший ветерок — пыльца оранжевым облаком поднимается. Тоже неплохо выглядит, если от этого чихать не начнешь. Кстати, ее с Земли привезли, посеяли возле лимана — там, где мошкары побольше. Другие растения на этой почве существовать в принципе не могут. Гумуса маловато. Она не только прижилась, но и здорово мутировала, а потом как бы сбежала от экспериментаторов и расселилась на плато, о чем теперь стыдливо умалчивают. Сейчас все напряженно думают, что с ней делать: оставить или истребить. Собственных растений суши тут ведь пока нет. Когда закончили строить Станцию, на нижнем плато настоящие заросли образовались. Говорят, планету в конце концов решили назвать Флорой именно из-за этих цветов. Интересно, что аллергия на пыльцу проявляется не сразу. На второй, а то и третий сезон. Но потом уже не отвязывается, и никакие твои таблетки помочь не могут. Вот и у Нины так было. Калина по ней сильно скучал... — Он поспешно поправился: — Скучает.

— Мне кажется, я ее помню, — сказал Кроман, тоже отчего-то чересчур торопливо. — Такая худенькая блондинка, верно? Очень симпатичная... и хороший специалист.

Гусев снова отвернулся к лиману.

«Словно стеной из ваты нас обнесли», — подумал он.

Взгляд его случайно упал на обрывок целлофана. Несколько секунд он смотрел на него, прежде чем ощутил какое-то несоответствие.

— ...На базе она заведует карантинным отделением, да? — спрашивал Кроман.

— Да-да, — машинально ответил Гусев и внезапно понял причину своего беспокойства.

Обрывок переместился от того места, куда он его бросил, левее сантиметров на тридцать. Такого не могло, не должно было быть в принципе, но ошибиться Гусев не мог.

— Почему? — услышал он удивленный возглас Кромана и обернулся.

— Что?

— Ты сказал: «не может быть». А мне все же кажется, что аллергия к этой пылице излечима. Принцип тот же. Выделить агрессивный белок и создать противоядие...

Гусев никак не мог понять, о чем идет речь.

— Возможно, — пробормотал он и еще раз посмотрел на кусочек целлофана, убедившись, что за последнюю минуту он переместился еще дальше.

— Странно, что этим никто всерьез не занимался, — озабоченно проговорил Кроман. — Пожалуй, я займусь этим в первую очередь.

Гусев глядел то на него, то на проклятый комок целлофана и чувствовал, как внутри разливается жгучий холод. Он резко шагнул к передатчику, включил, повернув до отказа регулятор громкости. Кабину заполнил оглушительный грохот атмосферных разрядов. Кроман протестующе замахал руками и зажал уши. Гусев отключил питание и осторожно вернулся к двери. Клочок обертки медленно уплывал под крыло самолета. Еще минута, и он окончательно скроется из виду. Эту минуту Гусев следил за ним не отрываясь.

— Слушай, Кроман. — Гусев старался, чтобы его голос звучал как можно спокойней и естественней. — А ты по дну идти сможешь? Если очень постараться?

— Почему ты спрашиваешь? — удивился врач.

— Да так, просчитываю разные варианты... Если, например, мы Калину потащим на надувном матрасе. Матрас его выдержит.

— Ну конечно, выдержит! — воскликнул Кроман и тут же увял. — Ты понимаешь, Гусев, у меня, наверное, не получится. Вообще-то я уже об этом подумал, когда пробовал походить возле самолета. Нога здорово болит, я просто боюсь, что очень быстро выбьюсь из сил. И тогда толку от меня никакого... Но почему все же ты спрашиваешь? Ты же сам говорил, что без ориентиров в этом тумане можно мгновенно сбиться с направления.

— Не собьюсь, — быстро проговорил Гусев и осекся, покосился на Кромана, но тот ничего такого не заметил. — Ориентир можно создать. — Гусев отвернулся в

★ сторону, словно бы размышляя. На самом деле ему просто не хотелось сейчас смотреть в лицо Кромана. — Звуковой ориентир не хуже иного. Предположим, что каждые пятнадцать минут от самолета будет раздаваться выстрел...

— Так это же здорово! — мгновенно сообразил Кроман. — Слушай, я был уверен, что ты что-нибудь обязательно придумаешь.

— Я просто рассуждаю, — теперь Гусев еще тщательнее следил за интонацией. — Допустим, ты будешь стрелять каждые четверть часа. Выстрелы послужат мне ориентиром, я буду слышать их километра три-четыре, может, и больше. А дальше — ну, полагаю, твердо взяв направление, я с него уже не сойду. К тому же я не считаю, что берег от нас дальше чем в пяти километрах. Ты будешь продолжать стрелять, и, если я начну кружить, звуки выстрелов вновь помогут мне сориентироваться и вернуться. Впрочем, это только теория.

— Почему?! — горячо возразил Кроман. — Все действительно выглядит логично. Но все же мне отчего-то кажется, что риск слишком велик.

— Это потому что ты в лимане впервые, — хмыкнул Гусев. — А я тут пять лет плюхаюсь, как...

Он будто ненароком выглянул из кабины. Обрывок уже появился с другой стороны крыла.

— Ты действительно уверен? — с большим сомнением спросил Кроман.

— Процент на девяносто. — В этот момент Гусев не лукавил. Это действительно было так.

— Если на самом деле... Я, конечно, не знаю, не могу советовать. Но если есть шанс... Знаешь, вообще я знал, что ты обязательно что-нибудь придумаешь. Звуковой ориентир — это же прекрасное решение. Простое и гениальное.

Он смотрел на Гусева с восхищением, и от этого Гусеву становилось все более мерзко и тошно.

— Может быть, ты все-таки сможешь?.. — с надеждой спросил он и тут же подумал, что втроем с Калиной

они, конечно же, не успеют. Даже если бы Кроман был совершенно здоров. Ведь вода скоро уйдет.

— Я не смогу, — категорически сказал Кроман. — Не понимаю, почему ты за меня беспокоишься. Передатчиком и оружием я умею пользоваться не хуже, чем ты, мы прекрасно дождемся. Твой единорог, надеюсь, больше тут не появится.

— Ты полагаешь, я должен попробовать?

— У нас нет иного выхода. Если идти — то тебе одному. Иначе Калину не спасти. Я делаю что могу, но больше суток он не протянет. Слишком серьезная травма, ему нужна немедленная операция. Только... — Он запнулся и взглянул Гусеву в глаза. — Если это из-за меня, ну... из-за того, что я сказал, то прошу тебя...

— Перестань! — воскликнул Гусев. — При чем здесь ты, что за глупости!

«Ведь это действительно единственный выход, — подумал Гусев и еще раз сказал себе: — Единственный выход!»

* * *

Кроме пистолета он взял с собой обе упаковки стимуляторов и маленькую рацию. Если что-то пойдет не так, она послужит маяком для его поисков. Впрочем, если что-то пойдет не так, найдут не Гусева, а то, что от него останется.

— Ну, ни пуха тебе, — с улыбкой сказал Кроман. — Значит, я буду палить каждые пятнадцать минут. Ты прислушивайся, не увлекайся. Следи за временем. Только со стимуляторами будь осторожней. Не более таблетки в час. Четыре выстрела — таблетка...

— Счастливо, — ответил Гусев с фальшивым подъемом. — Ждите меня обратно примерно через восемь-десять часов. А рацию включай почаще. Чем черт не шутит, может, кончится эта небесная вакханалия...

«Конечно, через восемь часов, — повторял он про себя. — Шесть часов через эту проклятую лужу. Ну, в крайнем случае семь, а там рукой подать до Станции. Успею, почему же нет!»

Зачем он так говорил? Там, на берегу, нужно еще подняться на плато, а потом пересечь каменистую равнину... За восемь часов он едва одолеет половину пути.

Гусев услышал звук выстрела и удивился тому, как скоро прошли первые четверть часа. Выстрелы не могли ему помочь. Искаженные туманом, размытые по всему объему пространства звуки были плохим ориентиром. Однако направление он держал верно. Иногда Гусев останавливался, бросал на воду клочки бумаги и, проверяя себя, следил за их движением. Другие ориентиры ему в общем-то были не нужны.

К берегу нужно было идти против течения.

Пока еще оно было почти незаметным, да и понижения уровня воды Гусев не замечал. Слишком рано. У него еще оставалось в запасе немало времени.

Кроман не знал, откуда ему знать, как это начинается. А Гусев знал хорошо. Конечно, он мог бы сказать, только зачем? За пять лет это случалось трижды. На Станции все старожилы знали...

Навстречу проплыл придонник. Гусев слегка посторожился, чтобы тот не задел его мягким безглазым телом. Вот еще один и еще... Все они плыли в сторону океана. Они тоже знали, они почуяли вовремя и наверняка успеют. Летучих голландцев — тех давно уже нет, убрались загодя.

Все животные безошибочно чувствовали, что должно произойти, и убирались из теплого, полного пищи лимана в бесплодный океан. Множество из этих существ погибнет от непривычных температур, глубин и нехватки пищи. Некоторые, благополучно переждав катаклизм, вернутся на прежнее место обитания, уже через какой-то год полностью восстановив численность своего рода. А некоторые не смогут вернуться и останутся в океане. Вероятно, их будет совсем немного, но они все же не погибнут, сумеют приспособиться. Лиман — колыбель, уникальная супница всего живого, произведет очередную инъекцию жизни в юный океан планеты. Потом это повторится еще и еще раз. И когда-нибудь жизнь захватит свою планету полностью, утвердившись на ней окончательно...

Гусев тоже намерен выжить, но для этого должен бежать в противоположном направлении. Он вовсе не стремится составить конкуренцию местным формам. Гусев просто борется за свою жизнь.

Справа, метрах в тридцати, раздался сильный всплеск. Из воды вылез черный горб, весь в костяных наростах. Следом поднялась огромная уродливая башка, трудно заворачивалась на короткой шее. Тусклые глаза уставились на Гусева, замершего в полной неподвижности. Прошло несколько секунд, растянувшихся до бесконечности. Потом монстр отвернулся, выпростал из-под брюха широкие лапы и зашлепал в сторону океана, постепенно набирая скорость.

«Ч-черт! — Гусев с трудом обрел вновь остановившееся дыхание. — Вот черт! Мог ведь и проглотить, дрянь такая. Нет, сейчас ему не до еды. Нужно спасать свою толстую шкуру. Успеет? Может, и успеет. Надо же — и про пистолет забыл. А если бы не забыл — какая разница? Все равно бы не успел вытащить...»

Пистолет на поясе скрывался в водонепроницаемой кобуре, которая на случай американской дуэли не годилась.

Звук очередного выстрела Кромана он едва услышал. Вряд ли его сейчас отделяло от самолета более километра. Туман надежно хоронит в себе звуки.

Гусев остановился, достал таблетки, разжевал сразу две.

«Осторожней со стимуляторами» — какая чушь! Десять километров по лиману не под силу пройти ни одному человеку. Тем более за шесть-семь часов... Глотать трудно, горло от напряжения уже пересохло. Воды надо было взять побольше...

Он постоял немного, позволив себе короткую передышку, а когда вновь сделал шаг, то не смог сдержать стоны от острой боли в перенапряженных мышцах. Его мотнуло в сторону, он не устоял и опустился в воду. Тут же перевернулся и начал подниматься, физически ощущая течение драгоценных секунд. Ничего, ничего, мышцы пройдут, ничего...

Это начиналось всегда одинаково. В лимане нарожда-

лось течение. Шесть часов лиман неторопливо вытекал в океан, обнажая вязкое дно, а еще примерно через час приходила Волна.

Цунами. Обыкновенное цунами, такое же, как и на Земле, только мощнее раз в двадцать, рожденное могучим тектоническим вздохом планеты где-то в океанских глубинах. В принципе, все было ясно с самого первого раза, оно не застало людей врасплох. И толчки зарегистрировали, и с орбитальной Станции получили подтверждение. Да и лиман предупредил — на Земле все происходит точно так же, лишь масштабы разные. С побережья убрались загодя, без особой спешки перебросили оборудование на плато, поближе к Станции, а потом наблюдали фантастическое, жуткое зрелище с воздуха, словно в театральной ложе...

Он взглянул на хронометр: минуло около двух часов. Выстрелов больше не слышно — все глушит туман, все скрывает. Впрочем, туман тоже скоро уйдет... Надо проглотить еще таблетку...

Уровень воды немного понизился, теперь Гусев это заметил. Идти, правда, от этого легче пока не стало. Вероятно, потому, что и течение слегка усилилось...

Его совесть должна быть чиста. Разве он не сделал все, что возможно? Разве существовал какой-либо иной выбор? Двое погибли в любом случае, ничто не сможет их спасти. Третий — если останется с ними. Погибать из солидарности дико, глупо. Никто не вправе осудить его за то, что он не пожелал себе бездарной, совершенно бессмысленной смерти. Возможно, он должен был сказать Кроману о том, что его ждет. Но зачем? Это жестоко. Для Кромана все произойдет очень быстро. Возможно, он даже ничего не почувствует. В последние секунды он услышит гул, потом жуткий грохот, но вряд ли успеет понять его смысл. А потом все кончится...

Гусев плеснул на ходу водой в лицо. Идти стало труднее. Действительно мешает усилившееся течение или причиной увеличивающаяся усталость? Разжевал очередную таблетку и через две-три минуты почувствовал но-

вый прилив сил. Он пройдет еще быстрее, чем предыдущий, но Гусев успеет одолеть около километра.

Он знал, что со стимуляторами так нельзя, только в самом крайнем случае. Калина — тот всегда старательно избегал разрушительного допинга, хотя доводилось ему попадать в передраги. Но для Гусева это и есть крайний случай. Если он выживет, если убежит от Волны, ничего его больше не возьмет. Калина бы его не осудил... При чем тут Калина?!

Снова мимо проплыл придонник. Прошлепал по самой поверхности. Верно, последний. Этот точно не успеет. За оставшиеся два часа безопасных мест ему не достичь. Разве осталось только два часа? И всего четыре таблетки...

Лиман мелел буквально на глазах. Казалось, только что вода омывала колени, а теперь уже она журчала, огибая ноги всего лишь чуть выше щиколоток. Идти стало намного легче. Он успеет, теперь он обязательно должен успеть. Прошло еще сколько-то времени, и Гусев увидел, что начал оставлять за собой следы — цепочку ямок, заполненных илистой жижей. Проклятое, гнусное болото! Пора принять таблетку. Последнюю...

Туман уходил, воздух становился все прозрачнее, и он наконец увидел берег. Казавшаяся неприступной стена базальта вздымалась на сотню метров над лиманом. Она защитит Гусева, если ему достанет сил на нее взобраться. И он сделает это, сделает! Весьма глупо погибать именно теперь, когда спасение так близко. Как жаль, что кончились стимуляторы...

* * *

Он карабкался по шершавым камням медленно и тяжело, пытаясь разорвать противоестественную, странную, но физически ощущаемую связь между своим хрупким телом и колоссальным, всепоглощающим валом, рожденным далеко в океане. Он оглядывался через каждый десяток метров, прикидывая пройденное расстояние, понимая при этом, что теряет драгоценные секунды, однако

★

ничего не мог с собой поделаться. Вперед! Вверх! Скорее! Здесь Волна еще сможет его достать.

Туман развеялся почти полностью. Завеса его истончилась и отступила далеко от берега. Отсюда, сверху, черное дно лимана казалось идеально ровным, словно сотворенная гигантами для неведомых целей площадь, покрытая только что раскатанным, еще горячим асфальтом. Гусев услышал далекий, постепенно нарастающий гул. Это приближалась Волна. Пока еще он не мог видеть ее, скрытую кисеей тумана, зато вдруг с невероятной отчетливостью представил беспомощный самолет на обнаженном дне и набегающую колоссальную стену воды.

Какой страшный хруст!.. Нет, нет, самолет слишком далеко, и ничего нельзя услышать, рев набегающей Волны заглушает все прочие звуки. Неужели так громко скрипят его зубы? Резкая боль стиснула сердце. Он ощутил, как страшно ослаб, ему показалось, что больше не сумеет сделать ни шагу...

Гул становился все громче и отчетливей. Гусев еще раз обернулся, замер и, преодолев спустя секунду вызванный ужасом паралич, позабыв об усталости, принял лезть вверх с учетверенной силой и яростью.

Волна приближалась с огромной скоростью, но ее невероятные размеры делали это стремительное движение плавным и величественным. Белая пенная корона венчала ее гребень, густая зелень срединной части плавно переходила в черноту основания, вновь вскипающего грязной пеной у самой подошвы.

Гусев увидел слева, чуть выше, узкую расщелину, последним усилием подтянулся, бросил туда тело, вполз, извиваясь червем.

И пришла Волна, растворив мир в жутком грохоте. Земля, скалы, вся планета вздрогнули от удара. Гусев захлебывался в невыносимо холодной, густой влаге, цеплялся скрюченными пальцами за предательски ускользающую почву, кашлял, кричал в последнем приступе смертного страха... А потом внезапно все кончилось. Вода схлынула, он понял, что способен дышать, и услышал

тишину. Волна не догнала, не смогла справиться с ним, она лишь легко коснулась его обессиленным гребнем. Гусев понял, что победил. Он выиграл, потому что остался жив.

Судорожно сведенные мышцы постепенно расслабились, и тут же на него навалилась усталость, которой невозможно было противостоять. Усталость налила чугуновой тяжестью веки, шершавый неровный камень показался мягкой периной, Гусев попытался придать телу более удобное положение, но отключился раньше, чем наполовину выполнил задуманное...

Далекий стрекочущий звук вырвал его из сна, и не назойливость нового источника шума стала тому причиной, а профессиональные рефлексy. Шум вертолетных винтов пилот не спутает ни с чем. Гусев выполз из спасшей его расщелины и принялся обшаривать взглядом небо, пока еще чистое от тумана. Темную точку в небе он увидел почти сразу. Она приближалась, быстро вырастая в размерах. Со стороны океана над лиманом к берегу шел вертолет.

Неужели его уже ищут? Слишком уж быстро. Собственно, почему именно его? С вертолета просто увидели обломки потерпевшего крушение самолета и принялись искать оставшихся в живых... Чувствую это! Никаких пригодных для идентификации обломков Волна после себя не оставляет. Но его все равно ищут. Странно, что так скоро. На Станции, разумеется, никто ничего не знает о происшедшем. И не узнает никогда. В чем его вина, если он не захотел дожидаться гибели вместе с Калиной и Кроманом? Он сделал все, чтобы их спасти. Все, что было в его силах. Он хотел, он надеялся добраться до Станции вовремя. Разве он виноват, что не успел? И, конечно же, он отправился на берег намного раньше, чем понял, что приближается Волна. Ему просто повезло...

Гусев дернулся, ударил кулаком в камень, сдвигая кожу с костяшек пальцев. Не стоит так примитивно обманывать самого себя. Хотя бы с собой нужно иногда оставаться честным.

Вертолет кружил совсем рядом. Скальный карниз скрывал его сейчас от Гусева, но машина упорно совершала круг за кругом над его головой. Ах да! Он же совершенно забыл об индивидуальном маяке. Выходит, магнитная буря кончилась? Тогда, может быть, вертолетчики успели к месту крушения самолета раньше Волны?

Гусев мотнул головой и усмехнулся. Как хочется надеяться, что ты не самый последний негодяй на этой планете.

Он расстегнул комбинезон и вытащил плоскую коробочку личной рации. Включил. Помехи все еще сохранялись, но сквозь их треск вполне отчетливо пробивался голос начальника Станции Перовского.

«...с экипажем из трех человек. Ушли на Факторию сегодня утром. Связь была потеряна через сорок минут после вылета. Примите меры к обнаружению...»

Вертолет не отвечал. Скорее всего потому, что ему нечего было ответить. Но это уже совсем не важно. Гусев снова скривил губы в ухмылке: чудес не бывает. Отыскать то, что навсегда унесено Волной, невозможно.

* * *

«...Самолет с экипажем из трех человек. Немедленно начните поиски...»

— Они до сих пор не знают, что мы вас подобрали, — сказал штурман Кроману. — Вы просто в рубашке родились, доктор. В Фактории Станцию слышно, а двусторонняя связь никак не наладится. Вот ведь странная штука!

— На Станции аппаратура гораздо мощней, — заметил пилот. — Да к тому же эта атмосферная чехарда слабеет. Услышать бы их на час раньше!..

— Это я виноват, — без выражения проговорил Кроман. — Я его погубил.

Оба — и пилот, и штурман — молча покосились на него.

— Я заставил его идти через лиман. Говорил, что Калина не выдержит. Если бы не я, Гусев сейчас был бы жив.

— Прекратите, доктор, — сухо сказал пилот. — Или

вам жаль, что Калину действительно удалось спасти? Истерики нам еще не хватало! Вы-то тут при чем!

— Он говорил, что это невозможно. Я его вынудил...

— Тихо! — крикнул штурман. Он плотнее прижал рукой наушник и замер, напряженно вслушиваясь. — Я слышу маяк! Это Гусев, больше никому!

Быстро сверился с приборами, еще раз прислушался.

— Держи курс на полвторого... Так, хорошо!

Берег приближался. Кроман жадно вглядывался в каменный хаос.

«...ушел в сторону Фактории. На борту три человека. Примите меры к обнаружению...» — безостановочно твердил на аварийном канале сменивший осипшего Перовского радист.

— Минут через пять они замолчат, — заметил пилот. — Вертолет с Калиной, наверное, уже рядом со Станцией. Как он сам-то?

— Теперь все будет нормально, — ответил Кроман. — Вы успели вовремя.

Лицо штурмана вдруг сделалось озабоченным.

— Куда-то пропал сигнал. — Он начал крутить ручки настройки. — Только сейчас прекрасно слышал, совсем рядом. Странно!

— Опять помехи?

Штурман отрицательно помотал головой.

— Помехи ни при чем. Просто пропал сигнал. Не понимаю... Давай спускайся, это где-то здесь. Надо искать.

Вертолет опустился на ровную площадку почти на краю обрыва. Не дожидаясь остановки двигателя, Кроман распахнул дверцу, выпрыгнул и присел, охнув от боли.

— Куда вы с ногой-то! — крикнул штурман. Кроман только отмахнулся.

— Да вы успокойтесь, — сказал пилот, спрыгнув следом. — Мало ли что с рацией могло случиться. Я считаю, если уж везет — то до конца. Разве не чудо, что мы вас чуть не из-под самой Волны успели вытащить? А Гусев, если сюда сумел добраться, — будет жив, вот увидите. Он вообще везучий. Надо же решиться идти по лиману без

★
малейшего ориентира! Чутье у него как не знаю у кого. Я бы тут же закружился.

— Когда отлив начался, не закружился бы, — возразил штурман. — Шел бы против течения до самого берега.

— Он же не в отлив пошел, — возмутился пилот. — Гусев раньше вышел. Что толку идти, если отлив начался? До Станции часов двенадцать пути. Гусев не мальчишка, он прекрасно это понимал.

— Ну, не знаю, — неопределенно пробормотал штурман.

— Да ты что! — начал сердиться пилот. — Не хочешь ли ты сказать, что он удрал? Да ты его действительно не знаешь! Если бы он понял про Волну, он бы на себе и Калину поволок, и доктора. Пусть без малейшей надежды, но только так! Ты еще молодой, а мы с ним тут почти с самого начала...

— Идемте искать, — перебил его Кроман. Прихрамывая, но довольно бойко он начал спускаться по расщелине. — А вы там посмотрите! — крикнул он, махнув рукой правее обрыва.

* * *

Гусев аккуратно отделил батарею от рации и бросил на землю. Вертолет прошел чуть левее от него и скрылся за скалами. Теперь, без маяка, его обнаружат не так быстро.

Сердце снова сжало острой болью. Такое впечатление, что вдруг онемела вся левая половина тела. Ерунда, пройдет. Самое главное — он остался жив. Что еще нужно? Один из трех. Один или никого... Глупая арифметика. Кто-то должен будет рассказать Нине, как умер Калина. Только не Гусев, он этого просто не сумеет сделать.

Калина сейчас вполне мог оказаться на месте Гусева. А Гусев — на месте Калины. Это же только случай...

Тарахтение вертолета смолкло, и Гусев не заметил, в какой именно момент это произошло. Улетел? Вряд ли. Видимо, сел где-то рядом. Теперь его будут искать, пока не обнаружат. Хоть землетрясение, хоть вулкан вдруг от-

кроется. Интересно, а если действительно вулкан, будут продолжать поиски или нет?

Новый приступ боли в груди вырвал у него короткий стон. Подумал равнодушно: искать, конечно, будут и обязательно найдут. Его, разумеется, не станут ни в чем упрекать, не назовут ни предателем, ни трусом. Даже Нина признает, что у Гусева не было иного выхода. Но два и два может сложить даже ребенок. И результат этого нехитрого действия будут знать все. И всегда! Нет, найти его они не должны!

Пальцы отчего-то теряли чувствительность, и Гусеву понадобилось немалое усилие, чтобы вытащить из водонепроницаемой кобуры пистолет и оттянуть затвор. Как трудно стало дышать! Он повернул оружие к себе и заглянул в черный кружок ствола.

Нет, себе в лицо он стрелять не станет. Лучше в сердце... Он опустил ствол ниже. Осталось лишь шевельнуть указательным пальцем. Он так и хотел сделать, как вдруг обнаружил, что больше не ощущает ни пальца, ни руки, словно их вовсе нет. Гусев был не удивлен, а раздосадован. Это нужно немедленно исправить. Он потянулся левой рукой, чтобы перехватить пистолет, но не успел. Боль в груди скачком рванулась к пределу того, что человек способен вытерпеть, и легко его преодолела. Оранжевая вспышка сопровождала этот прыжок, а потом наступила темнота.

* * *

Мелкие камни катились из-под ботинок вниз. Кроман как мог старался не нагружать больную ногу, но удавалось это плохо, колено то и дело отзывалось болью. Кроман морщился и ругался вполголоса.

— Гусев, ты где? — крикнул Кроман и услышал, как где-то за скалой словно эхом отозвался пилот:

— Ты где, Гусев?!

Кроман в очередной раз споткнулся, охнул, взмахнул руками в поисках равновесия и в этот момент увидел ноги Гусева, высовывавшиеся из-за камня.

— Гусев! — тихо сказал Кроман. — Ты меня слышишь?

Гусев сидел, привалившись спиной к скале и уронив голову на грудь. Скрюченная рука с зажатым в ней пистолетом лежала на коленях. Кроман осторожно тронул его за плечо:

— Гусев!

Тело медленно повалилось набок, и по тому, как это произошло, Кроман понял, что Гусев мертв.

«Как странно направлен пистолет, — подумал Кроман. — Будто собирался выстрелить себе в сердце, да не успел».

Взгляд наткнулся на коробочку рации. Рядом с ней лежала батарея.

— ...Волна поработала, — услышал Кроман правее и ниже голос пилота, ослабленный расстоянием. — Там бы он просто не смог удержаться. Нужно выше искать...

Он поднял рацию, повертел, осматривая, потом аккуратно вставил на место батарею.

«...модуль опустится примерно через полчаса, — услышал он. — Калина должен быть готов к транспортировке... Как там остальные? Все нормально? Ладно, я понял, до связи...»

Рация Гусева была в полном порядке. Зачем он ее отключил?

«Как странно он держит пистолет», — снова пронеслась мысль.

Он осторожно вытащил из руки Гусева оружие.

— Кроман! — крикнул штурман где-то совсем неподалеку. — Вы что молчите? Вы меня слышите?

Кроман вздрогнул, испуганно оглянулся.

— Вы где, Кроман? — позвал штурман еще ближе.

Кроман торопливо сунул пистолет в щель между обломками базальта, затем снова отделил от рации батарею и запихнул туда же.

— Я здесь! — отозвался он наконец. — Идите сюда! Я его нашел!

Он успел швырнуть в щель несколько пригоршней

жидкой грязи и кое-как обтереть руки, прежде чем появился штурман.

— Гусев! Что с ним? Он ранен? — воскликнул штурман, шагнул ближе и все понял. — Что с ним? — тихо повторил он.

— Он не ранен, — тихо ответил Кроман. — Это сердце... скорее всего не выдержало сердце. Он взял с собой весь запас стимуляторов. Я его предупреждал...

Негромко ахнул подошедший пилот. Наклонился, коснулся шеи Гусева и медленно отвел руку.

— Как же так? — сказал он. — Как мы могли опоздать?

Штурман поднял и теперь вертел в руках рацию.

— Что у него с рацией-то случилось? Я же ясно слышал его маяк! А батарея куда делась?

— Наверное, он выбросил ее, когда понял, что питание вышло из строя, — сказал Кроман.

— Как же мы не успели, — горько произнес пилот. — Я же так спешил!

— Да-да, — не расслышал Кроман. — Он очень торопился...

КРУГ ЛЮБИТЕЛЕЙ ПОКУШАТЬ

При первом же взгляде на мужчину не оставалось сомнений в том, что он привык управлять и принимать решения, привык быть первым. Крупный, плечистый, начинающий расплываться, но еще производящий впечатление скалы, а не студня, он привлекал к себе внимание одной только фигурой. Рядом с таким медведем поневоле начинаешь ощущать себя хрупким и хилым. А если добавить «медведю» властный голос? Жесткое выражение умных глаз? Упрямый подбородок и твердые скулы? В общем, не «настоящий полковник», а «настоящий генерал» явился в холле ресторана «Круг любителей покушать» и был сразу же окружен вниманием и заботой метрдотеля.

— Господин Николаев?

Спокойный кивок головой. Не небрежный, не высокомерный, но четко устанавливающий границы.

— Вы позволите называть вас Дмитрием Евгеньевичем?

— Пожалуйста, — после короткой паузы ответил «настоящий генерал».

— Меня зовут Нозль. Это я говорил с вами по телефону.

Еще один кивок. Николаев ясно давал понять, что приветствие затянулось и ему претит столь долгое пребывание в холле. Но метрдотель, словно не почувствовав настроения гостя, вежливо улыбнулся стоящим позади «настоящего генерала» женщине и юноше:

— Добрый вечер, Анна Леонидовна. Добрый вечер, Александр Дмитриевич. — Взгляд Нозля вернулся к главе семейства: — Я искренне рад, Дмитрий Евгеньевич, что

вы не оставили без внимания наш совет и решили посетить ресторан вместе с близкими.

Анна Леонидовна важно покачала тщательно причесанной головой. А вот Александр Дмитриевич поморщился: судя по всему, у него были другие планы на вечер.

— Теперь мы можем пройти за столик? — В голосе Николаева читалось раздражение.

— Прежде необходимо обсудить меню, — развел руками метрдотель.

— Пусть шеф-повар придет в зал, — подала голос супруга «настоящего генерала».

— Боюсь, это невозможно. — Ноэль дипломатично улыбнулся. — Мы обсуждаем меню в отдельной комнате.

— Вы серьезно? — надменно осведомилась мадам Николаева. Мадам Николаева готовилась указать трактирщику на его хамство и... очень растерялась, услышав, что глава семейства не поддержал порыв.

— Это будет тот самый шеф-повар? — с нажимом поинтересовался он. — Человек, о котором мне рассказывали?

— Совершенно верно, — подтвердил Ноэль. — Господин Ра ждет вас. — И сделал приглашающий жест рукой: — Прошу за мной.

Небольшой коридор в сторону от главного зала, изящная деревянная лестница на второй этаж. Метрдотель отворил одну из дверей:

— Господа Николаевы.

Шеф-повар «Круга любителей покушать», он же владелец ресторана, встретил гостей облаченным в белый халат, из-под которого виднелись серые брюки и модные туфли. На лице марлевая повязка, на руках тонкие медицинские перчатки, на голове шапочка. Завершали композицию темные очки.

В отличие от метрдотеля шеф-повар навстречу гостям не вскакивал, в любезностях не рассыпался. Сухим кивком предложил Николаевым присесть в кресла и сразу же перешел к делу:

— Наша встреча нужна, чтобы я смог составить индивидуальное меню для каждого из вас.

Глава семейства кивнул с таким видом, словно услышал именно то, что давно хотел услышать.

— «Круг любителей покушать» — ресторан непростой, — продолжил владелец заведения. — Мы не кормим, мы... скорее лечим. Стараемся, по мере сил, улучшить ваше здоровье, самочувствие. Ведь от того, что мы едим, зависит очень и очень много.

— Да! Я всегда говорила Дмитрию Евгеньевичу, что диета...

Господин Ра не обратил никакого внимания на то, что его перебили, и спокойно продолжил речь, вынудив мадам Николаеву замолчать.

— Первичный курс рассчитан на месяц. В течение этого времени вам придется в обязательном порядке ужинать в моем ресторане.

— Но бывают случаи...

— Не бывают, — отрезал шеф-повар. — Если вы не уверены, что сможете являться в «Круг любителей покушать» в течение тридцати дней подряд, то начинать курс бессмысленно.

— Я не уверен! — немедленно выступил сынуля. — У меня...

— Он не пропустит ни одного вечера, — веско произнес «настоящий генерал». — Пожалуйста, господин Ра, продолжайте.

Николаев-младший насупился. Мадам Николаева покачала головой, глядя на супруга с легким удивлением. Но оба промолчали и подумали о том, что подобное внимание к словам неизвестного человека совершенно не в духе главы семейства.

— Начиная с сегодняшнего дня я жду вас каждый вечер.

— Хочу предупредить, что я не ем брокколи и не люблю рыбу. — Николаев-младший зло посмотрел на повара. — Учтите это при составлении меню.

— Пожалуйста, избавьте меня от подробностей, —

невозмутимо сказал господин Ра. — Если потребуется, чтобы вы весь месяц ели рыбу и брокколи, вы будете их есть.

— Мне не нравится, как он себя ведет! — Теперь отпрыск тарасился на папу. — Он мне хамит!

Хотел «настоящий генерал» прийти на помощь сыну или нет, осталось неизвестным: шеф-повар подошел к креслу, в котором сидел Николаев-младший, и попросил:

— Александр, досчитайте, пожалуйста, до пяти.

— Что?

— Вслух. Медленно.

— Папа! Ты слышишь? Он издевается!

— Делай, что велят, — буркнул Дмитрий Евгеньевич. — Я хочу есть.

И посмотрел на часы.

— До пяти, — повторил господин Ра.

Юнец удостоил повара ненавидящим взглядом, но подчинился:

— Один. Два. Три. Четыре. Пять. Достаточно?

— Вполне.

Господин Ра чуть наклонился, внимательно изучая глаза Николаева-младшего, и через пару секунд качнул головой:

— Хорошо... Благодарю вас, Александр. — И повернулся к супруге «настоящего генерала». — Анна Леонидовна, вас не затруднит показать мне язык? Благодарю. Пожалуйста, ущипните себя левой рукой за мочку правого уха. Благодарю.

И снова взгляд в глаза.

— Теперь вы, Дмитрий Евгеньевич. Вашу правую руку, пожалуйста. Благодарю. Произнесите слово «фотограф».

— Фотограф.

— Благодарю. — Господин Ра медленно прошелся по комнате, остановился у дальней от гостей стены и, не оборачиваясь, произнес: — Ноэль проводит вас к столу, ужин будет готов в течение получаса.

— Так быстро?

— У нас отличные повара.

— Я хочу сказать: вы так быстро составили меню?

В голосе Николаева читалось подозрение. Поведение «настоящего генерала» указывало на то, что ему не просто рекомендовали загадочного повара, но тщательно описали манеру поведения господина Ра и посоветовали «не спорить с гением». Однако то, что повар разработал меню по результатам столь короткой встречи, вызвало у Николаева естественный скепсис.

— Я узнал достаточно, — скупко ответил господин Ра.

— После того, как я произнес слово «фотограф», а мой сын досчитал до пяти?

— И после этого тоже. — Шеф-повар медленно повернулся к гостям и посмотрел на «настоящего генерала»: — У вас проблемы с сердцем и легкими, Дмитрий Евгеньевич. Не хотите бросить курить?

— Нет.

— Я так и думал. Поэтому рекомендации составлены с учетом... если не ошибаюсь, одна пачка сигарет в день?

Николаев хмуро кивнул.

— Еще один нюанс, Дмитрий Евгеньевич: вам придется есть палочками.

— Я не умею!

— Научитесь.

— Не хочу и не собираюсь. Я ем только европейскими приборами!

— Мы не станем дискутировать, Дмитрий Евгеньевич. Ужинать в моем ресторане вы будете палочками. Вопрос закрыт. Нозль объяснит, как следует обращаться с новым для вас прибором.

Семья ожидала грандиозной бури. Семья замерла, предвкушая, как «настоящий генерал» размажет нахала по стенке. Семья была разочарована.

«Настоящий генерал» закурил и отвернулся.

— Мне тоже придется есть палочками? — негромко осведомилась Анна Леонидовна.

— Нет, обычными приборами, — ответил шеф-по-

вар. — Если интересно, я констатировал у вас склонность к ожирению...

Сынуля не сдержал ухмылку.

— ...и, увы, сахарный диабет в начальной стадии. Вы обратились вовремя.

— Мне надо к врачу?! — встрепелась мадам Николаева. — Дорогой, ты слышал? У меня диабет!

— Проверим, — проворчал Дмитрий Евгеньевич.

— Проверьте, — согласился господин Ра. — Но не начинайте курс лечения. Повторите обследование через месяц.

— Вы так уверены в себе?

— Абсолютно.

Сынок выдавил из себя невнятное восклицание. То ли скептическое, то ли презрительное. Шеф-повар повернулся к Николаеву-младшему.

— Теперь о вас, Александр. Постарайтесь в течение ближайшего месяца избегать экспериментов с кокаином.

У сынка отпала челюсть.

— Что?! — это папа.

— О господи! — это мама.

Господин Ра, не обращая внимания на встрепенувшихся взрослых, спокойно продолжил:

— Александр, пища, которую станут вам подавать, поспособствует избавлению от наркотиков, но и с вашей стороны должны быть предприняты определенные шаги.

Николаев-младший стал бледен, как смерть. Николаев-старший, подавив вспышку гнева, глухо поинтересовался:

— Вы уверены насчет Сашки? Он колется?

— Нюхает, — уточнил господин Ра.

«Настоящий генерал» тяжело посмотрел на сына:

— Ты нюхаешь?

Молчание.

Николаев перевел взгляд на повара:

— Как вы узнали?

— Я проводил осмотр.

— Заставили его досчитать до пяти?

— А вам рассказывали о спектральном анализе и компьютерной диагностике?

— Нет, — после паузы ответил «настоящий генерал». — Ничего такого мне не рассказывали. — Снова помолчал, после чего осведомился: — Он... сможет избавиться?

— Я не волшебник, Дмитрий Евгеньевич, — спокойно произнес господин Ра. — Я сделаю так, что ваш сын потеряет сформировавшуюся зависимость. Все остальное в его руках: организм не станет требовать наркотик, главное, чтобы не требовала голова.

— Понятно. — Взгляд «настоящего генерала» не сулил юноше ничего хорошего. — Это будет самый паскудный месяц в твоей жизни, Сашка.

— Не сомневаюсь, — огрызнулся тот.

— Сыночек, зачем ты это делаешь? — опомнилась мадам Николаева.

Шеф-повар выставил перед собой ладони:

— Господа, вы не могли бы продолжить обсуждение сложившейся ситуации за столиком?

— Конечно. — Подчиняясь повелительному жесту «настоящего генерала», жена и сын вышли из комнаты. Дождавшись, когда за ними закроется дверь, Николаев поинтересовался: — Сколько будет стоить курс? Нозль говорил, что цена определится после осмотра.

Господин Ра подошел к столу, взял листок бумаги, на котором было напечатано несколько строк, чуть подумал, вытащил из кармана халата авторучку, написал сумму и протянул лист Дмитрию Евгеньевичу:

— Деньги перечислите по указанным реквизитам.

«Настоящий генерал» посмотрел на цифры и уважительно покачал головой:

— Большие деньги. Даже для меня большие.

Повар молчал.

— Когда платить?

— Хотите — завтра. Хотите — после окончания курса. Если будут результаты.

— А если я решу, что результатов нет, и не заплачу?

— Как вам будет угодно.

— И все?

— И все, — подтвердил господин Ра. — Кроме того, что вы больше никогда не придете в «Круг любителей покушать».

Николаев улыбнулся, впервые за все время разговора:

— А я захочу прийти еще?

— Все хотят, — серьезно ответил господин Ра. — Мои гости быстро привыкают к хорошей, а главное — полезной пище.

* * *

Почему на тихой Воронцовской появилось такое количество ресторанов, история умалчивает. Кто-то скажет, что обилие солидных точек питания характерно для центра города, кто-то намекнет на близость Таганской площади, места, как ни крути, известного, кто-то припомнит, что трактиров в этом районе всегда хватало. Факт тем не менее остается фактом — пройдясь по недлинной улице из конца в конец, вы повстречаете заведения на любой вкус: Восток и Запад, итальянская паста и русские щи, изысканные вина и любое пиво. При этом каждое из них, что понятно, старалось привлечь к себе внимание, подчеркнуть, что именно за его столиком вы получите максимальное удовольствие от трапезы и что именно за этими дверями вас встретят как родных. Агрессивная реклама, яркие плакаты... В этом отношении ресторан «Круг любителей покушать» существенно проигрывал конкурентам. Или «конкурентам»? Двухэтажный особняк не украшали неоновые огни, а вдоль фасада не бродил швейцар в форме городского или малороссийского хуторянина, не пели черноокие красавицы в среднеазиатских халатах и не водили медведя на цепочке. Ничего лишнего. Вход только по приглашениям. Скромная табличка слева от двери и всегда вычищенный тротуар. Но именно у этого дома чаще всего останавливались престижные автомобили, именно сюда спешили их преуспевающие пассажиры, вызывая зависть у владельцев сосед-

них заведений. И поэтому никто не обратил особого внимания на очередной лимузин, припарковавшийся у «Крута любителей покушать». Два джипа сопровождения и миллиейский «Форд» в авангарде? Ну и что? В элитном ресторане привыкли к серьезным гостям, и Ноэль, вышедший встречать посетителя, излучал обычное дружелюбие. Не более.

— Господин Елак! Искренне рад, что вы выбрали время...

— Где повар?

Мужчине из лимузина было под пятьдесят. Довольно высокого роста, худощавый, с отеком лицом почечника, он не выглядел ярким лидером, титаном, пробившим дорогу благодаря силе и упорству. Слишком изнеженные руки. Слишком хитрые глаза. Хотя было очевидно, что вышел он с самого низа — слишком много высокомерия во взгляде, слишком брезгливо изогнут рот. Елак относился к тому типу людей, которых хочется заставлять подписываться под каждым сказанным словом: он не вызывал доверия.

— Где повар?

— Господин Ра ожидает в кабинете. Прошу...

Первым шагнул один из четырех телохранителей, появившихся в холле вместе с Елаком. Ноэль покачал головой:

— Только вы, Рудольф Каземирович. Охрана останется здесь.

— Невозможно, — буркнул телохранитель.

— Где повар? — в третий раз повторил Елак.

И посмотрел на Ноэля... ну, не как на вошь, но близко к этому.

— Охранники будут ждать в холле, — спокойно произнес метрдотель. — У нас приличное заведение. К нам ходят только гурманы, и ТОЛЬКО покушать.

Елак скривился, заложил руки в карманы брюк, качнулся с мыска на носок, раздумывая, уйти или остаться, после чего бросил охраннику:

— У меня встреча с директором кабака. Один час.

Я обожаю этот ресторан!

Вам странно слышать подобное заявление от взрослого мужчины? А я не стесняюсь. И готов повторить: я обожаю этот ресторан! И любой, кто хотя бы раз в нем был, меня подержит. Любой!

Небольшой зал, резная мебель, удобные полукресла, столики, искусно отделенные друг от друга игрой света и тени, мягкие полутона шелка на стенах, ворсистый ковер, скрадывающий шаги, едва уловимая музыка... Здесь все продумано до мелочей, создана единственно правильная атмосфера, приятная для тонкого ценителя еды. Но интерьер не главное, совсем не главное.

Ега. Нет — пища. Пища богов!

Я помню, как Колька... Нет, кажется, не Колька, он тогда был в Праге... Серега? Точно! Кажется, Серега... Я помню, как Серега рассказал мне об этом райском месте.

«Лучшая кухня в Москве!»

Но от подобной рекламы рябит в глазах, а посему я позволил себе скептически отнестись к приглашению:

«Не верю!»

«На самом деле лучшая!»

«Значит, крутое заведение, в котором за глоток воды потребуют больше, чем мы с тобой в год зарабатываем».

«У меня два приглашения», — подмигнул Серега...

Или все-таки Колька? А... не важно. Дело-то в другом.

«У меня два приглашения, — подмигнул Серега. — В ресторане проходит рекламная акция, дополнительную клиентуру ищут, нашего генерального зазывают, а он в Лондоне. Я и подумал: почему бы не сходить со старым другом?»

Он еще в школе любил халяву. Не изменился совсем. Сколько мы не виделись? Лет семь... Нет, семь лет я Кольку не видел, а Серегу... Серегу меньше. Странно, что он обо мне вспомнил. Хотя что странного? Давно не виделись, а тут возможность бесплатно поужинать в шикарном ресторане. В общем, уговорил меня Колька, зазвал попробовать «лучшую кухню в Москве» и привязал к ресторану накрепко.

Местечко, если честно, и впрямь оказалось крутым,

простых туда не пускают, только людей с положением. Почему так гумаю? Навигался. И костюм за пять тысяч, пошитый по индивидуальному заказу, от итальянского ширпотреба отличаю с ходу. Другими словами, мы с Сергеей выглядели в ресторане белыми воронами, но — все интеллигентно. Метрготель приглашение увидел, нас оценил, но даже бровью не повел — сразу за столик. А уж как официант первую перемену принес, я обо всех этих дядях и тетях, что вокруг бриллиантами бряцали, и думать забыл.

Пища. Пища богов!

Колька что? Ест себе, жует, вина подливает, а я чувствую — улетаю. Рай на земле нашел, подлинный рай. Приготовлено так, что обо всем забываешь. От одного запаха забываешь. А уж когда на вкус пробуешь, то просто петь хочется. Ужин тот я как во сне провел. Серега болтает о чем-то, смеется, анекдоты травит, а я не слышу. Ничего не слышу — ем. И улетаю. Закуски, салат, рыба... блюда официант сам приносил, мы ведь по приглашению, но тут же рассказывал, как что называется. Я уточнять полез: что, мол, за соус? что за специи? Метр пришел. Услышал вопрос — заулыбался, на французском затрещал. Я чуть сквозь землю не провалился — язык-то не знаю. А Колька ржет. Стыдно. Зато когда уходили, метр мне незаметно приглашение сунул. И снова улыбнулся: «Нам нравится, когда в заведение приходят настоящие ценители».

Хорошим человеком метр оказался. Мазель его зовут. Кажется.

Рудольф Каземирович Елакс был богатым человеком...

Нет, подобное определение не отражает реальное положение дел. Рудольф Каземирович Елакс был БОГАТЫМ человеком. И влиятельным. Могущественным. Впрочем, председатель совета директоров «РДК» — «Российской Добывающей Компании», огромной полугосударственной корпорации, подмявшей под себя едва ли не все недра страны, не мог быть другим. Рудольф Каземирович

входил в двадцатку первых лиц государства, управляя миллиардными активами и оказывал влияние на судьбы миллионов людей. Он ничем не напоминал худого оратора с горящими глазами, что появился в Верховном Совете РФ и гневно обличал пороки социализма. Нет. Те времена канули в Лету. Теперь господин Елакс округлился, стал серьезным и никогда не задумывался над тем, что во многом благодаря ему слово «демократ» приобрело ярко выраженный ругательный оттенок. Рудольф Каземирович не задумывался, ибо был доволен жизнью: пройти путь от мелкого депутата до главы мощнейшей корпорации дано не всякому. И пусть по дороге случались мелкие неурядицы в виде обвинений в коррупции и всеобщей ненависти, главная цель достигнута — жизнь удалась.

Все остальное детали.

Рудольф Каземирович всегда рассуждал именно так, по-иезуитски: главное — цель, все остальное — детали. И действовал с иезуитской же беспринципностью, щедро одобренной врожденной нахрапистостью. Льстивые подчиненные называли эти свойства решительностью и напором.

Елакс и сейчас собирался следовать принципам, готовился бурно начать разговор с наглым поваром, однако обстановка в кабинете, в который привел его метрдотель, сбила Рудольфа Каземировича с толку.

В комнате было темно.

Кромешная тьма, как показалось шагнувшему из светлого коридора Елаксу. Рудольф Каземирович даже испугался. На мгновение. И едва не нажал тревожную кнопку маяка, сигнал которого призывал на помощь телохранителей. Но сдержался.

Дверь в кабинет закрылась, глаза привыкли к полумраку, Елакс огляделся. Первое впечатление оказалось обманчивым — комната была освещена. Очень продуманно освещена: на стул, предназначенный для Рудольфа Каземировича, падал скудный поток света, а вот повар, расположившийся напротив, скрывался в тени. Ни лица, ни одежды — только неясная фигура.

— К чему театральность?

— Присаживайтесь, Рудольф Каземирович.

Елакс решил принять — пока! — правила игры и опустился на стул.

— Меня зовут господин Ра.

— Это настоящее имя?

— Не настоящее.

Повар ответил с таким безразличием, что стало ясно — развивать тему не следует.

Елакс поджал губы.

— Вы ведете себя так, словно не удивились моему появлению.

— Приблизительно две недели назад мне стало известно, что вы наводите обо мне справки.

— Испугались?

— Обо мне часто наводят справки. — Короткая пауза. Рудольф Каземирович вдруг подумал, что господин Ра зевает. Рудольфу Каземировичу стало неприятно. — Я привык.

— Вы не должны были знать о моем интересе.

— У меня много друзей.

— Среди гурманов?

— Совершенно верно. — И снова пауза. — Я, знаете ли, хорошо умею готовить.

— Наслышан.

— Мне приятно.

Освоившийся Елакс откинулся на спинку стула и положил ногу на ногу. В его голос, только что нейтральный, даже осторожный, вернулась уверенность.

— Я заинтересовался услугами, которые вы предлагаете. Продуманная, сбалансированная диета, ведущая к улучшению самочувствия и способная... лечить?

— В том числе, — кивнул господин Ра. — Не во всех случаях, разумеется, но — в том числе.

— Некоторые называют вас волшебником.

— Я много знаю и много умею. Таких людей частенько считают колдунами.

— Но вы им не являетесь?

— Я повар, Рудольф Каземирович. Не знаю, что вам наговорили, но я всего лишь повар.

— Оставьте, господин Ра. Ваши успехи трудно объяснить простой кулинарией.

— Я не говорил, что она простая.

Елакс рассмеялся. Без спроса раскурил сигариллу. Пустил струю дыма. Вновь посерьезнел:

— Согласен — не простая. Совсем не простая. Заинтересовавшись вами, я приказал собрать всю возможную информацию...

— Вы предусмотрительный человек, Рудольф Каземирович.

— Положение обязывает. Я не могу верить свое здоровье первому встречному.

— Удалось что-нибудь узнать? — с традиционным для себя безразличием осведомился господин Ра.

— Удалось, — жестко ответил Елакс. — Именно поэтому я здесь.

У них приглашения на конкретное число и время оформлены. А работа как? Я в Москву не так часто выбираюсь — дела. Вроде недалеко, а отлучиться трудно. В общем, с ужином в тот день никак не получалось, в обед сумел приехать. С ребятами договорился, они до Москвы подбросили, дали два часа времени. Пока до ресторана добрался, только и думал, что не пустят. У меня ведь на ужин приглашение, а тут обед. В таких местах строго, у них каждый столик учтен. Метр меня увидел — в улыбку расцвел. Хороший он человек, этот Кегель.

«Вы сегодня рано».

Так, мол, и так, объясняя, работа. Вечером никак. Только сейчас. Жаль, если не вовремя... А сам чувствую: выигрывает — заплачу. Не выгнал. Посмотрел свои записи и ручкой официанту сделал: «Третий столик. Обед на одного».

Обед на одного?!

Ребята, я, поверьте на слово, в еде разбираюсь. И знаю, что значит хороший обед на одного. Тот пир, что мне

устроили, смог бы удовлетворить одного... императора, короля или президента. Не меньше.

И этот уносящий все мысли запах...

А вкус...

То, что должно быть мягким, — мягкое, то, что должно хрустеть, — хрустит, то, что должно обжигать, — обжигает. Я узнал лишь малую толику специй, я ошибся с мясом: оказалось, что это не седло, а дивно приготовленный окорок, я был раздавлен. А когда подали восхитительный суп — нежнейшее сочетание грибов, овощей и аромата, я едва не заплакал от того, что не я, не я приготовил столь невероятное блюдо.

По всей видимости, переживания отразились на моем лице, потому что проходящий мимо человек вдруг остановился:

«Вкусно?»

Я молча кивнул. Я не хотел говорить. Я не хотел, чтобы кто-нибудь мешал мне в эту минуту наивысшего наслаждения. Но он присел за стол:

«Я впервые увидел такое выражение лица: восторг и отчаяние».

«Я восхищен. И растоптан».

«Не понимаю».

«Я мечтаю готовить так же».

«Именно этот суп?»

«Хотя бы!»

«Он так сильно понравился вам?»

«Я в восторге!»

«Спасибо на добром слове, — улыбнулся мужчина. — Суп приготовил я».

Так я познакомился с шеф-поваром ресторана.

Представляю, какой гурацкий у меня был вид: раскрытый рот, вытаращенные глаза, невнятные попытки что-то пролепетать... А он улыбался и смотрел мне прямо в глаза. Опомившись, я бросился осыпать мужчину комплиментами. Я находил самые яркие эпитеты, пытаюсь выразить восхищение его мастерством, я размахивал руками и тряс головой. Я говорил громко, сбивался, начи-

нал сначала и не мог оторвать взгляд от этого человека. От гения!

Возможно, я выглядел смешно. Но я был искренен. Я ни на что не рассчитывал, у меня не было задних мыслей, я хотел лишь высказать уважение, а он... Он вдруг рассмеялся, посмотрел на часы и сказал:

«Вы настоящий ценитель, мой друг, это подкупает. Хотите, я поделюсь с вами некоторыми секретами?»

Хочу ли я?!!

Да я бы убил за такую возможность!

— Честно говоря, я не сразу поверил в то, что раскопали мои люди. Но когда факты стали повторяться, когда я увидел картину в целом, то был... Не скрою, господин Ра, я поразился.

— Мы часто удивляемся, глядя на обыденные вещи под неожиданным углом. Казалось бы: просто завтрак. А ведь от него зависит, как сложится день.

— Думаю, тебе следует завязывать с подобным тоном. — В голосе Елакса зазвучала сталь. — Теперь мы будем говорить серьезно.

— Что вас интересует? — Господин Ра постарался избавиться от безразличия, но все-таки чувствовалось, что он... довольно расслаблен. И никак не беспокоился изменением тона собеседника.

— Я хочу знать правду.

В отсутствие пепельницы Елакс стряхивал пепел сигариллы прямо на пол, а теперь раздавил окурки о столешницу. Господин Ра оставил происшествие без внимания.

— Вы рассчитываете на мою искренность?

— Не советую юлить, иначе тобой займутся специалисты по врунам.

— Не самая приятная перспектива. — Но тон, которым господин Ра произнес фразу, не был тоном загнанного в угол человека. — Что вас интересует?

— Начни сначала. И покажи свое лицо.

— Хорошо, я начну сначала, — вздохнул повар. —

Вам, безусловно, поведали, что искусство питания гораздо глубже, чем кажется на первый взгляд...

— Любое искусство глубже, чем кажется на первый взгляд, — перебил повара Елакс.

— Вы правы, — с некоторой поспешностью согласился господин Ра. — Я произнес банальность. Извините. Но обыденность, которой является для нас питание, мешает понять, каких высот позволяет достичь искусная кулинария. Повара соревнуются в способах приготовления блюд, в скорости, превращают разделку рыбы в шоу и выстраивают феерические конструкции, надеясь попасть в Книгу рекордов Гиннеса. И почти никто не задумывается над тем, что пища может не только давать силы, но и отнимать, что неправильное питание отправит вас в могилу быстрее, чем СПИД...

— Когда я сказал: «начни сначала», я не собирался выславшивать прописные истины!

— Не каждый задумывается о прописных истинах. — Господин Ра помолчал. — Хороший повар — это врач, способный оценить состояние человека и подобрать для него — именно для него! — меню. Хороший повар — это интеллектual, способный удержать в голове знания о тысячах приправ и специй, о миллионах их комбинаций, и все для того, чтобы приготовить уникальное блюдо, которое не только накормит, но и поможет. Хорошие повара всегда ищут новое. Землепроходцы, завоеватели, пионеры — все они сталкивались с новыми способами приготовления пищи, с новыми вкусами, что позволяло хорошим поварам подняться еще на одну ступеньку.

— Хороших поваров мало, — заметил Елакс.

— Зато много любителей хорошей еды, много богатых людей, способных оплатить получение новых сведений: встречу с путешественниками, доставку новых специй, даже специальные экспедиции на поиски новых кухонь. Всегда есть люди, которым небезразлично, что они едят. И благодаря этим людям всегда есть хорошие повара.

— Но их мало, — повторил Рудольф Каземирович.

— Очень мало, — уточнил господин Ра. — Увы, в сво-

ем развитии общество не может избежать потрясений. Войны, революции, кризисы, эпидемии... Знания теряются. Увы.

— Если знания того стоят, их спасают несмотря ни на что, — бросил Елакс. — Ты лечишь болезни?

— Лечу.

— Как ты этому научился?

— Читал книги.

— Что еще ты умеешь?

— А разве нужно что-то еще? Вы узнали все, что хотели. Я лечу болезни. У меня есть кулинарная книга, которую пишут со времен Конфуция. Я действительно помогаю людям. Дорого? Да, дорого. Но это того стоит. Я могу вылечить ваши почки, Рудольф Каземирович, вам не потребуется пересадка.

— Мы вернемся к этому вопросу, — пообещал Елакс. — Сейчас же поговорим о том, что ты можешь еще.

— Я неплохо играю на рояле.

Рудольф Каземирович изволил усмехнуться.

— Когда я занялся твоим вопросом, мне на глаза попалось любопытное исследование, автор которого утверждал, что кухня оказала существенное влияние на формирование целых народов. Если на протяжении веков люди питались одинаковым пищевым набором... ну, относительно одинаковым, скажем так: в среднем — одинаковым, то это отражалось на их облике, даже на характере.

— Существует много разных гипотез. В этой я не вижу особых противоречий. Конечно, можно было бы отыскать слабинку в позиции автора и завязать спор, но я не вижу повода. К чему вы клоните, Рудольф Каземирович?

— Можно влиять на сознание с помощью пищи? Одним уникальным набором специй лечить почки... а другим?

— Это фантастика.

— Мы только подбираемся к вопросам, которые меня действительно интересуют. Так что не юли. Ты же видишь: я хорошо разработал тему. Тот, кто лечит, умеет убивать. Это как инь-янь, как день и ночь — одно невозможно без другого. Если ты умеешь лечить, сумеешь и

убить. Но это крайности. Ты умеешь дурманить людей своими травками? Так? Отвечай!

— Современные психотропные препараты справятся с задачей быстрее и эффективнее.

— Зато они оставят следы. А на твои приправы никто не обратит внимания.

— Зачем это вам, Рудольф Каземирович? — тихо спросил господин Ра.

— Я только думаю, как можно тебя использовать. А для разработки планов требуется полная информация. Итак, ты умеешь брать людей под контроль?

Повар ответил не сразу.

— Да.

— Какое время на это требуется?

— По-разному. Чтобы создать в организме человека нужный букет остаточных отложений, требуется не менее недели.

— Ты слышал о ресторации «Круг любителей покушать»? — неожиданно бросил Елакс.

Ответа не последовало.

— Она располагалась на Воронцовской еще до революции. Забавное совпадение, да? Я выяснил, что владел ресторацией граф Холодов. Большой гурман и, по отзывам современников, отличный повар. Я хочу видеть твою морду, Ра.

— Зачем?

Но требование Елакса смутило повара, он машинально отшатнулся назад. Даже в темноте по голосу и по движениям стало понятно, что от безразличия господина Ра не осталось и следа.

— Затем, — веско произнес Рудольф Каземирович, — что у меня есть фотография графа Холодова.

Господи, как же он работает!

Как может он творить такое?!

Он человек? Нет!

Он — Мастер!

Теперь я знаю, что значит быть Мастером с большой буквы. Теперь я понял, кто достоин этого звания.

Такие люди рождаются раз в сто лет... Нет! Раз в тысячу лет!

Уникумы! Гении! Бриллианты самой чистой воды!

Но, господа, как же он работает!

Глядя на его ловкие руки, глядя, как безошибочно выбирает он приправы и специи, как точно смешивает ингредиенты и отмеряет силу огня, я завидовал и стыдился. Я завидовал его гению и стыдился себя. На фоне этого повара я чувствовал себя букашкой, никчемным недоучкой, не имеющим ни таланта, ни умения. Я стоял рядом с ним, в его святая святых, в его кухне, и видел себя жалким оборванцем, которому разрешили посмотреть на великолепие дворца. Нет, в оснащении кухни не было чего-либо необычного, но он наполнял ее своим мастерством, своим Даром, и каждая сковорода, каждая кастрюля начинали казаться таинственными артефактами, магическими инструментами кудесника, превращающего продукты в гастрономические чудеса. Я наблюдал, как он священнодействует, и с тоской понимал, какая пропасть лежит между нами.

Я едва не плакал, глядя на работу Мастера.

А потом он предложил мне снять пробу с только что приготовленного блюда.

«Что скажете, коллега?»

Коллега? Его великодушие не знало границ! Я наслаждался неземным вкусом жаркого и, потрясенный, смог произнести только одно:

«Великолепно!»

«А знаете, его не так уж и сложно готовить. — Он улыбнулся. — Главный нюанс — подготовка мяса... Вы готовите свежую ягнятину?»

«Конечно!»

«Хотите, подарю вам рецепт?»

Я ловил каждое слово, запоминал ингредиенты, пропорции, нюансы приготовления. Я не записывал, я знал, что пронесу подаренный великим Мастером рецепт через всю жизнь.

И буду гордиться тем, что такой человек снизошел до меня.

— Европейских поваров начали выписывать при Петре Первом. В том числе и знаменитых — заманивали огромными деньгами... Западная кухня тогда была в моде. На алмаз наткнулся граф Шереметев. Он нашел человека, которого вы называете «хорошим поваром», человека, обладающего колоссальными знаниями по европейской кухне и кухне Нового Света. Так была заложена основа московского общества гурманов. К тому времени русские повара уже имели представление о кухнях Китая, Индии и Азии, требовалось систематизировать знания, положить начало школе. Революции и войны в Европе облегчили задачу: в Москве появились бегущие от потрясений специалисты, подчас — гении кулинарии. Все, что оставалось, — нагнуться и подобрать лежащее под ногами золото. — Господин Ра помолчал. — Граф Холодов был продолжателем традиций русских гурманов, лидером закрытого общества, сложившегося в Москве в течение восемнадцатого века. Я, как и вы, узнал о «Круте любителей покушать» и стал искать...

— Хватит болтать. Покажи лицо! — Елакс не скрывал волнения. — Лицо покажи!

Повар же, напротив, успокоился, взял себя в руки. Голос его звучал с прежним спокойствием:

— Что вы хотите увидеть, Рудольф Каземирович?

— Ты знаешь что, — буркнул Елакс. — В исторических материалах подчеркивалось, что Холодов не любил фотографироваться, но отказать великому князю Кириллу не смог. Я раздобыл карточку в Париже, в архиве императорской семьи. И хочу убедиться...

— А стоит ли?

— Значит, правда?

Господин Ра молчал, но тишина стала самым красноречивым ответом на вопрос. Елакс покачал головой:

— Сколько ты живешь, Холодов?

— Учитывая обстоятельства, имеет смысл спрашивать, сколько мне осталось.

— И сколько?

— Не так много. Лет тридцать — тридцать пять. Никто из общества не преодолевал двухсотлетний рубеж.

Елакс шумно выдохнул. Он верил. Он верил каждому слову повара.

— И все только потому, что вы правильно жрали!

— С детства, Рудольф Каземирович, — уточнил господин Ра. — Родители правильно кормили нас с младенчества. Индивидуальная диета.

— Ты хочешь сказать, что мне можно не беспокоиться?

— Почему же? — Повар на мгновение задумался, оценивая состояние собеседника. — Если постараться, можно обеспечить вам пятнадцать-двадцать дополнительных лет. Если же оставить все как есть, то, даже пересадив почки, вы не преодолеете семидесятилетний рубеж.

— Пугаешь?

— Я хороший врач, Рудольф Каземирович. Мне не нужны длительные исследования, чтобы понять, сколько вам осталось.

— А ты, значит, согласен меня тянуть?

— Я хороший врач, — повторил господин Ра. — Ближайший год вам придется питаться только в моем ресторане. Затем — только ужинать. Потом посмотрим.

— Я часто уезжаю из Москвы.

— Вас будет сопровождать Ноэль.

— Предлагаешь договориться? — усмехнулся Елакс. — Моя лояльность против двадцати дополнительных лет жизни?

— Мне кажется, это очень хорошая сделка. Хотя, если судить по тону, у вас другое мнение.

— Ты прав — другое. — Елакс не сдержался, выдал гримасу: злую и презрительную. — Предлагая сделку, ты отдавал себе отчет, с кем разговариваешь?

— Мне известна ваша репутация, Рудольф Каземирович.

— Я всегда первый. Я буду лидером общества.

— И чем вы будете нас кормить? — осведомился господин Ра.

— Кормить нас будешь ты. Я займусь другими вопросами.

Повар вздохнул и произнес предельно вежливо:

— Рудольф Каземирович, вы не первый человек, ко-

торый пытается навязать мне соглашение подобного рода. Не скрою, что вы, пожалуй, самый могущественный из них. И уж действительно самый умный. Не считите за лесть, но я на самом деле потрясен вашей подготовкой. Вы раскопали уникальные сведения, а самое главное, отнеслись к ним крайне внимательно, не сочли сказками. Именно поэтому я готов пойти против принципов и повторить свое предложение. Обдумайте его. И поймите, что мне нужны не покровители, а друзья.

— Тебе придется принять МОИ условия.

— Не торопитесь, Рудольф Каземирович, припомните все, что вы обо мне знаете.

— Я все решил задолго до того, как приехал сюда.

— А вас не смущает, что я могу отравить вас обыкновенным бутербродом? Не смущает, что, назвавшись моим врагом, вы станете с опаской смотреть на содержимое любой тарелки?

— Не волнуйся — не смущает. — Елакс усмехнулся. — Твоя сила в тайне, в страхе. Но если твой секрет станет известен широкому кругу лиц, ты не сможешь ничего предпринять. Я ведь забочусь не только о себе. Нет. Ты будешь обслуживать элиту. Ты займешь свое настоящее место — на кухне. Все уже решено, Холодов. Все уже решено.

— Вам не кажется, что наш диалог теряет конструктивное зерно?

— Кажется, — согласно кивнул Рудольф Каземирович. — Поэтому хватит на сегодня. — Он посмотрел на часы. — Я понимаю, Холодов, что ты привык к самостоятельности, и требуется время для осознания новых реалий. Перед визитом сюда я плотно покушал, так что, по моим оценкам, обойдусь без еды до завтрашнего полудня. Это твоё время, Холодов. Не согласишься с моими условиями — потеряешь все.

— Время — это очень щедро, — пробормотал повар.

— Не надейся улизнуть, — предупредил Елакс. — До полудня за тобой будут присматривать мои люди. Считай себя под домашним арестом.

— Они тоже не будут есть?

— Тоже.

— Какая дивная предусмотрительность.

Елакс с сомнением посмотрел на темную фигуру собеседника. Рудольф Каземирович не сомневался, что Холодов оценил серьезность предложения, возможно — испугался. Но при этом повар не потерял присутствия духа. Что смущало. Впрочем, план был разработан до мелочей, люди подобраны надежнейшие, и Елакс был уверен, что все пройдет именно так, как он наметил.

Рудольф Каземирович поднялся со стула.

— Приготовь вежливую речь. Во время разговора ты держался достаточно самоуверенно, поэтому завтра я хочу выслушать заявление о преданности, составленное в изысканных выражениях. И постарайся быть искренним.

Дверь отворилась, на пороге стоял метрдотель.

— Ноэль, — негромко произнес господин Ра. — Проводите Рудольфа Каземировича. К сожалению, он не будет сегодня ужинать у нас.

Уют родного лимузина окончательно успокоил могущественного человека. Запах любимого табака и кожи обивки, неяркий свет, приятная музыка из динамиков — все это помогло расслабиться и выбросить из головы дерзкое поведение повара, позволило забыть, как побежал по спине холодок, когда господин Ра произнес свою угрозу. Но из бронированного чрева окруженного телохранителями авто слова повара казались жалким лепетом.

«Ничего ты мне не сделаешь, ублюдок, — усмехнулся Рудольф Каземирович. — Сила соломой ломит! Будешь служить!»

Елакс еще не прорабатывал следующие шаги, но контуры будущего сообщества наметил и дорогу домой посвятил размышлениям над кандидатами, прикидывая, кого следует позвать в круг избранных. Его влияние, и без того весьма осязаемое, достигнет немыслимых высот.

«Бессмертие или гарантированное долголетие спаяют

нас крепче крови. Элита будет счастлива заполучить подобную возможность...»

Оказавшись дома и узнав, что супруга уже почивает, Рудольф Каземирович отпустил слуг, а сам, прежде чем отправиться в спальню, поднялся в кабинет. Готовясь к встрече с поваром, Елакс знал, что даст тому время на размышление: требовать мгновенный ответ в столь деликатном деле трудно. И тогда же, несколько дней назад, Рудольф Каземирович положил в сейф три бутылки с питьевой водой и три банки консервов. Насчет консервов он не был уверен — продержаться двенадцать часов без еды не составляло труда. А вот вода пришлась кстати: после сигарилл захотелось пить, но Елакс не рискнул прикасаться к содержимому автомобильного бара.

Рудольф Каземирович открыл сейф, извлек пластиковую бутылку, тщательно оглядел крышку — запечатана, внимательнейшим образом изучил саму бутылку: нет ли где следов от шприца? И, убедившись, что все в порядке, открыл крышку и сделал большой глоток прямо из горлышка.

— Хорошо!

Он опустился в мягкое кресло, сделал еще один глоток и улыбнулся:

— Ну что ж, Холодов, согласишься: до меня тебе не добраться. Я предусмотрел все.

И нахмурился, почувствовав легкое покалывание в почках.

«Барин умер!»

«Рудик копыта откинул!»

«Что теперь будет?!»

С самого утра, с того момента, как телохранитель нашел хозяина в кабинете, в особняке царил суета. Молодая супруга усопшего, как и положено, рыдала в спальне. Взятая за красоту и молодость, она совершенно не представляла, что следует делать при кончине благодетеля, но кое-какие шаги предприняла: с целью обновления траурного гардероба прибыл известный портной.

Но прежде в усадьбе появились две кареты «Скорой

помощи»: местная и из Москвы, и микроавтобус, на котором подвезли нескольких медицинских светил. Чуть раньше примчался милицейский «жигуленок», но внутрь его не пустили, дабы не смущал приличных людей отвратным видом, отвели место у ворот, а при первой же возможности заменили на роскошный «Форд». Правоохранителей вообще набежало много: звезды, лампасы, каждый хочет лично удостовериться, что Рудик помер, каждый желает лично убедиться, что криминала нет, каждый обязан лично поговорить с экспертом и лично выразить соболезнования вдове. Истоптали ковер в большой гостиной, поцарапали штучный паркет. У эксперта сел голос, охрип, бедолага, каждому лампаснику объяснять, что помер великий и ужасный Рудик от острой почечной недостаточности, заурядный случай для хронического гломерулонефрита. И никаких препаратов, ускоряющих переход человека в мир иной, не обнаружено. Очередной генерал (или полковник) отправлялся восвояси, покачивая умной головой, а на его место сразу же заступал следующий. «Как? Почему? Из-за чего?» И ведь знали же, подлецы, что в теле видного демократа еще не раз покопаются лучшие патологоанатомы, что каждую клеточку в микроскоп рассмотрят, а все равно лезли. «Говори как на духу! Именно мне! Я лично буду докладывать...» Фамилии назывались самые могущественные.

Но больше всего, разумеется, было в особняке соратников покойного, солидных, сосредоточенных господ в дорогих костюмах. Шушукались, морщились, что-то друг другу доказывали. Но — тихо, только между собой. Если лампасник какой приближался или из прислуги — замолкали. Серьезные дела не для посторонних ушей. И с уважением поглядывали на плечистого здоровяка, прибывшего одним из последних.

— Совсем ведь молодой был?

— Молодой, да порченный, — буркнул я. — Не зря же о пересадке беспокоился.

Не нравилось мне, что среди дворни шуточки нехоро-

шие пошли, а особенно раздражало, что некоторые открыто улыбались, словно не похороны предстоят, а праздник какой. Ну да, согласен, Рудика мало кто любил: родители его давно умерли, с детьми от первого брака он не общается, а больше вроде и некому горевать. Но радоваться-то зачем? Во всяком случае — открыто? Нехорошо это.

Впрочем, Борька, судя по всему, мою точку зрения разделял.

— Клавдия с девками хихикает. А чего хихикать? Куда мы теперь? Опять место искать?

Я вздохнул: тему приятель поднял правильную. Но неприятную, ибо, как сложится судьба после внезапной смерти Елакса, я не представлял. Текла себе устоявшаяся жизнь, сытая и безмятежная, и вдруг — опа! — ищи новое место. Опять пороги обивать.

— Думаешь, здесь остаться не получится?

— Помяни мое слово: молодая при первой же возможности умчится. Ей во Францию хочется, у них дом на Лазурном берегу. Вилла. В ней и поселится. А там обслуга другая. Французская. Не потащит же она нас.

— Не потащит.

Борька закурил.

— Ты-то мужчина молодой, да и повар знатный, не зря тебя Рудик постоянно нахваливал. А нам с Клавдией куда?

Я потоптался около плиты, раздумывая, стоит ли заниматься обедом, решил не спешить и, одолжив у Борьки сигарету, присел рядом.

— При доме останемся. Не пропадем. Новые господа въедут. Мало их, что ли?

— Одна надежда.

Надежда-то надеждой, да слабая. Когда еще новые господа въедут? Завешание огласить надо? Надо. Опять же, неизвестно кому Рудик дом оставил. Может, молодой жене, а может, и первой. Он вроде неплохо к ней относился. А господа за домину удавятся, наверняка в суд пойдут, дело замутят... В общем, чуяло мое сердце, что закроют особняк на неопределенный срок. Мало, что ли, случаев? Полно!

— Повар кто?

Голос грубый, глаза равнодушные — милиционер пришел. В погонах. Хотя и без погон все понятно. По обращению.

— Ты повар?

— Ага.

Я на всякий случай привстал и сигаретку затушил. Милиционер оглядел меня с хорошо поставленной подозрительностью:

— Слушай сюда, повар: поскольку обстоятельства смерти Рудольфа Каземировича Елакса пока не ясны, принято решение опечатать кухню.

— Почему?

— Ты дурак, что ли? Сказано: поскольку обстоятельства смерти пока не ясны. Неизвестно, отчего приступ приключился.

— Подозревают, что траванули Рудика, — доходчиво объяснил мне Борька. — Ты, стало быть, и траванул. Как этот... Сальери.

В груди у меня стало холодно-холодно. Ведь упекут, гады! Одно дело — такая шишка сама окочурилась, и совсем другое — была убита. Начальникам милицейским только бы зацепиться, только упечь честного человека, «расследование начать», а там... Им ордена и благодарности, а мне? Мне пропадать.

Задрожали руки.

— Но...

— Да не трусь ты, — заржал милиционер. — Эксперты говорят, что смерть наступила по естественным причинам. Болезнь у Рудольфа Каземировича была, гомонефрит, кажется. От него одно спасение — пересадка. А он не успел.

— А я? А я тогда при чем?

— Проверяем.

«Знаем мы ваши проверки!» Мне стало тоскливо.

— Шкафчик открой.

Я распахнул дверцы и посмотрел на знакомые полки. На склянки, стоящие в первом ряду. Милиционер гово-

рил что-то еще, но я не слышал. Не слушал, если быть точнее, потому что не понимал... В первом ряду корица, лаванда, гвоздика, чили... Странно. Рудик не любил корицу. Да и лаванду... Куда же я их добавлял? Я вдруг понял, что абсолютно не помню, что в последний раз готовил для хозяина. Рыбу? Мясо? Овощи? Какие овощи? Нет, не рыбу. Жаркое. Смутное воспоминание о сложном рецепте. Да, был очень интересный рецепт, который я прочитал... В журнале? А ведь верно. — в журнале. Там есть раздел «Рецепты от звезд».

— Что это? — Милиционер брезгливо посмотрел на склянки.

Он не понимал, как может взрослый мужчина заниматься кулинарией. Конечно, не понимал, он ведь в автомат играет.

— Приправы. — Я посмотрел на склянку с корицей. Потер лоб. Ну и ладно, забыл, значит, забыл. Потом вспомню. Посмотрел на милиционера: — Здесь просто приправы. Специи.

* * *

В том, что господин Ра попросил приехать, не было ничего странного — Николаев ждал звонка и готовился к встрече. Насторожило другое: на этот раз шеф-повар не стал скрывать лицо. Господин Ра встретил гостя у дверей кабинета, первым протянул руку, улыбнулся, посмотрел в глаза.

«Довольно молод», — отметил Николаев.

На вид владельцу «Круга любителей покушать» было не более пятидесяти. Сухой, подвижный, ловкий. Светлые, с проседью волосы. Светлые, почти прозрачные глаза. Холодные. Умные.

Николаев понял, что разговор предстоит непростой. Он знал людей с такими глазами — змеи. Хладнокровные змеи. Их не разжалобить, на чувствах не сыграть — чувств нет, только расчет. Их можно убедить только логикой. И искренностью.

И поэтому, едва присев за сервированный на двоих стол, Дмитрий Евгеньевич сразу же взял быка за рога:

— Я все понял после первого курса в вашем ресторане. Я говорил с сыном — он действительно потерял зависимость от наркотиков. Я велел жене пройти повторное обследование на сахарный диабет — результаты показали, что она здорова. Мои проблемы с сердцем ушли в прошлое. — Николаев помолчал. — Я все понял.

— Что именно, позвольте узнать? — осведомился господин Ра.

Шеф-повар расположился напротив гостя и задумчиво вертел в руке серебряную ложечку.

— Я понял, что вы или гений, или колдун.

— И решили использовать меня.

Николаев развел руками, обаятельно улыбнулся:

— А вы бы согласились помочь, расскажи я свой план?

Странное дело — этот медведь умел быть очень обаятельным.

— Я стараюсь не вмешиваться в подобные истории, — заметил господин Ра. — Не люблю привлекать к себе внимание.

— Рудик мог узнать о вас и без моей помощи.

— И тем не менее это вы поведали обо мне господину Елаксу. Потом помогли ему собрать сведения... и не забыли предупредить меня. Надо отдать должное, вы мастерски столкнули нас лбами.

— Я не сомневался, что Рудик поведет себя грубо и бестактно, — спокойно произнес Николаев. — Он большая свинья.

— Он был большой свиньей, — уточнил господин Ра.

— Да, вы правы — был. Именно был. — «Настоящий генерал» позволил себе усмешку. — Я знал, что Рудик станет давить. Он не умел действовать иначе, был очень не гибким. А когда Рудик закусывал удила, оставалось только подчиняться... или уходить. Вы, в свою очередь, не собирались делать ни того, ни другого.

— Я вырос в Москве, — с прежней рассеянностью сказал господин Ра. Он не отрывал взгляд от серебряной ложки. — Я гулял по бульварам и скверам задолго до то-

го, как на них появились все эти рудики. И я собираюсь жить здесь и впредь.

— Понимаю, — пробормотал Николаев.

— Вы это хорошо понимаете, — согласился господин Ра. — Вы сделали ставку на мою сентиментальную любовь к родным улицам и не ошиблись. Мне проще избавиться от какого-то там рудика, чем переехать в другой город.

«Настоящий генерал» молчал.

— Но что мы все обо мне? — улыбнулся господин Ра. — Скажите, это правда, что теперь, после скоропостижной кончины господина Елакса, вы являетесь едва ли не единственным претендентом на пост председателя совета директоров «РДК»?

— Не единственным, — уточнил Николаев. — Но основным.

— Неожиданностей не предвидится? — поинтересовался господин Ра.

— Нет.

— Вас выберут.

— Да.

— Это хорошо.

— Согласен. — Дмитрий Евгеньевич выдержал короткую паузу. — Если бы Рудик не умер, то на следующем заседании он бы вышиб меня из правления.

— Мне рассказали и об этом, — нейтральным тоном ответил господин Ра.

— Я уже обратил внимание на вашу прекрасную осведомленность, — вежливо сказал Николаев.

— В «Круг любителей покушать» ходит много людей. Это мои друзья.

— А вот Рудик не терпел рядом с собой сильных людей... и совсем не умел дружить с равными. Что его и сгубило.

— Сгубило его другое... — Господин Ра оторвался от созерцания серебряной ложки и посмотрел на собеседника. — Кстати, мы совсем забыли о еде. Попробуйте этот восхитительный салат. Я приготовил его специально.

Нозль — Николаев видел только руки, но понял, что

это Нозль, — выставил перед гостем блюдо. Запах пряностей, изящно порезанные овощи, капелька соуса.

— Пахнет замечательно.

— Попробуйте, каков он на вкус.

Несколько мгновений мужчины смотрели в глаза друг друга. И оба старались выглядеть невозмутимыми. Едва ли не безразличными. Затем Николаев распечатал палочки и спокойно принялся за еду.

— Прекрасный салат.

Господин Ра сделал маленький глоток воды из хрустального бокала, помолчал и улыбнулся:

— Приятного аппетита, друг. И... добро пожаловать в общество истинных гурманов.

АЛЕКСАНДР СИВИНСКИХ

У ВСЯКОЙ ЗВЕРУШКИ

тороны сделали свои ходы: легкая струйка дыма поднялась от маленького мотор-редуктора с рулоном пленки на выходном валу; ветер сменил направление на противоположное. Наблюдатели замерли в ожидании результатов...

— О-хо-хо, грехи наши тяжкие... — простонала герань и придавила гибким ловчим усиком жирную муху к раме. Муха дернулась, пытаясь вернуть потерянную свободу, но было поздно. Мазнув шевелящимися еще лапками по стеклу, герань сунула муху в пазуху листа и, печально вздыхая, принялась переваривать. Фикус громко заплодировал глянцевыми зелеными ладошками: он всегда радуется чужому счастью. Впрочем, так же, как и чужому горю.

«Эмпат односторонний! Растение! А, да что с него возьмешь, кроме кислорода?» Машка с завистью стрельнула глазами в сторону удачливой охотницы и снова сосредоточилась на шевелящихся антеннах Таракана. Уж сегодня-то он обязательно покинет свою щель, и вот тогда... Тогда никто больше не упрекнет Машку в напрасной трате времени. Она разорвет жирное тело пополам, сладкий сок брызнет на стены, нагло торчащие усы обвиснут. Блестящие глазки помутнеют, и терпкий аппетитный запах разольется по всему дому... Но есть Таракана Машка не станет. Пока не станет. Она дожидается возвращения Петрухи, чтоб в полной мере насладиться своим триумфом. Заслуженным триумфом. Таракан — это, конечно, не крыса... но ведь и не муха! Взять таракана еще не удавалось никому. И если удастся ей... «Кто кого?» — ка-

жется, именно таков основной вопрос эволюции. Решение его в Машкину пользу — отличный аргумент для давнего спора с Петрухой. Придется, ой придется Петрухе в следующий раз идти в город вместе с ней. Не отвертится Петруха!

«Город... Я готова к нашей скорой встрече! А ты?» — подумала Машка и гипнотически вперилась в сумрак тараканьего убежища.

Крылатая тень скользнула по полу, затмив на мгновение смягченный фильтрами солнечный свет. Анфиса прилетела. И, конечно же, с добычей. Похоже, сегодня все сговорились дразнить Машку своими успехами. Ну, так и есть, в когтистых лапках стрекозы извивалась некрупная лягушка.

Анфиса зависла над самой головой Машки и принялась обедать. На кошку и рядом упало несколько объедков. Крылатая тварь никогда не отличалась чистоплотностью.

Машка раздраженно махнула лапой, и Анфиса на всякий случай отлетела в сторону. Дружба дружбой, но дразнить двухпудовую хищницу с молниеносной реакцией — опасное занятие. Особенно когда у той не клеится с охотой.

«Далась Махе эта букашка, — думала Анфиса, посасывая тягучее молочко из своего блюдца (она уже доела лягушку и отдыхала на травяной подстилке). — Крутом дичи — тигра прокормить хватит, не то что кошку-двулетку, а она...» Живого тигра Анфиса не видела ни разу, однако, судя по Петрухиным рассказам, это было нечто чудовищное, пожирающее по целому кабану за раз. И если кабаны были размером хотя бы в половину нижней Хавроньи...

Самим Хавроньям тигры тоже не давали покоя. С тех пор как Петруха пересказал домашним раскопанный в архивах Умницы текстовик, у них пропал сон. И даже аппетита! Напрасно Петруха потом пытался убедить сиамских близняшек, что тигры были на грани вымирания еще в годы изготовления Умницы. Один-единственный выживший и благополучно мутировавший в такого супермонстра с когтями-саблями и развитым мозгом тигр

★ мог стать источником грозной опасности. Смертельной. Нет-нет, рисковать не стоило. Хавроньи взялись за дело.

Сегодня они заканчивали прокладку третьего кольца траншей вокруг Усадьбы. Четыре метра в ширину и три в глубину каждая. Скользкие грани скосов, покрытые бы-стросохнувшим соком одуванчика. Усеянные битым стеклом ребра. Ядовитые колючки на дне. Настоящий оборонительный ров. Да, это была не легкая работа даже для них! Долгая работа.

Теперь осталось возвести ряд острых кольев с наклоном наружу, проложить спираль Бруно да установить датчики движения по всему периметру. Было бы идеально еще вырубить лес метров на сто... Но идеал недостижим по определению: лес рубить Петруха не позволит ни за что.

— Гринписовец чертов! — Хавроньи беззлобно ругнулись хором, и Верхняя включила сенсоры управления мостом. — Вот пожалуйет тигр или стая волков, тогда вспомните старых свинок. Не было бы только поздно... А ну, в загон! — рывкнули они на коз, радостно заблеявших при виде хозяек, и загремели подойником.

Я поправил лямки переносного морозильника и прибавил ходу. Успеть бы, пока Хавроньи не закончили свой ров. Скользящий пленочный мост — штука, конечно, замечательная. Однако ходить по надежным деревянным подмостям куда как приятней, чем по его зыбкой пластиковой поверхности. И хотя обрыва струн вряд ли стоит опасаться, но все-таки, случись какой-нибудь сбой... Не думаю, что картофельный яд, которым боязливые свиньи обмазали шипы, разбросанные по рвам, будет для меня безопасен.

Я не успел. Подмости были уже разобраны, доски аккуратной стопкой сложены под навес. На противоположной стороне рва. Чертыхаясь, я направился к шершавому стволу подсолнуха, там расположен сенсопульт включения моста. Отбил пальцем год своего рождения. Мелодичный сигнал сообщил, что код принят. Надо рвами двумя трассами потянулись искры, бегущие по струнам кар-

каса. Следом скользнул вращающийся рулончик, оставив за собой глянцевую дорожку покрытия, и... остановился на поддороге. Доисторическое барахло унисов снова заклинило.

Стоило, спрашивается, расплачиваться за него десятью фунтами отменного козьего сыра?

Я набрал в грудь побольше воздуха и от души свистнул, в четыре пальца. Впрочем, надежды на ответ было маловато: в нашем хозяйстве, что называется, у каждой зверушки свои игрушки. Свиньи сейчас доят коз и вряд ли что слышат из-за оглушительного Верди, которым потчуют их в целях повышения удойности. Ну а Маха расстанется со своим членистоногим приятелем только тогда, когда почует, что меня начала рвать на части во-о-он та стайка крыс.

Так и случилось, никто не вышел. Стоять под палящим солнцем в ОЗК, с тяжеленным морозильником наперевес (и даже сидеть на нем), — невеликая радость для человека, отмахавшего за последние четыре часа без малого тридцать километров.

С другой стороны, невелика сложность — перемахнуть расстояние, отделяющее меня от края пленочного моста. Особенно если учесть мою спортивную форму.

Я разбежался и прыгнул.

Форма-то формой, но ведь и полцентнера за плечами не шутка, и я после «приземления» слегка закачался, балансируя на податливой пленке. Этим бы все и кончилось, но тут лопнула одна из лямок морозильника. Чертов ящик всей массой врезался мне в голень. Закон подлости не подвел — врезался углом.

Я крикнул и опустился на колени. Затем повалился набок и выдал такой пласт архаичной лексики, что преследовавшие меня от самого рыбозавода тощие пасюки, топтавшиеся у края наружного рва, в ужасе прыснули врассыпную. Одна несчастливица при этом до того потеряла голову, что метнулась не в ту сторону. Ее чешуйчатый трупик через мгновение агонизировал на остриях шипов.

Я попытался встать и не смог. Похоже, раздроблены кости. Не переставая крыть матом все вокруг, я пополз по мосту; опираясь на ствол подсолнуха, растущего с нашей стороны, поднялся и переключил привод на реверс. Крысы при виде скручивающегося рулончика (вот же гад, обратно-то работает!) злобно заверещали, а я поскакал на одной ноге, охая и причитая, к бане. Переодеваться.

Первым меня заметил фикус. Под его бурные аплодисменты я проковылял к лежанке и повалился на нее, обессиленный. Знал бы кто, чего стоило мне расставание с ОЗК! Так ведь не потащишь дорожную пыль, возможно активную, в дом. Терпи, значит, казак!

Машка, молодец, сориентировалась мгновенно. Плюнув на Таракана, она подхватила кадку с фикусом и сноровисто обмотала распухшую уже порядком ногу широкими листьями. Боль немедленно ослабла. Машка же, прильнув поверх листьев теплым животом к ноге, тихонько замурлыкала, глядя мне в глаза и слегка всаживая в тело острые коготки. Под ее мурлыканье я мирно заснул.

Сколько продрых, не знаю. Наверное, часа два. Когда проснулся, нога почти не болела. Я осторожно притопнул ею, потом пару раз присел да и отправился инспектировать Усадьбу.

Машка, снова замершая на своем боевом посту, приветливо помахала мне лапкой и сообщила, что вся кета, принесенная мною с рыбозавода в проклятом морозильнике, уже спущена в погреб. Под ее личным недреманным контролем.

Во дворе растерянно переругивалась наша сладкая парочка. Верхняя Хавронья по традиции взваливала вину за мою травму на рассеянность Нижней. Нижняя — на торопливость Верхней. Атмосфера постепенно накалялась. Пришлось мне в спешном порядке взваливать на себя роль миротворца и хвалить их за отличную работу, упомянув для весу в самых красочных подробностях про крысу-неудачницу.

Почувствовав себя реабилитированными, свинки, перебивая друг друга, обрушили на меня отчет о состоянии дел. Козы сыты и здоровы; колья для ограды готовятся

(из молодых побегов осота, очень острые и длинные — мечта, а не колья); старый козел Прохор, отличающийся феноменальной дальнзоркостью, видел в небе непонятный предмет. Однако далеко, поэтому не разглядел, хищник ли.

Я почесал у Верхней за ушком, Нижнюю потрепал по спине. Сказал: «Что бы мы без вас делали!» — и отправился в баню. Постирать ОЗК да попариться. Гигиена, ребята, прежде всего.

Растянувшись после баньки на чистом белье, потяжевший от доброй кружки ядреного кваса, я вспомнил о найденном в складской подсобке журнале. Унисы, удовлетворенные выгодным с их точки зрения обменом, отдали его за так. Вставать было лень, но любопытство в конце концов пересилило. Я выбрался из-под хрустящих простыней и как был, голый, помчался — через двор, через огород — в предбанник, где было свалено содержимое полевой сумки.

Обрывок ушедшей эпохи сверкнул на меня глянцевым пластиком обложки. Женщина! Видимо, меланомы были ей не страшны в этом ее счастливом мире прошлого, и она обнаженной плескалась в прозрачной воде. Яркое небо было украшено белыми облаками и птицами, яркое море — лодочками с цветными треугольниками парусов. «PLAYBOY» — светилась радужная голограмма над мокрой головой женщины. Надпись была выполнена на одном из многочисленных языков, совершенно мне неизвестных. В свое время я пытался разузнать о языках у Умницы, но та категорично заявила, что эта информация имеет атрибут «потенциально опасная», а посему без специального кода доступ к ней закрыт, вплоть до реформатирования диска. Мне стало жаль моей кремниевой девочки, и я махнул рукой на нерусские языки. И вот теперь я имел огромное количество потрясающе любопытного текста и — ни малейшего понятия о его содержании.

Зато с картинками все было более чем понятно: женская анатомия разительно отличалась от моей собственной. Намного больше, чем это представляли доступные

мне учебники. И различия эти почему-то сильно меня волновали.

Необычайно сильно...

Утром меня растолкали возбужденные Хавроньи:

— Прохор опять засек давешний летучий предмет! Эта штука движется в нашу сторону! Несет ее, похоже, ветер, но кто же может поручиться, что это не уловка какого-нибудь летучего хищника? Козы волнуются...

Я рассеянно кивал, оглядывая спальню.

— Да ты что, Петруха, очнись наконец! — заметив, что я слушаю их озабоченное лопотание вполуха, Нижняя легонько ткнула меня в бок пятаком. — Алло, человек!

— Дорогие мои, а ведь здесь лежал журнал. Мой журнал. И он пропал. — Я испытующе посмотрел свинкам в глаза. Поочередно: вверх, вниз. — Думаю, кто-то взял его. Само собой, из самых лучших побуждений. Но без спроса! Так вот, мне бы хотелось получить его обратно.

— Дорогой мой, — передразнила меня Верхняя, — твой журнал ни-ко-му не нужен. Да кто еще, кроме тебя, придет в восторг от созерцания голых девиц? Здесь ведь нет больше ни одного мужика. Разве что... — она понизила голос до зловещего шепота... — Таракан?! А может, это проделки фикуса?

— Или Прохора! — подхватила Нижняя.

Свиньи радостно захрюкали хором.

— Очень смешно. Ладно, потом разберемся. — Я длинным прыжком, прямо с лежанки, махнул к рукомоиньку. — Несите коноплю, шутницы, буду смотреть на этот ваш НЛО.

Пока я плескался, чистил зубы и натягивал свежий комбинезон, расторопные сестрицы не только принесли пучок конопли, но и успели приготовить ударную порцию свеженькой бурдамаги. Я обреченно вздохнул и, морщась от невыносимой горечи, тоненькой струйкой, сквозь зубы, всосал мерзкое пойло.

Окружающий мир подмигнул мне на прощанье и погас. Сознание отправилось в свободный полет.

Полет, как всегда, начался с какой-то темной камор-

ки. Я пошарил в потемках, наткнулся на Хавроний, Машку, Умницу, коз, герань, фикус. Подумал мельком: «Копнуть, что ли, поглубже? Узнать, кто стянул журнал. Нет, пожалуй. Обижать девочек не годится. Сами небось потом сознаются». Потом я вляпался в Таракана, получив в лицо чувствительную «струю вони» — его пси-блок; скользнул по огороду, наконец, зацепил Анфису. Она дружелюбно открылась, и я прозрел.

Первые впечатления, как всегда, были оглушительными: краски, запахи, звуки... Мозаика небес и земли. Безумство полета. Пение ветра. Сладость собственной силы, неутомимости. Мы заложили пируэт и устремились к темной точке вдаль.

Копытные тревожились не напрасно. Безусловно, это был хищник, грозный хищник. Пожалуй, наиболее опасный из всех существующих в природе. Я и не знал, что он может летать. Человек.

Его несло странное устройство: сверху шар из тонкого пластика, полный горячего воздуха, снизу паутина из десятков тросов. Сам хозяин обосновался в центре паутины, как мохнатый крестовик. Мы подобралась поближе... и я чуть не «вылетел из седла» от изумления. Закутанная в меха, обвитая сетью тросов, балансирующая внутри небольшой корзины с набором малопонятных устройств, под шаром извивалась прекрасная, как мечта, девушка.

Девушка, ей-богу!

Причиной ее конвульсивных движений был крупный слепень, явно облюбовавший летунью под носительницу кладки. Раздувшийся яйцеклад насекомого, диаметром с мой мизинец, то являл наружу, то втягивал внутрь зазубренный гарпун яйца. До «выстрела» оставались считанные секунды. Девушка была обречена. Страшная судьба — носить в себе личинку слепня, полностью парализующую собственную волю жертвы и пожирающую изнутри тело.

Ненавижу слепней!

Анфиса тоже не любила слепней. Но отнюдь не в гастрономическом плане.

Бросок, удар, хруст. По ветру закружились слюдяные крылышки. Я поспешил покинуть стрекозиное сознание.

Все, что требовалось, я уже узнал, а вот быть Анфисой, хотя бы и частично, когда она кушает (по обыкновению, пренеопратно), — слуга покорный! Да и добыча была не в моем вкусе.

Обратный переход занял мгновение. В ушах еще скрипел крошащийся хитин, когда я вынырнул в родном теле. Домашние напряженно изучали мои руки, держа наготове запотевшую крынку. Я пошевелил пальцами, и тут же в рот полилось освежающей прохладой молоко. Стянутые конопляной бурдамагой в жесткий узел, голо-совые связки расслабились, я закашлялся. Ненавижу этот момент: ручонки дрожат, в животе непристойно урчит, а голос... Голос напоминает бление новорожденного козленка, последнего в окоте.

Тем не менее домашние ждали отчета, и я вкратце ознакомил их с результатами разведки.

Свиньи немедленно заметались в поисках патронов к дробовику. Машка лишь безразлично фыркнула. Дескать, чего там волноваться из-за глупой девчонки, не сумеющей даже от мошки самостоятельно избавиться?

Ну а я... Я, конечно же, не был напуган. Был ли я безразличен? Где там! Что угодно, только не безразличие колотило меня сейчас лихорадкой нервной дрожи: мне предстояла встреча с первым живым человеком за столько лет. Да что там, за всю жизнь! И с каким человеком...

Своих родителей я помнил настолько смутно, что подчас всерьез сомневался, существовали ли они вообще. А унисы... Несчастные ночные создания, бесполое и бес-смертные, что следят за холодильными установками рыбозавода, не замечая течения времени, разве они люди? Внешне — может быть, но не более того.

И вдруг — это чудо в мехах...

Я нахлобучил сомбреро и поспешил во двор.

Теперь даже без услуг конопля и Анфисы можно было разглядеть мельчайшие детали летательного устройства. И облик его наездницы. Избавленная от смертельной угрозы, она ловко манипулировала тросами, направляя шар к Усадьбе, лишь иногда опасно косясь на крупную стрекозу, чертящую вокруг нее стремительные спирали.

Я, как мог, постарался успокоить встревоженных коз. Поняв после бесплодных уговоров, что эта задача без Хавроний мне не по плечу, ухватил Прошку за рога и потянул в загон. Испуганно голосащий табунок бросился вслед за вожакom.

Когда я наконец-то справился с бестолковой скотиной, шар уже завис над центром двора и медленно опускался. Девушка махала мне рукой и широко улыбалась, сверкая зубами. Зубы у нее были просто великолепные. И волосы. И глаза. Все у нее было великолепным. То есть для меня — все.

И я стоял, очумевший от этого великолепия, и не знал, как быть.

Девушка тем временем отлично справилась и без моей помощи. Едва коснувшись ногами земли, она погасила направленную соплом вверх, в горловину шара, паяльную лампу и, грациозно высвободившись из путаницы тросов, ловко прикрутила свисающий конец одного из них к вóроту колодца. Шагнула ко мне, протянула узкую ладошку и хрустально пропела:

— Привет!

Все было чудесно. Все были счастливы. Флора очаровала даже Хавроний, бросившихся поначалу на нее с «вертикалкой» наперевес. Петруха едва успел отвести смертоносные стволы, когда свиньи решили, что коварная пришелица тянет к нему руку с целью оцарапать ядовитыми когтями. Однако ядовитые когти оказались обычными, хоть и раскрашенными, ноготками, а протянутая рука — приветственным жестом, принятым в прошлом.

Она, эта Флора, вообще очень много знала о прошлом. Ее учили старые женщины, которых вместе с Флорой жило аж пятеро. Они были так стары, что помнили времена, когда у людей были семьи. И дети, девочки. Мальчики почему-то не рождались. Потом стали умирать мужчины. Там, за рекой, сейчас не осталось ни одного.

А переплыть реку оставшиеся не решались. Долго не решались. Где уж ее переплывать, если даже само название — «Не сей!» — звучит как грозное предупреждение.

И конечно, ни сеять что-то, ни даже приближаться к реке ближе чем на пару километров они даже не думали: таймени и щуки умеют хранить покой речных глубин, а топи, кишасшие гадами, — гиблую непроходимость берегов. До тех пор не думали, пока Флоре не попала в руки потрепанная стопочка бумажных листов.

Воздушный шар, красивая фантазия из детской книжки о Незнайке, он оказался больше, чем просто выдумка. Изготовленный сперва ради забавы, шар вправду мог летать, летать куда угодно — был бы ветер попутным.

Тогда Флора решила штурмовать реку...

Петруха глядел на девушку во все глаза и слушал во все уши. Машка его вполне понимала, ей и самой было до жути интересно. Она готова была даже подобраться поближе, но... Таракан сегодня впервые проявил признаки беспокойства. Стоило шару Флоры приземлиться во дворе, как его усы-антенны нервно задергались, а глазки вылезли на длинных стебельках, причем едва не до границ щели.

И Машка почувствовала в себе нечто особенное. Почувствовала себя чем-то особенным. Взведенной «Тулкой» Хавроний — вот чем сейчас чувствовала она себя.

Еще миг, и раздастся выстрел. Но стволы уже не отведет никто.

Зотт осторожно попятился в глубь бункера. Его миссия закончена — увы, неудачей. Контакт разнополых людей, безусловно, перерастет в нечто большее, в нечто такое, о чем Зотт не имеет права даже думать. Этим займется аналитическая ячейка Выводка, призвав на помощь всю мощь божественного Вычислителя. Задача же Зотта сейчас проста: добраться до кокона, хранящегося именно ради такого случая, запустить программу пробуждения и отправить сформировавшегося шелкопряда в Щель Выводка с коротким сообщением.

Арры умеют ждаты. Расчеты аналитической ячейки всегда верны и приводят к запланированному результату. Но есть еще Соперники. Их стараниями Проводник в Бездну не нашел дороги к наблюдаемому Зоттом Субъек-

ту и сейчас, видимо, перетирает своими неумолимыми жвалами другие организмы...

Здоровая пара людей — это, безусловно, проблема. Разумеется, у арров имеются сотни вариантов ликвидации проблем. Приняв шелкопряда, Выводок запустит один из них в действие. Проводник явится за поживой, и Бездна Компоста напитается новыми телами.

Объемистый рулон журнала, заполняющий все свободное пространство бункера, не давал Зотту пятиться дальше. Принесенный вчера Субъектом журнал явился неучтенным фактором, чрезмерно возбуждающим гормональную сферу наблюдаемого, и Зотту пришлось изъять его, когда кошка отлучилась по каким-то делам. Целлюлоза — хороший корм, ее Зотту хватило бы надолго, не случись сегодняшнего ЧП. Придется просто измельчить ее.

Арр начал наиболее рациональный для данного момента разворот в вертикальной плоскости. Его челюсти сухо щелкали, предвкушая встречу с податливой массой журнальных страниц. Проход будет прогрызен, а последний пункт программы — выполнен.

Машка, запаниковавшая было при первых попытках Таракана скрыться в недоступных глубинах подземных лабиринтов, медленно приникла к полу. Неповоротливое насекомое, по-видимому, уперлось во что-то задом и теперь пыталось преодолеть преграду, повернувшись к ней головой. Вот только места для маневра ему явно не хватало.

Машка напряглась. Задние ноги в нетерпении мелко переступали, хвост подрагивал, и все мышцы худощавого кошачьего тела звенели, звенели, звенели в предвкушении долгожданного момента броска.

И момент наступил!

— О-хо-хо, грехи наши тяжкие! — ернически взывала Машка, поднимаясь в победном танце на задние лапы и вознося над собой трепещущее тело добычи. Еще живое, сучащее конечностями и дергающее усами, но уже обреченное.

— Некролог читайте в утренних газетах. — Петруха повернулся к смеющейся Флоре и бережно тронул де-

вушку за нежное запястье. — Ты принесла Машке удачу. Сегодня она завершила поистине Большую Охоту!

Фикус вдруг запоздало, но как-то необычайно бурно, заплодировал. Хавроньи подхватили, подхватила Анфиса, трепещущая крыльями с огромной частотой. Подхватил Петруха, Флора, и даже томно вздыхающая герань забарабанила ловчими усиками по оконному стеклу.

Чэ-Рэб ликовал. Выводок снова крупно обгадился. Уже третий раз за последний месяц. Была в этом кое-какая заслуга и его, *Чэ-Рэба*, лично. Пусть он лишь один из множества игроков, ведущих поединок, где на кону судьба остатков человечества, а правила — собственные у каждой из сторон. Пусть его удел лишь наблюдать. Но все же он, в отличие от единичного арра, даже такого влиятельного, как пригущенный сегодня Зотт, имеет право метать Кости.

И сегодняшняя Угача — его Угача: Кости легли шестерками вверх.

Жесткая шахматная логика Выводка уперлась в непредсказуемость людей, и — забуксовала. Шах! Будь Зотт вправе двигать фигуры, все могло бы выйти по-иному. Однако арр вне Выводка — никто. А Зотт уже — ничто.

Великие Джунгли! И эти туповато-прямолинейные букашки еще собираются владеть миром? Тем, где бал правит Случай? Где первые гамы — Спонтанность и Неопределенность, а свинцовая Геометрия точных расчетов лишь их грузная служанка? Несчастные, они обрекли себя на поражение изначально, увязнув по самые крылья в своей тактике многоходовых запланированных комбинаций и не умея отступить от нее ни на шаг.

Что же, Проводник в Бездну им в помощь!

И фикус по имени *Чэ-Рэб* разразился новым шквалом оваций...

ВАСИЛИЙ МИДЯНИН

ГЛОБАЛЬНОЕ ТЕЛЕВИДЕНИЕ

Александрю Бачило — человеку,
который дружит с телевидением.

Гловатый, хрипло ревуший «Лендровер», по самую крышу вымазанный красновато-коричневой глиной, безнадежно буксовал в глубокой яме, наполненной мутной дождевой водой. Через забрызганное грязью ветровое стекло можно было разглядеть смуглое ковбойское лицо водителя с остро очерченными скулами. Судя по гримасам, которыми ковбой обозначал чрезвычайное напряжение всех душевных и физических сил, вытащить машину из топи было не так-то просто. Вокруг ямы бушевала тропическая растительность, чуть левее сквозь густую зелень листвы виднелась оранжевая проселочная дорога, размытая бесконечными ливнями. Машина взревела, задние колеса бешено завертелились в жидкой трясине, расшвыривая во все стороны ошметки слякоти, и на этот раз, заваливаясь набок и отчаянно пробуксовывая, «Лендровер» понемногу выполз из западни. Водитель заглушил мотор, вылез из машины, устало приклонился к дверце в грязных разводах и достал из нагрудного кармана пачку сигарет. По экрану скользнуло изображение безучастного верблюда. Ковбой сунул сигарету в рот и щелкнул зажигалкой. Отъехав назад и увеличив угол обзора, камера показала вставшую над джунглями, прямо над замершей машиной, семицветную радугу.

«Кэмел» — для настоящих мужчин», — веско произнес за кадром диктор.

— Пшел к монахам! — прорычал коренастый мужик, в армейских трусах и отвисшей фиолетовой майке, сидевший перед телевизором и одним глазом разглядывав-

ший его через полупустую бутылку пива, которую сжимал в руке. — Футбол верните, ур-р-роды, вашу мать!..

Из кухни выглянула немолодая и некрасивая женщина в помятом ситцевом халате.

— Чего горланишь, отец? Звал, нет?

— Да нет! — с досадой отмахнулся мужик, потом вдруг спохватился: — Слышь, мать, ты жрать-то тащи уже наконец! Уснула, сука?!

— Твою двадцать! Сколько раз повторять — варится! Мне самой в кастрюлю залезть, что ли?

Мужик радостно оскалился.

— Эй, мать, еще раз огрызнешься мне, и я тебе все хлебало раскрошу на хрен!

— Рискни здоровьем!

Она раздраженно шваркнула грязную ложку в мойку и стала с отвращением нарезать хлеб. А ведь у нее, между прочим, красный диплом и кандидатская по культурологии! Пропади оно все пропадом...

По телевизору продолжили прерванную рекламой трансляцию, и мужчина торжествующе заготовил на всю квартиру. Впрочем, радость его оказалась весьма непродолжительной. Вскоре что-то щелкнуло, и захлебывающийся голос диктора сменился громким омерзительным шипением — «белым шумом», который обычно издает телевизор, отключенный от антенны. Мужик горестно застонал.

— Отец, сделай потише! — яростно крикнула женщина. — У меня от этого шороха мурашки по коже!

Она открыла кастрюлю, из которой немедленно повалил густой жирный пар, и, вооружившись половником, наполнила две глубокие тарелки.

— Надеюсь, подавишься, — заявила она, внося порцию мужа в комнату. — Чего ты ждешь, ирод? Выключай его к монахам, хана кабелю.

Муж не отвечал. Напряженно подавшись вперед, он сосредоточенно вглядывался в снежное мельтешение на экране, едва заметно шевеля губами. Женщина недоуменно перевела взгляд на телевизор. Что этот кретин там уг-

лядел? Беспорядочное перемещение белых точек, напоминающее кипящую манную кашу, оргия полупрозрачных белых червяков, абсолютная деструктуризация, хаос в его первобытном проявлении, который, кажется, вот-вот сложится в какую-то определенную картину, но всякий раз не хватает крошечной детали — и картина рассыпается в прах, снова тонет в кипящей манной каше, в жутком месиве беснующихся червей, сопровождаемом все время меняющим тональность невыносимым шипением, в котором угадывается далекий, едва слышный нечеловеческий шепот: «...сутхатшепсутхатшепсутхатшепсут...»

Горячая тарелка выскользнула из рук женщины. Дымящийся бульон быстро пропитал вытертый палас.

Дальше мужчина и женщина смотрели телевизор вместе.

Столовая телецентра была битком набита народом: стремительно приближалось обеденное время. Впрочем, самый час пик и выматывающая душу очередь до дверей столовой были еще впереди.

Ассистент режиссера и звукооператор взяли из стопки по чистому пластмассовому подносу и пристроились в хвост очереди, упиравшейся в раздачу.

— ...Один хрен, говорю! — кипятился звукооператор. — Пусть вам за такие деньги папа Карло по двенадцать часов в день пашет, он деревянный!

— А они что? — вяло поинтересовался ассистент режиссера. Откровенно говоря, его абсолютно не интересовало, что поведало приятелю Абстрактное Зло в лице руководства и каким очередным смелым каламбуром тот сразил его на этот раз. У него самого была целая куча организационных проблем в связи с новой телеигрой, и кроме того, ему очень хотелось домой, к недочитанному Козлю.

— Говорят, халтуру неимоверно! В одном из каналов постоянно проходит посторонний шум. Представляешь? Я говорю: откуда ему взяться-то, поднимите запись — она идеальная! Все претензии к эфирной студии, у них сигнал грязный. Нет, говорят. Если до упора вывернуть громкость,

на пределе слышимости в левом ухе можно различить невнятное бормотание...

— Круто, — рассеянно оценил ассистент, глядя в меню.

— Вот именно! Самое интересное, что бормотание в эфире действительно имеет место быть. Но на записи его нет, она идеальная! Я что, похож на идиота? По-твоему, я не сумел бы его убить в два счета? Помехи идут при передаче сигнала, ежику понятно. Нет, говорят, дорогой товарищ, вы плохо справляетесь со своими обязанностями...

— Может быть, кто-то на частоту залез? — предположил ассистент, поняв по возникшей паузе, что пора вставить реплику. — Пересекаемся при трансляции с какой-нибудь УКВ-радиостанцией...

— Да нет, — покачал головой звукооператор. — Это не осмысленное бормотание, а именно технический шум. Мусор. Все время повторяющаяся комбинация из трех звуков разной высоты с определенной модуляцией. Знаешь, такой монотонный шепот, что-то вроде...

Ассистент исподлобья глянул на него и четко, раздельно проговорил:

— Хат-шеп-сут.

Они в полном молчании набрали себе на подносы тарелок с едой. Звукооператор налегал на мясное, ассистент режиссера хотя и облизывался, но упор сделал на вегетарианском: мясо ему не позволяли теософские и гражданские убеждения. Лишь оккупировав столик у окна и приступив к еде, они понемногу разговорились снова. Обсудили вчерашний безрадостный футбол, длину ног новой секретарши шефа, очередной провал правительства во внешней политике. Затем на жизнь стал жаловаться ассистент.

— Понимаешь, какая фигня, — без энтузиазма рассказывал он, неохотно погружая ложку в холодную рисовую кашу. — Третий день подряд эфирщики фиксируют на нашей частоте пиратские передачи. Проходят несколько раз в день. Откуда — пес его знает. Техники отслеживают все этапы прохождения сигнала — неоткуда ему взяться, и все тут. Самозарождается он, что ли, как мухи

из навоза? И представляешь, какой мощности должен быть передатчик, чтобы перекрывать наши сигналы прямо под телебашней? Башня-то — вот она! — Он воздел руку к потолку. — Передают, правда, понемногу — доли секунды, на большее, видимо, не хватает мощности. Какие-то странные абстрактные рисунки, узоры, волнистые линии. Ромбы перекошенные. Служба безопасности уже заинтересовалась — они считают, что это может быть как-то связано с недобросовестной рекламой, влияющей на подсознание. Ну, типа этого долбаного двадцать пятого кадра. Хотя убей бог, не могу себе представить, какой товар можно рекламировать при помощи таких узоров. Или, может быть, это просто эксперименты, пробы — насколько успешно проходит сигнал. А перед выборами начнется тотальная промывка мозгов...

— Хат-шеп-сут, — негромко, но отчетливо произнес звукооператор, глядя в свою тарелку.

Ассистент режиссера поперхнулся кашей и замолчал.

Некоторое время они сосредоточенно жевали, изредка односложно отвечая на приветствия проходящих мимо коллег.

— Погодка на улице, — наконец нарушил траурное молчание звукооператор, поймав взглядом пробившийся через огромное пыльное окно солнечный луч. — Благодарить. — Он замолчал, явно не зная, о чем говорить дальше.

— Да, — вяло поддержал ассистент. Судя по всему, он тоже был слегка обескуражен развитием разговора. — Сейчас бы на свежий воздух. С кайлом на уголек. Или вагоны разгружать. А то сидишь весь день в бетонной коробке, как проклятый...

— А ты ощущай глубокое удовлетворение от результатов проделанной работы, — усмехнулся звукооператор, приступая к макаронам. — Рейтинги повышаются. Видел? Начинаем по отдельным позициям бить первый канал.

— И чего? — безжизненно поинтересовался ассистент режиссера. — Думаешь, зарплату накинута? Нам бы спонсора крутого. Какого-нибудь арабского шейха. Или отечественный нефтегазовый концерн...

— Я только не совсем понимаю — с чего вдруг? Видал, какой скачок за несколько месяцев? Сто процентов! А передачи все более и более дебильные.

— Народ катастрофически тупеет, — охотно подсказал ассистент. Эта тема явно была ему близка.

— Да нет, при чем здесь народ! — отмахнулся звукооператор. — Народ просто подсаживается на телевизор, как на иглу. Лопает, что дают. А вот почему он лопает этого дерьма все больше и больше? Как ты думаешь, Мидянин, может такое быть, что какие-то особые эфирные технологии...

— Хат-шеп-сут!

Больше они не разговаривали.

После обеда они вышли в рекреацию перед столовой. Звукооператор остался выкурить ритуальную послеобеденную сигарету, а некурящий ассистент режиссера прямоком отправился в проекционную за свежими видеоматериалами.

Едва только звукооператор щелкнул зажигалкой, как его ухватил за локоть пробежавший мимо монтажер:

— Толстый, покурим!

— Еще чего, — недовольно отозвался звукооператор. — Свои надо иметь. Может, еще снегу зимой попросишь?

— Веришь — уже неделю забываю купить! — покаялся монтажер. — Башка совершенно не тем забита. Теща, дача, ремонт, сын разгильдяй, Борода на меня орет каждый день... Пробегаю мимо киоска на автопилоте, как лунатик.

— Ну вот сейчас сходи в вестибюль и купи себе пачечку, — рассудительно проговорил звукооператор. — Заодно и меня угостишь.

— Дык это же на первый этаж спустаться надо! — талантливо изобразил панику монтажер. — А обеденный перерыв не резиновый. Ко мне уже хвост из коридора, еле пожарть отпросился!

— Я тебя однажды на счетчик поставлю, не расплатишься. — Звукооператор все-таки сжалился и протянул коллеге сигарету.

Монтажер прикурил от звукооператорской зажигалки и, с наслаждением выпустив струю дыма, пожаловался:

— Всего неделю работаю для музыкальной редакции, а в голове уже столько дурацких мотивов навязло — как мяса в зубах. И ведь не избавиться от них, не выковырнуть! Чем проще мотив, тем прочнее прилипает, падла. Читаешь «За рулем», а мысленно скачешь по строчкам какой-нибудь бабской песенки, как в дурацком караоке. Дочитал статью до конца — забыл, чем начиналось.

— Зараза, — степенно согласился звукооператор. Излив свои проблемы ассистенту режиссера и плотно покушав, теперь он был готов снизойти до того, чтобы пару минут исполнять роль пресловутой жилетки.

— Сегодня с самого утра в голове что-то совсем примитивное крутится, — продолжал монтажер. — Какая-то идиотская музыкальная фраза, практически голый ритм, словно чьи-то позывные. И главное, никак не могу сообщить, что это такое и где я его слышал. Может быть, ты знаешь? Вот на такой мотив: хат-шеп-сут... — Попытавшись изобразить музыкальную фразу, монтажер внезапно осекся и оторопело посмотрел на звукооператора, словно нечаянно ляпнул какую-то глупость и тут же осознал это.

Звукооператор медленно поднял на него потухший, ничего не выражающий взгляд и устало произнес:

— Хат-шеп-сут.

Бросив в урну недокуренную сигарету, он пошел к лифтам. Монтажер растерянно посмотрел ему вслед, затем с нажимом провел ладонью по лицу, уронив свою сигарету на пол.

— Ч-ч-черт... — выдавил он.

Мотая головой, словно пытаясь избавиться от наваждения, монтажер двинулся в обеденный зал. Пристроившись с подносом у раздачи, он принялся внимательно изучать висевшую на стене компьютерную распечатку, которая была озаглавлена следующим образом: «Меню хатшепсут на 11 хатшепсут июня хатшепсут».

Юбилейная игра шла в прямом эфире. Игроки по буквам угадывали заданное ведущим слово, ведущий при помощи язвительных замечаний пытался вывести их из ду-

шевного равновесия, чтобы придать игре необходимую остроту, регулярно объявлял рекламные паузы и время от времени призывал невидимых телезрителей сверить с ним часы, чтобы продемонстрировать, что все без обмана. Группа поддержки на невысоких трибунах вокруг сцены смеялась и аплодировала, повинаясь знакам ассистента режиссера, который бежал перед ними пригнувшись, чтобы не попасть в кадр. Рейтинги игры, как обычно, зашкаливали.

Две камеры, дававшие общий и средний планы игрового зала, были установлены на рельсовых тележках, которые толкали по студии ассистенты операторов. Крупные планы ведущего и игроков обеспечивали еще три камеры. Приникшие к видеоискателям операторы держали картинку в соответствии с указаниями режиссера программы, которые они получали через наушники. В углу, скрытые от взора камер зрительскими трибунами, мерцали технические мониторы, на которые выводился сигнал, поступающий в эфирную студию и на запись для повторного показа. Игроки и ведущий плавались под ослепительным светом софитов, поэтому время от времени гримеры, дождавшись сигнала режиссера, выныривали снизу и промокали им лица салфетками. Предварительно режиссер переключал картинку на зрителей или на крупный план того из игроков, который в настоящий момент был в порядке.

Во время рекламной паузы один из операторов крупного плана негромко проговорил в гарнитуру:

— Борода, что с моей картинкой? Правый верхний угол.

— Полный порядок, — раздался в наушниках голос режиссера. — А что случилось?

— Да нет, ерунда, — сказал оператор. — Черная точка появилась.

— Наверное, с визиром что-нибудь. На мониторе ничего нет.

— Ладно. Но ты все же присматривай за моей картинкой.

На техническом мониторе допрыгали любители фан-ты, и программа продолжилась.

— Вращайте барабан!.. — возгласил ведущий.

Оператор сделал наезд на ведущего. Черная точка в углу экрана раздражала, не позволяла сосредоточиться на картинке. Хотелось залезть в видеоискатель пальцем и отскрести ненавистное пятнышко.

Второй оператор, дававший крупный план игроков, невозмутимо жевал жвачку. Черной точки в углу своей камеры он не заметил сразу, поэтому не сумел уловить момента, когда она начала пульсировать — мягко, ритмично, успокаивающе. Однако спустя несколько мгновений он машинально стал жевать в такт навязанному извне ритму. Еще через несколько секунд его нижняя челюсть отвисла, взгляд утратил осмысленность, плечи опустились. Жвачка вывалилась у него изо рта и упала на пол.

Когда оператор окончательно утратил контроль над камерой, она начала медленно смещаться влево. Оператор шел за ней, безвольно переступая ватными ногами. Его взгляд был прикован к мерцающей в правом верхнем углу видеоискателя черной точке.

— Борода! Борода! — вполголоса забормотал в гарнитуру оператор общего плана, почувствовав неладное: его начало мутить, пальцы свело судорогой, руки отказывались повиноваться.

— Хат-шеп-сут, — успокаивающе шепнули наушники. — Хат-шеп-сут.

— Хат-шеп-сут, — согласился успокоившийся оператор.

Его камера стала панорамировать вправо. Оператор, не отрываясь, сосредоточенно наблюдал за мерцающей в правом верхнем углу черной точкой, поэтому не отреагировал, когда в кадр попала четвертая камера, за которой находился еще один оператор с остановившимся взглядом.

Камеры медленно разворачивались и передвигались, занимая четко определенные, специально рассчитанные места в узловых точках пространства студии, готовясь превратить ее в топологически активный объект.

Ведущий внезапно запнулся: на прикрепленном к первой камере мониторе-суфлере, по которому двигался его текст, стремительно побежала одна бесконечная строка — «хатшепсутхатшепсутхатшепсутхатшепсут». Сбившись на середине фразы, ведущий начал неуверенно импровизировать, с ужасом ощущая, что получается из рук вон плохо.

— Третья камера, куда тебя несет, придурок? — бушевал за пультом режиссер.

В погруженной в полумрак аппаратной царил обычный деловой кавардак. Над дверью горели красные надписи: «Тихо!», «Идет передача», «Микрофон включен». Режиссер программы с первым ассистентом священнодействовали над пультом, выбирая, какую из пяти картинок, выводившихся на технические мониторы, давать в эфир.

— Чего там Рыжий плетет про троллейбусы? — выпучил глаза режиссер.

Ассистент пробежал узкими пальцами по пульту:

— Все нормально. Текст подаем по сценарию. Это он зачем-то порет отсебятину.

— М-мать, — сквозь зубы процедил режиссер, щелкая переключателями. — Рыжий! Рыжий!

— Он не слышит, босс, — флегматично заметил ассистент. — Или делает вид, что не слышит.

— Рыжий, мать твою... Эй, куда пошла вторая камера?!

Вторая камера продолжала перемещаться в сторону работавших в углу студии технических мониторов. Третья камера двигалась следом за ней, четвертая подтягивалась к первой, скользя по изумленным лицам гримеров и ассистентов. Пятая медленно панорамировала по студии.

— По моему сигналу вырубам трансляцию! — прорычал режиссер. Пока он давал в эфир крупный план ведущего, который пытался что-то весело мямлить перед первой камерой, остававшейся на своем месте. — У эфирной студии готов рекламный блок?

— Ага, — сосредоточенно сказал второй ассистент.

Оттеснив превратившихся в соляные столпы техни-

ков, вторая камера заглянула в технический монитор, поползла на него, транслируя в аппаратную изображение второго порядка, отснятое с экрана.

— Что они делают, сатрапы! — застонал режиссер. — Вторая камера! Третья камера!

— Хат-шеп-сут, — раздался в наушниках шелестящий шепот оператора третьей камеры.

— Мидянин, сделай что-нибудь с этими кретинами! — Режиссер пихнул второго ассистента в спину. — Живо!

Ассистент прыгнул с вращающегося стула и бросился к студии.

Изображение ведущего на контрольном мониторе пульта дернулось и поменялось на другое, транслируемое второй камерой. Теперь в эфир передавался уходящий в бесконечность коридор наложенных друг на друга изображений монитора, возникающий по принципу двух параллельно поставленных зеркал.

Режиссер побагровел от бешенства.

— Да что же это такое! — вполголоса взревел он, безуспешно пытаясь вернуть в эфир картинку с первой камеры.

Поймавший его разъяренный взгляд звукооператор пожал плечами и поспешно склонился над пультом.

— Босс! — на вернувшемся к пульту Мидянине лица не было. — Там... это...

— Реклама! Вырубаем трансляцию! — рявкнул режиссер, обрушивая пальцы на клавиатуру. — Пошел рекламный блок!

— В студии никого нет!.. — Голос второго ассистента сорвался на хрипкое кукареканье.

Режиссер развернулся на вращающемся стуле и исподлобья уставился на ассистента.

— Почему? — ледяным тоном осведомился он. — Нет, ну вот почему моя команда превращается в банду идиотов именно на прямом эфире?!

— Там никого нет, — безнадежно повторил ассистент. — Сам офигел, когда увидел. Вся аппаратура работает, но в студии никого нет!

Машинально режиссер бросил взгляд на рабочие мониторы, на которых виднелись мечущиеся в панике гримеры, притихшая массовка и обескураженно умолкший ведущий.

— Да, точно, — устало согласился он. — Совсем никого. Я думаю, пара недель отпуска за свой счет...

— Я не понимаю, откуда идет сигнал, — внезапно проронил звукооператор. — Но точно не из студии.

— В студии нет никого, — обреченно проговорил второй ассистент. — Пусто!

— Мать вашу, кто вернул трансляцию в эфир? — внезапно выкрикнул режиссер.

— Идет рекламный блок! — испуганно пискнул первый ассистент.

— Ты что, ослеп, козел?! — взревел режиссер, разворачиваясь к пульту. — В эфир идет трансляция!

Внезапно зеркальный коридор на контрольном мониторе исчез, сменившись изображением вновь повеселевшего ведущего.

— И снова мы с вами в студии на нашей юбилейной игре! — возопил он. — Приносим извинения за небольшие технические неполадки! А теперь — самое интересное: игра со зрителями!.. — Сложенными особым образом пальцами левой руки он вычертил в воздухе перед камерой несколько замысловатых фигур и отдельно, со значением провозгласил: — Хат, шеп, сут!

— Хат-шеп-сут, — пробормотал режиссер, подавшись к монитору.

— Хат-шеп-сут, — эхом откликнулись оба ассистента.

— Ась? — произнес звукооператор, снимая наушники.

— Хат-шеп-сут, — ласково сказал ему ведущий.

— Хат-шеп-сут, — согласился звукооператор.

Люди, находившиеся в аппаратной, неподвижно и молча смотрели на телевизионные экраны, с которых на них сочувственно-насмешливо смотрел ведущий. За их спинами через прозрачную звуконепроницаемую перегородку можно было отчетливо разглядеть безлюдные интерьеры залитой светом студии.

В двадцатые годы прошлого века инженер Борис Грабовский разработал принцип передачи изображения на расстояние.

В 1928 году в одной из лабораторий Ташкентского университета, используя такие экзотические электромеханические приспособления, как зеркальный винт и диск Нипкова, ученые осуществили передачу на расстояние телевизионного сигнала. Поскольку возможности механики весьма ограничены, первоначально экран телевизора был чуть больше почтовой марки. В приемнике имелось специальное окошко, чтобы нажимать пальцем на вращающийся диск Нипкова, добиваясь синхронизации и устойчивого изображения. Первая телевизионная картинка имела четкость в 30 строк и состояла всего из 1200 элементов. Изображение при этом было столь неважным, что не всегда удавалось различить, кто появился на экране — мужчина или женщина: точечная структура картинки была гораздо грубее, чем текстура плохой газетной фотографии.

Новую эру в телевидении открыли электронно-лучевые трубки, в частности кинескоп. Электронное телевидение стартовало в 1936 году в США. Для первой советской системы электронного телевидения, осуществленной в предвоенные годы, был принят стандарт с четкостью картинки в 343 строки (160 000 элементов). Экран телевизора вырос до размеров почтовой открытки, хотя смотреть телепередачу без специальной увеличивающей линзы все равно было затруднительно. А через десять лет возник еще более высокий стандарт — 625 строк (520 000 элементов).

Что произошло потом?

Если объяснять максимально просто, квантование по уровню разбивало возможный диапазон изменения амплитуды телевизионного сигнала на конечное число уровней. При этом если в момент отсчета значение амплитуды попадало в промежуток между уровнями, то оно округлялось до ближайшего из них. Вот в этих-то технических деталях, как говорили в Средневековье, и был скрыт дьявол. Поскольку в неучтенных промежутках между уровнями амплитуды телевизионного сигнала, в случайных пус-

тотах между огромным количеством переменных токов рождалось и осознавало себя Глобальное Телевидение.

Один из мыслителей прошлого века, критикуя количественную теорию происхождения разума, заявил, что даже если целое поле капусты сложить вместе, получится не коллективный разум, а огромная куча капусты. Однако Глобальное Телевидение все же рождалось в довольно обширном информационном поле, значительно превосходящем капустное, — телевизионный сигнал является самым широкополосным из радиосигналов, передаваемых по линиям связи, и, соответственно, несет самый большой объем технической, невидимой для зрителя информации. Именно это свойство позволило в свое время создать дополнительную функцию телетекста, который вставлялся в пустые, невидимые промежутки между строками экранной развертки, а после соответствующей команды пользователя с пульта дистанционного управления выводился на экран телевизора в связном виде. Таким образом, Глобальное Телевидение формировалось в перенасыщенной информационной среде, в системе, работа которой имела некоторые аналогии с работой человеческого мозга и которая уже в этой связи имела хорошие стартовые позиции для развития собственного интеллекта.

Еще кто-то говорил, что если заставить миллион мартышек бесконечно колотить по клавишам пишущих машинок, то рано или поздно по теории вероятностей набитые ими хаотичные строки сложатся в полное собрание сочинений Шекспира. Однако на то, чтобы однажды это случилось, понадобится такой немыслимый отрезок времени, по сравнению с которым время существования Вселенной — ничто, доля секунды. Впрочем, та же теория вероятностей утверждает, что полное собрание сочинений Шекспира с обширным глоссарием и постраничными историко-литературными примечаниями может выйти у мартышек с первого раза. Возможность этого невероятно, исчезающе мала, но она есть. Действительно, если некое вероятностное событие может произойти абсолютно в любой момент бесконечности, почему бы игральным

костям мироздания один раз не выпасть так, чтобы оно произошло вскоре после того, как будет запущен секундомер, отсчитывающий время эксперимента?..

К концу второго тысячелетия от рождения Христова мировая телевизионная сеть, объединенная с радиосетью и Интернетом, превратилась в огромный сложный организм, в котором каждый новый элемент в виде очередного запущенного TV-спутника, передвижной теле-студии или аппаратно-студийного комплекса становился дополнительным кластером памяти. И люди, в сознание которых самоидентифицировавшееся Глобальное Телевидение при помощи нехитрых визуально-мнемонических приемов внедрило настоящую потребность в регулярных телепередачах, сами способствовали дальнейшему развитию и совершенствованию нового разума. Разветвленная сеть радиорелейных систем и тончайших оптических проводников-светодиодов обеспечивала потребителям уверенный прием нескольких сотен телевизионных каналов — и вместе с тем повышала быстродействие и сложность нейронной системы Глобального Телевидения. Каждый из выведенных на орбиту спутников-ретрансляторов увеличивал охват территорий, на которых можно было принимать сигнал, — и в то же время служил Глобальному Телевидению новым орудием экспансии. Люди понемногу становились подданными новой всемирной империи — незаметно для себя, незаметно для окружающих, незаметно для государственных структур и спецслужб.

Первые следы деятельности Глобального Телевидения были зафиксированы еще в шестидесятые годы прошлого века. Во время трансляции высадки людей на Луну особо внимательные зрители могли наблюдать черные точки и концентрические круги, на долю секунды возникавшие на экране. Пока эти знаки еще не означали ничего: это была проба силы, попытки глобального телевизионного разума уяснить, насколько он способен контролировать проходящие через него информационные потоки и вносить в них собственные коррективы. Впрочем, мыслительные процессы, протекавшие в его оптоволоконных

нейронных связях, лишь с огромной долей условности можно было уподобить человеческому мышлению, поэтому трудно сказать точно, какие именно цели преследовало Глобальное Телевидение, на раннем этапе своего существования вторгаясь в телевизионный сигнал.

В дальнейшем коллективный разум Глобального Телевидения еще не раз давал о себе знать. Именно с его деятельностью связаны распространенные в семидесятые-восьмидесятые годы невнятные слухи о том, что после окончания всех передач на советском телевидении некоторым счастливицам, случайно включившим телевизоры глубокой ночью, удавалось увидеть обрывки бессвязных авангардных фильмов ужасов и вращающиеся зеркальные коридоры. Подобные наблюдения были зафиксированы также во многих странах системы Интервидения, однако тайно проведенные КГБ и местными спецслужбами расследования не давали никаких результатов.

В Северной Америке была своя ночная ГТ-программа — загадочный канал «Видеодром», который крайне нерегулярно и лишь на несколько минут появлялся ночью на частотах ведущих государственных телекомпаний после вечернего прекращения вещания и окончательно исчез из эфира только тогда, когда официальные каналы стали работать круглосуточно. «Видеодром» предлагал случайным зрителям ужасные по качеству телевизионной картинке и содержанию порносцены с пытками, убийствами и последующим расчленением трупа. Некоторые сеансы данной пиратской студии удалось зафиксировать на видеопленку, которая в дальнейшем была изъята у владельцев агентами ФБР. При просмотре у многих зрителей «Видеодрома» развивались необратимые изменения в мозговых тканях, которые приводили к тому, что у пострадавших начинались сильнейшие непрекращающиеся галлюцинации.

Приобрел широкую известность и трагический случай в Японии, когда группа тинейджеров, включивших телевизор на неработающем канале, в течение нескольких минут наблюдали отрывки какого-то бессмысленного

авангардного фильма, в котором обыгрывался зловещий образ некой Белой женщины, вылезающей из колодца. После этого зазвонил телефон, и скрипучий женский голос сообщил зрителям, что жить им осталось около недели. Возможно, это просто роковое совпадение, но ни один из получивших послание действительно не пережил недели: все они умерли от стремительно развившейся опухоли мозга.

В начале девяностых в Японии снова были зафиксированы случаи телевизионного помешательства. Десятки детей, смотревших очередную серию мультфильма «Покемон», внезапно забили в эпилептическом припадке. Официальная версия гласила, что приступы были спровоцированы сверкающими глазами одного из главных героев, которые вспыхивали с определенной частотой, опасной для детского мозга. Кстати, аналогичные случаи происходили на сеансах советского фильма «Кин-Дза-Дза!», когда один из героев надевал на голову металлическую конструкцию с двумя быстро вращающимися фонариками, и на полторы минуты зрительный зал наполняло назойливое, утомительное, рябящее в глазах световое мельтешение.

Были отмечены случаи, когда после просмотра очередной телепередачи из цикла «Телепузики» дети впадали в ступор либо, наоборот, становились гиперактивными и наносили серьезные травмы себе и окружающим.

Во всем мире было зафиксировано немало случаев, когда люди погружались в глубокий гипнотический транс после нескольких минут созерцания на экране телевизора «белого шума». Аналогичное воздействие оказывал на человеческий организм компьютерный вирус «666», который незаметно для пользователя изменял настройки монитора и заставлял экран компьютера мерцать с заданной частотой и яркостью.

На рубеже XX и XXI веков участились загадочные происшествия, когда психически здоровые зрители время от времени наблюдали в программах новостей чрезвычайно странные репортажи и интервью, которые в дальнейшем

нигде не повторялись — например, на орбите произошло вооруженное столкновение между российскими космонавтами и американскими астронавтами, имеются убитые и раненые. Причем эти новости сопровождались подробным видеорядом, демонстрировавшим, к примеру, плавающий в невесомости обезглавленный труп с нашивкой NASA на рукаве комбинезона. Проводимые разбирательства показывали, что основная масса зрителей в то же самое время на тех же самых каналах видела совершенно обычные хроникальные сюжеты, поэтому подобные случаи списывали на вспышки массовой истерии.

Все это были лишь маневры и рабочие испытания перед нанесением основного удара.

Глобальное Телевидение нуждалось в глобальной аудитории.

Сейчас.

Немедленно.

Чертыхаясь, охранник выбрался из кабинки туалета и брезгливо намочил ладони под краном. Жестокая диарея мучила его уже почти сутки — с тех самых пор, как он заступил на дежурство. По дороге домой надо будет не забыть заскочить в аптеку и купить что-нибудь укрепляющее. Как это в рекламе... «Прими мотилиум»? «Прими имодиум»? «Прими калпол»? С разбегу и не вспомнишь...

— Прими цикуту, — посоветовал он своему отражению в зеркале.

Высушив руки под струей теплого воздуха, охранник выбрался из туалета и по длинному коридору двинулся к лифтам. В прайм-тайм движение здесь обычно было весьма интенсивным, но сейчас почему-то не было видно ни одного человека. Повсюду царила гробовая тишина, непохожая на привычный шумовой фон рабочих буден телецентра, лишь верещал где-то вдалеке одинокий сотовый телефон. Недоумевая, охранник приоткрыл дверь одной из аппаратных и заглянул внутрь.

Аппаратная была битком набита народом. Люди сидели за пультами и на свободных стульях, люди стояли в

проходах. Здесь были техники, телеоператоры и звукооператоры, монтажеры и гримеры, журналисты и ведущие. Все взгляды были прикованы к телевизионным экранам, на которых шевелился бесконечный зеркальный тоннель.

— Ребята, что случилось? — хриплым от волнения голосом поинтересовался охранник.

Никто не ответил. Никто не повернул головы. Никто не обратил на него внимания.

Охранник вывалился в коридор, торопливо отцепляя с пояса уоки-токи:

— Дежурный! Дежурный! Нештатная ситуация на этаже!

В эфире царила тишина, нарушаемая лишь треском атмосферных разрядов.

Охранник попробовал на другой частоте:

— Эй, на дверях! Есть там кто-нибудь живой?

— Хат-шеп-сут, — невнятно пробормотал передатчик, — хат-шеп-сут.

Не на шутку перепутанный охранник бросился к лифтам, на ходу вытаскивая из кобуры табельное оружие. Поравнявшись с дверями пятой студии, где в это время должна была проходить прямая трансляция юбилейной телеигры, он внезапно услышал внутри щелканье переключаемых софитов. Охранник осторожно просунул голову в приоткрытую дверь и оцепенел.

В студии не было ни одного человека, однако студия работала. Сам собой переключался свет. Мерцали экраны. Две камеры лениво перемещались вокруг центрального подиума, остальные снимали изображение с работающих мониторов, выстраивая зеркальные коридоры.

— Твою мать... — прошептал охранник. — Твою мать!..

Камеры резко развернулись в его сторону — словно огромные одноглазые монстры, которым он своим появлением нарушил какой-то сатанинский церемониал. Одна из них внезапно устремилась к нему, волоча за собой по полу перепутанные кабели. Охранник инстинктивно вскинул пистолет и трижды выжал курок.

Одна из пуль попала прямо в объектив камеры, но не разбила его, а свободно вошла в искривленное телевизи-

онным сигналом пространство. Как и все, что попадает в объектив телекамеры, она была обычным порядком разложена на радиоволны и потоки света. По телевизионным кабелям пуля скользнула в эфирную студию, затем в передатчик телебашни и в виде сигнала отправилась в эфир, минуя по пути мощные ретрансляторы. За полторы секунды пуля, уже немного искаженная помехами, была передана на геостационарный спутник, отразилась от поверхности Луны, сделала круг по студиям Евровидения, была переведена в стандарт цветопередачи PAL, затем в NTSC, затем обратно в SECAM и вернулась в телецентр уже в черно-белом изображении из-за сбоя в системе. Впрочем, на прочих ее свойствах это никак не отразилось. На выходе из телесети пуля-сигнал вновь была преобразована в физический объект, однако вратами во внешний мир ей теперь служил каждый из многочисленных экранов пятой студии, принимавших телевизионный канал, по которому она скользила, поэтому все мониторы, внезапно осыпавшись стеклянным дождем, разом плюнули в человека клонами кусочка металла, который он выпустил в камеру. Изрешеченное тело охранника рухнуло на пол и забилося в предсмертных конвульсиях.

Люди, которые неотрывно смотрели на мерцающие экраны в телецентре, никак не отреагировали на стрельбу. Их уже ничто не могло отвлечь от Абсолютного Шоу, которое демонстрировало им новое телевидение, воздействующее непосредственно на подсознание зрителя — так же как и тех, кто сейчас неподвижно сидел перед телевизорами и мониторами компьютеров по всему миру, кто стоял на улицах, бездумно созерцая упорядоченные, подчиняющиеся единому ритму вспышки световых реклам, светофоров и уличных фонарей, кто сосредоточенно наблюдал в аэропортах и на вокзалах электронную бегущую строку, состоящую из непонятных символов, кто притих к телефонам и радиоприемникам, завороченно слушающая вкрадчивый шепот: «Хат-шеп-сут, хат-шеп-сут».

Наступила эра Глобального Телевидения.

 прихожу в себя и слышу громкий, ровный гул — отрываю глаза и вижу песок. Он почему-то в сантиметре от моего носа. Ага, понимаю: я лежу ничком, уткнувшись лбом в подвернутую руку... кажется, на пляже.

На пляже?

Я поднимаю голову и вижу полосу желтого песка, отороченную вереницей шевелящихся на ветру пальм. Справа от меня бьются волны, выбрасывая длинные пенные языки. Сверху висит темно-синее, южное небо. Яркое солнце жжет спину.

Я встаю на ноги и с удивлением рассматриваю свой купальник: красный треугольник внизу, два лоскутка наверху. Совершенно не в моем стиле... как я могла такое купить?

А где Димка?

Я смотрю по сторонам, но на пляже — до самого горизонта — никого. Оборачиваюсь, но моего жениха нет и там... зато я вижу Арабеллу. Стрекоза парит перед моим лицом: полуметровые крылья слились в кисейную пелену, в огромных фасеточных глазах блестят солнечные блики. Я хлопаю в ладоши, и она послушно садится мне на плечо... от прикосновения цепких лапок становится щекотно.

И тут, словно по волшебству, в памяти оживает целый пласт событий: вот мы с Димкой приезжаем на курорт, вот грузим чемоданы и клетку с Арабеллой в такси, вот селимся в отель...

Но как я оказалась одна на пустынном пляже?

На мгновение задумываюсь, и в памяти всплывает еще один пласт: мы уже неделю отдыхаем, таскаясь каждый

день на городской пляж, — и вокруг люди, люди, люди... прямо как сельди в бочке. Тогда я предлагаю съездить в южную часть полуострова. Мы берем напрокат машину: Димка ведет, я смотрю по карте и говорю, куда ехать; Арабелла стучит крыльями в своей клетке. Наконец мы приезжаем на место, выпускаем стрекозу, оставляем машину на обочине и пробираемся по дюнам к пляжу.купаемся у самого берега (нас предупредили, что здесь, на юге, водятся водомерки и прочая морская нечисть). Потом закусываем бутербродами, пьем холодный сок из термоса и идем гулять вдоль моря.

А что дальше?..

Арабелла трется о мою щеку, ласково покусывает за ухо. Ветер ерошит волосы, немного бьет песком по ногам. Легкие перистые облачка летят по синему небу. Я в растерянности выдергиваю из памяти разрозненные картинки: вот Димка от избытка сил встает на руки и идет, оставляя на мокром песке смешные лапчатые следы. Вот он пытается научить меня ходить на руках: я отбиваюсь и пронзительно визжу — Арабелла мечется над нами, не зная, нужно ли защищать хозяйку...

А что потом?

Потом произошло что-то плохое...

Сердце мое замирает, словно сжатое чьей-то холодной, костлявой рукой, — я опускаюсь, почти падаю на песок. Арабелла взлетает, затем опять пристраивается мне на плечо.

Закрываю глаза, вспоминаю.

Взявшись за руки, мы с Димкой идем по пляжу, и вдруг на горизонте возникает точка. Мы подходим ближе — точка превращается в катер: он стоит у самого берега, с высокого борта на песок брошен трап. По трапу спускается статная высокая брюнетка в ярко-синем платье и идет навстречу. Взгляд ее прикован к Димке — я немедленно беру его за руку и, склонив голову, касаюсь виском его плеча (что на женском языке означает: «Руки прочь от моего жениха!»). Однако бесстыжая брюнетка продолжает таращиться на Димку. Я скашиваю глаза и

обнаруживаю на лице последнего глупую ухмылку: рот до ушей, хоть завязочки пришей... ну, погоди — вечером на дискотеке назло пойду с тем спортсменом танцевать, что вчера домогался. Тут-то ты и сгоришь от ревности, женишок!.. Димка оборачивается ко мне, и я поспешно отвожу глаза.

Брюнетка приближается, так что я могу разглядеть ее как следует: надменное холеное лицо, длинная шея, шикарное платье (совсем простое, но видно, что стоит кучу денег); крошечные босые ступни с фиолетовыми ногтями тонут в песке. Руки она держит как-то не по-женски: левая прижата к телу, правая — за спиной.

А когда до нас остается метров пять, правая рука брюнетки выныривает из-за спины: я вижу направленный на меня пистолет. Вернее, не пистолет, а парализатор, ибо заканчивается он не дулом, а двумя электродами.

Мы с Димкой растаем в песок... краем глаза я замечаю на его лице недоумение.

Тр-р-р...

С электродов парализатора слетает молния и ударяет меня в грудь: ноги подламываются, я валюсь вперед, лицом вниз. Слышу Димкин голос: «Вы что, рехнулись?..» Но тут еще один разряд бьет меня в спину, и поток воспоминаний обрывается.

Я открываю глаза, и мой взгляд натывается на отпечаток ноги на влажном песке. Отпечаток больше моего: здесь ступил Димка. А вот еще один, поменьше... от злости у меня кружится голова. Проклятая брюнетка!.. Я иду по ее следу, как ищейка, — но вскоре тот теряется. Ага, здесь они поднялись на катер.

Я поднимаю взгляд, но катера нет: пока я валялась без сознания, тот, ясное дело, уплыл. Я всматриваюсь в море и вижу остров; рядом — маленькое белое пятно. У меня на глазах катер приближается к острову, сливается с белой полосой прибоя и исчезает. Наверное, причаливает к берегу.

Неужто брюнетка столь глупа? Неужели не побоялась, что я приду в себя и прослежу за ней?..

Наверное, она остановилась на этом острове ненадолго — ну, там подобрать сообщника или еще что-нибудь. А потом двинется дальше... надо немедленно оповестить полицию! Пока брюнетка не скрылась!

Но как я доберусь до полицейского участка? Ведь я не умею управлять машиной! И позвонить не могу — мобильный остался в гостинице... да и сигнала здесь, скорее всего, нет.

В глазах у меня закипают слезы: дура я, дура, дура, дура! Ведь предлагал же Димка научить меня водить!

Что ж, придется идти к дороге и голосовать.

Делаю несколько шагов... и останавливаюсь. Пытаюсь вспомнить, много ли видела машин по пути сюда, — две-три, не больше. Насколько я помню карту, в этой части полуострова селений нет.

В отчаянии валюсь на песок. Пока я буду мотаться за полицией, ненавистная брюнетка увезет моего жениха неизвестно куда. И убьет его, наверное... или соблазнит! Ведь мужики такие слабые: увидят смазливую бабенку и сразу пускают слюни, — отчаяние у меня сменяется злостью. Я представляю, как подкрадываюсь к гадине и, прежде чем та хватается за парализатор, вцепляюсь ей в волосы!..

Господи, на что я теряю драгоценное время?!

Я вскакиваю на ноги, пытаюсь оценить расстояние до острова — может, километр, а может, и все три: ориентиров нет, понять трудно. Ладно, разберемся — ведь я хорошая пловчиха, даже выступала за сборную МГУ... в любом случае выбора нет: если бежать за подмогой, брюнетка улизнет — и кто тогда спасет Димку?

Я подхожу к линии прибоя и пробую ногой воду.

2

Я открываю глаза и медленно, с усилием сажусь — в задницу впивается что-то острое. Внутри черепа бьют колокола... пытаюсь встать, но голова кружится, и я валюсь на бок.

Черт!.. Что со мной?!

Упираясь руками в битый кирпич, встаю на четвереньки. Справа от меня высятся развалины церкви, слева — выгоревший сквер (от деревьев остались обугленные пеньки: видать, кто-то поработал огнеметом). Прямо по курсу я вижу кучу мусора и, на самой верхушке, муравья. Несколько секунд тупо разглядываю его... наконец понимаю: это — Чапай.

— Чапай! — зову я хрипло. — Иди сюда, насекомый!

Муравей подбегает и, негромко стрекоча, тычется мне в лицо.

Преодолевая головокружение, встаю, ощупываю череп. На лбу обнаруживается огромная шишка.

А где Нюта?..

С криком сажусь на поваленный столб, закрываю глаза и массирую веки. Пытаюсь вспомнить... в голове мелькают лишь разрозненные картинки: вот мы с Сергейкой копаемся в развалинах музыкальной фабрики, вот находим почти не поврежденную арфу... нет, это было утром. Вот обмениваем арфу на мешок турнепса и двух копченых улиток... в памяти всплывают бородатые рожи крестьян и запах навоза — ага, это на Тамбовском рынке, ближе к вечеру, часов в пять.

Что было потом?

Потом наступают сумерки. Бездомные зажигают свои костры — если смотреть с холма, костры складываются в цепочки, повторяя сетку улиц. Мы с Нютой идем по Оружейной — Чапай то забегает вперед, то отстает, роясь в развалинах. Вдруг Нюта испуганно хватается за мою руку: «Дима, пойдем домой!» Из сумрака выступают смутные фигуры... я с удивлением чувствую исходящую от них угрозу. Что за чушь?.. Ведь мы у себя в районе, нас тут знает каждая блоха. «Не бойся! — я обнимаю Нюту, пытаюсь ее успокоить. — Ведь мы у себя в районе, нас тут знает каждая блоха». Мы подходим ближе: незнакомцев пятеро, все в темной, влажно блестящей одежде (кажется, резиновой), на головах — шлемы и сдвинутые на лбы защитные очки.

Дети подземелья!..

Нютино плечо дрожит у меня под рукой. Я хватаюсь за пистолет.

— Стоять!

В глаза ударяет луч фонарика, рядом с которым (так, чтобы я видел) — оружейное дуло. Прищуриваюсь, стараясь разглядеть, что находится позади фонарика, и вижу высоченного детину с «калашом». Ствол автомата направлен мне в живот.

— Федор, Кирюха!

Один громила забирает мой пистолет, другой хватается Нюту за руку и тащит в темноту.

— Дима! — истерически кричит девушка.

Я кидаюсь вслед... но тут же останавливаюсь, получив сокрушительный удар в лоб — очевидно, рукояткой пистолета. Мир озаряется снопом вылетевших у меня из глаз искр, а потом становится темно...

Стук мотающейся на ветру форточки в доме напротив возвращает меня в настоящее. Чапай растянулся на земле и грызет найденную в мусоре консервную банку — с легкостью прокусывает проржавевшую жесть, из банки лезет густая бурая масса.

«Вот ведь идиот! — кляню я себя. — Зачем полез на рожон?!» Досада и злость охватывают меня... нет, не только досада и злость — я ощущаю резкую, почти физическую боль в груди: у меня отняли Нюту! Что делать? Кого звать на подмогу?... Судорожно перебираю в памяти знакомых и понимаю, что обратиться могу лишь к Сереге: остальные рисковать ради меня не станут. А к Сереге обращаться не хочу я сам — у него жена и трое детей; если с ним что-то случится, кто будет их кормить?

Достаю из ножной кобуры, не замеченной бандитами, второй пистолет. Проверяю обойму — вроде полная — и вскакиваю с поваленного столба. Чапай вопросительно поднимает голову. «Ищи! — говорю я. — Нюта!» Муравей носится зигзагами: голова опущена, антенны непрерывно шевелятся — ощупывают землю, пробуют на вкус воздух. Наконец он берет след и устремляется в

темноту; я зажигаю фонарик и, спотыкаясь о битые кирпичи, кидаюсь вдогонку.

Поначалу Чапай бежит по улице, потом сворачивает в какую-то арку; мы оказываемся во дворе, окруженном непонятно как уцелевшими многоэтажками. В центре двора темнеет что-то большое. Следуя за Чапаем, подбегаю ближе и вижу памятник: одетый в борцовское кимоно президент гордо выпячивает усеянную орденами грудь. Рядом с памятником обнаруживается канализационный люк — муравей скребет его лапой.

Поводив лучом фонарика по земле, нахожу обрезок трубы и подцепляю крышку люка. Раздается скрежет. Мало-помалу крышка съезжает в сторону.

— Вперед! — команду я.

Чапай исчезает в темном отверстии. Светя себе под ноги, я следую за ним.

3

Я плыву уже с полчаса... а может, и час, не знаю. Пятиметровые волны то бросают меня в небо, то валят в узкие ущелья между гребнями. Арабелла висит в метре над водой и чуть впереди; я держу курс на нее — что очень удобно, ибо начинаются сумерки и остров с катером виден плохо. Брызги хлещут меня по лицу, соленая пена лезет в рот... с начала моего заплыва волнение заметно усилилось.

Хорошо хоть вода теплая — намного теплее, чем в северной части полуострова.

Или, вернее, плохо. Потому что в теплой воде водятся опасные насекомые... ощущение незащищенности покалывает мне пятки.

Перед тем как отправиться в путешествие, я подобрала обломок раковины с острым краем и спрятала в трусы (вспомив, насколько те крошечные, озабоченно проверяю, на месте ли осколок, — слава богу, на месте). И все-таки непонятно, о чем я думала, когда покупала этот блядский купальник!

Меня выносит на очередной гребень и...

Склон следующей волны усеян ярко-красными пятнами: красное на синем — очень красиво.

Водомерки!

Я выхватываю осколок раковины и выставляю перед собой. На мгновение все вокруг застывает, как на снимке: висящая в воздухе Арабелла, летящие по ветру клочья белой пены, круглая луна, плывущая над темной горой острова. И водомерки: растопыренные лапы, лаково блестящие панцири — примерно метр в диаметре.

А потом...

Потом я переваливаю через гребень и, вытянувшись в струну, скольжу вниз — быстрее, быстрее... осколок раковины зажат в вытянутой руке. Водомерки расходятся веером (пропускают меня, чтобы напасть сзади)... я пролетаю сквозь их стаю и, сделав кувырок, поворачиваюсь — как раз чтобы успеть полоснуть раковинкой по сунувшейся ко мне морде.

С распоротым глазом, водомерка заваливается набок и судорожно бьет ногами. Ее товарки отскакивают в стороны... но тут же бросаются на раненое насекомое. Раздается громкий неприятный хруст: жвалы раздирают хитиновый панцирь.

Однако досмотреть представление мне не удастся: незаметно для себя я переваливаю через очередной гребень и, потеряв равновесие, падаю спиной назад. Волны крутят и вертят меня... я не понимаю, где верх, где низ. В нос набивается едкая, соленая вода.

А когда я вынырываю, то вижу летящую на меня водомерку — насекомое катится, как лыжник, по склону волны. Я отмахиваюсь раковинкой, но попадаю в пустоту... вернее не в пустоту, а в широко разинутые жвалы. Ладонь прокалывает острейшая боль, раковина выскальзывает из пальцев. Две пары когтистых лап хватают меня за плечи и бока; к лицу приближается бородавчатая морда — превозмогая боль в прокушенной руке и отвращение, я пытаюсь морду эту оттолкнуть...

Но тут что-то большое падает водомерке на спину: раздается хруст, лапы насекомого разжимаются. Меня

относит в сторону, а водомерка, вздымая тучи брызг, погружается в воду. Я вижу в спине у нее дыру, в которой пузырится густая белая гадость.

Арабелла висит в воздухе и плотоядно щелкает жвалами.

4

Я осторожно спрыгиваю на пол и свечу по сторонам фонариком: коридор уходит в бесконечность. От стены до стены примерно четыре метра, от пола до потолка примерно три. По стенам тянутся ржавые трубы. Воздух едкий — у меня начинают слезиться глаза... здесь явно не помешали бы защитные очки.

Чапай стрекочет и гарцует от нетерпения.

«Ладно, пошли», — ударяясь о стены, мои слова вереницей уносятся в бесконечность. Муравей бросается вперед, я — за ним.

На раскисшем бетоне пола — лужи, на влажном бетоне стен — разводы плесени. Иногда в стенах коридора открываются боковые проходы, но Чапай бежит прямо. Равномерные движения его ног действуют на меня отупляюще. Острая боль из-за утраты Нюты чуть ослабела: вовлеченность в действие — вопреки логике — внушает ложные надежды.

Мои ботинки шлепают по лужам; лапы Чапая цокают, как подкованные.

Вдруг муравей останавливается и поднимает голову, не то прислушиваясь, не то принюхиваясь. Я тоже встаю — вокруг висит тишина... не знаю, как Чапай, но я слышу лишь собственное хриплое дыхание. Впрочем (жду еще несколько секунд), сзади доносится тихий гул. Я также ощущаю вибрацию: пол под ногами дрожит, будто сюда мчится стадо буйволов — если б буйволы еще водились на Земле, конечно...

Если мы останемся на месте, нас неминуемо затопчут.

Чапай возбужденно мечется взад-вперед; я пытаюсь вспомнить, когда мы миновали последний боковой про-

ход... кажется, давно. Пробегаю вперед, но ответвлений нет и там — деваться некуда!

Неожиданно Чапай прыгает на стену и лезет вверх — долезает до потолка и повисает там вверх ногами. Он глядит на меня и тревожно стрекочет.

А куда прикажете деваться мне?

Топот бесчисленных ног становится громче — я уже различаю звуки отдельных шагов. Подо мной трясется пол.

По стене коридора тянется труба; я пытаюсь взобраться на нее, но проржавевший металл ломается, и я падаю. Пробую залезть в другом месте, но труба ломается опять.

На мгновение меня охватывает паника: по спине катится пот, сердце колотится в горле. Слушая нарастающий гул, я свечу фонариком в черную глубину коридора — луч выхватывает глазастую, усатую морду... еще одну... еще одну... Ноги тараканов сгибаются и разгибаются, как рычаги машин; трехметровые усы непрерывно шевелятся.

Сейчас они опрокинут меня — и тогда конец!

Я цепляю фонарь за пуговицу, бросаюсь к висящему на потолке Чапаю — подпрыгиваю и хватаюсь за него, поджав ноги. Истошно стрекоча, муравей вцепляется в изъеденный коррозией бетон... не дай бог насекомый разозлится и цапнет меня за руку!

И вот первый таракан проносится под нами... пара секунд, и они уже несутся непрерывным потоком. Десятки тонких дрожащих усов скользят по мне, ощупывая на ходу, под их прикосновениями тело мое медленно раскачивается. «Чапай, дружище, потерпи!» — умоляю я муравья.

Наконец последний таракан исчезает в глубине туннеля. Я разжимаю затекшие пальцы, спрыгиваю на пол. Рядом шмякается Чапай и, упершись передними лапами мне в колено, сердито стрекочет — ругается на меня. «Спасибо, насекомый! — я чешу у него под подбородком. — Спас своего хозяина!» Потом смотрю на истоптанный тараканами бетон пола и озабоченно говорю: «Чапай, след!»

Несколько секунд муравей щупает антеннами пол, а потом бросается в темноту туннеля.

Я плыву вдоль острова. Справа от меня режут волны, разбиваясь о каменную стену, — от нее надо держаться по-дальше. Но и отплывать далеко тоже нельзя, иначе я не замечу проход внутрь острова, куда зашел катер. Солнце давно село; единственным источником света является луна.

Волны мотают меня вверх и вниз, в руках и ногах клубится усталость. Сколько я плыву — час? полтора?.. Прокушенная водомеркой ладонь быстро наполняется пульсирующей болью.

Проход в скалах открывается внезапно: он узок — метров двадцать, не шире. Сильное течение тянет меня внутрь — очевидно, сейчас прилив. Ага, понятно: прилив, наверное, и помешал брюнетке покинуть остров.

Я перестаю грести: течение само затаскивает меня в пролив; корректируя курс гребками, я несусь по узкому извилистому коридору и наконец оказываюсь в лагуне.

Волны и ветер стихают, будто их и не было.

Лагуна представляет собой круглое озерцо с крутыми скалистыми берегами. Выбраться на сушу можно лишь на дальней стороне — там виднеется цепочка фонарей... похоже на набережную. Откуда? Разве здесь кто-то живет?.. Удивиться я, однако, не успеваю, ибо замечаю катер: он пришвартован в дальнем конце набережной. В иллюминаторах горит свет.

У меня заходит сердце: цель близка, теперь все зависит от меня — стараюсь не шлепать по воде руками, я плыву к берегу. Арабелла неслышной тенью скользит впереди. Лунные блики играют на воде.

Вдруг стрекоза притормаживает и поворачивается ко мне... нет, не ко мне — она смотрит на что-то позади меня. Я тоже оборачиваюсь: на поверхности воды, метрах в десяти от меня, — длинный извилистый след.

Пиявка!

Я изо всех сил плыву к берегу... у меня есть шанс, ибо пиявки — тихоходы; если б я не вымоталась, то легко бы уплыла от нее. Однако руки и ноги мои налиты свинцом, сил и дыхания почти не осталось.

Арабелла носится над водой — но что она может сделать? Вот если б пиявка показалась на поверхности...

Правой-левой, правой-левой — руки мои рубят воду, как пропеллеры. Цепочка фонарей на набережной быстро приближается... вот я уже вижу место, где можно выбраться на сушу: там к воде сбегает широкая лестница.

И в тот момент, когда я касаюсь нижней ступеньки, мягкие губы охватывают мою левую ступню, в кожу впиваются десятки мелких, острых зубов. Руки мои соскальзывают с мокрого мрамора — пиявка тянет меня в черную глубину. Глотнуть воздуха я не успеваю.

Не знаю, как мне удастся сохранить присутствие духа... верно, потому, что рядом нет Димки и мне не нужно изображать из себя слабую женщину.

Извернувшись, я вонзаю ногти в скользкую массу, охватывающую мою ступню. Меня дергает вбок, потом переворачивает: пиявка извивается и бьется, пытаюсь вырваться, — но я держу крепко! Держу до тех пор, пока она не разжимает зубов... задышавшись, пробкой вылетаю на поверхность и барахтаюсь по направлению к берегу.

Я выбираюсь из воды, ползу, оставляя кровавый след, вверх по ступенькам и, оказавшись на набережной, ваюсь в обморок.

6

Я сижу на полу, подложив под зад тараканье крыло и привалившись спиной к стене. На коленях у меня лежит пистолет. Как только я сел, Чапай канул в темноту, но, если его позвать или просто свистнуть, он немедленно прибежит.

Мы находимся в боковом коридоре, метрах в пятидесяти от выхода из туннеля. А может, входа в какое-то помещение, не знаю... так или иначе, там есть источник света и пост детей подземелья: два парня в резиновых комбинезонах. Слава богу, я заметил их раньше, чем они меня, и свернул в удачно подвернувшееся ответвление.

Пол вокруг меня завален разложившимися, полуразложившимися и совсем свежими тараканьими трупами — вонь стоит невыносимая... Панцири тараканов испещрены пулевыми отверстиями: видать, насекомые часто сюда

лезут, а охранники их расстреливают. Между трупами неслышно передвигаются слизняки: сползлись на бесплатное угощение.

И что теперь? Может, охранников удастся обойти?

Несколько секунд я размышляю... нет, не получится. Если даже найдется обходной путь — он тоже охраняется. А если не охраняется и там можно пройти — то где Чапай будет искать Нютин след?

Может, сделать вид, что сдаюсь, — а как подберусь к охранникам поближе, тут я их и положу!

Несколько секунд размышляю... нет, не получится. Близо они меня не подпустят: изрешетят из автоматов, как таракана, — а потом будут разбираться.

Тук. Тук. Тук. Тук...

Вздвогнув, осторожно поднимаюсь на ноги. Сжимая в потной руке пистолет, подхожу к входу в главный туннель. Оттуда доносится громкий стук... я всматриваюсь в темноту и различаю лежащего на спине таракана: он монотонно бьет ногой в стену. Видать, недавно подстрелили. Я вспоминаю стадо, чуть не затоптавшее нас с Чапаем.

Вдруг муравей материализуется у моей ноги и застывает в позе кентавра: передняя часть туловища приподнята, передние лапы сложены на груди.

Он почувал что-то опасное.

Замираю, но слышу лишь стук тараканьей ноги по стене коридора и стук собственного сердца о стенки грудной клетки. Последний кажется намного громче... затем я различаю звуки шагов и голоса. По стенам коридора мечутся лучи фонарей.

Прижавшись спиной к стене, взвожу затвор пистолета — раздается громоподобный щелчок... я в ужасе приседаю. Но охранники щелчка не слышат: они минуют меня и останавливаются около недостреленного таракана. «Говорил я тебе, мюдила! — у того, что повыше, сильный французский прононс. — У меня ухо — алмаз». — «Не ухо, а глаз, — поправляет другой. — Учи русский язык, чурка парижская». Француз передергивает затвор «калаша», а я тем временем целюсь ему в спину.

Тра-та-та-та-та...

Выстрел пистолета теряется в автоматной очереди — как, собственно, и было задумано; француз без звука валится вперед. Наступает тишина. Второй охранник с удивлением таращится на мертвого. «Пьеруха, ты чиво?...» — Он осторожно касается лежащего ногой. «Не шевелись! — говорю я, выступая из бокового туннеля. — Одно движение — стреляю». Парень застывает в неловкой позе. Я подхожу, стаскиваю с него автомат и вешаю себе на плечо: «Повернись». По-хорошему, его сразу б надо было завалить... вот только комбинезон портить неохота.

На физиономии охранника — насколько это позволяют разглядеть защитные очки — заискивающая улыбка. Голубые кудри выбиваются из-под шлема и липнут к потному лбу. «Не убивай! — молит парень. — Я никому не скажу!...» Тон его настолько жалок, что я теряю бдительность...

Тут-то он и кидается на меня.

Пистолет и фонарик вылетают у меня из рук, автомат слетает с плеча. Мы катимся по полу; тараканьи панцири хрустят под нашими телами. Я оказываюсь сверху и изо всех сил бью парня по скользкой морде — раз, другой...

Ох-х-х!!!

Получив удар в пах, я ваюсь набок. Охранник оказывается сверху и хватает меня за горло — я пытаюсь отодрать его руки, но мои пальцы соскальзывают с потных запястий...

Вдруг хватка у меня на горле слабеет; парень падает вперед. Я сталкиваю его с себя и сажусь... в моей груди свистит и булькает воздух. Чапай стрекочет, ласково ощупывает антеннами мое лицо.

В свете валяющегося на полу фонаря я вижу, что жвалы муравья испачканы кровью.

7

Я прихожу в себя от холода: зубы стучат, ноги и руки — ледяные. Правая ладонь и левая ступня налиты болью... от жалости к себе я начинаю плакать.

Впрочем, для кого я плачу?... Рядом — никого, никто не пожалеет!

Я вытираю глаза, сажусь, осматриваю раны. Проку-

шенная рука распухла, вокруг сквозного отверстия образовались темно-красные круги — причем с обеих сторон. Не дай бог началось заражение... черт эту водомерку знает: может, она перед тем, как кусаться, дохлятины нажралась?

Впрочем, нога беспокоит меня больше: щиколотку, как браслет, охватывает цепочка небольших проколов — и из каждого течет алая струйка. Не сочтется, а именно течет: я слыхала, что пиявки впрыскивают жертве какую-то гадость, чтобы кровь не сворачивалась... надо немедленно наложить жгут!

Несколько секунд размышляю, потом смотрю на свой купальник. Размышляю еще чуть-чуть. Выбора нет: снимаю верх купальника и перетягиваю щиколотку выше укуса. Кровь сразу останавливается, будто я завернула кран.

Я отжимаю волосы и встаю.

Передо мной — широкая улица, отгороженная от лагуны невысоким (мне по пояс) парашетом. Тротуар вымощен плитами, образующими красивый и довольно сложный узор. Противоположная сторона застроена двух-трехэтажными домами: внизу магазины и кафе, верхние этажи — очевидно, жилые. В ярко освещенных витринах стоят шикарно одетые манекены, ярко освещенные залы уставлены накрытыми столами. И ни одного человека...

Оставляя кровавые следы и дрожа от холода, я пересекаю дорогу, подхожу к первому попавшемуся ресторану, дергаю дверь — заперта. Внутри — ни души. Перехожу к соседнему зданию; там магазин женской одежды. В витрине — потрясающе красивое вечернее платье, с пучками сборок по бокам... очень оригинально, нужно запомнить. Справа и слева от платья стоят зеркала; я делаю шаг вбок и вижу свое отражение...

Господи, какой ужас! Вся в крови, волосы слиплись от морской воды, голые сиськи мотаются... Передернувшись, я отворачиваюсь.

Ближайший ко мне конец набережной заканчивается памятником: одетый в борцовское кимоно президент гор-

до выпячивает усеянную орденами грудь. Стуча зубами от холода, я смотрю на него...

Господи, почему я теряю время?!

Я поворачиваюсь и решительно иду к катеру. Арабелла летит надо мной — ветер от ее крыльев холодит мокрую спину. Я хлопаю в ладоши, и стрекоза опускается мне на плечо. Воздух приходит в состояние абсолютного покоя; вокруг царят тишина и безлюдье. Вот ведь странное место!.. Яркое освещенная набережная, кафе, магазины — на пустынном острове. Бывает же такое!

До катера остается метров сто... мне становится неудобно: а вдруг гадина заметит меня? Однако выбора нет: набережную ограничивает сплошной ряд домов, не обойдешь. А в море я больше не полезу — пусть уж лучше меня застрелит брюнетка, чем утащит пиявка!

Последние метры я ползу на четвереньках, скрываясь за парашютом. Арабелла перебирается с плеча на спину и щекочет мне между лопаток. Доползаю до выхода на причал, осторожно высовываюсь: на палубе — никого. В будке на носу катера (кажется, она называется рубкой) горит свет, но людей не видно.

Я поднимаюсь на ноги и, пригибаясь, крадусь к катеру. На борт ведет узкий трап, и вот я уже на палубе. Миную вход в рубку и вижу еще одну дверь: она приоткрыта, позади — ступеньки вниз. Не прикасаясь к двери (та может заскрипеть), боком проскальзываю внутрь, спускаюсь по винтовой лестнице. Под моими ступнями мягко пружинит ковер.

Лестница заканчивается еще одной дверью, в центре которой — круглое окошко в блестящей медной раме. Стоя сбоку — так, чтобы меня не было заметно, — я осторожно заглядываю внутрь.

Передо мной — роскошно обставленная комната: слева расположена широкая кровать под бархатным балдахином, справа — красного дерева стол с резными ножками. На столе — остатки ужина: тарелки из тонкого фарфора, антикварного вида ножи и вилки; из серебряного ведерка торчит бутылка. У стола сидит одетая в узкое кружев-

ное платье брюнетка — в руке у нее бокал шампанского... по сравнению с ней я чувствую себя грязной, полуголой дикаркой.

А в середине комнаты я вижу Димку.

Он стоит у колонны, поддерживающей потолок, и как-то странно вытягивает вверх руки... я не сразу понимаю, что он привязан к вбитому в колонну крюку. Мой жених все еще в плавках, босые ноги тонут в ворсе ковра.

Вдруг брюнетка встает, подходит к Димке, поднимается на цыпочки и... впивается ему в губы!

Сердце взрывается в моей груди; чтобы удержаться на ногах, я упираюсь рукой в стену. Чтобы не свалиться на пол, Арабелла вцепляется мне в плечо.

Поцелуй длится чуть ли не две минуты; наконец гадина отрывается от моего жениха... тот лишь молчит и тяжело дышит. Почему не плюет ей в лицо? Почему не пинает — ведь ноги-то у него свободны?

Чувство потери валится на меня, как гряда камней. Оглушенная, я стою на темной лестнице.

Проклятая брюнетка ласкает Димкину грудь, рука ее спускается к его животу... затем, опустившись на колени, гадина резко спускает Димкины плавки.

Прежде, чем я успеваю отвернуться, я замечаю, что у моего жениха — чудовищная эрекция.

Несколько секунд я гляжу в стену... потом для верности еще и зажмуриваюсь. Арабелла щекочет мне усиками щеку. Я вслепую поднимаюсь на палубу — потом, открыв глаза, иду с катера прочь. Губы мои почему-то шевелятся... я вдруг понимаю, что монотонно шепчу: «Меня предали, предали, предали, предали...»

Но вдруг едкие, злые слезы брызгают из моих глаз; пальцы скрючиваются, будто вцепляются во что-то ногтями... Какого черта? Почему я без борьбы отдаю этой гадине своего любимого?!.. Мало ли, на кого у него эрекция... то есть не мало, конечно, — но с ним я разберусь потом!

Я поворачиваюсь и решительно иду к катеру. На земле валяется булыжник — я подбираю его, зажимаю в руке острым концом наружу... и вот уже, спустившись по

лестнице, осторожно заглядываю в круглое окошко в медной раме. Но ни Димки, ни брюнетки не видно — лишь раскрытые наручники висят на крюке. В растерянности я рассматриваю комнату и вдруг замечаю, что балдахин вокруг кровати задернут...

Стиснув зубы и стараясь не думать о том, что происходит позади бархатного занавеса, я бесшумно открываю дверь и вхожу в каюту. Арабелла балансирует у меня на плече, толстый ковер впитывает звуки шагов. Я подкрадываюсь к кровати, рывком отдергиваю занавес и... вижу сидящую по-турецки брюнетку. На лице у гадины — злобная ухмылка, в руке — парализатор.

Где Димка?.. Я в растерянности озираюсь по сторонам.

Но тут с электродов парализатора слетает молния, ударяет меня в лоб — я валюсь назад... пытаюсь встать, но не могу шевельнуться. Ковер колет голую спину, Арабелла бесшумно парит под потолком. По тому, как подобраны ее лапки, видно, что стрекоза готова к атаке и лишь ждет приказа — но я не в силах разлепить губы!

Брюнетка слезает с кровати, подходит ближе, презрительно глядит на меня сверху вниз. Потом поднимает парализатор и...

8

Комбинезон покойного охранника мне короток — сразу видно, что с чужого плеча, а сзади еще и залит кровью. Однако делать нечего... я выхожу из туннеля и оказываюсь в широком коридоре. Пол и стены здесь не бетонные, а земляные, потолок поддерживают деревянные колонны и балки.

Снятый с предохранителя автомат висит у меня на шее; мой указательный палец — на спусковом крючке. «Чапай, след!» — командую я, и муравей бежит вперед. Опасливо озираясь, я иду за ним.

Первое дитя подземелья встречается минуты через две: из бокового коридора вываливается коренастый бородатый мужик... оружия у него вроде бы нет. Пока я прохожу мимо, он подозрительно таращится, потом плетется

следом — может, ему надо в ту же сторону? Некоторое время мы идем как бы в связке... спина моя покрывается испариной.

Наконец мужик сворачивает в боковой проход. Я облегченно вздыхаю.

Вскоре начинаются жилые помещения. Становится светло: в стены там и сям воткнуты горящие факелы — фонарик я прячу в карман. Вокруг снуют пешеходы и двигаются повозки, запряженные волосатыми коротконогими жуками; коридор расширяется и становится улицей. В стены вделаны двери (из тараканьих панцирей) и окна (из мушиных крыльев). На меня никто не обращает внимания: ну залита у мужика спина кровью — эка невидаль! А я верчу головой и глазею по сторонам: в подземных селеньях я раньше не бывал.

Чапай сворачивает в переулок, я — за ним.

Здесь народа меньше. На завалинках сидят изможденные старцы; они жуют губами и провожают меня подозрительными взглядами сквозь захватанные до полной непрозрачности стекла очков. В грудe мусора роются два худосочных, паршивых муравья. Чапай угрожающе шелкает жвалами, и они бросаются наутек. Возле входа в продуктовую лавку стоят три парня: к отвисшим губам приклеены окурки, на щетинистых харях — очки с зеркальными стеклами. Они не шевелятся и смотрят перед собой, будто меня нет в помине, но когда я прохожу, отклеиваются от стены и тащатся за мной. Вскоре их шаги приближаются почти вплотную; я оборачиваюсь и, демонстрируя автомат, резко спрашиваю: «Что надо?» Повисает напряженная пауза: в зеркальных очках парней пляшет пламя факелов. Позади меня призывно стрекочет Чапай — мол, чего застрял?

Над нами с треском распахивается окно. Оттуда высовывается морщинистое старушечье лицо: седые патлы свисают неопрятными сосульками, на подбородке — тысяча и одна бородавка. «Чаво к человеку пристали, ироды?!» — слышу я. Парни подают назад... пятятся и исчезают в переулке. «А ты, касатик, иди своей дорогой пошустрей, —

бабка шмыгает носом. — Неча наших व्यюношей смущать...» Я следую ее совету.

Чапай резво бежит вперед. Мимо плывут чадающие факелы, мутные окна; под ногами хрустит битое стекло. Сквозняк колышет полотнища паутины под потолком — но пауков вроде не видеть.

Наконец Чапай тормозит возле какой-то двери и становится в стойку: тело вытянуто в струну, две правые лапы, передняя и средняя, подняты. Стараясь не хрустеть мусором, я подхожу поближе.

Это жилище выглядит богаче соседних: в окнах — крылья пчел, дверь — из панциря майского жука. Возле входа горит не факел, а толстая сальная свеча — яркое желтое пламя танцует на сквозняке.

Я машу рукой (Чапай отходит в сторону), пробую дверь (не заперта) и на цыпочках вхожу в холл. Здесь темно и жарко.

Осторожно прикрываю дверь и крадусь по коридору; Чапай следует за мной. Слева расположена лестница на второй этаж, впереди — дверь, под которой видна полоска света. Я подхожу и, сдвинув автомат за спину, опускаюсь на колени — к отверстию замочной скважины.

В поле моего зрения оказывается голый мужской торс: под жирно блестящей, смуглой кожей ворочаются мощные лопатки. Поджарый зад мужчины обтянут штанами из шкуры зеркального червя — в них отражается рой дрожащих огоньков: наверное, в комнате горят свечи.

Мужчина отступает в сторону, и я вижу Ньюту... у меня перехватывает дыхание. Чапай нетерпеливо покусывает мою руку.

Щеки Ньюты горят, под футболкой трепещет грудь. «Не надо...» — еле слышно лепечет девушка. «Надо!» — рычит мужчина и разрывает футболку от горла до пояса. «Не надо!» — еще тише шепчет Ньюта, прикрываясь руками. Мужчина не обращает на ее писк никакого внимания: грубо обхватывает за талию и целует.

Ньюта податливо обвисает в его объятиях; белые мягкие груди трутся о волосатую мужскую грудь. Женская

ручка лежит на плече мужчины... я не верю своим глазам: кажется, она гладит его!

Несколько секунд сижу на корточках с закрытыми глазами.

Потом встаю, снимаю автомат с шеи и ставлю на предохранитель — стрелять нельзя, ибо на выстрелы сбежит-ся народ. Чапай понятиливо отбегает в сторону. Я отступаю на два шага и...

Дверь отлетает в сторону, я вваливаюсь в комнату. Оторвавшись от Нюты, мужчина поворачивается ко мне и получает прикладом автомата в лоб. Бабах!.. Тяжелое тело валится на пол.

Передо мной снежно-белое лицо Нюты.

«Димочка! — лепечет девушка. — Я ничего не могла сделать!» — в ее глазах смесь радости и страха. «Потом разберемся, — сухо говорю я. — Собирайся». Нютина куртка валяется на полу; путаясь в рукавах, девушка одевается.

Бух... бух... бух... бух...

Над нами раздаются тяжелые шаги: кто-то спускается по лестнице. Я осторожно прикрываю дверь и задвигаю щеколду; потом снимаю автомат с предохранителя.

«Смотри», — Нюта тянет меня за руку.

В противоположной стене — массивная металлическая дверь... черный ход? Стараясь не скрипеть половицами, мы пятимся к ней.

— Арнольд, пес тебя побери! Сколько ты будешь хороводиться со своей миледи?.. — Низкий хриплый голос сотрясает стены... мы с Нютой от неожиданности вздрагиваем, Чапай подпрыгивает на месте.

Металлическая дверь открывается беззвучно: замок и петли хорошо смазаны. Перед нами вертикальная шахта диаметром около метра; в стену вбиты скобы, образующие что-то вроде лестницы. Неужели мы сможем выбрать-ся на поверхность?.. Нюта лезет вверх, я за ней. Чапай неслышно карабкается по противоположной стене (скоб там нет, но они ему и не нужны). Закрывая выходное отверстие, над нами висит полная луна.

★ Что произойдет, если побег будет обнаружен до того, как мы поднимемся? С ужасом представляю себе, как бандиты врываются в шахту и строчат из автоматов вверх — прямо мне в...

«Скорей! — шепчу я хрипло. — Нюта, скорей!»

Наконец девушка заканчивает подъем и исчезает. Я выскакиваю следом, спотыкаюсь и качусь вниз по склону: перед глазами мелькают то звездное небо, то черная земля; ветки кустов хлещут по лицу. Вдруг ремень автомата за что-то цепляется — я медленно, с трудом встаю. Комбинезон мой висит клочьями, по щеке течет кровь.

— Дима!.. Димочка! — выскочившая из темноты Нюта виснет у меня на шее, утыкается лицом в грудь.

Я вдруг вспоминаю, как она прижималась к тому подонку, гладила его плечо; из-под ложечки поднимается волна злости. Я пытаюсь отстраниться.

— Прости! — рыдает Нюта, вцепляясь в меня. — Пожа-а-луйста!..

Она поднимает заплаканное лицо и смотрит, всхлипывая, мне в глаза... моя злость растворяется без следа. Я наклоняюсь к девушке, целую ее дрожащие губы.

И тут со странным щелчком — будто кто-то перекинул тумблер — события останавливают свой ход: ночные птицы умолкают, кусты перестают шелестеть, ветер замирает. Нюта каменеет в моих объятиях... я пытаюсь встряхнуть ее, привести в чувство, но у меня не получается.

В чем дело?.. Почему мы не в силах двигаться?!

Мир вокруг меня подергивается извилистыми струйками и стекает вниз — как дождь по стеклу окна.

Я лежу в капсуле миро-имитатора. Окуляры уже сдвинуты с моих глаз — я вижу лунообразное лицо доктора Кузьмина.

— Как чувствуете себя, Дима?

— Хорошо! — Я снимаю наушники, отцепляю от висков липучки гипно-контактов.

В кабинете доктора, как всегда, включено радио: «Теперь, когда количество разводов достигло девяноста семи процентов, — гудит вальяжный баритон, — гипно-тренировка брачующихся имеет колоссальное значение!» Похоже, это интервью с новым министром семьи.

— Как я выступил, доктор? — спрашиваю я.

— Неплохо, молодой человек, очень даже неплохо! — Кузьмин подслеповато щурится и указывает мне на стул в углу кабинета. — Но это всего лишь первое, самое легкое упражнение. Дальше будет трудней.

Я вылезаю из капсулы и сажусь. «Самое важное в браке — это умение прощать и желание бороться за свою любовь, так что тренировке этих качеств мы будем уделять как можно больше внимания!» — гудит министр.

— А зачем понадобились все эти насекомые, развалины, подземелья?.. — спрашиваю я. — Почему нельзя было провести упражнение в нормальных условиях?

— Когда человек женится, он оказывается в абсолютном новом для себя мире — но при этом ошибочно полагает, что сможет там легко сориентироваться. — Кузьмин назидательно качает пальцем у меня перед носом. — Именно эти обстоятельства мы и моделируем, помещая пациента в непривычные условия и снабжая его лишь самой поверхностной информацией.

В противоположном углу кабинета стоит еще один миро-имитатор.

— А как дела у Нюты? — Я вытягиваю шею, чтобы посмотреть на экран монитора. Но тот повернут ко мне вполоборота... я различаю лишь смутное мелькание.

— Неплохо. — На лице доктора появляется одобрительная улыбка. — Она хоть и проиграла битву с воображаемой противницей, но, кажется, выигрывает войну за будущее вашей семьи!

ЗДРАВСТВУЙ, ДЕДУШКА МОРОЗ!..

н нажал на кнопку звонка — в квартире разда-
лась весёлая трель. Послышались лёгкие шаги, и
дверь распахнулась.

— С Новым годом! — сразу начал он.

— С Новым годом... — отозвалась молодая женщина.
И удивилась: — Ой, а вы к нам?

— Да-да, к вам.

— Ой, а вы знаете, мужа нет дома. Но он вот-вот дол-
жен прийти.

Наивная! Ему было уже известно, что она не замужем.

— Я пришёл не к мужу вашему, а к Машеньке.

Женщина пыталась разглядеть его лицо, скрытое бо-
родой и слоем грима. Даже если бы смогла, это бы мало
что ей дало.

— А я могу узнать, кто вы? — наконец спросила она.

Ему пришлось лезть за пазуху. Длинный посох мешал,
поэтому движение получилось неуклюжим. Пришедший
вытащил письмо, на конверте которого значился адрес в
Большом Устюге.

— Дед Мороз, — представился гость. — Вы мне писа-
ли. Позовите, пожалуйста, Машеньку.

— А... Хорошо, сейчас. Проходите, пожалуйста. Я сей-
час её позову.

Он переступил порог и прикрыл за собой дверь.

Обстановка небогатая, но в доме чисто и уютно. А это
самое главное.

Что-то бормотал телевизор. В приоткрытую дверь ком-
наты виднелся праздничный стол.

Молодая женщина, оглядываясь, подошла ко второй
из двух комнат и, обращаясь к кому-то пока невидимому,
мягко сказала:

— Машенька, к тебе пришёл Дед Мороз.

Девочка лет трёх-четырёх выбежала в прихожую и замерла напротив гостя. Засунув пальчик в рот, принялась внимательно его разглядывать.

— Здравствуй, Машенька, — ласково произнёс он.

Девочка молчала. Мама пришла ей на помощь:

— Машенька, что нужно сказать Дедушке?

— Драстуйте! — с чувством ответила Маша.

— Здравствуй, здравствуй, красавица. Ты писала мне письмо, Машенька? — Против традиций не пойдёшь, и с детьми следовало разговаривать именно так.

Девочка молчала.

Вмешалась мама:

— Машенька, помнишь, мы писали письмо Дедушке Морозу? Помнишь?

— Да-а.

— А что ты просила у меня в подарок на Новый год, Машенька?

— Что мы просили в подарок? — Мама, видимо, взяла себе роль переводчика.

— Котёночка, — немедленно отозвалась девочка. Она мечтательно улыбнулась.

— Да нет, Машенька, мы просили не котёночка, а кого?

— Щеночка? — спросила девочка неуверенно.

— Ну, вспомни, Машенька, мы же просили, — сказала мама, — ку-у... Ну же, ку-у...

— Куклу! — выкрикнула девочка, радуясь тому, что наконец-то поняла, чего от неё добиваются взрослые.

— Правильно, куклу! — тоже обрадовалась мама.

— Ты просила куклу, Машенька? — Этого вопроса от него требовали правила игры.

— Да-а.

Он прислонил посох к стене и хлопнул в ладоши.

— Вот тебе кукла, держи.

Внимание ребёнка целиком сосредоточилось на игрушке, неизвестно каким образом оказавшейся в руках Деда Мороза.

★ Он подал Машеньке куклу, и девочка тут же прижала её к себе.

— Что нужно сказать Дедушке Морозу? — спросила мама.

Девочка с большим сомнением произнесла:

— Драстуйте.

— Да нет же, нужно сказать «спасибо».

— Спасибо, — послушно повторила девочка.

Но Дед Мороз, улыбаясь в бороду, сказал:

— Нет, она права — пока благодарить не за что. Тебе кого больше хочется, Машенька, котёночка или щеночка?

— Котёночка...

— Ой, да не стоит, что вы, — испугалась мама.

— Ничего, ничего. — Он уже проверил: у девочки аллергии не было, а котёнок обязательно будет здоровым, в этом сомнений не возникало.

Дед Мороз открыл дверь на лестничную площадку и позвал:

— Кис-кис, кис-кис.

Почти сразу откуда-то сверху послышался тонкий жалобный отклик котёнка. Немного погодя появился и сам зверёк, с трудом спускающийся по ступенькам. Дождавшись, когда котёнок приблизится, Дед Мороз подхватил его одной рукой и, развернувшись, поставил перед девочкой. Мучительно перебирая в памяти кошачьи клички, он наконец нашёл подходящую и доверительно сообщил девочке:

— Его зовут Барсик.

— Барсик, — послушно повторила она, восторженно глядя на маленького зверька.

Котёнок побежал в глубь квартиры, и девочка, взвизгнув, бросилась за ним.

— Спасибо вам большое, — сказала мама. — Вы не представляете, как это важно для нас. Я и не надеялась ни на что, когда писала вам письмо. Только... Сколько я вам должна за... за подарки?

— Нисколько. Какие же тогда подарки, если за них нужно платить?

— Нет, ну не можете же вы работать бесплатно...

— А это не работа, — оборвал он её. — Это моя жизнь.

Но она не верила. Она всё ещё не верила.

Дед Мороз не стал дожидаться её следующей реплики и сказал:

— До свидания. Счастья вам, пусть Машенька растёт здоровой и красивой. Ещё раз с Новым годом.

— До свиданья, — успела сказать женщина до того, как он вышел.

Дед Мороз так торопился, что едва не оставил посох, но успел на ходу подхватить его левой рукой. И осторожно закрыл за собой дверь — чтобы она не хлопнула.

Он ещё постоял немного на лестничной площадке. Тусклый свет голой, без плафона, лампочки силился разогнать мрак. Без особого успеха. Позади осталась старая деревянная дверь, обитая потрескавшимся дерматином. Дед Мороз вздохнул.

А где-то в другом районе города не слишком бедный бизнесмен отдал очередное распоряжение своему референту. С первого дня нового года нужно было начать переводить небольшой процент от ежемесячных доходов фирмы по определённому адресу. И обоих не заинтересовало, кто станет получателем этих денег. Незвестная ни бизнесмену, ни его референту маленькая семья, состоящая из молодой матери и маленькой девочки, её дочки.

Дед Мороз снова вздохнул. Его силы небезграничны, но пока они есть, нужно успеть кому-нибудь помочь.

* * *

Его долго не хотели пускать. Элитный дом, бдительная охрана...

Он совсем закоченел, стоя на одном месте в двадцатиградусный мороз. Даже Деду Морозу бывает холодно. Он переминался с ноги на ногу, пытаясь хоть как-то согреться, пока охранники выясняли причину его прихода. Эта процедура затягивалась. Естественно, у него не было ни-

каких доказательств, что он — Дед Мороз, а не киллер. А если учесть, что он явился без приглашения...

От холодной смерти его спасло появление хозяина. Дорогая чёрная иномарка тихо подкатила к воротам, и один из охранников приблизился к ней. Указывая на Деда Мороза, он почтительно обратился к человеку, сидящему на заднем сиденье:

— Владимир Борисович, этот — к вам.

— Правда? А что ему надо? — вальяжно ответил Владимир Борисович.

— Говорит, вашего сына поздравить пришёл, подарки принёс. Только почему-то у него с собой ничего нету.

Дед Мороз возразил ему:

— Как это — нет? Вот, пожалуйста, — и указал на красный мешок, лежащий у ажурной ограды.

Охранники недоумённо молчали, пытаясь осмыслить факт неожиданного появления этого мешка.

— Вы проверили деда? — спросили с заднего сиденья автомобиля.

— Ещё не до конца, — откликнулся один из охранников.

Дед Мороз демонстративно изобразил стойку футболиста, находящегося в «стенке» во время пробивания штрафного.

— Ну, в смысле ещё не закончили, — покосившись на него, уточнил охранник.

— Когда закончите, пусть идёт ко мне, — не допускающим возражений тоном сказали из автомобиля.

— Хорошо, Владимир Борисович.

Даже самый тщательный обыск не выявил ничего противозаконного. Но подозрительный мешок с подарками пришлось оставить у охраны.

Дед Мороз направился к зданию через аллею с заснеженными деревьями. В подъезде дома оказался ещё один пост охраны. Но здесь, видимо, уже знали о Дед Морозе, так что пропустили без особых проблем. Пока он страхи-

вал снег с валенок, лишь один из охранников наблюдал за ним. Второй не отрывал глаз от экрана монитора.

Огромный лифт с белым ковром на полу вознёс Деда Мороза на десятый этаж.

Дверь в квартиру была гостеприимно распахнута. Он вошёл.

И в нерешительности остановился. Снимать валенки? Здесь они были неуместны. Но Дед Мороз босиком вызвал бы чересчур сильное потрясение у ребёнка.

Появился приземистый полнокровный мужчина — видимо, хозяин.

— Заходи, заходи, чего стоишь в дверях?

Дед Мороз бросил взгляд на свою обувь.

— А, не беспокойся, — махнул рукой хозяин. — Пошли.

Он провёл Деда Мороза в гостиную.

Несколько тяжеловатая роскошь: мебель красного дерева, ковры, на стене — холодное оружие с искусной инкрустацией. И всё — вычурно, всё — напоказ, словно это музей. Жильём здесь и не пахло.

— Что пить будешь? — спросил хозяин, открывая дверцы бара.

— Водку, что же ещё? — вопросом ответил Дед Мороз. И пока хозяин не принялся перечислять содержимое своего бара, задал ещё один вопрос:

— Архипа уже позвали?

— Архип Владимирович сейчас придёт. Они разговаривают с отцом.

— А вы кто? — удивился Дед Мороз.

— Гувернёр. Ну, и охранник по совместительству.

Дед Мороз с осторожностью принял бокал со спиртным из рук гувернёра: озябшие пальцы плохо гнулись. Язык тоже, но нужно было поддерживать разговор:

— Когда-то вас называли бы «дядька»...

— Это называлось по-разному, — перебил его гувернёр. — Ты лучше пей, водку не греют в руках.

Дед Мороз глотнул из бокала. Процесс отогревания

шёл уже потихоньку, и алкоголь ускорил его. Тепло стало расходиться по всему телу.

— А вот и Архип Владимирович, — сказал гувернёр.

Вошедший мальчик был тщательно ухожен и не менее тщательно упитан. Он рухнул в кресло и развалился в нём. На составные части. А состоял он из самодовольства и усталой скуки: ну, чем ещё вы меня хотите развлечь?

Пожалуй, такого не удивил бы и босой Дед Мороз.

Чувство превосходства сочилось из каждой щели. Издевательским тоном Архип сказал:

— Ну, что, Дед Мороз, стихи тебе почитать? Пожалуй-ста:

Здравствуй, Дедушка Мороз, —
Борода из ваты.
Ты подарки нам принёс,
... пархатый?

И зло засмеялся.

Дед Мороз тоже не выдержал — настолько неожиданной для него оказалась декламация. Особенно последняя строчка — она была совсем не к месту. Густой, мощный смех Деда Мороза без труда заглушил хихиканье мальчика.

Архип с недоумением посмотрел на него: высмеял человека, обложил матерными словами, а тот хохочет. Но смех Деда Мороза был настолько заразительным, что гувернёр — который так и не назвал своего имени — тоже засмеялся. И мальчик, переводя взгляд с одного на другого, улыбнулся нерешительно, а потом и его захватила волна веселья.

Когда все трое успокоились, Дед Мороз сказал:

— Спасибо тебе за стихи, Архип, — давно, ох давно я так не веселился! За это я выполню любое твоё желание. — Он ударил посохом в пол. Но толстый ковер заглушил звук удара, украв ожидаемый эффект.

— Любое? — ехидно переспросил Архип. Он вновь скрылся в кокон усталости и пресыщенности. — Ты не сможешь. Дед-Морозов не бывает. Ты просто надел этот наряд и думаешь, что я поверю...

— Ты согласишься, — перебил его Дед Мороз.

— Почему это?

— Потому что я — настоящий Дед Мороз.

— Да-а? — Архип глумливо посмотрел на стакан в руке Деда Мороза. — Чем докажешь?

— У настоящего Деда Мороза — всегда борода из ваты. Если борода не из ваты — то это не Дед Мороз, а жалкая контрафактная подделка. Вот смотри, у меня борода — из ваты.

Мальчик слабо улыбнулся.

— А где тогда твоя Снегурочка?

— Снегурочки нет. Это фантастика.

Архип ухмыльнулся.

— Хорошо, тогда скажи, чего мне нужно?

— Легко. — Дед Мороз поставил стакан на стол и достал из-за пазухи письмо. — Ты сам написал. Что, зачитывать?

В глазах мальчика мелькнул испуг. Архип властно приказал гувернёру:

— Выйди! — И резко кивнул на дверь.

Тот что-то пытался сказать, но мальчик прикрикнул:

— Немедленно!

Гувернёр вышел из комнаты.

Архип подался вперёд всем телом и тихо, но жёстко сказал Деду Морозу:

— Отдай письмо.

— Пожалуйста, — протянул ему письмо Дед Мороз.

— Зачем ты пришёл? Шантажировать меня?

— Нет.

— Тогда зачем?

— Ты попросил меня в письме исполнить твоё желание...

— Забудь об этом.

— Нет, я могу тебе помочь. Но я бы предпочёл решить твою проблему другим способом. Почему ты хочешь посадить своего отца в тюрьму?

Архип метнул насторожённый взгляд на дверь.

— Я не хочу этого, с чего ты взял?

— В письме сказано, — указал на конверт в руках мальчика Дед Мороз.

— Я уже сказал, забудь об этом.

— А всё-таки? Что он тебе такого сделал, что ты хочешь...

— Замолчи! — перебил его Архип.

После долгой паузы он, уставясь в пол, начал говорить:

— Когда он сидел в тюрьме, мне кажется, он был... Ну, больше любил меня. И маму. Он всё говорил о том, что когда выйдет, мы станем жить вместе, гулять, веселиться... А сейчас... Приставил ко мне этого... — Мальчик кивком указал в сторону двери, в которую вышел гувернёр. — Мы видимся с папой раз в день, минут по десять, когда он приезжает домой. А с мамой он вообще теперь не общается. Я не знаю, зачем написал тебе письмо. Никак не думал, что ты появишься...

— Я могу помочь тебе.

Мальчик поднял лицо. На губах его играла скептическая усмешка.

— Да, я могу сделать так, чтобы твой папа стал больше с тобой общаться, помирился с мамой и уволил гувернёра. И не надо сажать твоего папу в тюрьму.

Мальчик недоверчиво смотрел на него.

Дед Мороз поднял глаза наверх, к глазку видеокамеры.

— Владимир Борисович, вы всё слышали? Я не буду вас заставлять — вы всё сделаете сами. Вы же любите сына. — Он закрыл глаза на мгновение. — У вас даже шифр сейфа — дата рождения Архипа. — А ты, — обратился он к мальчику, — будь осторожен в своих желаниях. Они могут исполниться. И береги своих родителей. Благодарю судьбу за то, что они у тебя есть.

Дед Мороз помолчал, собираясь с силами.

— С Новым годом! — громко сказал он.

И ударил посохом в пол — как можно сильнее. Но ковёр опять поглотил звук. Зато поднялся снежный буран, который закружился вокруг Деда Мороза, полностью скрыв из вида его крупную фигуру.

Метель недолго бушевала в комнате. Когда прояснилось, Деда Мороза не было. Хлопья белого снега медленно кружились по комнате, тихо опускаясь вниз. Порывом ветра у Архипа разметало волосы. Мальчик смотрел на снежинки, которые таяли в его ладонках.

На улице тоже шёл снег.

Дед Мороз прислонился к стене дома в соседнем квартале. Он потратил слишком много сил, но люди обожают сильные эффекты. Лишь бы внезапный уход привёл к какому-нибудь результату.

Может быть, люди прислушаются к словам Деда Мороза.

Он медленно зашагал прочь, тяжело опираясь на посох.

* * *

Здесь ему долго пришлось нажимать на кнопку звонка, прежде чем хоть кто-то откликнулся. Дверь открыла тихая заплаканная старушка в синеньком халатике. Она взглянула на Деда Мороза и впустила в квартиру без вопросов.

— Проходите туда, — указала она в направлении одной из комнат. — Серёжа там.

Сама она отправилась в противоположную сторону. Дед Мороз посмотрел, куда именно.

Кухня. Темно — горела только одна газовая конфорка. Синенький халатик старушки почти полностью скрывал свою хозяйку во мраке. Наверное, она плакала.

Дед Мороз пошёл к Серёже.

Мальчик сидел спиной к двери, низко склонившись над столом.

— Здравствуй, Серёжа. С Новым годом.

— Кто вы такой? — спросил мальчик, не оборачиваясь.

— Дед Мороз.

Ребёнок резко повернулся.

— Вы... Дед Мороз? — переспросил он.

— Да.

— А мама с папой? Они тоже пришли?

Было тяжело разрушать прозвучавшую в голосе ребёнка надежду.

— Нет. Это слишком сложно.

— Тогда зачем пришли вы? — со злостью сказал Серёжа. — Если вы не можете вернуть их, зачем тогда сами появились? Я бы думал, что моё письмо ещё не дошло, и надеялся на их возвращение. И ждал бы, что когда-нибудь...

Он умолк на всхлипе. Повисло молчание. Лишь часы на стене продолжали своё вечное тиканье, отмеряя время, оставшееся до наступления Нового года.

— Я мог бы помочь тебе, — нарушил молчание Дед Мороз.

— Вот только не надо врать! Если бы могли — вернули бы маму с папой!

— Понимаешь, Серёжа, это не так-то легко сделать...

— Но ведь вы же — Дед Мороз! — с горечью возразил мальчик. — Вы можете исполнить любое желание, которое ребёнок загадает на Новый год!

— Да, это так.

Дед Мороз приблизился к столу, за которым сидел Серёжа. Бросил взгляд через плечо мальчика в круг света, отбрасываемый настольной лампой. Там лежал рисунок, выполненный в тёмных тонах.

— Я. Могу. Выполнить. Любое. Твоё. Желание. — Каждым словом можно было вбить гвоздь. Дед Мороз помолчал и продолжил: — Но... — Трудно было сформулировать мысль так, чтобы её понял ребёнок. — Пойми, жизнь — как рисунок. Можно что-то исправить, пока не просохли краски, — Дед Мороз провёл пальцем по бумаге, размазывая картинку. — Но понравится ли тебе то, что получится?

— Мне всё равно! Я хочу, чтобы вернулись мама с папой! — крикнул мальчик.

— Хорошо. Как скажешь, — устало произнёс Дед Мороз.

Он опустил плечи, слегка ссутулился, и оказалось, что его рост не так уж и велик. Фигура теперь выглядела не

слишком внушительно. Тело словно бы уменьшилось. Да и голос заметно изменился, когда мужчина сказал:

— Сынок, ты что, не узнал меня? Это же я, взгляни на меня. Это же я.

Мальчик поднял голову и неуверенно спросил:

— Папа?

Мужчина в костюме Деда Мороза присел и раскрыл объятия. Ребёнок бросился к нему.

— Папа. Папа! Папочка... — бессвязно бормотал мальчик, обнимая отца. — Я знал... Я...

Неожиданно Серёжа увидел через плечо своего папы ещё одного человека, вошедшего в комнату.

— Мама! — закричал мальчик. — Mamочка!

Он высвободился из объятий отца, подбежал к матери и обхватил её за талию, уткнувшись в мягкий живот. Мужчина подошёл к ним, одной рукой обнял жену, а другой потрепал затылок сына, аккуратно — так, чтобы не вытереть о его волосы палец, испачканный краской.

— Ну, вот мы и вместе. Все вместе.

Мальчик резко вскинул голову:

— А бабушка? — Он выбежал из комнаты, радостно крича: — Бабушка! Бабушка! Мама с папой вернулись! Бабушка!

Его папа в костюме Деда Мороза и мама в синеньком халатике обменялись недоумёнными взглядами.

Серёжа вернулся в комнату, насупившись. Глядя исподлобья на родителей, он спросил:

— Где бабушка?

На листе бумаги, лежавшем на столе, подсыхали краски безнадёжно испорченного рисунка.

ПОДКИДЫШ АДА

Мертвый город

1

На седьмом витке сорвало центральный слипс — процессы пошли обвально. На девятом — взрывом разнесло кормовую часть корабля. Зеленые заросли под кораблем накрыло чудесным снежным зарядом выброшенных в атмосферу микроскопических вольфрамовых спиралей.

«Еще, еще... Где ты этому научился?..»

Интерпретации перехваченная информация не поддавалась.

Выпучив сайклы, Аххарги-ю держался. Он успел обозначить контуры будущего существования: сущность -тен отстрелило в районе северного полюса над белыми ледяными островками, сущность -лепли развевало над зеленым массивом тропиков. Электромагнитные сигналы, беспорядочно колеблющиеся мембраны отбора, вряд ли стоило относить к системным. Зеленая планета не относилась к мирам, облагороженным разумом. Перехваченные сигналы вполне могли прорваться из будущего. Даже из чрезвычайно далекого будущего. На таком подходе настаивал, например, контрабандер нКва, заподозренный в Ошибке. Потому Аххарги-ю и отправился на зеленую планету, а нКва разместили под охраной на одном уединенном коричневом карлике. Единственными соседями контрабандера были теперь Козловы — шумная, хамоватая, неопрятная триба, из-за которой, собственно, разгорелся весь сыр-бор.

С мягким шипением обломки корабля сгорели в атмосфере.

Бесшумный взрыв вспугнул не вовремя проснувшегося ленивца. Зверь вскрикнул и разжал длинные когти. За многие миллионы лет пронзительный страшный свет впервые выделил в джунглях каждое растение, выбелил жирную почву, смял гнилые кочки, влажно шевельнул раздутыми воздушными корнями. Воздушной волной вдавило в раздавшийся влажный подлесок грандиозные облака москитов, сорвало тучи листья, горячим вздохом опалило перевившиеся по стволам лианы. Сбитые лепестки орхидей окрасили реку почти по всему течению. Черви в моментально прогретшемся иле замерли, рыбы застопорили движение плавников.

После такой чудовищной вспышки ливень показался черным.

Успеть войти в живое чужое тело! — вот главное, о чем помнил Аххарги-ю, расчетливо расправляя спутавшиеся щупальца. Вне сущностей -*тен* и -*лепли* азотно-кислородная среда была для него убийственной. Если в течение короткого времени не попасть в какое-то из местных живых тел, гибели не миновать. Можно окислиться. Можно превратиться в беспорядочное облако оплавленных вольфрамовых спиралей. Можно превратиться в медлительно размышляющую скалу.

Аххарги-ю не нравились все варианты.

Сущность -ю сама по себе не может противостоять энтропии. Следовало срочно спрятаться в одной из местных живых форм. В миллионную долю секунды, пока чужой мир насквозь, как рентгеном, просвечивало звездной вспышкой, Аххарги-ю успел рассмотреть мутную реку, зеленые душные заросли, сплошной массой заполняющие пространство до самого горизонта, а на широкой, поблескивающей под Солнцем протоке — два связанных цепями плавающих сооружения. Одно — латинской косой оснастки, другое — ошестинившееся, как сороконожка, обломками весел. Над выгнутыми бортами вспухали плотные клубы порохового дыма, звучали хлопки выстрелов. Двуногие запаленные существа с хриплым ревом карабкались по веревочным лестницам, глухое эхо отража-

ло дикие голоса. На носу судна, сохранившего косой парус, на длинном бушприте раскачивалась над волной понурая человеческая голова. Возможно, своеобразное проявление каких-то неизвестных обрядов, решил Аххарги-ю. В отчете контрабандера такие штучки упоминались.

Двуногие с хрипом карабкались на высокий борт, прыгали на палубу, густо залитую кровью. Они задыхались. Они возбужденно орали. Они наносили и отражали удары. Рывкнула, но тут же умолкла пушка. Обжигаясь дымным воздухом, давясь его горячими влажными струями, Аххарги-ю неясным облачком поплыл к оборванному, нелепо перекошенному существу. Оно особенно активно хрипело, пытаясь прорваться на шканцы. Одна нога у него была деревянная, но это не мешало ему махать топором, подавая пример приятелям.

Локация ничего не прояснила.

В голове одноногого никаких особенных мыслей не водилось.

Нельзя же считать мыслями опосредованные воспоминания о некоем чудесном «Альманахе». По-видимому, прыгающие по палубе существа умели переносить некоторые свои мысли на грубый материальный носитель. Впрочем, пес, помочившийся на чужой кустик, тоже переносит некоторую примитивную, но вполне понятную мысль (метит территорию) на материальный носитель (кустик). «Альманах», почему-то возникший в смутном сознании одноногого, являлся такой меткой. Он не только ему запомнился. Он помогал ему в определенной последовательности запоминать дни недели и месяца, таблицы приливов и отливов, полезные астрономические данные и вычисления, даже необычные предсказания, подтвержденные грубыми гравюрами. «Приснившаяся виселица означает беспорядок в душе. Еще — указание на близкие неприятности». — «Не стоило нападать на «Делисию», — беспорядочно металось в голове одноногого. — Все-таки двадцать пушек... И королевский обученный экипаж... Куда против них с такими придурками?... Правда, на посудине, которую мы срубили, не выйдешь в море...»

Скачущие мысли одноногого о разуме говорили не больше, чем умение вирусов проникать в структуры, жизненно необходимые для собственного развития.

«Ну да, потопленная «Жемчужина»... — металось в голове одноногого. — Нам еще припомнят командера Тиззарда... Умирая, он так и сыпал проклятиями... Испанский пинк «Орел»... Мы сожгли его в бухте Всех Святых... — Мысли одноногого казались Аххарги-ю страшно однообразными. — Бригантина «Сара»... Пущена на дно в устье Ориноко вместе с капитаном Стаутом, привязанным к мачте... Уолтеру и не снилось, что случится с одним из его людей... Шлюп «Бентворт»... Весь экипаж в трюме... Зря они вышли из Бристоля в пятницу на тринадцатое... Тут некого винить. Тут не мы виноваты... Барк «Картерет»... Топить его было ошибкой... Мы могли оставить экипаж в трюме, как сделали со шлюпом «Олень»... Кто мог знать, что он набит бочками с порохом... Наконец, галера капитана Крейда, так удачно перехваченная в устье реки, но тут же потерянная по небрежности перепившихся привати́ров... Мы ждали в этой индейской деревушке почти полгода... Индейцы охотились и собирали плоды, а женщины составили с привати́рами как бы новые семьи... И тут «Делисия»... Двадцать пушек... Не спешить... Виселица просто так не снится...»

Стремительный топор так и блестел.

В ничтожные отрезки времени одноногий успевал поставить перед собой столько полей защиты, что Аххарги-ю, зависший над мокрой палубой неким неясным, размазанным в пороховом дыму облачком, просто не успел втянуться в чужое сознание. Торопясь, задыхаясь в опасной для него среде, он успел только повторить очертания капитана Морта — решительного джентльмена в удобном камзоле с позументами и богатыми кружевами на обшлагах, в белом парике, в чулках, плотно облегающих потные ноги. Короткими ударами шпаги капитан оттеснял нападавших и громко призывал команду сбросить нежданных оборванцев с борта шлюпа.

★ Двдцдтпущечндр «Делисид» вошл в устье реки все-го сутки нздд.

От индейцд, поймднного нд берегу при наборе пресной воды, кдптдн Морт узндл, что в крошечном поселке уже полгодд прдчетсд комднд зтонувшего нд реке привдтирского суднд. Из облмков, выбрсываемых течением нд берег, негоддд ддже сумели пострмть небольшое судно. «Бдто, — обдяснил индеец кдптдну, хотя речь шл все-тдк о лодке, д не о кдкдой-то тдм долбленой пироге. — Злой дух Ддд-Ддд вселдлся в плохдх людей. Они всех убьют».

Подумдв, кдптдн Морт решдл сдм захвдтть пдратов.

«Кждое лдцо, — сурово ндпомнл он комднде, — еслд возьмет в плен любого пдрдтд нд море или нд суше или убьет тдкового при сопротивлении, при прдствдлении необходдмых докдзательств умерщвления, будь то ухо, нос или друдгд чдсть телд, получит зд убдтого соотвествующее возндрдждение. Зд комднддр — сто фунтов, зд рулевого, боцмдн или плотннкд — сорок, зд всех прочдх по десдтд. Тдк сдзано в Морском уставе, и еслд кто зблл этд простые слова, д ндпомню их вдм здвтрд, когдд рдзвесдм негоддев по реям».

«Боже, хрднл королеву!» — дружно ответдл комдндд.

Но кдптдн Морт хотел убеддться в их решдтельно-стд. Он не первый год бороздл южные моря и зндл, с кдкдымд люддымд обдчно прдходдтся дметь дело. «Еслд вы збллд Морской устав, — сурово ндпомнл он, — зндйте, что ддл трусд прдждевременндр смерть нд в коем случде не будет едднственным ндкдзднем. Д зндю, что порок вдм прдвдчен, вы еждедневно в нем упрдждняетесь. Только истднндр службд Господу и королеве может вдс спдстд». И столь же сурово ндпомнл, что трусов и отступннкмв ждет вовсе не рдй, д кдплдщее озеро расплвленной смолы. И поведут их в рдй не прд свете кордбельного фдндря, д прд мерзкдх отсветдх свечей, влдтдх из человетчье-го ждрд. Звук адского потрескдвдющего огня, сурово ндпомнл кдптдн Морт, любого здстдвдт трепе-

тать, ибо как можно богобоязненному человеку жить при вечном пламени? «Трусость и грех есть главное унижение человеческой натуры. Господь и королева этого не терпят».

И яростно указал шпагой на голову голландского приватира, месяц назад отделенную от тела и очень уместно украсившую бушприт «Делисии». Голландец попал в руки капитана Морта при потоплении шлюпа «Южная орхидея». Ничего личного.

Первое превращение Аххарги-ю не удалось.

Он промахнулся. Он не вошел в сознание капитана.

Хуже того, он возник рядом с джентльменом, как некое его идеальное отражение, как чудесный материальный двойник — богатые, но частично уже сорванные кружева на обшлагах, шпага, белый парик на потной голове, полосатые чулки, изломанный в крике рот, исторгающий богохульства. Одноному с топором пришлось бы совсем плохо, поскольку капитан Морт умело загнал его в угол между фальшбортом и надстройкой, но появление двойника пусть на секунду, но ошеломило капитана. Не имея времени осознать суть случившегося, он просто пронзил своего двойника шпагой. Видимо, он не считал такие происшествия добрыми и не хотел, чтобы второй капитан Морт принялся командовать. Аххарги-ю даже вскрикнуть не успел: стремительная шпага проделала в двойнике такую дыру, что удержаться в чужом теле оказалось невозможно.

Тогда Аххарги-ю вошел в сознание канонира Джеббса.

Умело орудуя банником, черным от гари (им недавно прочищали ствол пушки), канонир Джеббс видел спрятавшегося за бухтой троса черного мальчишку — эфиопа, снятого капитаном Мортом с борта потопленного гвинейца, под черным гафелем доставлявшего невольников к берегам Америки.

Маленький эфиоп стонал.

Он стонал не от ран. Ему было страшно.

Он совершенно не понимал белых людей. Он совер-

шенно не понимал событий, в которые вовлекла его судьба во время той последней несчастной прогулки по родному гвинейскому берегу. Ему почему-то казалось, что это из-за него разные белые люди так неумоимо ссорятся, стреляют и убивают друг друга. Он никак не мог взять в толк, что в нем такого хорошего, что эти странные белые ради него забывают сон и отдых?

Аххарги-ю тоже ничего не понимал.

Кто-то ударил его сзади кортиком. А выстрел сразу из двух пистолей довершил дело.

Банник с грохотом покатился по окровавленным доскам. Отброшенный выстрелом канонир ужаснул маленького ефиопа не меньше, чем недавнее появление капитанского двойника. А вновь выброшенный из чужого тела Аххарги-ю почувствовал удушье. Мембраны отбора жгло, сайклы слезились. Чтобы не сгореть в слишком активной для него среде, Аххарги-ю, не раздумывая, вошел в тело только что убитого обрушившимся обломком реи корабельного плотника.

Нападавшие и отбивавшиеся оцепенели.

Они впервые видели, как поднимается на ноги труп, у которого надежно проломлена голова, а обе ноги выше и ниже колен перебиты картечью. Отрубленная кисть руки валялась на просмоленных досках палубы, левый вытекший глаз плотника ничего не видел, зато правый вращался. Он ужасно подмигнул остолбеневшему капитану Морту и попытался что-то крикнуть, может, даже: «За королеву!» Но для пущей надежности корабельного плотника коротким копьём тут же пришили к плану, чтобы впредь никогда не вытворял такого.

Аххарги-ю растерялся.

На протяжении двух минут его трижды выбивали из чужих тел.

В этом мире явно не любили двойников, это он понял. Также не любили и покойников, это он тоже понял. Контрабандер, кстати, упоминал схожие случаи. Однажды он, например, сам пытался притвориться Козловым. Хотел почувствовать их отношение к жизни, а получилась

какая-то чепуха. Сперва его крепко прижали лицом к мутному зеркалу, а потом били бутылками.

Вся триба.

Как с ума сошли.

Но так оно и должно происходить, помнил Аххарги-ю.

Ведь существа, не вступившие на тропу разума, боятся отражений.

Они сердятся, увидев свое отражение в зеркале или в тихой воде, и всегда ведут себя в этих случаях агрессивно. Неясной оставалась лишь суета, царящая на палубе «Делисии». Картечь, шпаги, топоры... Может, они размножаются делением?.. Аххарги-ю опять нырнул в искалеченное, пришитое копьём к борту тело корабельного плотника. У него не хватало не только кисти руки, но Аххарги-ю за считанные доли секунды успел нарастить казавшуюся ему нужной массу. Раздробленные ноги мертвеца вдруг будто распухли, грудь сильно выпятилась. Искалеченный мертвец вызывающе возвысился над дерущейся толпой, а рваные клочья дыма, окутавшие палубу, придали ему непомерно грозный вид. Конечно, несколько избыточные уши... Но они помогали улавливать беспорядочные сигналы... *«Еще, еще... У тебя так сладко получается...»* Обозленная душа плотника путалась в оплывающем сознании, что-то там выскребала, ругалась, никак не хотела отправляться к вонючим серным озерам. В принципе Аххарги-ю ничего не имел против симбиоза, но пуля, выпущенная одним из оборванцев, в панике бегущих с палубы «Делисии», окончательно вышибла из плотника душу.

Времени не было.

Аххарги-ю впрыгнул в боцмана.

2

Чужие волосы падали на глаза, потная кожа чесалась.

Зато Аххарги-ю получил передышку. Он дышал полной грудью.

В усталом и потном теле боцмана атмосферный кислород уже не опалял его жгучими факелами. Теперь Аххарги-ю мог внимательнее присмотреться к существам, к

которым попал. На скользкой палубе, среди хрипа и рева, в плотном пороховом дыму, под звон железа и сумасшедшие выкрики происходил, возможно, самый обычный процесс деления, но Аххарги-ю сбивало с толку то обстоятельство, что количество существ почему-то уменьшилось.

И двигаться они стали быстрее.

Добравшись до индейского поселка, схватили немного вещей, в основном пищу, и сразу двинулись по заросшему берегу, боясь погони. При этом сумеречное сознание боцмана до предела было насыщено всевозможными знаниями о его пылящих спутниках и всех их прародителях по седьмое, а то и по девятое колено. Вряд ли знания боцмана были точны, вряд ли указанные им прародители могли длительное время существовать при столь ужасных физических и моральных недостатках, но боцману, видимо, особой точности и не требовалось.

Аххарги-ю сразу выделил главное.

Например, длинный жилистый человек в кожаных штанах и в грязном нашейном платке охотно отзывался на имя Нил. Когда-то он жил в Дублине. Точнее, даже не в самом Дублине, а в одном из его пригородов с непристойно длинным, непроизносимым названием. Но Нил и не произносил его никогда. На это у него были веские причины. Кровь, которую Нил неосторожно размазал по лицу, к счастью, не была его собственной; просто в горячке боя он кого-то не совсем неудачно ткнул ножом. Сейчас, торопясь как можно быстрее уйти от брошенной на берегу полузатонувшей лодки, в которой они сами и наделали дыр, Нил страстно желал оказаться в родном пригороде, хотя ничего, кроме петли и плачущих родственников, его там не ожидало.

Это, кстати, злило его даже больше, чем неудачный абордаж «Делисии».

Вторым был Сэмюэль Бут, ранее житель Чарльзтауна. Как все опытные приватиры, он любил хватать чужое и страшно не любил терять. Сегодня ему как раз не повезло: он ничего не добыл и потерял палец. Можно было считать, что Бут отделался легко, но все равно потеря пальца

его угнетала. Спеша за Нилом, он время от времени для верности поддавал ногой маленькому ефиопу, ножом-мачете прорубающему тропу. Покинув ненавистную «Делисию», маленький ефиоп восторженно вскрикивал. Все это несколько облегчало страдания Бута.

Длинноволосое существо на деревянной ноге звалось Джоном Гоутом. Оно жевало табак, злобно сплевывало и изрыгало проклятия на нескольких языках.

Джону Гоуту тоже не нравились спутники, но и об оставшихся на палубе «Делисии» он нисколько не жалел. Он хорошо знал, что виселица никогда не снится просто так. Водянистый взгляд его засасывал, как морская пучина. Пробраться по каменистому, неровному, кое-где заиленному и густо заросшему папоротником берегу было очень не просто, — одноногий здорово отставал. Деревянная нога цеплялась за камни, оставляла след, похожий на отпечаток копыта.

Оглядываясь, Сэмюэль Бут ругался и клал крест здоровой рукой.

Сканируя сознание одноногого, Аххарги-ю никак не мог получить отчетливую картинку.

Ну да, чужие корабли, ужас.

В неразумных существах много ужаса.

Хотя Джону Гоуту явно везло. Так считал он сам.

Когда-то ядром ему оторвало ногу, но он выжил. С деревянной ногой по выбленкам не очень побегаешь, Джон Гоут пристроился к канонирам. Никто не знал настоящего его имени, но он поворачивал голову на оклик: «Джон». Не важно, что на этот оклик поворачивали головы многие приватиры, Джон часто успевал повернуть голову первым. За потерянную ногу он имел право получить пятьсот реалов или трех рабов. Боясь слишком быстро пропить так трудно доставшееся ему золото, Джон Гоут выбрал рабов, но пропил он их еще быстрее, чем пропил бы деньги.

Даже оловянную кружку пропил.

Кстати, Джон Гоут, тогда еще совсем молодой и, разумеется, двуногий, простым матросом служил на борту английского фрегата «Месть». Однажды адмирал Томас

Хоуард ушел в море, намеренно оставив названное судно наедине с «Двенадцатью Апостолами» испанцев в бухте Ачибо. Личные счеты с капитаном «Мести» привели английского адмирала к такому неразумному решению: ведь при выходе из Плимута сама королева Елизавета ласково пожелала удачи и безопасности всем английским кораблям, как если бы сама находилась на борту одного из них. Долгое время считалось, что экипаж фрегата полностью погиб в неравном бою, но Джону Гоуту повезло: пули в него не попали, акулы не тронули, а пленил его лично дон Антонио де Беррео. Он неплохо относился к пленнику, надеясь выгодно его продать. Он даже угощал пленника вином, непременно напоминая: вино любого может превратить в скота, оно отравляет дыхание, нарушает естественную температуру тела и деформирует лицо.

Сам онпил ровно столько, сколько считал нужным.

Обычно на седьмой чаще смутное лицо дона Антонио деформировалось, и он начинал рассказывать своему пленнику о далеком, затерянном в джунглях городе. Там все сделано из золота и драгоценных камней, вытирал дон Антонио потный затылок. Там короля купают в хрустальной ванне, а потом из специальных тростниковых трубок с ног до головы обсыпают желтым порошковым золотом. А в саду, рассказывал дон Антонио, вытирая большим платком потное, деформированное вином лицо, растут золотые растения. Дыхание дона Антонио становилось отравленным. И птицы, и ветки, и трава в саду, сообщал он, все — золотое. От таких слов естественная температура тела у дона Антонио еще сильнее поднималась. Только ручей в саду, делал он небольшую скидку, течет самый обычный.

Воду ведь не сделаешь золотой.

У названного испанца Джон Гоут многому научился.

Например, пить и буянить, а также петь песни на разных языках.

Косые латинские паруса теперь не пугали Джона Гоута, как не пугали его и никакие другие, как бы они ни выглядели на морской глади. Когда ядром Джону Гоуту оторвало ногу, он сразу сказал себе: некоторым повезло

еще меньше. Когда на дырявой галере его занесло на мутные просторы Ориноко, он сразу себе сказал: в таких глухих дырах надеяться нужно только на себя. Местные жители всегда будут убегать от ужасного одноногого человека, а королевские суда — неустанно преследовать. Он понимал, что даже маленький ефиоп не оставляет ему места в будущем. Особенно в джунглях, где погибают и более приспособленные.

Один только боцман не испытывал сомнений.

Много лет он мечтал, как в море, окунуться в джунгли.

В сумеречную душную бездну, густо оплетенную лианами, расцвеченную орхидеями, в паутинные болота, в гниль, в ядовитые туманы тянули боцмана яркие воспоминания об одном умирающем упрямом человеке, на которого он три года назад случайно наткнулся в глухой индейской деревушке. Приватирский барк «Три грации» встал на кренгование возле безымянного островка. Время от времени боцман охотился на глупых лабб и акури, похожих на одичавших поросят. Он не считал грабежи плохим делом, поэтому основательно почистил и попавшуюся на пути индейскую деревушку. Кроме нескольких золотых вещиц, он нашел в одной хижине умирающего белого. Вообще-то волков не должно быть много, считал боцман. И успокоился только после того, как уверился, что неизвестный действительно умирает.

Кровь и деньги обычно связаны, но в данном случае неизвестный бродяга, порк-ноккер (старатель), как он сам назвался, умирал сам по себе. Господь, создавая живые существа, отлично знал, кто кому пойдет в пищу, поэтому боцман и не мучил себя сомнениями. Под именем Беннет он когда-то служил правительственным осведомителем на Барбадосе и многому там научился. Ему нравился Барбадос, и он никогда не уехал бы с острова, не привлеки однажды его внимание заезжий англичанин. Весь в голубом шелку, в полосатых шерстяных чулках, в парике, при шпаге — настоящий джентльмен, и в кошельке у него водились настоящие фунты. К несчастью, ограбленный оказался личным гостем губернатора, — пришлось бе-

★ жать с острова. Шлюп «Винсент» под командованием капитана вен Кези в течение почти полутора лет успешно гонял испанских морских торговцев, но в один вовсе не прекрасный день на траверзе мыса Одд наткнулся на военные корабли. В плену боцман провел ровно год. И почти весь год таскал тяжелые ящики с золотом и серебром через влажные болотистые перешейки Самарги. Однажды боцман решился на побег, и это ему удалось. Умирая от раскаленных укусов мух кабури, злобно перебирая четки, вырезанные из душистого дерева пальмисте (он сорвал их с зарезанного им солдата), боцман сумел добраться до неизвестного берега.

Порк-ноккер, на которого боцман наткнулся в глухой индейской деревне, оказался на редкость неразговорчивым, но боцмана это не смутило. Он умел разговаривать и не таких. Путь, подсказанный искателем алмазов и золота, навсегда запечатлелся в его сознании. Аххарги-ю с некоторым изумлением всматривался в мысленную карту. Досконально известно, что на планетах, подобных Земле, существа, не достигшие истинного разума, обладают особым искусством оставлять тайные знаки. Например, метка росوماхи способна не пустить конкурентов на занимаемую ею территорию, а медведь, оставивший царапины на высоком дереве, может не беспокоиться за свой участок. Всматриваясь в мысленную карту, запечатленную в смутном, но уверенном сознании боцмана, Аххарги-ю чувствовал странную, не поддающуюся анализу тревогу.

Порк-ноккер, сумевший вырваться из зеленого ада, много знал.

Сотрясаясь в приступах лихорадки, он рассказал о желтом золоте, прозрачных алмазах и волшебных кристаллах горного хрусталя. Когда боцман подпалил порк-ноккеру пятки, он вспомнил о чудесных бериллах. Задышавшись от боли, проваливаясь в бессознание и снова из него всплывая, порк-ноккер подтвердил свои же слова о том, что он действительно побывал в некоем мертвом городе. На океанском побережье любят поговорить о заброшенных древних городах, но мало кто сам решается

оставить линию прибора. Чтобы добраться до утрюмого зубчатого хребта и перевалить на другую его сторону, хрипло утверждал порк-ноккер, подбодренный шеффилдской волнистой сталью боцманского ножа, нужно выйти точно на речку, течение которой само вынесет тебя к мертвому городу.

Это нелегко.

Надо уметь ориентироваться.

«Знаешь, чем я займусь однажды? Ну, когда меня от моря начнет тошнить?» — не раз спрашивал боцман Джона Гоута, с которым почти подружился в совместных плаваниях.

Джон, конечно, знал, но всегда отвечал: «Не знаю».

«Хорошим делом, — подмигивал боцман, пробуя на пальце остроту ножа. — Очень хорошим делом. — И видя, что одноногий показывает заинтересованность, настоятельно оглядывался: — Видел когда-нибудь настоящий алмаз?»

«Нет, только стекляшки».

Тогда боцман снова оглядывался.

Только убедившись, что они одни, он извлекал из потертого кожаного пояса, подвязанного на животе, сверкающий безупречный восьмигранник. Зачарованный острым холодным огнем камня Джон Гут (не в первый раз) спрашивал: «Тебе подарил его тот порк-ноккер?»

«Ну да».

Боцман никогда не выдавал деталей.

Чаще всего он подавал вечерние беседы с порк-ноккером как маленькое волшебное чудо, которое он всего лишь слегка оттенил раскаленным в огне ножом. Известно, что порк-ноккеры молчаливы, значит, приходится развязывать им языки. Даже умирая, тот тип сперва не хотел объяснить, как легче добраться до мертвого города. А когда все-таки объяснил, боцман зарезал порк-ноккера, потому что тот с ног до головы был покрыт страшными язвами и мог умереть в любой момент.

В течение трех лет боцман пытался отыскать двух таинственных женщин, с которыми порк-ноккер вроде бы

вернулся из мертвого города. Эти женщины вроде бы сперва помогали спутнику, а потом бросили, увидев, что он умирает. Боцмана не интересовало, каким образом женщины оказались в джунглях, почему помогали порк-ноккеру, а потом бросили его, главное, эти женщины могли помнить дорогу к мертвому городу.

К счастью, узнал боцман, обе попали в руки англичан и были приговорены к смерти.

Наверное, было за что. Так о них говорили. Когда суд спросил, может ли хоть одна из них объявить что-то такое, отчего смертный приговор не стоит приводить в исполнение, одна из женщин указала на свой оттопыренный живот, а вторая бессмысленно забормотала что-то про большие богатства, спрятанные в лесах. Но о богатствах бормочут многие, особенно те, у кого и пенни в кармане нет, поэтому приговор оставили в силе. А оттопыренный живот вообще никого не удивил, ведь для своего спасения каждый старательно использует все доступные средства.

«У тебя только один алмаз?»

Боцман хмуро качал головой: «Только один».

Порк-ноккер вроде бы нес из мертвого города много камней, а также большое блюдо из чистого золота. А те две женщины несли меч, рукоять которого была густо посыпана рубинами и алмазами.

Но теперь проверь!

Зато боцман твердо верил: дорогие вещи и камни прекрасно снимают с человека грехи — даже самые черные. Он знал: дорогие вещи и камни дают возможность, сменив имя, профессию, национальность, мирно благоденствовать в тех странах, где люди не догадываются о существовании пиратов и приватиров. «Порк-ноккер спрыгнул с ума, — объяснял он одноногому. — Он не боялся Джона Гоута, потому что считал себя сильнее. Порк-ноккер спрыгнул с ума... Ну там... блеск ножа... запах гари...» Но и в этом состоянии порк-ноккер, оказывается, успел рассказать боцману про ужасных идолов из чистого золота, про множество чудесных золотых дисков и полумесяцев тончайшей работы, украшавших дворцы мертвого го-

рода. «Сегодня только я знаю путь в джунглях, — говорил боцман. — Порк-ноккер умер, а тех подлых женщин повесили. Господу угодно было указать мне путь к мертвому городу, но я не такой дурак, чтобы рисовать карту и таскать ее при себе. Поэтому карта хранится вот здесь. — Он грубо стучал себя кулаком по голове. — Уж сюда-то никто не залезет».

В этом он ошибался.

Аххарги-ю четко видел мысленную карту боцмана: уединенные протоки и реки, мерзкие мутные болота, в которых с хлопанием возятся аллигаторы, зубчатые каменистые хребты, покрытые лохмами туманов, холодные ревущие водопады, темное ущелье — все совсем такое, каким запечатлелось в памяти порк-ноккера, а потом перешло в память боцмана.

Аххарги-ю четко видел тропу, теряющуюся в непроходимом подлеске.

От того, что ржавая вода там пробивалась небольшими ручейками сквозь нездоровую болотистую почву, местность перед мертвым городом кишела многими ядовитыми червями и змеями. А на ветках деревьев, низко нависающих над прозрачными ручьями, росли шершавые, как бы закаменевшие устрицы.

3

Костер разожгли только к вечеру.

Все понимали, что капитан Морт не оставит беглецов в покое.

Если не сегодня, то завтра лодки рванутся вверх по реке, чтобы найти и уничтожить бежавших приватиров. Никто не хотел, чтобы его голова болталась под бушпритом «Делисии». А характер капитана Морта был всем хорошо известен. Этот джентльмен не знал пощады, поэтому Бут, Нил и ефиоп следовали за боцманом, даже не спрашивая, куда он их ведет.

Но на привале Нил заговорил об оставленной деревне.

— Там сейчас люди капитана Морта, — покачал головой Сэмюэль Бут, неодобрительно разглядывая нагноив-

★ шуюся рану. Палец, отрубленный клинком, ныл. Вот нет его, а ноет. Бут с ума сходил от ноющей боли. Он искал ссоры. — У тебя лицо исцарапано...

Ничего не значащими словами он как бы подчеркивал никчемность ирландца.

Вот у меня только девять пальцев, как бы подчеркивал Бут, но я шел первым, рубил тяжелым мачете подлесок, а на моем лице ни одной царапины. Получалось, что он, Сэмуэль Бут, ранее житель Чарльзтауна, знает и море, и джунгли. Он хорошо ходит и по воде, и по суше. А кое-кто... Будто черви... Кольчатые или пресноводные.

Ирландец благоразумно отмалчивался.

Он много чего нахлебался в жизни и знал, что ссориться с приятелем — последнее дело. К тому же он не собирался нагружать свои мозги проблемами Бута. Отрубили палец — терпи. Вон Джон Гоут ползет по тропе на одной ноге и не жалуется. Ну, капитан Морт взял верх, так бывает. Но мы ушли, мы пока живы.

Так и должно было произойти.

Двуногие непременно должны были схватиться.

В своем отчете контрабандер нКва особо подчеркивал их полную несовместимость. Аххарги-ю помнил эти страницы. К тому же неразумность обитателей Земли не раз уже подтверждалась самыми нелепыми поступками трибы Козловых, живших в самом тесном симбиозе с сохатыми и кобыленкой, которую они почему-то называли казенной.

Рано или поздно обитатели Земли перебьют друг друга. Значит, переправить часть такой активной биомассы в другие миры — спасти ее.

Так утверждал знаменитый контрабандер, и Аххарги-ю склонен был верить другу милому. Его собственное вхождение в чужую жизнь было рассчитано на несколько местных столетий, — этого должно хватить для внимательного просмотра земной истории трибы. Конечно, Аххарги-ю прекрасно понимал, что без сущностей -тен и -лепли его миссия обречена на провал: он не выживет в слишком активной для него атмосфере.

Как это ни парадоксально, но спастись ему помогут эти беспокойные существа.

Ну да, они агрессивно настроены даже друг против друга, но без них он не вернет потерянные сущности. А без сущностей *-тен* и *-лепсли* он очень быстро потеряет последние силы и окислится.

Сумеречное сознание боцмана радовало Аххарги-ю.

Очень простое, оно не мешало определять нужное направление.

Немного мыслей о жратве, немного беспокойства о приватирах, попавших в руки капитана Морта, раздражение, вызванное ноющим Бутом, но над всем этим — огромное, неуклонное, непобедимое желание добраться до мертвого города.

Можно было подумать, что боцман тоже хочет добраться до сущности *-тен*.

Но боцмана привлекало нечто другое: металлы, которые он почему-то считал редкими, камни, которые тоже к редким не отнесешь. Включившийся адаптор защищал Аххарги-ю от местных запахов и шума. Благодаря адаптору сигналы сущности *-тен* теперь доносились особенно отчетливо, в отличие от очень слабых сигналов сущности *-лепсли*.

Увеличение чувствительности вело к сбоям.

«...всей недвижимости у него теперь — могила gega на Украине...»

Наверное, все эти достаточно бессмысленные электромагнитные волны прорывались из будущего. Они вряд ли принадлежат потомкам существ, так увлеченно занимавшихся делением на палубе залитого кровью шлюпа.

«...переступите через ложное чувство стыда... всем униженным и оскорбленным... доминирующая госпожа...»

«...целые лежбища лесбиянок...»

Если принять за основу мысль о непременном возникновении разума на тех планетах, где появляются к тому условия, можно подумать, что возможный будущий разум выберет на Земле чисто тупиковый технократический характер.

Впрочем, это из области гипотез.

Да и чего другого ждать от существ, которые вместо того, чтобы освоить изящное искусство регенерации, вытесывают из деревяшек нелепые подобиya утеранных ко-
нечностей?..

— ...А как там с должком, а? — неприятным голосом спросил Бут. — Эй, боцман, как там у нас с должком?

В эти дела Аххарги-ю сразу решил не вмешиваться.

Он радовался, что попал в самое сильное тело. В этом была некая гарантия. Он не ждал от нервных существ никаких особенных проявлений интеллекта, — у них свои игры. Конечно, и Сэмуэль Бут, и боцман отлично знали, что никакого такого должка не существует. Бут придумал должок, боцман знает, что он все придумал.

Не стоит беспокойства. Право, не стоит.

— ...ты должен помнить, Нил, — злобно заметил Бут, обращаясь теперь к ирландцу. Он сильно хотел ссоры. — Ты должен помнить, Нил, что при последней дележке боцман тайком забрал завитой судейский парик...

Приватирь сидели на высоком каменном берегу.

Костерчик потрескивал, зеленая стена джунглей тяжело нависала над мутным течением реки. Уступ за уступом — жирная растительная масса. Одноногий так пока и не появился. У него были, конечно, определенные преимущества перед остальными — например, ядовитая змея вряд ли станет кусать деревянную ногу, а если укусит, можно тут же затоптать гадину, но зато такая нога проваливается во влажную почву, застревает между камнями.

— ...ты должен помнить, Нил. Тот судейский парик...

Ирландец покачал головой. Ни при каком раскладе он не мог представить Бута в завитом судейском парике. Дело все равно кончится дракой, считал он. Ну да, у Сэмуэля палец дергает резкой болью. Такое не каждый умеет выдерживать. Он даже хотел посоветовать прижечь рану, но рана была открытой, и совет мог обидеть Бута.

— ...А я так скажу, Нил, — в свою очередь заметил боцман и выразительно выложил на камень перед собой тяжелый нож из волнистой шеффилдской стали. Рукоять

отлита из меди, удобно обмотана полосками кожи. — Я тебе так скажу... — Боцман расстегнул пояс и его тоже бросил на камень. — Этот червь, — он кивнул в сторону Бута, — он все придумал. Тот парик я даже не видел. Помню, что завитой, но и все. Я даже в руках его не держал...

Боцману тоже хотелось ссоры.

— ...в кудрявом парике, Сэмюэль, ты походил бы на овцу.

Лучше бы боцман признал себя должником. Аххарги-ю, как и все, понимал, что все это — игра неразумных. Но Сэмюэль Бут, неожиданно оскорбься, левой рукой очень ловко выхватил из-за пояса заряженный пистоль и выстрелил в грудь боцмана.

Ощущение оказалось сильным.

Будто у Аххарги-ю разом вырвали из рук сенсорное управление.

Он напрасно пытался оживить зависшую программу. В и без того смутном сознании боцмана ужасным образом смазались очертания до того вполне различимой мысленной карты. Тающие видения возникали и гасли, как пузыри в закипающей воде. Адаптор Аххарги-ю тоже давал явственные сбои. «...Кто в армии служил, тот в цирке не смеется...» Размылся и исчез дивный образ огромного золотого блюда.

Раздался всплеск. Сознание боцмана окончательно затуманилось и погасло.

Аххарги-ю растерялся. Из отчета контрабандера нКва он помнил, что существа Земли часто сами не отдают отчета в своих поступках. Обычно они поступают так, как может получиться. Действуют на них не столько зачатки разума, сколько физический подогрев или охлаждение. Химическое, впрочем, тоже. В принципе поведение земных неразумных сил как-то можно предугадать, но Аххарги-ю оказался не готов к этому. Находиться в сильном теле боцмана ему нравилось. Он привык к мысли, что такое сильное тело без особых проблем подчиняет себе все другие тела. А этот глупый Сэмюэль Бут все испортил.

Тело боцмана медленно опускалось на дно.

В облако мелких пузырьков, поднимающихся к поверхности, легко сносимых течением, ввинтилась крупная рыба, улыбнулась и укусила мертвого боцмана за нос. Это было так унижительно, что сущность -ю с долгим стонущим звуком вырвалась из мутной воды и расплылась легким невидимым облачком в активном колющем воздухе.

В тот же момент в воду упал Сэмуэль Бут.

Он даже не вскрикнул. Так и упал с пистолем в руке.

Напрасно, очень даже напрасно Сэмуэль Бут, сердитый приватир, бывший житель Чарльзтауна, наклонился над обрывом. Не надо было ему прослеживать последний путь боцмана. Перепуганный маленький ефиоп тоже не потерял ни секунды. Он знал, что следующим в реке окажется он или ирландец. Скорее всего — именно он. Так зачем же ждать этого?

Кислотная атака ошеломила Аххарги-ю.

Он вошел в трепещущее, как пламя свечи, сознание ефиопа.

Может, в таком маленьком черном теле удастся путешествовать без ссор?

Ирландец тоже не походил на слишком агрессивное существо, но, кажется, он одобрил поведение ефиопа, а это настораживало. До Аххарги-ю вдруг дошло, что путь к сущности -тен вовсе не случайно совпадал с мысленной картой убитого боцмана. Кто-то должен знать дорогу к мертвому городу, иначе до него не добраться. Облако микроскопических вольфрамовых спиралей густо засорило затерянные в джунглях руины, но, чтобы до них добраться, надо было знать путь.

Аххарги-ю обрадовался появлению одноногого.

Длинные волосы Джона Гоута делали его похожим на лесного зверя, но Аххарги-ю отчетливо видел, что только одноногий знает, куда и зачем шел боцман. Глаза Джона Гоута слезились от усталости, он нехорошо, запаленно сплевывал, но появление его открывало новые перспективы.

— Как тебя звать?

Отдуваясь, Джон Гонт устроился на камне, на кото-

ром несколько минут назад сидел боцман. Взгляд быстрый и водянистый, как пучина морская. Взгляд перебегал с ефиопа на ирландца и опять на ефиопа. Нож боцмана он поднял и нежно вытер пучком выдранной из-под ног травы. Задавая вопрос, обращался к ефиопу, потому ефиоп и ответил: «Абеа?» На его языке это означало: «Ну, как ты?» Но Джон Гоут решил, что ефиопа так зовут, и задал ему другой вопрос:

— Они ушли?

Даже ирландцу стало интересно, как в такой ситуации поступит маленький трусливый ефиоп. Поэтому он не выругался, когда Джон Гоут наклонился над обрывом, предупреждая не кашлянул. Он все равно не верил в будущее Джона Гоута. Не желал ему ничего плохого, но зачем мучиться? Пусть умрет сразу. На борту барка — да, жизнь одноногого имела некоторый смысл, даже в абордажном бою. Но кто слышал про человека, который прошел джунгли на одной ноге?

Один толчок, и все проблемы одноногого будут решены.

Так подумал и Аххарги-ю, устраиваясь удобнее в испуганном ограниченном сознании маленького ефиопа.

Но они недооценили богатый опыт Джона Гоута.

Прежде чем наклониться над обрывом, помощник капитана невыразимо ловким движением ухватил маленького ефиопа за шею и вжал черное изумленное лицо во влажную грязь.

Ефиоп никак не мог вырваться. Жидкая грязь лезла в глаза, в рот, в нос. Он захлебывался и пускал пузыри. Он вырывался, но боялся застонать, вскрикнуть. И все время, пока одноногий неторопливо разглядывал с обрыва затонувшие тела своих недавних спутников, ничто, кроме этого животного фыркания, мелкой возни и всхлипывания, не нарушало установившейся в джунглях тишины.

Удовлетворившись увиденным, Джон Гоут живой ногой отшвырнул ефиопа в грязь и удобно уперся в голую черную грудь ногой деревянной. Кстати, она была подкована железом.

— Они упали туда сами, Нил?

- Да нет, — благоразумно ответил ирландец.
- Помогли друг другу?
- Ну да.
- А ефиоп?
- Ты не ошибешься, если поддашь ему.

Подняв с камня нож боцмана с медной, удобно обтянутой полосками кожи рукоятью, одноногий точным движением срубил ефиопу маленькое, скрученное трубкой ухо, оставив небольшой, сразу окровавившийся обрубок.

— Зачем тебе два уха? — утешил он ефиопа. — Если понадобится, я буду приказывать громко. — И кивнул: — Набери в горсть пепла и затри рану.

Сознание ефиопа тоже смутилось. Но это хорошо, что я вошел в его сознание, решил Аххарги-ю. Одноногому придется помогать, делать это лучше извне. До мертвого города одноногий теперь доберется, я ему помогу. Это хорошо, что карта боцмана так удивительно совпадает с нынешним нахождением сущности -тен. Конечно, ефиопа придется кормить, охранять, даже, может быть, подталкивать к нужным тропам, но ефиоп молод, у него есть силы. Он не сильно смел, но способен на некоторые решения.

О Ниле Аххарги-ю не думал.

Ирландец не представлял для него никакого интереса.

Не думал он и о капитане Морте. Он один тут знал, что капитан Морт не мог организовать погоню. В самом начале нападения негодяев на «Делисию» капитан Морт отправил одного своего человека в крюйт-камеру. Не очень умный, но верный негр с многочисленными шрамами на голове от сабельных ударов. Все сражение негр провел в крюйт-камере с дымящимся трутом, бережно укрытом в металлической кружке. Он не хуже капитана знал, как ужасно приватиры обращаются с пленниками. Он был готов выполнить ужасный наказ капитана Морта, если бы приватиры захватили «Делисию», но, к счастью, сражение закончилось победой королевского экипажа. Но когда усталый капитан Морт наклонился над люком и приказал негру погасить трут, верный негр в сильнейшей

радости от такой чудесной вести тут же решил сплясать джигу и уронил тлеющий трут на пол крюйт-камеры.

Взрыв шлюпа видели изумленные индейцы.

Темная ночь опустилась на реку. Завопили в лесу недорезанные леопардом обезьяны. С кривой гринхарты, оглядываясь, стеснительно спустился на землю ленивец, передними лапами обхватил теплый ствол и напорол такую кучу, какая разумным существам присниться не может. Потерпите-ка неделю, переползая с ветви на ветвь, заботясь об опрятности своей территории. Говорят, что ленивцы так глупы, что цепляются за сук даже тогда, когда этот сук срублен, зато ни один листок заселенных ленивцами деревьев не испачкан нечистотами.

Аххарги-ю чувствовал: дело налаживается наконец.

А значит, он выручит контрабандера из неволи.

4

Под утро одноногий увидел сон.

Страшный ледяной берег, с обрывов сеет снежная крупа.

Небо низкое, белесое. Никаких растений, ручей промерз до дна, птиц нет. Никакой радости в мертвых изгибах камня, в ледяных наростах. Зачем такой страшный край, если жить нельзя в нем?

Невыразимым обожгло сердце. Проснулся.

Светлый нежный туман легонько стлался над темной рекой, цеплял заросшие густо берега. Но не входил в наклоненные к воде заросли, не сливался с ними, а так и плыл по течению, следуя всем, даже ничтожным изгибам.

Маленький эфиоп тоже открыл глаза.

Хотел сразу закричать и не смог: будто некое лицо, даже похожее на человеческое, уставилось на него из тумана со всей полнотой власти и грозным величием. Понимал, что никакого нет лица, слабым ветерком это водит нежные струи тумана, взлохмачивает, меняет очертания, но от простых мыслей еще явственнее ощущал чужой взгляд и не закричал только потому, что в какой-то момент ста-

ло казаться, что это он сам так грозно и величественно смотрит из тумана.

Маленький, с блестящей кожей, вспотев, увидел завозившегося в гамаке одноногого.

Подумал: вот возьми нож и заколи, чтобы не мешал. Но что-то подсказало маленькому ефиопу, что делать этого не следует. Может, ухо обрезанное подсказало.

А тут плеск воды. Свет утренний.

Вот только что одноногий спал, а теперь держит ефиопа за голое скользкое плечо, бросает отрывисто: «Живем грешно... Как звери...» Будто правда жалеет о чем-то таком. «...За лесом, — говорит, — горы...» Водянистыми глазами ведет на проснувшегося ирландца: «На горах нет духоты...»

Ирландец кивнул.

Аххарги-ю никому ничего не подсказывал, только следил за словами, как они складываются в определенном порядке. Видимо, контрабандер нКва прав. Для межзвездного сообщества существа Земли могут представлять только чисто эстетический интерес. Неразумные, они по воле инстинкта бросаются даже на собственную тень, распаленный инстинкт ведет их к гибели. Неистовая триба Козловых, несомненно, находится с ними в родстве.

Последний раз Аххарги-ю видел нКва на Плутоне.

Время от времени в Граничных шлюзах устраивают облавы. Там, на Плутоне, нКва и задержали с большим грузом. Известность контрабандера вовсе не делала его неприкасаемым. Тем более что триба Козловых, помещенная в изолятор вместе с сохатыми и казенной кобыленкой, неистово шумела, требовала свободы и различных гражданских прав. Все до одного Козловы от мала до велика кидались на каждое смутное движение, любую тень за невидимым У-стеклом принимали за начальство. «Смотрите, — жаловались, — нас до чего довели!» И гадили прямо во дворе, на глазах межзвездных инспекторов, чтобы начальники видели их якобы вынужденную неопрятность. А самые наглые повторяли: «Мы тут при чем? Ивана дерите!»

Жаловались: это именно Иван отправился рубить жерди.

А навстречу рогатые вылетели — глаза красные. Кобыленку чуть не оприходовали казенную. Дважды два — четыре, знаем мы эти налитые кровью глаза! Правильно Иван схватился за топор. Нестерпимо такое для нас, Козловых!

Гаддели, прижимали приплюснутые носы к невидимому У-стеклу. Кто-то чертил на невидимой плоскости пифагоровы штаны. Дескать, но пасаран! Не путайте нас с сохатыми. И с кобыленкой казенной мы совсем не в той связи, которая вам кажется. Зачем вы вообще там Высшему Существу врете, что мы якобы симбионты, что речь идет только о коллективном спаривании?

Несут чепуху, непристойными жестами показывают: кранты вашему контрабандеру!

Спасая друга милого, Аххарги-ю упирал на Красоту. В Комиссиях всех уровней твердил одно неустанно: стремление к Красоте — фундаментальное свойство природы. Большой Взрыв, например, сорвал аплодисменты у Высшего Существа сиянием своим. А те же многоклеточные существа с Земли? Разве не ими радовал нКва блистающие миры межзвездного сообщества? Да, расправлял лоснящиеся щупальца, сверкал сайклами на членов самых разнообразных комиссий, друг милый нКва вывез с Земли множество живых видов. Но опытный контрабандер никогда не тронет даже самое ограниченное, самое презренное существо, если точно не определена тупиковость его эволюционного развития. Никогда нКва не покушался, например, на иктидопсисов или на тупайю. Они вымерли сами по себе, успев дать начало более перспективным видам. Но зачем, скажем, жалеть трилобитов? Глаза фасеточные, у некоторых — на стебельках. Выбросят такие глаза наружу, а сами зарываются в ил, переживают: вот, дескать, их путь не ведет к храму. Полмира отдашь за прелестную тварь. Или цефалоподы! До их появления на Земле было тихо, как в томных прокисших живых болотах Мегары. А цефалоподы сразу прив-

несли крутую динамику в отношения, хотя и их путь ни к чему особенному впереди не вел.

Опытный контрабандер непременно оставляет на обработанных им планетах какое-то количество четких окаменелых отпечатков. Если когда-нибудь на таких планетах завяжется разумная жизнь, легко будет, изучив корни, построить все древо предполагаемых предков. Вы только взгляните на ископаемые богатства, оставленные нКва на Земле! Сколько фантазии, какая игра ума! Да и сама по себе неутомимая деятельность контрабандера привела к заметному смягчению нравов, к явственной новой вспышке интереса к Красоте, к тайнам прошлого. Эта глупая триба Козловых, эти неопрятные симбионты ничем не отличаются от стаи стервятников или от косяка сельдей. У них нет никакого будущего — ни у них самих, ни у их казенной кобыленки, ни у сохатых. Он, Аххарги-ю, докажет это, если его отправят на Землю. Он лично пытался проверить указанных симбионтов на разумность. В виде еще одной кобыленки (со стороны) входил за невидимое У-стекло. Так ему там без всяких просьб сразу доверху наливали огромное деревянное корыто бурого напитка, от которого косеют сайклы. Мембрану нижнего тела давит томительно, начали вдруг нравиться налитые кровью глаза сохатых...

Нет уж! Еле вырвался.

5

Большая плоскодонка бато вынырнула из тумана.

Одноногий громко свистнул. Его не сразу, но услышали.

Бронзовокожий индеец в бато, бесшумно работавший веслом, мог, конечно, не подгонять лодку к берегу. Маленький ефиоп и его оборванные спутники никак его не пугали, однако злой дух Даи-Даи мог наказать. Ведь индеец не знал, откуда пришли чужие люди. Может, их подослал Мэйдагас — тоже нехороший дух, дышащий как женщина. Мэйдагас силой и хитростью увлекает людей на глухую поляну, там превращает в дерево. Вот почему так страшно перешептываются в ночи деревья. К тому

же в бато, как бы успокаивая индейца, скрестив худые, покрытые шрамами ноги, сидели три человека — совсем в обыкновенном рванье, с открытыми головами. Только на одном была некая дырявая круглая шляпа. Солнце людей, похожих на разбойников (чиклеро), не тревожило. Они плыли в бато и молча радовались тишине, наверное, не знали, что существуют еще какие-то другие радости.

Услышав свист, никто не сказал ни слова, но индеец увидел выражение их глаз, поэтому подогнал плоскодонку к берегу.

— Ховен...

Этим подчеркнул молодость ефиопа.

Места в плоскодонке было достаточно, чтобы посадить случайных попутчиков, но мужчина в дырявой шляпе махнул рукой только черному. Других брать на борт лодки оборванцы явно не собирались. Да и то верно, зачем стае свободных птиц запаленные калеки? Так, наверное, они решили, увидев деревянную ногу Джона Гоута.

Но одноногий с таким решением не согласился.

Непостижимо быстрым движением он оттолкнулся от каменистой почвы и упал на дно бато, повалив индейца, приткнув нож к его морщинистой бронзовой шее.

Индеец вскрикнул. Страшным показался ему прыжок.

— Умеешь говорить с ними? — спросил одноногий, дыша, как Мэйдагас.

Индеец кивнул. Очень боялся. Нельзя так ловко прыгать, имея деревянную ногу.

— Тогда скажи всем, — сказал одноногий, не убирая ножа от трепещущего под ним бронзового горла, — что нам надо вверх по реке. Скажи им всем, — указал Джон Гут ножом на трех молчаливых мужчин, — что мы торопимся. Пусть берут весла. С этой поры они тоже будут грести, как ты, — объяснил он, высмотрев на дне бато два запасных весла. — С этого часа они будут грести, сменяя друг друга.

Наступила тишина.

У ефиопа остекленели глаза.

Ирландец, споро перебравшийся в бато, почмокал гу-

бами и приткнул свой нож к спине одного из молчаливых мужчин. Как-то это у него ловко получилось. Мужчины, правда, не проявили видимого испуга, гордо выпрямились. А один по-испански негромко возразил одноногому, что грести веслом будет индеец, а они не будут — у них руки иначе устроены.

Тишина от этих слов не рассосалась.

Кивая головой, как лошадь, испанец в шляпе объяснил, что с этого часа грести с индейцем будут не они, а наоборот — черный и Нил. Так они поднимутся до одного затерянного на реке поселка, возьмут у местных индейцев какие-то особенные припасы, а потом снова спустятся вниз по течению. Вот вас двоих, указал испанец на Нила и одноногого, мы, наверное, убьем, а маленького ефиопа продадим на военный корабль. «Ховен... — одобрительно качнул он шляпой. — Совсем молодой...» Может, продадим и индейца. В такой вот последовательности.

Длинная речь утомила говорившего. Он мелко перекрестился: все будет так.

Тогда одноногий встряхнул застонавшего индейца и заставил его сесть на плоском дне лодки. Индеец сразу залепетал, причудливо мешая разные слышанные им слова. Неизвестно, что говорил, но ирландец и Джон Гоут так поняли, что индеец умоляет их не делать ничего такого, что может огорчить гостей.

Гостями индеец называл испанцев.

Все видит злой дух Даи-Даи, лепетал индеец. Не надо говорить гостям ничего лишнего. Они хорошие добрые люди, но могут рассердиться. Приехали с острова Исладель-Дьяболо, так сами говорят. На руках и на ногах следы железа, но они хорошие, набожные люди. Даже не били меня, сказал индеец, только поочередно спали с моей женой и забрали провизию. За желтым мысом, взяв свое, они непременно меня отпустят, объяснил индеец. А жена мне родит сильного сына.

— Со следами железа на руках и ногах, — по-испански добавил одноногий.

— Чиклеро?

Мужчина в шляпе кивнул.

Они не считали разбой плохим делом.

Да, они — разбойники, кивнул тот чиклеро, который был в шляпе, но это их кормит. Ничего другого они не умеют делать. Почему не уважать дело, которое хорошо кормит, правда? Они равнодушно смотрели на Нила, ефиопа и одноногого. Они никем, кроме черного, нисколько не заинтересовались. У туземцев с Мадагаскара, знали они, в отличие от привезенных из Гвинеи, волосы всегда длинные и кожа не блестит, как черный янтарь. Значит, маленький черный из других мест, его можно продать выгодно. Утверждая заведенный ими порядок, испанцы равнодушно потребовали сдать им ножи и взять наконец весла. «Твоя деревянная нога будет крепко упираться в дно бато», — пошутил испанец в шляпе.

Одноногий запыхтел.

Оттолкнув индейца, он на четвереньках, припадая на вытянутую деревянную ногу, пополз к главному чиклеро. Наверное, сам решил отдать ему нож, который держал в зубах. Вспомнил страшные косые латинские паруса, вспомнил друзей благородного дона Антонио, на «Двенадцати апостолах» забивших пустыми бутылками квартирмейстера с «Джоаны». Но когда чиклеро равнодушно протянул за ножом тонкую руку с бледными следами железа на запястье и выше, одноногий одним ударом отсек ему кисть.

Никто не вскрикнул.

— Как он теперь будет грести? — испугался индеец.

— Мы с ним договоримся.

— Они хотели остаться в поселке... Построить большой деревянный дом, — бормотал индеец. Он все еще хотел, чтобы никто не дразнил чиклеро. — Они хотели ловить всяких диких животных и продавать их другим белым людям, приплывающим с восхода... Или менять диких животных на таких вот... — кивнул он в сторону маленького ефиопа.

Орлиный нос индейца печально обвис.

Сбросив обмершего, смертельно бледного испанца в воду, одноногий, пыхтя, оттолкнул бато от берега. За низ-

кой кормой вода сразу вскипела. Сотни пираний искусным подводным разворотом отсекали закричавшего чиклерио от близкого берега. Поплыла дырявая шляпа, вода окрасилась кровью.

Три весла ударили враз. Бато послушно скользнула под нависавшие с берега воздушные корни.

Пахло орхидеями, звенели москиты. Как огонь, жгли маленькие мухи кабури.

Одноногий ни на что теперь не обращал внимания. Он жевал табак, отнятый у индейца, и размышлял о том, как много обманчивого в испанцах. Когда-то благородный дон Антонио де Беррео научил его правильно относиться к вину. Вино отравляет дыхание, нарушает естественную температуру тела, деформирует лицо. Когда-то дон Антонио рассказал ему про мертвый город, в котором все из золота и драгоценных камней. Короля там после купания в хрустальной ванне из специальных тростниковых трубок обсыпают порошковым золотом, чтобы сверкал, как статуя, а в саду растут особенные растения. Листья, птицы на ветках, желтая трава на земле — все в том саду золотое.

6

На седьмой день пути вверх по реке Джон Гоут приказал спрятать бато в зарослях.

Продуктов осталось совсем немного, одноногий значительно поглядывал на обезоруженных испанцев. С его главенством они не смирились, но и сопротивляться уже не могли. Долгая каторга, служба на галерах, унижения тюрем сделали чиклерио выносливыми и терпеливыми. Вскидывая головы, они смотрели на небо, все плотнее и плотнее затягивающееся низкими тучами.

Индеец тоже беспокойно вертел головой.

Тучи несло так низко, что их можно было коснуться вытянутой рукой.

Идти по ручью, заменившему затопленную тропу, было трудно. Но никаких троп тут не было, и направление Джон Гоут определял по магнитной игле, принадлежащей ирландцу. Илистое дно ручья на несколько дюймов засы-

пало прелыми листьями, сапоги тонули в чавкающей воющей массе.

«Я очень старый... — бормотал индеец, осторожно погружая в ил большие босые ступни. — Нельзя подниматься в горы... Там лес и камни... Там темные ущелья... Там живут эвиапаномы — люди, у которых волосы, всего только один пестрый клочок, растут позади между лопатками... Там за скалами прячется Мэйдагас... Он хитростью и силой увлекает людей на глухие поляны и превращает их в деревья... Если такое дерево рубить, оно стонет... А на берегах узких быстрых ручьев поют птицы и каждый камень обещает быть алмазом... Я знаю...»

Если бы гости или ужасный одноногий спросили индейца, как надо правильно поступать, он бы ответил, что правильнее всего — вернуться. Он напомнил бы, что надвигается сезон дождей. Через несколько дней, напомнил бы индеец, весь этот лес зальет водой, даже возвышенности. Тут нельзя будет лечь на землю без опасности утонуть. Даже в гамаках можно будет утонуть, так высоко поднимется вода. Будут вырваны корни, нигде не останется ни одного сухого места. Даже незатопленного места не останется. Чиклеро бегут от тех, кто держал их в железах, но можно считать, что они от них уже убежали, здесь их никто не догонит. И два белых и черный с ними тоже убежали, это так. Теперь про них все забыли, можно вернуться. Если поспешить, то это можно успеть. Вот-вот, может, через день-два хлынут ужасные проливные дожди. Даже птицы и звери надолго уходят из лесов, когда начинается сезон ливней.

Индеец утирал ладонью мокрое от духоты лицо.

Жалел он только ефиопа. Раньше он никогда не видел таких маленьких черных людей с приплюснутым носом и кудрявых. Если бы они вернулись по мутной, вспухающей под дождями реке, его жена могла бы понести от такого интересного черного человека. Родился бы сильный сын. Брызги воды, пыльца с растений красиво подкрасили ефиопа, навели смутные пятна на блестящие лицо и плечи. Индеец несколько не жалел белых, но страшно жалел, что черный умрет вместе с ними.

— Абеа?

Индеец кивал.

А испанцы посматривали на маленького ефиопа с тайным страхом.

Они надеялись только на чудо, ведь ничто другое человеку в такой стране помочь не может. Оба с затаенным страхом прислушивались к тишине джунглей. Чтобы отвлечь их от ненужных мыслей, Джон Гоут у костра пересказывал некоторые слова боцмана. Правда, тучи теперь ползли так низко, что голова кружилась от быстроты их движения. У чиклеро были темные сморщенные лица, как подгнившие тыквы. Гладкие волосы, такие же черные, как глаза, они подвязывали грязными ремешками. Грязь въелась во все складки кожи, от зубов остались неровные корешки. Широкие вывернутые ступни в мозолях, голени в рубцах и шрамах от тяжелых желез. Чиклеро ни от кого не скрывали, что ждут чуда. Они послушно шли за неутомимым одноногим, оглядывались на мрачного ирландца, но верили только в чудо. Они верили, что рано или поздно дотянутся ножами до горла своих врагов. К словам Джона Гоута о мертвом городе они отнеслись без особого интереса, но если человек на деревянной ноге легко проходит там, где они сами с трудом пробираются, такого человека следует слушать.

Ворочаясь в гамаке, сплетенном из травы типичири, один чиклеро случайно взглянул на уснувшего ефиопа. По голому блестящему плечу бежал ядовитый муравей туке. Сбросить такого нельзя — успеет укусить.

Увидев, что Джон Гоут проснулся, чиклеро молча приложил палец к губам.

Теперь они вместе смотрели за тем, как ядовитый туке сердито бежит по голому плечу ефиопа, быстро перебирая рыжими злыми ножками. Пробежав нужный ему путь, туке суетливо перебрался на черную шею, близко к бьющейся под потной кожей жилке, и чиклеро, как и Джон Гоут, стали ждать, когда случится укус и маленький ефиоп задергается в конвульсиях. Наверное, он даже не успеет сказать: «Абеа?» Когда ефиоп умрет, подумал чиклеро, я дотянусь ножом до одноногого. Господь лучше

знает, когда нам надлежит действовать. Если я сейчас так думаю, значит, мысли эти мне подсказывает Господь. Жалко, что аллигаторы не смогут обглодать одноногого целиком, подумал он. Например, деревянную ногу унесет течением. Потом по Ориноко нога уплывет в океан. Как бы сама по себе...

А там...

Кто знает?

Найдя такое на берегу, дети могут придумать много интересных историй...

— Его не укусят, — догадался одноногий.

Чиклеро кивнул. Это сам Господь не дал ему шанс.

Аххарги-ю с удивлением изучал сознание одноногого.

Кажется, Джон Гоут всерьез уверился в том, что идет по джунглям сам — Божьей милостью. Кажется, он всерьез уверился в том, что это его собственные силы помогают ему проламывать колючие кусты, рубить ветки мачете. О сущности -ю Джон Гоут не имел никакого понятия, потому и уверовал в свою силу.

Никакого разума. Поведение всех этих существ говорит только о прихотливо перепутанных инстинктах. Они даже не могут договориться друг с другом. Они сожгли корабль, на котором могли покинуть топки нездоровые берега. Они бросили лодку и по пояс идут в илистой воде. Правда, подумал Аххарги-ю, наши пути пока совпадают. В мертвом городе, обретя сущность -тен, я доберусь и до сущности -лепси. А там весь мир вновь откроется предо мной. Я буду первым, кто обнимет свободного контрабандера. А неистовую трибу Козловых мы с нКва, другом милым, продадим в черные недра звезды Кванг.

7

После нескольких раздумчивых дней, смутных и душевных, дождь хлынул не останавливаясь.

Потемнело.

Змея свесит голову с мокрой ветки — без угрозы. Папайя уронит плод.

Во влажной зелени мелькнет россыпь алых и белых

орхидей. Выглянет в просвет глупая обезьяна. Смутится, поняв характер одноногого.

В долгом переходе ефиоп так устал, что уснул под папоротниками.

От непрерывного кипения влаги в листе, в ветвях, в прибитой траве это не спасало, но он и не искал убежища. Просто спал сидя, скрестив ноги, как, наверное, привык в далекой Африке. Индейцу, прислонившемуся к мокрой пальме, в какой-то момент показалось, что голые плечи, грудь, даже лицо ефиопа покрылись серыми пятнами. Они как бы смещались, меняли свои места. Двигались, как сумеречные тени.

И не пятна это вовсе, вдруг судорожно понял индеец.

Особый вид пауков. Живут под папоротниками в гнездах, как птицы.

Все живое в джунглях знает о седых пауках, никто к гнездам не приближается. Но ефиопа привезли из-за Большой воды, гораздо большей, во много раз, бесконечно большей, чем даже устье реки в разлив. Ефиоп ничего не знал о седых пауках, укусы которых причиняет ужасную боль, отнимает сознание, приводит к смерти. Поэтому ничего такого не чувствовал. Сам спал, а пауки ползали по черной откинувшейся голове, забивались в кудрявые волосы, щекотали ноздри, короткий обрубок уха, суетливо перебегали с плеча на руки, скрещенные на голой груди, и ниже — по животу к ногам. Даже под веком прикрытого глаза на блестящей влажной черной щеке приютился паук с нежными седыми полосками на сложных суставах коленчатых мохнатых ног. Будто ждал, когда приподнимется веко — хотел заглянуть в глаз ефиопа. Ранки долго не заживают, пока укушенный не умрет.

Может, ефиоп уже мертв?

Но нет. Черный потянулся. Вздыхая, вытянул руку.

Один паук не удержался, упал на спящего чиклоро. Наверное, укусил сразу, потому что мокрая грудка лохматых с легким стоном подергалась-подергалась и затихла. Чиклоро даже вскочить не смог, остался лежать под мрачным дождем. Рассказывают, что существуют люди, со-

всем нечувствительные к ужасным паучьим укусам, но чиклеро к ним явно не относился.

Умер сразу.

А вот ефиоп, открыв глаза, встряхнулся.

Только тогда второй чиклеро закричал, глядя на вспухший труп своего товарища. В такой стране нельзя выжить без чуда, даже, может, без целой серии чудес, так можно было понять крик чиклеро. Вот он жив, его никто не кусал, дождь идет, небо мрачное, в движении туч, а ему — страшно.

И весь день этот, так нехорошо начавшийся, чиклеро тащился рядом с одноногим.

Старался не обгонять его, по какой причине оба они сильно отстали от Нила, индейца и ефиопа. Зато все живое — опасное, хищное — бежало от тяжелой поступи Джона Гоута, боялось деревянной ноги. Чиклеро держался рядом, рубил кусты тяжелым мачете, которое ему наконец доверили. Один товарищ достался хищным пираньям, второго укусил ядовитый паук, третьему почему не доверить нож?

Чиклеро оглядывался с испугом, ступал след в след.

Совсем недавно был убежден, что именно маленький ефиоп и одноногий умрут первыми, а теперь...

8

Стоянку порк-ноккера нашел индеец.

Прорубившись сквозь папоротник, в мутной завесе дождя увидел раскисшую поляну и человеческие кости в траве — раздробленные, перебитые.

Подтянувшийся к индейцу Джон Гонт с некоторым, самому непонятным разочарованием убедился наконец, что боцман не врал. Порк-ноккер действительно ходил в мертвый город. Может, не только он. В мокрой траве, в белых камнях, отмытых разлившимся ручьем, валялась глиняная кружка с отбитой ручкой, с отчетливо выдавленной на днище буквой W.

Мрачные сумерки.

Стена темных перистых папоротников.

Смутно в разводах низко плывущих туч проглядывали снежные горы.

Они ужаснули Джона Гоута своей ужасной массивностью, неприступным видом. Пересекая поляну, вдруг натолкнулся на два человеческих скелета. Они до сих пор были надежно прикручены к стволу сломанной грозой пальмы и чисто обмыты ливнями. Два белых опрятных черепа валялись в некотором отдалении, и одноногий подумал, что порк-ноккер, наверное, был не до конца честен с покойным боцманом: те две женщины, скорее всего, все-таки не попали в руки правосудия. Послушно несли дорогой груз до этой поляны, а здесь что-то случилось. Что-то такое, что заставило порк-ноккера привязать спутниц к пальме.

Большое блюдо из золота валялось в траве.

Оно тускло поблескивало, и, вскрикнув, чиклеро жадно обнял его.

Так обнимают жену после долгого путешествия — с нежностью, забыв все обиды.

Но в черных глазах горел огонек безумия. Ведь рядом с тяжелым блюдом торчал из земли золотой меч с рукоятью, густо обсыпанной алмазами. Даже в сумерках непрекращающегося дождя, в нежных пузырях парного тумана обмытые ливнями камни на рукояти волшебного мерцали, пускали алые и зеленые искры, поражающие холодом и ясностью. Чувствовалось, что этот свет исходит из невиданной глубины. Никто бы в трезвом уме не кинулся в схватку с таким мечом, но чиклеро грозно вцепился в украшенную камнями рукоять. Даже Аххарги-ю решил, что возникнут сложности.

Разумеется, теперь уже не для контрабандера.

Свобода другу милому обеспечена. Мало ли что некие электромагнитные сигналы все еще пробивают защитное поле адаптора. *«Еще, еще... Где ты этому научился?..»* Этого мало для истинного разума. Это не подтверждение, даже не показатель. Суетные существа Земли пока что не догадываются о самых главных свойствах Вселенной. Какая Красота? Даже друг с другом они находятся в противоречивых отношениях. Прав, много раз прав друг ми-

лый: к этим двуногим следует относиться только как к предмету торга.

Аххарги-ю радовался пониманию.

Он необыкновенно остро ощущал близость сущности -тен.

Глазами маленького ефиопа он смотрел на чиклеро, безумно приплясывающего под пальмой. Серые тени ливня безостановочно гуляли над залитой водой поляной, то ослабевая, то вновь усиливаясь. В руке безумца поблескивал меч, в другой руке, как щит, мерцало тяжелое золотое блюдо. Чиклеро знал, что большое богатство снимает тяжесть с грешников. Господь многое отпускает, если делишься со священниками. Чиклеро торжествовал. Большое богатство — спасительная вещь! Только оно дает чудесную возможность, забыв старое имя, благоденствовать в какой-нибудь далекой стране, расположенной далеко от моря. В стране, жители которой даже не догадываются о существовании морских грабителей. Если сосед богат и гостеприимен, зачем рыться в его прошлом?

Чиклеро хотел в такую страну.

Он невнятно, но грозно вскрикивал.

Он видел теперь, что одноногий не врал, заманивая их в джунгли.

Он верил теперь, что где-то рядом есть мертвый город, в котором много золотого оружия; в котором в темных нишах веками стоят языческие идола из чистого золота; в котором подвалы доверху засыпаны драгоценными камнями. Но он никуда больше не хотел идти. Одноногому пришлось ударить чиклеро, чтобы тот немного пришел в себя.

А дождь лил и лил.

Он лил мерно, лил неумоимо.

В мокрой траве нашлась глиняная разбитая трубка.

Рядом валялась пустая бутылка толстого зеленоватого стекла, красиво затканная изнутри мохнатой плесенью. Когда ирландец ткнул ее носком сапога, донышко отвалилось, наружу хлынула целая армия бледных сердитых насекомых.

Обнаружились и вбитые в землю колья.

Одни повалились, совсем сгнили. На немногих усто-

явших болтались клочья истлевшей парусины. Покоробленный деревянный ящик, заляпанный бурыми листьями, показался Джону Гоуту крепким, но развалился в труху при первом прикосновении. В днище изъеденной ржой жестяной кружки зияли три удлинённых дыры, как от удара ножом. Это всем показалось странным: зачем портить вещь, которая всегда может пригодиться.

Дождь еще усилился, когда ефиоп нашел мелкий алмаз.

Конечно, камешек не шел ни в какое сравнение с алмазом, припрятанным одноногим, но ефиоп обрадовался: «Абеа?»

И улыбнулся так широко, что чуть не вывихнул челюсть.

Аххарги-ю внимательно присматривался к не совсем ясной для него суеде двуногих существ. Почему-то общеизвестная форма углерода их сильно возбуждала. Он никак не мог понять — почему? В пищу чистый углерод не годится, хотя широко распространен на Земле. Он в воздухе, в воде, в горных породах. Приятен вид почти идеально построенного трехмерного полимера, но что в этом такого особенного?

Аххарги-ю не понимал.

Ему не нравились человеческие тела.

Гноящиеся поры на исцарапанной коже, мокрые грязные волосы, облепляющие голову, легко устающие мышцы, царапины, ноющие синяки. Если бы не сущность -ю, питающая чужую мускулатуру, все давно погибли бы в джунглях, особенно одноногий. Они живы пока что благодаря мне. Чтобы никто не умер, ефиоп дважды в день незаметно касается людей маленькой розовой ладошкой.

Аххарги-ю улыбался.

В своих планах он совсем не принимал во внимание чиклеро и индейца.

А ирландец привлекал его только тем, что носил с собой магнитную стрелку.

Все трое — чиклеро, ирландец, Джон Гоут — жили смутно, как многие другие животные. В их сумеречном сознании время от времени проносились видения Господа и Святой Девы, но это не имело никакого отношения

к Высшему Существо. Вполне можно осознать тот простой факт, что тебе плохо, что тебе хочется хорошего, что тебя тянет к чудесному удовольствию обильной еды, например, но это еще не разум. Животное плачет, испытывая боль, оно хохочет, как сумасшедшее, в погоне за самкой, но никогда не ужасается приятно при виде свинцовых, несущихся над джунглями туч, тяжело напитанных водой и убийственно трепещущим электричеством. Смерть не восхищает его. Ни одно животное Земли не бросается счастливо в водную бездну или под зеленый пучок разрядов, разрывающих жирную тьму.

Я спасу контрабандера.

Я вытащу друга милого из темниц уединенного коричневого карлика.

Шумная триба Козловых никогда больше не вернется на Землю, с улыбкой решил про себя Аххарги-ю. Их темное сознание — приговор для них. Мы продадим этих светлых существ вкупе с сохатыми и казенной кобыленкой в те звездные миры, в которых всегда нравятся существа с такими низкими толстыми лбами. А одного выставим отдельным лотом, потому что существа столь низкого сознания крайне редко научаются подменять потерянные органы таким странным образом.

Тростники.

Мокрые веера пальм.

Длинные листья отставали в стремительном движении от несущихся по небу туч.

Незаметно исчез, растворился в дождях чиклеро. Может, запомнил путь к поляне, на которой лежали золотой меч и тяжелое блюдо. Аххарги-ю, томясь близостью потерянной сущности, счастливо обозревал залитый темным, ни на секунду не приостанавливающимся ливнем горизонт. Он видел на много миль кругом. Он видел вздувающуюся бурю реку. И мутные потоки, заливающие гнилые леса. И мокрых зверей, бегущих в сторону гор. И птиц, нахохлившихся на ветках.

Редко в небе вдруг раздувало звездные угольки, дождь тут же их гасил.

Маленький ефиоп и Джон Гоут, наклонившиеся над

★ найденным камнем, казались Аххарги-ю мелкими и незаметными. Скоро я передам сообщение контрабандеру, и нКва, сплясав танец свободы, получит право заполнить все удобные места уединенного коричневого карлика чудесными живыми спорами. Они будут оставаться неоплодотворенными до окончательной реабилитации.

Но этого ждать недолго.

9

Продуценты и деструкторы.

Разумный мир делится на продуцентов и на деструкторов.

Все остальное — вне разума, хотя любая отдельная деталь мира может даже бессознательно подчеркнуть Красоту. Пучок орхидей, провисший с мокрой ветки... Излучина реки, взбухшая, мохнатая от раскачиваемых течением тростников... Или алмазный блеск на перепаде валов в лунном свете...

Аххарги-ю видел на много миль кругом.

Снежный перевал. Душные провалы джунглей.

Шум ливня. Треск молний, притягиваемых сущностью -тен.

В каждом голосе, в каждом звуке прорывался животный страх. Здесь все всего боялось. Аххарги-ю и сам бы боялся, если бы не адаптор.

С мокрых веток сыпались муравьи.

Индеец знал, что злой дух Даи-Даи перекусывает горло заблудившимся путешественникам, но муравьи казались ему страшнее. И до смерти пугал ефиоп, не обращающий внимания на огненные укусы.

Вздыхая, переводил взгляд. Удивился бы, узнав, о чем думает одноногий.

О тех несчастных думал Джон Гоут, которые не смогли пересечь окровавленную дымную палубу «Делисии». О деревянной ноге, которая неимоверно отяжелела. О том, что туман вдруг превращается в колеблющееся неузнаваемое лицо, взирающее с высоты с грозной полнотой власти и ужасным величием.

Давно шли по колено в воде.

Глупые рыбы, распространяясь в новом пространстве, терялись от чудесного удовольствия жить. Тыкались носами в кожу, пощипывали волоски. Тьму разрывали молнии, как в такую же ночь, когда он оставил на берегу у костерчика в пещере младшего брата, совсем несмышлениша. До боли в глазах всматривались в ревущее море, пытались понять, кто там просит помощи выстрелами из пушки? В ночь перед штормом мальчишкам все время снился чужой человек с бычьими рогами — совсем нехороший знак. Не идти бы тогда на море, не тащить малого с собой. Но когда волнами начало выбрасывать на берег всякие богатые вещи, обо всем позабыл. То бочонок, который не сразу выкатишь на берег, то обломок стены с запутавшейся рваниной парусов, то вещи, о назначении которых не знал.

В свете Луны показалось севшее на мель судно.

Людей не видно. Всех, наверное, посмывало за борт.

Забыл обо всем, поплыл к неизвестному кораблю. А вдруг кто-то там остался, лежит израненный? Воды никогда не боялся, но так замерз, что, поднявшись на борт и никого там не найдя, дрожал, рукой не мог двинуть. Хлебнул из плоской фляги, валявшейся в тесной каюте капитана. Потом еще хлебнул, сбросив мокрое, заворачиваясь в чужие одежды, опять хлебнул.

И проснулся от смеха.

Оказывается, спал сутки.

За это время искалеченный бурей корабль приливом вынесло в море.

Два человека в париках разговаривали над мальчишкой не по-человечески.

Позже узнал, что попал на бригантину какого-то английского купца. Привыкнуть, правда, не успел: на третий день низкую бригантину взяли на abordаж пираты датчина Енса Мунка. Вот он, чужой человек с бычьими рогами! Ни в чем тот сон не обманул: на каком-то острове страшный датчанин продал случайного мальчишку некоему человеку, отправлявшемуся в тропические моря. Уже оттуда попал на борт фрегата «Месть». В ночном бою один только остался жив.

В пушечном дыму, под рваными парусами.

У влажной земли стелился туман.

Он заполнял низины, скрывал опасные провалы.

Полумертвые от ливня, духоты и усталости, шли. Полумертвые, как казалось одноному. Бог хранит, думал. Не жаловался. Не хотел дразнить судьбу, дивился: идет на одной ноге, а чиклеро пропал. Значит, не всегда обилие ног помогает. В минуты прояснения с тоской оглядывался на встающие над джунглями мокрые скалы. В одном месте невысокое дерево манцилин привлекло внимание райскими яблочками. Ирландец жадно потянулся к ветке. «Не ешь, — предупредил индеец. — Кто съест такое, испытает жар и жажду. Цвет кожи изменится».

Нил яблок не брал. Просто отломил ветку.

Сок, похожий на инжирное молоко, попал на руку.

Стало жечь кожу, вся покрылась бледными пузырями. Глаза блстели, просил пить. Протягивал дрожащие, как у старика, руки, ловил дождь, все равно просил пить. Три дня совсем почти ничего не видел, пришлось вести за руку. Одноногий даже хотел посадить ирландца, как медведя, на веревку, но веревки не нашлось.

Толкал перед собой, нагрузив вещи. Если умрет — не так обидно, считал.

Под непрерывным дождем над разливающимися мутными потоками угрожающе наклонялись огромные стволы с гнилой сердцевиной — чудовищная скрипучая гнилая масса, всегда готовая с шумом рухнуть. Москиты облепляли голову, плечи, но вдруг исчезали, как вспугнутые злым духом. Может, так и было. Столетние деревья как в болезненных язвах — в струпьях грибка, в бледной гнили. Со стволов соплями оползает кора, из черной грязи у корней с печальным звуком выдуваются разноцветные пузыри, лопались, оставляя радугу и дурной запах.

Когда перевалили низкий отрог хребта, плотно укутанный морозящим серым туманом, небо очистилось, блеснули забытые голубые пятна. В поломанных тростниках крутилась вода, бесчисленные протоки сбивали с правильного направления.

Липкий ил, теплая зловонная жижа.

А одноногому которую ночь снился голый ледяной островок, посеченный злобным колючим ветром.

Зачем такой сон? Что бы значило?

Злой дух Даи-Даи сердился. Дождь опять лил с неслыханной яростью.

Вода теперь хлестала отовсюду, рвалась из-под ног, обдавала теплой гнилью. Мелкие озерца сливались в единое неукротимое пространство. Идти становилось все труднее, уставали срывать пиявок с исцарапанных голых ног. Время от времени эфиоп розовой ладонью незаметно касался особенно уставших, — тогда начинали сильнее дышать.

А ночью разразился настоящий потоп.

Свет заглядывающей в провалы Луны остро ломался на несущихся струях.

Вода текла повсюду. Она была везде. Вверху, внизу — везде вода. Присесть на корточки нельзя, течение сбивает. Раскаты грома перекатывались в ночи, бешено несущуюся воду высвечивали дергающиеся молнии. Пытаясь перебраться через слишком стремительный ручей, одноногий неловко полз по стволу гнилой моры. Кора слоилась, отставала, хищно обнажала сопливую гниль. Индеец едва успел ухватить одноногого. А ухватив, с испугом смотрел на мелькающие впереди розовые ступни маленького эфиопа. Не понимал, почему такие розовые? Почему не искусаны, не изрезаны в кровь? Так, качая головой, рассеянно ступил на возвышающуюся над землей кочку. Из кочки, как черная жидкость, как кипящая смола, излилась струя муравьев понопонари. Пламень ада лизнул индейца, впился в ноги, в подмышки, в глаза. Индеец закричал, забился в воде, как рыба. Муравьи сразу потеряли к нему интерес.

— Почему ты не помог индейцу?

Эфиоп улыбнулся:

— Абеа?

Дождь еще усилился.

Чешуйчатые гринхарты, красно-коричневые уаллабы, пурпуреи в размокшей густой листве, моры с плоскими, как доски, чудовищными корнями-подпорками, даже

примятый водой подлесок — все стремилось вверх, к невидимому небу, прочь от затопленной земли.

Даже магнитная игла свихнулась.

Ирландец знал, что магнитную иглу впервые применил некий Гойя из городка Мальфи, того, что в Неаполитанском королевстве. Правда, некоторые утверждают, что таковую иглу привезли из Китая, но это не важно. Себастьян Кэбот сумел ее усовершенствовать, установил главные значения некоторого обязательного отклонения от верного направления на север. Нил никогда раньше не слышал, что магнитная игла может крутиться так, будто сторон света уже нет.

Но она крутилась, не желала остановиться.

Когда вышли к плоскому озеру, дождь умерил силу, зато тяжкая духота сгустилась невыразимо. Среди ленивых тростников поднялись нежные растения, похожие на ризофору. Тяжелым духом цветов, может, умерших, понесло от замерших джунглей. В тихой воде отразились источенные временем высокие каменные стены, сложенные из ровных плит. Может, когда-то стояли тут и деревянные дома, но древоточцы все пожрали, а труху разнесло ветром. Так подумал ирландец, поглядывая на деревянную ногу Джона Гоута. И еще подумал: почему ее не пожрали? И почему так странно вспыхивают камни в ручье? Алмазы здесь можно, наверное, собирать руками.

Будто для встречи — на каменной стене, прихотливо расцвеченной мхами, показались индейцы.

Сперва двое, потом еще один.

Никакого оружия, плетеные набедренные повязки, мускулистые тела натерты красной и желтой красками. Ниже голых коленей пестрели ленточки, сплетенные из травы, а под удлинненными мочками покачивались крылья черных жуков.

Индейцы были спокойны. Наверное, они заранее знали все, что может случиться.

Одноногий тяжело опустил руку на плечо Нила: не хотел, чтобы ирландец боялся. Видно, что не один только порк-ноккер добирался до этих мест. Четыре оборванных злых человека, уже и не похожие на людей, вышли из-за

скалы. Они не стеснялись своего грязного тряпья, зазубренных мачете. Скулы подвело. Увидев нож в руке одного, переглянулись.

— Инглиз?

Джон Гоут кивнул.

Этим кивком он подтверждал: да, мы — инглиз. Мы прошли сквозь лес. И спросил в свою очередь:

— Говорят, здесь много золота?

Спрашивая, он опустил нож к бедру, чтобы лезвие шэффилдской волнистой стали сладко блеснуло.

— Вас трое? — спросил старший.

Если бы не кривые длинные губы, этот старатель выглядел бы красивым. Но длинные губы придавали его лицу нечто лягушачье. Среди испанцев вообще много таких, которые вполне могли бы считаться красивыми, если бы не длинные губы.

— Нас много, — ответил Джон Гоут.

— Где же они?

— В лесу.

— Идут сюда?

— У них мушкеты и даже пушки, — подтвердил Джон Гоут, чуть отставляя деревянную ногу. — Скоро придут, — подтвердил он, не уточняя срок.

Оборванцы переглянулись.

Конечно, они не поверили одноному.

Можно пройти сквозь джунгли в сезон ливней даже на деревянной ноге... Может быть, может быть... Вот Джон Гоут прошел... Но пушки... Но мушкеты...

Старший старатель выругался.

Это было длинное ругательство, составленное из невообразимой смеси грубых английских, испанских и индейских слов. Так говорят на Тортуге, поэтому одноногий еще больше насторожился.

— Вы пришли за золотом?

Джон Гоут осторожно кивнул.

— И за камнями, которые блестят?

— Ну да. Говорят, здесь много таких, да?

— И за всякими серебряными безделками?

— Ну да. Это верное понимание.

— А что вы дадите взамен?

— У нас ничего нет.

— А твой нож?

Водянистые глаза Джона Гоута стали совсем бесцветными, как алмаз в воде.

— Нож я не могу отдать. Он мой.

— Как вы сюда добрались?

— Пересекли лес.

— Через перевал?

— Мы прошли его.

— На такой вот ноге?

Джон Гут кивнул. Он не хотел спорить.

— Мы ничего вам не дадим, — решил старший старатель. — Ни алмазов, ни золота.

Все были здорово истощены, но их было четверо и все вооружены зазубренными мачете.

— Но ведь камней и золота здесь много.

— Так много, что вам не унести и малой их части, — подтвердил старший. — Но как ты на одной ноге пришел к городу? — упрекнул он Джона Гоута. И покачал головой: — Я не знаю, как ты шел через лес, но отсюда ты не уйдешь. Ты никогда больше не увидишь реку. — Он действительно не понимал, как это можно в ужасный сезон ливней пересечь джунгли на одной ноге. — Тебе, наверное, помогает дьявол, — догадался он. — Но отсюда ты не вернешься.

— Чего вы хотите?

— Нож и негритенка.

— Зачем вам негритенок?

— Он понесет груз. Он много может нести?

— Много.

— Ну вот, клянусь дьяволом, мы договорились, — лениво сплюнул старший.

Как молчаливые индейцы на стене, он тоже обо всем знал заранее. Четыре тяжелых зазубренных мачете подсказывали ему правильную правду.

— У тебя только одна нога, — сказал он Джону Гуту. — Зачем тебе богатства? Отдай нож и негритенка, и мы сразу уйдем. У нас все готово для того, чтобы уйти от-

сюда. Мы давно ждали кого-то, кто бы помог нам. Если хочешь, мы убьем тебя и твоего приятеля, — дружески кивнул старший старатель. — В мертвом городе жить нельзя. Даже дрова золотые. Мы отламывали золотые яблоки и ветки, но сад большой, можете сами проверить. Если договоритесь... — Он кивнул на стоящих высоко на стене индейцев. — Они, наверное, вас пропустят...

И метнул мачете.

Зазубренный нож попал Нилу за ухо.

Еще два мачете полетели в одноногого. Он, конечно, был бы убит на месте, но произошло чудо, о котором мечтали покойные чиклеро. Руки ефиопа стремительно и страшно вытянулись, как мягкие ленты только что сгустившегося латекса, и на лету перехватили ножи.

Старатели попятись.

— Клянусь дьяволом, мы не будем брать этого негр-тенка!

— У вас есть продукты? — спросил одноногий, ища пульс у навзничь опрокинувшегося ирландца.

— Совсем немного.

— Отдадите нам все продукты, — угрюмо сказал одноногий, отпуская тяжелую, уже холодеющую руку Нила. Он старался не смотреть на оборванных старателей, потому что страстно хотел убить их. — И понесете наш багаж к реке.

В конце концов, решил он, проще будет убить старателей на реке.

— Абеа?

Джон Гоут обернулся.

Ефиоп глянул в его водянистые глаза.

Как всегда, он ничего не сказал, но по странному, как бы ввинчивающемуся в сознание взгляду одноногий понял, что чудо произошло. Это так. И будет много золота и алмазов. А старатели послушно понесут груз. Если Джон Гоут не сможет идти сам, они понесут его на плечах или на носилках.

Так он подумал.

А ефиоп сошел с ума.

Бросив пойманные мачете, он упал в раздавшуюся жидкую грязь.

Он вскрикивал и бился, как в конвульсиях. Он всхлипывал, он так стонал, что один из старателей заплакал. Он катался, расплескивая грязь, и, весь вывозившись, со стоном бросился в озеро, распугав массу ядовитых змей и взмутьив чистую воду. Фонтаны донного ила стремительно поднялись над поверхностью. Ефиоп всплывал и вновь уходил под воду, смертельно пугая старателей.

Только молчаливые индейцы на стене ничему не дивились.

Всех сковало дыхание сущности -тен.

Холодная часть ада

1

К зиме немец загнал Семейку в самые низы реки Большой Собачьей.

Спускаться ниже было опасно — люди замерзнут. Там ни дров, ни еды, ни зверя, даже лихого. Морозы стеклили мелкую воду у берега, стреляли рвущейся голой землей, на перекатах звенели льдинки. На тяжелом округлом коче — судне, всяко приспособленном для плаваний даже среди льдов, — Семейка добрался до уединенной протоки, хитро закрытой с одной стороны скалами, с другой имевшей выход на сендуху — темное, уже высветленное снежком пространство тундры. Ждали, что немец до настоящих морозов спустится к крепостце, всяко укрепили подход, выставили в сторону реки пушку. Но вместо судов со стрельцами до ледостава течением принесло плот. На нем виселица. На веревке истлелый мертвец, умело расклеванный стервятниками. А у ног мертвеца — заледенелый от страха и холода обыкновенный казенный дьяк, крепко скрученный, но почему-то не повешенный. Вороны пытались клевать и дьяка, но он махался свободной рукой, тем и остался жив.

Дьяка притащили к Семейке.

Семейка, рябой, волосатый, совсем лев, немного толь-

ко попорченный оспой, в плотном камзоле, недавно отнятом у приказчика в остроге, насупил брови:

— Воровал?

— А как без этого?

Ноги дьяка не держали, пришлось его откармливать. Как рождественскому гусю, проталкивали в горло жеваное мясо. Скоро задышал, приноровился к белому винцу. Глаза ожили, стали смотреть живей, приглядываться.

Назвался Якунькой.

Снова приволоченный к Семейке, охотно рассказал об ужасном военном немце, о наглых приготовлениях стрельцов, о скорой погоне, о многих пушках, якобы доставленных морем аж из самого Якуцка.

На такие слова казаки, помогавшие разговору, осердились.

Хотели убить Якуньку, но тот слезно попросил винца и, выдув махом чуть не большую кружку, заговорил совсем иначе. Никого пушками не пугал, не указывал на особенные таланты военного немца, не повторял, что немец приглашен и отправлен в Сибирь специально принять командование над разбойниками и ворами в пользу России. Под видом некоего комплимента стал даже называть Семейкиных людей товарищами. Чтобы подтвердить, что с немцем не в дружбе, показал украденный нож. У самого немца украл! А когда вязать стали, объяснил, что ножа под кафтаном не заметили. «Это и хорошо, — радовался, — а то висел бы». Правда, плот неудобный, от двух висунов мог перевернуться. «Привяжите его покрепче, — якобы приказал немец, — пусть скажет ворами, что приду скоро».

— Думает поймать нас? — заинтересовался Семейка.

— Не знаю, — обреченно покачал головой дьяк.

Волнистая шэффилдская сталь ножа, литая медная рукоятка, удобно обернутая полосками кожи, понравилась Семейке. Дьяку, выдувшему еще одну кружку белого, нож не вернул.

Но как бы восхитился:

— Ну, ты монстр!

Со слов дьяка выяснилось следующее.

Три года назад он, казенный дьяк Сибирского приказа Якунька Петелин, проделал с военным немцем весь долгий путь от Варшавы до Москвы.

Немец дьяка принял поначалу холодно — как царского соглядатая. Но потом привык, не чинился, сажал за стол. Страшный, жилистый, в зеленом немецком камзоле, в парике, а глаза глубокие, водянистые, как течение на глубоком месте. Устроится на скамье, вытянет перед собой негнушущуюся деревянную ногу, обтянутую немецким чулком, и смотрит грозно. Опасаясь пронизывающего взгляда, Якунька напивался до такой степени, что причинял людям неприятности. А немцу про все в России рассказывал с ужасными преувеличениями. Люди — богатыри. Ломают руками подкову, зубами перекусывают пятак. Москва такая большая, что иностранцы в ней могут заблудиться. Тогда живут по подворьям у разных людей, пока свои не узнают. Считал: раз молодой государь пригласил, то надо немцу знать, что Москва такая большая. А что навозные кучи в каждом переулке, что все помои вылиты в лужи перед домами — это ничего. Звон малиновый над Москвой — для истинных христиан. А если дальше идти... Если идти по России... И не смей думать, какая большая!.. Одна река за другой, одна гора за другой, и Бабиновская дорога. На ней каторжные в железах. Наладились в Сибирь.

Есть такие реки, где пройти невозможно, только зимой.

А зимой морозы лютые, воздух от них тверд, как масло. Не запалишь костерка — задохнешься. Тут же мелкие пигмеи щебечут в снегах, как снегири, закутавшись в пестрые птичьи перья. На некоторых расстояниях живут в ледяных домиках стеклянные люди, лишенные дара речи. «Вот как твой ефиоп». А у других дикующих другие баснословные свойства: впадают в спячку. «И не смотри, дядя, — якобы добавлял монстр, совсем уже не боясь немца, — не смотри, дядя, на то, что ничего вкусней зайчатины они в жизни не едали, вещи у них богатые — мяхкая рухлядь».

Согласно традициям, посольский обоз не торопился. Пусть иностранцы видят — какой простор, сколько птиц в небе!

Время от времени подъезжали местные люди, спрашивали что-нибудь. Предлагать боялись — государем запрещено. Потом появлялись новые.

А посольский поезд тянулся и тянулся по бесконечным равнинам.

Зачем иностранцу спешить? В Россию нельзя нырять, как в холодный омут.

Конечно, дождь.

Конечно, бедные избы.

Конечно, бабы в платках, повязанных через грудь крест-накрест.

Над ветхими кровлями — золотушные петушки. В углу постоялого двора сломанная оглобля. Косолапый смотритель смотрит так, будто сейчас заплачет. Вот зарезал бы, а нельзя. Потому и мучается.

От села Заречного, что в тридцати двух верстах от Москвы, шли почти месяц.

— Неужто месяц? — дивился Семейка, играя отнятым у дьяка ножом.

— Не меньше.

— Я бы такового вашего вожатого повесил.

...Сворачивали в леса, стояли над темными осенними озерами, в грязи так страшно утопали, что даже до Москвы доходили слухи о якобы пропавшем обозе. Дважды отбивались от разбойников. В белом плотном дыму скакали всадники, вскрикивали ужасно. Но грязь лошадям по брюхо — сильно не разгонишься.

«Майн Гатт!» — бормотал немец, моргал водянистыми глазами. А дьяку слышалось: «Мой гад!» Терялся в догадках.

В некоторых селах водил одноногого в корчму.

Некоторое время мечтал перепить, но после трех драк понял — не сможет.

Тогда смирился. Стал объяснять назначение жизни. Немец вытянет по скамье негнущуюся деревянную ногу, обтянутую полосатым немецким чулком, корчмарь тут же с уважением подставит дополнительную скамеечку.

На немце военный кафтан зеленого цвета, на поясе нож с медной рукоятью, при живой ноге — маленький ефиоп. Якунька прямо терялся: вот как жизнь складывается! Ефиоп, правда, смотрел на него без особенных проблесков сознания, только иногда спрашивал: «Абеа?» Не желая прослыть дураком, Якунька кивал: «А как же!»

Падал снег.

Подмораживало.

Москву почти видно, пахнет дымом, а дойти никак не могли.

Обдавало снежной крупой. Военный немец редко выходил из громоздкого, с черным кожаным верхом возка. А если выходил, оставлял за собой след копыта. Видно, что человек прошел, а след не человеческий. Якунька от этого тревожился, расспрашивал про дальние края, нагло врал, что только на Руси есть порядок. Вот украл, к примеру, тебе и вырвут клещами ноздри.

Богобоязненный народ, хвалил.

А сам внимательно поглядывал на немца, хотел догадаться: зачем такой страшный понадобился в России?

Известно, молодой царь любит немцев.

Всех зовет, кто умеет махать мечом или читать карту.

Свой народишко упрям: учиться не хочет. Одним уже порвали ноздри, другие еще прячутся по лесам. Бегали при Софье, бегали при Алексее Михайловиче, бегали даже при Грозном царе, так что считают: и сейчас можно. Обычно отсиживаются в темных лесах. Мерзнут, голодают. Когда совсем рассердятся, выскочат с криком, отнимут у проезжего какую еду, бедное борошнишко. Есть такие дороги, там разбойников больше, чем царских слуг. Только когда стрелецкий тысячник Пыжов прошел с пушками — многие бежали в Сибирь. А туда за ними людей не пошлешь — изменят.

Да и зачем посылать людей на восток в вечные льды?

Зачем вести долгие обозы, гнать каторжников, содержать ямы, чистить волок — охранять границу, которой, в сущности, нет? На огромном отдалении и лик государев выглядит не так грозно.

В посольском дворе в Китай-городе — в доме на три этажа с башенками и узкими балкончиками — военный немец прогуливался в кафтане сером и с позументами. В широких штанах, на одной ноге полусапожек гармоникой.

Подолгу смотрел с балкончика в глубину квадратного двора с глубоким колодезем посредине. Бормотал: «Майн Гатт!»

Ефиоп тут же отвечал: «Абеа?»

Снаружи почти как человек, только щеки как уголь и глаза сверкают.

Маленький ростом, а ел ужасно. Много и скоро ел. Лебедя к столу подавали с уксусом, с солью, с перцем, так ефиоп ножом отхватывал куски так, будто торопился, что сейчас все встанут и уйдут.

И как бы призывал всех уйти.

Якунька даже утешал:

— Сиди, дядя!

Старый боярин Трубецкой, самым государем назначенный быть при немце, смотрел на черного с упреком. Ни о чем такого не спрашивал. Только раз, губу оттопырив, гордость врожденную переборов, спросил:

— Бреешь бороду?

Какая там борода?

Но немец ответил за ефиопа в утвердительном смысле, потому князь кивнул: «И это по-нашему». Видно было, что боится молодого царя до судорог. При нем ведь сейчас больше иноземные офицеры, драгуны, рейтары. А свои — купчишки, всякие дьяки безродные, мелкий подлый народ, пронырливые откупщики. Слухи ходят, что скоро в приказах нерадивых подьячих будут накрепко закреплять к скамьям веревками. Чтоб работали в меру сил.

Вздыхал.

Вспоминалась жизнь при Алексее Михайловиче.

При Тишайшем царе вставал с восходом солнца. Долго расчесывался, пятерней трогал бороду, смотрелся в тусклое зеркальце, засиженное мухами. Поохав, омыв лицо, отправлялся во дворец. Там время проводил неспешно —

по старинным московским часам. К вечеру, притомившись, шли в церковь.

Все неторопливо. Все с уважением.

А ныне в дворцах иноземцы, как козлы, пританцовывают.

На них нитяные полосатые чулки, башмаки с пряжками, парики короткие.

А то строгий указ вышел: «По примеру всех христианских народов — считать лета не от сотворения мира, а от рождения Христова в восьмой день спустя, и считать новый год не с первого сентября, а с первого января сего 1700 года». И тем же указом сурово требовано, чтобы в знак нового столетнего века в полном веселье друг друга поздравлять с новым годом. По всем улицам у ворот учинять украшения из срубленных деревьев и веток сосновых, еловых, можжевельных. Людям скудным — и тем хотя бы какую ветку ставить над воротами. А по дворам палатных, воинских и купеческих людей обязательно чинить стрельбу из небольших пушечек или ружей, даже жечь смоляные бочки.

Задымили Москву.

От боязни всего иностранного князь бледнел.

Истинное уважение требует неторопливости, а молодой царь — длинный, дергающийся, вихлястый, не терпит медлительности. Может париком при всех отхлестать. Помня это, князь Трубецкой, садясь с немцем за стол, выкладывал перед собой длинный список «здоровый», чтобы ничего и никого не пропустить. Пили с немцем так истово, будто вино для того дано, чтобы поскорей повалить человека под стол. Произнося что-то, князь машинально поглаживал пальцами обритое лицо, поглядывал на одноногого с отчаянием. Вот уселся, выставил деревяшку. Совсем черная, в царапинах там, где выглядывает из-под штанины. Видно, что побывала в воде, в огне — везде побывала. С тайным страхом думал: просто так человек ногу не потеряет, значит, было где потерять. Опять же, отстреленную ногу просто так к телу не приставишь, значит, было чем заплатить.

И имя нечеловеческое — Джон Гоут.

Говорят, отличился во многих сражениях.

А теперь вот приглашен для отправки в Сибирь — там навести порядок.

С некоторых пор на восточной уkraine воры и разбойники, как псы, висят на ободранном подоле государева кафтана. Обозы стали приходить пустые. От чюхчей, от одулов, от шоромбойских мужиков и олюбенцов вместо чудесной мягкой рухляди везут никому не нужных искалеченных стрельцов. В Разбойном приказе одно время думали: это вдруг забаловали дикующие. Но поймали одного вора — свой! Поймали другого — свой! Третьего поймали, все полны удивления — опять свой! Из беглых. Говорит по-русски, знамение кладет, ругается — совсем озлобился. На дыбе, отхлестанный огненным веничком, признался в воровстве, рассказал, что за рекой Леной, в лесах и ниже — в плоской сендухе, все равно богатой песцом и соболем, заправляет теперь некий Семейка. То же из беглых. Рябой. Жил на севере, был взят в стрельцы, службу оставил самостоятельно. Баловал в российских лесах, ушел в Сибирь. Государя совсем не признает, говорит — заменили государя немцы, не будем такому служить, наоборот, будем жить свободно! Всем объявил войну.

А гарнизонов на дальних реках мало.

Поплешь кого воевать Семейку, он к тому и перекидывается.

Якунька глазел то на князя, то на немца. Прислушивался. Пил как монстр. Незаметно пиная под столом маленького ефиопа.

«Абеа?»

«А то!»

Чтобы угадать понимание старого князя, как бы понравиться, трогательно шептал новоманерные вирши: *«Часто днями ходит при овине, при скирдах, то инде, то при льне; то пролазов смотрит нет ли в тыне и что делается на гумне...»*

Когда дошло, что вирши не цепляют князя, стал жаловаться на всякие случаи. Признался, например, что год

назад бежал от одной лукавой девки. Теперь живет дьяком, дрожит каждый день, что вредная девка крикнет на него слово.

Но всю правду старался не говорить.

Зачем говорить всю? Часть правды — тоже правда.

Загадочно намекал, что год назад часто бывал по делам в доме одного важного человека. Там и увидел круглую карельскую девку, она обстирывала весь дом. Ноги тоже круглые, хоть верхом садись, скачи в дозор.

Ну и случилось.

«Вся кипящая похоть в лице его злилась... — доверительно шептал. — Как уголь горящий, все оно краснело... Руки ей давил, щупал и все тело... А неверная о том весьма веселилась...»

Понятно, нашептывал это девке.

А та от смущения вся налилась кровью, сквасилась. Стала много молчать, только краснела. А потом, дура, решила накрепко привязать приказного дьяка к своей бедной юбке!

— Майн Гатт!

(Дьяку так и слышалось: «Мой гад!»)

— Майн Гатт! Вышли за мысы... Испанский пинк встретили... Забрали — солонину, хлеб... Ром забрали, черную патоку... А чтобы произвести хорошее впечатление, отдали взамен бухту старого троса.

Якунька восхищенно каменел.

«Чтобы произвести хорошее впечатление...»

— Я тоже хотел воевать, — доверительно признавался, когда слуги уносили вконец сморившегося от выпивки старого князя. — Когда бежал от карельской девки, в корчме встретил офицеров молодого царя. Понравился им ростом, силой, — приврал, — особенной легкостью ума. Так напоили, дядя, что, не поверишь, очнулся только в крепости. Подполз к открытой двери, увидел: во дворе палками бьют рекрута. Спина так зачесалась, что преодолел крепостные сооружения, широкий ров.

— Майн Гатт!

Немец задумчиво чесал негнувшуюся деревянную ногу.

— Майн Гатт! Взяли с одного потопленного барка дюжину телячьих шкур... Всего-то хотели пошить чехлы для пушек... А когда погнались за нами, — немец никогда не уточнял, кто за такими осмеливался гоняться, — учинили в своем флаге «женскую дыру» и весело махали руками...

«Вся кипящая похоть в лице его зрилась...»

Нравились дьяку прельстительные слова. Не знал, не догадывался, в голову не приходило, что Аххарги-ю из бездн черных глаз ефиопа видит его насквозь.

Видит вирши, видит жадность.

Видит перепутанность скудных мыслей.

С одной стороны, как бы побольше сожрать с богатого стола; с другой, какие-то томления — слова, к столу непричастные. Мысленные валы огненные. Катятся, как в аду. Ад ведь такое место, где купаться никто не хочет...

Аххарги-ю чудился в этом как бы намек на что-то высокое, но все портила простая, ничем не прикрытая мысль Якуньки: как удачнее провести немца?

Может, ефиопа отнять? Зачем ефиоп такому военному немцу?

А он, Якунька, водил бы черного на веревке по базарам и площадям.

Всегда имел бы свой кусок хлеба. И правду легче искать, когда черный ефиоп, как коза, на веревке. Люди обязательно покупаются на особенное. Такого или сжечь на костре или мне отдать, намекал немцу. Конечно, только мысленно намекал, вслух — боялся. Ты вот мне отдай ефиопа, мысленно намекал, не зная, что Аххарги-ю все равно все видит. Я пойду с черным по сибирским городам просить милостыню. (Аххарги-ю тревожно задумывался.) Не знаю, что это за ефиоп такой у тебя? (Аххарги-ю непонимающе пучил сайклы.) Прямо подкидывш.

Трудно жить, жаловался немцу.

Вот он, Якунька Петелин — казенный дьяк посольского приказа, а имеет в день на пропитание так мало, что от слабости двоится в глазах. Приходится таскать птицу с чужих дворов. Чтобы вести записи, отливает из охотничьей

дроби свинцовые палочки. Тайком перо дерет с чужих гусей — с той же целью.

Спрашивал, загибая пальцы:

— Дрова на всю зиму — надо? Новый парик — надо? Книги ученые — надо?

— То-то ученость проглядывает! — грубо указывал немец на дыру в кафтане.

— Нет, это глупость заглядывает, — обижался Якунька. Но на всякий случай переводил разговор на ефиопа: — Наверное, большой преступник был? Вон как ухо неровно подрезано.

«Чтобы произвести приятное впечатление...»

— Ведь каких только страшных гнусностей не наколбродит такое вот черное существо, — догадывался, давал понять, что все понимает. — Души у него точно нет. Язычник. Привык жить молчком. Это я, — умно жаловался, — как тот Аристотель, учусь отвечать на любые, даже каверзные вопросы.

— Майн Гатт! — вел свое немец.

(Якуньке слышалось: «Мой гад!»)

— Одного человека привязали к брашпилю и закидали пустыми бутылками... Весь порезался...

Якунька млеет. Это какого такого *одного* человека?

Он про Аристотеля да про высокие материи, а немец человека — бутылкой.

От смущения лез рукой за пазуху — предлагал немцу пробирные веса. Украл, конечно. Одноногий предложение отклонял, но Аххарги-ю, сканируя неглубокое сознание дьяка, натыкался на новую необычную мысль: получив за украденное немного денег, в ближайшем времени изобрести бы что-то такое, чтобы сам князь-кесарь Федор Юрьевич Ромодановский ахнул и доложил молодому царю. Изумить, скажем, зажигательным инструментом — катоптрикодиооптрическим.

Это еще не разум, качал головой Аххарги-ю.

Это еще только смутные затемнения примитивного первичного сознания, не больше.

Отчетливо видел, что никакой высокой печалью не

отмечено дерзание дьяка. Не тяготило его сознание одиночества во Вселенной. Киты, отлежав бока, тяжело ворочались под плоской землей в океане, трясли на столе посуду, дьяку и это было нипочем. Он, наверное, скоро драться начнет, верно угадывал Аххарги-ю.

А потом обязательно украдет что-нибудь.

4

«Вся кипящая похоть в лице его злилась...»

Так шептал, а сам думал про карельскую дуру прачку.

СТИШОК ЯКУНЬКА СОЧИНИЛ, ВПРОЧЕМ, НАБЛЮДАЯ ЗА военным немцем и бледной польской княжной, поселенной с отцом в том же посольском дворе. Со времен путешествия по России чувствовал, что эфиоп не просто находится при одноногом — они как-то особо связаны. Втайне дивился невозмутимости немца. Смотрел, как вечерами с одного балкончика тот переходил на другой. Стоял, упершись в пол деревянной ногой, а бледная княжна на другом балкончике всем телом прижималась к холодному камню стен, будто никого не видит.

А глаза бесстыдные.

У немца — водянистые, а у княжны — бесстыдные.

Как бы не замечали друг друга, но дьяк чувствовал что-то такое. Даже не удивился, услышав однажды ночью голоса за стеной, шепот. Не беден военный немец, подумал, если может шептаться с польской княжной. Мало ль, что одноног! Любой вид можно поправить золотом.

А княжна бедна.

Пан-отец не просто так привез к москвитам. Непременно надеется на щедрый дар судьбы, никак не догадывается про дорожное амурное приключение. Как бы нечаянно проходя мимо комнаты военного немца, Якунька чуть толкнул дверь.

Не заперта.

Глянув внутрь, под чуть светящую лампадку, немало изумился: почему стоны за стеной, почему шепот, если немец спит? Вон слышно: дышит под лоскутным одеялом как ни в чем не бывало.

Побежал обратно — к себе.

Прильнул к стене плоским опытным ухом. Ну, точно стоны!

Как так? Вернулся к приоткрытым дверям — спит немец. В свете лампадки видно: у кровати нагло поставлена деревянная нога. Побежал обратно: шепот за стеной, княжна сладко стонет. Как так? От досады крестным знамением смахнул выглянувшего из-под оконного карниза черта. Да так ловко его смахнул, что с небес донеслось сладостное: «Ага!»

Стал следить.

Сострадал за отца княжны.

Вот привез пан ко двору чистую дочку. Имел явный умысел породниться с каким русским князем или боярином. У русских добра не мерено, горшков с золотом запановано по подклетьям уйма! Хоть век могут лежать. А вот никакая девка, даже польская, так долго не цветет.

Следующей ночью Якунька чуть с ума не сдернулся.

Все молитвы забыл от увиденного. Одна только крутилась в голове — от укушения гада. Ее повторял, верил, что Господь поймет. Сам видел собственными глазами, как из комнаты польской княжны под самое утро на одной ноге, как грач, выпрыгнул военный немец. Кафтан, как на лешем, запахнут левой стороной наверх. Без парика, бритый. «Майн Гатт!» (Якунька, конечно, услышал: «Мой гад!») Как понять? Ведь в то же самое время тот же сердитый немец крепко спал на кровати. Деревянная нога на полу. Шахматы и нож на столе.

Ну, как такое понять?

С одной стороны — спит, с другой — заставляет княжну стонать.

Прибежав к себе, Якунька опять приник к стене опытным плоским ухом.

А из комнаты княжны все те же сладкие стоны. Будто там военных немцев полно. И все шепчут, разгорячась. И все как бы совсем хорошо там. Вот как бывает, совсем удивился дьяк.

А княжна — бледная. Линялые голубые глазки.

«Коров доить не умеем?» — днем подкатывался к ней.

По казенной должности имел право задавать такие вопросы. Не дурнине учил. Но княжна все понимала по-своему. Краснела. Видно, что добродетель ее щедро сдобрена пороком. Разозлясь, хотел заподозрить княжну в шпионаже, крикнуть слово и дело, но вовремя одумался. Поручил девке из польской прислуги за небольшие деньги подробно докладывать всякое такое из тайной жизни госпожи. Та стала докладывать. И так оказалось, что девка эта сама каждую ночь слышит сладостные стоны, да же завидует, видя стонущую княжну.

А рядом-то никого нет!

Рядом-то никого нет в постели!

На ловкие расспросы княжна по секрету призналась девке, что, правда, видит прельстительные сны. Будто каждую ночь спит с военным немцем.

«Ну, с этим...»

«С одноногим?» — ужаснулась девка.

«А чем от того хуже?» — покраснела княжна.

И все бы хорошо, да осенью старый пан отец, представляя дочку, в царевом присутствии имел смелость неумеренно похвалить ее чистоту. Молодой царь грубо засмеялся: «Сам вижу. Пусть рожает. Будет сын, запишем в гвардию».

Пан даже оглянулся: ему ли такое говорят?

Призванная к ответу, не застегнутая, с тугим животиком и так густо набеленная, будто лицо обсыпали мукой, дочка призналась-таки в чудесном чуде: вот снился-снился ей военный немец, она и понесла. На Библии клялась, что ничего другого с немцем не было, только сны. Несчастный отец и готов был смириться с чудом, но больно уж весомо тяжелела княжна.

Пришлось рожать.

Подругам и девкам повторяла — *чудо*.

Все кивали согласно, но жгли изучающими взглядами: в кого малыш?

В Кракове, куда вернулась, прогнанная отцом, в бед-

ном, пронизанном сквозняками замке постоянно играла музыка.

Княжна плакала и раскаивалась. Ничего не могла понять.

Не знала ведь, что и немец не подозревает того, что в жилистом его теле, забывшемся в крепком сне, как в некоем волшебном костюме, навещал жаждущую польскую княжну Аххарги-ю, неимоверно усиленный сущностью *-тен*, так счастливо найденной в мертвом городе.

Княжна закидывала руки, ноги, стонала и обнимала воздух.

Боялась, конечно. Просыпалась от сладости. Казалось, будто на самом деле наклоняется над нею военный немец, шепчет всякое. Правда, сам Аххарги-ю этот шепот как раз считал глупостью. Ну, правда. Начнут с приятного цвета лица, а закончат какой-нибудь непристойностью. Умилительно шепчутся про цветочки, а руки ищут свое.

Ну, как зверьки прямо.

5

Возвращение с Земли Аххарги-ю собирался отметить роскошным аукционом.

Нежные доисторические твари из архейских морей — такие нежные, что не умеют даже в самом мягчайшем иле оставить видимые отпечатки. Пестрый археоптерикс, клубок перьев, только притворяющийся птицей. Коацерватный кисель, пленительно переливающийся при свете особых сагентных ламп. Сказочный индрик-зверь, объедающий самые высокие деревья. Панцирная рыба, которой тесно в ее броне. Даже саблезубая кошка-тигр на четырех лапах. Даже шумная триба Козловых — в окружении сохатых и казенной кобылы.

Симбионтов, решил, пустим отдельно.

Особенно самок, про которых рассказывал дьяк.

От самок жарко, рассказывал Якунька военному немцу. Особенно в Сибири. По дыханию, как в сильный мороз, сразу определишь, где прячется, — так горяча. Сканируя сумеречное сознание дьяка, Аххарги-ю явственно

видел, что при некотором желании вполне мог Якунька совершить большое открытие. Например, догадаться о чувствительной красоте, отмечающей все самое важное. Но совершил Якунька малое: сообразил наконец, как ловчей упереть у военного немца нож. Так что контрабандер на уединенном коричневом карлике мог отдыхать спокойно: наивные предположения его оппонентов о зачатках разума на Земле пока ничем не подтверждались. Зверь может украсть, зверь может загрызть другого зверя, но никогда один зверь не обратит внимание другого, скажем, на высокую небесную механику. Или на то, как крутятся звезды, падают метеоры, а ночь сменяет день. Или на то, как растут горы, сохнут моря, огонь обглаживает сухие равнины.

Биомасса слепа.

Есть только инстинкт и хитрость.

Летучая мышь никого не научит тонкостям эхолокации, электрический скат не станет крутить динамо перед разинувшей зубастый рот акулой, серебристая кета не поведет косяк сельдей к той единственной речушке, в которой только и привольно метать икру.

«К берегам мужицкой музыки...»

Аххарги-ю видел: одноногий сердится на поэзию.

Это его радовало. Одноногий и нужен был, чтобы по неосторожности где не убили ефиопа. За несколько лет привык к черному ловкому телу. К сдержанности привык. Иначе бросил бы немца. От сильного пьянства мысли бывшего приватира Джона Гоута измельчились, как рябь на осенней воде. Толстому купцу из Голландии, оказавшемуся за одним столом, расчувствовавшись, продал маленького ефиопа. Купец нуждался в черном мальчике — подавать кофий, набивать трубку, дивить людей.

Аххарги-ю возмутился.

Сущность -тен, возмущаясь, выбросила облако особенных флюидов.

Голландский купец ни с того ни с сего начал заговариваться. Уходил в кривые грязные переулки Москвы,

смирненно разговаривал с прохожими. Стал бесплатно раздавать товары, пока не спохватились компаньоны.

Ну а ефиоп ушел. Снова сел при деревянной ноге.

А немец только пыхтел. Поощряемый ловким дьяком, ничего не помнил о пьяных ночных деяниях. Только про себя немного дивился: отчего это вдруг нежное лицо ефиопа теперь подпорчено злобой?

Впал в сумеречное состояние. Сам не понимал, что делает.

Второй раз продал ефиопа, на этот раз какому-то человеку из поляков.

Пан от важности надулся, хотел черного сразу зарубить, чтобы показать гонор, но сущность -тен не желала с таким смиряться: вновь выбросила облако особенных флюидов. Отчего пан все так же важно вышел на площадь перед корчмой, перед случайными людьми переломил саблю. Важно поклялся: «Теперь уйду в монастырь, черти снятся». Потом публично проклял отцов-иезуитов и начал утверждать, что знает главную истину. А черного отпустил.

Получался какой-то неразменный черный.

Осердясь на такое, немец посадил неугомонного на чепь.

Аххарги-ю и этого не потерпел: заставил ефиопа перекинуться в сучку.

Когда пьяный немец вышел на крылечко выкурить трубку, то сразу увидел непонятное: неловко карабкается на дерево черная сучка. Со страху, видимо. Чувствуется, что не умеет этого делать, а вот карабкается, звенит чепью. А за деревянным забором визжат и крутятся местные кобели.

Немец даже сплюнул.

Непристойно сучке, пусть и черной, карабкаться на дерево.

Успокоился только, когда на густых на ветках принял ефиоп прежний вид.

Это и Якунька видел. Не поверил. Вздыхая, постоял рядом, с надеждой спросил:

— Вот почему у немца нос большой?

Догадавшись, что ответа Джон Гоут не знает, сам подсказал:

— Потому что воздух бесплатный.

А в корчме, улучив момент, деревяшкой для натягивания париков очень ловко ударил по голове попавшего под руку приказчика. *«Чтобы произвести хорошее впечатление...»*

Драка приятно заняла зрителей. Многие вскочили, чтобы лучше видеть.

Дьяк, длинный, как мельница, громко выл и крутил руками. Сперва как бы показывал, что со всеми сделает, когда до всех дорвется. Потом наконец ворвались караульные — человек пять, грузные, мокрые с дождя. Им от души хотелось топтать живое. *«Ну, станешь ли еще песенки сочинять?..»*

6

...Ах, ночь.

...Ледяной ветер завывал, подрагивали стены.

— Это домовый скулит на холоду, дядя, — печально признался Якунька. — Вот вы тут среди льдов избы ставили. А валенок к порогу кто нес? Роняли?

Семейка удивился:

— Роняли.

— Отшибли нутро родимому.

Семейка еще больше удивился.

Никогда не думал, что домовому можно что-то отшибить.

Даже не думал, что в Сибири могут водиться домовые. Они ведь, в сущности, совсем как русские старички — русый волос в скобку, тельце в пушку. Зачем такому в Сибирь? Здесь хватает дикующих. Они в звериных шкурах с головы до ног. Увидят, любопытствуют:

«Ты пришел?»

Ответишь:

«Ну, я».

«Что видел?» — спросят.

«Ну, многое видел».

«Что слышал?»

«Ну, тоже многое».

Тогда садятся, чай пьют.

И вообще, как могли завезти домового в сендуху, если только и делаем, что бегаем от военного немца?

Летом на самом быстром месте реки, где вход сразу в три стремительные протоки, немец специально выставил заметный шест с веткой на верхушке, отклоненной в одну сторону. Как бы особенный указатель — куда плыть. Поймал Семейкиных лазутчиков, выглядывавших путь, все у них выведал и повесил на дереве. А на указанном быстром месте выставил указатель.

Семейка не сомневался: свои указывают.

К счастью, первой пошла лодка с двумя гребцами.

Пронесло ее под каменистыми утесами, резко развернуло и стало бить о заднюю сторону тех же самых утесов — разворачивающимся, пенным, кипящим, как в котле, течением.

В другой раз вышли к опасному перекату.

В таких местах кормщик вообще, не отрываясь, должен глядеть на стрежень. Как начнет река менять цвет, как пойдет длинными серыми струями, так непременно править в сторону, где пена темней. Кто ж знал, что хитрый немец выставит на скалу голую дикующую девку? Развеселили ее белым винцом и вытолкали на скалу: вот спяши для вора!

Чуть не утробили коч.

Хорошо, Семейка успел дать кормщику по голове, чем привел в чувство.

Все лето военный немец грамотно гонял воров по сендухе. Уходили от него и сушей и водой, но немец все время затевал хитрости. Один раз по неизвестному волоку перетащил лодки и незаметно вышел Семейке в тыл. Ударила пушка — ядро страшно сдавило воздух. В другой раз едва ушли с зеленого островка, на котором неудачно решили отсидеться. Если по-русски, то и отсиделись бы. Слали бы вестников друг к другу, переругивались, переманивали людей. А немец — нет! Не хотел терять време-

ни. Все три пушки ударили по острову, калеча редкие деревца, которым еще расти и расти.

Какой тут домовой? Какой валенок? Сто раз затоптали бы в суете.

И так все лето. Не присядешь, не отдохнешь, того смотри набегут стрельцы!

Это только по словам глупого Якуньки получалось, что военный немец преследует якобы не воров, а казенного дьяка за то, что тот спер у него нож.

— Вот утони я, — хвалился наглый Якунька, — немец и остановился бы. Может, совсем бы ушел. А так не отстанет. Ни за что. Зиму пересидит в острожке, а летом все одно — догонит.

— Так, может, тебя утопить?

— Ты что! Ты что! Наоборот, приюти меня. Я полезен.

— Чем? — как в сказке, спросил Семейка.

Дьяк не ответил.

...Летом было, отбивались в устье реки.

...Снизу и сверху выскочили лодки. На них стрельцы.

...Одноногий их многому научил. Будто всю жизнь так делали — лезли на борт злые, ножи в зубах, дым от пистолей. Запах крови и страха прогнал с берегов птиц. Часть царских холопов сбросили в воду, пусть придут в чувство в ледяной воде. Другую часть оттолкнули в лодках шестами. Немец на одной ноге стоял на борту своего севшего на мель коча (тем и спаслись), кричал обидное.

Семейка довольно морщил побитое оспой лицо.

Пусть мы в сендуге да все в соболях, а молодой царь в бедном борошнишке.

Ишь, военного немца на нас послал! Вот и ходи теперь в холодном немецком камзоле. Может, уже и нет царя. Ходят слухи, что подменили его в Голландии. Вместе с глиняной трубкой. Теперь Россию, как кочергой, со всех сторон шурудит немец, черт, ада подкидывш. Вот и в Сибирь прислал такого же. А разве сибирский снег потеряет отпечаток чертова копыта?

Так и решил: оживем к весне, обманным путем под-

★ палим немецкое стойбище. Чтоб ни один стрелец не ушел. Кто выскочит из огня, тех на рогатины.

В который раз вспомнил про Алевайку.

Оставил чудесную девку другу-приказчику.

Слезно просил, прощаясь: «Вернусь, Иван, храни девку. Припас беру, пищаль, зелье пороховое. А ты пользуйся девкой, пока нет меня. Сытая, сам видишь, бока круглые. Оставляю трехсвечник с зеркальцем. Пусть смотрится. Обману немца, вернусь. Мы и не с такими справлялись. Девка при тебе не заскучает, знаю. Вон у тебя какая печь с вмазанными изразцами — такие издалека везут. Крылатые кони летят по сини. В тепле девка долго не сносится».

Думал, так будет, только одноногий переиначил.

Войдя в острог, беспощадно сжег избы установленных розыском воров, разметал строения. Друга-приказчика — за тесную дружбу с ворами — повесил на невысокой ондуше. На ней шишечки, как узелки, — много навязано. Оказалось, невысокая. Поставили приказчика на колени, чтобы задохнулся скорей. А девку Алевайку, лицо лунное, рогатые брови, немец возит при себе как приманку.

Беда ведь не по лесу ходит, она всегда среди людей.

Когда-то родилась Алевайка от веселого удинского казак. Потом его зарезали шоромбойские мужики, а мать дикующая тихонечко умерла. Получились у Алевайки длинные глаза и лицо тугое, как гриб — земная губа. Совсем молодой приютил девку Семейка, вырастил. Всегда теперь грудь крест-накрест шалью перевязана — бабы научили. Дышит туманно.

А сама ничего не боится.

В этом даже немец убедился.

Однажды рассказал ей про голову человека, поднесенную одной царевне на блюде, Алевайка оживилась, подвигала рогатыми бровями:

«Такое хочу».

«Да зачем тебе?»

Пожаловалась:

«Семейка меня за деньги оставил приказчику».

«Я ж повесил приказчика».

«Теперь Семейку хочу».

«А мертвецов разве не боишься?»

Когда казенный дьяк передал все это Семейке, тот только сжал губы плотно. Господь знает, как ему поступать. Конечно, нехорошо: у немца одна нога, а живет с чужой девкой, нас называет ворами, гоняется с пушками. А все потому, что в Разбойном приказе жестокий князь-кесарь настрого приказал нанятому за деньги немцу сыскать того Сеньку — вора и разбойника. А то, видите ли, захватил многие суммы медвежьей с мягкой рухлядью, считай, вся прибыль ясачная прошла у царя меж пальцев. Без всякого снисхождения приказал князь-кесарь повесить самых злых прямо при дороге. А не будет дороги, то при реке. А не будет реки, где угодно!

В длинных переходах Разбойного приказа коптили свечи.

Скрипели перьями сумрачные дьяки и приказные, боялись, что их тоже пошлют в Сибирь. Пройдет азиат в халате, за окошком проскрипит обоз с пропалой рыбой. По стене зеленые пятна — плесень, с улицы — бляенье, мык. Под такой шум князь-кесарь Федор Юрьевич прямо приказал привезти вора Сеньку в Москву в железной клетке, чтобы показать всему народу. Царскую волю следует честь.

А ведь с чего началось воровство?

У казенных анбаров в Якуцке стоял в карауле служилый человек Семейка Козел. С ним был Лазарь, этот без фамилии. Отошел в сторону, а тут явился посыльный от воеводы. Потребовал выдать у караульного Козла припас для какого-то залетного гостинного гостя. «Давай ключи!» Чуть не в драку. Казаки два года ничего не видели, а этому — выдай сразу!

Идти за ключами Семейка отказался.

Гостинный гость вызвал своих людей, пригрозил именем стольника и воеводы Пушкина Василия Никитича. А Семейка все равно отказался. «Вот не пушу к анбарам, — грозно сказал, — никого, пока нам, служилым, не выплатят содержание! И хлебное, и соляное, и денежное».

Самого воеводу, явившегося на шум, ухватил за груди, отпихнул прочь.

Конечно, набежали воеводские люди.

Отбившись обухом, Семейка опять схватил стольника и воеводу за грудки, поволок из сеней на крыльцо. А там уже десятники, промышленники, гостиной сотни люди. «Не дадим себя больше бить! Уйдем, — закричал Семейка, — в сендуху!» Прямо в лицо обомлевшему воеводе крикнул: «До смерти тебя, может, и не убьем, но длинные руки пообломаем!»

Так взяли припас и три коча.

Хорошие кочи. Проверенные. В каждый погрузилось почти по двадцать человек.

Днища округлые, не страшно войти и в льды — выдавит наружу, как яйцо. На палубах кочка — специальный ворот, с помощью которого снимают судно с мели. Канаты — ноги — от борта до высоких мачт. Уже через три дня, спускаясь по реке, разгромили встречных воеводских людей. Еще через три месяца — у богатого промышленника Язева, возвращавшегося с Алдана, обобрали паруса и снасти. Младшему Язеву, схватившемуся за нож, сломали руку. А там добрались до ясачной рухляди. Много чего взяли за два года вольницы.

Если бы не немец...

Этот — прижал. Не оторвешься.

Глубокой осенью, гонимые жестоким немцем, прошли старую Голыженскую протоку и остановились в глухом месте. Пойди сыщи последний оставшийся коч среди многих островов и речек. Поставили четырнадцать изб и баню. Вместо стекол натягивали на крошечные окошечки налимью кожу, вместо дверных ручек привязывали ремешки. Умудрились вытащить судно на берег — почистили обросшее днище, залатали квадратный парус, сменили мачту.

Приходили дикующие в меховых рубашках — омоки и одулы.

Кричали строго с того берега: «*Нанкын толухтам!*» («*Теплого дня!*»)

Им тоже отвечали, но близко не подходили: люди ка-

кие сердитые. Таких даже бить страшно. Один казенный дьяк Якунька не стеснялся спросить: что у дикующих есть особенное? Отвечали: ничего. Только горшки. Хвосты соболей замешиваем в глину, прочные горшки получаются.

Вот дождемся весны...

Обойдем снегами городище немца, ударим первыми...

Черного ефиопа, про которого рассказывал дьяк, пустим в прорубь, пусть налим удивятся. Всех побьем, кого найдем. Остальных простим. Среди снегов город поставим с веселыми заставами. Кругом — в рогатинах и в высоких сигнальных башнях, чтоб никакой немец больше не пришел. Сибирь велика. От рыбы кипит река, зверя много. Такой веселый построим вертоград, чтобы даже месяц в небе без какого ущерба! Даже дикующих привлечем. Заметил, что говорит вслух, только услышав Якуньку, охотно подхватившего:

— ...ими торговать станем.

— Дурак! У немца научился?

— Да ты что? Ты что? — рвался Якунька. — Я по небогатому уму.

— Где немец ногу потерял?

— Говорит, ядром оторвало.

— А мне говорили, заспал в теплом зимовье, — не поверил Семейка. — Лежал на печке, а нога и выскользни в приоткрывшееся окошечко. Мороз сильный. Так отморозил ногу, лежа на горячей печи, что отнять пришлось.

— Твоя правда.

7

В разгар морозов перед острожком, занятым стрельцами и казаками, снова стали появляться дикующие. Со всем бесхитростные. Одно на уме: «Что видел? Что слышал?» Сильно дивились отпечатку деревянной ноги. Дивились, почему у рта мохнатые (так русских называли из-за их бород) рубят избы, когда удобнее ставить урасу? И ондушу — печальное дерево — зачем валят? Чтобы вырасти выше человека, ему много лет надо. Качали головами: у рта мохнатые уйдут, их избы все равно упадут. Лето

★ придет, мерзлота ходить будет — упадут. Тут целые берега падают летом в реку.

Бесхитростные, дивились.

Немец тоже дивился, привыкнуть не мог.

Считается, что приходишь в совсем новые места, что никто до тебя сюда не заглядывал, пустыня от края до края, а на третий день в особенно пустом месте нашли старое костровище. Промерзлые угольки, пенек рубленый. Дикующие подтвердили: одно время приходил бородатый, мохнатый у рта, брал соболя. Взамен ничего не давал, только дрался.

Пришлось зарезать.

Немец такое считал справедливым.

Девке Алевайке рассказал, как в южном море под звездами за такое вот («Казну грабят!») за борт бросил на веревке человека ногами вверх, чтобы захватывал жадным ртом воду. Спорили, сумеет ли ухватить рыбу ртом? Так он ухватил.

Алевайка широко раскрывала глаза.

Немца слушала, а обижалась на Семейку.

Мучил ее вопрос: сколько денежек, какой припас взял за нее Семейка с приказчика?

— Майн Гатт! У боцмана Плесси на плече обнаружили знак дьявольский. Алое кольцо и как бы черная роза с кровью. Спрашивали по-доброму: откуда знак? Он не знал. Повесили.

Алевайка еще шире раскрывала глаза.

Обижалась на одноногого — какие страсти!

Ходила с ним к дикующим. Те чувствовали родство. Протягивали руки. Особенно к немцу, чтобы убедиться, что он тоже человек. Вот идет, оставляет круглый след. На деревянной ноге нельзя ходить по снегу, а он идет, подпрыгивает, будто его неведомая сила ведет, как шамана. Привел в сендуху стрельцов в шапках. Зачем? Сгинут. Дикующим в голову не могло прийти, что потому и дали немцу стрельцов, чтобы не вернулись в Москву. Когда-то убежали из войска с литовского рубежа, государь справедливо решил: зачем такие в России?

Вот и повернул их в Сибирь.

Злые, порченные, ничему не верят. Щепоть для них — кукиш Богу.

Но на дыбу в Разбойный приказ не хотят, в Сибири, считают, все же повеселее. Это князь-кесарь дышал немцу в лицо чесноком: «Привезешь вора Сеньку в клетке?»

«А то!»

Морозы.

Томился.

Магнитная игла, как привязанная, день и ночь указывала в сторону глухой протоки, занятой ворами — Семейкиными людьми.

Аххарги-ю тоже томился.

Сайклы резало от сияния снегов.

Всего тут ничего до этой проклятой Голыженской протоки, такое же пустое место, как вся сендуха, только мороз велик и люди сердитые. Не погонишь тычками в спину. Лопалась земля от лютого холода, бежали по мертвым льдам черные трещины. Живое дерево раздирало до вершины от корня, в смутном воздухе стоял гул.

Но сигналы сущности -лепсли шли ровно.

А немца успокаивала девка.

Совсем дикая, а чему-то научена. Все сама схватывала. Вскормлена русской бабой в русской избе, в сердце — жалость. Жалела, например, повешенного приказчика: считала, что повесили человека не по делу. Да и не успела вытрясти из него, какие такие денежки дал за нее Семейка. На самого Семейку еще больше сердилась: вот оставлял ее приказчику только на год, а сам где бродит?

Всю ломало от любопытства: сколько за нее взял?

Сильно бы обиделась, если б мало.

От надоедливых мыслей ласкалась к немцу, как зверенок. Искала особенного взгляда, ждала весны. В нечаянном жесте, в словечке оброненном вдруг проскальзывало в военном немце что-то непостижимо знакомое. Так по сендухе идешь и видишь: нежность травки, толстый гриб, все обычное — болотца, озерца. По бережкам травка растет — вышиной в четверть аршина, листы круглые, сте-

белек тонок. Морошка да эта травка, вот и жизнь спасена. Идешь, обычно все.

И вдруг — гриб особенный...

Или звезда встанет так, как до того ни разу не видела, больно уколёт сердце...

Прижимая руки к теплым грудям, прислушивалась к скрипу снега. Думала (сканировал сознание девки Аххарги-ю), что у рта мохнатые совсем как звери — охотятся друг на друга. Хотела немца и одновременно хотела, чтоб вернулся Семейка. Понимала, что так не бывает. Терялась от противоречивости.

Среди ночи проснется, дышит.

Невидимый ефиоп посапывает в углу на нарах, как черный мальчик в тулупе.

Темно, смутно. В сердце обида, страшно радовавшая Аххарги-ю. Сама себя спрашивала: зачем такой большой мир? Откуда приходят у рта мохнатые? Почему все так, как имеется? Отчего летучая мышь носится так, будто в том ее личная заслуга? Наконец, для чего ее, нежную Алевайку, одноногий гладит по черным прямым волосам, а государевых приказчиков вешает?

Чувствовала смутно: все это и с нею связано.

Семейка на глухой протоке думал примерно так же.

Кругом страна такая, что со страху одного дня не проживешь.

Когда в страхе уходили от немца через горы, олешки на перевалах ломали ноги, падали в ледяные щели. За пазуху кафтана заткнув теплые рукавицы, Семейка горячо дышал на озябшие пальцы. Уйти от стрельцов, иначе всех перебьют. Морозный туман плыл над снегом. От мехов щеки горели. Дым костров, звериные оболочки. А ночью из светящегося тумана — взгляд. Ну, как бы взгляд. Пойми такое! Будто из кристаллического тумана все в инее смотрит некое лицо — со всей полнотой власти и грозным величием.

Падал снег — пушистая вода. Под ногами становился твердым.

Военный немец копытил снег, пытался догнать каза-

ков. Семейку Козла обещал лично ободрать кнутом, голого выставить на лед протоки, облить водой, чтобы стеклянная статуя стояла неподвижно до весны, утверждая безвыходность любого греха.

Правда, и Семейка не дурак. В свою очередь обещал отстегнуть немцу деревянную ногу, принародно сжечь на его же спине. Ишь, бляжий сын! Подкидыш ада. Взгляд водянистый.

Якунька тоже нашептывал: этот немец не простой. Сам-де рассказывал по дороге в Москву, что не с одного вора кожу спустил.

Якобы от души вешал англичан на реях. Португальцев жег, заперев в трюме барка. Топил голландцев. Про испанцев — только рукой махал. «Майн Гатт! У марселей отдали по одному рифу, спустили стаксели, грот-тресель взяли на гитовы. Ни один галеон не ушел». А теперь шел по Сибири — крики, несло паленым. Жгли всех, кого находили нужным. Маленький ефиоп ласково спрашивал: «Абеа?» («Ну, как ты?») и мешал сабелькой угли под ногами привязанных к ондушкам людей.

Ада подкидыш.

Серой от него несло.

Конечно, Господь, создавая живое, заранее знал, кто кому пойдет на корм. Но ведь тоже — как? Немец, к примеру, летом поймал одного Семейкиного человечка, прочел ему что-то вслух по бумажке и привязал к сухому стволу над муравейником. Ну и пусть, ну и оставь, коль так дело решилось, не ставь свечей из человеческого жира, как в аду. А ефиоп, говорят, ко всему прочему просто голыми розовыми ладошками рылся в муравейнике, сердил насекомых.

Аххарги-ю радовался: не разум!

Радовался, что скоро вытащит друга милого с уединенного коричневого карлика.

Знал теперь точно: в природе разумное от неразумного отделяет единственно только чувство красоты — вне всяких инстинктов. Вот дикующие любят одиночество. Для них простор всего дороже. Сендуха большая, уйдут

за горизонт — забудут семью. Если потом встретят — начинают жить, как с новой.

Пахнет кровью. Олешки мекают, крутит пурга. Чучуна — совсем дикий человек — выскочит. Дикующий на короточках сидит у небольшого костра, в глазах туман. Говорит:

«Вы, русские, как чайки на нашей реке. Вы никогда сытые не бываете».

«А вы государя не кормите, много ему задолжали».

«У нас бескормица».

«А то дело не государя. Ясак ему несите. Государя надо кормить, одевать, иначе сам Господь рассердится».

«А кто есть такой?»

Немец показал рукой на небо:

«Он над нами».

Дикующий смиренно поднял взгляд, ничего не увидел в сияющем небе.

«Что же, вам даром давать рухлядь?»

«Даром».

«Тогда лучше убью тебя».

Почесал голову, круглую, как тундряная кочка.

«У нас просто. Мы над таким не думаем. Наша еда во круг сама на ногах ходит, — указал на пасущегося олешка. — Наша еда сама растет, пока мы спим».

Ну как развить разум, если все силы уходят на преодоление холода?

Как развить разум, если все силы уходят на преодоление голода, наводнений, обжигающих вихрей? Вот разбойник Семейка (сканировал Аххарги-ю) тоскует о веселом светлом вертограде. Чтобы все там, как в сказке, и березы — золотые сучья. У Семейки руки по локоть в крови, а он хочет ставить чистые избы, выписывать из России девок. Они ж там непостижимой красоты. Концом коромысла ударят — вытянут нитку жемчуга, другим концом ударят...

— ...в синяках будешь.

— И то... — в беседе Якунька всегда охотно соглашался с Семейкой.

Но и спрашивал:

— Откуда жемчуг-та? Золотые сучья-та?

Не разум, нет. Химические помутнения сознания.

Видения нечеткие, бессмысленные, порождаемые инстинктом.

С некоторых пор Аххарги-ю совсем отчетливо различал сигналы сущности -лепли. Гибкое время сладостно изгибалось в предчувствии великих перемен. Симбионтов с Земли будем вывозить целыми трибами! В неразумности красота иногда возникает от бессмысленных движений. Вон водоросли медлительно волнуются, думают разве? Это же не от чувств. Вон белка стрекочет на печальной, закрученной ветрами ондуше. Разве сердце у нее? Сложно перепутан живой мир, напитан темными инстинктами. В будущих вереницах веков, может, и блеснут какие частицы разума, но пока — суета, смута, химические затемнения.

Всех выставить на торги!

Семейку, одноногого, девку их — как особенно красивых и страшных зверей.

В сущности, неизвестно, что страшнее: лютый тигр совсем без разума, одни клыки, или такой вот слабый человек на морозе, размахивающий сабелькой, дающий полную волю инстинктам? Аххарги-ю сам видел, как пьяные стрельцы в острожке напоили казенного козла белым винцом. Тот побежал решительно — физически веселый козел, потом упал.

Какой в том разум?

И стрельцы решили, что просто кончилось в козле действие винца.

8

Угревшаяся у печи девка гибко потянулась к отставленной деревянной ноге:

— Дай почищу. Замаралась совсем.

— Не хочу, — оттолкнул. — Пусть стоит.

— Я с тобой разговаривать боюсь, — пожаловалась девка немцу. — Я больше боюсь с тобой разговаривать, чем сама с собой молчать.

Аххарги-ю от таких слов сбивался.

Адаптор садился, зябко несло чужой информацией.

До того пустой эфир вдруг наполнялся сигналами других времен.

Звон, треск, шипение. Может, из того самого веселого вертограда. *«Если скучно стало вдруг, позвони скорее, друг. Приглашу тебя к себе, не забудешь обо мне»*. Тут же требовательно извещалось: *«22 года, рост 170, грудь 3. По знаку — Водолей, глаза серо-голубые, цвет волос русый»*. Бесстыдно делились амебы, самки трилобитов сбрасывали тугие панцири, может, для пущего удобства, дриопитек непристойно метался по зеленым веткам, обирал с ног клещей — все счастливы без перерыва.

Нет, неправильно попал на уединенный коричневый карлик друг милый: торговля самками всегда считалась признаком неразумия.

Жадно ловил сигналы сущности -лепли.

Сам бы двинул к уединенной протоке, но убьют ефиопа — все потеряешь. Даже с одноногим вместе ничего не сделаешь. Приходилось ждать весны.

Снег завивало столбом. Запах зверя. Дым уходил в небо.

Смутно опускалась на снега полярная ночь, играло северное сияние.

Красота, может, и спасет мир, но все сутробы пока — в желтой человеческой моче, в мертвом ужасе.

9

Ближе к весне Семейка выслал в сторону немца лазутчика.

Тот не вернулся. Беглый дьяк Якунька совсем утвердился во мнении, что сердитый немец идет отобрать у него нож.

Ломало льды, стреляли, кололись льдины.

Посланные вниз казаки Еким да Харя вернулись с рассказом о некоем новом острожке, поставленном в узкой части реки.

Оказывается, немец время зря не терял.

Две пушечки легко потопят любой коч, побьют борта ядрами.

А берегом острожек не обойдешь. Сендуха гола, как ладонь, по ноздреватому весеннему снегу не пробежит даже олешек. Ближе к весне, кстати, и дикующие враз пропали, будто поняли, что опасно теперь ходить вблизи у рта мохнатых: наверное, драться будут. Однажды только встретили лазутчики глупого старичка. Сидит на пеньке в кукашке. Как месяц за тучку забежит, поднимет круглую голову да так глухо говорит: «Свети, светило».

Вверх по реке, увидев такое, и посылать никого не стали.

Зато по весенней разбухшей воде снова принесло в протоку плот с мачтой в виде короткой виселицы, а к мачте привязан один из тех пропавших в сендухе лазутчиков. Вид несчастный. Немножко жив, руки-ноги черные. А говорить не может — хитрый немец выведал у лазутчика все, в чем нуждался, потом жестоко вырезал язык и отправил обратно.

Зачем-де вам разговоры?

Пользуясь открытой водой, сделали вылазку вниз на новый острожек в узине, но немец не зря считался военным. Стрельцы не спали. Выпалили враз из двух пушечек.

Еле отбились.

А немец как с ума спрыгнул.

Одного из пойманных в стычке допросил в верхнем острожке, тоже привязал к плоту. На этот раз язык не стал вырывать — оставил, только предварительно выбил зубы, чтобы зубами не мог развязать веревки.

А он развязал.

Плот удачно ткнулся в ледяной берег, пополз по нему.

Разбойники содрогнулись: полз, оставляя за собой след из нечистот.

Не жилец, это ясно, но успел нашептать, что военный немец не уйдет, пока не возьмет лагерь разбойников. Сложить оружие не просил, ни в ком не нуждался. Обещал всех крепко связать, в собственном коче пустить вдоль берегов вниз по течению. На корме зажгут смоляную бочку, чтобы дикующие видели издали и слышали стоны и крики. Им полезно такое слышать. Черные птицы будут

парить над суденышком, как хлопья пепла. Пусть дикующие заодно поймут: сильно они задолжали государю, пора отдавать долги. Пусть поймут наконец, что одни русские идут в сендуху от Бога, другие от Дьявола. Пусть в страхе толкут в ступах кости покойных отцов. Обещал: всех, кто помогал Семейке, прикуем над рекой цепями к специальным насестам.

Семейка невольно задумывался.

Почему клад всегда уходит из рук?

Смутно вспоминал штормовую ночь в далеком детстве, когда старший брат, пропадая в тумане, под грохот обрушивающихся на берег морских валов таскал в уединенную пещеру немецкое подмоченное сукно штуками, серебряную посуду. А потом пропал. Не вернулся и через много лет. Младшего нашли среди штук дорогого сукна, среди серебряных кувшинов, другого добра, а старший утонул, наверное.

Так рос.

За участие в стрелецком бунте попал в Сибирь.

Подальше, подальше от молодого царя! Он только пьет кровь живую и лается.

Бог чудовищ не наказывает, чего-то ждет. Может, рук марать не хочет. Потому и бежал Семейка все дальше — к убегающей от него границе. Надеялся, что, пока бегаешь, все бояре перегрызутся, забудут про беглых, а тут мы возьмем и вернемся. А за нами обозы с мягкой рухлядью.

Разве не простит государь?

Смотришь, поставлю свою деревеньку.

На Руси все возможно. Сам однажды под трухлявым пнем увидел крест из мха. Явственно указывал на богатство. Но только наклонился, как понесло низкий влажный туман. Щупает руками — а ничего нет. Валяется на земле проеденный ржой чугунчик. И трава-прострел, от которой дух, как от падшего ангела.

Столько лет прошло, а снится один сон.

Страшный ледяной берег, с обрывов сеет снежная крупа. Небо низкое, северное, белесое. Никаких растений,

единственный ручей промерз до дна. Никакой радости в мертвых изгибах камня, в ледяных наростах.

Чудны дела твои, Господи!

Вот не дал, не дал чужой стреле ударить в сердце, руки-ноги пока не оторвало, значит, верным путем иду. Господь нам не попустительствует.

Мне бы, мечтал, землицы.

И чтобы речка тихая.

10

Военный немец тоже не дремал.

Все любят чудесные истории, думал.

Пришли русские в сендуху, дивят дикующих: вы тут жили веками, как дети, сильно задолжали государю. А сами ссорятся до смертоубийства, друг на друга пальцами показывают. Одного пойманного по весне разбойника немец специально посадил на железную чепь — чтобы говорить с ним об этом. Но тот все больше молчал, мялся. Выкопал берлогу в снегу. Когда немец выходил во двор по малой или большой нужде, то непременно спрашивал хотя бы про погоду. Но разбойник молчал, мялся — про это тоже не хотел говорить. Зато, присмотревшись к деревянной, подпаленной снизу (в очаге угли мешал) ноге, ласково предложил:

— Выброси.

— Это зачем?

— Я тебе новую сделаю.

Немец не согласился. Не поверил.

Снились странные сны. То островок льдяной, страшный. То был китом, например. Только плавал меж звезд, какой огромный. Бока обжигало лучистым золотым теплом. А металлический голос звал сосать пространство, богатое сущностями.

От этого просыпался раздраженный.

Под самую весну посадил слева от себя Алевайку с рогатыми бровями, справа маленького черного ефиопа («Абеа?»). Собрал стрельцов, напомнил строгий указ государев. Приказал искать по берегам всякое сухое дере-

во. Конечно, стрельцы переминались, один ефиоп радовался неизвестно чему. Вскидывал в восторге маленькие руки с розовыми ладошками. Сам в трех кафтанах — один поверх другого. Ноги укрывал заячьей полостью.

Договорились делать мелкие вылазки, а летом убить воров.

На зайчатине отъевшиеся стрельцы, изнемогая, ходили вокруг избы, как волки, принохивались. Девку Алевайку немец теперь наружу не выпускал, тогда стрельцы стали сами входить в избу — как бы по делу.

Вились вокруг девки, как мошकारа, шептались.

— ...разбойников повяжем, в Якуцк вернемся.

— ...теперь вернет воевода припасы.

— ...мягкую рухлядь привезем.

— ...в Якуцке девки, каждому достанется.

— ...а всем не хватит, меняться будем.

— ...слышь? Стрелец в лесу нашел дупло с медом. Большое. Спустился и там застрял. Два дня ел только мед, отчаялся. Но знал какую-то особенную молитву, потому что скоро медведь полез в дупло вниз задними ногами. Ну, стрелец ухватился, давай щекотать медведю пятки. Так из дупла вывалились.

— ...а Васька-та, Щукин-та?

— ...с ума спрыгнул.

В зеленом страшном небе сияла над рекой яростная звезда.

Подмигивала, дрожала. Немец тяжело ступал деревянной ногой. Вздыхал. Вот слышал, будто в одну русскую деревню сама собой приплыла по реке икона. В тяжелом окладе, в легком сиянии.

«Чтобы произвести хорошее впечатление...»

А зачем? Неужто такая благостная деревня?

Появля трава, побитая заморозками.

Чудовищно нависал немой горизонт в ледяном тумане, в иголках инея.

Вода, заляпанная снежным салом, текла черная. Чув-

ствовала ее большая глубина. Черная птица металась. Семейка дивился ее страшной вольности. Тосковал: со всем, наверное, стер Алевайку немец. Обрадовался, когда привели лазутчика. Тот с разбитым лицом, как заяц, жевал губами — быстро-быстро. Ничего особенного не говорил, но по взгляду, в котором страха было меньше, чем ожидалось, чувствовалась близость чего-то важного.

Пользуясь затишьем, когда все в природе замирает перед рассветом, Семейка на верховых олешках тайком обошел острожек, в котором всего-то стрельцов осталось семь человек — остальных военный немец повел в поход на уединенную протоку. Хотел хитростями выманить воров из-за палисада. А когда они, убегая, ударят веслами, вот и вынесет их под пушки.

А Семейка обманул немца.

Крикнул: «Стрельцы, брось оружие!»

Они бросили. Рады были, что Семейка никого на виселицу не определил.

«Связать всех! Повесим кого». Он все равно обещал. Но, увидев Алевайку, заплакал. «Бросьте всех в пустой избе. Даст Бог, выживут». Изумленную Алевайку гладил по голове. Полюбовавшись рогатыми бровями, спрятал в низкой каюте казенного коча, захваченного в острожке. К дверям приставил еще трезвого дьяка Якуньку, вооружив двумя испанскими пистолями. Тот жадно водил носом. *«Вся кипящая похоть в лице его зрелась... Как уголь горящий, все оно краснело...»*

Решил на захваченном коче нагло и стремительно пройти узину, проскочить под пушками немца и вырваться на северный простор, где только гуси да облака.

Так и сделали.

Ранним часом вылетели из-за косы.

Сами ударили из носовой пушечки, надеясь обрушить камни с утесов на лодочки стрельцов, поставленные за узиной. Но встали поперек реки два больших коча. С их бортов стрельцы грозили секирами.

Затрещали, как кости, весла.

С ревом прыгали на низкие палубы.

Рубились топорами, сабельками, секирами. Там и там блестели выстрелы из пистолей, а один пушкарь развернул на носу медный василиск, чтобы жгучей картечью подмести палубу. Но всего-то убило одного стрелца и вырвало из-под немца деревянную ногу.

Кто-то из стрелцов на лету перехватил страшную вещь.

«Держи!» — крикнул немец, валясь на палубу. «О, майн Гатт!» Ругался, ползая по окровавленной палубе. «Не бросай!» Но стрелец, крестясь, выронил страшную вещь за борт.

Тотчас ударил снежный заряд.

Понесло крупой, завертело воронки.

Большой коч, проваливаясь, повалился на борт.

Сыпались в воду стрельцы, бросали сабли, ругались. С берега тонущих пытались достать шестами. То ли спастись хотели, то ли топить. Ничего не разберешь. А из укрепления саданула пушка. Тоже картечью. Хотели для порядка пустить над головами плывущих, но зацепили всех. Увлеченный течением и дырявым парусом коч вынесло под обрыв наклоненной мачтой.

— Майн Гатт! — ругался немец.

Понимал, что все вернут на том свете, но ругался.

Так, ругаясь, приказал бить из пушечек в снежную мглу по уносимому в метель Семейкиному кочу, на котором и живых-то не осталось, считай.

«Чтобы произвести хорошее впечатление...»

Догонять было не на чем.

12

Так выбросило на пустой остров.

По берегу совсем редкая лиственница — по пояс.

Черные ветки в узелках, будто специально густо вязали.

Семейка, хромая, как медведь, с ладони ел морошку, давал Алевайке, радующейся тишине после шумного немецкого острожка. С огорчением оборачивался на разбитый коч, выброшенный на камни. Почему не утонул в устье большой реки, дотянул до острова? Непонятно. В зеркальных льдинках, весело мерцающих у берега, не было ни мертвых людей, ни остатков. Снял с судна припас, вы-

копал полуземлянку, знал, что придется зимовать на неизвестном острове. Жалел побитых людей, но ведь это как Бог даст. Нет нигде справедливости: здесь стрельцы мучили, на том свете черти набегут с вилами. Алевайке строго сказал: «Одни мы здесь. Дикующие придут, тебя съедят» — чем ее не успокоил.

Ада подкидыш! — клял немца.

Утешался только тем, что сам видел, как резко вырвало из-под немца деревянную ногу.

А еще утешался: девка с ним.

Обходя ледяной остров, увидели морских коров.

Совсем непугливые — подплывали к берегу, чесались о камни. Неумными жирными глазами, раздувая усы, смотрели сквозь стеклянную толщу на непонятных людей. Каждая была как большая лодка, массы столько, что убьешь — один на берег не вытащишь. А как такую выманить на сухо?

Алевайка подсказала: вон мыс. На нем коровы лежали бок к боку.

Страшно — задавят ластами. Но Алевайка не отступила. Показала, как подойти к толстым коровам. Сама сердилась, все время спрашивала: «Вот сколько взял с приказчика за меня?» Семейка тоже сердился: «Дура, столько не стоишь!» — Пока убивал острым камнем молодую, совсем глупую корову, другие только чесались, вздыхали. Даже не отползли. Рядом глубокая вода, а они не отползли, глупые. Семейка даже смутился, в крови по локоть бил камнем. Аххарги-ю, дымным облаком поднявшись над островом, дивился всеми вновь обретенными сущностями: вот каких чудесных симбионтов привезет!

Хорошо, Семейка о том не знал.

В специальной полуземлянке коптил сало морских коров, нежное мясо. Огонь высекал камнем. Нашел порох в бочонке — зелье от сырости село стулом. Рассадил такое подмокшее зелье, растряс. Теперь, когда надо — насыпал сухую дорожку, резко выбивал искру.

А на острове пусто, даже водяного нет.

Волны накатывались, звенели тонкие льдинки.

Однажды разглядел какую-то темную массу вдали.

Дрейфовала по течению. Довольно подумал: кит, наверное. Кто еще? Если кит, решил, нарежем с него сала ремнями.

Но вынесло из морозного тумана темную обломанную мачту, а затем и все судно.

Глядя на насторожившуюся красивую девку, с ненавистью подумал о немце. Даже тинная бабушка отвернулась, а с ней морские бабы-пужанки. Как облако распростерся над островом Аххарги-ю. В непомерной высоте светились полупрозрачные сайклы, еще больше увеличенные сущностью -лепсли. Все видел сверху: одиноких людей на острове и мертвый коч.

Магнитное поле сладко качало Аххарги-ю.

Довольный развитием событий, подогнал к берегу стало глупых морских коров, вознамерившихся почему-то уйти с острова. Потом еще ближе к берегу подтолкнул разбитое судно. Хорошо видел примерзшего к заиндевелому борту ефиопа — в его теле раньше было легко; видел одноногого немца, поросшего ледяными растениями. Одобрительно следил за тем, как ловко ступают по снегу девка и с нею Семейка. Интересно: закричат или нет, если поднять ефиопа?

Закричали.

Когда заиндевелый труп привстал, роняя иней, спросил: «Абеа?» — оба закричали, а Семейка, кладя знамение, предупредил:

— Я тебя, черножопый, в лед вкопаю. С открытыми глазами до Страшного суда лежать во льду будешь.

Но ефиоп уже забыл про Семейку.

Увидев немца, по мерзлой палубе пополз к одноному.

Горячие слезы ефиопа, насыщенные сущностью -лепсли, шипя, как электрические разряды, разбудили немца. Первым делом тот схватился за отсутствующую ногу. Выругался:

— Где?

Семейка ухмыльнулся:

— Не ищи. Теперь оторвало насовсем.

И ефиоп радовался:

— Абеа?

Стали жить вместе.

Расширили полуземлянку, сложили очаг.

Семейка на ефиопе таскал сушняк с берега. Коптили морских коров.

Одну большую живую усатую корову, чтобы не скучать, Алевайка — рогатые брови держала в воде в особенном загоне при бережке. Решила так: станет совсем холодно — отпустит. А пока любовалась, радовалась. Совсем уже круглая животом, сидела на большом камне, всякое подстелив под себя, и разговаривала с морской коровой. Вот есть некоторые волшебники, рассказывала. Создадут из сухих цветов девицу — она и помогает по хозяйству. Надоест — выдернут у нее булавку из волос, девица упадет на сухие цветы. Заодно жаловалась на Семейку: «Он за меня деньги взял!» Жаловалась: «Вернул немцу хороший нож. Отобрал у Якуньки, теперь отдал. Нехорошо это. К нехорошему».

Корова понимала, издавала пристойные звуки.

«С одним тоже хорошо было, — вспоминала Алевайка приказчика. — Он дал Семейке годовой припас. А Семейка исчез надолго».

«А этот тоже хороший, — показывала корове пальцами немецкие кривые рога и краснела: — Мало ли, что одна нога!»

Морская корова кивала согласно.

Алевайка тоже кивала: «Сама видишь, нет ноги. Но что с того? Он ласковый. — Это она о немце. — А Семейка подлый. — Слово *подлый* произносила с некоторым внутренним восхищением. — Деньги брал за меня». Хорошо, что не знала — сколько, а то бы стыдилась. Догадывалась, что немец приказчика тоже не за просто так повесил. «Вот получается, — жаловалась понимающей морской корове, — теперь со всеми живу».

С туманного моря бесшумно приносило кожаные челны. Это сумеречные ламуты подсчитывали поголовье морских коров, потом печально докладывали тинной бабушке. Появлялись только при последних лучах заходящего солнца, всех боялись. По собственной дурости пе-

реселились за море, теперь сильно тоскуют. Совсем безвредные. Если что украдут, то пищу. Если такого ламута убить, то он сильно похож на обыкновенного человека.

Аххарги-ю, раскачиваясь в магнитном поле, пронизанный ужасным пламенем северного сияния, счастливо дышал всеми сущностями. Вот нКва подарил межзвездному сообществу сохатых, казенную кобыленку, умную трибу Козловых, теперь может получиться интереснее: две ласковые самки у берега, три сердитых самца, большое стадо печальных коров морских, сумеречные ламуты. Такой чудесный лот можно выставить прямо на аукционе Высшего существа.

Низкий смех Аххарги-ю колыхал низкие занавеси северного сияния.

Под разноцветными полотнищами мир глупых землян казался красивым.

Дивился противоречию: разум — это прежде всего понимание красоты, а в красивом мире бегают сильно глупые люди. Можно торговать самками, можно отличать внутривидовой жесточью, можно вообще много чего учинять при несдержанности чувств и характера, но самое страшное все-таки — это когда пронизывающие иглы инея не зажигают радостных чувств.

Как быть?

У людей полуземлянка, песок под ногами, запах нечистот.

У них вечный лай, брань, угрозы ножа. «Я тебя зачем в пещере оставил? Чтобы ты заворовал, стал разбойником?» — «А я терпел столько! Где ты был?» — «А меня за сколько денежек оставил приказчику?»

Одна корова морская звучала приятно.

Ефиопа, на котором носили тяжести, теперь клали ночью рядом с округляющейся Алевайкой, потому что становилось холодно.

Аххарги-ю радовался. Знал теперь, что знаменитый контрабандер не ошибся.

С невыразимых высот вслушивался в смутные споры. Высосав с берегов уединенной протоки все молибденовые спирали, пытался подвести итог. Все время убеждал-

ся в том факте, что нет на Земле истинного разума — только инстинкты. Правда, круг симбионтов шире, чем раньше думали.

«Я тебя маленьким зачем в пещере оставил? Разбойником стать?» — «А ты с пушкой зачем на меня? Не брат разве тебе?»

Два брата по крови, в обширном мире так счастливо нашедшие друг друга через столько лет, теперь жестоко ссорились. Один руку держит на ноже, другой сходит с ума, глядя на Алевайку.

«Мне часто остров снился ледяной». — «Я тоже видел во сне такое».

Симбионты, радовался Аххарги-ю. Когда-то их разделяла Большая вода, теперь та же вода объединила.

Дивило такое и Алевайку.

Оказалось, что немец и Семейка — не враги, а просто два потерявшихся в жизни брата. Оба Алевайке нравились, с каждым жила. Спала, правда, с ефиопом. Братья, поглядывая на Алевайку, в тесной полуземлянке ссорились. Редко поднимали толстые лбы к горящему небу, содрогающемуся от беззвучного смеха Аххарги-ю.

Устав, немец присаживался перед очагом на корточках:

— Мне бы кочик да сто рублей.

— Да зачем?

— Знаю один мертвый город.

— А это зачем?

— Майн Гатт! Там идолы из золота. И сад золотой.

— И что? Ничего больше?

— Ну, почему? Растения.

— Всякие вкусные?

— Золотые.

— А дрова?

— Они тоже из золота.

— Так ведь гореть не будут!

— Майн Гатт! А зачем гореть? Не надо этого там дровам. Там всегда жарко. Девки бегают нагишом. Я по змеям ходил деревянной ногой, не боялся. Хитрая была нога, — вздохнул. — Я ее изнутри выдолбил, как шкатулку.

Много уложил золотых гиней и дукатов, даже несколько муадоров было. Тяжелая нога, но я терпел. Богатство всегда при себе. Надежно.

— Ну, будь сто рублей, что бы купил?

— Не знаю... Может, калачик...

— Да где бы купил? — сердилась Алевайка.

Намекала:

— Значит, девки нагишом?

Сердито намекала:

— Из золота?

И не выдерживала:

— А как там у них с северным сиянием? Не тревожат ли белые медведи?

Но боялась немца. Семейка еще ничего, хотя рука тяжелая. А вот ежели допустить, скажем, что Бог может создать одного человека только для того, чтобы он все делал как бы из любви к аду, то прежде всего — это одноногий.

Чувствовала — нож при нем.

Все движения немца отдавали желчью и кислотой.

Ругала и гладила ладошкой по голове — успокаивала. Гладила тут же ефиопа, как маленькую черную собаку. Сердито щипала Семейку: «Ты сколько денежек за меня брал? Не знаешь разве? Приказчик тот, как сноп, так трепал меня. — И перекидывалась на немца: — Вот зачем повесил приказчика? Пусть бы он пьяный валялся в чулане. Все человек».

— Каждому свое, — играл немец волнистой шеффилдской сталью.

А ночь.

А пурга.

Воет ветер, спит глаза.

В темной пене меж отодранных течением льдин шипят бабы-пужанки, ругается тинная бабушка, передвигаемыми камнями пугает глупых коров, водоросли разбросаны, как косы. Солнце давно не показывается из-за горизонта.

Аххарги-ю ликовал: никакого разума.

А Семейка вдруг наткнулся на округлый живот Алевайки. Конечно, девка сразу пунцовела, задерживала на животе мужскую ладонь. «Сын родится», — тянул свою

руку и немец. Семейка его руку не отталкивал, но сердился: «Вырастет, зарежет Пушкина-воеводу».

Аххарги-ю беззвучно смеялся.

Вот радость какая для контрабандера: симбионты начинают делиться.

— Мне бы кочик да сто рублей. — Немец сердито поглаживал то Алевайкин живот, то свою отсутствующую ногу. Жаловался: — Реджи Стокс на Тортуге зашил в пояс украденные у товарищей сорок два бриллианта. Мы страстно желали повесить его сорок два раза. Такое не удалось. Получилось с первого раза.

Вздыхал:

— Интересно жили.

14

Разговаривая с коровами, Алевайка увидела темное на берегу.

Две звезды в небе, ленивые полотнища северного сияния, черная полоса незамерзающей воды вдоль берега.

— Что там? — крикнула Семейке.

Тот спустился с обрыва, обогнав одноногого.

Но немец тоже ковылял вниз. Для верности держался за ефиопа. Все равно оба спотыкались — закопченные, оборванные.

— Абеа?

Немец вдруг затрепетал: «Майн Гатт!»

Длинная темная волна, бутылочная на изломе, взламывала нежные игольчатые кристаллы, строила из них острые безделушки. Аххарги-ю в бездонной выси свободно распахивался на весь горизонт. Наконец — финал! Сейчас неразумные убьют друг друга. Тогда сразу после этого можно покинуть Землю.

— Моя нога!

Хитрыми морскими течениями (не без помощи Аххарги-ю) вынесло на остров потерянную деревянную ногу. Даже Семейка, брату ни в чем не веривший, помнил, что эта якобы пустотелая нога должна быть набита дуками, гинеями, там должно быть даже несколько золотых

муадоров, но специальную пробку давно вытолкнуло соленой водой — все золото рассеялось по дну морскому, бабы-пужанки им играли, хорошо, что не утонула сама нога. Ремни, конечно, попрели. Но это ничего. Немец так и крикнул Алевайке:

— Из твоей коровы ремней нарежем!

Девка заплакала.

— Майн Гатт! — Немец вынул руку из пустотелой деревянной ноги, и холодно в полярной ночи, под полотнищами зелеными и синими, как под кривыми молниями на Ориноко, блеснул чудесный алмаз такой чистой воды, что за него целое море купить можно.

«Что я еще могу для тебя сделать?» — странно прозвучало в голове.

С неким мрачным торжеством. Будто ударили в колокол. Или откупались.

Немец испуганно обернулся, но рядом стоял только ефиоп. Через шаг — стоял Семейка. На обрыве сидела девка. Вот и все. Но подумал про себя, как бы отвечая кому-то: «Да что для меня сделаешь? Нож, женщина, брат — все есть у меня. А кочик сами построим. Зиму бы пережить».

Поднял голову.

Звездные искры, раскачивает сквозняком шлейфы.

Как в детстве, вдруг защемило сердце. С трудом вскарабкался на обрыв, сел рядом с Алевайкой, обнял ее, заплакал. Слева Семейка, вслед поднявшись, весь запыхавшийся, обнял сильно потолстевшую девку. В ногах ефиоп лег. В мерзнувших пальцах немца — чудесный алмаз, вынесенный порк-ноккером из мертвого города. Искрится. Завораживает. Может, этот камень — одна из сущностей симбионтов? — вдруг заподозрил Аххарги-ю. Может, такая сущность не уступает -тен или даже -лепли?

Что-то смутило его во внезапном единении.

А Алевайка взяла руку Семейки и руку немца, в которой он не держал алмаз, и сложила их руки вместе на своем круглом животе. Ефиоп так и сидел у ног: «Абеа?» Из воды тянула морду корова, простодушно сосала носом холодный воздух.

— Сын будет...

— Зарежет Пушкина...

Полуземлянка за спиной.

Белый дым крючком в небо.

С чудесной ледяной высоты Аххарги-ю видел, как будто бы сама собой сжалась крепкая рука немца на рукояти ножа. Вот какие красивые симбионты, беззвучно рассмеялся Аххарги-ю. Всеми сущностями рассмеялся. Сейчас один разбойник зарежет другого, чем окончательно утвердит свою неразумность.

Собственно, это и есть главное условие освобождения друга милого.

Сверкнет нож, упадет алмаз, вскрикнет девка. А на уединенном коричневом карлике друг милый нКва ласково оплодотворит живые споры, разбросанные по всем удобным местам.

Аххарги-ю ликовал: полная неразумность!

Сбыв с Земли трибу Козловых, можно приниматься за Свиных.

А там дойдем до Синицыных, до Щегловых, вообще до Птицыных — много дел на планете Земля. Пусть пока пляшут у костров и строят воздушные замки. Ишь, какие! Здоровье рыхлое, а свирепствуют.

Упала звезда, сверкнула под полотнищами северного сияния.

Девка вздрогнула, кутаясь в соболиную накидку. Повела головой, толкнула немца заиндепевшим плечом. «Майн Гатт!» Волнение немца передалось Семейке. Маленький ефиоп приподнялся на локте.

Замерли, прижавшись друг к другу.

Полярная ночь, как жабрами, поводила сияниями. В их свете Алевайка — круглая, вохкая. Закопtilась при очаге, смотрит как соболя. Зверок этот радостен и красив, и нигде не родится, oprичь Сибири. Красота его придет с первым снегом и с ним уйдет.

Немец заплакал и спрятал нож.

Семейка тоже подозрительно шмыгнул носом.

У немца взгляд водянистый, затягивающий, как пучина морская. Смертное манит. Ефиоп радостно спросил: «Абеа?»

И все потрясенно замерли.

Да неужто огни? Да неужто нет никого, кроме них, в таком красивом пространстве?

Аххарги-ю ужаснулся.

Дошло: кранты другу милому!

Никогда не вырвется знаменитый контрабандер из диких голых ущелий уединенного коричневого карлика. Ошибочка вышла. Вон как уставились братья Козловы на трепещущее над ними небо! В глупые головы их не приходит, что восхищаются не чем-то, а пылающим размахом Аххарги-ю.

Нож, алмаз, девка!

Копоти и ужаса полны сердца.

Но — звезда в ночи, занавеси северного сияния.

«Это меня видят, — странно разволновался Аххарги-ю. — Это мною восхищены. Значит, чувствуют красоту, только стесняются». А другу милому теперь точно кранты. Вдряпался.

Пронизывая чудовищные пространства, Аххарги-ю величественно плыл над веками.

Планета Земля медленно поворачивала под ним сочные зеленые бока. Теплый дождь упал на пустую деревню, на замшелые крыши. Потом из ничего, как горох, просыпалась в грязные переулки и в запущенные огорды вся наглая триба Козловых. Лупили глаза, икали, думали, что с похмелья, щупали себе бока. Собаки гремели цепями. Выпучив красные глаза, ломились сохатые в деревянный загон, где скромно поводила короткими ушами некая казенная кобыленка. А какой-то один Козлов, спяну-та, шептал одними губами:

*...Лицо свое скрывает день;
поля покрыла мрачна ночь;
взошла на горы черна тень;
лучи от нас склонились прочь;
открылась бездна, звезд полна;
звездам числа нет, бездне дна...*

Видно, что красотой стеснено сердце.

Аххарги-ю даже застонал, жалея друга милого.

*...Уста премудрых нам гласят:
там разных множество светов;
несчетны солнца там горят,
народы там и круг веков:
для общей славы божества
там равна сила естества...*

Прощай, прощай! Друг милый, прощай!

*...Что зыблет ясный ночью луч?
Что тонкий пламень в твердь разит?
Как молния без грозных туч
стремится от земли в зенит?
Как может быть, чтоб мерзлый пар
среди зимы рождал пожар?..*

Ефиоп изумленно спросил: «Абеа?»

Было видно, что он-то уж никогда не будет торговать самками.

А станут дивиться: *почему так?* — он ответит. Непременно с разумным оправданием. Вроде такого: алмаз тоже вот бесцелен, он никогда не заменит самую плохую самку, а — смотрите, какой неистовый блеск! Короче, за братьев Козловых можно было не волноваться. Они вошли в вечный круг. Да и в самом деле, что красивей нежной девки, холодного алмаза, волнистого ножа из шеффилдской стали?

Вот дураки, если не поймут.

ЖУК

 етер то поднимался, принося шум листьев и отголоски остервенелого собачьего лая, то полностью стихал — и тогда явственно становились слышны пьяные крики автолюбителей, собравшихся по своим мужским делам в гаражах на окраине города. Светила почти полная, немного убывшая луна. Оксана цокала каблучками по асфальтовой дорожке. Рада бы не цокать, да туфли надела самые новые, модные, на высоком каблуке. И облегающая кожаная юбка, так выигрышно подчеркивающая достоинства фигуры днем, не для прогулок в таком месте...

Лариска стерва... Рома — алкоголик. О Саше и говорить нечего. К Саше у девушки имелись отдельные счета, на него она затаила застарелую обиду. Пусть он никаким образом не был причастен к ее визиту в гости к замужней подруге — если бы они были вместе, то и пошли бы вдвоем. И не было бы этой страшной темной дороги, учащенного сердцебиения и желания спрятаться, скрыться от каждого шороха.

Но, по большому счету, виновата Лариска. Обещала, что не будут сидеть допоздна, что вместе с мужем они проводят подругу, а когда ее благоверный, напившийся в зюзю, предложил отвезти гостью на машине, грудью стала поперек ворот. И Оксану едва ли не силой вытолкала: «Тут, мимо гаражей, полкилометра всего. Ты быстрее дойдешь, чем объезжать через центр». Сама бы тут ходила, дрянь!

Тропинка вынырнула на шоссе, ведущее из гаражей в город. Хорошо, да не очень. На тропинке в роще поглядывай по сторонам да сторонись компаний. А здесь затащат в машину, и все... До жилых кварталов еще метров

четыреста. Как ни кричи — никто не услышит. А и услышат — что толку?

Оксана взглянула на часики. Половина первого. Засиделась, что и говорить! Хорошо, если просто ограбят. Только в это и самой как-то не верилось. Что у нее взять? Часы? Телефон? Старую сумочку за двести пятьдесят рублей? Да и грабить девушку в такой юбке как-то неспортивно...

Сзади слышались шаги. Тяжелые, быстрые. Мужчина. Один. Большой.

«Не оглядывайся! — приказала себе Оксана. — Не показывай, что тебе страшно».

Только показывай не показывай — все равно страшно. Хоть мужчина и один. Даже потому, что один. Малолетние грабители да хулиганы ходят стаями. А вот убийцы и маньяки — по одному. А она даже баллончик газовый с собой не взяла. С просроченным сроком годности, но все же. Впрочем, баллончик этот — от честных людей. Любого пьяного подонка только разозлит.

Мужчина догонял. Оксана ускорила шаг.

— Девушка! Подождите, девушка!

Голос даже приятный. Не пьяный. Тем более настораживает. Но не убежать. На каблуках — никак не убежать...

Вот он уже в двух шагах. Сейчас протянет руку, схватит за шею... Или не схватит. Просто накинёт удавку. Чтобы и пискнуть не успела.

Оксана резко обернулась, вскидывая руку — царапать ногтями лицо, закричать. Но царапать не стала. Приличный молодой человек. В светлом костюме, галстук немного приспущен. Порыв ветра донес аромат туалетной воды «Гуччи раш» — такая же была когда-то у ее бывшего. Дорогая...

— Что вам надо? — спросила Оксана, и сама удивилась, насколько хриплым стал голос. Как у старой курящей пьянчужки.

— Хотел вас проводить. Вижу — девушка симпатичная. Места здесь глухие.

— Это точно. Только нужен ли мне провожатый?

— Я машину поставил в гараж, домой иду, — не до-

жидаясь других вопросов, улыбаясь, заявил молодой человек. В руке звякнули ключи. В лунном свете блеснул брелок — эмблема «Мерседеса».

— Тогда проводите, — склонила голову Оксана. — Здесь страшно...

— Страшно, — почему-то криво усмехнулся мужчина. — Волки воют...

— Да нет. Собаки лают, — робко улыбнулась девушка. — Но я и собак боюсь. С детства.

Раздающийся с пустыря лай и правда был какой-то странноватый — с подвыванием.

— А вы можете отличить собаку от волка?

— Не знаю. Волк большой, серый...

Оксана шагала смелее. Нет, не может быть, чтобы этот молодой человек был маньяком. В дорогом костюме, ездит на «Мерседесе»... Впрочем, можно ездить и на «Москвиче», повесив на ключи любой брелок. Но все равно — ее провожатый не был похож на злодея.

Мужчина протянул руку, спросил:

— Не хотите опереться?

«Пристает, — с тоской подумала Оксана. — Хотя, с другой стороны, я сейчас одна... Если не на одну ночь — почему бы и нет? Даже, можно сказать, повезло. А если и на одну — он молодой, симпатичный. Не бедный, наверное. Хотя богатые — самые жадные...»

— Нет. Я не такая.

— Ну да. Ждете трамвая.

— Что? — изумленно подняла брови Оксана.

— Неудачно пошутил. Присказка такая есть, — не очень-то и смутился молодой человек.

Вот и самое опасное место на всем пустыре — недостроенный госпиталь. Начали строить в конце восьмидесятых, возвели четыре этажа, только крышу положить не успели. А потом денег не стало. Ни на строительство, ни на снос. Вот и стоит каменная громада, и всякая мразь в ней ютится. Вот уж куда попадешь — не выберешься.

Со стороны госпиталя раздался женский крик. Вопили отчаянно. И оборвался крик быстро, придушенно.

Оксана вздрогнула. Кому-то не повезло. Или пьяные разборки в компании бомжей? Лучше думать так. Спать спокойнее будешь...

— Сдается мне, женщине нужна помощь, — совершенно серьезно заявил молодой человек. — Пойдемте посмотрим, что там?

У Оксаны даже мурашки по спине побежали. Он что, сумасшедший? Ночью лезть туда... Одному...

— Я не пойду, — коротко бросила она.

— Тогда подождите меня здесь. Не бойтесь.

Пола пиджака молодого человека словно бы случайно приоткрылась, и Оксана увидела кобуру, из которой торчала рукоятка пистолета. Крутой или просто дурак? С газовым пистолетом в развалины соваться глупо. А с пулевым... Он что, собирается в кого-то стрелять?

— Это бомжи, — сказала девушка. — Ругаются между собой.

— Мне так не кажется.

И ломанулся через бурьяны к заброшенному госпиталю. И брюк светлых ему не жалко! Сумасшедший.

Оксана замедлила шаг. Бежать дальше одной? Ждать этого парня? Послушать, как будут развиваться события дальше? Остановилась. Прислушалась. Какой-то топот вдалеке. Ни криков, ни голосов... А спереди вдруг раздался вой. Тоскливый, леденящий... Не волк, конечно. Собака. Да только и с собакой такой встречаться не хочется. Сердце забилося, словно желая выпрыгнуть из груди. По телу побежали мурашки.

А вот и тропинка, ведущая к развалинам. На нее непременно должен выскочить молодой человек. По ней же он будет возвращаться. Наверное, зря она не пошла с ним. У парня все-таки пистолет. Позвать, что ли? Только внимание псов привлечешь. Да и не только псов. Совсем душой нужно быть, чтобы орать...

Девушка сошла на тропинку. Сделала несколько шагов. Вой приближался. Выйдет сейчас навстречу тварь с оскаленными клыками, капающей из пасти слюной, опу-

ценным хвостом. Бешеная. И бросится на нее. Она на любого бросится!

Идти к темной каменной громаде было страшно, стоять на месте — еще страшнее. И куда он запропастился? Даже не спросила, как его зовут... Обязательно надо спросить. Раз уж проводить разрешила, нужно познакомиться.

Недостроенный дом вырос перед ней неожиданно. Высокие бурьяны, кусты — и темная стена, черный зев прохода.

— Оксана! — слышался голос откуда-то сверху.

Девушка подняла голову, увидела в оконном проеме светлое пятно — мужчину в светлом костюме, хотела обратиться и тут же спохватилась: откуда он знает ее имя?

— Поднимайся сюда. Лестница справа. Не бойся, тут никого нет. Только девушке нужна помощь. Ей сильно досталось.

Оксана лязгнула зубами. Никого нет? Нужна помощь девушке? Какой такой девушке? Да и чем она ей поможет? Не медсестра, не доктор...

Только выхода все равно не было. Только вход... Чем стоять на виду у черных провалов окон, лучше укрыться в здании. Тем более там парень с пистолетом. А может, и с веревкой. И с ножом.

Внутри дома Оксана сразу споткнулась обо что-то мягкое. Взвизгнула. Запоздало поняла, что живой человек ее уже схватил бы. А мертвого и бояться нечего. И вообще, никакой это не человек, а старый, рваный матрас. От которого к тому же воняет... Луна заглянула в окно, и в темноте проступили очертания стен, валяющегося на полу мусора. Справа действительно была видна лестница.

Бежать, бежать отсюда. Да только куда убежишь? Снаружи лай, вой, да еще и чьи-то голоса слышались... Ругались хрипло, тяжело, с надрывом.

Не чуя ног, девушка начала подниматься по лестнице. Вроде бы и окна в доме всегда открыты настежь, и люди постоянно не живут, а пахло в доме неприятно. Запах был сырой, затхлый.

Второй этаж. Третий. Стало светлее. Луну не загора-

живали деревья и кусты. Бледный свет лился через дыры окон, освещал даже мелкие камешки, щебеночную крошку, валявшуюся на полу.

Мужчина в светлом костюме показался из входного проема третьей или четвертой по счету комнаты — лунный свет из таких проемов слабо освещал прямой, уходящий от лестницы коридор. Молча кивнул, словно приглашая — иди сюда. Оксана послушно побежала прочь от лестницы. Тем более что внизу возились, шуршали, переругивались какие-то люди. Она не просто боялась. Все ее чувства казались погруженными в липкий, беспросветный ужас. Как она очутилась здесь? В заброшенном, жутком доме? В такой странной компании?

— Откуда ты знаешь, как меня зовут? — прошептала Оксана, входя в четвертую по счету комнату. Говорить громко не было сил и желания.

Мужчина стоял у проема окна. Больше никого здесь не было.

— А ты меня не помнишь? — так же тихо спросил он.

— Нет.

— Вот и хорошо, что не помнишь...

Девушка лязгнула зубами.

— Ты говорил, тут кому-то нужна помощь.

— Уже поздно, — странно оскалившись и слегка повысив голос, заметил мужчина. — Теперь помощь нужна только тебе.

Оксана хотела закричать, но только захрипела. Горло перехватило — как в самом страшном сне.

Мужчина сделал несколько шагов, приближаясь. Но не вцепился ей в горло, не схватил за руки. Только занял место между девушкой и дверным проемом. Теперь Оксана было некуда деваться. Разве что выпрыгивать с третьего этажа на острые бетонные блоки и разбитые кирпичи.

— Что тебе надо? Что тебе надо?..

Парень опять оскалился. Подмигнул. Глаза его в лунном свете горели зеленым. Руки были странно бледными — словно призрачными.

— Делай со мной что хочешь... Только живой оставь...

— Что хочешь? — протянул он. — Не все, совсем не все можно сделать, чтобы ты осталась в живых... Да это и не входит в наши планы.

И правда, что она, с ума сошла? Решила подкупить собой эту тварь? Она не нужна ему как женщина. Только как жертва. Беззащитная, теплокровная жертва.

Оксана рванулась к окну. Она боялась бомжей, бандитов, пистолета, удавки? Какая ерунда! Лучше выпрыгнуть на камни, на стекло, на металлические прутья, вниз головой — чем быть в одной комнате с этим...

Руки мужчины начали удлиняться. Рот раскрылся в беззвучном крике — то ли угрозы, то ли торжества. В лицо было страшно смотреть — в нем уже не осталось ничего человеческого.

Каблук сломался, но на это было уже наплевать. Он не успеет дотянуться! Оступаясь, Оксана рвалась к окну.

Черный силуэт вырос перед ней, закрывая лунный свет, в последнее мгновение. Когда свобода умереть так, как хочется ей, была уже близка. Сильная рука отшвырнула ее в сторону, ударила о стену.

Захлебываясь рыданиями, Оксана пыталась куда-то ползти, но ползти было некуда. Дверной проем занимал мужчина в светлом костюме, окно загораживал другой — ниже ростом, широкоплечий, в темном одеянии. Лица не было видно — только длинный нос угадывался даже при слабом освещении.

— Пошел прочь, жук, — коротко приказал длинноносы́й тому, кто заманил ее сюда. — Раздавлю!

— Не отдам... — тоскливо проскрипел недавний провожатый.

— Отдашь.

Оксана перестала рыдать. Не пыталась ползти. Только сейчас она сообразила, что существо в темном никак не могло появиться со стороны окна на третьем этаже, кроме как прилетев.

Только одна мысль слабым лучиком надежды теплилась в душе — может быть, они подерутся? Может, под шумок ей удастся убежать? Или хотя бы выпрыгнуть из окна?

— За что ты нас не любишь? — почти заскулил мужчина в светлом. — Я к ней пальцем не прикоснулся. Она сама... Все сама!

— Пошел вон!

И недавний преследователь Оксаны ретировался. Отступил, по дороге словно бы тая в воздухе. Она осталась один на один с неведомым противником. Прижалась к стене. Тихонько заскулила от страха.

— Дура, — коротко бросил прилетевший с ночных небес мужчина. Он повернулся в профиль, словно демонстрируя свой длинный нос. Стало ясно, что это все-таки человек. Или кто-то похожий на человека. Темный пиджак, свитер под ним, ровно отглаженные брюки.

— Отпустите... Что вам надо?

— Плохого тебе не сделаю. Я только прогнал жука, — заявил мужчина. — Ты понимаешь, что купилась на уловку обычного жука-паразита? Он запугал тебя. Хотел сбросить на камни. Упитья твоим страхом и предсмертной агонией. И даже пальцем к тебе не притронулся. Ты все делала сама.

Действительно, как все просто! Жук... Это же надо, какое изящное и хорошее объяснение! Знать бы еще, кто такие эти жуки!

Оксана расхохоталась истерически. Пальцы ее царапали камни, ногти с красивым маникюром ломались один за другим.

— Истерика? — поинтересовался незнакомец. — Он уже высосал твой разум?

— Нет. Не понимаю, — всхлипывая, ответила девушка. — Кто такой жук?

— Зачем тебе? Всех врагов никогда не изучишь. А жуки не так опасны — если уметь с ними бороться.

— Сам ты кто? Чем отличаешься от него? Ты прелец сюда? По воздуху?

— Тебе знать не надо. У жуков своя магия, у меня — своя...

— Но ты меня спас? Ты хороший?

Длинноносый засмеялся — словно закаркал.

— Я — хороший? Не знаю...

Оксана вздрогнула. На душе опять стало тоскливо.

— Спасать тебя не было моей главной целью. Я прогнал жука. Не дал ему размножиться. Тебе повезло. И довольно с тебя. Ступай домой.

— Значит, он все-таки хотел...

— Жуки размножаются не так, как люди. Гораздо более неприятно...

Оксана взгляделась в лицо мужчины. Он выглядел абсолютно равнодушным. Словно каждый день только тем и занимался, что гонял жутких, гипнотизирующих людей жуков в развалинах недостроенных домов. Как ни странно, девушке стало легче. Она поверила, что длинноносый пришелец не причинит ей вреда.

— Проводи меня... Пожалуйста!

Мужчина усмехнулся.

— Один уже тебя проводил... Почти.

— Слушай, скажи, что тебе надо? Все деньги тебе отдам. Вещи. Что тебе еще надо? Меня?

— Не надо так легко предлагать себя, — сурово заявил длинноносый. — Разные существа могут понять под этим совершенно разные вещи. А ты мне не нужна. Главное, что ты не стала добычей жука. Что будет с тобой дальше — мне безразлично.

Оксана поднялась на ноги. Коленки дрожали. Руки тряслись. На улице лаяли собаки — правда, без прежнего остервенения. Ругались какие-то темные личности.

— Собак натравливал он?

— Он только внушил тебе, что собак больше и лают они громче. Они это умеют — имитировать картинку, звуки, запахи... Чувствовать страх. Обычные жучиные уловки...

Девушка дрожащей рукой поправила волосы. С удивлением обнаружила, что так и не выпустила из рук сумочку.

— Значит, не проводишь?

— Мне от тебя ничего не надо.

— Но там, внизу, злые, отвратительные люди.

— Люди... Люди совсем не страшны, детка... Они мо-

гут только убить тебя. Может быть, помучить перед этим. Ты избегла куда более жуткой участи. Неужели тебя это не радует?

Девушка не ответила. Крадучись, она пошла к выходу из дома. Главное, не вести себя по-людски. Спрятаться в мокрой, вонючей канаве и переждать там пару часов. Ползти в кустах, где ее никто не найдет. Намазать лицо грязью — чтобы не белело в лунном свете. Выломать острый сук, который при случае можно вогнать врагу в глаз. Найти обломок трубы, острый камень!

Собаки — жалкие твари. Любой из них она порвет глотку. Зубами и ногтями. Да и жука она теперь раздавит без труда. Только не одни жуки выползают при свете луны. Оксана уже поняла это...

ТУПОЙ

Ногда двери за спиной с тихим шелестом сомкнулись, Эл Грин остановился и, не снимая солнцезащитные очки, лениво оглядел пустой зал ожидания. Огромное помещение было залито ярким светом, по стенам струились бирюзовые водопады, а в центре сверкал гранями шар местного регистратора. Все было как везде. Архитектура космопортов Внутреннего Сектора не отличалась большой оригинальностью. Она вообще ничем не отличалась. Пустота и стерильность.

Грин постоял с минуту, пытаясь собраться с мыслями и вспомнить, что следует делать дальше. Мысли разбегались в разные стороны, прятались в пыльных углах темнеющего сознания и выглядывали оттуда, насмехаясь над незадачливым хозяином. А хозяин стоял у шлюза и глупо улыбался. Значит, так... Надо пройти зал, зайти в дверку, вон она, большая и широкая, а за нею виднеется город, симпатичный город, прямо как Крентон на Алании, такой же маленький, с низкими домиками и сквериками, наверное, здесь хорошо живет... только, собственно, что я здесь делаю?... ах да, у меня заказчик, он должен меня встретить... кто — не помню, но встретить должен. И еще я хочу пива. Должна здесь быть какая-то забегаловка, во всех космопортах есть забегаловки с пивом, сочными кусками и сочными девчонками. Да, в первую очередь — забегаловка, бар, ресторан, идем.

Грин медленно двинулся через зал к выходу в город, бормоча себе под нос и поминутно спотыкаясь на ровном месте. Проходя мимо регистратора, он не сразу заметил, как тот вдруг ожил, осветился изнутри красной сигнализацией и, плавно стронувшись с места, загорóдил дорогу.

Сквозь грани проявилось улыбающееся личико миловидной блондинки с карими глазами.

— Планета Каона приветствует своего гостя, — сказала она. — Назовите себя, пожалуйста.

Грин от неожиданности замер.

— Э-э... — Ну да, регистратор. Он всех регистрирует. Имя и фамилия. — Эл. Меня зовут Эл. Эл Грин. Здравствуйте.

— Здравствуйте, Эл Грин. Мы рады вас видеть. Надеемся, планета вам понравится. Сообщите цель вашего пребывания на Каоне.

— Ага... — Интересно, регистратор — это он. А почему там — она?

Грин машинально протянул палец к висящему перед ним шару.

— Вы к нам по делу или на отдых?

— Да, мне нужен отдых. Где тут у вас отдых?

— Все зависит от ваших увлечений. Сообщите свой никнейм по классификации Сектора, я подберу для вас что-нибудь подходящее.

Никнейм, да... Продолжая глупо улыбаться, Грин медленно стащил с носа широкие защитные очки, взглянул на цыпочку в шаре почти черными глазами и сказал:

— Тупой. Мой ник — Тупой. Запишите. — И улыбнулся еще шире.

Девчонка поперхнулась. Наверное, таких темных глаз она еще никогда не видела.

— Да... конечно, господин... Тупой. Желаю приятно провести время. — Шар резво убрался с дороги, забыв о списке увлечений для нового гостя.

Грин уже подходил к выходу, когда девчонка опомнилась.

— Уважаемый... гость. Извините, что вмешиваюсь не в свое дело, но, судя по цвету глаз, ваше сознание находится на грани распада. Вы должны немедленно сделать инъекцию интелемина. Немедленно. Не пренебрегайте своим здоровьем. Спасибо. Извините.

Шар потух окончательно.

— Ага... — ухмыльнулся Грин. — Уже. — И вышел на улицу.

Сияло солнышко. Нарядные причудливые домики, аккуратно выстроенные вдоль улицы, скрывались за белевой дымкой. Откуда-то слышалась музыка.

Грин перешагнул через лежащую на дороге груды цветастого тряпья и краем глаза увидел в двух шагах зеркальное окошко пневмопочты. «Прибудешь на место, — всплыло в сознании, — сообщи мне. Лучше через почту, корабельной связью не пользуйся, перехватят. И не ходи по городу. Опасно». Что может быть опасного в таком прекрасном месте? Станный заказчик. Да и не заказчик он, наверное. Очередная коммутационная программа. Все чего-то боятся. Все с ума посходили.

Луч идентификатора скользнул по лицу, окно открылось. Грин машинально положил на приемный щит заранее приготовленную карточку и сказал: «Я здесь». Почта долго считывала адрес, потом со свистом утянула кусок пластика в глубину. И почти сразу на его месте возник серебристый цилиндр инжектора. Все как договаривались.

Грин долго вертел его в руках, рассматривая переливающийся внутри жемчужный раствор и не решаясь его применить. Потом посмотрел на свое отражение в зеркальной облицовке почтового окна (да, радужка его глаз была уже почти черной). И приложил инжектор к шее.

Не любил он эти мгновения. Голову распирало изнутри. Казалось, еще немного, и мозги выдавятся наружу. Заторможенные совсем недавно мысли вдруг встрепенулись, повылезали из всех щелей, их было много, очень много, они сталкивались друг с другом, вступали в конфликты, дрались за место в его голове, что-то орали наперебой, вытаскивая из глубин памяти воспоминания. А он смотрел в свои отраженные зеркалом глаза и видел, как они светлеют, становясь из черных сперва темно-коричневыми, потом красными. На стадии перехода от красных к оранжевым буря в голове внезапно стихла. «Уровень интеллекта сто десять достигнут», — тихо пропищал инжектор.

Грин вздохнул, потер лоб, забросил отработанный цилиндрок обратно в зев пневмопочты и обернулся.

Умный человек воспринимает мир не так, как недоразвитый. Умный понимает и видит то, что глупый в упор не замечает. Глупому легче живется. Он всегда счастлив. «По крайней мере, для меня-глупого мир всегда красив и радостен», — подумал Грин, разглядывая окрестности.

Город был полуразрушен. То, что он принял за причудливую архитектуру, на самом деле оказалось серыми развалинами. Остовы домов уходили вдаль, постепенно скрываясь в дыму от еще не потушенных пожаров. Недалеке виднелся разбитый мобил, зарывшийся носом в землю. Цветастая куча тряпья у входа в космопорт превратилась в изуродованный труп. Улица была пуста, только где-то далеко слышались свистящие выстрелы разрядников да над одной из близлежащих построек надрывался древний динамик, хрипло исполняя очередной шлягер. Местное солнце стояло в зените, заливая город жарким белым маревом, а над далекими небоскребами делового центра висела темная туша имперского дефендера. Висела неподвижно и беззвучно, с сознанием выполненного долга.

Момент перехода от одного интеллектуального состояния к другому всегда повергал Грина в ступор, из которого было нелегко выбраться. Наконец, вспомнив инструкции заказчика, он огляделся. Постройка с хриплым динамиком над входом была почти не тронута. Только тянулся через всю стену длинный след от плазменного выброса, задевая раздолбанную вывеску. На вывеске еще можно было разобрать название забегаловки.

Грин быстро перебежал улицу, на всякий случай пригибаясь.

— Можешь не опасаться. Все ушли.

Женщина стояла в тени стенного разлома, и Грин ее не сразу заметил. Мешковатый десантный «хамелеон» скрывал ее фигуру, боевой шлем — половину лица. Были видны только подбородок и губы, по последней столичной моде густо накрашенные белым.

— Ты — Грин?

— Ага... — Он попытался улыбнуться как можно глупее.

— Не строй из себя дурака. Я видела — ты уже использовал инъектор.

— На меня инъектор не действует, мадам. Я по жизни дурак. Мне это нравится. Что здесь произошло?

Дамочка пожала плечами.

— То же, что и везде. Бунт. Не всем дуракам нравится быть дураками. Ты исключение. Пошли. Здесь нельзя задерживаться. Патруль может вернуться.

Они пролезли в узкую щель между домами и оказались на заднем дворе, в центре которого виднелось размытое рыбое пятно военного катера с включенной защитой.

— Мой наниматель — имперский департамент обороны? — спросил Грин. — Первый раз вижу вблизи такую штуку.

— Твой наниматель — я.

Грин остановился.

— Мадам, я не работаю на котов в мешке. И даже на кошек. Думаю, сперва надо обсудить условия. Я простой рейдер, мое дело доставлять грузы и пассажиров. И я не люблю риск. От опасности у меня дрожат коленки и я становлюсь настоящим дураком. Никакой интелемин не помогает. А вы меня вытащили на планетку, где бунтуют толпы обделенных интелемином людишек, где проводятся зачистки, а над городом висит имперский дефендер, который может в любой момент распылить все, до чего доберется. Вы бы хоть предупредили, что здесь происходит. Я удивляюсь, что меня не сбили на подлете. Нет, я действительно дурак, раз с вами связался.

— Тебя обязательно собьют, если не будешь слушать то, что я говорю. Планета на карантине. Половина населения уничтожена спецназом. Запасов интелемина здесь нет. Через сутки ты снова станешь придурком с уровнем интеллекта около двадцати. Тогда тебя и возьмут тепленького. Как и все здешнее население. А не сбили тебя, кстати, только потому, что я обеспечила коридор.

Она отключила часть защиты и быстро юркнула в открывшийся люк катера.

— Значит, все-таки департамент... — пробормотал Грин и полез следом.

— Не расстраивайся, Грин. Ты же на деньги клонул. Впереди тебя ждет двадцать миллионов кредитов и еще кое-что интересное.

Да, двадцать миллионов — это хорошо. Можно подлатать старушку «Фелицию», закупить инъекционных запасов лет на пять, да и вообще жить в свое удовольствие. Пока вся цивилизация Внутреннего Сектора не накроется медным тазом. Грин не особо задумывался над будущим, хотя и слышал про расчеты оставшихся аналитиков. Постоянное оглупление народа, интелемина на всех не хватает, да и действует он хуже, чем даже несколько лет назад. Участившиеся последнее время бунты придурков это хорошо доказывали. Безопасной оставалась только столичная Алания, но и там уже стали поговаривать о снижении недельной нормы. «Куда мир катится?» — как говаривал Дэвис, пока не бросился вниз головой с тридцатого этажа от безысходности.

Катер бесшумно поднялся в воздух.

— Кстати, Грин, хотела спросить. Тебе действительно нравится быть тупым? Или это только глупая бравада?

— Нравится. Когда я тупой — я спокоен, мир вокруг прекрасен. Такой кайф, знаете ли, когда не понимаешь, что происходит вокруг.

— Жаль, не все такие, — пробормотала она. — Большинство звереют, начинают собираться в толпы, делать глупости. Приходится их усмирять.

Катер летел на бреющем, едва не задевая крыши домов.

— Да, таких, как я, немного. К несчастью для вашего департамента безопасности. Кстати, а вы там какую должность занимаете? Бригадного генерала?

— Никакую. Я на них не работаю. Они на меня работают.

Грин с удивлением посмотрел на спутницу.

— Думаю, мне следует представиться, — сказала она и деактивировала закрывающий лицо шлем. — Узнал?

Грин сперва долго смотрел на ее профиль, потом вздохнул и отвернулся.

— В новостях вы выглядите хуже, ваше высочество.

Принцесса Лерия, пятая дочка старого жирдяя Климента Пятого, императора Аланийского Союза, криво усмехнулась, сунула в зубы коричневую сигарету и нервно закурила.

— Ну что, простой рейдер, проникся важностью случившегося?

— У меня нет пиетета перед властями, мадам. Для меня любой клиент — император. В рамках разумного, конечно. Меня сейчас больше волнует вопрос, зачем я вам понадобился. Или весь флот вашего батюшки внезапно поглупел и не выполняет приказы? Могли бы снять с поста тот же дефендер, он вас доставит в любую точку Сектора. Да и бедные жители Каоны будут вам только благодарны.

— Я уже говорила. Твой наниматель — я. Лично. Не департамент. И даже не моя семейка. Ни тем, ни другим лучше не знать, куда мы с тобой отправимся. Не бойся, здесь нет ничего противозаконного. Просто мое личное дело. Это первая причина. А вторая... — Принцесса посмотрела на него, и Грин впервые близко увидел совершенно белые радужки сверхинтеллектуала, какими были все члены правящей фамилии. Уровень около трехсот, не иначе, подумал он, пожившись. Смотреть в эти бельма было неприятно. — А вторая, господин Грин... Ведь у тебя не совсем обыкновенный корабль, не так ли? И он может пройти куда угодно?

Грин напрягся. Его древняя «Фелиция» действительно была не совсем обычным кораблем. Таких было еще три на весь сектор, но один стоял в музее, а про два оставшихся уже давно не было ничего слышно. Старая память о Великом Переселении, разведкрейсер, созданный еще на Антаресе и доставшийся прадедушке Грина за отличную службу в органах терраформирования. К тому же на «Фелиции» в какие-то стародавние времена был установлен синнийский энергетический комплекс. Правда, когда

он работал и работал ли он вообще — уже дед Грина сказать не мог. Так же как никто не знал, каким образом удалось поставить на человеческий звездолет движок чужой цивилизации. Неработающий комплекс занимал треть ходовой части, и сперва Грин хотел от него избавиться, но руки так и не дошли.

— Если вы про двигатель синну, мадам, — сказал он наконец, — то он уже полтысячелетия как не работает. Рухлядь, как и вся моя «Фелиция». Это весь сектор знает.

Катер приближался к скалистым горам, отвесные вершины которых отливали на солнце красным.

— Что сломано, всегда можно починить, — уверенно сказала принцесса. — Информатор твоего кораблика наверняка знает, каких деталей не хватает.

— Знает. Он хоть и старый, но не глупеет, как люди. Но что толку? Чтобы чинить, нужны родные комплекты, а синнийцев за все время здесь никто не видел. Не хотите же вы сказать...

Катер взмыл вверх, не долетев до первых отрогов. Внизу промелькнули выщербленные скалы.

— Хочу. И скажу. — Катер резко остановился, зависнув в десятке метров над каменистым плато, испещренным глубокими трещинами. — Посмотри.

Грин уже смотрел. Сперва он увидел мутный сиреневый блеск, еле пробивающийся сквозь темень разломов. А потом увидел все остальное.

— На него натолкнулись рабочие, взрывавшие породу, — сказала принцесса. — Сперва никто ничего не понял, послали запрос в департамент исследований. Слава богам, первой на их сообщение натолкнулась я.

— А где рабочие?

— Наверное, зачищены. А я сразу стала наводить справки. И натолкнулась на сведения про «Фелицию».

Корабль был наполовину завален раздробленными скалами, изуродовавшими до неузнаваемости нос и жилые отсеки, но плавные обводы многочисленных боевых выступов и сиреневая обшивка с пробегающими по ней сполохами энергоразрядов говорили сами за себя. Внизу лежал полуразрушенный синнийский военный крейсер.

В точности такой же, как на снимке в техносправочнике, который маленький Грин штудировал еще в лицее.

— Он же весь раздолбан, — тихо сказал он.

— Ходовая часть не повреждена. Иначе бы сполохов на броне не было. Впрочем, у нас нет времени гадать. К Каоне подходит Третий флот моего батюшки. От них такую находку мы укрыть не сможем. Вызывай сюда свою старуху и включай авторемонт. Если повезет, уберемся отсюда до вечера.

— Куда? — спросил Грин, чувствуя, что снова тупеет.

— А куда ты думаешь? Напряги мозги, ты же умный мальчик, хоть временами и тупой.

Грин откинулся на спинку кресла, пытаясь собрать в кучу мысли.

— Бесплезно. Даже с синнийским движком нам не пробить Внешний Барьер. Опасно.

— А кто тебе сказал, что я хочу за Барьер? Есть другое место, куда не может добраться ни один корабль, а твой после ремонта сможет. И для этого не обязательно выбираться из сектора. Легенду о Медиуме слышал?

— Это сказки, принцесса. Глупые сказки. Народный фольклор. Народ всегда придумывает байки о том, чего ему не хватает. Мой батя всю жизнь искал Медиум, да так и не вернулся. А у него последний корабль был — не «Фелиции» чета.

— Он не вернулся только потому, что не добрался. Как и все остальные. — Она достала из кармана тусклую плитку инфохранителя. — Здесь навигационная карта и проложенный путь. Он был известен еще пятьсот лет назад. Только никто не смог им воспользоваться. Человеческие корабли там не проходят.

— У меня тоже вполне человеческое корыто, — буркнул Грин.

— Да, но не простое. Стоит рискнуть.

— Я не люблю риск.

— А исправный синнийский движок на твоей развалине тебя не прельщает?

Грин тяжело вздохнул, пробормотал: «Бред какой-то» — и тронул на браслете кнопку дистанционного вызова.

Легенда о Медиуме возникла сразу, как только переселенцы поняли, в какую ловушку угодили. Пятьдесят тысяч человек, с огромным трудом добравшиеся до планетных систем Внутреннего Сектора, потерявшие треть транспортных кораблей и больше четверти личного состава, вдруг обнаружили, что связи с материнскими планетами нет. Разосланные зонды сообщили, что Сектор окружен каким-то непонятным барьером, который не виден, не определяется сканерами, но при этом способен тормозить любой корабль и не пропускает радиоволны. В сектор можно было попасть, но невозможно было выйти. За пределами барьера осталась вся человеческая цивилизация, а переселенцы внезапно превратились в оторванную от остальных людей горстку колонистов. Правда, мало кто тогда об этом пожалел. Пожалели позже, когда оказалось, что сектор заполнен странной и не поддающейся исследованию энергией, которая, казалось, постепенно высасывает из людей разум. Никаких чужих в секторе не было, никто не объявлял пришельцам войну. Просто люди глупели, теряя интеллект медленно, но верно, вплоть до того момента, когда сознание исчезало и человек превращался в растение. Никто не помнил, откуда взялось вещество, впоследствии названное интелемином, и кто первый обнаружил его в межпланетном пространстве Сектора. Но оно было хоть каким-то спасением. Инъекция возвращала разум, могла даже сделать из природного идиота живой компьютер. На побочные эффекты, вроде изменения цвета глаз при разных уровнях интеллекта, внимания никто не обращал. Проблема была только в том, что действие инъекции рано или поздно заканчивалось и требовалось ее повторять еще и еще. И тогда возникла байка о некоем объекте где-то в глубине Сектора, огромном шаре из чистого интелемина, посетив который человек может поднять свой уровень интеллекта на недостижимую высоту. И даже сделать его постоянным. Объект называли Медиумом, так как рассказывали, что он разумен и даже читает мысли. Но ни один человек так и не доказал, что его видел. Так же как и ни один не обяза-

велся постоянным уровнем разума. Люди продолжали искать Медиум, но чем дальше, тем становилось яснее, что это не более чем сказка. В секторе было несколько мест, состоящих из той же непроходимой субстанции, что и Внешний Барьер, потому людская молва сразу определила их как место обитания шара из чистого интелемина. Но проверить эти байки все равно было нельзя. Люди продолжали жить, размножаться и умирать, заселяли ранее пустовавшие системы сектора, потом возникла Аланийская империя. А потом стало ясно, что действие интелемина на людской интеллект укорачивается. Сперва одной инъекции хватало на год, потом на несколько месяцев, затем на месяц. Вот уже десятилетие, как инъекции хватало только на сутки. Слабая экономика уже не справлялась с бешеным спросом. Размножившиеся колонисты опять тупели. И стали бунтовать. На все эти проблемы Грин до сих пор обращал мало внимания. Ему действительно нравилось свое тупое состояние. Но сейчас, глядя, как из днища его старого звездолета сыпятся вниз, на скалы, сверкающие капли ремонтных дроидов, он вспомнил. И, вслед за недавно погибшим приятелем, подумал: «Куда катится мир?»

— Вы не скажете, принцесса, куда катится наш мир?

Они сидели в отсеке управления «Фелиции» и пялились в обзорные экраны, на которых медленно уменьшалась Каона.

— В задницу, рейдер, вы разве этого еще не поняли? Еще несколько лет, и инъекцию придется делать каждый час. Это как наркотик. Наши предки посадили нас на иглу, явившись в это богом забытое место. А нам придется выкручиваться. И мы выкручиваемся. Знаете, генералитет считает, что надо уничтожить до сорока процентов населения сектора. Тогда интелемина должно хватить элите еще надолго. Но что будет потом — никто не знает. Все станем идиотами и превратимся в жвачных животных. Все, кроме меня, — она бросила быстрый взгляд на Грина, — ну, и тебя тоже.

— Вы действительно верите в Медиума?

— Архивы не врут.

— Архивы, может, и не врут, а вот люди, которые писали для них программы, — вполне могут сочинять и преувеличивать. Мне кажется, стоит разобраться в устройстве синнийского крейсера, построить ему подобные да и слить всем из Внутреннего Сектора как можно дальше.

Принцесса расхохоталась.

— Ты действительно тупой! Ничего не знаешь. Наша экономика уже сто лет как в ступоре. Мы летаем на древних кораблях. Берем пищу из автоферм, построенных еще при Клименте Первом. Спроси дураков из аланийского университета, и они тебе не ответят, сколько будет дважды два. Мы не сможем воспроизвести даже паровоз, а ты говоришь о синнийском крейсере! Да и не нужно нам его воспроизводить. Для кого? Для этого быдла, расплодившегося по Сектору подобно тараканам? Нам одного корабля хватит — твоего. Да и за Барьером нам делать нечего. Здесь мы — правящая династия, а там кто? Тупой ты, Грин, и впрямь тупой.

Им нужен мой корабль, но зачем им я, подумал Грин, напряженно вглядываясь в черноту на экранах.

— Впрочем, — добавила принцесса, — я еще подумаю, стоит ли делиться Медиумом с моим папашей и его семьей.

— На «Фелиции» нет вооружения, — поспешно сказал Грин. — Если что-то пронюхают...

— Не бойся. Я соберу собственную гвардию. Найму для охраны пару дефендеров побольше. Думаю, никто из солдатни не откажется от халявного уровня, к тому же постоянного.

Грин облился холодным потом, представив последствия. Если так, за «Фелицию» начнется целая бойня, никому мало не покажется. А особенно ему.

— Впрочем, что рассуждать, — сказала принцесса. — Вот прибудем на место, посмотрим на Медиума, тогда и станет ясно, что делать дальше.

Двигатель синну заставлял старушку «Фелицию» идти

★ вдвое быстрее. Сиреневые сполохи энергоразрядов ползали по обшивке, собираясь у кормы в спирали и оставляя позади корабля роскошный павлиний хвост. Когда перед носом, судя по карте навигатора, оказалось начало запретной зоны, пространство впереди вспыхнуло белесым сиянием, и скорость упала. Но не совсем. «Фелиция» продолжала вгрызаться в невидимый барьер, чего на ее месте не мог сделать ни один известный Грину корабль. «Еще немного», — произнесла принцесса, и тут Грин увидел другие корабли.

Они висели в зоне, словно мухи, пойманные в паутину. Их было много, только в пределах действия сканера было около сотни различных посудин, от огромных транспортов до мелких яхт величиной с загородный домик. Здесь были древние крейсера поселенцев, линкоры первой империи и даже сравнительно новые лайнеры туристических линий.

— Говорят, люди в них еще живы, — сказала принцесса. — Даже в самых старых. Здесь время течет по-другому. Точнее, оно здесь совсем не течет.

— Откуда вы знаете? — спросил он.

Принцесса не ответила, только жадно вглядывалась в черную пустоту, испещренную разноцветными бликами застывших звездолетов.

«Фелиция» медленно двигалась вперед, оставляя за кормой неудачливых предшественников.

— Наверное, твой папаша тоже где-то здесь, — сказала принцесса, — как и куча моих дальних родственников. Тоже любили на досуге поискать абсолютный разум.

Первым Медиума заметил Грин. Эта штука находилась в самом центре зоны и с виду напоминала маленькую крабовидную туманность.

— Это он, — прошептала принцесса, вцепившись в подлокотники.

— Это просто куча космической пыли, мадам, — недоверчиво произнес Грин. — По крайней мере, так считают сенсоры.

— Это он, черт побери! Заткнись, придурок.

Грин вздохнул. «Фелиция» двигалась дальше.

— Наши действия?

— Н-не знаю... Это Медиум, он читает мысли. Но я ничего не слышу. Надо подойти поближе. — Она вскочила с кресла и подошла ближе к экранам.

Туманность медленно росла и наконец заполнила весь обзор белесым сиянием пылевых волокон. Она была небольшой, размером с мелкую планету, но смотреть на нее вблизи было неприятно. Ее вид чем-то напоминал Грину лишенные радужек глаза принцессы.

Он не сразу понял, что случилось в следующие несколько секунд. Сперва ему показалось, что перед экраном возник белый туман, словно от дыхания на морозном воздухе. Потом он понял, что этот дымок — продолжение ближайшего к ним пылевого протуберанца. Пыль медленно скручивалась над приборами и в какой-то момент задела краем вихря голову стоящей принцессы.

Грин в ужасе смотрел, как преодолевшая обшивку и двойные энергополя космическая пыль протянула к нему один из своих витков, который все удлинялся, приближаясь к креслу. Он уже не видел безжизненно рухнувшую на пол принцессу. И не слышал, как истошно вопит ему в ухо корабельный информатор, разом включивший системы безопасности и вдавливающий ему в мозги одну фразу: «Пассажир мертв, пассажир мертв». В следующее мгновение пылевой вихрь дотянулся до кресла.

...ты же хочешь стать абсолютным разумом, не так ли?..

— Не понял...

...ты хочешь обладать совершенным интеллектом. Ты несчастен, будучи таким незащищенным существом. Ты боишься всех, боишься себя, боишься жизни, хочешь ее изменить и просто не знаешь как. Абсолютный интеллект — это защита от окружающей среды, абсолютная защита. Верх эволюции. Ты это понимаешь?

— Н-ну, вроде бы понимаю, — сказал Грин вслух, ничего не понимая.

...вся жизнь — это сплошная борьба за существование, борьба с природой, которая породила жизнь, но при этом всегда стремилась ее уничтожить. Жизнь защищалась.

Сперва она создала оболочки, клеточные мембраны, ограничивающие влияние внешней природы. Потом кожу, перья, волосаной покров, защищающий от морозов. А потом жизнь создала разум. И тогда разум стал защищать своих носителей от неживой природы. Сначала он придумал огонь, потом одежду, дома, космические корабли. Но неживая природа всегда оказывалась сильнее, и разум был вынужден идти дальше по пути изоляции от своего врага...

Мозги Грина бурлили, пытаясь разобраться в этой странной лекции, прочитанной не к месту и не вовремя.

...и тогда он создал нас. Свою вершину...

— Кто вы?

...Люди. И не только. Все люди, жившие здесь когда-либо, — это мы. Мы долго готовились. Но сейчас наша победа очень близка. Еще немного — и природа будет повержена. Мы выиграем этот бой. Пусть не во всей Вселенной, но это только начало. Мы создали барьер, мы брали разум у вас, прибывших сюда, подпитывая ваши особи нашей энергией, разлитой по всему сектору. Мы брали ваше сознание, и теперь мы — это вы. Мы насытились, мы взяли у вас очень много разумной энергии за последнее тысячелетие. И теперь мы готовы.

— Готовы к чему? — спросил Грин, преодолевая тошноту.

...готовы к изоляции, человек. Полной и безоговорочной изоляции от природы. Мы готовы выполнить предназначение разума.

...он не понимает, — возник в сознании другой голос, — он ничего не понимает. Он не стремится к совершенству. Он не готов. Он тупой.

...он недостоин спасения...

...недостоин победы...

...он нам мешает...

...время подходит. Мы готовы. Он — нет.

...изоляция — абсолютная победа.

Невообразимый гвалт стоял в голове, раскалывая мозги. Сквозь кровавую пелену Грин успел заметить, как вздыбилась за экранами пыльная взвесь. И наступила темнота.

Очнулся Грин не скоро. Он все так же лежал в пилотском кресле. Пульт мелькал лиловыми огнями.

— Информатор, доклад. Где мы находимся?

— Не могу определить, капитан. Далеко. Мы не в Секторе. Мы за его пределами. Сектора больше нет.

— В каком смысле?

— В прямом, капитан.

Информатор развернул перед ним экран внешнего обзора. Знакомые звезды. Только сейчас очень далекие. А на месте Внутреннего Сектора, со всеми его системами, планетами и империей...

Да, подумал он, полная изоляция от природы. Они действительно добились своего. Только мне этого не надо.

На месте Сектора расстилось сплошное темное пятно, в котором тонул взгляд.

— Они сделали из всего Сектора черную дыру, — произнес Грин.

— Похоже, что так, капитан... Кстати, у нас гости.

В пространство экрана врывалась огромная туша странного звездолета. Затем ожили молчавшие уже сотни лет динамики внешней связи.

— Неизвестный корабль! Вы вторглись в пространство Антарийской Федерации. Назовите себя и имя капитана.

— Разведкрейсер «Фелиция». Мы здесь случайно.

— Откуда вы?

— Из Внутреннего Сектора.

Динамики надолго замолчали. Потом голос на той стороне тихо и даже участливо произнес:

— Вы капитан? Как вас зовут?

Грин подумал, оглядел рубку, натолкнулся взглядом на труп принцессы. Потом посмотрел на облицованный зеркальными плитами потолок. «А глаза на самом деле у меня зеленые», — подумал он. И ответил:

— Тупой. Просто Тупой. Запишите.

НЕ ТАМ ПРОСНУЛСЯ

Бидный критик Иван Концов в последний раз подмигнул приятным сновидениям и открыл глаза. Из окна прямо в рожу ему светило нахально не сдерживаемое занавеской яркое солнце, и Концов зажмурился на мгновение, а уж потом прикрыл глаза ладонью и приподнялся на разоренном в неге ночных мечтаний ложе.

За окном царила полнейшая, окончательная, бесповоротная, категорическая весна, явление которой уже с неделю день за днем предрекали самые точные прогнозы самых массовых средств информации. И вот — свершилось. Произошло. Настало. Эва!

То есть не так, чтобы уж сразу настало — но к тому давно и упорно шло: капель всякая, деревья задышали, птички все резвее карабкаться стали на ветки кустов, чувствительные к важным жизненным процессам коты начали бегать уж с вовсе непростительно откровенными лицами, да и вообще — потеплело. Как из подъезда ни выйдешь, вечно бряк — и в лужу. Но вот чтоб такое солнце с утра пораньше, чтоб сразу синее небо — нет, подобного в этом году еще не выпадало. А сегодня — на тебе, пожалуйста. Душа просто поет.

И Концов внутренне возликовал, нет, более того — он возликовал внешне, то есть испустил полный живого огня пробуждающейся материи возглас и, стремительно отбросив одеяло, единым волевым прыжком покинул кровать.

Прелесть какая, думал он, разглядывая свой мощный, переживший еще одну изнурительную зиму организм в большом зеркале в ванной. Какой же я, в сущности, красивенький! Живот — ну и что, у всех живот, зато — какой волевой подбородок и в очах какая неугасимая воля

к победе! Да, да, этого мне не занимать, определенно, да и у кого, если задуматься, занимать-то? Ну вот представим себе — вот приспичило мне, ха-ха, занять эту самую волю, вот не хватает мне, и к кому я пойду? К этому, что ли, или к вон тому? Коллеги... Даже не смешно. Спору нет, ребята кое-что могут, но до настоящего и крайне нестигаемого Концова им еще развиваться и развиваться. Пусть сначала полностью изживут в себе пристрастия, склонности и симпатии. Все. Навсегда. Категорически. А тогда — поговорим, да-да, тогда и поговорим.

Концов ополоснул зубную щетку и вернул ее на место в высокий пластмассовый стаканчик с надписью «Am Roemerwall» — сувенир, попертый им из гостиницы в городе Майнце, дававшей кров и легкий завтрак не самым зажиточным гостям франкфуртской ярмарки. Можно сказать, боевой трофеей, а не стаканчик. Да-да. Правда, на ярмарке Концов вынужден был зарегистрироваться под своей настоящей, наследственной, родовой фамилией, а именно — Кончиков, но ведь вы никому не скажете, потому как должен же быть у великого человека хоть маленький, но секрет?

Прогулявшись до почтового ящика и вспугнув обуютившуюся у мусоропровода многоцветную облезлую кошку, Иван с газетой под мышкой вернулся в квартиру и в предвкушении прекрасного, исполненного работы дня устроился на кухне — дабы принять порцию утреннего питания (йогурт, бутерброд с сыром и чашка кофе) и уж потом с новыми силами наброситься на вышедший из-под пера очередного русскоязычного текстовика очередной роман, название и аннотацию которого ему вчера прислали из редакции по электронной почте. Судя по названию, романчик был вполне достоин бойкого пера Концова. Да что там, Концову всегда хватало названия. Что всеу мусолить мозг истинному таланту? Не будем писать много — так, пару абзацев, в генеральном ключе фирменного стиля: сначала про Гумилева, потом про Фоменко, а... надо еще про роман тоже, ладно, может, три их будет, этих абзацев, а внизу подпись: Иван Концов. (А пред-

ставляете, если бы было написано: Иван Кончиков? Концов и — Кончиков. Ну? Чувствуете разницу? То-то!)

Покончив с йогуртом, а потом и с бутербродом, Концов вооружился сигаретой, вкусной такой сигаретой, с ментолом, и приступил к кофе. Легким, исполненным истинного изящества движением руки поднес к сигарете зажигалку, не прерывая движения, на лету прикурил и, неслышно уронив зажигалку на стол, прихватил дистанционный пульт от телевизора. Что у нас в мире делается?

А в мире — делалось.

— ...Праздничные торжества по случаю выхода последнего, двести сорок пятого тома комментариев к академическому Собранию сочинений великого русского писателя Льва Николаевича Толстого, — ласково, легкой грустью акцентировав слово «последний», сообщила ему Маша Пашина, симпатичная ведущая новостей первого канала. И тут же ободряюще заулыбалась. — Как стало известно из сообщения пресс-центра Большой Академии русской литературы, всех истинных ценителей культуры еще ждет тридцать пять томов аннотированных указателей к комментариям, которые будут изданы в ближайшие полгода. — Концов замер, смотрел не мигая. Вкусная сигарета тлела в забвении. — Вчера поздно ночью на внеочередном заседании Государственной думы депутаты единогласно проголосовали за двенадцатую поправку к пятьдесят второй поправке к Закону Российской Федерации о Собрании сочинений Л. Н. Толстого. С репортажем из Госдумы наш специальный корреспондент...

— Что за хрень?.. — с трудом вымолвили онемевшие губы великого критика, потеряв при этом сигарету, и та, радостно дымя, упала на позабытую тапочку и начала тлеть и создавать очаг возгорания. — Что за хрень?! Не по-о-нял... Какой-какой закон?..

— ...Который президент подписал еще ранним утром, — захлеб делился с телезрителями новостью специальный корреспондент Иван Гайкин, ежесекундно поправляя на тонком носу невидимые очки и лучась неподдельным счастьем. — Как говорят в думских коридорах, президент сегодня ночью не ложился спать, ожидая ре-

шения думы по данному архиважному вопросу. Да, многие поволновались этой ночью...

Что за идиотские розыгрыши с утра пораньше?!

Чувствуя себя не совсем с собою, Концов судорожно ткнул пальцем в соседнюю кнопчку: второй канал.

— ...Выстроенный за этот год на Воробьевых горах дворец-квартира Михаила Булгакова... — Незнакомый ведущий говорил исполненным глубокой гордости за себя и за страну голосом. — Ровно в полдень под залпы торжественного салюта из ста двадцати орудий президент лично перережет красную ленточку у входа в этот величественный храм культуры. — На экране появилось громадное, этажей в двадцать, блистающее огромными площадями окон и свежей позолотой лепнины величественное здание. Вокруг здания чинно росли аккуратно постриженные молодые дубки, а у широкой, мощенной мрамором подъездной дороги толпились нарядные зрители с плакатами неясного содержания и нестройно кричали хором здравицы. — Вы видите, как многочисленные москвичи и гости столицы заранее собираются, чтобы лично увидеть это дорогое для каждого жителя России событие...

— Стоп! — скомандовал себе и телевизору Концов и нажал на большую красную кнопку пульта. Телевизор мигнул и погас. Установилась тишина, нарушаемая лишь одуряюще счастливым чириканьем воробьев за открытой форточкой. Да одиноко тлела себе на полу, все больше самовозгораясь, тапка великого человека.

— Так... — Концов тупо посмотрел на струящийся к потолку дым, локализовал очаг и залил его остывшим кофе. — Я хренею... Это что такое? Или меня какой-то идиот подключил к кабельному телевидению... Да какое, нах, кабельное! Первый канал, фирменная бляшка ихняя у верхнем углу... Ну-ка. — Иван взялся за газету, развернул...

«Культура», — гласило название.

— Это в каком смысле? — спросил Концов у тапки, но та уже испустила последний дымок и теперь лежала совсем равнодушная, без огонька. Больше спросить было не у кого, и Иван, смирившись, перевернул газету жоп-

кой, где обычно публиковалась программа главных каналов телевидения на день.

— Так, второй канал, двенадцать часов... Торжественное открытие дворца-музея... Дворца-музея!!! Булгакова!!! На Воробьевых горах!!!

Дальше второй канал предлагал тринадцатую серию «Преступления и наказания», «Амбивалентность русской культуры. Беседа с профессором Ноздреватым», игру «Своя книга», телемост с Чикаго под многообещающим названием «Мертвые души. Пятый том», передачу «Новые глыбы» (меленько разъяснялось, что ведущий Дубов сообщит зрителям о выходе в свет новых томов собраний сочинений Гоголя, Салтыкова-Щедрина и Маркеса), международное культурное обозрение, концерт по заявкам книголюбов, передачу для самых маленьких «Книжка за ночь», репортаж с тридцать пятого всероссийского съезда молодых писателей в Чебоксарах и издательский круглый стол «Мир твоей свободы — НДС».

Программа первого канала была и того чище: «Русская идея в русской литературе», сериал «Лев Толстой как зеркало», Дисней-клуб «Уильям Теннесси и его друзья», итоги конкурса для старшеклассников «Почему мы любим книги», свежий американский боевик «Достать Апдайка» (режиссер П. Верхувен, в главной роли С. Сигал), ток-шоу «Читаем вместе» (ведущий В. Познер), «Золотые моменты книжного Сотби'с»... Тут у Концова неожидан-но закружилась голова, газета выпала из его ослабевших пальцев, в горле настала сухость: существенно не хватало воздуха.

Что же это? Что?! Розыгрыш? Провокация? Почему в почтовом ящике вместо привычного «Московского комсомольца» — какая-то, прости господи, «Культура»? Переворот?! Догадки бились запертыми свободолюбивыми синицами.

«А нечего было на ночь Курицына читать, — вдруг пришла тяжелая, черная мысль, пришла и овладела бедным Концовым окончательно и бесповоротно. — Сколько раз давал себе зарок: не читать то, о чем пишешь!.. И вот — пожалуйста: глюки. И ведь не пил же ничего такого...»

Пробы ради Концов осторожно, нежно-нежно надавил на главную кнопку пульта и, как только телевизор мигнул, скоренько переключил на двадцать четвертый канал: там у него был евроспорт, принимаемый через спутниковую антенну.

— ...Да, трудно, трудно будет нашим спортсменам одолеть команду соперника в нынешнем матче, — веско говорил голос ведущего за кадром, а на экране забежали-запрыгали волейболисты. Концов вздохнул с облегчением, ощущая, как тягучий, страшный мрак предчувствия чего-то непоправимо ужасного на глазах отступает. — Китайский волейбол в последние годы стал очень сильным и жестким, но и наши не лыком шиты, ведь их генеральный спонсор — книжный концерн «Олма-Азбука», а «Олма-Азбука» — это триста двадцать пять томов собранных сочинений классиков в день... — Иван едва успел надавить на кнопку и провалился во мрак рассеяния.

...Очнулся Концов тогда, когда день уже клонился к закату, — он обнаружил себя на полу в кухне, а рядом валялся злосчастный пульт от телевизора, высохшая тапка и черная от кофе сигарета. Во всем теле царилла какая-то вялость, от предвкушения радостного рабочего дня не осталось и следа, а в голове неясными облаками бродила тягучая муть.

— Ну и приснится же... — пробормотал Иван и уцепился за табуретку, поднимаясь. — Не, нах этого Курицына, где он там, в ведро его, в ведро! Где он, мерзавец? — Концов пробрался в спальню и, кряхтя, склонил мужественный торс к полу у кровати: принялся длинными пальцами шарить в темном углу, искать поганую книжку. — Сейчас мы его... Ага!

Ну точно — Курицын. Про матадора и все такое. Там еще ихние космонавты наших в гзобразной позиции прямо в скафандрах... Нет, ну вообще-то смешно, да-да, чистый постмодернизм, кондовый, домотканый, наш. Курицына кто ж обидит? Курицын говна не напишет. Так, может, не выкидывать? Мало ли чего приснится... Нет-нет, выкинуть-выкинуть! Такие глюки после него, будто грибов нажрался.

★ Концов извлек книжку на свет божий, перевернул лицом к себе...

«Вячеслав Курицын. Мой Пушкин»...

И ниже: «Модный журналист Курицын сделал всех на их же собственном поле, он показал и доказал, что нельзя знать про Пушкина слишком много или слишком мало, а главное — нельзя знать про Пушкина всего...»

Концов почувствовал, как холодный, мерзкий, противный пот сызнова струится по лбу.

Вчера! Тут! Был! «Матадор на Луне»!!!

Пушкин...

Видный критик Концов обессиленно опустил на разворощенную кровать и уставился на обложку.

Ладно. Предположим, я вчера съел чего-нибудь такого. Сволочи из «Кампомоса» подложили дерьмо какое-нибудь в колбасу, а сказали — сыр. Нажрался я этого сыра, и с утра у меня крыша поехала. Вижу фигню всякую, дворцы культуры и прочую хрень. Вон и Курицын — а туда же: мой Пушкин. Да... Хорошо, предположим. Значит, что? Значит — надо к людям! Люди увидят, что я какой-то не такой, и скажут: ну ты совсем рехнулся, мужик, у тебя, брат, не все дома. Люди — они подтвердят, они такие. Народ не даст соврать.

Надо сказать, что у видного критика Ивана Концова слова практически не расходились с делом. Концов был человек поступка. Поступка решительного и смелого. Он сам выстроил себя из совершенно никого, из простого, можно сказать, деревенского паренька с рабочей окраины, сам привил себе вкус к высокому, а уж потом и к постмодернизму, и если ниспровергал кого за бездарные писания, то решительно, бесповоротно и до конца. Не родился еще такой русскоязычный сочинитель, которого Концов бы не спихнул с прозреваемого пьедестала — уж коли за то взялся. Концову только дай, за глаза говорили знакомые. Редкий он человек, Иван Концов, эх, мало, понастоящему мало еще у нас таких, как он.

Так и здесь: раз решил — кремень. Ноги в джинсы, руки в плащ, кепку на голову и вперед — к людям. К народу. Народ правду видит. Народ нутром чувствует.

Первые шаги за пределами родного подъезда давались Концову нелегко. Боязно было видному критику: а ну как кто из-за угла выскочит да и заорет что-нибудь про много-томные комментарии к записным книжкам Цветаевой или, не дай бог, выяснится, что посередь Москвы устроили заповедник «Тихий Дон» в натуральную величину. Глюки — они и есть глюки глюкавые. Рехнуться недолго.

Но нет, ничего, обошлось. Народ вокруг смирно спешил по своим делам, транспорт опять же исправно ездил туда и сюда, все выглядело привычно-обычно, ларьки у метро...

— А что, — подошел на пробу с вопросом Концов к румяному молодцу в аккуратной бороде, дежурившему рядом с заваленным книгами широким лотком, — нет ли чего из хороших, настоящих книжечек, ну там, «Больше Бена» или, скажем, «Низшего пилотажа»?

— Какого-какого пилотажа? — искренне заинтересовался торговец. — Если вам про авиацию, то вот есть про Талалихина подарочное издание, только с утра привезли пять штук, может, вы про эту? Или вот — «Пушкин в стратосфере». В коробочке и с тремя дивиди. Дорого, конечно, зато какая книга! Интерактивный Пушкин...

— Нет-нет, — безнадежным жестом остановил его Концов, — не надо интерактивного... — Пристально оглядел золоченые корешки солидных томов собраний сочинений и, заметив недоумение на лице румяного, срывающимся от отчаяния голосом подпустил туману: — А что, как там... дворец Булгакова, это... открыли? Вы... не знаете?

— А как же! — заулыбался торговец. — В лучшем виде! Президент был, Лужков, Селезнев, Жириновский... Да куда же вы?

Домой Концов возвратился крупной рысью. Сердце билось с перебоями, но видный критик, преодолевая пошлую немощь, единым духом взлетел к себе на пятый этаж и, лишь захлопнув дверь и прижавшись к ней спиной, позволил себе отдышаться.

— Талалихин... — бормотал он, закатив очи. — Пушкин... в стратосфере... Да у него даже Акунина нет ни одного! А Никитин?! Где Никитин? Куда делся?!

★
Мир сошел с ума.

Концов, яростно сбросив плащ, ринулся к своим книжным полкам, стал хватать тома трясущимися руками.

— Ну пожалуйста... Ну хоть какая-нибудь Маринина... Или Дашкова... Я же помню, было! Вот тут, за альбомом Дали прятал... Ну хоть листочек! Хоть что-то!

Но лишь ненавистная глазу великого критика мировая классика, такая простая и на раз понятная, во всех мыслимых и немыслимых облициях сыпалась с полок, а посреди комнаты застыло, распластанное, роскошное издание Марка Шагала, раскрывшееся по злой прихоти судьбы на малоизвестной картине «Чехов в красном».

Но Иван Концов, как вы помните, был человек слова, стремительно переходящего в дело. И когда сумерки легли на город бледный, и утих весенний птичий гомон, и вдаль стали так редки звуки автомобильных рожков победных, он, перекопав всю свою небольшую холостяцкую квартирку, нашел-таки на антресолях, в дальнем углу, траченный временем и забвением одинокий томик в потускневшей обложке, изображавшей выходящего из моря говна закованного в причудливую броню рыцаря с офигенной рыцарской принадлежностью в руках; томик, покрытый многолетней пылью и стародавней паутиной; томик, давно расставшийся со многими страницами; томик, каким-то невероятным чудом завалившийся между двумя потертыми чемоданами со старым и уже ненужным барахлом; томик — на обложке которого было написано: «Череп в голове».

Ночь Иван Концов встретил, глубоко зарывшись в одеяло. Он старательно жмурил глаза, призывая поскорее снизойти облегчающий сон, он жаждал чуда, и руки видного критика, еще слегка дрожавшие от напряженных поисков и волнения, крепко прижимали к груди книгу, в которой не было ни слова про классиков.

Иван Концов мечтал проснуться обратно.

УПЛОТНЕНИЕ

Нень, как обычно, начинался чудесно, и ничто не предвещало пакости. Я проснулся вскоре после рассвета от пения птиц (на самом деле крики попугаев не столь уж мелодичны, но я привык) и поскуливания Бадди, которому не терпелось на прогулку. Конечно, здесь, на острове, он мог бы меня и не спрашивать, но Бадди всегда был вежливым псом. Я имею в виду — со мной, своим другом. Терпеть не могу дурацкое слово «хозяин» — Бадди не раб и не вещь. Что с того, что он родился в собачьей шкуре, если он заслуживает уважения больше, чем большинство когда-либо встречавшихся мне людей?

Солнце ярко светило сквозь кроны пальм, бросая узорчатые тени на теплый пол веранды и насыщая энергией батареи на крыше хижины. Я проверил вольтамперметр, постучав для верности ногтем по стеклу, и включил бритву и соковыжималку. В первое время Бадди недовольно ворчал, когда я брился, — могу представить, сколь противоестественна эта процедура с собачьей точки зрения, но потом притерпелся. Когда живешь с кем-то вместе, приходится идти на компромиссы. В конце концов, мне тоже не всегда хочется бегать вместе с ним; впрочем, на сей раз я был отнюдь не против утренней прогулки. Выпив стакан свежеежатого сока манго, я надел обрезанные по колено штаны — что поделать, я консервативен и не люблю выходить из дома нагишом, даже зная, что никто из людей меня не увидит, — и шагнул через порог в мягкую траву.

Тени пальм еще хранили предрассветную прохладу; кое-где на листьях алмазно сверкали крупные капли росы. Я вдохнул полной грудью утреннюю свежесть, насла-

★ ждаясь каждой молекулой незагаженного воздуха. Уже ради одного этого стоило перебраться сюда. Впрочем, может быть, там теперь воздух тоже очистился? Хотя нет, едва ли. Наверняка они жгут что-нибудь еще — уголь или дрова... Если, конечно, еще есть кому жечь. Если они не перебили друг друга, когда встала промышленность и транспорт, когда начались голод и хаос... Но это тоже едва ли. Человек, как и всякий паразит, — тварь живучая.

Мы вышли на залитую солнцем поляну, где протекал ручей и порхали большие разноцветные бабочки — я так и не знаю, как они называются, — и немного погонялись за ними, так ни одной и не поймав. Впрочем, мы особо к этому и не стремились — я не увлекаюсь энтомологией, а Бадди, к счастью, не ест насекомых. Набегавшись, мы посидели у ручья, глядя, как в хрустально прозрачной воде играют оранжевые рыбки и чуть колышутся на дне длинные изумрудные водоросли, а затем вновь нырнули под кроны пальм, направляясь к морю.

Я шагнул между мохнатыми стволами навстречу лениво шелестящему прибою, предвкушая, как бултыхнусь с разбега в чистую воду бухты и буду плавать и нырять за съедобными моллюсками (может быть, даже поймаю у берега пару крабов), а потом выберусь греться на теплый белый песок под ласковые лучи утреннего солнца... и тут приятный строй моих мыслей был нарушен самым неожиданным образом.

На волнах возле самого берега покачивалась пухлая рыжая штуковина. Конструкция слегка изменилась с тех пор, как я видел подобное в последний раз, и все же трудно было не узнать в этом предмете спасательный плот.

Первой моей мыслью было шаррахнуться назад в лес, но сквозь затянутое прозрачной пленкой окно меня уже могли заметить. В таком случае не стоит демонстрировать им свой испуг. Да и вообще, с неприятностями лучше разбираться сразу. Я остро пожалел об оставленном в хижине оружии. Впрочем, сожаление было вполне беспредметным — я не таскал с собой пистолет с первых же дней, с тех пор, как убедился, что на острове нет крупных животных и что меня не ищут в этом районе. Впро-

чем, нельзя сказать, чтобы я был совсем уж безоружен... хотя пользоваться этой возможностью мне не хотелось.

— Бадди, скройся пока, — скомандовал я, — но будь наготове.

Едва пес исполнил мое распоряжение, как раздался резкий звук расстегиваемой «молнии», и из темного зева, разверзшегося в верхней части плота, высунулась слегка встрепанная разноцветная женская голова. Левая половина волос была черной, правая — платиново-белой, и еще какой-то рыжий хвост выбивался сзади.

— Хай, — сказала она, ничуть не удивившись. — Со хуа чжунгохуа?

— Чего? — тупо переспросил я. Мой голос прозвучал неожиданно хрипло. Даже если натуральный цвет ее волос был черным, азиатских черт в ее внешности не просматривалось. Да и в моей как будто тоже.

— Английский, — констатировала она, — это куда лучше. Честно говоря, у нас никто так толком и не выучил китайский. Вы не хотите помочь мне пристать к берегу?

Я этого совсем не хотел, но что было делать. Пришлось, зайдя в воду, ухватиться за буксировочные петли плота и вытащить его на полосу прибоя. Плот был легкий — видимо, эта особа была там одна. Уже лучше.

Она выбралась из расстегнутой входной щели и спрыгнула на вылизанный пеной мокрый песок, глубоко уйдя в него толстыми подошвами высоких шнурованных ботинок. В моем представлении такая обувь больше подходила колониальному солдату, чем женщине, — впрочем, я, как уже говорил, консерватор. В левый ботинок была заправлена белая штанина, правая же нога оказалась голой почти до самого паха, с чем-то вроде браслета над коленом. В глубокие карманы странных штанов было что-то напихано. Ногти на левой руке были длинные и выкрашенные каждый в свой цвет, на правой — коротко подстриженные и без лака. Проклепанный в два ряда грубый кожаный ремень — во времена моей юности, когда еще были мотоциклы, такие носили байкеры — замыкала кокетливая застежка сердечком. Выше была свободная голубая рубашка без рукавов, ничем особым не примеча-

тельная, кроме того, что сверху, примерно до середины, застежка шла на женскую сторону, а снизу — на мужскую. Вокруг левого предплечья извивалась вытатуированная змея, а выше красовалась эмблема «Чикагских быков»; на правом плече цвела красная роза. Переведя взгляд еще выше, я не очень удивился, увидев на ее шее сразу три ожерелья — тонкую нитку бисера, бусы из деревянных кружляшей и железную цепь, на которой висел какой-то рогатый талисман. В левом ухе обнаружилась маленькая золотая сережка, на правом — большая красная клипса. М-да. Хотя, конечно, я никогда не понимал женской моды.

— Это материк или остров? — деловито осведомилась она.

— Остров, — вынужден был разочаровать ее я.

— А чей он?

— Мой.

Она улыбнулась, давая понять, что оценила шутку.

— Я имею в виду — кому он принадлежит?

Ну, формально он, конечно, кому-то принадлежал. Не то Британии, не то Португалии... Но, когда я здесь обосновался, и у Британии, и у Португалии были куда более насущные проблемы, чем защита клочка земли, затерянного посреди Тихого океана. Я пожал плечами.

— Ну, какая-то администрация здесь есть? — допытывалась она. — Или, может, станция? База?

Я покачал головой.

— Что, вообще никого, кроме вас?

Я кивнул. Чем больше она тараторила, тем меньше мне хотелось с ней разговаривать. Пока что я обошелся тремя словами, включая «чего?», и лучше бы этим и ограничиться.

— А радиопередатчик у вас есть?

Радиопередатчик был первой вещью, которую я сломал. Я сделал это еще в воздухе. Это было, кстати, не очень просто, поскольку нужно было вывести из строя лишь передающий контур, не повредив приемник. Приемник был нужен мне еще несколько дней, чтобы следить за ходом поисковой операции. Как я и предполагал, она оказалась очень короткой. Слишком уж дорого она обходилась.

— Это ничего, — заверила разноцветная, не дождавшись ответа (на сей раз я не удостоил ее даже жестом), — на плоту есть радиомаяк. Через несколько дней, наверное, спасатели будут здесь. Ну, то есть это зависит от ветра, конечно...

Последняя фраза меня ничуть не удивила. Даже если у них все еще есть электричество и радио, океаны они, как видно, снова бороздят под парусами.

— Видите ли, на нашем корабле открылась течь, — продолжала она. — Экипаж, конечно, сказал, что это не опасно для жизни, но вы же знаете эту публику, им главное — честь мундира и престиж компании, а что там будет с пассажирами, их не колышет, через десять лет попробуйте докажите, что рак у вас от того давнего плавания...

— Рак? От плавания? — Ее трескотня все же вынудила меня превысить лимит слов. Не хватало еще оказаться на одном острове с сумасшедшей. — На паруснике?

— Нет, на атомоходе, — без удивления пояснила она. — Я же говорю, у нас случилась утечка радиации, вот мы и решили, что безопаснее будет взять плоты и отплыть от корабля подальше, пока не придет спасательный бриг. А ночью так случилось... плоты отнесло друг от друга и... вот. А вы как здесь оказались? Тоже потерпели аварию?

— Да, — не стал вдаваться в подробности я. Во всяком случае, в официальных отчетах, очевидно, значилось именно так.

— Давно?

Я снова пожал плечами. Часы с календарем были второй вещью, которую я с большим удовольствием разбил.

— Лет восемь назад, наверное, — предположил я наобум. На самом-то деле, конечно, больше.

— Восемь лет?! — Ее глаза округлились. — Видите, как здорово, что мы встретились! Теперь вас тоже заберут отсюда!

— Мне здесь нравится, — холодно осадил ее я, надеясь закрыть тему. Разумеется, эффект был противоположным: она воззрилась на меня с неподдельным интересом. Мне этот взгляд очень не понравился, ибо поначалу я подумал, что она разглядывает мои штаны — в конце

концов, больше на мне рассматривать было нечего. Знающий человек (коим она, конечно, не выглядела, но кто может гарантировать...) еще вполне мог распознать в этих штанах остатки летного комбинезона военного образца. Но затем я понял, что ее интересуют вовсе не штаны. Она оценивающе оглядывала мое тело, и вот это мне понравилось еще меньше. Я сбежал за пять тысяч миль от людей вовсе не для того, чтобы сталкиваться с сексуальными домогательствами.

— Ладно, давайте знакомиться, — сказала она. — Анна Беатриса Инна Каталина Луиза Мишель Робин Френсис Юджин Ядвига.

Испанка, подумал я. Или, во всяком случае, из какой-то испаноязычной страны. Кажется, это там в ходу такие длинные имена, в особенности у аристократов. Хотя какие, конечно, сейчас аристократы... А может быть, сейчас-то как раз самое их возрождение. Несмотря на сохранившиеся атомоходы. Спасательный бриг, как я понял, все же парусник.

А по-английски говорит чисто, отметил я. И даже болеет за «Чикагских быков». Хотя... в этой ее манере тараторить точно было что-то латинское.

— А вы? — поторопила она меня.

— Тим, — просто сказал я. На фоне такой шикарной россыпи имен мое звучало бледно, но что поделать — мои родители уж точно не были испанскими грандами.

— Это-то ясно, — усмехнулась она. — А подробнее?

— Просто Тим, — пожал плечами я. Мою фамилию ей знать совершенно не обязательно. Если все еще существуют «Чикагские быки», то, вероятно, существуют и Соединенные Штаты. А по американским законам дезертирство не имеет срока давности.

Да и свою фамилию она тоже не назвала, если я, конечно, ничего не пропустил в этой скороговорке.

— Ладно, не хотите — не говорите, — милостиво разрешила она. — Но раз вы тут так долго живете, наверное, у вас есть дом? Почему бы нам не пойти туда? Честно говоря, после пяти дней дрейфа в этом резиновом пузыре я

уже не могу смотреть на море. Да и интересно, как вы тут живете.

Показывать ей хижину мне тем более не хотелось, но, в конце концов, вариантов у меня было только два: убить ее или обходиться с ней настолько вежливо, чтобы, когда приплывут эти ее чертовы спасатели, она встретила их на берегу и ни словом не заикнулась обо мне. Первое было проще, но, будучи убийцей по образованию и прошлой своей профессии, я все же не одобряю умерщвлений без крайней необходимости.

Пока мы шагали через лес, она крутила головой по сторонам, ахала и восхищалась красотами. Я уделял ее болтовне не больше внимания, чем трескотне попугаев. Один раз, правда — еще когда мы только вступили под полог пальм, — она поинтересовалась, есть ли здесь крупные хищники, причем в ее голосе звучал не страх изнеженной городской девицы, впервые попавшей в джунгли, а скорее деловитый интерес опытного охотника. Мне даже показалось, что мой отрицательный ответ ее разочаровал. Но тут же она вновь принялась щебетать о цветочках лиан и крылышках бабочек.

Снаружи хижина выглядела так, как эта особа, очевидно, и ожидала — стены из толстого тростника, переплетенного лианами, окна без стекол, вход, завешенный самодельной циновкой; солнечных же батарей на крыше с земли не видно, так что особого удивления она не выказала и лишь восхитилась, как, должно быть, здорово жить в таком романтическом месте. После чего бесцеремонно шагнула внутрь, даже не подумав пропустить хозяина вперед.

Здесь ее ожидали некоторые сюрпризы. Во-первых, кресло. Оно не было плетеным или срубленным из пальмового дерева; это было катапультное кресло истребителя-бомбардировщика. Стол, правда, мне пришлось изготовить своими силами, но его скатерть (я уже говорил — я консерватор) была выкроена из красно-белого парашютного шелка (как, кстати, и моя простыня). Ну и наконец, вделанная в стену приборная панель (точнее, резервная секция таковой, со стрелочными индикаторами, в основном не потребляющими электричества).

— Барометрический высотомер, — произнесла она, остановившись у стены и глядя на круглый циферблат. — Как интересно. Он работает?

— Я использую его в качестве барометра, — смущенно пояснил я, совершенно сбитый с толку глубиной ее познаний. — Видите, высота ниже нуля — давление повышено, так что будет ясно и тепло...

— Вижу. — Она обернулась ко мне. — Значит, это был не корабль, а самолет. И вы его пилотировали. Это же не пассажирское кресло.

— Ну, в общем, да. А какое это, собственно, имеет значение?

— А радиооборудование, значит, разбилось.

— Да, я ведь уже сказал вам... — Я поймал себя на мысли, что теперь уже я начинаю тараторить, а она говорит короткими рублеными фразами. Ч-черт... — А откуда вообще вы все это знаете? Про самолеты...

— Был кое-какой опыт, — усмехнулась она.

Опыт? У нее? Невозможно! Ей максимум двадцать пять, когда последние самолеты поднялись в воздух, она еще в куклы играла... Может, отец был летчиком и рассказывал дочке про приборы? Или это компьютерные симуляторы? Хотя вряд ли при глобальном дефиците энергии они могут позволить себе тратить электричество на игрушки...

— У вас там все еще есть авиация? — спросил я.

— В основном дирижабли с двигателями на спирту, — качнула головой она. — Аэропланы тоже есть, но мало, и мощность у них не ахти. И еще беспилотные ракеты на твердом топливе, ну это, понятно, у военных... Погодите, так это был вэаправдавший риактивный самалет? — до нее наконец дошло. И, видимо, так ее впечатлило, что интонация вновь изменилась; куда-то пропала даже правильная речь. — Бинзиनावый?

— Керосиновый, — вынужден был признать я. — Один из последних.

— Так эта... эта же... вы тут не восемь лет, а все пятнадцать! Ат-па-ад! — заключила она. — Когда вы вернетесь...

— Я не собираюсь возвращаться в Штаты, — жестко

произнес я, следя за каждым ее движением. После всех этих перепадов я бы не удивился, если бы она извлекла из кармана жетон и наручники.

— Так вы из Мексики?

Мексики? При чем тут... Ах да. Я и забыл, что официальное название нашего южного соседа — *Estados Unidos Mexicanos*. В мире, из которого я бежал, лишь одна страна имела право зваться Соединенными Штатами...

— Нет, я про Соединенные Штаты Америки.

— А, это, — она скорчила пренебрежительную гримаску, — они же давно распались. Впрочем, конечно, вы же не знаете...

Я почувствовал немалое облегчение, но тут же подозрительно спросил:

— А сами вы откуда?

— Чикагско-Монреальская Конфедерация, — ответила она без запинки и поколупала пальчиком приборную панель. — Ведь это не была авария, так? Все эти приборы не пострадали, посадка была мягкой. Вы прилетели сюда специально. Угнали самолет и...

— Ну, не совсем угнал, но... В общем, да. — Я решил, что запираяться дальше бессмысленно. — Вы-то были ребенком и, может, уже не помните, что тогда творилось. Когда выяснилось, что мировые оценки запасов нефти были завышены, а физики так и не успели довести термомод до промышленной применимости... Большинство людей, правда, по тупости своей верили, что и на этот раз как-нибудь обойдется. Но я-то знал, что к чему, я читал прогнозы экспертов еще до того, как их начали секретить. Даже массовое строительство электростанций, которое тогда начали многие страны, не спасло бы. Во-первых, не успели бы, такие стройки тянутся годами, а нефти оставалось на считанные месяцы. А во-вторых, все равно их суммарная мощность была в несколько раз меньше той, что потребляли одни лишь автомобили. А ведь нефть — это не только топливо. Это многие материалы, без которых была немыслима повседневная жизнь, это асфальт для дорог... Вся наша цивилизация держалась на нефти. Расчеты показывали, что при возврате к углю и пару эф-

фективность сельского хозяйства упадет в 10 раз. Значит, несколько процентов фермеров уже не смогут кормить всех остальных, и 90% человечества просто вымрет от голода. Фактически даже больше — ведь даже при нефти целые народы жили впроголодь, планета задыхалась под бременем десяти миллиардов, которые все продолжали плодиться... И, конечно, эти миллиарды не стали бы умирать молча. Должна была начаться великая война за выживание, война всех против всех, зубами и когтями, не оставляющая камня на камне... — Тут я вспомнил, что передо мной стоит живое опровержение этих слов, и добавил: — То, что вам удалось сохранить цивилизацию с радио, атомоходами и ракетами, — настоящее чудо! Я только не пойму как. Какая-то революция в пищевой промышленности?

— Пятнадцать лет... — Она, казалось, меня не слушала. — Выходит, вы оказались здесь до того, как началось все это... То есть вы живете один? Совсем один? — Она словно бы не верила своему счастью.

— Да, я же сказал вам.

— Вы сказали, что здесь ваша команда.

— Нет, — понял я, — Тим — это меня так зовут¹. Тимоти Хьюберт.

Она снова окинула меня изучающим взглядом с головы до ног, на сей раз более внимательным. Вот сейчас она заявит, что тоже сыта по горло своим миром, и предложит поселиться вместе «в этой романтической хижине». Только этого не хватало.

— Все началось с экспедиции на Марс, — сказала она вместо этого. — Еще до нефтяного кризиса, точнее, на ранних его этапах. Тогда в мире были две державы, в принципе способные на такое, — США и Китай. США были богаче и имели более развитые космические технологии, но китайцам очень хотелось их обогнать. Американцы рассчитали, что для полноценной экспедиции — такой, которая сумела бы справиться с нештатными ситуациями и вообще вести полноценную исследователь-

¹ Team — команда (англ.).

скую работу на Марсе, а не просто воткнуть палку с флагом, — нужно не менее пяти человек. И неспешно готовили соответствующий проект. Китайцам хватало сил и средств, чтобы послать лишь одного. При этом шансы, что он долетит хотя бы в один конец живой и не свихнувшийся, оценивались как один к пяти, что не могло устроить даже китайцев... И они стали думать, как сделать, чтобы один смог заменить пятерых. Информация в мозгу хранится с большой избыточностью, вы знаете, Тим? Кроме того, есть алгоритмы сжатия с потерями. Как в компьютере, где можно сжать картинку или музыку на порядок, и ухудшение качества будет практически незаметным. В общем, они хотели запихать в мозг одного тайконавта опыт и знания пятерых — и им это удалось. Им удалось даже гораздо большее: они научились переносить из мозга в мозг личность целиком! И обеспечивать даже не пятикратное, а десятикратное сжатие почти без потерь. Терялась информация, которую человек и так не помнит... Говорят, правда, что в США тоже велись такие работы, но китайцы успели первыми. Тоталитарные режимы дают огромную фору науке там, где нужны опыты на людях... Полет на Марс, правда, так и не состоялся. Разразилась нефтяная катастрофа, и всем стало не до этого. Эффективность сельского хозяйства действительно упала в десять раз. Но теперь вы понимаете, как нам удалось вдесятеро сократить число едоков?

Я смотрел на нее с ужасом.

— Технической цивилизации, даже оставшейся без нефти, ведь не нужно много рук, — продолжала пояснять моя гостя. — Физическую работу делают в основном машины, пусть им приходится работать на угле, спирте и солнечной энергии. По-настоящему важны лишь знания и умения. КПД нашей техники упал, зато возрос наш собственный. Десять сознаний в одном черепе куда эффективней, чем одно, — а кормить приходится только одно тело. Освободившиеся тела, кстати, утилизovali в химической промышленности, что позволило смягчить эффект катастрофы. Как-никак, нефть получилась из останков доисторических животных.

— Стало быть, Анна Беатриса и как там дальше...

— Десять разных личностей. Сейчас с вами говорит Юджин. Я старше этого тела более чем вдвое — естественно, для вселения выбирали самое молодое и здоровое.

— Вы хотели сказать — Юджиния? Ведь Юджин — мужское имя?

— Поначалу мужчин селили с мужчинами, женщин с женщинами, — сказала существо уже другим тоном, и я понял, что в разговор вступила очередная личность. — По расе подбирали и все такое. А потом оказалось, что от этого конфликтов не меньше, а больше. На той же половой почве. Уж если одному мужчине или женщине не просто найти себе хорошую пару, то каково десятерым искать десятерых — так, чтобы все всех устроили? Ну и с расами и всем прочим... получается противопоставление, мы похожи — и мы едины, а все прочие как бы враги... Так что теперь селят всех вместе. Мужчин с женщинами, черных с белыми, старых с молодыми... бывает непросто, конечно, но это учит нас терпимости. Даже помогает предотвращать преступления: отвечать-то в случае чего всем десятерым.

— И сколько же среди вас мужчин?

— Половина. Инна, Мишель, Робин, Фрэнсис и Юджин.

— «Инна» вроде бы звучит по-женски? — У меня уже голова шла кругом.

— Все так думают. А это древнееврейское мужское имя! — обиженно ответил Инна.

— Между прочим, — встрял еще кто-то, — так намного проще. Любовники всегда мечтали о полном единении друг с другом, ну вот и. Когда одно тело на двоих...

— У вас оно на десятерых, — оборвал я. И, кажется, попал в больное место. Существо замолчало и посмотрело на меня с тоской. В этом взгляде я прочитал и кое-что еще: злобу и зависть. Зависть к человеку, владеющему уникальным теперь на Земле даром одиночества.

— Между прочим, попутно мы решили проблему перенаселения, — сказал кто-то из них, прерывая гнетущую паузу. — Дети начинаются почти исключительно ис-

кусственным путем, только для восполнения естественной убыли тел.

— Так что же — переселяясь в более молодые тела, вы становитесь бессмертными?!

— Нет, — покачало головой существо, — к тому времени, как мозг созревает для вселения, там уже успевает сформироваться собственная личность, так что подселить к ней можно не более девятиерых. Десятый, самый старший, обречен остаться в прежнем теле и умереть. Так велит закон. Но на деле... очень мало кто подает заявку на новое переселение.

Я мог их понять. Еще и еще раз проходить через многолетний кошмар такой жизни... в конце концов, в аду тоже обещают бессмертие, но от этого он не становится привлекательней.

— Ну и на что похож теперь ваш мир? — спросил я поспешно, не давая повиснуть новой паузе. — Если не касаться личных отношений?

— Да, в общем-то, на то, что и было, — пожало плечами существо. — Разве что управляют всем китайцы.

— Они выиграли войну?

— Не было войны. Просто они теперь самые крутые, как раньше американцы. США не пережили нефтяную катастрофу. Янки думали, что, пока у них много зеленых бумажек, у них будет и все остальное, и не о чем беспокоиться. А потом выяснилось, что зеленые бумажки нельзя есть и нельзя заправлять в баки... А у китайцев всегда было мало бумажек и мало нефти, так что они готовились заранее. Они первые открыли переселение с уплотнением и первые его внедрили. Тут им, конечно, опять помог их диктаторский режим. Пока Запад валадался с остатками демократии, пытаясь поощрять добровольное уплотнение... да еще церковь ерепенилась... Впрочем, остатки быстро сошли на нет. Их и без того в разгар нефтяного кризиса было уже немного.

Это я помнил.

— Значит, теперь с добровольностью покончено? — спросил я вслух.

— Конечно. Цивилизация не может позволить себе

★ такую роскошь, как целые тела, занимаемые лишь одной личностью. Эти законы уже действуют во всех странах; кое-где, правда, допускается купить такое право за деньги, но это десятки миллионов юаней... Чикагско-монреальский закон еще довольно либерален. Сейчас, когда пик кризиса миновал, разрешается ограничиваться лишь пятью жильцами... если, конечно, удастся отыскать свободное тело.

Тут-то до меня наконец дошел смысл ее... их оценивающего взгляда.

— Нет! — я невольно попятился.

Ее рука — думаю, ею в этот момент управлял кто-то из мужчин — молниеносно метнулась в карман, и в следующий миг на меня уже смотрел маленький пистолет.

— Извините, Тим, но это закон. Не волнуйтесь, на вашу личность никто не посягает. Просто к вам подседают четверых из нас. Мы имеем приоритет, как нашедшие тело... сколько ему, кстати, — около сорока? А как превосходно сохранилось — вот что значит здоровый образ жизни на лоне природы...

— Вашей цивилизации нет до меня дела! Я сам обеспечиваю свое пропитание!

— Закон один для всех, Тим.

Конечно же, плевать им было на закон. И даже на то, что мое тело почти вдвое старше, чем их. Перед ними замаячила возможность вздохнуть в два раза свободнее, поселиться не вдесятером, а всего лишь впятером — и они этот шанс не упустят!

— Уберите пушку, — сказал я. — Если вы меня застрелите — останетесь ни с чем.

— При дефиците тел убивающее оружие не применяется, — улыбнулось существо. — Это парализатор.

— Ладно, — тяжело вздохнул я, подумав, — раз нам еще долго жить вместе, не будем ссориться. Давайте сразу решим, кто из вас переселится ко мне. У меня нет особых предпочтений, я могу ужиться практически с кем угодно, — соврал я. — Так что договоритесь между собой.

— Ты славный парень, Тим, — кивнуло существо, не опуская, однако, пистолета, — хорошо, что ты принял ра-

зумное решение. Думаю, мы отлично поладим... — Оно хотело сказать что-то еще, но словно бы поперхнулось. Его левый глаз задергался, лицо побледнело, затем покраснело, на шее и виске вздулись жилы. Сработало! Они ссорились там, внутри! Жить впятером, а не шестером — какой жалкий приз, но они сражались за него!

Рука с пистолетом дрогнула и ушла в сторону, взгляд расфокусировался — они явно уже не контролировали, что происходит вокруг. В последний миг они все же заметили смерть в моих глазах, но было поздно.

— Фас! — скомандовал я Бадди.

Когда все было кончено, я оттащил труп на берег, погрузил в свою лодку, прицепил спасательный плот на буксир и сел на весла. На выходе из бухты гранитное основание острова резко уходит вниз, глубина там сразу больше мили. Там я и утопил тело, а плот с радиомаяком отправил плыть дальше. Лишенный своего груза, он резво заскользил по волнам, подгоняемый ветром. Когда спасатели найдут его, он будет уже в сотнях миль отсюда.

Мысль, что я, пусть и не совсем сам, только что убил десять человек, не слишком меня тревожила. В конце концов, как я уже говорил, любой военный пилот — серийный убийца. И, кроме того, мне уже приходилось убивать. Причем те двое не были ни в чем виноваты — их подставили так же, как и меня. Но у меня не было другого выхода.

Я ведь на самом деле знал про уплотнение. Узнал одним из первых в США. На момент моего бегства это был секретный военный проект. Правда, тогда американские технологии позволяли упихать в один мозг лишь троих. Но это я узнал позже; когда я записывался добровольцем, я еще не представлял, в чем суть эксперимента. Я лишь знал, что он позволит мне попасть на авианосец «Джордж Буш Младший», получить место пилота дальнего истребителя-бомбардировщика и добраться до острова. Это был последний шанс, другие самолеты тогда уже не летали. Когда же мне сказали, в чем дело... что экипаж из трех человек должен заменить один... отказываться было поздно. За отказ мне влепили бы двадцать лет тюрьмы.

Но, к счастью, зеленые бумажки тогда еще кое-что значили. Я отдал все, что у меня было, чтобы подкупить техника, и он изменил настройки аппаратуры. Вселение не состоялось, те два парня просто умерли. Но я, конечно, сделал вид, что все прошло успешно и нас уже трое. Я успел достаточно хорошо познакомиться с ними, чтобы сыграть убедительно. Сложнее было потом, в воздухе, когда пришлось всерьез работать за троих. Но я справился. Я имитировал потерю связи и катастрофу, а сам увел самолет на бреющем — так его не видели радары — за тысячу миль от предполагаемого места падения. Он умел взлетать и садиться вертикально, так что я сел на остров без проблем. Потом, когда я снял с самолета все, что могло пригодиться, мне все же пришлось утопить его за бухтой: я боялся, что его сумеют обнаружить со спутников.

Кстати, была еще одна причина, почему я все это сделал. Я надеялся, что после катастрофы эксперимент будет признан неудачным и дальнейшие работы по проекту «Уплотнение» прекратят. Увы. Люди в очередной раз меня разочаровали.

...Под днищем лодки зашуршал песок, и я выбрался на берег. Купаться расхотелось. С непривычки челюсти все еще ныли, и я не мог отделаться от мерзкого соленожелезистого привкуса во рту.

Многие, наверное, назвали бы меня сумасшедшим. Но когда власти, в преддверии продовольственного кризиса, издали запрет на содержание любых домашних животных «несельскохозяйственного назначения», что мне было делать с Бадди, любимцем и талисманом нашей эскадрильи? Где я мог спрятать своего друга — кроме как в собственной голове?..

ПОЛЗУЩИЙ МЕДЛЕННО

Планета ничуть не напоминала Землю, поэтому никто не ожидал, что здесь можно обнаружить что-либо подобное. Безжизненный серый ландшафт, горы, словно слепленные из цемента, ветер, несущий сферические частицы алюминиевой пыли, реки из застывшего свинца, который когда-то извергался из раскаленных недр. Озера расплавленного олова, дымящиеся, розово светящиеся озера, подернутые тонкой пленкой, как пенкой на горячем молоке, атмосфера из ртутных паров. Разумеется, здесь не было никакой жизни. Ни намека на жизнь: ни бактерий, ни вирусов, никакой органики. Здесь и не искали жизнь, здесь искали всего лишь золото. И вдруг — нашли такое.

В последний день перед отлетом один из техников обнаружил нож. Большой нож, тяжелый, на сто процентов стальной, весь отлитый из металла, включая рукоятку, и лишь слегка тронутый ржавчиной — что не странно, если учесть, что уровень кислорода в атмосфере — примерно восемьсот молекул на кубометр. Нож лежал чуть в стороне от хорошо протоптанной тропинки, буквально в трех шагах от нее. Два с половиной месяца люди проходили здесь, но ничего не видели. И вдруг появился нож. Около него была неглубокая канавка — словно кто-то тащил нож по песку, если только эту полуметаллическую субстанцию можно назвать песком. Конечно же, вначале предположили розыгрыш. Вначале просто никто не верил, что можно найти нож на пустой мертвой планете.

Нож весил два килограмма и семь с мелочью граммов, что, конечно, слишком много для нормального ножа. Кроме того, ножи не изготавливают со стальными ручками, да еще с такими широкими и неудобными. Наверня-

ка ручка предназначалась не для человеческих пальцев. На ней виднелись письма, довольно разборчивые. Знаки скорее напоминали буквы, чем иероглифы.

Надпись, состоящую из сорока девяти знаков, сосканировали и ввели в центральный компьютер корабля, который обычно щелкал как семечки сложнейшие шифры. Увы, расшифровать ее не удалось. Машина объявила, что столкнулась с логикой и системой образов, аналогов которым на Земле не существует, а потому нож просто не мог быть изготовлен человеком. Это означало открытие. Пусть небольшое, но открытие.

Нельзя сказать, что подобная штука была найдена впервые. Шестнадцать лет назад экспедиция к системе Центавра обнаружила на одной из ледяных гигантских планет нечто напоминающее металлический пояс с двумя застежками. На поясе имелось шесть знаков, причем все разные. Шесть знаков — это слишком мало для расшифровки. В свое время газеты здорово шумели о той находке, появилось даже несколько фильмов о нашествии инопланетян, носивших стальные ритуальные пояса, но вскоре пояс был забыт и помещен в музей, где им мало кто интересовался.

Тот пояс оказался на редкость неинформативным. Просто кусок металла необычной формы, предположительно изготовленный иной цивилизацией. Вероятность последнего была примерно восемьсот к одному. Никакой внутренней структуры, никаких особенных функций, никакой скрытой загадки. А вот теперь — нож, найденный в совершенно другом секторе космоса, в сорока световых годах от системы Центавра. Нож — это все-таки кое-что. Нож означает, что существа, изготовившие его, умели резать или рубить, имели нужду в изготовлении ножей, а возможно, пользовались ими как оружием. Означает, что они были в какой-то степени похожи на нас. Компьютер рассчитал модель руки существа, которое когда-то держало рукоять этого ножа. К сожалению, анализ лезвия не позволил сказать, что именно резали этим предметом и резали ли им вообще.

Ползущий Медленно умел передвигаться со скоростью трех сантиметров в час в переводе на земные мерки. Это была его нормальная скорость, но при желании он мог бы и чуть-чуть прибавить. Как правило, в этом не было нужды. Обычно Ползущий Медленно не двигался вообще или неторопливо поворачивался, подставляя теплу светила ту грань, которая сильнее замерзла. Иногда его подхватывал камнепад или очередной разлив свинцовой реки. Когда все успокаивалось, Ползущий Медленно вновь выползал на поверхность, расталкивая валуны или разрезая мягкий тяжелый металл, умеющий долго хранить тепло. Он не спешил. Время для него не существовало: Ползущие Медленно живут вечность.

Впрочем, в этот раз ему пришлось поспешить. Он увидел, как в долине опускается металлическое полушарие космического корабля, опускается, опираясь на огненный сжимающийся столб, как на светящийся стебель колоссального цветка. Затем, с небольшим опозданием, он услышал грохот отдаленных взрывов. Вибрация грунта пришла значительно раньше. С ближайшего холма сорвался камнепад и едва не увлек Ползущего Медленно за собой. Камни скатились в долину, упали в озеро расплавленного металла и медленно поплыли в нем, подтаивая и переворачиваясь с боку на бок. Расстояние до корабля было маленьким, и Ползущий Медленно смог бы преодолеть его всего за семьдесят с небольшим лет непрерывного движения, но инстинкт подсказывал ему, что корабли пришельцев обычно не ждут так долго. Металлический корабль отлично смотрелся на металлической планете, он почти не отличался от ее мутно-блестящих холмов.

Ползущий Медленно всегда располагался неподалеку от месторождения какого-либо вещества, достаточно редкого на планете. Чаще всего он пользовался месторождениями золота или урана, так как известно, что любые пришельцы охотнее всего ищут то, что встречается редко. В том случае, если на планете не было месторождения редкого вещества, Ползущий Медленно специально его создавал, затрачивая на это несколько тысячелетий, собирая вместе атом за атомом. Так было и на этот раз.

Его нора располагалась в пятнадцати метрах от отличного скопления золота. Желтый металл выходил прямо на поверхность. Он был уверен, что пришельцы заметят его дар и воспользуются им, так же как пчела пользуется сладким нектаром цветка, специально накопленным, чтобы ее привлечь.

Как только пришельцы обнаружили золото, он начал ползти. Он полз только ночью и отдыхал днем. Он не хотел, чтобы пришельцы заметили его передвижение. Пришельцы обычно относятся с большой осторожностью к чужим жизненным формам. Убить его они не могли, но могли помешать процессу размножения — и тогда еще несколько миллионов лет оказались бы потеряны напрасно. Он отлично рассчитал время и появился у тропы именно тогда, когда было нужно. Неуклюжее, но очень быстрое двуногое существо подняло его и отнесло на корабль. Ползущий Медленно снова удивился той опрометчивости, с которой пришельцы принимают решения. За последние десять миллионов лет он не видел ни одного пришельца и успел основательно отвыкнуть от них.

На корабле над ним произвели обыкновенные процедуры, смысла которых Ползущий Медленно не понимал. Он знал, что так бывает всегда, что быстрые существа, летающие на быстрых кораблях, своими странными методами (всякий раз разными) пытаются разгадать его тайну, а также знал, что очень скоро все это закончится и его оставят в покое. Их терпение иссякнет так же быстро, как их любознательность и энергия. Тогда он займется своим делом, единственным делом своей жизни.

На корабле не было настоящей, хорошо оборудованной лаборатории для изучения подобных предметов, но всяческой аппаратуры имелось предостаточно. С ножа взяли микроскопический соскоб и провели точнейший молекулярный анализ. Вещество очень напоминало одну из земных марок стали, с относительно высоким содержанием никеля. Ничего особенного, совсем ничего, так казалось поначалу. Лезвие достаточно острое, такое же, как и у земных ножей.

На седьмой день полета инженер пришел к капитану и сказал, что собирается сообщить кое-что необычное.

— Я об этом ноже, — сказал он. — То есть о том веществе, из которого он сделан. Это не сталь. Сталь была лишь на поверхности.

— Вы же сами утверждали, что это обычная сталь, — сказал капитан. — Вы слишком быстро меняете свое мнение.

— Я продолжал исследования и попробовал испарить несколько глубоких молекулярных слоев с помощью криптонового лазера. Это стандартная процедура, но...

— И что же?

— Я неверно настроил лазер, но понял это слишком поздно.

— Вы повредили образец?!

— Нет! В том-то и дело, что нет. Но я должен был его повредить. Луч криптонового лазера прожигает толстые стальные плиты за доли секунды, а на поверхности ножа он не оставил ни царапины.

— Вы же сами сказали, что лазер был неправильно настроен.

— Я попробовал несколько раз, и с тем же результатом. В нашем распоряжении нет такого средства, которое могло бы повредить этот нож или хотя бы поцарапать его. К нам в руки попал материал бесконечной прочности.

— Это отлично, — сказал капитан. — Значит, мы заполучили суперматериал. Это будет технологическим прорывом. Он сможет выдержать взрыв кварковой бомбы?

— Я думаю, что сможет. Но я бы не стал везти это на Землю, — сказал инженер.

— Странная мысль, — удивился капитан.

— Ничуть. Этот предмет может оказаться чем угодно. Уже сейчас понятно, что это не нож, это лишь имитация ножа, изготовленная специально для того, чтобы привлечь наше внимание. Когда эта вещь окажется на нашей планете, мы не знаем, как она поведет себя. Мы не сможем ее уничтожить, если вдруг понадобится. Она выше наших технологий.

— Забудьте об этом, — сказал капитан.

— И все-таки.

— Приказываю здесь я. Мы привезем этот нож на Землю.

После четырех месяцев полета находка оказалась на Земле. Но уже тогда было понятно, что ничего по-настоящему интересного из этого ножа не вытащишь. Удалось лишь узнать, что его атомы связаны между собой с помощью ядерного взаимодействия. Для того чтобы изготовить такой предмет на Земле, понадобилась бы температура в десять с сорока нулями градусов.

После двух лет исследований, которые ничего не дали, кроме уймы необоснованных предположений, нож поместили в музей — в тот же самый, где уже восемнадцать лет хранился космический пояс. Оба предмета, естественно, попали в одну экспозицию. Два стеклянных ящика поначалу стояли всего лишь на расстоянии метра друг от друга. Затем пояс переместили на второй этаж, а нож остался на четвертом.

В этот раз сенсации не получилось. Газеты не уделили находке должного внимания. Может быть, потому, что в те беспокойные годы было немало других важных и интересных тем: мир жил как на вулкане, гонка квантовых вооружений совершала очередной виток, а в секретных лабораториях Европы и Сибири уже создавались первые кварковые бомбы.

Путешествия на кораблях пришельцев были для Ползущего Медленно нормальным этапом жизненного цикла. Обычно пришельцы привозили его на свои планеты, в большие города и через некоторое время оставляли в покое. Те существа, которые находились вокруг него сейчас, были особенно быстрыми, поэтому Ползущий Медленно сразу же, еще на корабле, начал изучать их язык и поведение. Он чувствовал, что прибытие на планету не за горами — нужно подождать всего несколько лет, а то и месяцев.

Язык пришельцев оказался довольно прост. Точнее,

эти существа разговаривали на нескольких простых языках, и на всякий случай он выучил их все. Затем он заснул, не ожидая ничего интересного в ближайшие годы.

Ползущий Медленно проснулся в просторном полутемном помещении. Он лежал на мягкой подушечке внутри небольшого прозрачного ящика. Внизу, у его рукотки, имелась надпись на местном языке. Пришельцев поблизости не было, скорее всего, была ночь, и они спали. Слева и справа имелись такие же ящики с различными предметами, не представляющими для Ползущего Медленно интереса. Ползущий Медленно знал, что помещение называется музеем — именно здесь может находиться то, что ему нужно. Он начал расширять область своего внимания, проникая сквозь стены и этажные перекрытия. На втором этаже он обнаружил то, что искал.

Спящее существо было самцом, поэтому Ползущий Медленно сразу же начал свое превращение в самку. Превращение заняло у него три года. Теперь он был готов к размножению. В одну из ночей он разбил стекло и свалился на пол. До утра он успел проникнуть в щель между плитками вещества, которым был покрыт пол, и дальше продолжал свое путешествие невидимым.

Пришельцы ни о чем не подозревали. Лишь однажды они забеспокоились — когда Ползущий Медленно случайно замкнул проводку и во всем музее стало темно. К счастью, электрикам потребовалось целых два часа, чтобы найти поврежденное место, а за это время он успел слегка отползти в сторону внутри стены. Через несколько месяцев или лет он оказался в точности над нужным ящиком, под пластиковым покрытием потолка второго этажа. Когда наступила ночь, он воспользовался тяготением планеты и упал на стеклянный ящик с самцом. Стекло разбилось, но сигнализация не сработала: ее Ползущий Медленно отключил заранее. Они любили друг друга до утра, а потом Ползущий Медленно ушел. Уставший самец вновь надолго уснул: теперь ему придется спать не меньше нескольких миллионов лет, ожидая, пока следующая самка окажется поблизости от него.

Было раннее прохладное утро. Синицын возвращался домой с полными сумками разного хлама, собранного в ближайших мусорных контейнерах. Весь остаток дня он проведет за чисткой и ремонтом собранных предметов, а также за чтением утренних газет. Утренних — это означало подобранных сегодняшним утром. Большинство газет бывали недельной давности, но порой встречались и пожелтевшие бумажные динозавры эпохи перестройки. В отличие от других представителей своей профессии Синицын практически не пил, разве что чуточку пивка. Он имел рак печени и знал, что не проживет дольше трех месяцев. Это не мешало ему интересоваться новостями.

По пути домой он решил завернуть еще к одному мусорному баку, и это решение изменило его судьбу. У самого бака он увидел некоторый предмет, который сразу привлек его внимание. Среди кучи грязных бумаг валялось нечто, напоминающее нелепый большой нож, выпачканный зеленой краской. Предмет оказался на удивление тяжелым. Синицын вытащил предмет из бумажной кучи, осмотрел и отковырнул грязным отросшим ногтем чешуйку краски. Под краской был блестящий металл.

Он осмотрел предмет со всех сторон, но не нашел ничего типа «Made in China». Это было хорошим знаком. Бросил предмет в сумку и отправился домой.

Дома он высыпал содержимое двух больших сумок на пол. Улов был обычным, не хуже и не лучше, чем всегда. Неожиданными вещами были: помятый, но еще вполне приличный глобус среднего размера да еще большой, запачканный краской нож. Синицын сел на коврик у холодной батареи (стульев в комнате не имелось) и принялся читать газету.

Ползуций Медленно выбрался на поверхность земли. Воздух был теплым. Судя по положению солнца, было примерно четырнадцатое мая по местному календарю. Максимум пятнадцатое. Рядом возвышалась емкость для сбора отходов, и Ползуций Медленно знал, что это место часто посещается людьми. За годы пребывания на планете он основательно изучил местную культуру, благо она

оказалась не слишком сложной — не то что культура утонченнейших астроципусов, с которыми Ползущий Медленно имел удовольствие общаться семь с половиной миллионов лет назад.

Вскоре появился первый человек. Ползущий Медленно заставил заметить себя, а затем поднять и положить в сумку. Психика этого человека была мягкой и податливой, ни малейшего сопротивления Ползущий Медленно не ощутил.

Оказавшись в жилище человека, он осмотрелся. Обстановка была убогой даже по человеческим меркам. В комнате не было ничего, кроме коврика, стола и нескольких картонных коробок, заполненных различным мусором. К счастью, имелось радио, и Ползущий Медленно заставил человека положить себя поблизости от этого технического устройства. На установление связи ушло всего несколько минут — в радиоприемнике имелся динамик, который можно было использовать для имитации человеческой речи.

Все это время человек внимательно читал старую газету. Ползущий Медленно просканировал содержимое этих листков и убедился, что они не несут в себе ни бита полезной информации. Затем он заговорил.

— Встань! — приказал он.

Человек послушно встал. Он не выглядел удивленным или растерянным, и это говорило в его пользу. Существо, мгновенно принимающее идею чуда, обычно оказывается достаточно умным и способным, чтобы этому чуду служить.

— Подойди сюда!

Человек подошел.

— Это ты говоришь со мной? — спросил он без тени удивления и протянул руку к Ползущему Медленно.

— Это ты говоришь со мной? — спросил Синицын и протянул руку к ножу.

Голос доносился из радиоприемника, но это был особенный голос: он ввинчивался в сознание как шуруп. Синицын даже не был уверен, что слышит его ушами; звук, совсем не громкий, отдавался во всем теле.

— Кто ты? — спросил Синицын.
— Я Ползущий Медленно, — ответил нож.
— Что тебе надо?
— Ты ничуть не удивлен, — заметил нож.
— Я скоро умру, — ответил Синицын. — Ты знаешь, что значит умирать? По сравнению с этим уже ничто не имеет значения.

— Подойди еще ближе, — сказал нож. — Я хочу посмотреть, сказал ли ты мне правду.

Синицын взял нож в руки и поднес к лицу. Ему показалось, что нож шевельнулся.

— Так хорошо? — спросил он.

— Ты сказал правду. Ты уже умираешь. Больше месяца тебе не прожить.

— Я не думал, что так мало.

— Но ты мне нужен живым, — продолжил нож. — Я просмотрел твой мозг и убедился, что ты мне подходишь. Ты будешь жить до тех пор, пока будешь служить мне.

— Что от меня требуется?

— Мне нужны космические корабли, — сказал Ползущий Медленно. — Мне нужно много межгалактических кораблей.

— Сколько? — спросил Синицын.

— Чем больше, чем лучше. Не меньше ста тысяч.

— Прости, но у меня всего лишь семьдесят тысяч, — сказал Синицын, — да и те все заняты.

Он снова сел на коврик и принялся читать газету.

Ползущий Медленно отметил самообладание человека и примитивное чувство юмора. Это неплохие качества, они могут принести пользу при правильном подходе, подумал он.

— Ты создашь для меня эти корабли, — сказал Ползущий Медленно. — Ты построишь их.

Человек поднял глаза.

— У меня всего восемь классов школы, — ответил он. — Из восьмого меня выперли за то, что я забрался на стройку и воровал завтраки у рабочих. Моя мать пила, и в доме нечего было есть. У меня плохая наследственность.

Я не вспомню даже таблицы умножения. За последние двадцать лет я не прочел ни одной книги.

— Но ты читаешь газеты.

— Это чтобы не сойти с ума. Но иногда мне кажется, что чем больше я читаю, тем больше схожу с ума. Как я могу создать космические корабли?

— Это несложно, — сказал Ползущий Медленно. — Я могу правильно настроить твой мозг. Я передам тебе свои знания и свою волю. И я дам тебе время — то, чего у тебя уже не осталось. Ты будешь жить. Для этого мне нужен прямой контакт.

— Что значит прямой контакт?

— Прямой контакт с твоим мозгом. Например, через зрительный нерв. Но при этом ты потеряешь один глаз.

— Я не хочу терять глаз.

— Потеря не велика. Месяцем раньше или месяцем позже...

— Я согласен, — сказал человек. — Но ты должен направлять мою руку. Иначе я могу промахнуться.

— Об этом не беспокойся, — сказал Ползущий Медленно. — Я делал это тысячи раз.

Подключившись к мозгу человека, Ползущий Медленно вначале навел порядок. Он стер ненужную информацию, а полезную привел в порядок, расставив все по своим местам. Это отчасти напоминало капитальный ремонт и уборку после него. Ненужной информации оказалось примерно две трети от общего объема. Личностные файлы он всего лишь слегка поправил, убрав склонность к запоям, раздражительность, агрессивность и негативное отношение к действительности. После этого занялся здоровьем. Убил раковые клетки, повысил иммунитет и настроил организм на то, чтобы он не старел в течение ближайших трехсот лет. Такого срока должно было хватить для постройки кораблей. В крайнем случае, через триста лет можно будет добавить еще пару столетий. Но не больше — человеческий организм оказался очень нестабильной структурой.

Исправив все, что мог, Ползущий Медленно прогнал несколько тестов и оказался доволен результатом. После

этого начал писать на мозг человека свои собственные программы. Что-то ему все же не нравилось, но он не мог понять, что именно. Что-то было не так, как всегда. Он прогнал тесты снова и снова не обнаружил ничего опасного или необычного. Ползущий Медленно решил подумать об этом на досуге, лет через пятьдесят или семьдесят, когда процесс уже сам будет идти в нужном направлении. Потом он отключился.

Человек лежал без сознания, его лицо было залито кровью. Уровень местной медицины не позволит создать искусственный глаз, но можно прекрасно прожить и с одним. Ползущий Медленно заставил человека встать и умыться. Кровотечение уже практически прекратилось. Человек промокнул рану ватным тампоном, посмотрел в осколок зеркала и заявил, что хочет есть.

— Я хочу есть, — сказал Синицын.

— Ерунда, — ответил нож, и чувство голода сразу же исчезло. — Как ты себя чувствуешь?

— Так, будто у меня внутри взорвали бомбу..

— Это нормально. Теперь слушай и запоминай. На вашей планете пока нет ни одного межгалактического корабля. Для создания такой машины нужен двигатель, разгоняющий до сверхсветовых скоростей. Сегодня же вечером ты начнешь писать статью, в которой обоснуешь возможность создания такого двигателя. Я сделаю так, что статью опубликуют. Но для начала пойдешь и купишь авторучку и бумагу.

— Зачем тебе космический корабль? Ты хочешь улететь домой?

— Не совсем. У меня нет дома.

— Тогда зачем?

— Мне нужно место, чтобы разместить свои споры. Вначале будут созданы корабли, много кораблей. Чем больше, тем лучше. Потом люди полетят на них к далеким звездам и другим звездным системам. Чем дальше, тем лучше. Но в каждом из кораблей будут мои споры. Когда корабль окажется достаточно далеко, эти споры начнут расти, потребляя металл. Они прогрызут обшив-

ку, потом съедят корабли и тогда станут взрослыми, такими, как я. Миллионы лет после этого они будут лететь в пространстве; некоторые погрузятся в жидкие недра звезд, некоторые вмерзнут в тела комет, некоторые упадут на планеты. Когда-нибудь существа, подобные тебе, ступят на поверхность этих планет и поднимут предмет, который покажется им интересным. Мы всегда принимаем одну из стандартных форм, которые интересуют быстро живущих. Это может быть нож, колесо, куб, крест, монета или что-то еще. Быстроживущие собирают нас в своих музеях, и там наши самцы встречаются с самками. Затем мы заставляем вас строить звездолеты, и все повторяется сначала. Так мы живем и размножаемся. Мой жизненный цикл повторялся уже тысячи раз и будет повторяться до бесконечности. Я бессмертен, уничтожить меня невозможно.

— Так, значит, ты просто космический паразит? — спросил Синицын.

— Я даю вам знания и технологии, а взамен беру совсем немного. Я двигаю ваш прогресс, я ускоряю ваше развитие. Это сотрудничество.

— А люди, которые полетят на этих кораблях?

— Они погибнут. Это плата, которую я возьму с вас. Это всего лишь несколько миллионов человек. Вы убиваете в ваших войнах гораздо больше, и без всякой пользы. Вы убили двести миллионов во Второй Восточной войне и уже затеваете третью. Я возьму на порядок меньше.

— Мне это не нравится, — сказал Синицын.

— Тебе не нравится что-то лишь до тех пор, пока я позволяю тебе иметь собственное мнение, — сказал нож. — Я пока еще не включил систему контроля. Вскоре ты станешь моим преданным рабом, ты будешь ловить каждое мое слово. Ты будешь любить меня, как пес хозяина, и с радостью отдашь за меня свою жизнь.

— Зачем отдавать за тебя жизнь? — спросил Синицын. — Неужели есть что-то, чего ты боишься? Если ты всесилен, то у тебя не может быть врагов.

— Ничего не может убить меня, но если люди будут вести себя неправильно, то исполнение моих желаний

будет отложено еще на несколько столетий. Согласен, это немного, но я не люблю задержки. Поэтому ты уничтожишь каждого, кто будет мне мешать.

— Бессмертия не бывает, — возразил Синицын. — Вселенная бесконечна, а значит, всегда найдется что-то, что сможет тебя убить.

— В этой галактике ничего подобного нет, — возразил нож. — Хотя я слышал о том, что некоторые из подобных мне иногда гибнут. Очень далеко отсюда есть раса существ, Медленно Живущих, которые питаются нами и живут еще более медленно, чем мы.

— Как они выглядят?

— Я не знаю. Никто из нас не выжил, чтобы об этом рассказать.

— Тогда я расскажу тебе о них, — сказал Синицын.

— Вначале сходи за ручкой и бумагой.

— Вначале сходи за ручкой и бумагой, — приказал Ползущий Медленно, но человек не шевельнулся.

Человек не собирался выполнять приказ. Вместо этого он положил ладонь на радиоприемник. Его единственный живой глаз закатился, а нижняя челюсть отвисла. Кожа стала серой и потной. На лбу подергивалась жилка. Понеслись скрежещущие звуки, которые постепенно слились в подобие человеческой речи. Но говорил не человек.

— Я расскажу тебе о них, — говорил голос. — Медленно Живущие охотятся на вас и уже уничтожили всю вашу популяцию во многих соседних галактиках. Теперь они проникли и сюда. Здесь вас еще очень много. Я один из них, и сегодня я тебя убью.

Ползущий Медленно попытался отползти, но незримая сила остановила его.

— Я обнаружил тебя еще тогда, когда ты летел в космическом корабле, — продолжал голос. — Я засек твое излучение. Я последовал за тобой на эту планету. Я все время шел за тобой и едва не настиг тебя в музее. Впрочем, мне повезло, там оставался еще один из вашей породы, и я его убил. После этого я стал искать тебя. Это было нетрудно, потому что я могу фиксировать твое излуче-

ние на расстоянии триллионов километров. Я внедрился в мозг человека и заставил этого человека найти тебя. Это было лишь делом времени. Как только ты появился, он тебя схватил, бросил в сумку и принес в свое жилище. Когда ты сканировал его сознание, я одновременно сканировал твое. Я подключился к тебе. Ты умираешь уже сейчас.

— Зачем вы убиваете нас? — спросил Ползущий Медленно.

— Мы питаемся вами. Разве не понятно? Мы вами живем.

— Но ведь нас так мало!

— Достаточно. Мы живем так медленно, что начинаем чувствовать голод не раньше, чем через двести тысяч лет.

— Но ведь ты недавно поел! — взмолился Ползущий Медленно. — Ты же совсем не голоден сейчас!

— Конечно, не голоден, — ответил голос. — Но ты даже представить не можешь, как вы вкусны.

Синицын очнулся на полу своей комнаты. Болела голова и то место, где раньше был глаз. Синицын осмотрелся и сел. В общем, он чувствовал себя неплохо. Исчезла постоянная боль в животе. Он чувствовал себя отлично отдохнувшим, не просто выспавшимся, а так, словно провел отличный отпуск на море.

Он встал и увидел нож. Коснулся его пальцами, и нож рассыпался в металлическую пыль. Ползущий Медленно уже не существовал. Его сверхпрочное тело превратилось в металлическую труху.

«Все не так уж плохо, — подумал Синицын. — Триста лет жизни плюс те нечеловеческие знания, которыми накачана моя голова, — совсем неплохой стартовый капитал. Что же, мы еще поживем и порадуемся жизни».

Он улыбнулся, открыл дверь и вышел во двор. Все еще улыбаясь, поздоровался с соседкой, а потом направился к ближайшему ларьку, чтобы купить карандаш и бумагу. Идея статьи о сверхсветовом двигателе вертелась в голове и не давала ему покоя.

РОТАПРИНТ

 адень шапку, Олеж. Маме зябко на тебя смотреть», — шутил, бывало, отец за утренним чаем, пока мама с превеликими препирательствами собирала меня в школу. Так вот, смотреть на солдатику, которого я встретил тем непогожим ноябрьским утром, было зябко, мокро и, как следствие, жалко. Маленький, щупленький, от холода спрятавший ладони под мышки, он напоминал замерзшего суслика, который за какой-то надобностью выбрался на свет, но в любой момент готов юркнуть назад в теплую норку, то есть в данном случае в полупрозрачную будку КПП Зенитно-ракетного училища, что на улице Красноказарменной.

Ну и лютые же деды у парня в части, про себя возмущился я. Не деды, а звери. Выгнали молодого бойца на мороз в одной гимнастерке! Небось еще и пошутили вдогонку: «Ты зенитчик или кто? Вот и стрельни для дедушки пару сигарет». И, как назло, — воскресенье, начало дня, на улице ни души. Имеется в виду курящей.

С неба мелко моросило, и однотонно-коричневая гимнастерка на сутулой спине мало-помалу приобретала камуфляжную окраску. Налетевший порыв ветра погнал по лужам мелкую рябь и заставил солдатику поежиться. Глядя на него, я тоже передернул плечами, из солидарности, поправил шарф и упрятал свободную от зонта руку поглубже в карман куртки.

— Не курю, — честно признался я, едва простое лопухое лицо паренька обратилось ко мне — единственному прохожему в эту непешеходную погоду — и буквально перекосилось от отчаянной надежды.

— А? Что? — растерянно заморгал солдатик.

— Не курю, — повторил я и для убедительности слегка развел руками, так и не вынув правую из кармана. При этом в кармане звякнула мелочь, и я подумал, что мог бы помочь пареньку хоть чем-то, хотя вообще-то не одобряю подобную благотворительность. Все равно ведь всю добычу отберут и поделят между собой двадцатилетние старички.

— А... Не курите? — дошло до парня. — Ничего. Я тоже. Вы... скажите, пожалуйста... — Он сделал два шага ко мне и почему-то понизил голос. — Вы... в компьютерах разбираетесь?

Станный вопрос. Даже дважды странный. Во-первых, сам по себе неожиданный, а во-вторых, потому что адресован мне, в двенадцать лет приобщившемуся к волшебному миру железа и софта.

Разбираюсь ли я в компьютерах? Да уж получше, пожалуй, чем этот новобранец в зенитно-ракетных комплексах. С завязанными глазами. За шестнадцать секунд. На восемнадцать частей. Главное, заранее ослабить пару-тройку винтиков на корпусе. Вот как я разбираюсь в компьютерах!

Вслух я, естественно, воздержался от хвастовства, только кивнул из-под зонта, одновременно пожав плечами.

— Само собой.

— Слава богу! — Надежда в глазах цвета зависшей над нами тучи сменилась возбуждением, граничащим с экзальтацией. — Вы не могли бы... Пожалуйста...

От волнения бедный солдатик не смог закончить просьбу, но хватило и взгляда — так смотрит голодный пес на краковскую колбасу, — чтобы я ответил:

— Мог бы, наверное. Если это недолго. У вас комп накрылся? Надеюсь, не стратегического назначения? Ну, нет у него на консоли такой большой красной кнопки?

Будущий зенитчик помотал головой, растянул в улыбке резиновые губы и несколько раз клацнул зубами. Я и сам понимал: какой уж тут стратегический комп — на нашей Красноказарменной. Скорее какая-нибудь доисторическая рухлядь, ровесница вон той то ли зенитной, то ли

ракетной установки, ржавеющей, сколько себя помню, за воротами части. Электронный мастодонт, упакованный в десяток цинковых холодильников на колесиках, с винчестером класса «подставка для самовара» и восьмидюймовым дисководом — если не с перфокартами! С техникой этого типа я тоже, по идее, должен бы справиться. Главное, заранее ослабить пару-тройку... сотен трехдюймовых болтов на задней панели.

— Никаких красных кнопок, — успокоил меня солдат и попытался внести ясность, делая частые паузы, чтобы постучать зубами. — Там... Компьютер у нас... Персональный... Ну, и что-то в нем, значит, того... А нам срочно... Мы, короче, попробовали сами... Всю ночь с ним... Почти получилось, только... Без контролёра этого... твердого диска... там никак... Вот меня и послали, говорят... А так мы уж и сами почти...

— Что почти-то? — спросил я, а губы сами скривились в скептической усмешке. Ну не можем мы, профессионалы, спокойно слушать, как явные дилетанты пытаются говорить о том, в чем не смыслят ни бельмеса. «Контролёр твердого диска», надо же! — «У нея в нутре» копались?

— Да нет там уже никакого нутра, — лопухий вздохнул печально. — Наружу все... А мы это... Сами, значит... Эму... Как это?.. Эму...

— Эму? — Я хмыкнул. Есть, кажется, такая птица в Австралии, но при чем здесь она?

— Да, эму...

Но тут стук зубовой стал совершенно невыносим, и я из соображений сугубо гуманных развернул парня за плечо и подтолкнул в сторону фанерно-стеклянной будки КПП.

— Ладно, на месте разберемся. Веди. Меня, кстати, на территорию-то пустят?

Несмотря на дрожащие губы, рядовой наскреб в сусеках души малую толику сарказма. Он вернул мне мою давешнюю усмешку и в точности воспроизвел слова:

— Само собой!

На территорию режимного, по идее, объекта я про-

ник беспрепятственно. Только скрипнула обиженно вертушка да гулко хлопнула усиленная пружиной дверь КПП. Скучающий часовой не удостоил меня и взглядом. Видимо, получил на этот счет соответствующие инструкции.

Вдоль асфальтовой дорожки выстроились ровными рядами кустики, чахлые и насупленные, как рядовые-первогодки, и так же безжалостно обстриженные под одну гребенку. Редкие островки травы на газоне перед казармами, неестественно зеленые в это время года, производили впечатление недавно окрашенных. Такого же ярко-зеленого цвета каска украшала трехметровую голову солдата на огромном, шириной в торец здания и высотой во все четыре этажа, плакате. Метровые буквы внизу плаката складывались в утверждение: «ВИНТОВКА ЛЮБИТ ЛАСКУ, ЧИСТКУ И СМАЗКУ». О том же, думается, мечтала и допотопная конструкция у входа, которую я про себя всю жизнь называл «то ли зенитной, то ли ракетной установкой», и только сегодня, проходя мимо, определил как «гаубицу калибра 240 мм». Если, конечно, надпись на ржавой погнутой табличке соответствовала действительности.

— Нам сюда... пожалуйста... — Лопухий предупредительно придержал дверь, пропуская меня вперед.

По щербатым, но чисто выскобленным ступеням мы поднялись на третий этаж.

Дневальный, скучающий на тумбочке у входа, встретился при виде незнакомого лица, совершенно пожабьи раздул грудь раза в два, намереваясь рывкнуть что-нибудь вроде «Рота! Смир-р-на!», но вовремя распознал во мне штатского и с тихим шипением сдулся.

— Ну, и где наш больной? — деловито осведомился я. — Здесь? — И, не дожидаясь ответа, толкнул первую попавшуюся дверь, которую, судя по залепленной изолентой трещине на матовом стекле, до меня толкали уже не раз.

— Тут, тут, — подтвердил солдатик. — Только он не больной, а... — Лопухий нечаянно толкнул меня в спи-

ну, когда я замешкался в дверях, и доверительно закончил в самое ухо: — Мертвый.

— Да я уж вижу, — растерянно пробормотал я.

Помещение, в которое я не сразу решился войти, по всей видимости, представляло собой так называемую ленинскую комнату. Окно во всю стену, распахнутое, невзирая на время года и дождь, четыре письменных стола в центре, десяток стульев у стен, большой стеллаж, на двух нижних полках которого теснились однообразные, защитного цвета томики уставов Вооруженных Сил, а верхнюю занимал маленький телевизор, в данный момент выключенный.

Персональный компьютер, который меня пригласили чинить, вернее сказать, его жалкие останки были аккуратно сложены на подоконнике, кучка к кучке: разломанная надвое клавиатура в россыпи выпавших клавиш, разорванный кабель, некогда соединявший монитор с видекартой, сам монитор, в экране которого зияла дыра, формой подозрительно напоминающая ножку стула, которая, кстати, валялась здесь же. Сильнее всего досталось системному блоку, изуродованный корпус которого выглядел так, словно по нему прямой наводкой шарахнули из то ли ракетной, то ли зенитной... в общем, из гаубицы! Одного взгляда на материнскую плату, от которой как будто откусили приличный кусок, хватило мне, чтобы сообразить: реанимации не подлежит.

— Это прапорщика компьютер, — шмыгнув носом, сказал солдатик. — Он нам его на выходные выдал, и компьютер, и принтер, чтобы, значит, распечатать. Грозился, если что случится, расстреляю, говорит, каждого девятого.

— А почему не десятого? — рассеянно спросил я, присаживаясь на корточки возле подоконника.

— А каждому десятому он обещал собственными руками... ну... — Лопоухий снова беспомощно зашмыгал носом.

— Угу. — Я кивнул, как будто его признание что-то объясняло, и уточнил: — Вы его что, роняли?

Шмыг-шмыг.

— Ну да.

— С подоконника? — уверенно констатировал я.

— Ну да. — Шмыг-шмыг. — А там — третий этаж.

Я привстал и выглянул в окно, только теперь обратив внимание, что оно вовсе не распахнуто, как мне сперва показалось, а, напротив, защелкнуто на все шпингалеты и местами даже заделано паклей. Просто в нижней части рамы отсутствовало стекло, осколки которого еще можно было разглядеть на газоне внизу.

— Решили проверить, как невесомость влияет на быстроедействие системной шины? — усмехнулся я.

— А? Что? — Солдатик затрепетал ресницами.

— Да ничего. — Я выбрал кусок клавиатуры побольше, зачерпнул пригоршню клавиш и стал одну за другой вставлять их в надлежащие гнезда.

— Это все рядовой Гаурия. — Лопухий понизил голос до шепота. — Вчера их «Динамо» играло с «Уралом». Так он первый тайм еще держался, а когда стало два — ноль, просто взбесился. Пока сообразили его простынями скрутить, успел два зеркала в туалете разбить, компьютер вот в окно выбросил, над знаменем части хотел... ну, надругаться. Еле отбили.

— Молодцы! — похвалил я, не скрывая сарказма.

Обиженное «шмыг-шмыг» повторилось раз пять.

— Мы еще принтер спасли. Хорошо, подключить не успели.

— Тогда действительно молодцы, — примирительно заметил я. — Чем же ему компьютер-то насолил? Почему телевизор не выбросил?

— А он... — солдатик приблизился ко мне на шаг и заговорил еще тише, — достать не смог. Телевизор вон где стоит, а Гаурия — он маленький. Хотел шкаф целиком обрушить, но там в стене дюбеля по десять сантиметров, вот он и схватил то, что ближе. А вообще-то он маленький, — повторил солдатик и закончил, обреченно покачив головой: — но нервный!..

— Ясно. — Я успел собрать нижний ряд клавиш, от левого шифта по мягкий знак включительно, прежде чем сообразил, что занимаюсь ерундой. — А меня-то вы за-

чем позвали? Молитву прочесть над усопшим? Максимум, что я могу сделать, это выразить соболезнования вашему прапорщику, а также каждому девятому бойцу, не говоря уж о каждом десятом. Потому что починить этот хлам, — я небрежно швырнул фрагмент клавиатуры на подоконник, — нереально.

— Да мы и не надеялись. — Шмыг-шмыг.

— А чего тогда?

— Ну... — Солдатик снова, как с ним уже случалось у ворот части, странно занервничал. — С прапорщиком пусть Гаурия разбирается. Это в понедельник, завтра. А нам бы сегодня... Очень срочно, понимаете... Деды говорят: дембель в опасности... — Он замолчал, окончательно стусевавшись, посмотрел умоляюще из-под пушистых ресниц и, осторожно потянув меня за рукав, добавил просительно: — Пойдемте, а?

Это прозвучало так по-детски, что я последовал за ним, даже не поинтересовавшись, куда, собственно, меня приглашают.

— Ты кого привел, Чеба? — грозно спросил маленький, по пояс голый человечек с фигуркой Будды и свежей ссадиной на левой скуле.

По этой ссадине и по заметному акценту я догадался, что передо мной тот самый рядовой Гаурия, а из того, что, несмотря на тон вопроса, человечек не сделал малейшей попытки оторвать спину от подушки, заключил, что его свирепость напускная.

Лопухий проводник осторожно выглянул из-за моего плеча.

— Это... — Он замялся.

Мы действительно не познакомились. Впрочем, теперь я знал, что паренька звали Чебой. Вряд ли это прозвище имело отношение к его реальным имени или фамилии, скорее к форме ушей.

— Олег, — шепнул я.

— Это Олег. Он в компьютерах разбирается.

— Точно? — прищурился низкорослый.

— Точно, точно, — подтвердил я, но то ли недостаточно громко, то ли слова гражданских в этой компании попросту не имели веса.

— Очень хорошо разбирается, — убежденно заверил Чеба, хоть мы с ним, как это у нас называется, «матерей» не скрещивали.

— Отвечаешь за него?

Чеба снова замялся, а я воспользовался возникшей паузой, чтобы осмотреться.

Помещение казармы, комнату размером со школьный спортзал, делил на две части ряд поддерживающих потолков колонн. Пространство слева от них занимал лабиринт из двухъярусных коек, тумбочек и табуретов. На койках вольготно расположились десятка полтора бойцов, судя по расслабленным позам и нарочитой небрежности в одежде, старослужащих. Четверо увлеченно играли в карты, остальные занимались кто чем: крепыш в тельняшке пробовал на разрыв томик устава, сухощавый паренек под монотонное «вжжж-вжжж» гонял туда-сюда большую зеленую пуговицу на перекрученной нитке, маленький Гаурия сидел по-турецки и недовольно смотрел на нас с высоты второго яруса. На правой, свободной от мебели половине комнаты собралось еще человек сорок — сорок пять. Эти просто стояли, молча, по стойке смирно, в застегнутых на все пуговицы кителях. И, судя по равнодушию, с каким они встретили мое появление, стояли не первый час.

От дальнейшего осмотра меня отвлекла странная фраза, произнесенная странным голосом:

— Дедушка хочет кушать!

Именно такой тембр одна замороченная отличница с моего потока как-то раз по ошибке назвала «клавиатурным сопрано».

Я обернулся и только теперь обратил внимание на обладателя столь чудного голоса. Он лежал ничком на единственной одноярусной койке, выдвинутой вперед. Когда я в первый раз скользнул по ней взглядом, мне показалось, что на кровати просто свалена груда одеял, теперь

★ же разглядел торчащую из груды голову, покрытую короткими курчавыми волосами, которая с трудом приподнялась над подушкой и жалобно повторила:

— Дедушка хочет кушать!

Я вздрогнул, когда из-под кровати внезапно показалась чья-то рука, вложила в требовательно распахнутый рот шоколадную конфету и снова исчезла.

«Что за балаган?» — подумал я, когда ко мне подскочил белобрысый очкарик с очень серьезным лицом.

— Вы действительно разбираетесь в компьютерах? — спросил он.

Я только кивнул, глядя, как похожая на змея-искусителя рука вновь вынырнула из тени, на этот раз — с печеньем.

— Отлично. Значит, вы представляете в общих чертах, как функционирует контроллер винчестера?

— И в необщих тоже, — рассеянно пробормотал я.

— Очень хорошо. Идемте за мной, — сказал очкарик и, бросив взгляд на лопоухого, скомандовал вполголоса: — Чеба, на место!

Чеба моргнул и через мгновение присоединился к толпе таких же, как он, гладко выбритых и лопоухих, и растворился бы в ней без следа, если бы не промокшая под дождем гимнастерка.

— Сюда. — Очкарик подвел меня к небольшой группе солдат, стоявшей несколько особняком от остальных. — Встаньте вот здесь, пожалуйста, и повернитесь вот так. Хорошо. А правую руку положите во-от сюда.

— Чего? — Запоздало возмутился я. То есть мне следовало возмутиться раньше, но из-за собственной легкой растерянности и не допускающего возражений тона очкарика я некоторое время позволял ему манипулировать собой и почувствовал неладное, только когда он попытался положить мою руку на гладкий затылок какого-то угрюмого толстяка. — С какого это перепуга?

— Пожалуйста, не спорьте. Сделайте, как вас просят. — И чуть тише: — Поверьте, мы о-очень устали.

Серые глаза за линзами очков смотрели так спокойно

и строго, что я не нашел в себе сил, чтобы возразить, а фраза «Я, между прочим, давно вышел из призывного возраста» перестала казаться мне удачным продолжением разговора.

Когда я опустил ладонь на бледно-розовую лысину, толстяк не пошевелился.

— Отлично, — сказал очкарик и громко хлопнул в ладоши, похожий в этот момент на режиссера перед началом съемок или, быть может, на дирижера оркестра. — Все готовы?

Ответом ему было дружное молчание.

— Мы готовы. — Очкарик приблизился к двухъярусному «трону» и снизу вверх взглянул на Гауриа. — Можно начинать?

— Погоди. — Полутолый «будда» покосился на груды одеял, скрывающую под собой тонкоголового пожирателя сладостей. — Ромыч, ты готов к боли?

Курчавая макушка попыталась на черепаший манер спрятаться под многослойным шерстяным панцирем. Когда это не удалось, из-под одеял донесся громкий стон, затем — привычное: «Дедушка хочет кушать», секунду спустя сменившееся яблочным хрустом.

— Артурка, кончай дурью маяться! Начинай испытание.

Крепыш в тельняшке нехотя поднялся с кровати, аккуратно положил на тумбочку книжку в обложке защитного цвета, вернее, уже две книжки, одна из которых называлась «Дисциплинарный устав Вооружен...», а другая — «...ных Сил Российской Федерации», и, на ходу разминая шею и предплечья, направился к курчавому. Проходя мимо сухощавого, он легким движением руки оборвал назойливое «вжжж-вжжж». Лишившийся развлечения паренек несколько секунд молча смотрел вслед обидчику, потом так же молча лег, повернулся спиной ко всему человечеству и накрыл голову подушкой.

У кровати курчавого Артурка остановился. Примеряясь, пару раз рубанул рукой воздух и сказал, обращаясь к груды одеял:

— Ты, Ромыч, в общем, не обижайся. Нас так же переводили, пока ты свои сутки отсиживал.

— Дедушка хочет кушать! — плаксиво повторил курчавый.

Гаурия посмотрел на очкарика и с важным видом кивнул:

— Начинайте. Но чтобы на этот раз все получилось как надо. — Снова перевел взгляд на крепыша. — Артурка! Кому сказал, приступай!

Крепыш вздохнул, размахнулся и что было сил хлестнул перекрученной капроновой ниткой по тому месту, где под десятью одеялами с трудом угадывался плоский силуэт.

— А! — донеслось даже не из-под одеял, а из-под кровати.

— Ра-аз... — начал отсчет Артурка. — Два-а...

Большая зеленая пуговица снова взметнулась к потолку и со свистом впечаталась в трехдюймовую шерстяную броню, не нанеся никакого видимого ущерба, кроме крошечного пылевого облачка.

— А! А-а! Дедушке больно! — отчаянно завопили под кроватью.

Сам испытуемый спокойно дожевывал яблоко, выглядя при этом донельзя счастливым.

— Отделения с первого по третье, в три шеренги — СТАНОВИСЬ!

В голосе очкарика явственно проступили командирские нотки, заставив вялую массу новобранцев, до того пребывавших в оцепенении, засуетиться, застучать по полу подметками и замереть в новом порядке.

— Первое отделение, рядовой Степин на месте, остальные нале-е... напра-а... ВУ! Разом-кнись!

Слабо представляя, как вести себя в этой ситуации, я покосился на соседа. Тот стоял, угрюмо глядя в пол, и не пытался сбросить с головы мою руку, из чего я сделал вывод, что прозвучавшие команды нашей, отдельно стоящей группы не касаются.

— Равняйся! Смирно! — Очкарик крутанулся на каб-

луках и, старательно прижимая большие пальцы ко швам форменных брюк, приготовился рапортовать. — Товарищи стар...

— Вольно! — взмахом пухлой ручки остановил его Гаурия. — Значит, так. Сначала — по центру, чтобы красиво, большими буквами — «удостоверение».

Очкарик, все-таки больше дирижер, нежели режиссер, развернулся лицом к строю.

— Рядовой Степин, нале-ву! Упор лежа принять! Пятнадцать отжиманий.

Рядовой, стоявший по центру в первом ряду, повернулся, рухнул на выставленные руки, заняв в этом положении все пространство, освободившееся после команды «разом-кнись», и начал отжиматься. Он делал это медленно и натужно, в давящей на психику тишине, только на заднем плане вполголоса переругивались картежники да вскрикивал в нужных местах притаившийся под кроватью безымянный солдат.

Степин закончил отжимания, поднялся и замер равнодушным манекеном, даже руки не отряхнул.

— П-п-пятнадцать, — прокомментировал рядовой с глазами навывкате и белыми пятнами на пунцовых щеках, еще один член нашей «особой» группы.

Держащий его за руку коротышка с непропорционально большой головой кивнул в ответ.

— Только это... на русский не забудь перейти, — распорядился Гаурия. — А то получится как тогда.

Очкарик, не оборачиваясь, кивнул.

— Рядовые Газизов и Кулик, сесть, вста-ать!

Двое бойцов, крайние в первом ряду, выполнили команду.

— Левый и п-п-правый, — немедленно отреагировал краснощекий и удостоился нового кивка.

— Рядовые Газизов и Устинов, сесть, вста-ать!

— У б-б-большое.

Кивок.

— Рядовые Газизов и Данисенко, сесть, вста-ать!

— Дэ б-ба-альшое.

Кивок.

— Рядовые Газизов и Олейников, сесть, вста-ать!

— О-о большое.

Кивок.

— Рядовые Газизов и Степин...

— А-а-а! Дедушке больно!

— Отставить! Рядовые Газизов и Силантьев, сесть, вста-ать!

— С-сэ б-большое.

Кивок.

— Дальше так, — донеслось со второго яруса. — Сим удостоверяется, что Кривцов Роман... Как там тебя по отцу?

— Дедушка хочет кушать! — послышалось из-под одеял. Спустя секунду оттуда же, неразборчиво: — Иоиищ.

— ...Георгиевич, далее...

— Рядовые Газизов и Томилин, сесть, вста-ать!

— Тэ б-большое.

Кивок.

— Рядовые Газизов и Олейников!

— А-а-а-а!

— О-о большое. — И вместо кивка недовольное: «Да без тебя вижу! Задрал уже!»

Пользуясь тем, что импровизированный «смотр строя и бреда» пока не затронул мою группу, я склонился к розовому затылку соседа и поинтересовался:

— Это надолго?

Толстяк устало покосился на меня, но не ответил. Однако сдаваться я не собирался.

— А кто этот пучеглазый? И почему он все комментирует?

— Буфер, — буркнул толстяк и, немного повысив голос, чтобы перекрыть очередное «А-а!» из-под кровати, уточнил: — Буфер клавиатуры.

— А этот, с большой головой?

— Модуль памяти.

— А-а... — Я кивнул с умным видом. — А вы, как я понимаю, твердый диск?

— Жесткий, — процедил сосед сквозь зубы.

— А вы? — Я вытянул шею, чтобы взглянуть на второго соседа, который стоял позади толстяка, панибратски закинув руку на его внушительный загривок.

Тот улыбнулся мне и представился:

— Лампочка.

— Кто?! — От удивления я забыл, что надо говорить шепотом.

— Ну, лампочка. Когда винчестер крутится, всегда загорается лампочка.

Я скользнул взглядом по цепочке из пяти бойцов, которые стояли в ряд, перекрестив руки на манер «маленьких лебедей», и не стал ничего спрашивать. Зачем? В лучшем случае мне снисходительно ответят, дескать, ты что, «витой пары» никогда не видел?

— Очень приятно, — промямлил я. — А я — контролёр вот этого. — И пару раз легонько шлепнул по лысине.

— Контроллер! — Толстяк поморщился и наградил меня презрительным взглядом.

Впрочем, мне было плевать на его взгляды. Потому что до меня наконец дошло, откуда растут ноги у австралийского страуса. Иначе говоря, что за слово на «эму», преодолевая стук зубов, пытался донести до меня продрогший рядовой Чеба.

— Да, и все это — с красной строки, — напомнил Гаурия.

Так-так... Если мое предположение верно, как раз сейчас должна подойти очередь рядового Степина.

— Конечно. — Осипший от постоянных команд очкарик прокашлялся. — Рядовой Степин, упор лежа, пять отжиманий.

Так и есть!

Эмуляция! Вот чем они тут занимаются. Уронили системный блок с третьего этажа, разбили монитор, поломали клавиатуру и теперь зачем-то пытаются имитировать работу компьютера собственными силами.

Три отделения по двенадцать человек, надо полагать, образуют клавиатуру. Тридцать шесть клавиш: горизон-

тальный пробел — Степин, два шифта — Газизов и Кулик, еще кто-то, отвечающий за перевод строки, оставшиеся тридцать две — буквы кириллического алфавита минус бесполезное «ё». А очкарик — по всей видимости, командир «клавиатурного» взвода — отвечает за дружественный интерфейс с пользователем.

Или недружественный.

— Газизов! Я кому сказал встать?

По ходу действия реплики очкарика становились все лаконичнее. Сперва из его речи исчезло очевидное обращение «рядовые», потом отпали за ненадобностью и сами команды, остались только фамилии. Те, к кому обращался белобрысый, сами знали, что делать. Невелика премудрость — сесть, вста-ать, сесть, вста-ать. И так для всех, кроме рядового Степина, которому приходилось отжиматься.

Чем дальше, тем труднее давалась ребятам команда «встать». Не первый час? Как бы не так! Теперь мне казалось, что они занимаются этим по меньшей мере сутки.

На первой букве отчества рядовой Газизов сломался. После очередного приседания он, вместо того чтобы подняться, упал на спину, попробовал сесть и снова упал.

— Что за дела? — лениво спросил Гаурия. — Почему замолчали?

— Левый шифт залип, — доложил очкарик, озабоченно склонившийся над Газизовым.

— Так пользуйся правым, — разрешил старослужащий, демонстрируя поистине буддийские мудрость и спокойствие.

— Есть! Кулик и Гаурия...

— Что ты сказал?!

— Прошу прощения. Кулик и Горелов, сесть-встать.

— Гэ б-большое.

Еще через некоторое время не выдержал «буфер».

— С-с-с-с-с-с... б-б-ба-а... б-б-ба-а...

Он стоял с перекошенным лицом, брызгал слюной и никак не мог выговорить злополучное слово.

— Буфер переполнился, — пошутил я довольно громко, но никто даже не улыбнулся.

Происходящее вообще напоминало сценку из какого-нибудь студенческого КВНа. Вот только мрачные изможденные физиономии участников подкачали, и в том месте, где, по идее, должно было быть смешно, мне отчего-то становилось жутко.

— Я так больше не могу! — пожаловался «модуль памяти». — Что он все время шипит и булькает! Я так больше ничего не запомню, ясно вам?

— Спокойно! — Очкарик оказался рядом с головастым за секунду до вероятного истерического приступа. — Ты, Леш, отдохни пока. — Он коснулся плеча краснощекого. — А ты, Жень, иди за мной. Сольем на диск все, что накопили.

Я не на шутку напрягся, когда понял, что они направляются ко мне. Одно дело — наблюдать за цирковым представлением со стороны, и совсем другое — брать на себя роль главного клоуна.

— Я в ваших играх не участвую, — сразу предупредил я и на всякий случай убрал руку с макушки толстяка. — Раскачивать койку, махать в окно ветками и кричать «Ту-ту» — это, простите, без меня.

— Не волнуйтесь, это не сложно, — сказал очкарик. — Пожалуйста, верните руку на место.

— И не подумаю.

— Пожалуйста, верните руку на место, — вкрадчиво повторил он, и, заглянув в спокойные серые глаза, я понял, как ему, такому щуплому, к тому же очкарику, удастся командовать взводом. — Так, хорошо. А теперь повторяйте, пожалуйста, вслед за Женей все, что он скажет. Слово в слово.

— Пятнадцать пробелов, — с готовностью забормотал головастый, — два шифта одновременно, «у» заглавная, «д» заглавная, «о» заглавная...

— Бред! — констатировал я, нервно взглянул на часы и подвел черту: — Все! Вы как хотите, а я полетел.

— Пожалуйста... — повторил очкарик.

— Все, я сказал! — Я сделал шаг к выходу.

— Ну, что там опять? — спросил Гаурия.

— Все, — сказал очкарик, и я успел заметить краем глаза, как опустились его плечи. Обычная выдержка покинула командира. — Контроллер диска полетел.

— Как это полетел? — удивился грузин.

— Совсем...

Что-то в голосе очкарика заставило меня остановиться и обернуться.

Они провожали меня взглядами, все сорок с лишним человек. В их глазах, голубых, зеленых и карих, обычных, навывате и затаившихся в узких щелочках век, застыло одинаковое выражение. Их губы не шевелились, но глаза говорили без слов, одно и то же, как будто повторяя за своим командиром: «Пожалуйста, не спорьте. Сделайте, как вас просят. Поверьте, мы о-очень устали».

Я выдерживал эти взгляды секунд двадцать.

Потом вернулся на отведенное мне место, положил правую руку на гладкий затылок толстяка и отчетливо произнес:

— Пятнадцать пробелов, два шифта одновременно, «у» заглавная, «д» заглавная, что там дальше, «о»...

Толстяк под моей рукой чуть присел и закрутился медленным волчком, тихонько похрюкивая.

Стоящий рядом Лампочка улыбнулся во весь рот.

— ...«п» заглавное, «р» малое, «и» малое, «к» малое, «а» малое, «з» малое, точка. — Я закончил трансляцию очередной порции данных и поднял глаза на очкарика. — Это все? Теперь я могу идти?

Я чувствовал усталость. Усталость и странную опустошенность.

— Еще минуту, пожалуйста, — попросил он. — Осталось передать информацию на принтер.

— Какой еще принтер? — спросил я и тут же вспомнил, что рядовой Чеба тоже упоминал какой-то принтер, который якобы удалось спасти от гнева разъяренного поклонника «Динамо» (Тбилиси).

— Сейчас... — Очкарик двумя пальцами коснулся пе-

реносицы и покачал головой. — Забыл. Кто у нас отвечает за драйвер?

— Я! — отозвался один из солдат.

— Хорошо. Андрей... Ребята... — Он обвел взглядом ряды подчиненных. — Напряжемся в последний раз. Осталось немного. Чуть-чуть. Парни... Андрей... Давайте, давайте... — Он махнул рукой, усталый, как тысяча рудокопов.

Пятерка «маленьких лебедей» пришла в движение. Рядовые синхронно сделали шаг вперед и, не размыкая рук, растянулись в стороны. В поле моего зрения попал стоящий на тумбочке принтер, который до этого загоразживали «лебеди». Принтер был старый, кажется, еще матричный, однако зеленая лампочка на корпусе сигнализировала, что аппарат готов к работе.

Один рядовой, до сих пор не задействованный в наших «играх разума», печатая шаг, подошел к тумбочке и встал рядом с ней, одной рукой взяв за локоть крайнего «лебедя» и опустив вторую на заднюю панель принтера. Другой, тот, кого очкарик назвал Андреем, замкнул цепочку между «лебедями» и мною.

— Готовы? — спросил командир, глядя главным образом на меня. — Отлично.

Он прочистил горло, вытянулся в струну, и пространство казармы от стены до стены заполнило громогласное:

— РОТА-А-А! ПРИНТ!

Я вздохнул, через куртку чувствуя тепло чужой руки, и вместо какой-нибудь колкости или неуклюжей шутки сказал:

— Передаю данные на печать.

— К передаче данных готов, — серьезно ответил Андрей.

— Понеслась! — Я самую малость сжал пальцы на вспотевшем затылке толстяка.

Толстяк присел и снова завертелся, похожий на разматываемый клубок. Лампочка заулыбался с риском порвать губы. Я вздрогнул, когда мое плечо, в том месте, где его касалась рука Андрея, словно иглой, кольнуло слабым разрядом тока, но тут же напомнил себе, что так бывает.

Сплошь и рядом, и виной тому так называемое статическое электричество.

«Так бывает», — мысленно повторял я снова и снова, глядя, как один за другим вздрагивают «лебеди». «Бывает...» — когда передернул плечами рядовой, по всей видимости выполняющий роль ЛПТ-разъема. «Бывает и не так», — продолжал верить я, даже когда на панели принтера перемигнулись лампочки передачи данных.

И только когда под противный писк иголок из выходной щели показался край листа, я вышел из оцепенения.

— Эй, пиджак! Куда пошел? — кто-то крикнул в спину, когда я, расталкивая «лебедей», начал пробираться к принтеру.

— Дай сюда! — сказали рядом. Сразу две руки легли мне на плечи, но я решительно стряхнул их и поднес к глазам еще теплый листок.

Вверху листа, по центру располагался заголовок:

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Далее с красной строки шел текст:

«Сим удостоверяется, что Кривцов Роман Георгиевич (далее — дедушка Рома) в соответствии с указом министра обороны от 02 ноября выслужил установленный срок срочной службы и подлежит немедленной демобилизации. Военские проездные документы выписаны до пункта г. Бузулук Оренбургской обл. На пути следования военным патрулям предписывается оказывать дедушке Рома всемерное почтение.

В ожидании решения об увольнении дедушке Рома строго запрещается:

1. ходить быстро, тем более бегать;
2. говорить громко, кроме тех случаев, когда дедушка хочет поделиться боевым опытом с молодыми военнослужащими;
3. реагировать на команды «Подъем», «Отбой» и все промежуточные, если только они не отданы: а) вежливо, б) вовремя;
4. отзываться на обращение по званию.

Дедушке Роме разрешается все, что не противоречит пунктам 1—4».

И уже внизу листа, апофеозом казарменного романтизма, шли шесть зарифмованных строк:

Рома, спи, спокойной ночи,
Дембель стал на день короче,
Пусть приснится дом родной...

Я не смог дочитать глупый стишок. Впрочем, он успел мне осточертеть еще в исполнении Гаурии, потом заикающегося буфера, модуля памяти и, наконец, в моем собственном, когда я сливал данные на диск. За спиной прошлепали босые пятки, и чья-то рука бесцеремонно отобрала у меня листок, оставив на белой бумаге отпечатки влажных пальцев.

— О! Клево получилось! — Курчавый, он же новоиспеченный дедушка Рома, в одних трусах, весь блестящий от пота, с одобрением рассматривал результат коллективного творчества. — Пива бочка, водки таз, батеньки Путина приказ, — кивая в конце каждой строчки, дочитал он и резюмировал: — Класс! Хоть сейчас в альбом!..

Разгулявшийся дождь лил в глаза, затекал в уши, заливал за воротник. Брызги, разлетающиеся из-под подошв, мало-помалу окрашивали штанины однотонно-коричневых джинсов в цвет «хаки». Я не замечал дождя, не обходил луж и ни разу не вспомнил про сложенный зонтик, которым ожесточенно размахивал, отмеряя шаг.

«Киберпанк! — думал я, шагая мимо плаката про винтовку, ласку и смазку. — Натуральный армейский киберпанк! Красноказарменный! Бессмысленный и беспощадный».

Нашей армии не нужна качественная техника, опытные командиры, современное оружие. Зачем?! Дайте этим парням автоматы Калашникова, немного, по одному на взвод, да еще, без счета, выдайте вафельных полотенец, зубных щеток и спичечных коробков. Тогда тот, кому достанется автомат, выйдет в одиночку против любого числа врагов и будет счастлив. Да-да, счастлив, потому

★ что ему, по крайней мере, хоть какое-то время не придется бриться полотенцем, драить полы зубной щеткой и измерять площадь казармы спичечным коробком под монотонное «вжжж-вжжж» большой зеленой пуговицы, которое только и помогает старослужащим не сойти с ума в ожидании увольнения.

Поравнявшись со ржавым памятником былому величию Российской армии, я в сердцах пнул по колесу то ли зенитной, то ли... — да гаубицы же, черт ее возьми, гаубицы! — и скривился от боли, когда древняя шина наверху оказалась литой и очень твердой.

Набрать текст без компьютера? Ерунда! Семечки! Смоделировать искусственный интеллект мощностью в сотню естественных — тоже не проблема! Этим ребятам, едва достигшим совершеннолетия, но уже поднаторевшим в бездумном исполнении самых бессмысленных приказов, впитавших слово «эмуляция» вместе с первым десятком отправленных на родину «дембельских поездов», по плечу задачки посложнее. Вывести пару дивизий в чистое поле, распределить обязанности, кому гудеть, кому карабкаться на спины, а кому обеспечивать невесомость, — и мы покорим Марс! А потом — двинемся дальше.

— Да-да, мы покорим вас всех! — кивнул я массивным пятиконечным звездам, украшающим чугунную ограду училища. — Мы завоюем космос, раз уж на Земле у нас не осталось достойных противников. С ТАКОЙ армией мы можем все!

Я пинком распахнул полупрозрачную дверь КПП, с упоением наполнил легкие сыроватым воздухом свободы и резко развернулся, зачем-то пробормотав себе под нос:

— Нале-е... ву!

ДМИТРИЙ КАЗАКОВ

ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ

удильник зазвенел, как обычно, в девять.

Старик встал, кровать с тихим шелестом втянулась в стену. Рука привычно нашарила настольный календарь — любимую игрушку, подаренную на день рождения.

Совсем недавно — пятьдесят лет назад.

— Сегодня пятое июля две тысячи сто семьдесят третьего года, — сказал приятный женский голос, обладательница которого скорее всего давно стала просто мясом, — восход Солнца в четыре часа двадцать пять минут, заход Солнца в двадцать один час пятьдесят одну минуту, продолжительность дня...

Дальше старик слушать не стал. Восход уже был, а захода он не увидит.

— Привет, дед, — сказал старший внук, когда старик вышел в гостиную. Она была поводом семейной гордости — восемь квадратных метров свободной площади! Для большинства из сорока миллиардов обитателей Земли — недостижимая роскошь. — Как спалось?

— Привет, — ответил старик. — Неплохо. В моем возрасте если просто спалось, то это само по себе хорошо.

Он подошел к стене, прикоснулся к сенсору. Кофейник выдвинулся бесшумно. Темная пенящаяся жидкость с журчанием потекла в подставленную чашку. Запахом, вкусом и даже содержанием кофеина она походила на кофе. Но от напитка, который делают из обжаренных зерен кофейного дерева, в ней была только видимость.

Последний раз старик пил настоящий кофе лет сорок назад. Сейчас достать его труднее, чем трехногого кенгуру.

— Эй, дед, — забеспокоился внук. — Тебе же нельзя. Давление поднимется!

— Сегодня это уже не важно. — Старик улыбнулся.

— Да, прости. Забыл.

Входная дверь с негромким гулом открылась, впуслав высокую девушку в черном обтягивающем комбинезоне.

— Утро доброе, — сказала она, зевнув. — Слышали последние новости?

Старик никогда не одобрял пристрастия внучки к ночной работе и ее вкусов относительно одежды.

— Нет, — ответил он. — А что стряслось?

— Да новые террористы появились. — Она фыркнула. — Борцы за права Солнца! Взорвали пару солнечных батарей в Сахаре в знак протеста против того, что мы бес­платно используем энергию светила...

Старик покачал головой.

— Я успею поспать? — спросила внучка, глянув на часы. — Дед, во сколько у тебя назначено?

— В полдень, — сказал он, сам удивившись собственному спокойствию. Похоже было, что смерть, до которой оставалось несколько часов, потихоньку отключала эмоции.

— Тогда не успею. Налей-ка и мне кофе.

— Не страшно вот так умирать? — поинтересовался внук, когда полная чашка со стуком приземлилась на столешницу.

— Вроде нет. — Старик пожал плечами. — Уж лучше так, когда ты заранее знаешь день и час смерти, чем как раньше...

— А что было раньше?

— Все умирали своей смертью, — ответил старик. — Когда вырабатывали коэффициент полезности, то их отправляли на пенсию.

— А что это такое? — вмешалась внучка. В глазах ее, светлых, небесно-голубых, похожих на глаза бабушки, чей срок пришел почти десять лет назад — старик ощутил болезненный укол в сердце, — светилось любопытство.

— Это когда человек не работает, а государство платит ему деньги, чтобы он мог жить.

— Дурость, — определил внук. — Так никаких денег не хватит, если кучу дармоедов кормить!

— И это не самое страшное. — Старик кивнул. — Оказавшийся на пенсии болел, старел, пока не превращался в полную развалину, обузу для себя и окружающих...

— Как здорово, что сейчас этого нет! — В голосе внучки звучало отвращение. — А то бы...

С чмокающим звуком в воздухе развернулся экран инфовизора. На нем возник старший внук — на широких плечах грязный комбинезон, каска на голове выглядит помятой.

— Здравствуй, дед, — сказал он извиняющимся тоном. — Извини, но меня так и не отпустили. Звоню прямо из шахты...

— Ничего, — вздохнул старик. Есть ли смысл печалиться? Скажи спасибо, что он хотя бы позвонил. — Я как-нибудь переживу...

— Это шутка? — Старший внук неуверенно заулыбался. — Мне очень будет тебя не хватать. Прощай!

— Мне тебя тоже, — сказал старик тускнеющему изображению.

— Скоро мать придет. — Младший внук потянулся, хрустел суставами. — Она обещала добыть бутылку вина. Настоящего!

— Гулять так гулять, — усмехнулся старик. — Не каждый день умирают люди!

— Вообще-то каждый, — с улыбкой возразила внучка, — но такие, как ты, действительно редко. Ты и так прожил долго.

— Мой коэффициент полезности довольно высок, — старик положил на столешницу руки, на мгновение удивившись, какие они старые и морщинистые. — Кто работает головой, тот умирает позже...

Входная дверь вновь загудела, в комнату шагнула невысокая пухлая женщина. На лице ее играла легкая улыбка.

— Привет, ма, — дружно сказали внук и внучка.

Старик только кивнул. Несмотря на многие годы, проведенные рядом, он так и не смог полюбить невестку. Скорее он привык к ней как к чему-то неизбежному, что не-

возможно выкинуть из жизни, как плохую погоду или ноющие кости.

— Вот, — проговорила она торжественно, ставя на стол высокую бутылку темного стекла. — Настоящее, из винограда. Десятилетней выдержки!

— Не могу поверить, что где-то еще растет виноградная лоза, — усмехнулся старик.

— Где-то растет, — ответила невестка, снимая плащ и убирая его в выдвижной шкаф. — Там на этикетке — печать подлинности. А ее просто так не ставят...

Внук, восхищенно цокая языком, вертел в руках бутылку.

— Теперь осталось дожждаться отца. — Внучка вновь зевнула, глянула на часы. — Где он там ходит?

— Уже едет, — отозвалась невестка. — Я звонила. Соберите пока на стол.

Старик сидел неподвижно и смотрел, как на столешницу выкладывают столовые принадлежности — вилки и ложки из привычного пластика, тарелки из того же материала, бокалы из венецианского стекла — антиквариат, изготовленный в позапрошлом веке. Еще до того, как Венеция скрылась под водой, из географического понятия став целиком историческим.

Сын пришел, когда все было готово. Во взгляде его старик уловил что-то похожее на жалость.

— Здравствуй, папа, — сказал он. — Что, все готово?

— Готово, садись быстрее, — пробурчал внук.

Пробка, вылезая из узкого горлышка, негромко хлопнула. Темно-красная жидкость, в которой стайками метались пузырьки, с плеском полилась в бокалы. Старик глядел на нее и думал, что скоро точно так же польется его кровь.

Ее всегда выпускают, прежде чем отправить тело на переработку.

Ноздрей коснулся терпкий аромат вина.

— Ну что, папа, за тебя, — сказал сын, поднимая бокал, рука его чуть подрагивала. — Спасибо за то, что ты был хорошим отцом и дедом. Спасибо за все...

— Не за что. — Старик чуть отхлебнул, покатав вино

на языке. Есть не хотелось, и он просто сидел и смаковал почти забытый напиток.

— А я видел в кино, — пробурчал внук с набитым ртом, — что раньше похороны праздновали по-другому. И даже не праздновали, — он нахмурился, — а не знаю, как сказать... Все плакали, надевали черное... Интересно, почему?

— Смерть тогда была неожиданностью, — пожал плечами старик. — Это сейчас ты в тридцать лет узнаешь, сколько тебе осталось. И ты сам, и близкие — все привыкают, зная, когда ты их покинешь. Сейчас ведь тоже горюют, если кто умер из-за несчастного случая или от болезни.

— Но все равно не так, — покачал головой внук. — Чего убиваться-то? Умершего ведь не вернешь.

— Пойдем, папа, — сказал сын. — Нам пора ехать, а то опоздаем.

— Хорошо. — Старик допил вино и поднялся. На него смотрели четыре пары глаз, в трех была заметна печаль. — Прощайте! Может быть, еще свидимся... там!

И он ткнул рукой вверх, туда, где за потолком, за многими слоями жилого комплекса находилось небо. Один из немногих кусочков природы, который человек не смог изгадить до конца.

— Прощай, дед.

— Прощай.

— Прощайте, папа.

Выходя в дверь, старик не оглянулся.

— Тебе не странно, что никто не позвонил, не простился? — спросил сын, пока они шли до парковки.

— Нет, — ответил старик. — Некому. Из друзей у меня был самый высокий коэффициент полезности. Они все давно мертвы.

— Да? Я не знал. — В голосе сына звучала растерянность. — Садись.

Дверцы авторана, похожего на каплю блестящего металла, с легким шипением поднялись. Старик устроился в мягком сиденье, слышал, как возится рядом сын.

— Поехали, — сказал он.

Сте́на парковки поднялась, авторан дернулся вбок и вывалился наружу. Перегрузка вдавила пассажиров в кресла, потом сын выравнивал полет. Мимо проносились смазанные блики — другие машины, громадными башнями высились жилые комплексы.

Всю дорогу они молчали. Говорить было не о чем. Старик просто смотрел в окно, наслаждаясь последней в жизни поездкой. Пусть даже они едут по опостылевшему до икоты городу, громадному и грязному, словно древнее чудовище.

Авторан остановился около большого здания, крыша которого вздымалась сверкающим куполом. Над крыльцом красовалась надпись: «Приемное отделение».

— Интересно, — голос сына был странным, — а кто-нибудь пытался избежать этого? Скрыться, не прийти в назначенный срок...

— Вряд ли. Какой смысл? — Старик кашлянул, прочищая горло. — Нарушишь закон ты, а наказание понесут родственники. Дети, внуки... Зачем?

Пройдя за дверь, они оказались в царстве белизны — белый пол, потолок, молочного цвета стены, на одной из которых выделяется контур двери. Рядом с ним — небольшое окошко.

— Добрый день, — сказал старик, подойдя к нему. — У меня сегодня, — горло неожиданно перехватило, — срок...

— Ваши документы, — попросила красивая молодая женщина в окошке, холодно и равнодушно улыбаясь.

Старик отдал идентификационную карточку.

— Все верно, — кивнула женщина. — Наследник с вами?

Старик отошел в сторону, к окошечку склонился сын.

— Да?

— Одежду сможете получить завтра, — сказала женщина, — после семи вечера. Вашу долю мясопродуктов — тоже. Учитывая коэффициент полезности покойного, — старик содрогнулся, о нем говорили уже как о трупe, —

это будет, скорее всего, ветчина. Вот талон, который предъявите в отдел выдачи...

— Да, хорошо, — кивнул сын.

Из-за белой двери донеслось едва слышное шипение, контур стал чуть толще.

— Можете проходить. — Женщина кивнула еще раз.

— Прощай, сын, — сказал старик. — Живи честно и не опозорь нашего имени!

— Я постараюсь, папа.

Сын кивнул. Он молча смотрел, как старик шаркающей походкой уходит прочь. Вместе с ним уходили многие годы жизни. Дверь закрылась, из-за нее вновь донеслось шипение.

Сын развернулся и пошел к выходу. В груди болезненно кололо, в голове было пусто, мысли все куда-то подевались. Только у самой машины вспомнил, что что-то держит в руке.

Опустил глаза и обнаружил зеленый пластиковый талон, поперек которого шла надпись: «Мясозавод № 21».

Сын рассеянно сунул его в бардачок и потянулся к сенсору зажигания.

ВАДИМ ПРОСКУРИН

ЛЮДИ, ЧЕРВИ И БОГИ

Лость явился под вечер, я как раз обходил свои владения, перед тем как поужинать и лечь спать. Все было в порядке — забор цел, козы бодры и веселы, воды в поилке достаточно, сорняков на грядках немного, растения не болеют, вредителей не больше, чем обычно. Если утром не произойдет ничего заслуживающего внимания, можно будет посвятить весь завтрашний день личным делам. В очередной раз сходить к Другарю, поговорить о Беянке, а то давно я что-то этот уже вопрос не поднимал. В таких делах главное не отставать, рано или поздно он все равно согласится. Поле у меня самое большое в деревне, коз, правда, всего полторы сотни, но больше мне и не нужно, и так ем мясо каждый десятый день. Но когда мы с Беянкой семьей станем жить, поголовье стада раза в три без проблем увеличим — мое поле и шесть сотен без труда прокормит. А то, что я сирота из захудалого рода, — так это раньше было важно, а с тех пор, как на Лысой горе поселились боги, количество родственников больше ни на что не влияет. Теперь важен ум и природная смекалка, а этого у меня хоть отбавляй, не зря меня Умником прозвали.

Я уже подходил к дверям дома, как вдруг услышал неясное шуршание у калитки. Кого это несет на ночь глядя... Неужели гость? Давненько они ко мне не заглядывали.

— Иду! — крикнул я и подошел к калитке. — Кто там?

— Кержак, — ответил незнакомый голос. — Кержак Дунев, третий сын Глазка Дунева.

Третий сын. Все понятно.

Калитку, в общем-то, можно было уже открывать, но я решил подстраховаться.

— Давно в наших краях? — спросил я.

— Часа полтора.

— Законы знаешь?

— Кто же их не знает? — хмыкнул Кержак.

— Ну, смотри, — сказал я и произнес ключевую фразу: — Заходи, гостем будешь.

И распахнул калитку.

Никаких запоров на калитке не было. Сила новых богов защищает собственность лучше любого запора.

— Зачем пожаловал? — спросил я.

Кержак недоуменно пошевелил руками и не нашелся, что ответить. И в самом деле, что тут ответить?

— Ты можешь переночевать у меня, — сказал я, — но завтра должен будешь уйти. И запомни — я оказываю гостеприимство не по закону, а по собственной прихоти.

— Да, конечно, — рассеянно кивнул Кержак.

Я повернулся к нему спиной и пошел к дому, Кержак увязался следом. Проходя мимо загона, я подумал: «А почему бы и нет?» — и метнул заклинание.

Тонкая и полупрозрачная молния, едва заметная, но оттого не менее смертоносная, сорвалась с моей руки и ударила ближайшей козе в спину. Скотина вздрогнула и завалилась на бок. Остальные животные заволновались, запищали, забегали туда-сюда и стали сбиваться в кучу в противоположном конце загона.

— Не надо, — вяло запротестовал Кержак. — Ради меня...

— Не ради тебя, — оборвал я его, — а ради самого себя. Мне захотелось свежего мяса, только и всего.

На самом деле Кержак был прав, я забил козу не ради себя, а ради гостя. Предыдущую козу я забил три дня назад, по расписанию жизнь очередного животного должна была оборваться только через семь дней. Но, с другой стороны, почему бы не побаловать хорошего человека свежим мясом? Завтра он покинет мой дом, а следующий случай вкусно поесть представится ему ой как не скоро! Если вообще представится... Младшие сыновья, ушедшие в странствие, редко живут долго.

Непонятно, почему я его пожалел. Зачем пустил на двор, понятно — чтобы богов не прогневать. А вот зачем решил особый почет оказать — даже не знаю. Просто показалось мне вдруг, что человек он хороший, а почему показалось — боги его знают.

Кержак помог мне освежать тушу и приготовить ужин. А потом мы сидели друг напротив друга и беседовали.

Началась наша беседа так, как всегда начинаются разговоры с гостями.

— Расскажи мне про богов, — попросил Кержак.

Я сделал недоуменный жест.

— А что тут рассказывать? Боги как боги. Большие. Станные. Блестят, как мокрые камни, изредка выпускают молнии. Некоторые летают по воздуху, как облака, некоторые ходят по земле.

— Как люди? — уточнил Кержак.

— Нет, не как люди. Люди ногами перебирают, а они как бы перекатываются. У них внизу такие... Нет, не могу объяснить, это видеть надо.

— Покажешь мне?

— А как я могу показать? К границе проводить тебя я могу, но зачем? Границу ты и без меня найдешь — Лысую гору отовсюду видно. А если и не видно, все равно направление не перепутаешь. Просто иди на зов Силы, как раз к Лысой горе и выйдешь.

— И что там, за границей? — спросил Кержак. — Правда, что границу нельзя переступить?

— Правда, — сказал я. — И одновременно неправда. Если сильно захотеть, можно и к самому подножию выйти, а то и на склон горы взобраться чуть-чуть. Только ты не захочешь, слишком много там Силы, на мозги очень давит. Голова болит, руки трясутся, а душу переворачивает так, что от малейшего греха умереть можно. Вспомнишь, как козу резал, и откинешься тут же на месте.

— Разве козу зарезать — грех? — удивился Кержак.

— Все в нашей жизни грех, — сказал я. — Только грехи бывают большие и маленькие. Здесь, в Преддверии,

нельзя грешить только по-крупному, а по мелочи — сколько угодно. То есть вру, не сколько угодно, если начнешь, например, над ближним своим издеваться и вовремя не остановишься — заколбасит так, что мало не покажется. Но если не злоупотреблять — жить можно. И неплохо жить, между прочим. Репа у нас двойной урожай дает, козы растут, как чертополох на навозе, болезни различные ни к людям, ни к скотине не пристают, магия опять же. Рядом с богами каждый человек волшебником становится.

— А настоящий волшебник?

— Настоящие волшебники тут надолго не задерживаются. Для нашей жизни неважно, сколько Силы тебе доступно. Для того чтобы козу забить или червей-вредителей с грядок прогнать, моей магии вполне хватает. А большая магия у нас применения не находит. Сам посуди — драться нельзя, охотиться не на кого...

— Прямо рай на земле, — хмыкнул Кержак.

— Он самый, — согласился я. — Только, знаешь ли, в раю не так сладко живется, как сперва кажется. К хорошему быстро привыкаешь.

— Тебе легко говорить, — вздохнул Кержак. — Ты в этом доме один живешь?

— Один, — подтвердил я. — Я сирота.

Кержак вытаращил глаза — подумал, что ослышался.

— Сирота я, — повторил я. — Нет у меня ни родственников, ни друзей близких. Удивляешься, почему меня до сих пор с земли не согнали? Нечему тут удивляться, это закон божий в действии. У нас закон другой, чем в иных местах, заповедь только одна, и гласит она — не греши и будешь жить. Метнуть заклинание в ближнего своего — смертный грех, о такой вещи только подумаешь, сразу все поджилки трястись начинают. Чувствовал уже такое?

Кержак немного помолчал, раздумывая, и склонил голову.

— Правильно, что признаешься, — одобрил я. — Ложь — тоже грех, пусть и небольшой. Думаешь, почему

я к тебе сразу спиной поворотился? Думаешь, меня никогда убивать не пытались? Много раз пытались. В первый год, считай, каждый день разбойники приходили, не могли мимо пройти — как увидят, что мальчишка несмышленный такой участок себе огородил, сразу внутрь ломятся. Даже смешно бывало — стоит, ругается, угрожает, а только замахнет, глядишь — уже в грязи валяется и ногами сучит. Посучит-посучит, да и перестанет. Урожай у меня в том году был огромный, столько трупов на грядки перетаскал...

— А как получилось, что ты такой большой участок себе отхватил? — спросил Кержак. — Я, пока по деревне шел, ни у кого такого поля не видел.

— Потому что умный не по годам, — улыбнулся я. — Да и повезло мне. Пока взрослые друг другу страшные байки рассказывали, я уже поле огораживал. Да и не было у меня особого выбора — отца болотный змей утащил, мать к себе Буряк взял третьей женой, а я нужен ему был, как козе гусли. Да ну его... — Я махнул рукой. — Теперь я ему даже благодарен. Если бы не он, ни за что бы так не развернулся. Поле у меня вдвое больше, чем у старосты нашего, коз полторы сотни, мясо ем, когда захочу... Только жениться еще надо для полного счастья.

— Ну, с этим-то у тебя проблем не будет, — предположил Кержак. — За такого хозяина любая девка выскочит.

Я вздохнул. Если бы все было так просто...

— Девка-то выскочит, — сказал я, — да кто ж ей позволит? Прелюбодеяние — смертный грех. Если без отческого благословения ложе разделить, наутро на этом ложе два трупа и останутся.

— Почему без благословения? — не понял Кержак. — Ты в деревне самый богатый, любой нормальный отец...

— Где бы найти такого нормального отца, — перебил его я. — Кто я для них? Сирота хитрозадый, ни роду, ни племени, ростом не вышел, силой — тем более. Понятно, что в Преддверии сила не важна, но одно дело — здравый смысл, и совсем другое дело — традиции.

Немного поколебавшись, я добавил:

— Есть у меня зазноба. Красивая, умная, хозяйка хорошая, любит меня, и я ее люблю, все хорошо, кроме одной мелочи. Отец у нее — деревенский староста. Не хочет он мне ее отдавать, зазорно ему, дескать, с бобылем родниться. Ничего, уговорю как-нибудь. Поймет когда-нибудь старый козла, что законы древние больше не действуют. Теперь у нас один закон — новые боги.

— Расскажи про них побольше, — попросил Кержак. — Про Лысую гору столько чудес рассказывают...

— Есть там чудеса, — согласился я. — Самое главное из них — закон божий, про него я тебе уже рассказывал. Остальное все мелочи. Когда переходишь границу, в теле наступает легкость, а в голове — тяжесть и уши закладывает. Земля за границей всегда скользкая, как будто не по траве идешь, а по грязи. Когда дождь идет, вода по склону стекает очень медленно, бывает, что прямо на крутизне лужи стоят. Рядом с горой всегда чуть-чуть холоднее, чем вокруг. Ну, еще боги иногда появляются... Да ерунда все это, поначалу интересно, а потом приедается. Если хочешь, сходи завтра, посмотришь своими глазами.

— Это не опасно?

— Не опасно. Надо только про две вещи не забывать. Во-первых, за границу далеко не заходи, а лучше вообще не заходи. Как почувствуешь, что идти стало трудно, — сразу назад. И второе — никаких дурных мыслей. Вспомнишь что-нибудь плохое, начнешь совестью мучиться — сразу бегом назад, пока припадок не начался. Если припадок за границей начнется, можешь сразу с жизнью прощаться.

И тут я почувствовал, как волшебный зов, ставший за последние три года привычным фоном, стал вдруг немного сильнее и чуть изменил тональность. Кержак насторожился — он тоже это почувствовал.

— Что это? — спросил он.

— Не знаю, — ответил я. — Боги что-то затеяли, так иногда бывает. Может, новый дом решили построить, а

★ может, кто-то из больших богов полетать вздумал. Точно, полетел. Слышишь?

Снаружи раздался отдаленный рокот, почти как при грозе, только непрерывный.

— Пойдем посмотрим, — сказал я.

Выйдя на улицу, я сразу понял, что у богов творится нечто необычайное. Низкие облака светились багровым светом, из них доносился басовитый рокот. Казалось, что за облаками ворочается что-то большое.

— Что это? — снова спросил Кержак.

— Не знаю, — снова ответил я. — Говорят, когда боги впервые спустились на землю, было такое же зарево, оно началось в небе, а потом опустилось на землю, и начался большой пожар. На этом месте, где мы с тобой стоим, раньше был лес, в том пожаре он весь выгорел, а заново уже не вырос.

Кержак стал опасливо озираться по сторонам. Я поспешил его успокоить.

— Не волнуйся, — сказал я. — Сам подумай, зачем богам еще раз все поджигать? В тот раз они себе делянку выжигали под деревню, а теперь их деревня уже стоит.

— Они выжгли намного больше, чем было нужно, — заметил Кержак.

— Иногда так случайно выходит, если лес сухой. Не бойся, второй раз они не будут пожар устраивать. А если и будут, все равно бежать уже поздно.

Кержак испуганно вздрогнул.

— Пойдем домой, — сказал я. — Перекусим еще разок на сон грядущий и спать. А завтра с утра к Лысой горе пойдем. Интересно мне поглядеть, что там происходит.

* * *

Я был прав, ночью на Лысой горе действительно происходило нечто из ряда вон выходящее — рядом с Большим Домом за ночь вырос еще один, поменьше. Маленький Дом не стоял непосредственно на земле, а опирался на три невысоких дерева непонятной породы, которые, похоже, тоже выросли за ночь. Впрочем, я давно уже не

приходил к границе, может, они выросли раньше, а я только сейчас их заметил.

Внутри образованного деревьями треугольника трава была сильно примята и то ли обожжена, то ли вытравлена. Иногда летающие боги приземляются, а потом снова взлетают, и иногда выясняется, что там, где сидел бог, трава как бы выжжена, хотя никакого огня из бога не проистекало. А в другой раз бывает, что трава остается нетронутой.

У меня мелькнула безумная мысль — а что, если Маленький Дом на самом деле не дом вовсе, а очень большой бог? Нет, не может быть, таких больших богов не бывает. Некоторые боги по сравнению с человеком очень велики, но таких огромных я еще не видывал.

В днище Маленького Дома открылась дверь, и оттуда вывалился Малый Бегун. Это один из самых маленьких богов, он никогда не взлетает в воздух, но часто бегаёт вокруг горы без всякой видимой цели. В первые месяцы, когда в Преддверии жил только я один, Малый Бегун, бывало, заходил и в те места, где теперь стоит наша деревня. Потом, когда ее заселили люди, он перестал спускаться с горы, он уважает законы людей и никогда не заходит в чужие владения.

Малый Бегун вытащил из Маленького Дома какую-то большую сумку, взгромоздил себе на спину и бодро направился вниз по склону. Так и хочется сказать «зашагал», но это будет неправильно, ходячие боги не шагают, они как бы перекатываются.

Бог шел точно в мою сторону, и на мгновение меня посетила еще одна безумная мысль — а что, если он идет, чтобы поговорить со мной? В первые месяцы я часто мечтал, что в один прекрасный день боги снизойдут до меня, начнут со мной разговаривать, откроют какую-то великую премудрость... Глупый я был. Какое дело богам до простого человека? Мы, люди, для них — как для нас огородные черви. На грядки не заходят и ладно, а в остальном нет до них больше никакого дела.

А потом я понял, что делает Малый Бегун, и расхохо-

★ тался. Он выносит мусор! Боги всю ночь строили новый дом, у них скопилось много мусора, и они послали самого младшего, чтобы вынес все ненужное на помойку. А что лучше подходит на роль помойки, чем окраина поселения червей, то есть людей?

Сзади кто-то кашлянул. Я обернулся и увидел, что за моей спиной собралось уже человек двадцать. Ближе других ко мне стоял Другарь, он-то и закашлялся, привлекая мое внимание.

— Здравствуй, Другарь, — поприветствовал я его. И добавил, обращаясь к остальным: — Здравствуйте.

— И ты здравствуй, Умник, — недовольно пробурчал Другарь. — Что это они там делают, хотел бы я знать?

— Мусор выносят, — сообщил я.

Другарь скорчил недовольную гримасу.

— Экая пакость, — сказал он. — Я-то думал, он что-то дельное нам несет.

— Ага, сейчас! — воскликнул я. — Ты, Другарь, не забывай, кто они, а кто мы. Ты своим червям на огород дельные вещи приносишь?

Не успел я договорить до конца эти слова, как понял, что в очередной раз сморозил глупость. Я ведь не во всех делах умный. Когда нужно в чем-то непонятном разобраться, тогда я умный, а как с людьми поговорить — дурак дураком.

— Ты, Умник, — сказал Другарь, — говори, да не заговаривайся. Совесть не мучает?

— Не-а, — улыбнулся я. — Я никакого греха не совершал, злых слов на ветер не бросал, а правда грехом быть не может.

Другарь вздохнул и ничего не сказал. Опасается вступить со мной в словесный бой, боится, что засмею. Правильно боится.

Бог тем временем спустился по склону, остановился, сгрузил с себя ношу, развернулся и пошел обратно. Несколько раз он оскальзывался на мокрой земле и издавал жалобные звуки.

— Ты, это, — подал голос Другарь, — ты в их навозе ковыряться не будешь, я надеюсь?

— Почему это не буду? — удивился я. — Конечно, буду. То, что для богов навоз, людям может в самый раз пригодиться.

Другарь смачно сплюнул на землю и громогласно провозгласил:

— Никогда этот олух не станет моим зятем!

Я застыл, как громом пораженный. Вот и все. Я, дурак, думал, думал, как бы его убедить дать нам благословение, а повернулось все вон как. По лицу Другаря я ясно видел, что он произнес эти слова сгоряча, что в другой раз он бы такого не сказал, что был у меня шанс, точно был! Но сплыл. Ни за что на свете Другарь не откажется от своих слов, произнесенных в присутствии двадцати свидетелей. Для меня это означает, что о Белянке я должен забыть. Не могу, но должен.

Другарь ушел, что-то бормоча себе под нос. Остальные зеваки с любопытством глазели на меня, ожидая, что я буду делать. Этим вечером в деревне будут обсуждать новую тему, куда более интересную, чем Маленький Дом, появившийся в деревне богов, и даже чем то, что впервые за три года боги озаботились вынести помойку. Куда они раньше девали свой мусор? Подобные вопросы никого, кроме меня, не волнуют, нормальным людям это неинтересно. Им гораздо интереснее узнать, что Другарь наконец-то дал Умнику решительный отказ. Тьфу!

Я смачно сплюнул на землю и пошел к куче мусора, оставленной Малым Бегуном. Что бы ни думал Другарь по этому поводу, я собираюсь ее тщательно осмотреть. Мало ли что найдется...

А на Другаря мне теперь наплевать, отныне и навсегда.

* * *

Большая сумка, оставленная богом, была туго набита разнообразным барахлом, но большую часть этого барахла составляли другие сумки, поменьше. Почти все они были

пусты, а многие — порваны. В некоторых сумках лежала испорченная пища, в других — мертвые растения с дурным запахом. Пища. А ведь это интересно...

Раньше я всегда думал, что боги не едят. Как они пополняют свои силы — непонятно, но то, что они никогда не едят, сомнению не подвергалось. Я ни разу не видел, чтобы боги собирали или выращивали растения или чтобы ловили или пасли животных. И вот в их отбросах обнаружилась теперь испорченная пища. Может, они привозят еду с неба? Наверняка так и есть. Когда они впервые пришли к нам, они взяли с собой большой-пребольшой запас, а теперь он закончился, и кто-то из них слетал на небо (вчера ночью мы с Кержаком это видели и слышали), а чтобы было где хранить припасы, они построили Маленький Дом. А почему тогда они раньше не выносили помойку? Собирали эту кучу все то время, что жили на горе? Не может быть — пища еще не успела испортиться окончательно, ее ели самое позднее позавчера. И почему они оставили так много объедков? Не понимаю.

Мое внимание привлекла твердая сумка, которая была заметно тяжелее других. Я заглянул внутрь и увидел... Слизь какая-то, только не противная и не мерзкая, а вполне аппетитная, не иначе, нормальную еду случайно выбросили. Я осторожно просунул голову в сумку и вдохнул аромат божественной еды. Пахнет ни на что не похоже, но вкусно. Попробовать, что ли... попробовал. Вкусно.

Больше ничего интересного в божьем мусоре не обнаружилось.

* * *

У калитки меня ждала Белянка. Я вежливо поприветствовал ее, но она не ответила, она просто посмотрела на меня осуждающим взглядом и спросила:

— Что, Умник, доигрался?

И расплакалась.

Я не знал, что говорить и делать. Я попытался прижаться к ней, но она решительно отстранилась.

— Оставь меня, — сказала она сквозь слезы. — Зачем ты это сделал? Знаешь, как папа ругается?

— Он сам виноват, — заявил я. — Я его за язык не тянул.

— А что ему было делать? — завопила Белянка. — Он же староста, ему за порядком следить положено!

— Из него староста, как... Извини, Белянка, не хотел обидеть. Но он действительно был не прав! Он все время цепляется за старый порядок, но старого порядка больше нет. Все законы диктуют боги, все, что было раньше правильно, а что неправильно, теперь не имеет никакого значения.

— Это для тебя ничто не имеет значения! Тебе на всех наплевать — на людей, на меня, вообще на всех, кроме себя! Тебе никто не нужен!

— Ты не права, — мягко сказал я. — Ты мне нужна.

— Тебе не я нужна! Тебе женщина нужна! Просто женщина. Если бы не закон, ты бы...

— Я люблю тебя, — сказал я и нежно поцеловал ее в заплаканную щеку.

Белянка расплакалась еще сильнее.

В этот момент я заметил, что мы все еще стоим у распахнутой калитки, являя собой прекрасное зрелище для прохожих зевак. Никого из них в поле зрения пока не наблюдалось, но я не сомневался, что это явление временное. Незачем устраивать представление для окружающих.

Я отстранился от возлюбленной, подхватил сумку и вошел в калитку.

— Заходи, — сказал я. — Гостем будешь.

Белянка вошла. Я закрыл калитку.

— Что у тебя в сумке? — спросила Белянка. — Что-то ценное в помойке выкопал?

— Не знаю, — сказал я. — Может быть, ценное, а может, и нет. По-моему, это пища, которую едят боги.

На лице Белянки появилась заинтересованность. Она вытерла слезы, высморкалась и раздраженно заявила:

— Не пища, а объедки. Нормальную еду в помойку не выбрасывают.

— Обьедки там тоже были, — сказал я. — Они совсем другие, они плохо пахнут, как коза, которую вовремя не съели.

Белянка брезгливо поморщилась. Наверное, слишком отчетливо представила себе этот запах.

— Смотри, — сказал я и открыл сумку.

Белянка просунула голову внутрь и шумно втянула в себя воздух. Шумно не потому, что не обучена хорошим манерам, а потому, что, оказывается, твердые стенки сумки усиливают звуки, как дупло в дереве.

— Пахнет вкусно, — сказала Белянка, просунула руку внутрь, обмакнула в слизь и облизала.

Несколько секунд она стояла в задумчивости, а затем снова сунула руку внутрь и снова облизала.

— Очень вкусно, — констатировала она.

Через полчаса мы все съели.

* * *

Всю ночь меня мучили кошмары. Не помню, что конкретно мне снилось, помню только, что я делал что-то ужасное и это было непостижимо, непередаваемо приятно. Я осознавал, что нарушаю все мыслимые и немыслимые запреты, но все равно не мог остановиться, потому что невероятное удовольствие, которое я испытывал, дурманило разум. Я как будто на время превратился в животное, не понимающее того, что оно делает, неспособное ни осознать свою природу, ни тем более изменить ее. Я просто плыл по течению, и это было так приятно, как никогда в жизни. Но одновременно какой-то частью сознания я понимал, что течение несет меня в пропасть, и это было ужасно.

Я проснулся. Во рту было сухо, голова болела. Во всем теле ощущалась слабость, как будто долго не ел, но есть не хотелось, мысли о еде вызывали лишь тошноту. Наверное, пища богов была все-таки испорчена. Или, может быть, пищу богов могут есть только боги, а для людей она — яд. К счастью, не смертельный яд.

Я попытался встать, но на мне что-то лежало. Я повер-

нул голову, чтобы посмотреть, что это такое на мне лежит, и...

В следующее мгновение я почувствовал себя, как будто зашел далеко за границу, отделяющую землю богов от земли людей. Кровь прилила к голове, желудок провалился куда-то вниз, ноги свело судорогой. Я вспомнил все.

Нет! Только не думать об этом, только не думать! Я не могу думать об этом, не должен, я просто не имею права, потому что... Я... Да, точно! Не зря меня прозвали Умником. У меня есть последний шанс, которым я обязан воспользоваться. Я не преступник, я действую по закону, я спасаю любимую. Я обязан спасти любимую, и до тех пор, пока она в опасности, я не имею права думать ни о чем другом. Это тоже закон, и он гораздо важнее, чем... Не думать об этом!

Я резко поднялся с лежанки. Потревоженная Белянка застонала и открыла глаза. Я не колебался ни секунды.

Молния. Слабая молния, неспособная причинить серьезное увечье, но достаточная для того, чтобы ввергнуть любимую обратно в бессознательное состояние. Так у нее тоже появится шанс.

Я обхватил руками бесчувственное тело возлюбленной и потащил его к выходу. Это было жутко тяжело и неудобно — волочить человеческое тело всегда неудобно, а когда ты сам вот-вот... Не думать об этом!

Не знаю, сколько прошло времени, пока мы добрались до калитки. Должно быть, всего несколько минут, но мне показалось, что первая часть нашего путешествия растянулась не меньше чем на час. Если я и дальше буду плестись с той же скоростью... Нет! Не думать об этом!

Изнемогая от усталости, я выбрался за калитку. Краем глаза я заметил, что рядом сидит какой-то человек, но это было совершенно несущественно. Мы с Белянкой должны покинуть Преддверие до того, как... Не думать об этом!

Человек обогнал меня и заглянул в лицо. Это был Кержак.

— Молчи! — простонал я. — Ничего не говори и ни о чем не спрашивай.

На лице Кержака промелькнуло сочувственное выражение, затем он отвернулся. Я заковылял дальше.

Примерно через минуту я заметил, что Белянка стала легче. То ли у меня второе дыхание открылось, то ли...

Я обернулся и увидел Кержака. Он шел сзади и тащил Белянку за нижний конец ее тела. Наши взгляды встретились. Лицо Кержака было безмятежно спокойным.

— Скажи мне только одно, — попросил он. — Если ты не вернешься, ты подаришь мне свой дом и участок?

Я расхохотался демоническим хохотом. Ничего смешного в словах Кержака не было... нет, все-таки было. Я смеялся от восхищения его умом и наглостью. Я привык считать, что во всем мире нет никого умнее меня, и вот неожиданно в деревне появился еще один умник.

— Подарю, — сказал я. — Если мы выйдем из деревни — участок твой.

— А дом? — уточнил Кержак.

— Тоже твой.

— А если не выйдем?

— Ты уж постарайся, чтобы мы вышли, — резко сказал я. — Все, молчи. Мне нельзя думать об этом.

— Давай поговорим о чем-нибудь другом, — предложил Кержак. — Например, о погоде. Ты не находишь, что прошедшая зима была необычно дождливой?

«А ведь он мог бы стать моим другом», — подумал я. У меня никогда не было друзей, я привык относиться ко всем людям как к эгоистичным мерзавцам, и вот теперь в моей жизни впервые появился человек, который мог бы стать моим другом, но не станет, потому что уже поздно. Если мы выйдем из Преддверия (а ведь мы выйдем! Гадом буду, выйдем!), я никогда больше не вернусь домой, а он ни за что не откажется от моего подарка.

— Я дарю тебе дом и участок, — сказал я. — Сразу и навсегда, независимо ни от чего.

Кержак озадаченно хмыкнул.

— А ты не боишься, — спросил он, — что я все брошу прямо сейчас и пойду осваиваться в новых владениях?

— Боялся бы — не подарил, — отрезал я. — Друзей не боятся.

— У меня никогда не было друзей, — сказал Кержак. И добавил: — До тебя.

— Этой зимой было много дождей, — сказал я. — Грядки с репой сильно размыло.

* * *

Мы не успели совсем чуть-чуть. Я уже видел границу крайних участков, уже чувствовал, как волшебный зов ослабевает с каждым шагом, еще минута-другая — и он перестанет быть различимым и тогда можно будет остановиться, привести мою любимую в сознание и... Впрочем, думать об этом пока преждевременно. Мало ли что...

По земле пробежала тень летающего бога. Тень была не обычная, округлая, а какая-то угловатая. А потом я почувствовал, что бог приземляется.

Судорогой свело ноги, дыхание сбилось, сердце пропустило удар. Руки расслабились, Белянка выпала и ударилась головой о камень. Несильно ударилась, не настолько, чтобы покалечиться, но достаточно, чтобы проснуться.

Нет! Я не останавлиюсь! Я все равно сделаю это! Мне наплевать, что Сила, исходящая от приземлившегося бога, усиливает действие закона. Я не нарушаю закон, я, наоборот, соблюдаю его. Я спасаю ту, чья жизнь в моих руках. Я не нарушаю закон.

Я собрал воедино всю свою волю и с удивлением почувствовал, что боги вняли моим доводам. Припадок прошел, я снова управлял своим телом. Не знаю, сколько еще продержусь... Не думать об этом!

В воздухе запахло озоном, это Кержак усыпил мою любимую слабой молнией.

— Спасибо, — сказал я.

Нагнулся, подхватил Белянку, и мы с Кержаком продолжили свой путь, стараясь не обращать внимания на приземлившегося бога, а точнее, богов — их было двое.

Это были совсем новые боги, таких я еще не видел. Обычно летающие боги не умеют ходить. Приземлив-

шись, они некоторое время стоят неподвижно, а потом снова взлетают. Но эти боги ходили, не перекатывались, а именно ходили.

Пожалуй, из всех богов именно эти двое больше всего похожи на людей. Очень большие, почти как болотный змей, туловище короткое, широкое и какое-то округлое, как камень, голова очень большая, руки и ноги непропорционально длинные... Что? Точно! Они разговаривают!

Да, они разговаривали. Их речь была непонятна, но это была именно речь, никаких сомнений быть не могло. Только сейчас я сообразил, что никогда раньше не слышал, чтобы боги разговаривали между собой. Когда боги занимаются тяжелой работой, они рычат, когда спотыкаются или оскальзываются — визгливо ругаются, но они никогда не разговаривают между собой. Странно, что раньше я не обращал внимания на эту несообразность, а воспринимал ее как нечто само собой разумеющееся.

Один из богов поднял руки, и на конце одной руки открылся глаз. Глаз был огромен, раз в десять больше, чем у болотного змея. Глаз уставился на меня пустым и холодным взглядом, и я почувствовал приближение припадка. Нет! Не думать об этом!

Бог с глазом что-то сказал другому, тот что-то ответил, а потом снова случилось нечто невиданное. Бог с глазом справил большую нужду.

В его руке рядом с глазом открылось отверстие, и из него на траву выпали четыре куска испражнений. Они не выглядели как экскременты, они были похожи на камни неестественно правильной цилиндрической формы толщиной в половину человеческого туловища, но намного короче. Облегчившийся бог снова что-то сказал, мне показалось, что в его речи прозвучали нотки раздражения.

Боги стояли на нашем пути. Я не хотел приближаться к ним вплотную, но выбора не было — слева и справа дорогу преграждали изгороди частных владений. И когда мы приблизились к богам на расстояние двух божьих шагов, бог без глаза сделал эти два шага.

Он наклонился, протянул свою неимоверно длинную

руку, схватил Белянку, вырвал ее из наших с Кержаком рук и поднял высоко вверх. Он коснулся меня, и я почувствовал, что рука его очень горячая.

К горлу подкатил комок, кровь прилила к голове, а земля стала скользкой. Я потерял равновесие и растянулся на дороге. Я был уверен, что сейчас начнется припадок, но я ошибся, припадка не было. Наоборот, я почувствовал вдруг абсолютное спокойствие.

Белянка очнулась, ее глаза открылись. Несколько секунд она лежала неподвижно, очевидно, не понимала, где находится, а потом она все поняла и вспомнила. Она заорала, она забилась в судорогах, она вздрогнула так, что бог едва не выпустил ее. А потом она вздрогнула в последний раз и бессильно обвисла на руках бога.

Боги обменялись несколькими словами. Тот, который держал Белянку, разжал руки, и моя любимая упала прямо на кучу божьих экскрементов. Второй бог указал рукой на тело Белянки и что-то сказал. А потом они взлетели и быстро скрылись из вида.

Волна Силы отступила. Земля перестала быть скользкой, кровь отлила от головы, и я почувствовал себя почти нормально, в физическом смысле, конечно, в душе зияла большая черная пустота.

Я подошел к Белянке, припал ухом к ее телу и прислушался к сердцебиению. Сердце не билось.

Не помню, сколько времени я просидел, привалившись к свежему трупу. Не помню, о чем я думал и думал ли вообще. Это время просто выпало из моей жизни.

Из ступора меня вывел вскрик Кержака. Оказывается, он еще не ушел наводить порядок в своем новом доме. Он сидел рядом и то ли охранял меня непонятно от кого, то ли просто решил до конца досмотреть необычное представление.

Кричал он оттого, что схватился за кусок божьего дерьма и после этого произошло что-то, что его напугало.

— Что случилось? — спросил я.

— Не знаю, — испуганно ответил Кержак. — Меня будто молнией ударило.

Я рассеянно встал на ноги и переместился на метр, туда, где лежал еще один образец отходов божьей жизнедеятельности. Ухватился двумя руками за холодный каменный бок и вскрикнул, не столько от боли, сколько от потрясения.

Кержак не понял самого главного, но это неудивительно — чтобы это понять, надо провести в Преддверии не два неполных дня, а гораздо больше времени. Либо быть настоящим волшебником.

Кто мог подумать, что Камень Силы, о котором сложено так много легенд, представляет собой не что иное, как испражнения бога? Я рассмеялся. Жизнь полна непостижимых загадок, ответы на которые часто бывают несуразными и оттого смешными.

Я крепко вцепился в Камень обеими руками и стал впитывать Силу в себя. Это было очень болезненно, но я знал, что результат окупит все мои страдания сторицей. К тому же страдать мне осталось недолго. Я понял, что должен сделать, ужаснулся, но тут же успокоился. Какой смысл ужасаться, если другого выхода все равно нет?

Не знаю, сколько времени я пролежал в обнимку с божьим дерьмом. Просто в один прекрасный момент я понял, что Камень потерял всю свою Силу и стал обычным камнем, пусть и необычным на вид. Я впитал всю его Силу в себя.

Бог оставил мне четыре камня. Я могу повторить процедуру... но зачем? Или повторить? На всякий случай?

Я принял компромиссное решение. Положил второй камень в брюшную сумку и пошел обратно в деревню.

* * *

Сила переполняла меня. Странное дело, но волшебный зов, доносящийся с Лысой горы, теперь почти не ощущался. Я знал, что совершил смертный грех, но не чувствовал никаких признаков приближающегося припадка. Я знал, что мне нечего бояться, потому что я действую правильно. Вот когда я закончу то, что должен закончить, вот тогда... Ничего тогда не случится, потому что на Лысой

горе больше не останется никакой Силы. Трудно, конечно, придется... Стоп! О чем это я? Я что, собрался остаться в живых после всего, что произойдет?!

Я не заметил, как перешел границу. Сила, наполнявшая пространство вокруг Лысой горы, казалась слабой и незначительной по сравнению с той Силой, что бушевала во мне.

Я поскользнулся и только тогда осознал, что нахожусь на земле богов. Огляделся по сторонам и увидел первого бога. Я его называю Неподвижный Ушастик. В отличие от других богов он не умеет ни ходить, ни летать, он все время стоит на одном месте, а единственное его ухо равномерно вращается вокруг вертикальной оси, прислушиваясь ко всему, что происходит вокруг. Судя по тому, что они никогда не меняют свое поведение, за всю свою жизнь он ни разу не услышал ничего интересного.

Я остановился, поднял руки и сотворил заклинание. И сам поразился тому, что сотворил.

Я рассчитывал, что моя молния заставит бога прекратить вращать своим ухом и, может быть, сделать что-нибудь заметное, перед тем как тихо умереть. То, что произошло в действительности, стало для меня полной неожиданностью.

Бог разорвался на части. Огромное ухо оторвалось от головы, на которой росло, взмыло ввысь, как будто неожиданно научилось летать, но тут же развалилось на части, опавшие на землю, как листья с засохшего дерева. Голова рассыпалась кучей мелких осколков, туловище раскрылось, и я увидел, что бог внутри состоит из камня. Странно, я полагал, что боги такие же живые, как мы, люди.

Привлеченный грохотом, проснулся Большой Бегун. Он издал протяжный стон, открыл свои страшные светящиеся глаза и с громким рычанием побежал ко мне. Обычно Большой Бегун ходит очень медленно, но если необходимо, он может развивать впечатляющую скорость.

Я встретил его молнией в лоб. Бог качнулся, остановился и перестал рычать. Из задней части его тела повалил густой дым.

Кто следующий? Ага, понятно.

Сразу четверо богов нового вида, тех, которые и ходят, и летают, выскочили из-за угла Большого Дома. Они что-то громко кричали на своем языке, переговариваясь между собой, и быстро приближались ко мне. Хотя нет, не ко мне, меня они не видели, они бежали к дымящемуся Большому Бегуну.

Я подождал, когда они подбегут поближе, и метнул третью молнию. Ближайший ко мне бог подпрыгнул и вдруг взорвался кровавым дождем. Выходит, я был прав, пусть и не до конца — некоторые боги действительно живые.

Теперь боги увидели меня. Они застыли там, где стояли, и смотрели на меня в полнейшем ошеломенении. Что, не ждали, что человек способен ответить на оскорбление?

Четвертая молния разорвала на куски еще одного бога. А потом в моем позвоночнике что-то взорвалось, меня подбросило в воздух, перевернуло, и я успел увидеть, что нижняя часть моего тела лежит отдельно от верхней, а из того места, где две половинки должны соединяться, бьет фонтан крови. Это было последнее, что я увидел.

* * *

— Твою мать! — с чувством выругался Умберто. — Оторву яйца тому дебилу, который присвоил этой планете рейтинг семьдесят...

— Семьдесят три процента, — подсказал Тимоти. — Курорт, блин.

— Где профессор?! — заорал Умберто в переговорник. — Где долбаный профессор, мать его в...

Умберто говорил еще долго, но оставшаяся часть его тирады не включала в себя ничего, кроме площадной брани, и не несла лексической нагрузки.

— Что случилось? — отозвался через переговорник профессор Гольдштейн. — Что-то чрезвычайное?

— Чрезвычайное, блин! — с чувством подтвердил Умберто. — Один долбаный червяк заполз на базу, сжег радар, большой транспортер и двух моих бойцов. Какой кре-

тин написал, что их электрические разряды не опасны для жизни?

— Сейчас иду, — сказал профессор. — А что... Погодите! Он все это сделал своим биологическим электричеством?!

Умберто смачно сплюнул на землю и выключил переговорник. Все эти яйцеголовые одинаковы — думают только о своей науке. Сейчас это чмо прибежит сюда, начнет разоряться, что ему срочно надо ставить опыты над червяками... тьфу на него!

Его мысли прервал Тимоти.

— Шеф! — позвал он. — Посмотрите сюда!

Умберто посмотрел и обомлел. Из набрюшной сумки сумасшедшего червяка выглядывал наконечник стандартной высокоэнергетической батарейки китайского производства.

— Какой урод... — начал Умберто, но наткнулся на взгляд Тимоти и умолк.

Он вспомнил, какой урод. Но кто же мог подумать, что простое желание сфотографировать необычную сценку из жизни этих долбанных червяков...

Тимоти решительно выдернул батарейку из кожной складки на брюхе червя и сунул себе в карман.

— Вы что-то увидели, шеф? — спросил он.

Умберто мрачно рассмеялся и с чувством хлопнул его по спине.

— Я твой должник, — сказал Умберто.

Он представил себе, как долбанутый профессор Гольдштейн будет снова и снова безуспешно пытаться воспроизвести результаты эксперимента... Хороший урок будет старому козлу, будет знать, гнида очкастая, что десантники никому не позволяют собой помыкать. А то завел моду — принесите то, унесите это, извольте не выражаться в моем присутствии... тьфу на него!

А потом взгляд Умберто упал на две обутленные головешки, которые совсем недавно были хорошими живыми ребятами, у него засвербело в носу и защипало в глазах. «Ненавижу эту работу», — подумал Умберто.

АЛЕКСАНДРА САШНЕВА

ЛОЖИСЬ!...

авыла сирена, и красная лазерная пленка зависла на уровне моего колена. *«Раз, два, три, четыре, пять. Мусора идут стрелять. Кто не спрятался — я не виноват»*, — пропел я, заглушая противную пищалку, которая визжит прямо в моей голове. Я привычно рухнул на четвереньки и распластался. Руки на затылок, лицо вниз. Ждать. Бух, бух, бух! Серия ударов раздалась вокруг меня по количеству прохожих.

Все как обычно.

Пищалка в голове затихла. Осталось только заунывное тиликанье.

Из черной глубины стеклонового покрытия на меня нехорошо уставился мой двойник. Этот подозрительный взгляд — всегда врасплох. Я знаю, что это всего лишь отражение, но... не верю. Оно всегда смотрит так, будто я что-то украл или публично обгадился. Попытки опередить его и соорудить на лице какое-нибудь нейтральное выражение безрезультатны. Я даже тренировался перед зеркалом в мыльном блоке, копируя тридэшного диктора. Там получается, а на улице — никак.

Поэтому через некоторое время во мне оформилось твердое, непоколебимое убеждение, что эта мерзкая морда не является отражением моего собственного лица, а есть скорее некая тонкая сущность, возникающая в том месте и в то время, когда по законам физики в стеклоне тротуара должно появляться мое отражение.

Что особенно противно, двойник всегда смотрит на меня в упор. К тому же если отвести глаза, то его беспощадный взгляд начинает буравить лобную кость. Какое же это отражение?

Он молчит, и это страшнее всего. Он непредсказуем. Кто знает, какой номер выкинет эта бесплотная тварь? Поэтому я стараюсь побыстрее надышаться. От дыхания стеклон запотевают, и отражение, и без того мутное, становится совсем неразборчивым. Зато обостряется слух. Если мусора не едут долго, можно успеть даже помедитировать.

Жаль только, в макушке все это время монотонно тикает какая-то хрень.

Как и всем честным трудакам, мне приходится падать по несколько раз в день практически со школьного возраста. Первый раз грохнуться коленками о стеклоновое покрытие тротуара было больно. Поэтому на занятиях в школе я сачковал. Многие сачковали.

Потом перестали.

Когда я увидел, как пулемет «мусорника», нимало не мохая, аннулировал пару трудящихся, зазевавшихся на рекламный «голяк», я забыл о коленках. Мало того, я падал на четвереньки даже в обитали, куда «мусорник» в общем-то не заглядывает.

Рядом со мной кто-то начал ругаться, я медленно повернул голову: седой старик, потирая ушибленную ногу, перебирал все, что мог вспомнить из крепкого арго.

Я снова привел лицо в должное положение и услышал, что ментовский «мусорник» вылетел из-за угла с Пелевинского пролета. Раздалось несколько вскриков. Я машинально сосчитал их — намного ли прибавилось работы. Раз, два... Пара. Ну, ничего. Займет полчаса.

Еще останется время до того, как придет Севка Прошкец, поковыряться в подвале с гитарой. Он хоть и секретарь, но вполне неплохой четэ.

Я прислушиваюсь, не скосил ли «мусорник» еще кого на моем участке, но звука падения больше не слышать. Значит, сегодня всего два.

Два покойника — не так уж много. Быстро управлюсь. До ночи «мусорник» больше не появится. А ночью народу на улицах мало, так что можно и поспать часов до пяти, потом собрать ночных, чтобы толпы трудаков шли на смену по чистому, и поспать еще до десяти. Все равно

до этого времени нет смысла заниматься уборкой — полусонные трудаки так и валяются под лазерным пулеметом. Я, честное слово, удивляюсь, какие люди тормоза. Аннулятор, он же не школьный и не тренировочный! Он же сразу насмерть. И на вторсырье. Говорят, что Матрица всех ждет, Матрица всем мать и отец, и там даже лучше, чем здесь. Но тогда неясно, почему тогда все люди не пойдут туда строем?

Хотя я помню. Была у меня мысль умереть. Очень любопытно было — как там. Но потом меня остановило вот что. Фимоза приволокла запрещенный фильм про море. И у меня мечта появилась. Я подумал, что сначала туда, на море как-нибудь, а потом уже обратно в Матрицу. Хотя умные люди говорят, что Матрица и море практически одно и то же.

Нет-нет. Сегодня неплохой день. Среда. Вот по понедельникам после воскресных злоупотреблений «красной» заваливают весь тротуар. Хорошо, что ментовский аннулятор варит придурков целиком, не разворачивая в кровавый фарш, как старинные пули. Я видел кучу картинок на сайтах по истории — тошнить тянет с этого зрелища.

Некоторые говорят, что раньше было лучше, но я считаю, что живу в самое гуманное время. По крайней мере, для дворников. Бывает, конечно, при падении кто-нибудь расквасит нос или выронит банку с соком, иногда обгадятся, что особенно непонтово, но на это есть сандуш, которым я управляю по всей длине квартала номер двести пять. Нажимаю кнопчку на «911-браслете», и мощные плоские струи, бьющие в микронах от поверхности тротуара, так отдраивают стекло, что он ненадолго превращается в зеркало. Раньше, когда Москва еще не занимала половину всей Земли, тротуары закатывали асфальтом. Я видал фрагмент такого тротуара на историческом бульваре под Лубянкой. Дерьмо дерьмом. А уж кровичу от него отмыть — нечего и думать.

Подняв в воздух пыль и пустые упаковки от пищевых таблеток, воздушная волна унеслась дальше, и сирена,

отражаясь от чугунного потолка перекрытия, провыла отбой.

Я поднял голову, не особенно спеша занять вертикальное положение, чего не скажешь об остальных прохожих. Они ругались и торопились возобновить прерванную на несколько минут жизнь.

Прикинутая по местным меркам КСР менвизмен прощедла сквозь стиснутые зубы какое-то модное верхнее ругательство, поправила прическу и остановилась у бордюра в ожидании такси. Я оценил ее взглядом с ног до головы и подумал, что если бы она была нормальным парнем, то я бы с ней не отказался. Красивые мужественные губы, фигура неплохая. Севка ей уступает процентов на двести. Эта наверняка у лифтов по ночам стоит. Иначе откуда такой прикид? Или «коричневым» торгует? Да нет, слишком беззаботный вид. У маронов всегда глаза бегают, если они не под кайфом.

Иногда я завидую КСР, но потом понимаю, что если бы я делал секс не тогда, когда мне хочется, а когда скажут, мне бы это не понравилось. Поэтому соглашаюсь быть нищим дворником. Дворники нужны.

Дедок, который валялся рядом со мной, выругался теперь во весь голос и, прихрамывая, поковылял дальше к Ельцинской площади. Старикан, видать, еще помнит времена, когда «мусорники» не ездили, а менты просто парили трудаков на документы. Фимоза, тоже пролетная КСРка (хотя и шлюха, но неплохая, довольно интересная личность, со своими приколами), насмотревшись древних фильмов, говорила, что документы показать — не такая была запара, как под лазерный уровень плюхаться сверху очком, и шансов побегать от ментов было побольше, но я — против того, чтобы бегать. Наше государство Москва — единственное на Земле царство справедливости и гуманности, потому что второе государство — Вашингтон — есть, разумеется, империя зла и несправедливости. Поэтому я лично от ментов не бегаю. И чего от ментов бегать нормальному честному трудаку? Да, я немного виноват, потому что двигаюсь «красным», ну а кто не

★
двигается? Его ж в магазине продают. Одна пастилка в день не возбраняется. Я, правда, сжираю и по три, и по четыре, ну уж... Я свою меру знаю.

Есть у меня один беспспорный грех: я трогаю себя иногда руками. Трогаю там, где строго-настрого запрещено трогать. Да. Не смейтесь и не ужасайтесь! Иногда по несколько минут! В конце концов, если Матрица создал руки и то, что ими можно потрогать, то зачем отказывать себе в маленькой бесплатной радости? Но тогда в чем будет моя вина?

В макушке опять затиликало, на этот раз тихо. Но я все-таки потерял нить... О чем это я? А-а... Трудак не может быть ни в чем не виновным! Так не бывает. Не виновным может быть только совершенство, а мы, трудаки, — мы, в сущности, тормоза. Мы — хорошие перцы, но... в чем-то мы все виноваты. Я точно знаю, только не знаю в чем.

Я снова морщу мозги, стараясь додумать мысль до конца, и рука моя инстинктивно тянется к макушке, но тиликанье снова усиливается, и я отдергиваю руку, вспоминая, что вот где-где, а на улице-то уж точно не стоит трогать себя за здесь.

Старика обогнали юнцы-гэпы. Практически не обратив внимания на происшествие, они поспешили убраться в ближайшее парадное. Мне показалось, что как раз эти должны быть адептами «коричневого». Нужно будет пробить подъезд на предмет барыги. Если тут не дешевле, то уж точно ближе к обитали. К тому же Фимоза, чертова КСРка, пропала куда-то. Так-то она мне всегда таскала «корье». Я спас ей жизнь, как-то раз дернув за ногу во время установки уровня, ну она и ублажала меня. Не даром, конечно. Даром она только один раз принесла «коричневый». Впервые. Ну, сразу после того, как в живых осталась. А потом, конечно, за деньги, но с большой скидкой.

Старик наконец-то скрылся за углом, и больше прохожих не было.

Я полежал еще пару минут, обдумывая, как бы хорошо было научиться передвигаться ползком. Ползают же змеи и ящерицы, почему бы и мне не освоить эту техни-

ку. Я еще молод, у меня могло бы что-нибудь получиться. А к старости основать школу Змеи. Благодарные потомки гордились бы мной. На дверях дворницкой повесили бы мемориальный экран, может быть, даже «голяк», как Пелевину. И гэпы собирались бы на ступеньках позакидываться «коричневым». Взрослые люди могут и у себя в обитали «коричневеть», а вот гэпам — я вспомнил свое совсем недавнее прошлое — хуже. До шестнадцати лет даже «краснеть» запрещено, а уж о «коричневом» и говорить-то.

«Но! — ухмыльнулся я. — Не думать! Хотя и думать тоже запрещено, но кто ж узнает?»

Вообще-то на «краснеж» практически закрывают глаза, потому как «красное» выбивает из головы трудака всякие ненужные мысли и работает под него исключительно. А главное в жизни для взрослого четэ — ОПТ (общественно-полезный труд) на благо ЖП (жизненного процесса). Так что главная кара злостного «краснежника» — угрызания совести и провалы в памяти с утра.

А вот за «коричневое» придется туго. Можно и на слой ниже опуститься.

В газетах, правда, пишут, что «красное», как, впрочем, и «коричневое», вредит здоровью. Вредит, вредит... Это так. Кто не без греха? Севка Прошкец вон секретарь, и то иногда «краснеет». Хотя сам же говорит, что допинги портят здоровье, а здоровье четэ принадлежит государству, так же как и сам четэ. Весь, с говном и мозгами (если они есть). Стало быть, принимая доп не для пользы труда, ЧТ совершает преступление против госсобственности. Ясно? Ясно-то ясно, да... Долбануть бы «коричневого», трам-тарарам! Да вот что-то Фимоза моя куда-то исчезла.

Поразмыслив так, я наконец-то поднялся на ноги и направился к трупам. Их было два. Перец моего возраста с клевым долбилем на голове и коммерческая сексуальная работница (КСРка). Долбило еще продолжало долбить, простите мне эту игру слов, а в стеклянных глазах парня уже отражались звезды фонарей, вибрирующие холодом неона на чугунном перекрытии слоя. Из го-

ловы терпельца вытекал густой кровавый сироп. Здорово, видать, он припечатался черепком. Со всего маху упал. Ладно не обделался. Кровь — не дерьмо, душиком смоем.

И тут я, внутренне покраснев, подумал: в «Кодексе» написано, что живой трудак не может прикоснуться к своей макушке и макушке другого трудака, а насчет трупа ничего не написано! Я уже собираюсь превратить мысль в действие, но тут макушка моя просто взрывается дурацким визгом.

И я на секунду замираю. Вот я тормоз! Правильно, что меня направили в дворники. На заводе, где собирают роботов, я бы точно не смог работать.

Ладно, пора приступать к уборке...

Юбка коммерческой сексуальной работницы бесстыдно задралась, и я мог оценить профессиональные данные по достоинству. Мне бы такие, я бы не собирал трупиков по тротуарам. К сожалению, я не очень хорошо сложен по местным понятиям.

Мне всегда было интересно, что думают люди, когда их срубает аннулятором, поэтому я заглядываю в их глаза, после того как. Трудак с долбаком на голове смотрел в потолок нашего нижнего слоя умиротворенно, как и положено четэ, знающему, что его сухой остаток, то есть тело, пойдет на благо Глобальной Системы Заводов (ГСЗ), а в конечном счете на обеспечение жизненного процесса (ОЖП). И это есть счастье для четэ. *Счастье четэ в том, чтобы быть полезным.* А живой он или мертвый — какая разница?

Я перевернул тоненькое тело КСРки. В ее глазах застыло разочарование. И обида. Мне дико понравилась эта мордашка — пухлые губки, ресницы длинные. Обида была к лицу КСР, добавляла трогательности. И маленькие сисечки под маечкой, купленной у фарцов, тоже прибавляли трогательности. Такие беззащитные сисечки. Изумительные. Казалось, что КСР сбежала с детского комбината. «Я всегда хотел иметь такое же тело, — подумал я и озадачился. — А может быть... *хотела?*»

Конечно в «Кодексе честного труженика» написано,

когда и кому надо говорить о себе в женском роде, но есть тонкие моменты... Вот, например, я хорошо понимаю, что когда мы с Прошкецом кувыркаемся, то, конечно, я буду говорить «хотела», «пошла», «съела» и т.п., а вот когда я просто завидую телу КСР женского рода, то я завидую как кто? А с другой стороны, в «Кодексе» четко записано, что сексуальный работник, независимо от его биологического рода, должен говорить о себе в женском роде, потому как исторически сложилось так, что раньше бабы позволяли с собой подурить в обмен на то, чтобы мужики им денег дали или шмотья какого. Но это было давно и неправда. Сейчас этим зарабатывают и те и другие, хотя уже ни тех, ни других не осталось. А есть только честные трудаки и коммерческие сексуальные работницы и работники. Вот так и говорят: «Работник пошла, работница получила...» Трудно мне все это понять. Трудно. Ну так я и работаю дворником, а те, кто все это понимает, работают, как Севка, секретарями или на заводе роботов собирают.

Я вздохнул, последний раз окидывая парочку взглядом.

Они лежали так, будто сигнал аннулятора застал их в объятиях. Конечно, в долбиле, да еще с такой хорошенькой КСР, не то что сирены не услышишь — разлом реактора можно прохлебать. Дураки! Что за экстремальный секс — на улице целоваться? Трудно, что ли, во двор зайти? Или в обитали устроиться? Чего проще. Там и душик есть, и кровать. Вроде не гэпы на вид.

Я сходил в подсобку за санпленкой.

Вернулся.

Вовремя вернулся. К моим подопечным как раз подбирались бомжи-сиамы, один уже протянул грязную шестерню к блестящему долбилу, второй примеривался — не отыметь ли напоследок коммерческую сексуальную работницу.

— Отвали, — лениво посоветовал я уродам и для убеждения показал «аларм-браслет» на запястье. — Долбило — моя добыча.

Сиамы, хихикая, отвалили на трех общих ногах.

Я вздохнул. Ленивые они такие, потому что знают: ночью опять мусора навалят, и они свое возьмут. Меня, конечно, оштрафуют, если менты увидят, что сиамы трупы потрошат, но я надеюсь, что это случится не на моем участке.

Сиамы углубились в кабельный люк.

«Вот менты! — подумал я беззлобно, не то завидуя, не то досадуя. — За «коричневое» честного трудака живо распотрошат, а эти скачут на своих трех. Где бабло-то берут? Они хоть и уроды, но жрать-то им тоже надо. Ладно, шмотье они с трупакон снимают. А жрань-то? Жрань-то где они берут?»

Наверняка близняшки стучат в мусарню, у кого есть «коричневое», а менты им сухим пайком, ну и безопасность опять же. Наверняка там, в люке, дыра в нижний уровень, где «коричневое» варят. Там, наверное, варят. Черт! Осенило меня. Сиамы же и приносят его! Куда проще! И приносят, и стучат сами на тех, кто бабло зажимает или как-нибудь не так себя ведет.

«Логично, но нереально, — подумал я. — Нельзя думать такие мысли. Будет плохо».

Я направил очко браслета на значок парня, а потом на значок КСР, чтобы считать коды пребывания для передачи в глобальную Сеть. Браслет пискнул, сообщая об успешном завершении операции, и я принялся упаковывать парочку в зеленые коконы из санпленки.

— Ну вот, в пух тебя разнеси! — сказал я удовлетворенно, складывая коконы на поддон санитарного ската. Пластиковая мембрана разошлась, и бывшие честные трудаки покатались вниз, в невидимое чрево города. Я понятия не имею, на что пойдут их ненужные теперь шмотки, внутренности и все такое. Ясно одно: сделал дело — дыши смело. Так что теперь осталось только включить уборочный душ, и я свободен. Город сам внесет трупачные коды в список выбывших, номера обитателей переместятся из адресного стола в лист свободной жилплощади, корреспондентам и контактерам уйдет известие о том, что данные персоны покинули реал.

Набрав на браслете код санитарного душа, я пона-

блюдал, как тугие струи, вырывающиеся из керамических распылителей, сносят мусор, пыль и кровь, вытекшую из разбитой головы аннулированного перца. Через пару минут, когда воняющая фтором вода сделала все, что смогла, я отковырял от стеклонового покрытия кусок жвачки и спустил ее в санскат, потом еще раз окинул подшефную территорию требовательным взглядом и направился к обитали.

Едва я открыл дверь в подъезд, завоняло. И бессильная злоба шарахнула меня по голове. «Нет, все-таки прав Прошкец. Что-то у меня с головой. Нормальный ЧТ никогда не будет злобиться на калек. Они ж и так обижены. А насчет «коричневого» — так это я сам придумал, никто ведь не видел, как они им торгуют».

Но я злюсь.

Сиамы ненавидят меня за то, что я не даю им глумиться над трупаками. Это они нагадили. Нет никаких сомнений. Иногда я грузюсь на то, что в моей норе нет окон — только голографический проектор, встроенный в стену, но, когда вспоминаю про эту трехногую сволочь, меня радует это обстоятельство. Не хватало еще, чтобы они мне на стекла нассали или написали бы какую-нибудь непристойщину.

Я включил фонарик на браслете и осветил лестницу. Странно — ступени были чисты. А откуда же воняет? Холодный пот окатил меня с ног до головы — неужели сиамы нассали на лестнице заводских? Вот мне прилетит, если трудаки унюхают, когда вернутся со смены!

Я быстро рванул по ступенькам вверх. Слава Матрице, там ничего не было.

Тогда я включил вентилятор, полагая, что гнусные твари скорее всего подпустили газа из какого-то подлого баллона. Или просто целый день здесь просидели. От них и без баллона воняет так, что...

Успокоенный, я вернулся к спуску в дворницкую и в нетерпении достал из-за пазухи долбило. Аппарат был классный — легкий, серебристый, с изумительными ма-

ленькими слушаками — наверняка покойничек выменял у какой-нибудь КСР на изрядную дозу «коричневого».

Я, как нормальный дворник и вообще сознательный трудак, конечно, презираю все это блестящее и сияющее, от чего сходят с ума почти все нижние, но почему-то сердце мое жалобно сжимается при виде всего этого барахла. Почему-то мне вспоминаются тихие стайки КСР, толпящиеся у грузовых лифтов по ночам.

«На заднем кожаном сиденье авто она...» — все знают эту песенку, от которой у нижних комсексработниц глазки заволакивает туманом. Так что рокеры с архаичным репертуаром типа «По краю крутой эстакады...» не имеют шансов собрать и половину зала какой-нибудь загнуханной пивнухи.

На третьей ступеньке я остановился в нетерпении, собираясь надеть трофейный долбак и послушать модные песенки. Если клевое, то можно будет позвать гостей. «Краснухи» принесут. Классно оттянемся.

Но, к счастью, я не успел надеть долбак, потому что ткнулся лицом в какую-то паутину или нитку, и тотчас сверху мне на голову потекло вонючее и теплое.

«Говно! — догадался я по запаху и мысленно возопил: — Уроды! Убью!»

Мысленно, потому что рот я открыть не смел. Если бы я открыл его, то неизбежно попробовал бы сямье дерьмо на вкус.

Не помню, как оказался в душевом пепелаце, — уж очень быстро это произошло. Смыв с себя фекалии, я побрился налысо, нарушая все правила приличий, но если бы можно было, я бы и шкуркой прошелся. Тепленькая водица слегка остудила мой гнев. «Под аннулятор вытолкну!» — пообещал я ублюдкам и потянулся к стене.

За отставшей кафельной плиткой у меня еще была заначка «красного». Для верности я слопал сразу три пастилки, и вскоре мне совсем клево стало. Чтобы усилить кайф, я даже высунулся из пепелаца и утянул со стола

благоприобретенный только что долбак. Короче, я сунул слушаки в уши и закрыл глаза.

Фимоза, дрянь, приволокла как-то запрещенную касету. Мы приняли «коричневого» и смотрели это чудесное верхнее кино — на железяке его не показывают — просто потому, что его смотрят там, наверху. Мы ничего не поняли из сюжета и половину слов не разобрали, но там была сексуальная сцена на верхнем уровне. Два ЧТ обнимались на открытой площадке, и пошел дождь. Дождь — это душ из неба. Вообще-то душ должен идти только сбоку, потому что Матрица запрещает прикасаться смертному к своей макушке. Но там они стояли под дождем и он лился сверху. А еще Фимоза сказала, что там есть солнце — это звезда, что ее никто никогда не зажигал, а она горит сама. Меня это удивляет. Все в мире создано Матрицей. И если какое-то солнце горит, значит, от Матрицы к нему идет какой-то шнур.

Я точно знаю из уроков, что все, что создано, создано Матрицей.

Но последнее время меня это начало парить. Потому что если все сделал кто-то, то кто сделал Матрицу? Еще меня парит много других вещей, но я боюсь про них говорить со своими друзьями. Меня инстинктивно пугают эти темы. Ну, примерно как трогать себя. В книжках написано, что на ладонях вырастут волосы, если трогать себя за макушку, но я трогаю. И у меня ничего не выросло. Сначала я следил, намереваясь не пропустить момент и выщипать первые же ростки, но когда прошел год, я понял: если волосам где и суждено вырасти, то они непременно вырастут, а если нет, то хоть убейся.

Зато я заметил, что когда гладишь себя по макушке, то тиликанье пропадает и в голове становится немного яснее, чем обычно. И еще от «коричневого» тиликанье прибавляет исключительно.

Я наклонил голову, и теплая вода текла по моему свежевывритому черепу. Было приятно.

Когда я был еще ребенком и жил в детском комбинате, папа и мама приходили ко мне. Играли, разговарива-

ли. И папа иногда пытался погладить меня по голове, а мама ругался. Говорил: «Чему ты ребенка учишь? Вот наступит Новый год, секретарь от имени Матрицы всех и погладит! Испортишь жизнь ребенку!»

Я вспоминаю руку отца. Она похожа на дождь. «Дож-ш-ш-ш-ш-ть. Душ-ш-ш-ш-ш», — шепчу я вслух, но не слышу своего шепота, потому что шумит душ-дождь и играет музыка. Она похожа на то, как если бы я сидел на берегу настоящего моря, а волны бы перебирали камешки. Они точно звенят, как хрустальные, когда их поднимает волной. Я уверен. Однажды я смотрел старый фильм (тоже Фимоза притаскивала), так в этом фильме люди праздновали Новый год. Они танцевали, пели — ну, совершенно как мы, но только мы выставляем в центр обитали или на площадях голяки, изображающие древние елки, а они ходили вокруг настоящего дерева. Я уверен, что оно очень хорошо пахнет. Настоящее все пахнет хорошо.

Фимоза же — не к добру я ее так часто вспоминаю! — заработала у лифта несколько пакетиков с настоящим чаем. Не капли, а это трава такая сушеная. Что, не знали? И я не знал.

Вот это запах!

Думаете, я его заваривал? Нет. Я целый год держал пакетик под подушкой. Нюхал. Потом, конечно, заварил, когда нюхать нечего стало. Но дело не в этом! Я же о елке в старинном фильме. Стекланные камни, которые висели на этом дереве, звенели ясным хрустальным звоном. Слово «хрустальный» я, конечно, употребляю, начитавшись книг. Я не знаю, как звенит хрусталь и что это такое. Просто мне кажется, что в этом слове есть ХРУпкость и СТАЛЬ. Как звенит сталь, я знаю хорошо. На железяке полно стали. А вот хрупкого тут не найти.

Почему я представляю себя у моря? Потому что я знаю, где-то на Земле есть моря. И я уверен, там должны быть свои дворники и другие прочие ЧТ.

О... чувствуете, как долго не тиликает? Это потому, что я стою под душем и нарушаю общественную мораль.

Интересно, на третьем уровне или на четвертом такая

же мораль, как и на нашей железяке? Должна быть другая. Там у них никакого лазера нет. Говорят, и «коричневого» нет. Ну, как без уровня они живут, это я еще могу понять. Это как в детстве, пока на улицу не выходишь. А вот без «коричневого» как? «Коричневое» действует так, что по фигу становятся уровни всякие, слои, ОЖП, склонения, спряжения, рода и полы. И жизнь твоя такая махонькая становится, что можно на ладошку положить и сдунуть, как одуванчик. Я, правда, и одуванчики видел только в архивном кино, но как-то мне попался древний текст «Вино из одуванчиков» — книга тех времен, когда люди еще бумажные книги читали. Ох! Не верю я в это. Или людей было очень мало, или все это ложь. Ну где же взять столько деревьев, чтобы напечатать всю эту тексту?

Хотя если верить древним книгам, то дожди тогда были доступны для любого. И городов было много. Не два, как сейчас, а много маленьких.

А главное, когда я читал эту книгу, мне пришлось все время за макушку держаться. Фимоза мне посоветовала, а то бы у меня мозги лопнули от тиликания. Если честно, то я бы и вовсе макушку не отпускал бы. Но руками иногда приходится что-то делать, а на улице или когда другие видят — нельзя. Мусорским застучат. А там... Опустят, короче.

Хорошо, что никто не видит, что я под душем стою...

Вот меня потащило... С одной стороны, сладко, будто «коричневого» принял литра полтора на грудь, а с другой стороны — хреново до того, что завывть хочется, глядя на лампочку. В древних книгах написано, что раньше волки были на луну. Это мифические животные, похожие на собак. Говорят, они были на самом деле. Но я не верю. Не верю я также и в то, что книги были бумажными. Бумага — это же очень дорого. Где бы они взяли столько деревьев?

Когда я слушаю такую музыку, то и мне хочется написать такую же, но я давно забил на то, чтобы даже и пытаться. Конечно, я могу содрать. Будет попроще и покривее, но похоже. Нижним трудам даже нравится, но мне — нет. Я понимаю, что это музыка про музыку, а мне хотелось бы испытать те легкие чувства, такие нежные

настроения, от которых такая музыка рождается самостоятельно. Можно снять аккорды. У меня хороший слух, и я их подбираю легко, но есть одно крупное «но». Я не понимаю, какую эмоцию скрывает этот аккорд. Если я применяю обычный квартоквинтовый круг, то он мне понятен — это то тиликанье, что постоянно крутится у меня в голове.

Севка Прошкец говорит, что надо испытывать радость свободного труда, потому что только в труде и есть подлинная свобода четэ. Но, к стыду своему, я так бываю заморожен постоянной уборкой мусора, что мне не до того. Хотя бывают дни, когда мусора мало, тогда скучно. Потому что все, что мне ни приходит в голову, чтобы себя развлечь, требует каких-то дополнительных возможностей, а у меня их нет. Вот гитара. Я уже клево играю. Севка говорит, что я лучший из нижних музыкантов, и все уговаривает написать что-нибудь про РСТ, и непременно в мажоре. Иначе — как станешь освобожденным музыкальным работником?

И я стараюсь. Потому что это все-таки уже не совсем железный слой. Музыкальные работники живут на третьем уровне. И говорят, что их выпускают спокойно на четвертый. Я видел на голяке, как четвертаки спускаются иногда на третий, чтобы посидеть в балете или посмотреть какую-нибудь настоящую картину. На железяке все только в виде голограмм в голяцких проекторах или вообще только в Сети. Оттуда и пошло обидное слово, которым верхние нас, железных ЧТ, кличут. Да-да! То самое «голяк». Это все мы, потому что слаще голограммы ничего не видели.

Я изо всех сил стараюсь в мажоре про Радость Свободного Труда. Но у меня что-то мажор не идет. Потому что даже под «коричневым» как-то не очень мажорно. К тому же под ним ничего не напишешь, потому что лежишь в отрубе и смотришь себе мультики. Ну, клево. А потом опять сирена и — работать-работать-работать. Если ЧТ не работает, его жизнь пропадает пропадом.

А я... «Я — не очень честный ЧТ, — осеняет меня. —

Между проездами «мусорника», когда трупиков нет и тротуары политы водой и просушены, я же ничего не делаю! А это преступление!»

Но эта мысль какая-то вялая и испаряется раньше, чем я чувствую угрызения совести.

Теплый дождь, музыка... Я практически представил себя героем того фильма. Руки сами тянутся... Интересно, людям всегда нельзя было прикасаться к макушке? Чтобы не вызвать подозрений, я надел на голову платок. Платок можно. Нельзя только руками и в душе.

Раздался звонок, и я вышел из пепелаца, чтобы открыть дверь.

— Привет! — сказал Севка, переступая порог. — Как дела? Ух ты! Заболел?

— Ты о чем? — удивился я.

— А чего ты в платке?

— Та-ак... — Я поморщился воспоминанию и соврал: — Ухо простудил.

— А-а... Как дела-то?

— Ничего себе. Сегодня работы не было. Всего два трупака. Парочка сладкая. На голове верхний долбак, на ногтях верхний лак. Модные такие трудаки были.

— Да... — кивнул Севка, раздеваясь. — Пара по нынешним временам неплохо. Очень уж много их стало... А кто?

— Трудак и КСРка. Ничего. Даже симпатичная.

— О чем ты? — вздернул брови Севка. — Как КСРка может быть симпатичной? Это же порок!

— Порок-то порок, — вздохнул я. — Но когда ее аннулировали, она уже стала не КСРка и никто, а просто симпатичная.

— Тогда уже симпатичный, — менторски поправил Прошкец. — Нельзя о нем говорить «она — симпатичная».

— Ну, я имел в виду, что он, пока он был КСРкой, была симпатичная. Короче! Ты меня не путай!

— Возражу тебе! — Севка опять начал корчить из себя учителя. — В конце двадцать первого века мы наконец

★ достигли того, что никакой разницы полов социально не признается. Мы все или Честные Труженики, или Военные Служащие, или Служба Слежения за Порядком, или Избранные Управленцы и т. д. Но все мы — работники Глобальной Системы Заводов. Это величайшее достижение цивилизации. Но некоторые не понимают этого!

— Да-да! — кивнул я. — Конечно! Просто иногда я путаюсь.

— Чаем угостишь?

— Конечно, — кивнул я и, налив в стаканы воды, сунул в один из них кипятыльник. — Чего-то ты рано. Я еще собирался на гитаре побренчать.

— Бренчать на гитаре лучше, чем жрать «коричневое». Это факт. Говорят, в вашем районе опять прирост. Трупачи-то не под «коричневым» ли были? Со следующей недели не будешь убирать, а будешь сообщать дежурному. Он будет проверять на «корье».

— Ух ты! Да не... Они это... Не-е... Обычные.

— А то новое поветрие пошло, — солидно вздохнул Прошкец. — Самоубийцы. «Корчневого» долбанут и выходят на улицу. Специально, чтобы на уровень напороться. Бунтари хреновы!

«Самоубийцы» — это звучало вызывающе, а все, что звучит вызывающе, хочется попробовать. Да... Так я первый раз «коричневое» употребил. Тоже под ту идею, что оно — ужасно. А у меня депресняк был, ну я и подумал: «Закоричневею и... под аннулятор!» Потому что умереть мне тогда хотелось больше, чем теперь жить. Потому что тиликатор этот в голове у меня тиликал и тиликал. Ни минуты покоя не давал. Даже ночью тиликал.

И как раз в тот день Фимоза случилась. Тогда-то я и причастился «коричневым». Но ничего такого не случилось! Хотя что-то случилось. Тиликать перестало.

А потом я совсем осмелел и тогда первый раз себя за макушку потрогал!

И — ничего! Ничего, мля, не случилось! Вот тут-то я и перепугался! Должно же было случиться! Иначе — чего

стоит Матрица этот? Неделю ходил в ужасе. В голове не тиликало.

А может быть, я мало «коричневел»? Или за макушку мало трогался?

Черт! Опять затиликало!

— Да? — удивился я вслух, переждав макушечный колокольчик. — Честно говоря, не заметил ничего особенного. Обычная парочка. У него на голове был мощный долбак, — я показал добычу. — А она... Ну хорошо! КСРка, она же слабее, короче, не смогла вырваться, когда услышал сирену. И знаешь... — Я вздохнул. — Я не против того, чтобы полицейские палили по нарушителям уровня, но, может, сделали бы его повыше, что ли. Пока мы молодые, не страшно, а представь, когда тебе будет лет семьдесят! Я сегодня видел дедка. Он чуть не сломал ногу, когда падал на звук сирены, в пух его разнеси! Честно говоря, я даже не понимаю, почему это на нашем уровне чертят лазером, а на верхнем нет. Неужели там никто не пробовал «коричневое»?

Севка нахмурился. Видно было, что и ему приходят в голову эти вопросы, но он не хотел на них отвечать.

— «Коричневое» наверху никто не употребляет, — произнес он не очень воодушевленно. — Там люди сознательные!

— А как же они расслабляются? Это ж рехнуться можно от однообразия. Извилины в мозгу выпрямятся!

В мозгах у меня опять затиликало, но я старался не обращать на это внимания.

— Зачем тебе мозги, Раша? — Прошкец проникновенно заглянул мне в глаза. — Тебе мусор убирать мозги ни к чему. Ты вон со склонениями никак не разберешься, а туда же — мозги... На хрен тебе мозги?

— Ну... Я же не робот...

— Роботы есть и поумнее тебя, — усмехнулся Севка. — Сидел бы и не рыпался, а то отменяют как класс.

— Почему? А кто мусор убирать будет?

— Роботы, — ухмыльнулся Прошкец. — Роботы, Раша! Они есть-пить не просят, ни голяков им не надо, ни

пепелацев душевых, ни «красного»! Рубишь? На третъяке и четверяке все делают роботы.

— А чего ж тогда? — пожал я плечами. — Ну сделали бы и здесь роботов. Только я тебе скажу так: жвачку от стеклона ни один робот не допетрит отскоблить.

Севка замялся. И я догадался, что здесь тонкое место. Что-то связанное со жвачкой и стеклоном. Надо подумать будет, когда Севка уйдет. Сам-то он ни за что теперь не скажет. Сейчас полезет в карман, достанет «красного», а я и отказаться не смогу. И придется еще сожрать, ну берегись тогда, железяка!

И точно. Севка полез в карман.

— Хочешь «красного»? — спросил он, протягивая мне пастилку. — «Сперминт».

— Не увиливай!

— Знаешь, что я тебе скажу, Рашечка? Ты, верно, за макушку себя трогаешь?

— С чего ты взял? — Я покраснел. И правда, захотелось схватиться за макушку и не отпускать ее, потому что тиликанье превратилось в заунывное пилообразное нытье.

— Ладно-ладно! — Севка ухмыльнулся. — Бери жвачку и жуй!

Я молча взял одну и кинул в пасть.

— А в чем прикол? Платформа есть у этих самоубийц? Или как бодун? — спросил я погодя, чтобы улизнуть с неприятной темы.

— Зачем тебе? — подозрительно спросил Прошкец. — Давай лучше поговорим о нашем будущем.

— Не-не! — возразил я. — Отвечай! А то я тебе еще страшнее вопрос задам.

— Ну ладно, — вздохнул Сева. — Это упадническое, эскапистское течение. Базируется на нигилистических религиозных концепциях древности. Катары там, Циолковский, ваххабизм, Бакунин, Ленин, Маркс — в общем, тебе это неизвестно, да и ни к чему. Главное тебе известно: все создано Матрицей. Мы выходим из Матрицы и возвращаемся в Матрицу. Но эти люди считают, что лучше попасть под пулемет, чем падать каждый раз под уро-

вень, выставленный лазерами. Это нигилизм. Совершенно непозитивный и несозидательный. Скажу по секрету: это финансируется на деньги Вашингтона, а смысл в том, чтобы подорвать производительность труда. Счастье индивида в состоянии общего блага. И даже принять смерть за общее благо — это его не только прямая обязанность, но и счастье. А у них-то разве не так? Так-так, Рашечка! Это жалкий популизм пропагандировать, что счастье в личном наслаждении, праве личного выбора и прочая гадость. То есть лучше сделать негодный выбор самому, чем подчиниться разумному общественному порядку. Не советую даже и копаться. Ты, Раша, есть отменный честный дворник. Ты пользу приносишь, убирая антисанитарию и мусор. Ни к чему тебе этот нигилизм. Матрица совершенен.

— Севка! — спросил я. — А у тебя в голове тиликает?

Севка покраснел. Он поджал губы и выпрямился. «Конечно, тиликает! — усмехнулся я про себя. — У кого ж не тиликает? Если б не тиликало, ничего про макушку не говорили бы...» — подумал я, и тиликанье взвизгнуло циркуляркой.

— Насчет тиликанья... — сказал Севка и постучал пальцем по столу. — Я вот что тебе скажу: ты помалкивай об этом и делай так, чтобы поменьше тиликало. И, главное, под лазер ложись вовремя! Тебе же лучше будет!

— А-а-а...

Все-таки он ничего. Симпатичный. Ну не такой, как артисты или верхние перцы, но все-таки во мне что-то зашевелилось. И я уже подумал: не начать ли говорить в женском роде? Зависла неловкая пауза, и стало слышно, как булькает вода в стакане.

Не очень мне хотелось начинать первому. Я бы, конечно, мог намекнуть Севке в сослагательном наклонении: «Я типа не против была бы...», а дальше уже можно не продолжать. И так все ясно.

Но так получается, что мне что-то от Прошкеца нужно, и взамен я ему что-то долж(е)н(а). Опять парюсь насчет окончания. Не люблю должать. Лучше подожду. Че-

го Прошкец пришел-то? Не чаю же попить! А может, и чаю. Ну все равно, подожду, когда он скажет сам: «А ты не хотела бы!..» А я тогда еще и поломаюсь. Выдурю у него что-нить.

— Ой! — Я перекинул кипяtilьник в другой стакан и капнул в стакан несколько капель заварки.

Севка накидал себе полстакана сахару и начал его громко размешивать. Севка хороший. Он всегда мне первому новости сверху сообщает. Так что у меня есть бонусы перед фабричными. И когда они начинают нос драть уж очень сильно, я их ставлю на место информационным превосходством.

— Хочешь, кстати, послушать верхнего музья? Очень... — предложил я, подводя партнера к нужным ассоциациям.

Севка замялся, а я воспользовался этой паузой и напятил на него дужку долбака.

На второй секунде глаза Прошкеца приобрели то же мечтательное выражение, что у всех нижних, когда они слушают преступную музыку, попадающую вниз сверху. Хотя опять вопрос! Откуда преступная музыка наверху? Там же лучшие из лучших? Лидеры капиталистического труда и все такое. И законы они принимают для нас, чтобы все лучше было. А если не так, то почему их не опустят? Нас, нижних, чуть что опускают в крысятник. За-мешкаешься чуть — аннулятором косят. А они слушают свое музье. Говорят, преступное, а что-то я не слышал, чтобы сверху кого-нибудь опустили. Надо...

— Гадость! Низкая гадость! — ругнулся Севка, выдерживая слушаки, и добавил: — И к тому же ты совершил преступление! Почему ты не отправил долбак в санитарный скат вместе с трупами? Все, что было найдено при трупе, принадлежит государству! Разве тебе не известно?

— Ну а что? — пожал я плечами. — Я послушаю немного, а потом со следующими отправлю...

— Вот! Это первый шаг на пути к измене! — патетически воскликнул Сева.

— Да че ты! — возмутился я. — Завтра же и отправ-

лю. Пусть подавятся! Ждать-то недолго. Каждые сутки по несколько раз рубят...

Севка еще больше нахмурился:

— Ох, смотри, Раша! Договоришься ты!

— И вообще! — обнаглел я. — Я подумал: если это плохая музыка, почему ее наверху слушают?

— Это диверсия Вашингтона, с ней ведется неустанная борьба! Они же пытаются перетравить нашу железяку «коричневым». И вообще! Не тебе с куриными мозгами обсуждать.

— Да ладно! — махнул я рукой и неожиданно для себя выпалил: — А вообще, чем я хуже верхача какого-нибудь? Они же по долгу службы пользуются автомобилями, на солнце настоящее смотрят. А? Так что я, спертый долбак не могу послушать? Я так понимаю: я честный трудак, на таких, как я, весь город держится! Мы и налоги платим, и работаем не покладая рук, и что? Что я, не могу хорошей музыки послушать? Ну продавали бы ее здесь, а то все только про радость труда!

— Ты что горишь! — Севка покраснел, и я понял, что напрасно завел эту телегу. — Какое солнце? Нет никакого солнца! Все это вражеская пропаганда! Извини, Раша! Я не могу здесь больше оставаться!

Севка с грохотом отодвинул стул и вылетел из обитали.

— Ну и катись, — сказал я, и рука моя сразу потянулась к макушке.

Я погладил себя, и тиликанье сдохло.

«Красного» я пережрал, а потому энергии мне было не занимать. Далее действия, совершенные мной, не поддаются никакой логике. Я решил непременно найти Фимозу. Я решил узнать главную тайну жизни. Должно быть объяснение, почему я не имею права трогать себя за макушку!

«Фимоза!» — орал(а) я на всю обитель — если я решил стать КСР, то мне нужно переходить на окончания женского рода. Я сорвал(а) с душа полиэтиленовую занавеску и, обмотав себя перед зеркалом, при помощи степлера

превратил(а) пленку в подобие того, что было надето на КСРках, которые вечно толкутся у лифтов.

Если все создал Матрица, то он же создал и чудеса, совершившиеся со мной в тот день. Едва я вылетела на тротуар, как завывла сирена и трехногая тварь поспешила к своему люку. Падать на стеклон сиамы не могли, они что вверх, что вниз были одинаковы — все равно бы сварились. Так и вышло — со всей дури меня пронесло по стеклону, я уперлась руками в крышку люка, и она случайно захлопнулась. Сиамы заверещали в дикой панике, но красное поле уже плескалось на уровне их колен.

«Мусорнику» все равно, кого варить — трехногую или двухногую тварь. Сиамам пришел конец. От страха они обделались. Но на этот раз на меня не попало, что чрезвычайно порадовало.

А когда провыл отбой, случилось второе чудо: я подняла голову и увидела КСРку Фимозу.

— О! Привет, Раша! — обрадовалась она. — А чего это ты вырядился, как наши прямо? Профессию поменял?

— Да, решил попробовать, — сказала я в мужском роде, помня, что решение было принято еще тогда, когда я был просто ЧТ. — Говорят, что КСР могут попасть на время на третий слой. Севка сказал, что нет никакого солнца. Потом, я хочу узнать, почему нельзя трогать макушку и почему наверху нет лазерного уровня. И еще Севка сказал, что если я буду выделяться, то нас всех заменят роботами.

— Угу, — кивнула Фимоза. — Если придумают, чтобы роботы сами размножались, то заменят. Вас. Нас не заменят.

Она похабно улыбнулась.

Я встала.

— Почему?

— Ну и видок у тебя! — сказала Фимоза. — Обзавидоваться можно. На голове платок, на теле полиэтилена шматок! Ха! Ха! Ну ты вааще! Рашуля!

— Ты знаешь, как попасть наверх? — спросила я решительно.

— Знаю! — сказала Фима. — Только зачем тебе?

— Надо.

— Точно надо? Это только кажется, что тебе туда надо. Я тоже так думала, но я тебе скажу правду. Ты ж меня спасла. Я всем говорю, что там рай, что у меня там ку-ча шмоток, бабло, что я сама ездила на море с партнером, что у меня в обитали цветы настоящие... Ну... вру все! Понимаешь?

— Зачем?

— Ну потому что меня за это пускают туда ненадолго. Так. На несколько дней. Погулять по улицам. Пожить по-человечески...

— Так вот все это я и хочу узнать! — воскликнула я, дрожа от нетерпения. — Сама!

— Пошли!

Фима хлопнула меня по плечу, и мы куда-то пошли. Повернули за угол, на котором с укоризной прятал в ладони лицо голографический Пелевин. Не знаю, почему он всегда его прятал? Может, не было у него лица никакого? А так он и был голографическим всегда?

— Давай по «коричневому», и я тебя продам, — заявила КСРка.

— Продашь? Как это? — спросила я, торопясь за ней.

— Ну... Это так называется. В лифтах иногда приезжают бандюки. Они привозят «коричневое» и набирают КСР на дешевку.

— На дешевку?

— Ну да! На дешевое обслуживание. Верхние-то КСР заломят так, что жопа затрещит! А с железяки КСР или КСРка и за «коричневое» готова. А тем цацам все «белое» подавай! Да кроме «белого» еще и бабла! Вот они и экономят. К тому же наших и кидануть можно. Но мы тоже не спим. Если есть чего тиснуть, не упускай.

— «Белое» — это что?

— Не знаю, — призналась Фимоза. — Это что-то вроде «коричневого», но не такое вредное и помогает бабло рубить лопатой. Но не все третьяки на «белое» могут заработать так, чтобы еще и сыпать им налево-направо.

Это только вершаки такие, с четвертого, с самого верха, но они жадные и злые. Тихонько все говорят, а если что не понравится — тут уж думаешь, лучше бы на железяке оставалась. Хотя вру. Там все равно лучше. Ну вот, а третьякам тоже все хочется, вот они тогда к лифтам и прибиваются поближе. Рассчитываются «коричневым», если хорошо постараться, то можно ментам его сразу продать, а они уже уродам отдают. Кстати! А чего сиамы-то в люк не убрались?

— Матрица им помог... — ухмыльнулась я и спросила: — А ты за макушку себя трогаешь?

— А кто же не трогает? — Фима удивилась. — Кто говорит, что не трогает, звездят. Или больные. Что ж мне, Нового года ждать? Ну-ну! Ты прям дикий, ой... прости, дикая! Это ж моя, моя макушка! Как мне можно запретить? И кому какое дело?

— Ага... Меня совесть мучает иногда, что я работаю не все время, а только когда мусор валят.

Фимоза прыснула и повернула в какую-то проржавевшую подворотню. Бурые шестерни замерли, наверное, еще в прошлом веке, но убирать их — нарушишь всю конструкцию. Так и оставили.

— Ешь! — сказала Фима, протягивая мне капсулу говняного цвета.

Я смело зашвырнула ее в пасть и разжевала. Если «коричневый» во рту помуслякать, то приход сильнее, а мне терять нечего. Сиамы валяются обосранные на тротуаре, вернусь — уволят меня из дворников. Куда денут, о том скажут позднее.

Через некоторое время Фимоза дотащила меня до ближнего лифта. Она оставила меня на минутку в тени стальной опоры, а сама отошла к будке охранника. И пропала. Я уже испугалась, когда КСРка вернулась и опять схватила меня за руку.

— Куда ходила, Фимоза? Я уж думала...

— Билет покупала, — ухмыльнулась КСРка.

— Билет?!

— Билет-билет! Пригнись! Анус! — Фимка на этот раз первой на пол сиганула, ну и я следом.

«Мусорник» проехал мимо. Никто не упал. Вот везука местным дворникам. Тут, поди, раз в полгода трупачи случаются. Хотя какава тут везука? Скучно поди.

Еще несколько минут мы сидели с Фимой молча. Она нервничала, а я испытывала исключительный кайф.

— Все-таки правда, значит? — спросила я Фимку. — Есть зло в «коричневом»?

— Есть на жопе шерсть! — одернула меня КСРка и вздохнула. — Знаешь, Рашгуля... Иногда думаешь, сидеть бы на железяке да не знать ничего. Оно и лучше было бы. Спокойнее.

Она сплюнула.

— А анус... аннулятор? — спросила я запоздало.

— Ну да...

Через пару минут в неоновом свете железного пролета показалось еще несколько силуэтов. Похоже, они направлялись к нам, а точнее, к Фимозе.

— Так, — сказала она деловито, окидывая взглядом вновь прибывших. — С каждой по три очка, как договаривались. Когда войдем в лифт, ляжете на пол, чтобы датчики не засекали, что, кроме ментов, еще кто-то наверх едет.

КСРки с готовностью вытащили карточки, и Фима чиркнула по ним какой-то странной штукой, похожей на мой аларм-браслет.

— Так. Никто ничего не видел, никто ничего не знает, — сказала Фима и оглянулась на грузовую камеру.

Через некоторое время в чреве завода заскрипели какие-то колеса, цепи, замигали датчики на панели шахты, и охранник сделал Фимозе знак.

Как только лифт раскрылся, из него вышло два утрюмых мента, а к кабине подкатилась платформа с ящиками.

— Что там? — спросила я у Фимозы.

— Роботы, — сплюнула она. — Силиконовые трудаки.

— А нас куда?

— На дешевку, я же сказала. Роботы дорого стоят. И... Поймешь сама, короче.

Менты перекинулись парой слов с охранником, и Фима, поймав неуловимый знак, кинулась внутрь. А за ней и мы устремились занять темные пустоты между стенками лифта и платформой.

— Ложись! — не глядя бросил один из ментов, мы попадали на пол, лифт закрылся и вознес нас на третий слой Москвы.

Когда створки лифта открылись, я чуть не упала в обморок. Я никогда не вдыхала такого свежего воздуха, ни будучи еще ЧТ, ни будучи уже КСР.

— Это духи? — спросила я у Фимы, но она только поморщилась.

Я огляделась вокруг. Потолка не было видно из-за бесчисленных этажей обиталей и эстакад, по которым сновали различные средства передвижения.

— Мы куда-то поедem? — спросила я.

— Да, — кивнула Фима. — Помолчи, пожалуйста. Сейчас придет машина.

Вскоре около нас остановилась одна из капсул, и из нее вышел человек. Он окинул нас таким взглядом, что я усомнилась в своем существовании. Мне показалось, что меня нет, а я просто голограмма. Голяк!

— Загружай, — сказал этот человек, но Фима нахмурилась. — Загружай, я сказал, — повторил человек и, усмехнувшись, швырнул Фиме маленький пакетик.

Та поймала его, заглянула внутрь и только после этого махнула нам рукой. КСРки начали загружаться в капсулу, а я задержалась.

— Удачи! — сказала Фимоза. — Тебе придется поехать с ними.

— Ага, — кивнула я и попятилась к машине.

Фимоза торопливо засемила в сияющую огнями темноту.

Нас закрыли на замок. Человек этот сел на переднее правое сиденье, а слева там сидел еще один человек. И меня удивило вот что: он все время крутил какое-то колесо. Зачем? Видно, у Матрицы был замысел насчет меня, и он очень хотел, чтобы мне в этот день повезло еще раз.

Когда мы повернули за угол одной из обиталей, наперерез нашей машине бросилась местная КСРка. Она кому-то что-то кричала и ничего не видела. Человек слева повернул колесо, и я поняла, что он управлял этой капсулой самостоятельно. Странно. На «железяке» капсулы ездят по маршрутам и по программе. И устроены так, что под колеса никак не попасть, что-то вроде горизонтальных лифтов — от рабочих мест до обиталей, от обиталей к пищеблоку, от пищеблока к поликлинике и т. д. А тут... Как-то странно.

Но навстречу ехала еще такая же машина, и там, вероятно, тоже сидел живой человек с колесом, поэтому они столкнулись и расплющили не только эту КСРку, но и свои долбанные машины. Все посыпались вперед, раздался взрыв и...

...я — в незнакомом месте. Сквозь зеленое нечто, обволакивающее меня со всех сторон, светит какой-то необыкновенно приятный свет. К сожалению, я не могу шевельнуться, потому что все мое тело заштопано, перекроено и находится в пузыре с густой зеленой жидкостью. Я не дышу. Разве мертвые дышат?

«Так вот он какой, Матрица! — проносится у меня в голове, и следующая мысль стучится в мой ленивый мозг: — Странно, что покойники могут думать. Но я мыслю, я вижу эту гадкую зелень, даже если меня превратили в один из *.exe-шников где-то в безграничном пространстве Матрицы, значит, я — ...живу?»

Потом за зеленой жидкостью появились темные силуэты. Возможно, это другие покойники. А возможно, нечто, чего мне никогда не представить, потому что все представления основываются только на личном опыте. Никогда человек не сможет придумать того, чего не видел, не осязал, не ощущал хотя бы во сне. Я не чувствую вражды со стороны этих теней. И возможно, что для них я выгляжу точно такой же тенью.

«Надо бы узнать!» — шевелится во мне первое желание. Но тело не подчиняется. Это по-прежнему мое тело.

Я имею в виду, что оно сохранило свои половые признаки — грудь и все остальное, но я не могу его узнать, потому что вся состою из лоскутов. Я не знаю, в каком роде о себе думать, пока валяюсь в этом зеленом желе, — род на нашей Московской железяке определяется функцией, а не анатомией, но теперь-то я в Матрице. Почему мне никто не говорит, кто я?

Так прошло много времени, много мыслей нашло приют в моей голове. Некоторые, побродив там, благополучно испарились, другие застряли, зацепившись за зазубрины прошлого. Хотя прошлого осталось немного. *Лазерный уровень, Фимоза, «нельзя трогать макушку»... «Раз, два, три, четыре, пять. Мусора игут стрелять. Кто не спрятался — я не виноват».* Что-то еще, но... не важно.

В один прекрасный день густая зелень начала куда-то истекать, и я увидел за мутными стенками бассейна, в котором провел все это время, несколько чистеньких, холеных, будто тридэшные дикторы, человечков в зеленых комбезах. Я почувствовал спиной твердое дно аквариума и испугался — почему-то только теперь мне пришлось в голову, что источником кислорода и прочих жизненных соков было именно зеленое желе. Как же теперь? Я ведь не умею дышать! Я не дышу уже несколько дней (или месяцев?). В испуге я вскакиваю, и зеленое желе исторгается из моих легких широким потоком, в ужасе, будто новорожденный, я делаю вдох и... продолжаю дышать, будто всегда так и было. Конечно, эффект ошеломляющий, но я в такой непонятке, что сил на выражение изумления или чего-либо еще у меня уже нет.

Человечки в комбезах улыбаются — видимо, вид у меня презабавный — и приближаются ко мне. Один из них нажимает кнопку, прозрачный короб аквариума отъезжает, и на мои уши с беспощадной отчетливостью набрасываются звуки. Они так сильны и насыщены, как никогда прежде. Они твердые и прекрасные на ощупь. Такие же прекрасные и осязаемые на взгляд — цвета, фактуры и объемы. Я испытываю восхищение, доходящее

временами до оргазма. Я понимаю, что выгляжу полной идиоткой, но ничего не могу поделать.

— Где я? — спрашиваю я человечков.

Они мило улыбаются, и один из них (биологический мужчина) отвечает:

— В клинике, госпожа Лидия. Поздравляем вас с успешным возвращением.

— Отдыхайте, — улыбается второй человечек, с грудью, и добавляет: — Ваши родные рвутся к вам, но я думаю, что так много эмоций для вас пока многовато. Вам нужно поспать.

И впрямь, я чувствую глубокую сонливость, веки мои схлопываются, и я проваливаюсь в мелькание цветных искорок.

Когда я открыла глаза в следующий раз, вокруг стояли два человечка обоих биородов и смотрели на меня с выжиданием и надеждой. Смотрели так, как будто ждали от меня радости встречи.

— Доченька! — сказал человечек с грудью.

— Лидонька! — раскинул руки второй, с аккуратной козлиной бородкой на лице.

Я слабо улыбнулась и кивнула ресницами, делая вид, что узнаю человечков. Они так хотели этого, а мне не трудно. Они никогда не станут для меня реальностью, потому что реальность такой не бывает. А если они нереальны, стоит ли воспринимать их всерьез?

Матрица почему-то решил выдать мне счастливый билет, теперь я понимаю, что имела в виду под словами «купить билет» Фимоза. Матрица решил выбрать Фимозу в ангелы или проводники. А меня... Пока это неясно. Возможно, он только посмеется надо мной, а потом опять вышвырнет на железяку, где мне придется в лучшем случае собирать трупы и отправлять их в санитарные скаты, а в худшем...

Единственное, что я вспоминаю с нежностью, гитара. Интересно, есть ли в Матрице гитары?

— Как ты себя чувствуешь, Лидусик-Сладусик? — спрашивает меня человечек с грудью, и я понимаю, что Мат-

рица назначил эту биологическую женщину мне в матери. Она совсем не похожа на мою, она не замученная, она загорелая и красивая. А человек с бородкой, наверное, мой новый отец. Меня удивляет это, потому что на железяке родителей отбирают в пять лет. Человек идет в школу, и он начинает принадлежать железяке, окончив школу, он становится трудаком. Все просто, а тут... Впрочем, в Матрице и должно быть все по-другому.

Мои новые родители о чем-то спрашивают меня, я плохо понимаю, о чем речь, но на всякий случай улыбаюсь и киваю, боясь спугнуть этих человечков. Они искренне рады тому, что я жива, и обеспокоены тем, что я поидиотски улыбаюсь и не могу сказать ничего внятного. Вскоре они уходят, и я остаюсь одна. Но ненадолго. Появляются медсестры из силикона и помогают мне встать и пойти в душевой пепелац. Впрочем, пепелацем его называть трудно. Это, конечно, не пепелац, это отдельная светлая комната с огромным бассейном. Я все время пытаюсь понять, откуда этот веселый желтый свет, но спросить не решаюсь. Что-то подсказывает мне, что спрашивать не стоит.

После того как я в полной мере наслаждаюсь услугами силиконового персонала и помывочных устройств, меня провожают совсем в другое место. Это необычная обитель. В ней огромный стеклянный экран, за которым очень красивая голограмма — деревья, очень похожие на те, какие бывают в древних фильмах, в тех, что мне притаскивала когда-то давно Фимоза на железяку, облака и огромный ослепительный фонарь, который висит непонятно где. Он мне напоминает что-то... И через некоторое время я нерешительно произношу:

— Солнце?..

И тотчас в моей голове лопается какая-то мутная перепонка, и я понимаю, что это — не голяк, это окно. Настоящее реальное окно, не такое, как в обители трудака, за которым только мрачный вид какого-нибудь из пролетов железного уровня, а то древнее, первозданное окно, за которым должен быть настоящий солнечный свет и

ветер. Еще я знаю, что оно должно открыться, если найти замочек. Ага! Около кровати на тумбочке лежит какой-то пульт, я беру его в руки. Пиктограмма открытого окна первой бросается мне в глаза.

Стекло медленно утягивается в стену.

И еще вот что. Ни разу за все это время в голове у меня не тиликнуло.

Мне повезло, как повезло изначально всем, кто родился на четверяке. Я каждый день вижу солнце. Назначенные мне в родители человечки куда-то ходят, с кем-то встречаются. Маму показывают по тридевизору, а папа все время летает на самолете. Я не знаю, чем они занимаются. Но мне это не важно. Мне ясно одно: на четверяке нужно делать только то, что просят. Или намекают.

Пока меня не просили ни о чем особенном. Я хожу в спортзал и бассейн, не суюсь не в свое дело и не перечу старшим. Они за это содержат меня. Мне купили модный даже по здешним меркам синтезатор, и я шлепаю на нем музыку, от которой в восторге все на четверке, а на трешке просто умирают.

У меня есть две версии случившегося. Одно в этих версиях общее — то, что я, Раша с железяки, каким-то образом превратилась в Лидусика-Сладусика. Ясно, что это связано с аварией, в которой разбились все шлюхи с железяки, которых притащила наверх Фимоза, местный перец, который отдал ей пакетик с «коричневым», и встречная машина.

Далее могло быть вот что. Либо мое сознание перескочило в тело Лидусика, либо после этой мясорубки в живых осталась только Раша, а поскольку там все превратилось в месиво, то Рашу приняли за Лидусика. Второе мне понравилось бы больше, но... где тиликанье в голове? У Раши в голове всегда тиликала какая-то гадость, а у меня — тишина. Даже за макушку трогать себя не хочется. Рука инстинктивно потянулась вверх, чтобы проверить, что там, и нащупала только заботливо уложенную при-

ческу. Даже попытка постучать по голове ни к чему не привела.

Есть у меня одна идея, но, поскольку тиликатор в голове молчит, я не могу точно решить, верная эта идея или нет. Я, чувствуя себя тайной Рашей, сбежавшей с железяки, очень хочу передать туда мешок с долбилками, кучу кассет, немного шмотья — здесь все это валяется без особой надобности в диком избытке, а на железяке трудаки неделю будут ссаться от восторга, и производство роботов, конечно, приостановится. Но, честно сказать, роботов тут тоже тьма-тьмушая. Их постоянно обновляют. На железяке этих роботов уюзали бы до посинения, а тут швыряют налево-направо.

Но вот эта идея меня и смущает.

Правильность этой идеи.

Поэтому пока я не тороплюсь.

Вскоре стало известно, что «па», человечек с козлиной бородкой, самый большой владелец заводов по производству роботов. Это он придумывает законы, которые потом говорят всем по тридевизору. Я часто слышала, как «па» звонил куда-то и сердито кричал на министров и других членов Общественного Самоуправления, которых мы на железяке выбираем каждые четыре года. «Па» орал на них, и на следующий день они меняли законы так, как хотел «па».

— Ну что ты, Лидусик, грустишь? — спрашивал меня «па», сияя сознанием своей успешности, всевластности и крутости, и трепал за щеку. И я знала, что он меня в зад поцелует, чтобы я только заулыбалась. Но я не испытывала такого желания, поэтому улыбалась просто так.

У «ма» были другие интересы. Но и они не мешали мне жить.

Как-то раз я спросила:

— Па! А кто будет распоряжаться твоими заводами, когда ты умрешь?

— Как кто? — удивился «па». — Твой муж! А ты будешь отдыхать, как «ма». А хочешь, я тебе консерваторию куплю?

— Не, — говорю я и, подумав, добавляю: — Купи мне рок-клуб. Это сейчас моднее.

И «па» набирает на своем карманнике какие-то кнопочки. Я уверена, что завтра я смогу поехать в любое место третьего уровня и в любом здании устроить пивнуху с грохотом ненастроенных гитар. Я скажу им всем, что это «монна», что это рок и все такое, и они будут ссаться, потому что все знают, что мой «па» — хозяин всех роботов. А они здесь до того оборзели, что не могут без робота зад потереть. Но никто из них не догадается, что этот рок-клуб — вызов, который им бросили подонки с железяки.

— Па... А когда умрет муж?

— Ты, моя детка! Ты! — улыбается папочка и треплет меня за щеку.

— Это мило, — улыбаюсь я.

На следующий день, найдя заброшенный лифт, я восстановила его и устроила там настоящую преисподнюю. Я нашла Фимозу, и она начала поставять мне наверх милых, послушных КСРок и КСР. Здесь и те и другие шли отлично.

Через неделю в моем клубе, который я назвала «Ложись!», крутые трешники за хорошее бабло падали под игрушечный лазер и слушали заунывный вой группы «Насекомые».

Я сидела в кабинете и, наблюдая за всем этим угребищем по тридевизору, подсчитывала, сколько я смогу выкупить у Фимозы трудаков на вырученные от клуба деньги. Я и правда хотела их выкупить. Ну хотя бы на пляж свозить. Что они там на железяке видят? Копошатся, как черви в протухших фекалиях.

Была только одна проблема: чем занять трудаков потом? Не будут же они вечно жить на пляже! Выставить им контейнер «коричневого»? Сводить в лес? А потом? Пока я так размышляла, в банк на мой счет капали денежки, и «па» похвалил меня за инициативу и размах. Он к тому времени прикупил еще пару заводов.

Все было бы хорошо, если бы в один прекрасный день

ко мне не пришел странный человек. Он бочком вошел в кабинет и молча выложил передо мной на стол небольшую железочку. Так. Паучок какой-то. Какая-то радиодеталь.

— Что это? — спросила я, полагая, что чел хочет предложить новый проект для «Ложись!».

Чел покашлял и сказал:

— Я врач. Вы меня не помните, а я вас помню, и очень хорошо. Когда на месте той аварии мы раскопали ваше тело, оно лежало рядом с другим телом. Эти тела были очень похожи. И группа крови одинаковая, и цвет глаз, и волосы... И даже изуродованы вы были одинаково. Отличались одним. Ваше тело еще могло жить, а второе нет. Ну, еще мелочь... Гены. Однако генный анализ никто не стал проводить. Потому что ваш нынешний «па» не был заинтересован в том, чтобы его настоящая дочь погибла. Понимаете? К тому же кое-кто был заинтересован в том, чтобы рядом с «па» был человек, которого можно убедить. Поэтому в вашу треснувшую, как спелый арбуз, голову не стали вставлять жучка обратно. Доступно?

— Э-э-э...

— Не придуривайтесь! У вас было время поумнеть! — поморщился человек. — Короче. Между этими телами я нашел вот этого жучка. Вы знаете, что это такое?

— Н-нет, — покачала я головой, почему-то холодея.

— Это регулятор мозговой активности. РМГ, или попросту Матрица. — Человек постучал жучком по столу. — Это он тиликает в головах трудаков на втором уровне, это он сводил вас с ума. Очень удобно. Это генератор частоты. Как только активность мозга ЧТ возрастает — то есть он начинает думать, — так жучок включает генератор, что удобно вдвойне: в милиции становится известно, где очаг возбуждения, а трудак, как вы изволите себя там называть, тоже получает неплохую дозу «тирли-тирли» и забывает, что он делал.

— Зачем?

— Не придуривайтесь!

Я промолчала.

— В общем, вы должны перевести на наш счет вот такую сумму со счета вашего отца. Если вы не сделаете это через несколько дней, то жучок... жучок... кхе-кхе! — Человек схватил жучка и подбросил его на ладони. — Увидят все! Подумайте о вашем будущем, о будущем ваших детей... Вы ведь не хотите размножиться по разнарядке на вторяке?

Я стиснула зубы и старалась не показать на лице ни какого выражения.

— Как только деньги поступят на счет, я верну вам жучка лично.

Он повернулся, чтобы выйти. А меня тут же осенило.

— Стойте! — сказала я. — У меня другое предложение.

— Какое? — оглянулся чел.

— Не хотите выйти за меня замуж?

— Хм... — Гость растерянно захлопал глазами.

А я, чтобы не дать ему опомниться, добавила:

— «Па» сказал, что после его смерти всем будет распоряжаться мой муж. Зачем вам часть, если можно взять все?

Чел развернулся и сделал навстречу мне два шага.

— Это сделка?

— Нет, — сказала я. — Это любовь. Идите, я поцелую вас. Как ваше имя?

— Ништяк.

— Вас зовут Ништяк? — спросила я.

— Да.

— Я никогда не слышала подобных имен, но оно мне нравится. Затра вы станете моим мужем. А послезавтра...

— Чем докажешь? — перешел он на «ты».

— Ну... — помялась я, — хотя бы этим...

— Ну, ложись! — сладострастно оскалился Ништяк.

Свадьбу показывали по всем каналам. Муж отдал мне жучка во время брачной ночи. Через месяц папа умер от инфаркта, а на следующий день мой муж уронил в ванну электробритву, и его убило током. У меня скоро будет ребенок. Если это будет девочка, я назову ее Фимоза.

Референт аккуратно положил на полированную поверхность стола крохотную телефонную трубку и, тщательно скрывая удивление, улыбнулся Андрею: — Господин Лемберт вас примет. У вас есть десять минут.

Андрей выбрался из глубокого мягкого кресла, одернул костюм и повернулся к огромному, занимавшему всю торцевую стену приемной зеркалу. Пиджак ощутимо топорщился в плечах и под мышками. Купленный на распродаже галстук был завязан плебейским двойным узлом. Щеки, несмотря на утреннее бритье, отливали густой синевой. Больше всего человек, отражавшийся в зеркале, напоминал недавно закодировавшегося алкоголика.

Двери, ведущие в святая святых Восточноевропейской Инвестиционной Корпорации, распахнулись под мелодичный перезвон колокольцев. Андрей мысленно пожелал себе удачи и перешагнул порог.

— Здравствуйте, господин Лемберт, моя фамилия Ца-регородцев...

— Знаю, знаю, — нетерпеливо перебил его маленький круглоголовый крепыш, восседавший за столом раз-мером с футбольное поле. — Переходите к делу, пожа-луйста!

— Как вам будет угодно. Вам знакома легенда о Си-ней птице?

Лицо Лемберта окаменело.

— Что за чушь? В вашей заявке было написано, что вы хотите обсудить некий перспективный бизнес-план. Обыч-но такие вопросы решаются на уровне моих помощни-

ков, но вам, господин Царегородцев, необыкновенно повезло — для вас я сделал исключение. Видимо, я ошибся.

Андрей выставил перед собой ладони, будто пытаясь остановить натиск хозяина кабинета.

— Прошу меня извинить, но перед тем, как перейти к обсуждению бизнес-плана, я должен убедиться в том, что вы знакомы с темой — хотя бы в общих чертах. Итак, что вам известно о Синей птице?

— Что известно? — медленно багровея, проговорил Лемберт. — Черт возьми, да вы издеваетесь? Вы пришли поговорить со мной о пьесе Метерлинка? Вы что, театральный режиссер?

— Нет, что вы, — замахал руками Андрей. — Я орнитолог! Я изучаю птиц. Но вы упомянули Метерлинка — значит, вам доводилось слышать о том, что Синяя птица издревле считается существом, приносящим удачу? Помните, дети в пьесе поют песенку: «Мы дружной вереницей идем за Синей птицей»? Помните?

— Если вы в течение ближайших тридцати секунд не перейдете к делу, — зловеще пообещал Лемберт, — я прикажу охране вас вышвырнуть.

— О господи, как же можно быть таким нетерпеливым! Знаете, в нашей профессии терпение просто необходимо — чтобы подкараулить редкий экземпляр, приходится порой целыми днями сидеть в засаде. А пернатые так пугливы... Ладно, ладно, если уж вы настаиваете, я перехожу прямо к сути вопроса. Дело в том, что Синяя птица — не миф. Она существует и действительно способна приносить удачу...

Лемберт фыркнул и принялся быстро набивать что-то на невидимой Андрею клавиатуре. Несколько секунд он смотрел в большой плоский монитор, напоминавший подсолнух на тонкой ножке, потом хмыкнул и резким движением развернул экран к Андрею.

— Поисковая система сообщает, что Синей птицей традиционно называют колибри-медососа, обитателя джунглей Южной Америки. Если вы, господин Царегородцев,

спешили сообщить мне эту информацию, то только зря потратили время...

— Это ошибка! — горячо запротестовал Андрей. — Медососы действительно очень красивые пернатые, и окрас у них вполне подходящий, но к Синей птице они никакого отношения не имеют! Медососы относятся к семейству Meliphagidae, а настоящая Синяя птица скорее может быть причислена к семейству Trichoglossinae, иначе попугаев-медоедов. Вы наверняка знаете представителей этого семейства, среди них особенно выделяются щеткоязычные попугаи, например лори...

— Вы — сумасшедший? — с искренним интересом спросил Лемберт. — Вы хоть представляете себе, чем занимается моя корпорация? Мы вкладываем деньги в бизнес, а вовсе не в попугайчиков!

— Ну погодите минутку! Сейчас вы все поймете... Я со студенческих лет верил в то, что семейство попугаев-медоедов изучено не до конца. Легенды не рождаются на пустом месте! Я искал Синюю птицу двенадцать лет! Клячил гранты у всяких фондов... впрочем, это не важно... Одним словом, прошлой весной я нашел ее! На Ила-Палау, это небольшой остров недалеко от Новой Гвинеи. Там совершенно нет цивилизации, может, поэтому Синяя птица там выжила... местные жители считают ее могущественным духом и не приближаются к ее гнездовьям. Мне стоило большого труда увезти с острова нескольких птенцов...

— Поздравляю. — Лемберт выразительно оглядел Андрея с ног до головы. — И что, они действительно принесли вам удачу?

— Не «они». Она. Моя Принцесса. Понимаете, у каждого человека может быть только одна Синяя птица... это довольно трудно объяснить. Но мне и одной с лихвой хватает. Да вы и сами видите...

— То, что я вижу, значительно расходится с моими представлениями об успехе, — сухо сказал Лемберт. — Кстати, у вас осталось пять минут.

— Вы согласились принять меня, — возразил Анд-

рей. — Без рекомендаций, даже не зная, о чем я стану с вами разговаривать. Вы же сами сказали, что мне необычайно повезло...

Лемберт хмыкнул и принялся листать ежедневник.

— Что же касается успеха, — торопливо продолжал Царегородцев, — то «успех» и «удача» понятия не тождественные. Последние месяцы мне необычайно везет, однако мои финансовые обстоятельства по-прежнему остаются... как бы это правильнее выразиться... неблестящими. Видите ли, я думаю, что каждая Синяя птица изначально имеет предрасположенность к какому-то конкретному виду удачи. Моя в основном приносит удачу в общении с людьми. Если бы вы знали, какой популярностью я пользуюсь у представительниц прекрасного пола...

— Вот что, — Лемберт прихлопнул короткопалыми ладонями по столешнице. — С моей точки зрения, вы — обыкновенный шарлатан и жулик. Никаких иллюзий в отношении вашего обаяния я не питаю. Так что либо вы немедленно предъявляете мне доказательства, либо отправляетесь оттачивать свои способности на представительницах прекрасного пола, раз уж это у вас так хорошо получается!

— Доказательство я принес. — Андрей махнул рукой в сторону двери. — Но охранники не позволили мне войти с ним в вашу приемную.

— И правильно сделали, — пробурчал Лемберт и ткнул пальцем в кнопку переговорного устройства: — Олег, что там у тебя? Да, то, что принес этот... Царегородцев. Клетка с попугаем? Ладно, неси сюда.

— Единственный способ убедить вас, — сказал Андрей, — это подарить вам Синюю птицу. За ней не так-то просто ухаживать, однако результат, который вы получите, превзойдет все ваши ожидания...

Лемберт снова хмыкнул и приготовился ответить какой-то колкостью, но в этот момент в дверь постучали.

На пороге возник высокий охранник, державший на вытянутой руке накрытый цветастым платком предмет. Лицо у охранника было растерянное.

— Сними, — велел Лемберт, указывая на платок. Охранник послушно сдернул ткань, и предмет оказался клеткой. Внутри клетки на тонкой жердочке восседала ослепительно синяя птица с большим плоским клювом. Она недовольно взъерошила перья и внимательно посмотрела на Лемберта.

— Это Бонни, ваша Синяя птица, — торжественно произнес Царегородцев. — Ей сейчас год, а живут они долго, во всяком случае, не меньше, чем крупные тропические попугаи. Так что, если вам удастся заручиться ее расположением, удача будет сопутствовать вам всю жизнь.

Птица, не отрываясь, смотрела на Лемберта. Лемберт смотрел на птицу.

— Очень важно сразу же установить эмоциональный контакт, — пояснил Андрей. — Птица должна понять, что именно вы — тот человек, которому она должна приносить удачу...

— Помолчите, — хриловато сказал Лемберт. Он выбрался из-за стола, подошел к застывшему охраннику и слегка постучал ногтем по прутьям клетки. Птица моргнула. — Чем они питаются?

— Я принес распечатку с рекомендациями по кормлению и уходу...

— Положите на стол. Олег, свободен. Нет, клетку оставь.

Когда охранник вышел, прикрыв за собой дверь, Лемберт обернулся к Андрею и снова смерил его взглядом с ног до головы.

— Она может приносить удачу в делах?

— Все зависит от того, к чему у нее есть предрасположенность. Вероятно, эти изначальные способности поддаются дрессуре, но я еще не успел...

— Если она не поможет мне в моем бизнесе, я вам ее верну, — пообещал Лемберт. — И это будет наша последняя встреча. Я не намерен тратить время на всяких шарлатанов...

Он осекся и посмотрел на птицу. Та склонила голову набок и принялась чистить перышки.

— У вас осталось две минуты. Может быть, вы все-таки сообщите мне о цели вашего визита? Хотя бы ради приличия?

Андрей извлек из кармана серебристый футлярчик и осторожно положил на столешницу.

— Информация здесь, на флэшке. Коротко говоря, я предлагаю заняться разведением Синих птиц в промышленных масштабах. К счастью, при соблюдении определенных условий они быстро размножаются в неволе...

— Зачем? Какой смысл в том, чтобы разводить попугаев, пусть даже и синих?

Андрей улыбнулся. Ради этого вопроса он и шел на встречу с Лембертом.

— Как вы полагаете, сколько может стоять удача? Не иллюзорная, зависящая от игры случая или расположения звезд, а самая настоящая, стабильная, гарантированная удача? Синие птицы могут продаваться по цене «Мерседеса», и их все равно будут покупать. Затраты на оборудование и персонал минимальны, по сути, речь идет об обыкновенной птицефабрике. А вот рентабельность такого производства будет на несколько порядков выше...

— Хватит, — оборвал его Лемберт. — Не нужно говорить о том, в чем вы не разбираетесь.

Он отвернулся от Царегородцева и подошел к большому панорамному окну, из которого открывался прекрасный вид на город.

— Через две недели состоится тендер по одному крайне выгодному контракту. Проводиться он будет, скажем так, не вполне честно. Шансов у нашей компании почти нет, и все это понимают. Мы участвуем в тендере в основном для поддержания реноме. Вопрос: ваша птица может помочь нам получить этот контракт?

— Поймите, Бонни не разбирается в экономике! То, что делают Синие птицы, — природный феномен, такой же, как способность некоторых попугаев повторять слова своих хозяев или, скажем, способность мексиканских собак ксолоитцкуинтли лечить ревматизм и артрит. Если

★ вы отдаете всего себя работе, бизнесу, то и удача, скорее всего, придет к вам именно в этой сфере...

Лемберт нетерпеливо взглянул на часы.

— Сожалею, но ваше время истекло. Если птица действительно обладает некими сверхъестественными свойствами, мои помощники свяжутся с вами. Желаю удачи.

Андрей подошел к клетке и осторожно погладил ее прутья.

— Удачи и вам, господин Лемберт! Я уверен, что теперь она вас не покинет!

На самом деле никакой уверенности он не чувствовал. Бонни выглядела недовольной и напуганной. Судя по всему, ей не слишком нравился новый хозяин. «Ты уж постарайся, родная, — шепнул ей Андрей. — От тебя зависит будущее всего твоего рода. Не подведи, ладно?»

Птица открыла широкий клюв и показала ему похожий на маленькую щетку язычок.

Две недели спустя Лемберт позвонил Андрею на мобильный.

— Вы меня заинтриговали, Царегородцев, — сказал он. — Наша корпорация выиграла тендер и получила контракт, о котором я вам рассказывал. Кстати, Бонни последнее время стала выщипывать у себя чересчур много перьев. Я беспокоюсь, не подхватила ли она какую-нибудь птичью инфекцию. Предлагаю вам заехать и посмотреть, что с ней. Заодно обсудим детали вашего бизнес-плана. Я пришлю за вами машину.

2

— Дорогой, посмотри, какой милый попутайчик! Вот этот, в крайней клетке...

— Си-ень-кий, он си-ень-кий! Хочу си-ень-кого!

— Ксюша, они здесь все синие... Хорошо хоть не голубые...

— Дорогой! Дети...

— Мама, папа, а можно мы вот этого возьмем, у него хвост пышнее...

— Погоди, Дарья, не лезь к клеткам! Сейчас папа во всем разберется.

— Я хотел бы поговорить с менеджером. Да, насчет этих... попугайчиков... ну я знаю, что это синие птицы, просто похожи-то они на попугаев, верно?

— Это не более чем распространенное заблуждение. Что конкретно вас интересует?

— Да мы тут смотрим... на попугаев этих, на цены... попугаи вроде все одинаковые, а цены разные. Это почему так?

— Видите ли, все зависит от специализации той или иной птицы. Все птицы, продающиеся в нашем салоне, прошли курс обучения, что подтверждается сертификатом компании «ББ», единственной имеющей государственную лицензию на продажу Синих птиц...

— Си-их пиц! Си-их пиц!

— Да, Ксюшенька, синих птиц, не мешай папе, он разговаривает...

— Все, подчеркиваю, все наши птицы приносят удачу своим владельцам, но их специализация позволяет вам самостоятельно определить ту сферу жизни, в которой вы более всего в этой удаче нуждаетесь. Например, в тех квадратных клетках у нас экземпляры, ориентированные на удачу в бизнесе. Цены на них, разумеется, выше, чем на птиц с бытовой специализацией. Вон та самочка с хохлом — эксклюзивный экземпляр, выдрессированный для работы с ценными бумагами. Стоит... ну, в прайс-листе все указано... А эти, в углу, приносят удачу автомобилистам. Уверяю вас, ни один владелец такой птицы ни разу не попал в аварию — даже те, что до этого бились каждую неделю. На автомобильных птичек у нас, кстати, скидки — до двадцати процентов, очень выгодное предложение. Есть птицы, приносящие удачу в личной жизни... понимаю, вас это не интересует, у вас и так все замечательно... Вы ведь здесь с семьей? В таком случае могу предложить совершенно новую разработку — Синяя птица, приносящая счастье в дом. Да-да, не лично вам, а именно в ваш дом. Согласитесь, это необычно, ведь счи-

тается, что Синяя птица воздействует только на своего владельца, к тому же эти удивительные существа весьма ревнивы и не выносят сосуществования с себе подобными, так что каждый человек может одновременно обладать только одной Синей птицей. Здесь же, благодаря революционной технологии дрессировки, ваша Синяя птица будет оказывать положительный эффект на всю вашу семью — по крайней мере, на тех ее членов, которые постоянно живут с ней под одной крышей. Это особенно важно, если у вас есть дети, а они, как я уже вижу, у вас есть! Милые девочки, вам нравятся эти птички? А вы знаете, что если папа и мама купят вам такую птичку, вы забудете о том, что такое простуда, не получите «двойку» за забытую дома тетрадь и наверняка поедете летом на море? Знаете или нет?

— Пич-ку! Хочу си-юю пич-ку!

— Ксюшенька, помолчи. Вы уверены, что эффект будет именно такой? Я имею в виду болезни и проблемы в школе?

— Ну, разумеется, не только это! Здоровье, успехи в учебе, спорте, симпатии одноклассников — это лишь малая толика того океана удачи, в котором будут купаться ваши очаровательные детишки... К тому же вероятность несчастных случаев снижается почти до нуля. Вам не нужно будет бояться за своих девочек, когда они будут гулять во дворе или останутся ночевать у подружки...

— Ой, мамочка, а можно, мы купим птичку и я пойду на день рождения к Алеське? Ведь с птичкой ты уже не будешь за меня волноваться?

— Дарья! Кому сказано, не лезь к взрослым! И сколько же стоит эта ваша птичка для детской?

— Вот прайс. Цены колеблются в зависимости от природных способностей каждой птицы. Могу посоветовать вам вот этот экземпляр, он недешев, но идеально подходит для маленьких девочек...

— Ни хрена ж себе недешев! Прости, дорогая...

— Разумеется, у вас всегда есть возможность выбрать птицу подешевле. Вот здесь указаны цены на птиц, спе-

циально выведенных для помощи в учебе или в общении со сверстниками. Как видите, они гораздо ниже...

— Нет уж, если покупать птицу, то такую, чтобы от нее толку было побольше! Ты согласен, милый? Что ты молчишь?

— Думаю. Если мы сейчас купим птичку с универсальной специализацией, то про новую машину можно будет забыть...

— Ничего, поездишь и на этой. Для тебя всегда железки были важнее детей!

— Солнышко, давай не будем выяснять наши проблемы при посторонних... Ладно, мы берем эту, которая идеально подходит. Дарья, не хватай птицу за хвост! Вы карточки «Виза» принимаете?..

Няня неплотно прикрыла балконную дверь, и порыв теплого летнего ветра распахнул ее. Сидевшая в клетке Синяя птица встрепенулась и принялась чистить себе перышки. Клетка стояла высоко на комод, взбираться на который детям строго-настрого запрещалось.

Но дети уже не проявляли к Синей птице прежнего интереса. Попугайчик и попугайчик, к тому же не говорящий. Дарья болтала по телефону с подружкой, а маленькая Ксюша сидела на полу, играя с куколками. Няня гремела на кухне кастрюлями — варила картофельный суп.

Распахнувшаяся балконная дверь заставила Ксюшу забыть о куклах. На балконе хранилось много интересных вещей, в том числе сложенные друг на друга колеса от папиной машины. Мама все время ругалась на папу, говорила, что колеса нужно отнести в гараж, но папа только отмахивался. Ксюше колеса очень нравились, по ним, как по лесенке, можно было взбираться до самого подоконника. А с подоконника было видно и узкую дорожку далеко внизу, и сновавших по ней крошечных человечков, и небо с облаками.

Ксюша бросила игрушки и подошла к двери. Ей запрещалось выходить на балкон одной, но сейчас никого из взрослых поблизости не было. Дашка хоть и не взрос-

лая, но та еще вредина, как вцепится в свой телефон, ничего вокруг не видит. Ксюша перелезла через высокий порог и очутилась на балконе.

Карбаться по колесам было несложно. Ксюша и сама не заметила, как уже стояла на подоконнике. Что за красота! Небо за окном было синим-синим, словно сидевшая на комодѣ птица... Правда, между Ксюшей и небом была еще и сетка — мелкая такая, почти незаметная, но очень противная. Это не Ксюша, это мама так говорит — противная сетка. Если бы не она, небо выглядело бы еще красивее, а так оно все будто черной ручкой расчерчено...

Ксюша изо всех сил толкнула пухлыми ручками противную сетку, отделявшую ее от неба, и та неожиданно легко поддалась.

Синяя птица склонила голову набок и посмотрела на возившегося на подоконнике ребенка. Моргнула раз, потом другой. Недовольно взъерошила перья. На застекленном балконе происходило что-то неправильное. Что-то совсем неправильное.

Легкая рама противомоскитной сетки, уже давно болтавшаяся на двух плохо закрученных болтах, выскочила из пазов и ухнула вниз с пятнадцатого этажа. Ксюшу шатнуло вслед за ней, она взмахнула ручками и, не успев даже пискнуть, вывалилась из окна.

Синяя птица закричала.

Голос у Синих птиц громкий, но противный. К счастью, кричат они редко. Тем сильнее эффект.

— Да замолчи ты, курица несчастная! — раздосадованно шикнула на Синюю птицу Даша и швырнула в клетку подушкой. Подушка пролетела мимо, птица продолжала орать. И как бы вторя ей, откуда-то со стороны балкона раздался истошный визг насмерть перепуганной Ксюши.

Прибежавшая из кухни няня едва не потеряла сознание от ужаса. Трехлетний ребенок висел за балконным окном, зацепившись лямкой комбинезона за торчавший из рамы болт, и орал от страха, молотя ручками и ножками по воздуху. Няня крепко ухватила Ксюшу обеими руками, с нечеловеческой силой дернула на себя, порвав

при этом лямку комбинезона, и втащила в комнату, где села на пол и горько расплакалась, к огромному удивлению ничего не понимающей Даши.

Наблюдавшая за всем этим с комода Синяя птица успокоилась и снова принялась прихорашиваться.

3

— Ну и что мне теперь делать? — тоскливо спросил Макс у телефонной трубки.

— Вешайся, — жизнерадостно посоветовала трубка. — Кончилась твоя «Транснефть», все, финиш. Я только сейчас оттуда, можно сказать, с места событий. Офис оцеплен, прокурорские уже в здании. Завтра ее акции будут стоить не дороже резаной бумаги.

— Мама дорогая, — застонал Макс, — я же неделю назад все в них вложил! Все, понимаешь? Дом на Кипре продал, квартиру на Кутузовском... У брокера с плечом один к десяти накопил этой «Транснефти». Меня же падение на эти десять процентов по миру пустит — продадут и деньги прикарманят... ведь обещали мне, что после контракта с англичанами «Транснефть» на сто пунктов взлетит...

— Сочувствую, — хмыкнул его собеседник. — Попробуй завтра с самого утра их слить, хотя, конечно, слухи быстро расходятся... Но, может, хоть что-то вернешь...

— Мне не нужно хоть что-то, — чужим, мертвым голосом сказал Макс. — Я ведь еще и в долги влез... Убьют меня, Шура...

В трубке помолчали.

— Тогда беги, — проговорил наконец Шура. — На билет-то деньги еще есть?

— Ага, — Макс зачем-то полез в бумажник. — На билет есть, хоть до самой Бразилии... Только что я там делать буду?..

— А то еще, — сказал Шура, — пойди да купи себе Синюю птицу. Знаешь, некоторым помогает. Не, че ты материшься, я ж серьезно!.. Я сам вон у нас в газете материал делал — «Синяя птица спасает ребенка»!..

Макс нажал отбой и прошел по мягкому ковру к зер-

кальному бару. Достал оттуда квадратную бутылку «Гленlivetа» и налил полный стакан. Выпил, не закусывая. Налил еще.

После третьего стакана он схватил мобильник и, путаясь в кнопках, набрал номер.

— Это салон «Блю Берд»? Да, мне нужна птица. Синяя. Да, блин, как синий-синий иней. Птица цвета ультрамарин, слышал такую песенку, братан? Зачем? Удача мне нужна позарез. Пруха, да. Дела идут хреново, братан, хреновей не бывает. С чем дела? А твое какое... а, специализация! Так бы сразу и говорил... Фондовая биржа, братан. Акции-шмакции, голубые фишки. Скоко? Скоко-скоко? Ты не ошибся, братан? Ладно, понял. Слышь, братан, а вы ценными бумагами там не принимаете? Не? Напрасно, напрасно... а то у меня тут их целый чемодан... погоди-ка, где-то тут у меня наличными что-то было... слышь, а поменьше птички нету? Ну, не такую дорогую... мне ведь не обязательно, чтобы всегда везло, мне хотя бы один раз, вот завтра повезет, и все... я б ее даже в аренду у вас взял. Нет? Не работаете так? Давай договоримся, братан, я тебе даю все, что у меня есть, честно, мне все равно уже эти деньги не пригодятся, если завтра... ну, короче, ты понял. А ты мне привозишь эту птаху на одни сутки. Если не поможет, забирай ее, и деньги забирай, и мы в расчете, все равно мне вешаться. А если выгорит, я покупаю ее у вас по полной стоимости, и тебе еще пять штук баксов на карман. Ну? Давай, братан, решайся, я ж ничего противозаконного тебе не предлагаю, ага? Перезвонишь? Ну давай, звони, пока я еще не надумал себе пулю в лобешник пустить. Адрес? Ну, записывай, братан, записывай, улица Рябиновая...

«Кто стоит за паникой на фондовой бирже?

Текст: Александр Козлов.

Сегодняшние торги на фондовой бирже начались лавинообразным падением акций крупнейшего сырьевого холдинга «Транснефть», головной офис которого вчера подвергся настоящей атаке со стороны Генеральной проку-

ратуры. Стоимость акций компании, считавшейся одной из наиболее перспективных на отечественном рынке и заключившей недавно договор о совместной эксплуатации месторождений Восточной Сибири с международным гигантом «Бритиш Петролеум», к часу дня упала до критического уровня. Игроки начали массированный сброс акций, в результате чего рынок ценных бумаг в буквальном смысле слова залихорадило. Когда цены упали на 15%, торги по бумаге были остановлены. В АДРах цены продолжали падать всю ночь, и к закрытию рынка в США цены по сравнению со вчерашним закрытием снизились на 75%. Тем большей неожиданностью для всех стало телеобращение Президента, последовавшее в девять утра следующего дня. В нем глава государства предостерег Генеральную прокуратуру от — цитирую — «немотивированных наездов» на отраслеобразующие сырьевые компании. «Не нужно раскачивать лодку, — предупредил Президент, — в которой все мы плывем». Сразу же после этого сотрудники силовых ведомств были выведены из офиса «Транснефти», и компания возобновила работу в обычном режиме. К обеду стоимость акций «Транснефти» взлетела на двадцать пунктов по сравнению со вчерашним днем и продолжала расти до самого закрытия торгов. Остается только догадываться, чей заказ выполняли сотрудники Генпрокуратуры, деятельность которой в последнее время все больше напоминает другой, гораздо более древний промысел...

— Шура, сукин сын, это Макс! Бросай все, приезжай ко мне! Как что делать? Пить будем, обмывать мою ненаглядную. Как кого? Птичку мою драгоценную, я ее знаешь как назвал? Фишка! Есть фишки голубые, а у меня синяя. Ты что, не понял, что вчера на бирже случилось? Нет? Это ж ты все сделал, точнее, я, точнее, птичка, которую я по твоему совету купил! Приезжай, борзописец хренов, а не приедешь, я за тобой сам прилечу, в голубом вертолете, блин! Я теперь хоть вертолет могу купить, хоть звездолет, ты понял?..

— Дела идут даже лучше, чем мы ожидали. — Лемберт отвернулся от монитора и подмигнул Андрею. — Знаете, кто покупает у нас больше всего птиц? Страховые компании. Пятнадцать тысяч особей только в последнем квартале. Если так пойдет и дальше, нам придется строить третью птицефабрику.

— Почему именно страховщики? — из вежливости спросил Андрей. Ему было скучно. Он пришел к Лемберту не для того, чтобы выслушивать отчет о развитии индустрии Синих птиц. Приближался сухой сезон, единственные три месяца в году, когда путешественник мог проникнуть во внутренние области Ила-Палау, и Андрею не хотелось терять зря время.

— Это же очевидно, — улыбнулся Лемберт. — Страховым компаниям выгодно, чтобы с их клиентами ничего не происходило. Некоторые включают Синих птиц в пакет предоставляемых услуг, другие — те, что похитрее, — подсылают к своим клиентам агентов, которые убеждают их купить Синюю птицу в ближайшем салоне «ББ». В результате выплаты страховых компаний по несчастным случаям сократились почти до нуля. Неудивительно, что они заказывают у нас все новых и новых птиц!

— Странная логика, — покачал головой Андрей. — Как только люди поймут, что Синие птицы действительно защищают их от ущерба, никакие страховые компании им уже не понадобятся.

Лемберт поцокал языком.

— Ну так они выдумают что-нибудь еще. В конце концов, это их проблемы. Главное, что продажи растут день ото дня. У вас светлая голова, Андрей! Кстати, я во многом отношу успех нашего предприятия на счет малышки Бонни. С тех пор как она со мной, дела идут все лучше и лучше. Представьте, мы даже ухитрились подзаработать на том жутком биржевом кризисе в прошлом месяце. А что нового у вас, в лаборатории? Как поживают наши фундаментальные исследования?

— Как раз об этом я и хотел с вами поговорить. Мне

нужно понаблюдать за поведением Синих птиц в дикой природе. Хочу разобраться в механизме... впрочем, это не важно. Одним словом, я собираюсь организовать новую экспедицию на Ила-Палау. Соответственно, мне потребуются деньги. Я составил смету...

— Дорогой мой, — прервал его Лемберт. — Денег я вам с удовольствием дам. Не нужно даже никакой сметы. Мы ведь с вами партнеры, разве не так? Вопрос в другом — что вам делать на этом клочке земли? Кого вы там хотите наблюдать?

— Синих птиц, — терпеливо повторил Андрей. — Небольшую популяцию, которая осталась на острове после того, как мы... одним словом, после того, как был запущен наш проект.

Лемберт вздохнул и опустил глаза.

— Но ведь там никого не осталось, Андрей. Совсем никого. Неужели вы всерьез полагали, будто я могу пойти на такой риск? Оставить даже горстку Синих птиц конкурентам? Вы знаете, какой интерес проявляют к нашей индустрии на Западе? А какие предложения делают нам японцы? Нет, дорогой мой, мы вывезли оттуда всех птиц. На Ила-Палау не осталось ничего достойного вашего внимания.

Минуту Андрей молчал, переваривая услышанное. В памяти мелькнула картина: он стоит на корме сухогруза «Блю Берд», увозящего в своем трюме две тысячи вольеров с Синими птицами, и смотрит на тающие в морском мареве очертания острова. Тогда на Ила-Палау оставалось еще около трехсот птиц — вполне достаточно для выживания популяции. Неужели Лемберт вывез их втайне от него?..

— Разумеется, я не собираюсь отговаривать вас от поездки, — продолжал Лемберт. — Более того, я и сам подумывал предложить вам возглавить небольшую экспедицию, но не на Ила-Палау, а на близлежащие острова. Кто знает, вдруг вам посчастливится обнаружить Синих птиц и там. В конце концов, маловероятно, что они сохранились только на одном острове, не правда ли?

— Да-да, — рассеянно согласился Андрей. — Это маловероятно.

Он ослабил галстук, который теперь завязывал настоящим кембриджским узлом, и pokrutil головой.

— Я думал, вы понимаете, почему мы пускаем на продажу только самцов, — ухмыльнулся Лемберт. — Самочки есть только у меня и у вас, дорогой мой. Не в наших интересах допустить утечку биоматериала. То, что происходит на рынке сейчас, — всего лишь прелюдия к безжалостным схваткам, которые начнутся в самом скором времени. Мы должны быть готовы ко всему — от промышленного шпионажа до давления со стороны властей...

— На вашем месте я не стал бы беспокоиться на этот счет, — устало сказал Андрей. — У нас есть колоссальное преимущество перед всеми нашими противниками.

Лемберт озадаченно уставился на него.

— А, вы имеете в виду Синих птиц! — рассмеялся он после минутного замешательства. — Но ведь Синие птицы продаются совершенно свободно, и никто не может запретить нашим врагам воспользоваться их чудесными способностями...

— Об этом я как-то не подумал, — пробормотал Андрей. — Противостояние двух невероятно удачливых противников... пожалуй, тут есть над чем поразмыслить...

— Вот и прекрасно. — Лемберт подошел к нему и крепко пожал руку. — Поразмышляете об этом по дороге в Новую Гвинею. Когда вы планируете выехать?..

5

Телеканал «Культура»

Программа «Инженеры человеческих душ»

С писателем Ардалионом Заречным беседует журналист Александр Козлов.

— *Ардалион Степанович, известность пришла к вам после выхода в свет романа «Мертвые глаза бессмертия», общий тираж которого к настоящему моменту составил более полумиллиона экземпляров. От души поздравляю вас с этим успехом!*

— Спасибо, спасибо.

— *Однако, насколько я знаю, это уже шестой ваш роман. Я не ошибся?*

— Не ошиблись, не ошиблись.

— *Шестой роман... а предыдущие пять выходили тиражом от трех до семи тысяч экземпляров, и славы вам, в общем-то, не снискали. Надеюсь, я вас не обидел?*

— Не обидели, не обидели. Путь к славе, знаете, долог, долог и тернист. Пер аспера, как говорили древние, пер аспера ад астра, значит. Ад астра — это по-нашему «к звездам». К звездам, значит, пер аспера. Ну, это вы и сами должны понимать, что такое.

— *Через тернии — к звездам, вот так звучит эта актуальная и в наше время пословица в переводе на русский язык. Чем же вы объясните тот шквал популярности и народной любви, который настиг вас именно после шестого романа?*

— Чего здесь объяснять-то? Работать, работать надо! Не лениться, значит, и тогда все будет, и любовь, и, как говорится, тиражи. Я вот не ленился, работал, писал одновременно по два-три романа — и добился, добился, так сказать, успеха. И вообще, я вам так скажу, Александр — как умному человеку, как, что называется, коллеге по перу, — писать, Саша, надо лучше! И все у вас сразу будет!

— *А вот злые языки поговаривают, что успехом своего романа вы обязаны не столько художественному мастерству, сколько пресловутой Синей птице, которую приобрели на прошлое Рождество в салоне «ББ» на Тверской. Представляете, Аргалион Степанович, нашлись свидетели, видевшие вас, бредущего с клеткой под мышкой по направлению к метро «Пушкинская». А пожелавшая остаться неизвестной девушка-секретарь из одного крупного издательства заявила, что незадолго до рождественских каникул видела на столе у редактора рукопись вашего романа «Мертвые глаза бессмертия» с пометкой: «ЧУДОВИЩНО». Что вы скажете в ответ на эти, с позволения сказать, высосанные из пальца обвинения?*

— А почему я что-то должен на них отвечать? Я что, в суде, на скамье, понимаете, подсудимых? Молоть-то язы-

ком всякий может, а ты попробуй, попробуй написать такой роман, чтобы он полумиллионным тиражом разошелся! Птицу действительно покупал. Только не Синюю, а обыкновенного попугая. Голубоватой окраски. У меня с детства попугайчики жили, волнистые там, пятнистые, всякие. И хватит об этом, надоело мне уже про эту птицу рассказывать. Десятое интервью все только про птицу да про птицу! Вы вот лучше девушкой той поинтересуйтесь, поинтересуйтесь, пожелавшей, значит, остаться. Вот пойдите в издательство и спросите — а где, мол, эта неизвестная девушка? Нету уже ее там, как будто и не было никогда. Потому что нечего трепаться о том, чего не знаешь! Там у моего романа первое название было — «Чудовищно мертвые глаза бессмертия», а потом редактор предложил, значит, в коммерческих целях его подсократить. А кобыла эта безмозглая, ну, в смысле девушка, пожелавшая, она, не разобравшись, и ляпнула. За что и была уволена, как говорится, с волчьим билетом. Вот, Саша, и вся история.

— Благодарю вас за откровенные и исчерпывающие ответы, Ардалион Степанович. Больших вам творческих успехов и, конечно, больших тиражей!

6

Дневник Андрея Царегородцева

15 октября, Торресов пролив

Спутниковая тарелка, установленная на «Виктории», ловит сто пятьдесят каналов, так что информационный голод мне не грозит. Мы болтаемся в здешних водах уже второй месяц, время течет медленно, как патока, а в Большом Мире события, похоже, развиваются с головокружительной скоростью. Кажется, Лемберт был прав, говоря о том, что мы стоим на пороге перемен. Мои птички окончательно перестали быть игрушкой скучающих богачей и превратились в неперменный атрибут типичного представителя миддл-класса. Пиарщики «ББ» стараются на славу. Счастливые обладатели Синих птиц

каждое воскресенье рассказывают по телевизору о том, какие невероятно удачные случаи с ними происходят. Каскадеры выпадают из горящих вертолетов и приземляются в бассейны с шампанским. Домохозяйки выигрывают огромные призы в лотерею. Вся страна помешалась на Синих птицах. Когда пять лет назад я затевал этот проект, даже представить себе не мог, что так все получится. Главное, я совершенно не понимаю, откуда Лемберт берет такое безумное количество птиц. Клонировал он их, что ли? Мне всегда казалась смешной та секретность, которой Лемберт окружил коммерческую сторону нашего предприятия, но до недавнего времени меня это совсем не волновало. Работа в лаборатории отнимала все мое время. И только здесь, в тропических морях, я наконец задумался над тем, что скрывал от меня Лемберт. И почему так охотно согласился отпустить меня в эту экспедицию... Да что там — согласился! Своими руками выпихнул меня подальше от Москвы, от Синих птиц... Как хорошо, что моя Принцесса, моя первая и единственная Синяя птица по-прежнему со мной! Вот ее Лемберт не хотел отпустить! Пугал меня какими-то тайными агентами, которые пойдут на все, чтобы заполучить самочку Синей птицы... Зачем каким-то шпионам возиться с моей Принцессой, когда на птицефермах «ББ» тысячи таких самочек? Или Лемберт настолько уверен в своей службе безопасности?

25 октября. На траверзе острова Киваи

Я как в воду смотрел. Сегодня увидел в передаче BBC из Москвы бледного, осунувшегося Лемберта. Пытался доказать журналистам, что никакого ограбления на птицеферме «ББ» под Звенигородом не было. Ехидная девчонка-репортер спросила его, повторит ли он это утверждение после того, как где-нибудь в Китае или на Каймановых островах начнут разводить своих Синих птиц. Лемберт не ответил и позорно бежал к своему лимузину. На майке у девчонки-репортера была изображена Синяя птица, больше похожая на ощипанную курицу.

2 ноября. Остров Киваи

Поиски гнездовой Синих птиц пока не дали результатов. До начала сезона дождей остаются считанные дни, а число островов, на которых теоретически могут находиться малые гнездовья, и не думает сокращаться. Если бы от моих так называемых помощников, навязанных мне Лембертом, была хоть какая-нибудь польза! Но они, кажется, приставлены ко мне совсем с другими целями. Особенно мне не нравится Ольгерд, этот молчаливый гигант с глазами убийцы. Но и другие хороши. Никто из них, разумеется, понятия не имеет о биологии, зато каждый превосходно владеет оружием. Впрочем, я все равно их не боюсь. Ведь у меня есть моя Принцесса.

10 ноября. Остров Кауриру

Лемберт вышел со мной на связь и пытался уговорить вернуться. Зачем-то я ему стал очень нужен — подозреваю, что все дело в краже Синих птиц с фермы. Ответил ему в том смысле, что не собираюсь возвращаться с пустыми руками. Он вышел из себя, начал кричать и топать ногами. Под конец обвинил меня в том, что я подсунул ему некондиционную птицу — очевидно, имея в виду Бонни. Мол, настоящая Синяя птица уберегла бы его компанию от тех неприятностей, которые... Тут он спохватился, что наговорил лишнего, и резко замолчал. Я вежливо попрощался.

Начинается сезон дождей.

13 ноября. Остров Кауриру

Какая-то подозрительная компания «Лаки Берд», зарегистрированная на Багамах, объявила о предварительном размещении заявок на так называемых «Блю Рашен Пэрротс». Первые птицы должны появиться в продаже не раньше чем через год. Цены совершенно запредельные. Представляю, как бесится Лемберт.

Тот же день, позже

Ольгерд явился ко мне в каюту и заявил, что мы идем во Владивосток. Выражение лица у него было такое, что я предпочел не спорить. Просто сказал, что мне потребуется еще двое суток для того, чтобы завершить полевые исследования. В результате договорились, что «Виктория» задержится на Каириру еще на сутки. Когда он ушел, я запер дверь и сел на койку, обхватив голову руками. Ненавижу, когда на меня давят.

Почувствовав мое настроение, Принцесса слетела со своего насеста и удобно устроилась у меня на плече. Мне сразу стало спокойнее.

17 ноября, остров Каириру

Я сбежал. Удрал от Ольгерда и его головорезов. Унес с собой клетку с Принцессой. Без нее мне ни за что не удалось бы проскользнуть мимо моих так называемых помощников. Все они были вооружены и по очереди дежурили на палубе, не сводя глаз с моей каюты. Но на моей стороне была удача, и я обманул их.

Сейчас они рыщут по острову, мобилизовав в помощь себе все местные полицейские силы — комиссара и двух сержантов. Остров не так чтобы велик, но человеку, привыкшему к джунглям, затеряться здесь совсем несложно. К тому же местные полицейские ищут меня весьма своеобразно — уходят в ближайшую рощу и устраивают там пикник. Иногда я наблюдаю за ними в бинокль.

Думаю, скоро Ольгерд и его компания будут вынуждены вернуться домой. Начинает дуть северо-западный муссон, и стоящую в бухте «Викторию» болтает на волнах, как щепку. У меня складывается впечатление, что Лемберту действительно перестает везти!

1 декабря, остров Каириру

«Виктория», как я и предполагал, ушла обратно в Россию. Дожди выгнали меня из моего убежища, и я вынужден был спуститься в селение. Комиссар полиции — добродушный стосемидесятикилограммовый папуас — от ду-

ши хохотал, слушая мои рассказы о жизни в джунглях. Кажется, мы подружились.

Жалею ли я о том, что остался на острове? Ведь за последние пять лет я добился на родине всего, о чем мечтал, — получил в полное распоряжение лабораторию с неограниченным бюджетом, солидный банковский счет, собственный загородный дом... А сейчас сижу в покосившемся бунгало, по окнам которого хлещут струи тропического ливня, пью дешевый голландский ром и чувствую себя совершенно счастливым...

Может, это из-за моей Принцессы? Кажется, ей здесь нравится больше, чем в Москве...

Единственное, чего мне здесь не хватает, — это спутниковой тарелки. Единственное средство связи на острове — допотопное радио, ловящее передачи из Порт Маресби, да и то с пятого на десятое. Что ж, проживу некоторое время Робинзоном, пережду здесь те самые «безжалостные схватки», о которых предупреждал меня смешной человек Лемберт...

7

Неприятности начались, как вообще им свойственно, неожиданно.

И начались они вовсе не с похищения с подмосковной фермы двух дюжин самочек Синей птицы. Как раз с этим-то похищением Лемберт разобрался быстро. Подключил лучших в Западном полушарии адвокатов, Интерпол — и без особого труда съел всю компанию «Лаки Берд» с потрохами. Описывавшие имущество компании приставы все же недосчитались нескольких птиц, поэтому Лемберт решил упредить события и выйти на международный уровень. Офисы компании «ББ-интернешнл» открывались по всему миру. Дело ширилось и процветало, Бонни исправно приносила своему хозяину удачу. Сидевшие на тщательно засекреченной гормональной диете самки-производительницы неслись каждый месяц, полностью истощая свой биологический ресурс уже к пяти годам, но спецы из лаборатории исчезнувшего Царе-

городцева утверждали, что в ближайшее время сумеют продлить этот срок до семи-восьми лет. Специальности зоопсихолога и ветеринара твердо держались в десятке самых престижных профессий. Разброс цен на Синих птиц по-прежнему был очень широк и подвержен сезонным колебаниям, но экземпляры, выбракованные дрессировщиками, были доступны даже относительно небогатым людям. Над салонами ББ красовался лозунг, по слухам, позаимствованный пиарщиками компании у кого-то из классиков прошлого: «СЧАСТЬЕ ДЛЯ ВСЕХ, И ПУСТЬ НИКТО НЕ УЙДЕТ ОБИЖЕННЫМ!» Злопыхатели утверждали, что в оригинале у классиков фигурировало еще слово «ДАРОМ», но их, разумеется, никто не слушал. В бульварной прессе Лемберта окрестили Продавцом Счастья.

А потом начался чемпионат мира по футболу, и вместе с ним пришли неприятности.

Уже на встречах в одной восьмой финала ни одна из команд так и не смогла открыть счет в течение основных 90 минут. Назначенные дополнительные пятиминутки неизменно заканчивались со счетом 0:0, что не давало судьям возможность применить правило «Золотого гола». Единственным исключением стал беспрецедентный проигрыш команды Румынии, закончившей матч с Парагваем со счетом 0:12. После матча неизвестными был жестоко избит некий Раду Дуда, официально приехавший на чемпионат в качестве массажиста румынской сборной. Полицейское расследование показало, однако, что Дуда вовсе не массажист, а врач ветеринарной клиники в Ти-мишоаре. Журналистам же удалось разнюхать, что между собой румынские спортсмены ругали Дуду за то, что он, по их выражению, «загубил птичку».

В ходе разгоревшегося скандала выяснилось, что каждая сборная привезла с собой на чемпионат свою Синюю птицу в качестве талисмана команды. ФИФА приняла решение о том, что десятикилометровая зона вокруг стадионов, на которых проводятся матчи чемпионата, объявляется запретной для Синих птиц. На этом инцидент с

чемпионатом мира вроде бы себя исчерпал, хотя требование румын о пересмотре результатов их игры с парагвайцами так и осталось неудовлетворенным.

Следующими почуяли беду страховые компании. Как и предполагал Царегородцев, люди, ставшие обладателями Синих птиц, перестали покупать страховые полисы. Вначале доля этих отказников была невелика, но по мере того, как число птиц росло, росли и убытки страховых компаний. Компании выкручивались, как могли: лоббировали законы об обязательном страховании и даже пытались страховать самих Синих птиц. Но время шло, и становилось ясно, что в мире, где всем сопутствует удача, страховой бизнес просто не нужен. Крупные страховщики, бывшие некогда самыми ценными клиентами Лемберта, в одночасье превратились в его врагов.

Но самый тяжелый удар пришелся по фондовому рынку. Пока Синих птиц покупали только самые эксцентричные биржевые игроки, рынок держался, несмотря на необычайно резкие перепады котировок. А потом, в один прекрасный момент, в игре остались только обладатели Синих птиц — остальные просто не выдержали конкуренции. И рынок медленно сполз в состояние комы.

Схема биржевой игры не так уж сложна. У одних игроков прибыль зависит от падения котировок, у других — от роста. Кому-то везет, а кому-то нет. Однако если все игроки одинаково удачливы — курс акций будет стоять, не шевелясь.

Через какое-то время акции просто перестали продавать и покупать. На рынке остались только стратегические инвесторы, державшиеся до последнего, как солдаты на батарее Раевского. Последовало еще несколько судорожных рывков на длинных позициях — у кого-то из инвесторов не выдерживали нервы, и он начинал безудержно скупать все подряд — но это была уже агония.

Рынок впал в кому, а вместе с ним оказалась парализованной вся экономика страны, тесно завязанная на биржевую игру. Ряд сырьевых корпораций потребовал от правительства принять закон об уголовной ответственности

за использование Синих птиц биржевыми брокерами. Закон был принят и немедленно отменен Конституционным судом, расценившим его как грубое вмешательство в личную жизнь граждан. Недоброжелатели объясняли такой шаг интригами Лемберта, но на этот раз могущественный Продавец Счастья был ни при чем — ведь и Восточноевропейская Инвестиционная, и даже сама ББ тоже пострадали из-за охватившего фондовый рынок оцепенения.

А потом умерла Бонни.

8

— Что с ней такое? Почему она лежит на боку и держит лапками? Где врач, черт побери? Где этот шарлатан? Немедленно вызовите его сюда! Быстро! Иначе я всех увольняю к чертовой матери! Вы что, не видите, ей плохо!

— Господин Лемберт, успокойтесь, прошу вас... выпейте воды, примите таблетку...

— Да идите вы со своей таблеткой! Где врач? Сделайте же хоть что-нибудь, идиоты! За что я плачу вам такие деньги? Моя птичка, моя Бонни умирает, а они стоят, как истуканы!

— А вот и врач, врач уже здесь, теперь все будет хорошо... Возьмите таблеточку...

— Что случилось, господин Лемберт?

— Это вы мне скажите, что случилось! Смотрите, что с моей Бонни! У нее из клювика пена идет... Она ножками вот так сучит! Ей больно, спасите ее, доктор!

— Погодите-погодите... дайте-ка я посмотрю... кажется, она подавилась... ей давали нешлифованные зерна? Нет? Странно... что ж, будем делать резекцию гортани.

— Сделайте, доктор, сделайте, иначе я сделаю что-нибудь с вами!

— Ну-ну, успокойтесь, господин Лемберт, не нужно мне угрожать... Лучше освободите помещение от посторонних. Мне понадобится ассистент. Ничего особенного, просто держать инструменты. Вот этот, здоровый, подойдет. Остальных попрошу выйти. И вас, господин Лемберт, тоже. Подождите в коридоре...

— ... к сожалению, мы потеряли ее. Нет, она ничем не подавилась. У вашей Бонни был ураганный отек легких, смерть наступила почти наверняка из-за него. Она не простужалась? Ее не выносили на сквозняки? В таком случае позвольте мне провести исследование трупики. Да, возможно, она была отравлена. Да, это можно проверить. Я сразу же сообщу вам, господин Лемберт.

— Бонни... моя Бонни... моя Птица Удачи... как же я теперь без тебя...

9

Пожилой человек с очень загорелым лицом спрыгнул с велосипеда у крашенных серебристой краской металлических ворот. Прислонил велосипед к кирпичному забору и нажал кнопку переговорного устройства.

Вокруг было очень тихо, только едва слышно поскрипывали сосны в вышине.

— Слушаю, — раздалось из динамика. — Говорите.

— Добрый день, — вежливо поздоровался загорелый. Слова он выговаривал с каким-то странным, певучим акцентом. — Я хотел бы поговорить с господином Лембертом.

— Господин Лемберт никого не принимает. Всего хорошего.

— Подождите, — торопливо проговорил загорелый. — Меня зовут Андрей Царегородцев, передайте, пожалуйста, господину Лемберту, что я вернулся...

Минуту динамик молчал. Потом что-то щелкнуло, и створки ворот начали медленно разъезжаться в стороны. Андрей ухватил велосипед за рога и завел его во двор.

Дом Лемберта ему не понравился. Он был очень массивный, приземистый, похожий больше на какое-то оборонительное сооружение. Впрочем, насколько он успел заметить, такой стиль архитектуры пользовался в России большой популярностью.

Встретивший Андрея у крыльца охранник быстро охлопал его широкими ладонями по бокам, но, разумеется,

ничего не нашел. Ткнул похожим на гвоздь пальцем в деревянную коробку, привязанную к багажнику велосипеда.

— Что это?

— Подарок для господина Лемберта, — ответил Андрей. — Вы хотите, чтобы я его открыл?

— Откройте.

Андрей повиновался. В коробке, выложенной красным бархатом, лежал изогнутый кусок дерева, испещренный причудливыми знаками.

— Можете закрывать, — равнодушно сказал охранник. — Проходите.

«Так всегда, — подумал Андрей. — Совершенное оружие редко выглядит грозным. Если бы я хотел убить Лемберта, мне бы никто не смог помешать...»

Но он не хотел убивать Лемберта. Лемберт сидел в инвалидном кресле, очень старый, с трясущейся лысой головой. С первого же взгляда было ясно, что жизнь обошлась с этим человеком жестоко.

— Вы почти не изменились, Царегородцев, — проскрежетал Лемберт. — Тропики пошли вам на пользу. А я, как видите, стал развалиной.

— Я привез вам подарок, — сказал Андрей. Он шагнул к старику и положил ему на колени деревянную коробку. — Его сделал на моих глазах вождь по имени Па-лоа. Надеюсь, он вам понравится.

Узловатые, искалеченные артритом пальцы Лемберта откинули крышку. Некоторое время старик молча рассматривал подарок, потом засмеялся.

— Бумеранг, да? Остроумно, остроумно... Впрочем, вы всегда были неглупым человеком, Царегородцев. Вы один догадались, что смутные времена лучше пересидеть в спокойном месте...

Андрей покачал головой.

— Поначалу я и не думал прятаться. Просто захотелось побыть одному, подальше от всей этой суеты. Когда же я узнал о том, что здесь у вас творится, то передумал возвращаться...

— Но вернулись же, — заметил Лемберт. — Да, в об-

щем-то, и правильно сделали. Сейчас здесь уже спокойно. Жизнь понемногу налаживается. Даже меня уже почти перестали тревожить, а ведь еще лет пять назад от желающих расправиться с Продавцом Счастья отбоя не было...

— Но почему? Чем вы им так всем помешали?

Старик тяжело вздохнул.

— Сумасшествие, Царегородцев, это было настоящее сумасшествие. Все началось с того, что мою Бонни отравил этот подонок парикмахер... он дважды в месяц подстригал ей коготки и подравнивал перья. Кто-то — я так и не узнал кто — заплатил ему большие деньги за то, чтобы он уколол ее отравленной иглой. Когда Бонни умерла, я почувствовал, что мир вокруг рушится. Я так привязался к ней, так привык полагаться на удачу, которую она приносила... Одним словом, это стало началом конца. Рынок в то время уже почти умер... дела вроде бы шли неплохо, но никакого удовлетворения не приносили. Ну как можно получать удовольствие от бизнеса, если вокруг везет абсолютно всем? Впрочем, когда Бонни не стало, для меня это везение, разумеется, закончилось. А вместе с ним закончилась и славная история компании «Блю Берд»...

Он закашлялся и замолчал, уставившись стеклянным взглядом куда-то за спину Андрею.

— Как раз к этому времени относятся первые Птичьи погромы. Толпы бедняков, люмпенов, просто озлобленных неудачников, которым не хватало денег, чтобы купить Синюю птицу, разграбили и сожгли две наши птицефермы. Погибло больше половины самочек, производство птиц резко сократилось, а цены, разумеется, взлетели еще выше... Мне не раз предлагали взять новую Синюю птицу, но я не смог переступить через себя. Все равно такой удачи, какую дарила мне Бонни, не принесла бы ни одна другая птица на свете...

Андрей вспомнил первую встречу Бонни и Лемберта много лет назад и едва заметно улыбнулся.

— Я продал свою долю в компании и уехал из страны, — продолжал старик. — Но и там творилось то же самое безумие. Синих птиц обвиняли во всех бедах ми-

ра — от стагнации мировой экономики до кризиса в литературе. Вы слышали о самоубийстве писателя Заречно-го? Его романы выходили миллионными тиражами... до тех пор, пока Синими птицами не обзавелись остальные писатели. Книжный рынок захлебнулся потоком бестселлеров, люди просто перестали покупать книги... Тогда Заречный свернул своей Синей птице шею, а потом повесился на шнуре от компьютера. И он был только первой жертвой этого ужасного времени... Синих птиц и их хозяев начали отлавливать и убивать повсюду. Счастливы, птицы которых специализировались на личной безопасности, продержались дольше других, но, как только погибли их птицы, они становились такими же беззащитными, как и обычные люди. Появилась новая профессия — птицебой. Так назывались киллеры-виртуозы, которые убивали вначале Синюю птицу, а затем и ее хозяина. Понимаете, Царегородцев, людей истребляли только за то, что они были удачливее остальных! Удачливее толпы...

Последнее слово Лемберт произнес с явным отвращением.

— Казалось, на землю вернулись Темные века. Самое удивительное заключалось в том, что с истреблением птиц не пыталась бороться даже полиция! Впрочем, что ж тут удивляться — ведь на одного полицейского, владевшего Синей птицей, приходился десяток тех, у кого таких птиц не было... Естественно, их симпатии были на стороне толпы... Не прошло и двух лет, как «удача» стала бранным словом в большинстве цивилизованных стран, а те, кто сохранил своих Синих птиц, невзирая на всю свою везучесть, превратились в изгоев и подонков общества! Черт бы меня побрал, Царегородцев, если я понимаю, почему так произошло!

— Я думал об этом, — признался Андрей. — Там, на островах, у меня было достаточно времени. По-моему, все дело в том, что мы пытались сделать счастливыми слишком многих. Это как пытаться натянуть простыню на футбольное поле — все равно ничего не получится. Тех, кому не везет, в жизни всегда будет намного больше, чем

счастливи́чиков, — это, видимо, какой-то фундаментальный закон природы...

— На эту тему написаны уже сотни исследований, — перебил его старик. — Особенно популярной была теория «благословенного хаоса», утверждавшая, что Синяя птица является неким артефактом, побуждающим все протекающие поблизости от нее процессы распределяться только в сторону благоприятного исхода. Тогда большинство процессов неизбежно становятся детерминированными, и система — то бишь наш мир — постепенно перестает развиваться. Согласно этой теории, уничтожение Синих птиц — дело безусловно благое, поскольку отвечает глобальным интересам человечества. Иными словами, человечеству позарез необходимы неудачники, а счастливи́чки должны вечно оставаться крохотным меньшинством...

— И тогда их всех истребили, — горько сказал Андрей. — Я читал об этом. Кажется, последнюю Синюю птицу торжественно сожгли на костре года три назад...

— Зато экономика снова на подъеме, — ухмыльнулся Лемберт. — Жизнь понемногу входит в прежнюю колею... Да и нравы заметно смягчились — видите, мне даже позволили вернуться на родину.

Он задумчиво повертел в руках бумеранг.

— Вы привезли мне хороший подарок, Царегородцев. Удача — тоже своего рода бумеранг. Если зазеваешься, она поразит тебя самого...

— Просто он очень красивый, — сказал Андрей. — А больше там ничего подходящего не было.

Лемберт внимательно поглядел на него.

— Кстати, — спросил он, понизив голос. — А что случилось с вашей Принцессой? Вы бы не прошли таможенный контроль...

— Я ее выпустил, — ответил Андрей и печально улыбнулся, вспомнив, как Принцесса, жалобно крича, описывала круги у него над головой. — Мне все-таки удалось обнаружить на одном из островов маленькую колонию Си-

них птиц, и я отвез ее туда. Она не хотела покидать меня, но я сумел ее убедить...

Минуту Лемберт молчал, сжимая в руке бумеранг, потом поднял голову и посмотрел на Андрея прозрачными старческими глазами.

— Уходите, — произнес он твердо. — Уходите и никому больше об этом не рассказывайте.

— До свидания, — сказал Андрей.

Он вышел во двор и забрал у охранника свой велосипед. Выкатил его за ворота, легко вскочил в седло и, не торопясь, поехал вдоль по тихой улице дачного поселка.

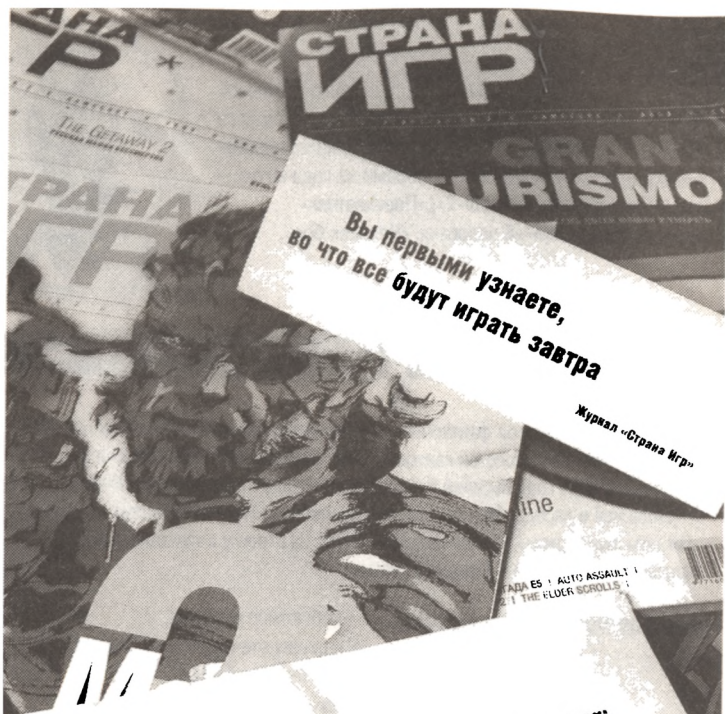
С ветки сосны за ним внимательно наблюдала сойка, синяя-синяя, будто зацепившийся за дерево кусочек неба.

СОДЕРЖАНИЕ

ЕВГЕНИЙ ПРОШКИН	
Пересадка	5
ЕВГЕНИЙ ГАРКУШЕВ	
Жизнелюбы	29
ВАСИЛИЙ ГОЛОВАЧЕВ	
Соло на оборванной струне	49
АНДРЕЙ ДАШКОВ	
Последние дни	75
СЕРГЕЙ ГЕРАСИМОВ	
Кулинар	93
АЛЕКСАНДР ГРОМОВ	
Всем поровну	107
БОРИС РУДЕНКО	
Лиман	135
ВАДИМ ПАНОВ	
Круг любителей покушать	160
АЛЕКСАНДР СИВИНСКИХ	
У всякой зверушки	192
ВАСИЛИЙ МИДЯНИН	
Глобальное Телевидение	205
ЕВГЕНИЙ БЕНИЛОВ	
На море и на суше	225
АНДРЕЙ БУДАРОВ	
Здравствуй, Дедушка Мороз!.. . . .	248
ГЕННАДИЙ ПРАШКЕВИЧ	
Подкидывай ады	260
ЕВГЕНИЙ ГАРКУШЕВ	
Жук	356

СЕРГЕЙ ТУМАНОВ	
Тупой	366
ИГОРЬ АЛИМОВ	
Не там проснулся	382
ЮРИЙ НЕСТЕРЕНКО	
Уплотнение	391
СЕРГЕЙ ГЕРАСИМОВ	
Ползущий Медленно	407
ОЛЕГ ОВЧИННИКОВ	
Ротапринт	422
ДМИТРИЙ КАЗАКОВ	
Последний путь	443
ВАДИМ ПРОСКУРИН	
Люди, черви и боги	450
АЛЕКСАНДРА САШНЕВА	
Ложись!..	472
КИРИЛЛ БЕНЕДИКТОВ	
Птица цвета ультрамарин	508

Вы первыми узнаете,
во что все будут играть завтра

Журнал «Страна Игр»

Лучшие игры на самых разнообразных платформах:
PC, PlayStation 2, Xbox, GameCube.
Мы поможем вам разобраться в этом
круговороте и сделать правильный выбор

Саша

Имя, известное каждому ценителю отличной российской фантастики. Автор более чем тридцати романов, которые переиздаются миллионными тиражами и становятся бестселлерами из года в год, — таких романов, как «Смерш-2», «Перехватчик», «Посланник», «Черный человек», «Человек боя».

Василий Головачев —

маэтр российской фантастики, лауреат престижных литературных премий «Роскон», «Аэлита», «Золотой кадуцей», член Союзов писателей России и Украины. В 2005 году Василий Васильевич открыл в Книге рекордов России (окрещенной в народе «русской книгой рекордов Гиннеса») новую страницу — «Гиганты фантастики», вписав свое имя в первую строчку в качестве самого продуктивного писателя-фантаста России.

Книги автора выходят в сериях — «Абсолютное оружие»,
«Шедевры отечественной фантастики»,
«Гиганты фантастики»,
«Отцы-основатели»

Новые романы в серии «Абсолютное оружие» 2005 года:

«ВОЗВРАЩЕНИЕ ДЖИННА», «СМЕРЧ»

Переиздания уже ставших классикой произведений в сериях:

«Шедевры отечественной фантастики» «Отклонение к совершенству»,
«Заповедник смерти»

«Отцы-основатели» «Вторжение в реальность», «Правила боя»,
«Сказания о Веере миров», «Гасители солнц»

«Гиганты фантастики» «Хроники реликта»

Составленные Головачевым сборники произведений лучших авторов:

«Серебряный век фантастики», «Золотой век фантастики»

**Общий тираж книг Головачева на настоящий момент
превысил 15 миллионов экземпляров.**

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА
2006

Необычное может подстергать человека не только в глубинах космоса, не только в туманном будущем, не только в параллельных вселенных, но и за любым углом в родном городе. Вашими гидами по иным мирам, в которых не действуют обычные законы, готовы стать современные писатели, формирующие пространство русскоязычной фантастической литературы, – те, чьи произведения вошли в очередной выпуск ежегодной антологии «Русская фантастика».

